ЛЕГЕНДЫ ОСВОЕННОГО КОСМОСА

МИР-КОЛЬЦО

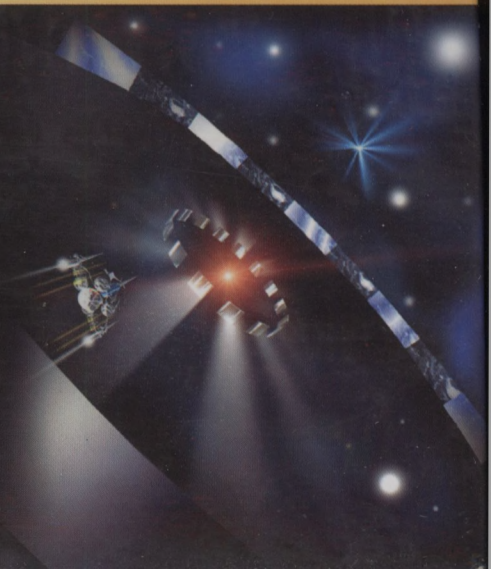
ЛАРРИ НИВЕН

ЛЕГЕНДЫ ОСВОЕННОГО КОСМОСА

МИР-КОЛЬЦО

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЛАРРИ НИВЕН



ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

LARRY

NIVEN

TALES OF KNOWN SPACE

RINGWORLD

ЛАРРИ

НИВЕН

ЛЕГЕНДЫ ОСВОЕННОГО КОСМОСА

МИР-КОЛЬЦО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (7США)
Н60

Серия основана в 1999 году

Larry Niven
TALES OF KNOWN SPACE
1975
RINGWORLD
1970

Перевод с английского

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа художника Л. Ройо, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Ralph M. Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 19.07.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4004.

Нивен Л.

Н60 Легенды Освоенного Космоса. Мир-Кольцо: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Л. Нивен. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 718, [2] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-009887-1

Это — Освоенный Космос Ларри Нивена.

История далекого будущего, прописанная до мельчайших деталей.

История далеких планет, населенных миллиардами землян и представителей самых невероятных инопланетных рас — кзинов и кукольников, кдатлино и триноков. Однако истинная «жемчужина» Освоенного Космоса — это Мир-Кольцо.

Самый уникальный артефакт за всю историю мировой НФ — и, по словам Ларри Нивена, «самое удивительное произведение инженерного искусства со времен «Божественной комедии» Данте».

Искусственно созданный вокруг далекого солнца «обруч» — толщиной в десятки метров, шириной — в миллионы километров и диаметром — в миллиард. «Обруч», внутренняя сторона которого способна вмёстить триллионы обитателей. «Обруч», который вновь и вновь становится «ареной» для войн, экспансий и невероятных, увлекательных приключений.

Добро пожаловать в Освоенный Космос Ларри Нивена!

ББК 84 (7США)

© Larry Niven, 1975, 1970
© ООО «Издательство АСТ», 2001

ЛЕГЕНДЫ ОСВОЕННОГО КОСМОСА

ХРОНОЛОГИЯ ОСВОЕННОГО КОСМОСА

1975

«Самое холодное место»
«Штиль в аду»
«Дождусь»
«Глаз осьминога»

События:

Возникновение банков органов.
Начало исследования планет Солнечной системы.
Принятие первых законов о трансплантации органов.

2000

«Как умирают на Марсе» (2040)
«Человек-мозаика» (2099)

События:

Колонизация Пояса Астероидов.
Третья экспедиция на Марс.
Пояс добивается независимости.
Начинаются запуски межзвездных автоматических станций.
ООН начинает сотрудничество с Поясом.
Начинается запуск первых кораблей с колонистами.

2100

«Мир Пттаввов» (2106)
«В безвыходном положении»
«Шутки в сторону»
«Смерть от экстаза»
«Беззащитный мертвец»
«АРМ»
«Взрослые» («Защитник» т. 1)
«Вуаль анархии» (2135)

События

Обнаружен в ходе раскопок и оживлен первый представитель инопланетной расы.
Обостряется проблема банков органов. Расцвет черного рынка органов для трансплантации. Введение смертной казни за торговлю органами.
В Солнечную систему прибывает пак — Фсстпок.
Золотой век на Земле.
Увеличивается количество колонизированных планет.

2300

«Вандервекен» («Защитник» т. 2) (2340)
«Воители» (2360)

События:

Полная колонизация Солнечной системы.
Война с паками.
Первый контакт с кзинами.
Первая война с кзинами.

2400

«Дар с Земли» (2410)
«Этика безумия» (2425)

События:
Революция на колонизированной планете Лукитзет.
У галактических торговцев приобретен первый гиперпривод.
Окончание первой войны с кзинами.

2500

События:
Последующие войны с кзинами.
Договоры с кукольниками и другими галактическими расами, часть которых входит в состав империи кзинов.

2600

«Нейтронная звезда» (2640)
«Реликт Империи»
«В глубине души»
«Брюхошлеп»
«Калека»
«Грендел»
«На окраине Системы»
«Древнее оружие»

События:
Кукольники разрабатывают гиперпривод «Квантум II».
Выясняются причины взрыва ядра галактики.
Начало исхода кукольников и вызванный этим кризис межзвездной торговли.
Первый контакт с грогами.
Рождение Луиса Гридли Ву.
Начало проведения лотерей на право завести ребенка.

2700

События:

Космическая экспансия.

Объединение.

Широкое использование гиперприводов, постепенно вытесняющих ядерные двигатели.

2800

«Когда наступает прилив» (2830)

«Мир-Кольцо» (2850)

События:

Первый контакт с триноксами.

Первый разведочный полет на Мир-Кольцо.

Окончательное исчезновение кукольников.

2900–3000–3100

«Безопасно при любой скорости»

События:

Продолжение галактической экспансии человечества.

Освоенный Космос превращается в Тысячу Миров.

Долгожительство серьезно осложняет жизнь общества.

ВВЕДЕНИЕ: МОЯ ВСЕЛЕННАЯ — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЕЕ!*

Двенадцать лет назад я начал писать. Одиннадцать лет назад — продавать написанное мною. И одновременно с этим я начал работать над историей будущего — историей Освоеннного Космоса.

Временные рамки серии простерлись на тысячу лет вперед, привлекая данные прошлого. Действие большинства рассказов разворачивается либо в Обычном Космосе (колонизированные людьми миры и пространство между ними, шестьдесят световых лет — время Луиса Ву) или в Освоенном Космосе (гораздо больший пространственный и временной объем — 200 световых лет в направлении галактического севера и 33 000 световых лет к ядру галактики,— исследованный кораблями, построенными людьми, но контролируемый другими расами). Серия включает четыре повести: «Мир Птаввов», «Защитник», «Дар с Земли», «Мир-Кольцо», плюс рассказы, вошедшие в сборник «Нейтронная звезда», плюс книга, которую вы сейчас держите в руках, плюс еще одна, опубликованная в феврале 1976 года под названием «Длинная Рука Джила Хамильтона».

---

* Introduction: My Universe and Welcome to It! — *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

Истории о будущем имеют тенденцию быть хаотичными. Они вырастают на общей базе, из индивидуальных историй с общими допущениями, но каждая история должна — чтобы не обманывать читателей — быть самодостаточной. История будущего, представленная в серии Освоенного Космоса, хаотична, как любая реальная история. Разнообразие стилей, которое нельзя не отметить, обусловлено тем, что мое писательское мастерство развивалось на протяжении одиннадцати лет реального времени.

Рассказы и повести, помещенные здесь, расположены в хронологическом порядке. Я включил между ними вспомогательные записи с намерением объяснить, что происходило между и вокруг отдельных рассказов и повестей, в регионе, маленьком по галактическим масштабам, но громадном по человеческим.

Я размышлял над включением «Самого холодного места» и «Глаза осьминога», объективно оценивая их как не самые совершенные. Более того, первая устарела еще до того, как была опубликована. Но эти два рассказа вплетены в ткань серии, поэтому я их оставил.

Вы можете почувствовать, как меняется Марс на страницах моей книги. И это верное ощущение. «Глаз осьминога» был написан до полета «Маринера». Фотографии кратеров («Маринер-IV») послужили толчком для рассказа «Как умирают на Марсе». А появившаяся позднее статья в «Аналоге» сопровождалась новыми видами планеты, и это способствовало созданию «В безвыходном положении». Если космические зонды продолжат менять наши представления об обликах планет, что остается делать, как не писать новые рассказы? Правда, у меня был большой соблазн переделать некоторые из старых, неудачных рассказов. Но как я мог узнать, где остановиться? Вы бы читали модернизованные истории, а факты все равно продолжали меняться. С моей точки зрения, это не то, что вам надо. Надеюсь, я прав.

Повествование об Освоенном Космосе охватывает пять эпох.

Первая — это эпоха Лукаса Гарнера и Джила «Руки» Гамильтона: 2106–2125. Межпланетная цивилизация ослабила свои связи с Землей, и начинает жить по собственным законам. Изучаются и заселяются другие звездные системы. Проблема банка органов достигла своего апогея в жизни земного общества. Существование нечеловеческих разумов до назойливости ясно, и Человечество должно с этим смириться.

Центр следующей эпохи приходится примерно на 2340 год. В Солнечной системе это период мира и процветания. Существование в колониальных мирах, таких как Плато, более чем изменчиво. На краю Солнечной системы существо, которое было Джеком Бреннаном, ведет одинокую войну. Эпоха мира начинается со скрытого вторжения Бреннана-чудовища («Защитник») и заканчивается контактом с империей Кзинов.

Период, следующий за войнами людей и кзинов, покрывает часть двадцать шестого столетия. Это время беззаботного туризма и межрасовой торговли, в котором человечество не правит и им не правят.

Последний период напоминает предыдущий — мало что изменилось за двести лет, по крайней мере внешне, за исключением двигателей и союза миров, к нему присоединились новые расы. Но есть одна фундаментальная веха — ген Тилы Браун («Мир-Кольцо») активно распространяют среди людей.

Отмеченная выше фундаментальная перемена в человеческой природе делает жизнь не интересной для писателя. Период, следующий за «Миром-Кольцо», может быть и приятен для жизни, но беден событиями. Только одна история выжила из этого периода: «Безопасно при любой скорости». Это что-то вроде рекламы — но подобных ей не будет.

Есть нечто в истории будущего, и Освоенного Космоса в частности, что по-настоящему увлекает читате-

лей. Они разрабатывают подробные карты, хронологические таблицы или программируют свои компьютеры для расчетов близких орбит вокруг точечных масс. Они посылают мне всевозможные карты, динамические анализы Мира-Кольцо и советы по решению проблемы Грог. Спасибо тем, кто хочет подобным образом развлечь меня.

Спасибо и Тиму Кайгеру за его помощь в составлении Библиографии, и Спайку Макфи и Джерри Бойаджайну за их помощь с хронологией. Они оказали мне неоценимую услугу.

Ларри Нивен,
Лос-Анджелес, Калифорния,
я нварь 1975

САМОЕ ХОЛОДНОЕ МЕСТО*

«Ну же, вперед, искатель приключений,— сам-то хоть знаешь, зачем ты сюда притащился!» — так я преодолевал желание оставаться ближе к кораблю. Ведь неуклюже-громоздкая груда остывающего металла хранила в себе тепло Земли! Мне так будет не хватать этого тепла здесь, в самом холодном месте Солнечной системы.

— Видишь что-нибудь? — поинтересовался у меня в наушниках голос Эрика.

— Разумеется, нет. Тут слишком жарко — из-за корабля. Помнишь, как они бросились врассыпную от зонда?

— Да. Хочешь, чтобы я тебя за руку держал или уговорами занимался? Ступай!

Я вздохнул и сделал несколько шагов, тяжелый коллектор подпрыгивал у меня за плечами.

Во время приземления вокруг корабля образовался неглубокий кратер из почти мгновенно превратившегося в лед газа, и теперь я карабкался по его скользкому склону. Шипы на ботинках не давали мне упасть.

---

* The Coldest Place © 1964 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

Наконец подъем закончился, и теперь вокруг вздымались утесы — огромные массы замерзшего газа с гладкими округлыми краями. Они отливали мягкой белизной там, где свет от моего нашлемного прожектора касался их. Все остальное было пугающе-черным, как вечность. Яркие звезды сияли над плавными очертаниями утесов, но этот свет был недосягаем для черной поверхности. Я несколько раз оглядывался, не желая расставаться с привычным силуэтом корабля, но он становился все меньше и темнее, пока не исчез из виду.

Предполагалось, что здесь есть жизнь, но и только. Два года назад зонд «Посланника-6» приземлился где-то поблизости отсюда, и на Землю были переданы кадры с изображением поверхности планеты. Какие-то черные загогулины извивались на снегу, на границе света и тени. Должен сказать, столь четкое изображение получается крайне редко. Естественно, некоторые мудрецы предположили, что это были всего лишь... дефекты съемки!

Мне лучше знать. Это была жизнь. Что-то огромное, ненавидящее свет.

— Эрик, ты здесь?

— А куда ж я денусь? — насмешливо ответил он.

— Послушай,— сказал я,— если я буду следить за каждым словом, которое произношу, то скоро замолчу навсегда.

Все равно я был бестактен. Эрик попал в аварию, очень серьезную. И теперь он никуда не сможет уйти, потому что он — это корабль, или корабль — это Эрик — выберите сами, что вам больше нравится.

— Ладно, проехали,— миролюбиво произнес мой приятель.— Кстати, у тебя большая утечка тепла из скафандра?

— Очень маленькая.— И действительно, замерзший воздух даже не таял под моими подошвами.

— Наверное, для *них* и этого более чем достаточно... или они, должно быть, боятся света твоего прожектора.

Эрик знал, что я ничего не вижу. Ему было проще, потому что он смотрел через объектив на моем шлеме.

— Ладно. Поднимусь выше, вот на эту гору, и отключу ненадолго свет.

Я повернул голову, чтобы Эрик смог увидеть упомянутый мною холм, и затем запрыгнул на него. Совсем несложное физическое упражнение — можно прыгнуть практически так же высоко, как на Луне, не боясь, что какой-нибудь острый камень повредит скафандр: вокруг был лишь слежавшийся снег.

Достигнув вершины холма, я выключил свет — и мир исчез. Мое воображение снова разыгралось, населяя окружавшую меня темноту чудовищами, которые протягивали ко мне жадные щупальца... Почему-то темнота и этот холод рождают самые отвратительные и страшные образы. Неужели нельзя представить себе более дружелюбных существ?

Я надавил кнопку на своем шлеме, и во рту оказался черенок трубки. Потрясающие теперь делают скафандры! Обновитель воздуха сдувал с моего подбородка выдохнутый воздух и дым. Я курил и ждал, дрожа от осознания холода, пока наконец не понял, что потею. Скафандр был, пожалуй, даже слишком хорошо изолирован.

Над горизонтом взошла наша секция с ионной тягой — блестящая звезда, которая катилась по небу слишком быстро и исчезла, войдя в тень планеты. Шло время; запас табака в трубке выгорел.

— Попробуй свет,— сказал Эрик.

Я включил прожектор — и вокруг мгновенно возникла волшебная зимняя страна. Медленно поворачиваясь кругом, я пристально вглядывался в сказочно-белый, оживший под лучом света пейзаж... и увидел!

Даже на таком близком расстоянии это походило на тень. А еще — на плоскую, чудовищно большую амебу... или на лужицу нефти. *Оно* текло вверх по склону, пытаясь сбежать от резкого света прожектора.

— Коллектор! — скомандовал Эрик.

Я поднял коллектор над головой и нацелил его, как телескоп, на убегающую загадку, чтобы Эрик мог найти ее объективом. Коллектор прыгнул вверх и в сторону, плюнув огнем в оба конца. Теперь его контролировал Эрик.

Через секунду-другую я спросил:

— Мне возвращаться?

— Конечно же, нет! Оставайся там, где стоишь. Я же не могу принести коллектор на корабль. Тебе придется подождать и забрать его с собой.

Лужица-тень скользнула через край холма. Пламя, вырывавшееся из дюз коллектора, преследовало ее, взлетая все выше. Коллектор, уменьшаясь в размерах, скрылся за гребнем. Через секунду я услышал бормотанье Эрика:

— ...Готово!

Яркое пламя снова появилось, его скорость стремительно росла. Изгибаясь, оно направлялось ко мне, и когда коллектор опустился передо мной на две горизонтальные дюзы, я поднял его за «хвост» и понес на корабль.

— Да ты не беспокойся,— по голосу приятеля чувствовалось, что он доволен.— Я только отделю ложечкой кусочек от его бока, если можно так выразиться.

Осторожно неся в руке коллектор, я поднялся по посадочной опоре к воздушному шлюзу. Эрик совсем недолго изображал дотошного привратника. Наконец-то можно стянуть с себя заиндевелый скафандр в благословенном искусственном свете бортового дня!

— Неси в лабораторию и не вздумай трогать его!

Все-таки Эрик иногда сильно действует на нервы.

— У меня мозги есть,— прорычал я.— Пусть даже ты их и не видишь.

Наступила звенящая тишина, пока мы оба пытались придумать извинения. Эрика осенило первым.

— Прости.

— И ты меня.

Едва я оказался в лаборатории, как Эрик принялся руководить:

— Клади контейнер вот сюда. Нет, не закрывай. Поворачивай, пока вот эти линии не совпадут с линиями на коллекторе. Хорошо. Подвинь чуть-чуть. А теперь затвори дверь... Дальше я сам. Иди выпей кофе.

— Лучше проверю твое оборудование.

— Идет. Смажь мои протезы.

— «Протезы»? Здорово. Жаль, что не я сам это придумал.

Я нажал на кнопку «Кофе», чтобы он уже был готов к моему приходу, и открыл дверь в передней стенке кабины. Эрик очень похож на электрическую сеть, за исключением его мозга — серой массы в сосуде в верхней части отсека. Во всех направлениях от позвоночника, также помещенного в сложной формы сосуд из стекла и мягкой пластмассы, нервы Эрика протянулись повсюду и управляют кораблем. Что касается приборов, с помощью которых можно управлять моим приятелем,— правда, к этому делу он относится очень болезненно,— то они размещены по бокам сосуда. Насос ритмически качает кровь, семьдесят ударов в минуту...

— Как я выгляжу? — поинтересовался Эрик.

— Превосходно. Напрашиваешься на комплимент?

— Придурок! Я еще жив?

— Приборы считают, что да. Но я лучше немного понижу температуру твоей жидкости.— С тех пор как мы приземлились, я держал температуру достаточно высокой.— Все остальное в норме... кстати, пищи в резервуаре маловато.

— Ничего, до конца экспедиции я протяну.

— Эрик! Кофе готов.

Единственная вещь, которая меня всегда беспокоила, это его «потроха». Они слишком сложные, поэтому их очень просто повредить. А если он умрет, участь приятеля придется разделить и мне, потому что Эрик — это корабль. Если же в ящик сыграю я — Эрику грозит смерть из-за потери рассудка: он не сможет спать, если некому будет проверять его «протезы».

Я почти допил кофе, когда услышал:

— Эй!

— Что случилось? — Я был готов бежать в любом направлении.

— Это всего лишь гелий!

В голосе Эрика явно чувствовалось удивление и возмущение.

— Я его расшифровал, Хоуи. Это гелий-два. Вот каковы наши монстры. Чушь собачья!

Гелий-два — супержидкость, текущая в гору. Дважды чушь!

— Эрик, проверь на примеси.

— На что?

— На примеси. Мое тело — окись водорода плюс куча всяких примесей. Если имеются примеси достаточно сложного состава, то это организм.

— Разумеется, тут уйма других веществ,— ответил Эрик,— но я не могу их проанализировать достаточно точно. Ладно, придется везти эту гадость на Землю, пока наши холодильники смогут хранить ее замороженной.

— Стартуем сейчас?

— Думаю, да. Можно воспользоваться другим образцом, но с таким же успехом ждать здесь, пока испортится этот.

— Ладно, тогда я пристегиваюсь. Эрик!

— Что?

— Отправление через пятнадцать минут — ждем ионно-двигательную секцию. Можешь готовиться.

И все же я не мог не поделиться своими мыслями с приятелем.

— Эрик, надеюсь, что он все-таки не живой. По мне, гелий-два должен вести себя так, как полагается гелию-два — и не более того.

— Почему? Не хочешь стать знаменитым?

— Отчего бы нет? Но меня, скажу честно, пугает сама мысль о том, что здесь есть жизнь. Она слишком чужеродна, слишком холодна. Эта тень, амеба... словом, кто угодно — кочует, перебирается на ночную сторону перед появлением предрассветного полумесяца... Хотя ты прав, тут не может быть холоднее, чем где-либо между звезд.

— К счастью, у меня недостаточно воображения, по сравнению с тобой.

Через пятнадцать минут мы стартовали. Под нами была кромешная темнота, и только Эрик, подключенный к радару, мог видеть, как ледяной купол становится все меньше, пока от него не осталась только большая многослойная ледяная шапка, которая покрывала самое холодное место в Солнечной системе.

ШТИЛЬ В АДУ*

Хотя в кабине было освежающе прохладно, как в каком-нибудь офисе в разгар лета, я всей шкурой ощущал страшный жар, царивший за пределами корабля. Этого жара с лихвой хватило бы, чтобы мгновенно превратить свинец в булькающую жидкость.

— Смотри-ка, вон опять рыба плывет,— заметил я, уставившись на маленький иллюминатор, словно оклеенный снаружи черной бумагой — такая за ним была темнота.

— Какая на этот раз? — заинтересованно отозвался Эрик.— Жареная или копченая?

— Трудно сказать, она проплыла слишком быстро. Может, камбала, может, лосось, но, скорее всего, ставрида. Да, думаю, ставрида... Запеченная под томатным соусом. Представляешь?

— Послушай, тебе обязательно нужно то и дело упражнять свою фантазию?

— Обязательно. Единственный способ не свихнуться, бултыхаясь день за днем в этом... этом... Пюре? Смоге? Кипящем сиропе?

— Испепеляющем черном штиле.

---

* Becalmed In Hell © 1965 Mercury Press.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

— Точно! Эрик, я и не знал, что ты поэт! Как тебе удалось завернуть такую меткую фразу?

— Услышал ее давным-давно, когда пришло сообщение от зонда «Маринер-II». Я был тогда мальчишкой и глотал известия из космоса так же жадно, как фруктовое мороженое. Кое-что могу процитировать хоть сейчас: «Бесконечный испепеляющий черный штиль, раскаленный, как печь для обжига,— его никогда не нарушит дуновение даже легкого ветерка»...

Я вздрогнул.

— Интересно, какая сейчас снаружи температура?

— Лучше тебе не знать, мистер Почемучка. С твоим богатым воображением...

— Ничего, я постараюсь держать себя в руках, док.

— Шестьсот двадцать градусов.

— Шестьсот два... Док, беру свое обещание назад!

Я всегда обожал горячих красоток, но Венера, любимица стародавних писателей-фантастов, была для меня чересчур горяча! Наш корабль висел над ней на высоте двадцати миль, завязнув в раскаленном воздухе, как муха в кленовом сиропе. Бак с водородным топливом, теперь почти пустой, должен удерживать нас в подвешенном состоянии до тех пор, пока давление внутри него будет уравновешивать внешнее. Эрику полагалось регулировать давление в баке, управляя температурой газообразного водорода; к тому же через каждые десять минут мы брали пробы воздуха и регистрировали его температуру. Данные время от времени менялись, но пока не принесли ничего сенсационного.

Похоже, наш рейс подтвердит с десяток официальных версий о Венере как самой горячей планете в Солнечной системе, но славы нам не принесет.

— Температура только что поднялась до шестисот тридцати,— злорадно возвестил Эрик.— Ты уже пришел в себя?

— Кажется, да.

— Отлично, тогда пристегнись — и отчалим. Позволь поздравить тебя с успешным завершением работы.

— Взаимно. Это были незабываемые дни, наполненные приключениями и героическими свершениями. Будет о чем рассказать лет через пятьдесят внукам! — Я вздохнул, потянулся и начал распутывать паутину ремней над своим креслом.

— Не знаю, как там насчет героических свершений, Крис, но свою программу мы добросовестно выполнили. Может, в другом рейсе по части острых ощущений повезет больше. Что до внуков, если ты когда-нибудь их заведешь, с твоим воображением у тебя не будет недостатка в байках о космических приключениях... Пристегнулся?

— Ага.

Я чувствовал себя виноватым. Мы с Эриком могли болтать о чем угодно, но двух тем: женщины и дети — по молчаливому обоюдному согласию избегали. Тяжело обсуждать то, чего ты навеки лишен. Но сейчас мои мозги чересчур были заняты дьявольской жарой, царящей снаружи, и я невольно брякнул лишнее.

Впрочем, чувствовалось, что Эрику самому не хочется отсюда уходить. Пусть у него никогда не будет внуков, которых он мог бы развлекать байками о космических приключениях, но мы потратили четыре месяца, добираясь до Венеры, потом неделю вращались вокруг нее, а последние два дня запекались в верхних слоях ее атмосферы — и что имеем в итоге? Набор стандартных данных из учебника астрофизики!

— Ладно, старина, поехали,— проворчал я.— Мы и вправду сделали, что могли!

Но он почему-то медлил.

— Эрик, ну? В чем дело?

— Лучше тебе этого не знать.

Он не шутил. Голос его звучал не по-человечески размеренно и монотонно — значит, Эрик не прилагал

никакого усилия, чтобы придать интонацию звукам из своего голосового аппарата. Я никогда еще не слышал, чтобы мой напарник так говорил!

— Выкладывай, в чем дело! — потребовал я.— Даже самое худшее.

— Ладно. Я совсем не чувствую турбореактивных двигателей. Мне как будто сделали анестезию позвоночного столба.

Словно большой снежный ком ухнул мне в желудок!

— Проверь, не сможешь ли ты послать двигательные импульсы как-нибудь по-другому,— я старался говорить предельно спокойно, и оттого мой голос прозвучал так же механически-безжизненно, как голос Эрика.— Испытай двигатели наугад!

— Но я же их не...

— Знаю, что ты их не чувствуешь, но ты же помнишь, как ими управлять! Вот и попробуй это сделать!

— Хорошо.

Несколько секунд он молчал, потом заговорил снова:

— Ничего не выходит, Крис. Я пробовал два раза, но ни хрена не получилось!

«Ни хрена» — это было уже лучше. Хотя Эрик все еще говорил пугающе ровно, в его формулировки уже просочились эмоции. Слава Богу, он начал приходить в себя!

Зато мне становилось все паршивее. Съежившись в кресле, я пытался собраться с мыслями, но все мои мысли разбежались, как испуганные овцы. А пастух из меня никудышный.

— Что ж, рад был познакомиться с тобой, Эрик,— в конце концов со вздохом произнес я.— У нас был прекрасный экипаж, ты оказался прекрасным товарищем...

— Оставь свои нежности на потом! Лучше проверь меня... Давай-давай, пошевеливайся!

Я никак не прокомментировал это бесцеремонное требование, потому что голос моего приятеля наконец-то стал прежним. Покорно оставив кресло, я направился по мягко покачивавшемуся полу к дверке в передней стене кабины.

За этой квадратной дверкой четырех футов в поперечнике находился Эрик. Его центральная нервная система, с головным мозгом наверху и спинным, свернутым для компактности в спираль, была помещена в прозрачный контейнер из особого пластика. Сотни проволочек вели изо всех отсеков корабля к его нервам, разбегавшимся от центральной нервной спирали и жировой защитной мембраны.

В космосе нет места калекам. Примите это к сведению и не вздумайте назвать так Эрика — мы оба этого не любим. Нет, мой приятель вовсе не никчемный инвалид, а идеальный космонавт — куда более идеальный, чем, скажем, ваш покорный слуга. Его система жизнеобеспечения весит вдвое меньше моей, к тому же занимает в двенадцать раз меньше места. Зато остальные его «протезы» составляют большую часть корабля. Например, турбодвигатели подсоединяются к той паре нервных стволов, что когда-то управляли движением его ног, и десятки тонких нервов в этих стволах ощущают и регулируют топливное питание, температуру двигателей, дифференциальное ускорение, ширину всасывающего отверстия, ритм вспышек... То есть, ощущали и регулировали раньше, пока что-то там не разладилось.

И все же я не смог найти повреждение в нервных связях, хотя и проверил их четырьмя разными способами.

— Проверь остальные,— попросил Эрик.

Деваться было некуда, и я провернул эту дьявольскую работенку, угробив на нее два с лишним часа. Абсолютно все нервные связи оказались целыми. Насос усердно работал, жидкость, заменяющая моему при-

ятелю кровь, была достаточно обогащена, значит, турбонервы никак не могли «заснуть» от недостатка питания или кислорода. Цепляясь за последнюю надежду, мы с Эриком проанализировали его «кровь», и заключение нашей экспертизы было самым ужасным. С Эриком все было в полном порядке... Во всяком случае, с той его частью, которая находилась *внутри* кабины.

— Прими мои поздравления, старина! — слегка дрожащим голосом проговорил я.— Ты здоровей меня.

— Согласен, коллега. А что это у вас с голосом? Чем-то обеспокоены, мистер Почемучка?

— Слегка. Боюсь, мне придется выйти наружу.

— Тогда ты должен прыгать от радости, Крис. Вот оно — героическое свершение, о котором столько мечталось!

— Всегда подозревал, что в глубине души ты меня ненавидишь! Успокойся! Я ищу скафандр.

Скафандр отыскался в шкафчике с аварийными инструментами, а мог бы лежать в еще более дальнем закутке, потому что его вовсе не предполагалось использовать. Наши «ангелы-хранители» из НАСА не разрешали посадку, пока не будут досконально исследованы дальние подступы к планете. Еще хорошо, что кто-то настоял, чтобы подобная амуниция все-таки входила в нашу экипировку.

Я однажды видел, как эту громоздкую штуковину испытывали в боксе с высоким давлением и температурой — и знал, что сочленения металлопластового скафандра теряют подвижность через пять часов, обретая ее вновь после остывания материала. Предполагалось, что больше пяти часов человек все равно не выдержит в той плавильной печи, которая называлась венерианской атмосферой.

— Эрик, как ты? — с идиотской надеждой окликнул я.— По-прежнему не чувствуешь двигателей?

— Абсолютно. Говорю тебе, это похоже на местную анестезию.

— Что ж, в этом есть и плюсы — по крайней мере, не испытываешь боли, верно? Сейчас мы на высоте двадцати миль... Надеюсь, мне не придется исполнять на корпусе акробатические трюки в этих средневековых доспехах?

— Конечно, нет! Даже не думай об этом! Ничего не поделаешь — придется спуститься.

— Я боялся, что ты это скажешь.

Предполагалось, что когда настанет время отлета, Эрик подогреет водород в нашем топливном баке, увеличив таким образом давление, а потом откроет клапан, выпустит излишек газа — и корабль, зависший на расстоянии двадцати километров над поверхностью планеты, начнет подниматься. Конечно, моему напарнику пришлось бы очень внимательно следить за давлением в баке, чтобы туда не ворвался венерианский воздух — иначе корабль рухнет на Венеру. Такого трагического финала нельзя было допустить. Пусть мы не сделали в этом рейсе никаких сенсационных открытий, потеря Эрика Донована и Кристиана Ламберта стала бы невосполнимой для всего мыслящего человечества.

Эрик снова подал голос на полпути к поверхности Венеры:

— Знаешь, Крис, тут есть одна загвоздка...

— Всего одна? Ты меня радуешь.

— Понимаешь, наш корабль рассчитан на давление на высоте двадцати миль. Но там, внизу, оно будет в шесть раз выше...

— Да, теперь мы точно привезем на Землю сенсационный материал. Чур, Нобелевку — пополам!

— Договорились.

Дальше мы опускались в молчании; температура снаружи быстро росла, еще быстрее поднималось давление. Время от времени я проводил замеры — главным образом для того, чтобы отвлечься от мыслей о том, когда же наконец треснут иллюминаторы.

Эрик опять заговорил:

— Бак в порядке, и корабль, по-моему, тоже. Интересно, выдержит ли кабина?

— Меня самого это интересует.

— Осталась всего половина пути.

В пятистах милях над нашими головами, недостижимый, словно Луна, висел атомный ионный двигатель, призванный доставить нас домой. Но на одной химической ракете нам до него не добраться. Ракета предназначалась для использования после того, как воздух станет слишком разреженным для турбин.

— Осталось четыре мили,— возвестил Эрик.— Я снова открою клапан...

И почти сразу:

— Вижу землю!

Я пока ничего не видел, и мой напарник предупредил:

— Не надрывайся. Я-то пользуюсь инфракрасным, и то не могу разглядеть деталей. Лучше считай своих рыб...

— Не будь эгоистом, скажи, что там! — потребовал я.— Нет ли внизу испаряющих миазмы болот с жуткими кровожадными чудовищами и растениями-людоедами?

— Должен тебя огорчить, но это похоже на грязную лужу. Пристегнись!

Я так и сделал и вскоре почувствовал толчок. Корабль содрогнулся, ударился о землю... Еще раз, и еще! Мои зубы стучали, ремни впивались в тело, и мне уже не хотелось ни сенсаций, ни приключений, ни славы первого человека, ступившего на поверхность Венеры... Я жаждал лишь одного — выбраться из этой дьявольской свистопляски живым и по возможности невредимым!

— Черт,— пробормотал Эрик.

Сверху донеслось леденящее душу шипение... А затем наступили блаженные тишина и покой. Я осторожно открыл зажмуренные глаза и с удивлением убедился, что на иллюминаторе нет ни единой трещины.

За ним кипела какая-то непонятная муть, словно мы сели на дно озера, подняв тучи ила.

— Поздравляю с первой в истории космонавтики посадкой на поверхность Венеры! — произнес я и, отстегнув ремни, выбрался из кресла.

— Спасибо,— озабоченно отозвался Эрик.— Теперь стоит подумать, как вернуться.

— Ладно, ты пока думай, а я пойду — делать первые исторические шаги по Планете Любви!

— Удачи, дружище,— рассеянно напутствовал он.

Эрик явно уже успел погрузиться в размышления над проблемой возвращения. Этот парень иногда просто бесит меня своим рационализмом! Первая посадка на Венеру — а ему хоть бы хны!

В обиженном молчании я влез в скафандр, и, когда уже подковылял к шлюзу, мой напарник негромко проговорил:

— Смотри, не оставайся снаружи слишком долго!

Я помахал рукой в сторону его кабинки и неуклюже ввалился в шлюз.

И как эти бедняги, средневековые рыцари, умудрялись передвигаться в шестидесятикилограммовых доспехах? Впрочем, на старушке Земле, где несколько веков царила мода на всякие там латы и доспехи, никогда не бывало слишком жарко. А здесь наружная температура приближалась к семистам тридцати, и я уже заранее обливался потом.

Дверь открылась; охлаждающий узел моего скафандра издал жалобный писк. Включив головной фонарь, пробуравивший светлый тоннель в мутном мраке, я шагнул на правое крыло.

Пока мой скафандр потрескивал и ужимался под действием высокого давления, я стоял на крыле, привыкая к мысли, что вокруг — *Венера*. Почему-то эта мысль никак не укладывалась в голове: наверное, потому, что вокруг почти ничего не было видно. Луч нашлемного фонаря проникал не дальше, чем на три-

дцать футов. Воздух не может быть таким непрозрачным, независимо от плотности; он, наверное, полон пыли или крошечных капелек какой-то жидкости.

Наконец я прикрепил к крылу линь и соскользнул на землю. Вот они, первые шаги по поверхности другой планеты — по сухой красноватой грязи, пористой, словно губка. Лава, изъеденная кислотами? При таком давлении и температуре коррозии подвержено все что угодно. Будь на мне более легкий костюмчик, я, наверное, еще долго бродил бы возле корабля, пытаясь увидеть как можно больше, но помимо дикой жары на меня давили шестьдесят килограммов скафандра... Поэтому я взял в нескольких местах пробы почвы и вскарабкался по линю обратно на крыло.

Оно было ужасно скользким — несмотря на магнитные подошвы. Если бы рыцарям, облаченным в доспехи, нужно было сражаться помимо сарацин еще и с собственными магнитными подошвами — черта с два они отвоевали бы гроб господень! Я исчерпал весь свой богатый запас ругательств, пока произвел поверхностный осмотр корабля.

Ни крыло, ни фюзеляж не носили признаков повреждения. Значит, вовсе не шальной метеорит перебил контакты Эрика с его чувствительными окончаниями. К тому времени, как проверка панелей была закончена, я проникся страстным сочувствием к цыплятам гриль и почти убедился в правильности своего диагноза. На каждом крыле находилось по четыре проверочные панели: одна — на фюзеляже, две — в хвостовой части стабилизатора, а четвертая — на самой турбине. Все они держались на утопленных в корпус болтах и выходили на узлы электрической системы корабля. Размыкая, а затем вновь соединяя контакты в панелях и интересуясь реакциями Эрика, я установил, что его чувствительность прекращалась где-то между второй и третьей контрольными панелями. Примерно так же дело обстояло с левым крылом.

Убедившись в своей правоте, я еще минут десять торчал снаружи, обливаясь потом и размышляя, как рассказать обо всем напарнику.

— Поговорить по душам? — удивленно переспросил Эрик.— А ты уверен, что сейчас подходящее для этого время? Может, лучше поболтаем по дороге домой?

— Нет, этот разговор не терпит отлагательства. Скажи, ты не заметил чего-нибудь в свой телеглаз? Чего-нибудь такого, что ускользнуло от меня?

— Нет. Иначе я дал бы тебе знать.

— Отлично. А теперь слушай. Поломка в твоих цепях не внутренняя, ведь ты чувствуешь все до второй контрольной панели. Она и не наружная, потому что нет никаких свидетельств повреждения. Значит, неисправность может быть только в одном месте...

— Так-так.

Эрик, видно, заподозрил неладное — его голос опять зазвучал раздражающе монотонно. Но отступать было некуда. Я облизнул губы и продолжал:

— Подумай сам — почему у тебя парализовало обе турбины? Как они могли сломаться одновременно? А теперь вспомни, что на корабле есть только одно место, где их цепи соединяются.

— Да. Они соединяются через мой мозг. Значит, ты думаешь, что неисправная деталь — это я?

Черт! Я даже не предполагал, что разговор получится *настолько* трудным.

— Ты вовсе не механическая деталь, Эрик. Если с тобой что-то неладно, значит, дело или в медицине, или в психологии. Но по медицинской части мы все проверили, значит...

— Значит, крыша поехала...— медленно проговорил Эрик.— Приятно хотя бы то, что тебя считают человеком.

— Полагаю, здесь типичная «курковая» анестезия. Ну же, ведь ты сам когда-то слушал курс прикладной

психологии и должен помнить все не хуже меня! Солдат, которому слишком часто приходилось убивать, внезапно может обнаружить, что он больше не чувствует правого указательного пальца или даже всей ладони. Разве это не твой случай?

— Так-так.

— Конечно, я не считаю тебя машиной, Эрик, но сейчас важнее то, что ты сам не считаешь себя ею...

— Так-так.

— Перестань «так-такать» и выслушай до конца! Признайся, ведь ты никогда по-настоящему не верил, что каждая часть нашего корабля — часть тебя самого? Это и справедливо, и разумно. Каждый раз, когда корабль модернизируют, ты получаешь новый набор частей — и хорошо, что не думаешь об изменении модели, как о серии ампутаций...

Я несколько раз отрепетировал эту речь про себя, но теперь мне казалось, что она звучит на редкость фальшиво. По-видимому, я старался вложить в свои слова как можно больше убеждения и чувства. Хуже всего было то, что Эрик слушал, почти не перебивая. Было бы легче, если бы он спорил, возражал или возмущался!

— И... И... Гм... О чем это я? Ну да! Короче — причина неполадки в том, что ты подсознательно перестал верить, будто можешь ощущать турбины частью своего организма. Вот потому тебе и кажется, что ты их больше не чувствуешь.

Заготовленная речь кончилась. Я замолчал и принялся ждать взрыва.

— Неплохая теория,— проговорил Эрик.

Я с трудом поверил своим ушам.

— Значит, ты со мной согласен?

— Этого я не говорил. Всего лишь выслушал твою версию — а теперь ты послушай мою. Мне кажется, ты выдумал всю эту белиберду, чтобы снять с себя ответственность и переложить проблему на мои плечи... Насчет плеч, напарник, я выразился фигурально.

— Какая ерунда...

— Заткнись. Когда мне понадобится психоаналитик или психиатр, ты узнаешь об этом первым, обещаю. А сейчас напряги свое бурное воображение и представь, что проблема вызвана все же механическим повреждением. Надеюсь, это не труднее, чем увидеть проплывающую за иллюминатором жареную рыбу?

— Но я же все прове...

— Я сказал — заткнись! Ты не господь бог, мистер Почемучка, и не мог проверить абсолютно *все*. Наверняка ты что-то упустил, а я не могу обойти самого себя кругом, чтобы самолично провести проверку. Лучше сделать еще одну попытку, не то мы застрянем здесь навечно, понял?

— Да, сэр.

— Поспи несколько часов и принимайся за дело.

— Слушаюсь, сэр!

Я повалился на койку, закрыл глаза и постарался перестать злиться.

За пять лет, что мы летали с Эриком Донованом, то была наша первая серьезная размолвка. Думаете, я с легкостью смог назвать своего напарника сумасшедшим? Ничуть! Но я не сомневался в собственной правоте.

Блоки химического контроля предохраняли Эрика от безумия вроде шизофрении, и создатели первого в мире очеловеченного корабля предполагали, что поэтому их детище всегда будет нормальным. Но какой контроль предохранит человеческий мозг от рождающихся в нем образов?

Пять лет назад после аварии от пилота Эрика Донована не осталось ничего, кроме неповрежденной центральной нервной системы и гипофиза.

«Мы отрегулируем состав его крови,— говорили создатели корабля,— и он всегда будет спокоен, хладнокровен и сдержан. Никакой паники, никаких колебаний или сомнений!»

В первый же год наших совместных полетов я понял, насколько эти придурки ошиблись. Эрику не нужны были адреналиновые железы, чтобы бояться смерти: его эмоциональные реакции установились задолго до того дня, как он попытался посадить свой корабль, не имея радара. И он вовсе не нуждался в дополнительных «протезах», чтобы сохранить чувство юмора и быть отличным напарником в длинных рейсах. Пять лет мы жили душа в душу, а вот теперь в его душе что-то разладилось, но он упорно не хочет в это верить.

Мой приятель будет ждать, когда я починю несуществующую неисправность, и... И он ухватится за любой предлог, чтобы поверить, будто я действительно это сделал.

Похоже, Эрик уснул. В его крови не накапливались токсины усталости, но в кору головного мозга был вживлен специальный датчик, иначе он свихнулся бы от постоянного бодрствования. Когда мой напарник дрых, его не разбудил бы даже атомный взрыв, и все-таки я старался по возможности не шуметь, пока разыскивал в подсобке герметичные ведра и наполнял их водой. Я поставил ведра в холодильник, снова повалился на койку, заснул и проснулся только через пять часов.

Утро было чернее легких курильщика. Что Венере по-настоящему нужно, философствовал я, выволакивая из холодильника ведра, так это потерять девяносто девять процентов воздуха. Это снизит парниковый эффект и сделает температуру пригодной для жизни. Если бы удалось понизить тяготение Венеры почти до нуля, все произошло бы само собой... Что ж, Планете Любви придется ждать, когда мы откроем антигравитацию!

— С добрым утром,— прервал мои размышления Эрик.— Что это ты затеял? Решил сделать зарядку с ведрами вместо гантелей?

— Есть кое-какая идея,— многозначительно обронил я.— Объясню все потом, если она сработает.

Под заинтересованное молчание напарника я натянул скафандр, вновь ощутив себя сподвижником короля Артура, и, кряхтя, поднял тяжеленные ведра.

— И все-таки, зачем тебе ведра? — не выдержал Эрик.

— Чтобы охладиться, когда станет слишком жарко. Выпускай меня.

— Стоило бы подержать тебя здесь, пока не расколешься.

Но все же шлюзовая, а потом и наружная дверь отворились, и я вышел на крыло. На этот раз я не тратил время на то, чтобы пялиться по сторонам. Открыв панель номер два по правой стороне, я отвинтил крышку термостойкого ведра и выплеснул кипящую мешанину льда и испаряющейся воды в путаницу проводков и соединений.

— Что ты там делаешь, черт возьми? — взвинченно поинтересовался Эрик, и я чуть не выронил ведро — так резко прозвучал его голос внутри моего шлема.

— Ты что-то почувствовал? — ответил я вопросом на вопрос.

— Нет, но, видишь ли, мне слегка любопытно...

— Этой ночью мне пришла в голову одна неплохая мысль. Каждая часть корабля прошла испытание на давление и на жару, в особом боксе, но весь корабль, как целое, таких испытаний не прошел. Он слишком велик для этого, верно?

Я открыл панель номер три на левом крыле и выплеснул туда остатки воды и льда.

— Так вот, я считаю, что твои цепи перекрыты жаром или давлением, или тем и другим вместе. Давления мне не устранить, зато я могу остудить льдом реле — чем сейчас и занимаюсь. Дай знать, к которой турбине раньше вернется чувствительность, тогда мы узнаем, какая контрольная панель нам нужна.

— Крис! Тебе не кажется, что столь острый эксперимент ты должен был согласовать со мной? Знаешь, что холодная вода может сделать с раскаленным металлом?

— Он может лопнуть. Тогда ты утратишь управление турбинами, которого и без того нет.

— Хм. Очко в твою пользу. Но я до сих пор ничего не чувствую.

Через полчаса я вернулся к шлюзу, обессиленно волоча пустые ведра и размышляя, нагреются ли они настолько, чтобы расплавиться... И что нам делать теперь, когда мой план не сработал.

И вдруг Эрик взволнованно окликнул:

— Я чувствую правую турбину!

— Чувствуешь?! Ты можешь ей управлять?!

— Нет, не настолько. Температуры пока не ощущаю, но... О, вот она пошла. Получилось, Крис! Действительно получилось! Я же тебе говорил, что все дело в механике, а не в...

Внезапно он замолчал.

— Эрик, в чем дело?

— Ощущение исчезло.

— Как?!

— Прошло — и все. Опять не чувствую ни температуры, ни контроля подачи топлива. Наверное, холод слишком быстро пропадает!

— Уф! Ладно, без паники. Сейчас я повторю процедуру, а потом поднимемся как можно выше, я опять отправлюсь на крыло с ведрами льда и...

— Ты это серьезно?!

— А у тебя есть другие предложения?

Как ни странно, подъем шел гладко до высоты шестнадцати миль. Потом Эрик заявил:

— Все, выше нам не забраться. Ты все еще хочешь заняться этой сумасшедшей эквилибристикой?..

Вместо ответа я влез в скафандр, вынул ведра из холодильника и молча шагнул в открывшийся шлюз.

Как ни странно, я не чувствовал ни панического страха, ни железной решимости, ни готовности к самопожертвованию. Я делал то, чего никто никогда раньше не делал, двигаясь механически, словно зомби.

Мои магнитные подошвы работали на полную мощность, и мне казалось, будто я при каждом шаге выдираюсь из толстого слоя смолы.

Я добрался до панели номер два, открыл ее, вывалил лед и отбросил ведро. Потом века три или четыре я перебирался на другое крыло. Надеюсь, вам никогда не придется выполнять этот трюк на высоте шестнадцати миль, к тому же с ведром испаряющегося ледяного крошева в руке. Уж не знаю, каким образом, но я все же достиг цели, опрокинул содержимое ведра в левую панель номер два и потащился назад. Теперь мои руки были пусты, но идти почему-то не стало легче. Я медленно тащился сквозь преддверие ада — прилипающий к смоле зомби — и мыслей у меня в голове было не больше, чем льда в опорожненных ведрах. Вероятно, они уже расплавились, так и не успев коснуться поверхности Венеры... А теперь я вот-вот разделю их участь...

Когда передо мной вдруг появилась дверь шлюза, у меня даже не хватило сил удивиться.

— Что ты возишься?! — ворвался в мое сознание нетерпеливый голос напарника. Кажется, он говорил со мной уже довольно долго; кажется, я даже что-то ему отвечал...— Сядь и пристегнись. Живее!

— Н-не могу снять скафандр.

Руки у меня дрожали, как проклятые — наступала реакция. Я упал в кресло, до которого добрался чуть ли не на четвереньках.

— Оставь в покое свои доспехи и пристегнись! У нас есть шанс попасть домой, только если мы стартуем немедленно.

Стоило мне затянуть ремни, как турбины взревели, корабль затрясся, а потом рванулся вперед, и мы выскользнули из-под топливного бака.

Турбины набирали рабочую скорость, и давление усиливалось — Эрик выжимал из двигателей все, что мог. Это было бы мучительно, даже не будь на мне скафандра,— теперь же превратилось в лютую пытку. Ну, разве это не обидно — уцелеть во время невероятной прогулки с ведрами, а потом загнуться от банальных перегрузок?

Мы мчались почти вертикально вверх, и я никак не мог набрать в грудь достаточно воздуху и сказать Эрику, что погибаю.

Корабль вдруг дернулся, как гальванизированная лягушка.

— Турбина отключилась,— сообщил Эрик.— Пойду на другой.

Корабль вильнул — выбывшая из строя турбина отделилась. Теперь он летел, судорожно вздрагивая, но продолжал разгоняться.

Все, кажется, мне конец!

И тут заглохла вторая турбина. Эрик избавился и от нее, наконец-то ускорение прекратилось...

Но я еще долго не мог говорить.

— Мы все еще не выбрались,— возвестил бодрый голос моего напарника.— Можешь снять скафандр: когда я включу ракету, это будет пострашней той легкой разминки, которая заставила тебя поскулить.

— Вовсе не скулил!

— Еще как, можешь мне поверить.

Я молчал до тех пор, пока не выбрался из скафандра.

— А как ты себя чувствуешь? — осведомился я, снова падая в кресло.— Больше нигде нет необъяснимого онемения?

— Нет. А что?

— Ничего. Просто проявляю дружескую заботу.

— Пристегнись и перестань злиться. Понимаю, тебе обидно, что я оказался прав: неполадки и впрямь были чисто механическими!

— Черта с два!

— Что-что?

— Черта с два они были механическими! Я тебя в этом убедил, а потом еще раз убедил, что устранил неисправность. Мне хотелось, чтобы ты поверил — турбины опять могут работать. Я сотворил чудо, Эрик. Но это чудо из области психологии, а не механики. И надеюсь, что мне не придется выдумывать для тебя новые плацебо на обратном пути!

Я выпалил все на едином дыхании и немедленно пожалел о своих словах. Кто меня тянул за язык? Если мне приспичило поругаться с напарником, можно было хотя бы подождать, пока он вытащит нас из этой переделки! А вдруг он опять утратит контроль над турбинами?

Эрик молчал. Я уже приготовился к самому худшему, когда наконец услышал его голос:

— Ты считал, что никакой неисправности нет — и все-таки вышел на крыло на высоте шестнадцати миль?

— Ага. Что мне еще оставалось делать?

В механизмах Эрика что-то хрюкнуло.

— И после этого ты считаешь ненормальным *меня*? Почемучка, ты знаешь, кто из нас двоих по-настоящему сумасшедший?

— Ладно, готов поставить пять тысяч, что я прав.— Мой гнев совсем прошел, осталась только огромная усталость.

— Идет. Пусть механики после приземления поищут механическую неисправность. Ставлю пять тысяч, что они ее найдут. А теперь внимание — включаю ракету. Два, один...

Ракета включилась, вдавив меня в кресло. Последнее, о чем я успел подумать, теряя сознание, что наверняка не доживу до того дня, когда смогу получить свой выигрыш!

Люк Джейсон обвел на дисплее рамкой часть схемы левого крыла корабля.

— Это вот здесь, видите? Наружное давление сжало канал провода так, что он больше не мог сгибаться. А когда металл расширился от тепла, контакты сместились и разошлись. Ваша мысль с охлаждением реле была весьма удачной... Хотя до сих пор не понимаю, как это вы ухитрились остаться в живых после трюка с ведрами на высоте шестнадцати миль!..

— Полагаю, конструкция обоих крыльев одинакова? — перебил я эксперта-механика.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Само собой. И в правом крыле мы обнаружили аналогичные повреждения. Материал, из которого сделаны эти проводники, несомненно, не годится для венерианских кораблей.

Я оставил в груде Эриковой почты чек на пять тысяч и в тот же день улетел в Бразилию. Ума не приложу, как он отыскал меня там, где даже журналисты не могли найти первого человека, ступившего на поверхность Венеры, но этим утром мне пришло сообщение:

ПОЧЕМУЧКА, ВЕРНИСЬ! Я ВСЕ ПРОСТИЛ. ЭРИК ДОНОВАН

Пожалуй, я так и сделаю.

ДОЖДУСЬ*

Сейчас на Плутоне полночь. Я вижу четкую линию горизонта, ниже которой в звездном свете поблескивают глыбы льда. Звезды выплывают из-за цепи ледяных гор — и поодиночке, и парами, и щедрыми гроздьями ярких белых точек. Мой взгляд отчетливо различает их движение.

Нет, тут что-то не так! Период обращения Плутона слишком велик, чтобы движение звезд стало заметным,— просто ход времени для меня замедлился, как вращение шестеренок в старых запылившихся часах.

В этом и заключается вся надежда.

Планета мала, поэтому горизонт так близок. Днем он кажется еще ближе, ведь расстояния здесь не скрадываются дымкой атмосферы. Я вижу две острые скалы — они вонзаются в звездную россыпь, словно клыки вампира. Между ними сверкает яркая точка. Солнце. Медленно и плавно оно поднимается над клыками; я не жду от него тепла, и все же смотреть на блестящую точку приятно.

...Солнца больше нет, и звезды теперь расположились по-другому. Видимо, на какое-то время я потерял сознание.

---

* Wait It Out © 1968 Futures Unbounded.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

Нет, здесь все-таки что-то не так!

Неужели я дал маху? Ошибка меня не убьет, но может свести с ума...

Чепуха! Тех нейронных связей, что еще действуют в моем мозгу, недостаточно для того, чтобы обезуметь. Их хватает только для таких вялых, неторопливых, полусонных мыслей. Я не чувствую ни боли, ни утраты, ни сожаления, ни ужаса. Только бесконечное терпеливое ожидание да еще что-то, определяемое тремя словами: ну и влип!

Я стою, глядя на восток,— и жду, жду, жду, жду. Пусть мой пример послужит вам уроком: вот к чему приводит нежелание умирать!

Когда в 1989 году Плутон в перигелии приблизился к Солнцу (и к Земле) настолько, насколько это вообще возможно, НАСА решила, что грех не использовать данное обстоятельство.

Трое космонавтов — Джером, Сэмми и я — очутились в пластиковом баллоне с двигателем на ионной тяге, который должен был доставить нас на Плутон через полтора года. После столь длительного совместного пребывания нам полагалось люто возненавидеть друг друга, однако ничего подобного не произошло. Психологи НАСА неплохо умеют составлять экипажи.

Тем не менее, наша троица с огромным энтузиазмом встретила долгожданную посадку. Какое это блаженство — уединиться хоть на несколько минут! (это во-первых). Пройтись по поверхности планеты! (это, разумеется, во-вторых). Ну и взяться наконец за какое-нибудь не предусмотренное программой дело!

Новый мир обещал нам столько же сюрпризов, сколько в детстве сулило Рождество, и мы искренне сочувствовали Сэмми Гроссу, которому предстояло болтаться на орбите, в то время как Джером Гласс и я отправимся вниз.

Конечно, Сэмми высказался по этому поводу, да еще как! Он вообще такой: начал ворчать еще на мысе Кеннеди и продолжал в том же духе все полтора года. Но когда мы бросили жребий и ему выпало остаться, негодование Сэмми достигло предела.

Однако, как говаривал наш шеф из НАСА: кто-то должен! Сэмми прекрасно понимал, что одному из нас следует остаться на борту, чтобы отмечать неполадки, поддерживать связь с Землей и сбросить сейсмические бомбы. Именно они помогут разрешить главную загадку Плутона.

Над этой загадкой мы порядком поломали головы еще по дороге сюда: откуда у Плутона его огромная масса? Планета была в десятки раз тяжелее, чем ей полагалось по размеру. Сейсмические бомбы — не очень изящный, зато надежный способ, когда-то позволивший выяснить строение Земли...

...Между «клыками вампира» сверкнула яркая звезда. Интересно, разгадают ли тайну Плутона ко времени окончания моей вахты? Равнина и горы медленно тонут: это появляющиеся звезды создают иллюзию, будто мы непрерывно скользим вниз,— Джером, я и наш вмерзший в вечные льды корабль...

Сначала «Нерва» вела себя выше всех похвал. На несколько минут мы зависли над равниной, чтобы найти место для посадки, затем опустились в белесом ореоле тумана, рожденного водородным пламенем.

Потом в просвете посадочного кольца мелькнула влажная черная поверхность, и вот — ура! — мы на поверхности Плутона.

Почти час мы проверяли системы, готовясь к вылазке, и столько же ушло на обсуждение, кто из нас выходит первым? Отнюдь не праздный вопрос. Еще многие столетия Плутону суждено оставаться самым дальним форпостом Солнечной системы, и слава пер-

вого человека, ступившего на его поверхность, не померкнет вовеки.

В конце концов мы снова метнули жребий, и по решению монеты имя Д. Хатчисона отныне будет стоять в учебниках истории перед именем А. Сотера. Подумать только, тогда это меня всерьез зацепило! Джером, выбираясь через люк, начал беззлобно подшучивать надо мной — что-то насчет мраморных памятников.

Мне осталось завинтить несколько гаек на шлеме, когда шутки сменились ругательствами. Я торопливо закончил все положенные процедуры и тоже вылез наружу.

С первого же взгляда стало ясно: дело дрянь.

Поверхность планеты, на которую мы опустились, представляла собой смесь грязного льда, воды и каменного крошева. Огонь, вырывавшийся из двигателя, расплавил лед, а когда вода снова замерзла, посадочная ступень оказалась намертво впаянной в грязную льдину выше средней линии.

Сэмми довольно странно отреагировал на наше сообщение о том, как мы влипли (точнее, вмерзли). Подумать только! — предложил нам провести кое-какие исследования, а потом приниматься за освобождение корабля. Легко разбрасываться такими советами, если сидишь наверху в аппарате, который может вернуть тебя обратно на Землю. А каково внизу, на чужой планете, ухватившей наш корабль своими безжалостными ледяными челюстями!

Мы решили расплавить лед двигателями и таким образом вырваться из ловушки. Температура росла медленно и осторожно, вдруг показатели приборов словно взбесились: под влиянием чудовищной разности температур что-то вышло из строя. Джером вдвинул замедляющие стержни, но это не дало никакого результата. Может, они расплавились, а может, подвел сам реактор...

Над «клыками вампира» снова показалось Солнце... Неужели я ухитрился задремать? Звезды так же клубятся над теми же мрачными вершинами, но созвездия сильно сместились влево.

Что-то тяжелое наваливается на меня сзади, я ощущаю его вес на спине и ногах. Самое время испугаться — и все-таки мне не страшно. Скользнув по моей спине, «оно» переваливается через плечо. Ага, теперь я его вижу! Огромная полупрозрачная амеба с черными комками внутри. Внутренности? Пища?

Лучше ей убраться подальше до восхода солнца. На солнечной стороне Плутона температура днем поднимается на пятьдесят градусов выше нуля. Абсолютного нуля.

Чудище словно услышало мои мысли — оно удаляется, скользя, как капля по стеклу, по направлению к ледяному кратеру.

Как ужасающе медленно оно ползет, медленнее, чем движутся звезды! Я вижу боковым зрением — амеба внизу, совсем близко к посадочной ступени и крохотной застывшей фигурке первого человека, который ступил на поверхность Плутона... И первого, кто на этой планете погиб.

После аварии двигателя необходимо было спуститься вниз и посмотреть, насколько серьезны и велики повреждения. Нет, я не чувствую себя виноватым: если бы жребий пал на меня, я не колеблясь пошел бы вместо Джерома. Дело в том, что единственный способ — прожечь струей ранцевого двигателя туннель во льду и проползти по нему в полость под посадочным кольцом, не оставлял шанса выжить исполнителю этого смертельного трюка.

В газовой полости царил настоящий радиоактивный ад. Оказалось, что двигатель выбросил расплавленные обломки реактора прямо на ледяные стенки.

Вползая в туннель, мой друг тихо шептал ругательства, но выполз оттуда молча. Наверно, все подходящие слова он уже израсходовал.

Помню, как я плакал от горя и страха и старался говорить спокойно, чтобы Джером не догадался о моих слезах. Он подробно описал мне ситуацию, сказал: «Прощай», шагнул на лед и снял шлем. Туманное облако окутало его голову и опустилось на плечи крошечными снежинками.

Джером до сих пор стоит на том же месте, сжимая в руках шлем: памятник первому человеку на Плутоне. Иней серебрится на его лице и открытых глазах.

Опять восходит солнце. Надеюсь, амеба успела спастись...

...Это просто невероятно! Солнце на мгновение замерло между двумя вершинами, потом метнулось вверх, и вращающийся небосвод застыл. Вот почему я не заметил этого раньше! Это происходит удивительно быстро!

Чудовищная догадка... Раз повезло мне, значит, могло повезти и Джерому. Неужели...

Там, наверху, оставался Сэмми, но он не мог спуститься ко мне, а я — подняться к нему. Системы жизнеобеспечения работали по-прежнему исправно, и все же рано или поздно мне суждено было замерзнуть или задохнуться без кислорода.

Часов тридцать я совершал бескорыстный подвиг во славу науки, собирая образцы, проводя их анализы, сообщая полученные данные Сэмми и испытывая сильнейшую жалость к самому себе.

Каждый раз, оказываясь снаружи, я проходил мимо Джерома. Его промерзшая кожа выглядела как чистейший мрамор, а глаза были прикованы к звездам в мучительной тоске. Скоро и я буду выглядеть точно так же.

— Ищи кислородную жилу,— как заведенный, долдонил Сэмми.— Не сдавайся, ищи!

— Зачем?

— Чтобы выжить, балбес! Рано или поздно сюда вышлют спасательную экспедицию. Ты не должен сдаваться, слышишь?

Кислород я нашел — его крохотные прожилки пронизывали лед тончайшей паутиной и словно насмехались над моими дурацкими надеждами.

— Тогда используй воду! Ты ведь можешь добыть кислород электролизом, дубина!

Могу. Но зачем? Спасательный корабль прилетит через годы: его придется строить совершенно заново, да к тому же вносить изменения в конструкцию посадочной ступени. Для электролиза нужна энергия, как и для обогрева,3— а у меня были только аккумуляторы. К чему продлевать мучительную агонию?

Мне отчаянно хотелось жить, но к осознанию подлинного положения дел я пришел раньше, чем Сэмми. Тот упорно не понимал — или не желал понять, что мне крышка. В конце концов пришлось прекратить передачу посланий — не потому, что я их исчерпал, а потому, что они сводили Сэмми с ума.

Я перестал отвечать на вызовы и долго стоял рядом с Джеромом, собираясь с духом для того, что мне предстояло сделать. И вдруг ко мне пришла надежда.

В Неваде в камерах с жидким азотом находится полмиллиона замороженных людей. Они ждут того дня, когда врачи научатся лечить те болезни, которые их убивали. Если бы эти мужчины и женщины не решились на замораживание, они были бы уже мертвы.

Я тоже скоро умру, если не...

В полном вакууме человек может прожить не так уж мало — пожалуй, пару-другую секунд. Если постараться, за это время можно успеть скинуть скафандр. И тогда черная ночь Плутона высосет тепло из моего тела. При температуре в пятьдесят градусов выше аб-

солютного нуля я буду стоять замороженный хоть целую вечность, ожидая второго пришествия — врачей или господа Бога...

...Солнце сверкнуло...

Нигде не видно той гигантской амебы, с которой я познакомился вчера. Как ни странно, искренне хочется верить, что она успела спрятаться.

Скафандр лежит рядом со мной на льду. Как только я его скинул, то успел принять эту героическую позу — герой на вершине черной скалы, неотрывно смотрящий на горизонт. Лицом к востоку, молодой человек! Правда, я слегка спутал направление, но меня извиняет то, что пар от дыхания заслонял тогда весь мир, к тому же я слегка торопился. И все же стоило бы повернуть голову чуть левее... Интересно, прольет ли Джинни две-три слезинки, когда Сэмми расскажет ей обо мне? Жаль, что она не может меня сейчас увидеть...

Сейчас Сэм, должно быть, уже подлетает к Земле.

Звезды медленно выплывают из-за горных вершин, и снова волнистая равнина, посадочная ступень, Джером и я погружаемся в черное небо.

Мой труп будет самым промерзшим за всю историю человечества. Даже тех мертвецов в Неваде хранят всего лишь при температуре жидкого азота. Боже, как они могут надеяться выжить при подобной жарище? Просто адское пекло по сравнению с ночами на Плутоне, когда все пятьдесят градусов дневного тепла рассеиваются в пространстве.

Каждое утро солнечные лучи поднимают температуру и выключают меня, словно машину. Но ночной холод превращает сеть моих нервов в сверхпроводник. По сети текут токи, текут мысли, текут ощущения. Правда, их движение медленно, безумно медленно, но тут уж ничего не поделаешь. Стопятидесятитрехчасовые сутки Плутона сжимаются для меня в какие-нибудь пятнадцать минут... И это здорово.

Потому что при подобном темпе я, пожалуй, и впрямь дождусь.

Может, Сэмми уже на Земле? И они уже выслали спасательную экспедицию?

Поживем — увидим. Куда мне торопиться?

Хорошо, что у меня нет эмоций. Но кое-что я все же ощущаю: тяжесть той амебы, боль в ушах, давление, приложенное к каждому квадратному миллиметру моего тела. Внутри меня заморожено напряжение, и мои нервы непрестанно говорят мне об этом. Я ощущаю скользящий по моим губам ветер, похожий на легкий сигаретный дымок.

Забавно будет, если я все-таки дождусь!

А вдруг они меня не найдут? Ерунда, Плутон — небольшая планета. К тому же рядом со мной гордо торчит посадочная ступень — в более величественной позе, чем моя. Правда, ступень сильно припорошило инеем, и сверху ее нелегко будет разглядеть. Я могу проторчать здесь вечность, пока они не отыщут мой корабль среди бесконечной равнины. Неужели меня это волнует? Неужели меня еще что-то способно взволновать?

Какие эмоции могут быть у куска льда?

Снова солнце...

...И снова выплывают на небо звезды. Теплится ли в Джероме такая же полужизнь, как во мне? Я хочу смахнуть иней с его открытых глаз!

Хоть бы эта милая амеба вернулась...

Проклятье!

Как здесь холодно и одиноко.

ГЛАЗ ОСЬМИНОГА*

Это был колодец. Среди песчано-унылого однообразия он притягивал взгляд, казался неким богохульством в ядовитой дикости Марса. Генри Бердсан и Кристофер Луден склонились над шероховатым краем, меряя взглядом чернильную мглу.

Их марсоход замер неподалеку, утопая широкими колесами в песке. Мелкий, похожий на тальк, он свой розовый цвет позаимствовал у неба. А небо — цвета крови — больше всего напоминало пылающий канзасский закат, но крошечное солнце все еще находилось в зените.

Сложенный из узких каменных блоков высотой и толщиной примерно в фут, колодец возвышался на четыре фута над песком — круглый, ярда в три в поперечнике. Удивительный камень, из которого вытесали его блоки, был странно-прозрачным, наполненным голубоватым внутренним светом.

— Похоже на человеческое изделие! — Генри не скрывал своего изумления.

Крис понял, *что* он имеет в виду.

— Естественно. Колодец — это так просто, скажем, как рычаг или колесо. Невозможно внести в их конст-

---

* Eye of an Octopus © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

рукцию много изменений. А что ты думаешь по поводу блоков?

— Странная форма. Но и такие мог сделать человек.

— Дыша окисью азота, глотая красную дымящуюся азотную кислоту? И все же, Гарри! Мы обнаружили разумную жизнь. Надо сообщить на орбиту Эби.

— Правильно.

Однако некоторое время они еще всматривались в мутную тьму. Затем не спеша побрели к терпеливо ожидавшему их марсоходу.

Летательный аппарат издали напоминал вертикально поставленную шариковую ручку и опирался на три ноги, начинавшиеся от середины корпуса. Марсоход подкатил к одной из этих ног и остановился. Дверь кабины с тихим шипением отъехала в сторону, и первым выбрался Генри. Нажав на кнопку рядом с люком, он, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, про себя стал отсчитывать секунды до появления трапа. Скоро сеанс связи, Эби Купер не любит ждать. Крис тем временем занялся обследованием грузового трюма и среди беспорядочно сложенных, но весьма необходимых вещей нашел большую бухту тонкой веревки, ведро и тяжелый геологический молоток. Все было обработано специальными составами, чтобы противостоять едкой марсианской атмосфере. Он сбросил их рядом с марсоходом.

— А теперь посмотрим,— сказал он мрачно.

Генри спустился по трапу.

— Эби скандалит,— сообщил он.— Требует, чтобы мы выходили с ним на связь каждые пять минут. Он хочет знать, насколько стар этот колодец.

— Я тоже хочу.— Крис потряс молотком.— Мы отковыряем небольшой камешек, и я им займусь. Поехали.

Они чуть было не проскочили мимо — издали колодец почти сливался с окружавшим его незатейливым пейзажем.

— Давай сначала посмотрим, насколько он глубок,— предложил Луден.

Прежде чем опустить ведро в колодец, он придирчиво проверил завязанный Генри узел. А затем — минута томительного ожидания, пока почти вся веревка не размоталась, и молчание марсианской пустыни было прервано отголоском всплеска, долетевшего из глубины.

Веревка была заранее размечена, следовательно, глубина колодца почти триста футов. Они подняли ведро, которое оказалось наполовину наполненным мутной, слегка маслянистой жидкостью.

— Генри, хочешь отвезти это назад и сделать анализ? — Крис протянул ведро своему спутнику.

Темное лицо Бердсана расплылось в ухмылке.

— Предоставляю тебе столь почетное право. Зачем формальности? Мы оба знаем, что здесь может быть.

— Конечно, но... порядок никто не отменял. Давай.

Они разыграли на пальцах, и Генри пришлось вернуться к кораблю. Со стороны удалявшийся марсоход выглядел более чем забавно: из окна торчала рука, держащая ведро, откуда через край выплескивалась жидкость.

Крис тем временем внимательно изучал колодец в поисках подходящего блока для образца. Камень напоминал кварц или какую-нибудь разновидность мрамора, но без характерных прожилок. Время, ветер и песок сделали свое дело, так что породу определить на глаз вряд ли удастся. Луден с силой ударил молотком по тому, что походило на трещину, затем еще и еще раз.

Молоток сломался. Не веря своим глазам, Луден вертел его, изучая исковерканную ручку и вмятины на металле. Чудеса, да и только! При подготовке экспедиции обсуждению, как правило, подлежал вес какого-либо инструмента для марсианского проекта, но никогда — его цена или качество. Стоимость такого молотка

могла исчисляться десятками тысяч — в соответствии с прочностью и надежностью сплава. Значит...

Он наклонил голову вбок, пробуя на вкус странную идею.

— Гарри!

— Да?

— Что поделываешь?

— Только что зашел в шлюз. Дай мне пять минут: выяснить, что эта жидкость — азотная кислота.

— Хорошо, но окажи услугу. Кольцо при тебе?

— Алмазная подковка? Конечно.

— Привези его с собой, только держи вне скафандра. Вне, понял?

— Погоди-ка, Крис. Это очень ценное кольцо. Почему бы тебе не воспользоваться своим?

— Об этом я уже думал. Сейчас сниму скафандр и... Тьфу, шлем не расстегнуть.

— Все, понял! — В наушниках щелкнуло, и связь прервалась.

Луден сел на землю, прислонившись спиной к колодцу, и стал ждать. Рассеянный взгляд скользил по идеальным полумесяцам дюн, их идеальный порядок казался неестественным. Что-то должно было действовать на ветра, заставляя их дуть всегда в одном направлении, как земные пассаты. И эти дюны... должно быть, они ползут по пустыне, следуя за ветрами медленнее, чем улитки.

Солнце двигалось к горизонту. Вчера они совершили посадку незадолго до заката, поэтому Крис уже наблюдал, как внезапно пустыня превращается из розовой в полуночно-черную и как мало света дают Фобос и Деймос. Но до заката оставалось еще четыре часа.

Насколько стары эти камни за его спиной? Если его предположение — странная и глупая мысль — реально... Но Крис не пошел бы добровольцем в Марсианский проект, если бы не был наполовину романтиком.

Итак, если это *настоящие* алмазы, они, должно быть, ужасающе стары — раз их так обработал простой песок! Гораздо старше, чем пирамиды Египта и охраняющий их сфинкс. Возможно, раса, которая имела отношение к этому колодцу, потом исчезла — кстати, любимая тема писателей-фантастов...

— Алло, Крис?

— Слушаю.

— Это грязная азотная кислота, не слишком крепкая. В следующий раз ты мне сразу верь.

— Генри, нас сюда не для того прислали, чтобы мы гадали на кофейной гуще. Все догадки были сделаны и высказаны, когда строился наш корабль. Мы прибыли устанавливать факты, верно?

— До встречи через десять минут.

Взгляд Лудена снова заскользил по пустыне. Прошла секунда-другая, прежде чем он понял, что его глаза уловили некую странность... Одна из дюн имела явно неправильную форму: от полумесяца под тупым углом отходило ответвление. Надо же — груша среди яблонь!

У Криса было десять минут, да и дюна находилась недалеко.

Оказавшись возле дюны, он оглянулся. Отсюда колодец хорошо просматривался — вероятно, расстояние было короче, чем ему казалось вначале, в заблуждение ввела близость горизонта.

Что привело к искажению ее формы? Какой-нибудь торчащий из земли камень, недостаточно высокий, чтобы показаться из песка. Позже его можно будет нащупать сонаром — наверное, он находится под этим песчаным рукавом.

— Крис! Где ты, черт возьми? Крис!

Луден подпрыгнул от неожиданности. Он совсем забыл про Генри. Быстро тот, однако, вернулся, неужели десять минут уже истекли?

— Посмотри на юг от колодца и увидишь меня.

— Почему ты не там, где тебя оставили, идиот? Я уже решил, что тебя похоронила песчаная буря.

— Прости, Гарри. Меня тут кое-что заинтересовало.— Крис забрался на песчаное щупальце.— Попробуй царапнуть по блокам кольцом.

— Очень странная мысль,— рассмеялся Бердсан.

— Попробуй.

Луден почувствовал дуновение ветра, глянул вниз, на песок, попытавшись вообразить препятствие, которое остановило его здесь. Что-то не обязательно очень большое — на наветренной стороне, в начале дуги, здесь.

— Крис, я царапнул. Да, след остался. Так что алмаз его, безусловно, берет. Опа! А, черт! Крис, ты покойник. Только смерть может спасти тебя от моей мести!

— Что случилось?

— Мой алмаз! Он безнадежно испорчен.

— Успокойся. Сможешь его заменить миллион раз, если привезешь на землю хоть один кирпич из колодца.

— Да, это правда. Но, чтобы его вырезать, нам понадобится лазер. Кстати, возможно, они использовали алмазную пыль в качестве цемента.

— Генри, окажи услугу. Принеси...

— Последняя услуга мне стоила дорогого кольца.

— Пригони сюда марсоход. Хочу заняться раскопками.

— Еду.

Через минуту машина остановилась рядом с дюной. Бердсан улыбался — значит, царапины на его кольце не испортили, в свою очередь, его настроение.

— Где будем копать?

— Здесь, у меня под ногами.

Большой резервуар под днищем марсохода содержал плотно сжатый воздух, который сжимался мотором, непосредственно забирающим воздух из разреженной

марсианской атмосферы. Машина был снабжена двумя направленными вниз дюзами, через которые воздух помогал преодолевать крутые препятствия. Генри включил дюзы и завис над местом, где стоял Крис, перемещая свою тяжесть так, чтобы держать машину на месте. В разные стороны полетел песок. Крис отбежал в сторону, а Генри ухмыльнулся и удвоил напор, чтобы песчинки достигали его приятеля. Через полминуты давление ослабло, и Бердсану пришлось опуститься на землю. Марсоход сильно вибрировал, его мотор старался наполнить воздухом резервуар.

— Извини за любопытство,— Генри озадаченно смотрел на приятеля,— но зачем все это?

— Тут внизу есть что-то твердое, я хочу раскопать.

— Что ж, если ты уверен... думаешь, можно подать заявку на разработку этой алмазной копи?

Крис, оседлавший крутой склон дюны, задумчиво почесал шлем со стороны затылка.

— Почему бы и нет? Мы не встретили ни одного живого марсианина, и это определенно означает, что никто, кроме нас, не может заявить о своем праве на разработку. В худшем случае получим отказ, вот и все.

— Да, тут еще кое-что... Я не говорил об этом — хотелось, чтобы ты сам увидел. Знаешь... на одном из блоков много царапин.

— Они все такие.

— Там не такие, а глубокие, причем под углом в сорок пять градусов. Если только это не обман зрения. Не слишком тонкие, но напоминают разновидность письма.

Генри включил дюзы. Он прекрасно справлялся с этим делом, напоминая движениями балетного танцора.

Что-то начало появляться из песка, но, вопреки ожиданиям Криса, это *что-то* не было скалой. Некий фрагмент модернистской скульптуры, которая, как правило, не претендуя на пользу и наличие здравого

смысла, тем не менее притягивает взгляд своей причудливой красотой. Металлический остов когда-то был машиной, а сейчас — ничем.

Бердсан балансировал над конической ямой, вырытой дюзами. Рядом с причудливым переплетением блестящих прутьев, проволоки, огромных смятых колец показалось что-то еще.

Мумия! Марсоход, выпустив остатки воздуха, отъехал в сторону. Крис скользнул в яму.

Мертвый марсианин лежал вниз лицом — примерно четыре фута в длину, непропорционально большой череп и длинные руки, на одной из которых сохранилось два пальца, на другой — только один, плоский, отстоявший от ладони под почти прямым углом. На ногах Луден вообще не увидел пальцев.

Артефакт сохранился гораздо лучше, но его форма ничего не говорила землянам. И тут сработало воображение Генри, тот самый визуальный «щелк — и готово!», который обеспечивал ему пятерку по топологии.

— Велосипед.

— Спятил?

— Нет! Взгляни — просто колеса слишком большие, и...

Это был фантастически искаженный велосипед, с колесами в восемь футов шириной, низким карликовым седлом, которое располагалось почти над задним колесом, и системой передач вместо цепи. Руль, сильно погнутый, был прикреплен к ступице переднего. Что-то раздавило велосипед, как подошва сминает пачку из-под сигарет... А затем азотная кислота доделала остальное.

— Хорошо, это велосипед,— Крис кивнул.— Велосипед Сальвадора Дали. А ведь у них много сходства с нами. Гм... Велосипеды, каменные колодцы, письменность...

— Одежда.

— Где?

— Должна была быть. Торс менее сильно разрушен, видишь, потому что одежда защищала его от повреждений.

— Возможно. Мумия вписывается в нашу теорию исчезнувшей расы, не правда ли? Вряд ли марсианину может быть больше чем пара тысяч лет. И таких тут должны быть сотни.

— Жаль, это вдребезги разбивает нашу алмазную шахту, компаньон. У него наверняка есть живые родственники.

— Мы не можем рассчитывать на большое сходство марсиан с нами. Вещи, которые мы обнаружили — велосипед, письменность, колодцы,— все это разумные существа просто вынуждены изобретать. А параллельной эволюцией можно объяснить двуногость.

— Параллельная эволюция? — переспросил Генри.

— Глаз осьминога. Он почти идентичен по структуре человеческому. Но ведь осьминог не является даже нашим отдаленным родственником. Большинство сумчатых ты не сможешь отличить от их млекопитающих аналогов... Ладно, давай попробуем его поднять.

Любой археолог, застав приятелей за этим занятием, пристрелил бы их недрогнувшей рукой.

Мумия была легкой и сухой, как пробка, и не выказывала склонности рассыпаться в их руках; они аккуратно пристегнули ее поверх багажного ящика. Крис вел медленно и осторожно.

Луден остановился на первой ступеньке трапа, поправляя мумию на левом плече.

— Давай обрызгаем его пластиком перед отправлением. У нас есть баллон жидкой пластмассы?

— Не припоминаю. Надо сделать фотоснимки, на случай, если он рассыплется.

— Хорошо. В кабине есть фотоаппарат.— Крис начал подниматься, Генри страховал его сзади. Они доставили мумию в воздушный шлюз без затруднений.

— Я вот что думаю,— сказал Генри.— Эта азотная кислота, в колодце, не была очень слабой, но содержала воду. Может, физиология этих ребят позволяет извлекать воду из азотной кислоты?

— Хорошая идея.

Они бережно положили мумию на кипу одеял и стали искать фотоаппарат. Спустя пять бесплодных минут Крис демонстративно ударился головой об стену.

— Я его брал вчера вечером, чтобы снимать закат! Он в грузовом трюме.

— Так поди и принеси.

Через минуту снизу послышался голос Лудена:

— Я *тоже* кое-что думаю. Алмазы вряд ли могут быть тут в изобилии. И резать их на блоки — работенка не из легких. Почему — алмаз? Надписи на колодце? Может, они воду боготворят?

— Конечно, ты думаешь. Не самое плохое занятие...

Крис достиг верха. Они втиснулись в воздушный шлюз и терпеливо ждали, когда истечет положенное время.

Открылась дверь. Приятели к этому времени сняли шлемы, и оба одновременно почувствовали запах. Что-то химическое, очень крепкое. Густой маслянистый дым поднимался от древнего трупа.

Генри отреагировал первым. Он бросился в маленький кухонный отсек. В котле было еще полно воды, Бердсан схватил его и плеснул водой на обугливающуюся мумию, затем до отказа вывернул кран.

Мумия взорвалась, как напалмовая бомба.

Генри отскочил от огненных брызг и, падая навзничь, успел заметить Криса, который за лодыжки вышвырнул мумию через люк и сразу же ударил по кнопке с надписью «Цикл». Внутренняя шлюзовая дверь глухо лязгнула запором. Луден склонился над товарищем.

— Что с тобой, Генри? Говорить можешь? А двигаться?

— Со мной все в порядке.

Крис с облегчением вздохнул, потом рассмеялся.

Генри, чуть пошатываясь, поднялся. Болела голова. Запах стоял невыносимый, через клапан во внешней стене шлюза струей бил красный дым. Яростно завыл кондиционер, деловито очищая воздух.

— Почему мумия взорвалась? — поинтересовался Генри.

— Вода,— Крис пожал плечами.— Из какого дерьма сделаны эти марсиане? Интересно было бы встретиться с живой особью...

— А колодец? Мы знаем, что он пользовался водой.

— Да, пользовался. Еще как пользовался! А ты знаешь, что глаз осьминога идентичен человеческому?

— Конечно. Но колодец — это *колодец*, не так ли?

— Только не в том случае, Генри, когда он служит крематорием. На Марсе нет огня, но вода способна полностью растворить тело. А этот колодец из алмазных строительных блоков — самое крепкое сооружение, известное человеку или марсианину. И нерушимый монумент навеки ушедшим!

КАК УМИРАЮТ НА МАРСЕ*

Беспредельная жестокость — она и только она позволит ему уйти живым из поселка.

Марсоход слишком долго будет двигаться по транспортному шлюзу, а там его легко перехватить. Преследователи прекрасно это понимали, поэтому примерно треть отряда сосредоточилась у входа в надежде, что Картер им воспользуется. Отчего бы нет — если захлопнуть одну дверь прямо перед их носом и отворить следующую, тогда сработает система безопасности — причем все то время, пока он будет проходить через третью и четвертую двери. Но он решил иначе.

Поселок оказался настоящей ловушкой, хотя было возведено меньше половины стандартных сборных домиков из пластика и пока еще оставалось достаточно много свободного пространства для маневров. Но в поселке Картера все равно поймают, это лишь вопрос времени.

Разумеется, никто не ожидал, что он направит марсоход прямо на наружную стену. Машина накренилась, затем снова приняла устойчивое положение. Устремившаяся в отверстие мощная волна пригодного

---

* How the Heroes Die © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Л. Ткачука.*

для дыхания воздуха подхватила целую тучу красноватого песка и швырнула ее в разреженную атмосферу. Обернувшись, Картер ухмыльнулся. Они погибнут, все до одного. А у него есть скафандр, и через час он вернется, чтобы залатать прореху в стенке купола. Когда прибудет следующий корабль, придется сочинить какую-нибудь правдоподобную историю... Картер нахмурился. Что там происходит?..

По меньшей мере с десяток поселенцев с искаженными лицами копошились возле прорехи шириной в добрых десять футов. Подняв с оплавленного песка стенную панель, они поставили ее в вертикальное положение, после чего отпустили. Легкую панель увлек поток уходившего через прореху воздуха, прочно прижав ее к стенке купола.

Итак, никто не погиб, а утечка воздуха практически прекратилась.

Картер развернул марсоход и был таков.

Он старался вести машину как можно аккуратнее, несмотря на спешку. Препятствия, которые не могли переехать три широких колеса, преодолевались с помощью воздушной подушки, создаваемой выбросом сжатого воздуха через специальные сопла, установленные под кузовом. Полный запас кислорода — двенадцать четырехчасовых баллонов в специальном бункере за спиною,— и, кроме того, еще один дополнительный баллон покоился у него на коленях. Батарея была почти полностью заряжена. Воздух у него наверняка кончится гораздо раньше, чем хоть сколько-нибудь подсядет батарея. Если его прекратят преследовать, он некоторое время еще покружит на одном месте, а затем вернется к поселку, воспользовавшись запасом воздуха в дополнительном баллоне.

Его собственный марсоход и те два, что неотступно двигались за ним, были единственными транспортными средствами такого рода на всей планете. Картер

включил рацию и попал прямо в середину разговора между водителями и поселком.

«...Пусть один из вас немедленно возвращается!» — Это говорил Шют, руководитель исследовательской группы и единственный военный среди обитателей поселка.

Следующий, услышанный Картером голос, скорее напоминавший рычание, принадлежал биохимику Руфусу Дулитлу: «Так как же нам поступить — бросить монету что ли?»

«Разрешите остаться мне,— раздался третий голос, жестокий и непреклонный.— Я имею на это полное право».

Картер вытер со лба мгновенно выступившую испарину.

«О'кей, Альф,— произнес Руфус.— Удачной охоты»,— зловещим тоном добавил он, как будто догадался о том, что Картер подслушивает.

«Ваше дело — отремонтировать купол, а я уж позабочусь о том, чтобы Картер не вернулся».

Один из преследовавших Картера марсоходов описал широкую дугу и направился к поселку. Второй продолжал двигаться прежним курсом. Вел его Альф Хэрнесс.

Большинство из оставшихся в поселке заделывали разрыв, пользуясь специальными горелками и листами пластика. Старший лейтенант Майкл Шют понаблюдал за тем, как работают его подчиненные, и решил, что ситуация не столь безнадежна. Шагая, как солдат на параде, он направился в ангар к инженеру Гендету, который настраивал воздушный генератор. Гендет заметил его и, не поднимая головы, произнес:

— Командир, почему вы разрешили Альфу преследовать Картера в одиночку?

Шют не обратил внимания на такое панибратское обращение инженера.

— Мы не можем себе позволить потерять оба наших марсохода.

— Почему бы просто не выставить часовых на двое суток?

— А если Картер прорвется через охрану? Он явно хочет вывести из строя купол и выберет такой момент, когда мы будем без штанов. Даже если кому-нибудь и посчастливится нацепить скафандры, заделать прореху в куполе еще раз будет гораздо труднее.

Гендет машинально поднял руку, чтобы почесать свою короткую бородку, однако кончики его пальцев наткнулись на пластик гермошлема. Он недовольно скривился.

— Пожалуй, тут вы правы. Я в состоянии наполнить купол воздухом в любое время, как только все будет готово, но мы окажемся без всякого запаса воздуха в баллонах к тому времени, когда ребята заштопают эту дыру. Еще одна прореха окажется нам не по зубам.

Шют кивнул и отвернулся. Воздушный генератор способен перерабатывать двуокись азота в пригодный для дыхания воздух в три раза быстрее, чем его расходовали люди. Но если Картер порвет купол еще раз, даже такая скорость переработки окажется убийственно медленной!

Только Картеру это ни за что не удастся. Альф об этом обязательно позаботится. Аварийную ситуацию, кажется, удалось ликвидировать. И поэтому у старшего лейтенанта Шюта есть возможность поразмышлять над теми скрытыми причинами, что привели к ее возникновению...

Его рапорт о неблагополучной обстановке в поселке был написан еще месяц тому назад. С тех пор Шют несколько раз перечитывал его, борясь с ощущением, что следовало изложить свои доводы еще более убедительно, иначе... Иначе его карьера закончится.

Казенс публиковал кое-что на столь щекотливую тему, но для него это был всего лишь эпизод его бурной литературной жизни. Он, пожалуй, смог бы помочь. Правда, Шюту очень не хотелось впутывать еще когонибудь в затею, которая была равнозначна его персональному бунту. Теперь ему все равно придется переписать рапорт заново или, по крайней мере, дополнить его. Лью Хэрнесс убит. Через двое суток не станет в живых и Джека Картера. И за все это ответственен он, Майкл Шют.

Но с принятием окончательного решения спешить не следует. Пройдет целый месяц, прежде чем Земля окажется в пределах досягаемости передающей станции поселка.

Большинство астероидов движутся в пространстве между Марсом и Юпитером, однако не так уж редки случаи их столкновения с одной из этих планет. Астероидными кратерами испещрена вся поверхность Марса. Есть среди них и древние, подвергшиеся длительному воздействию эрозии, есть и свежие — с острыми, зазубренными краями. А также большие и маленькие, неправильной формы и идеально круглые... Поселок находился в центре сравнительно недавно образовавшегося кратера диаметром в шесть миль — гигантская, небрежно отлитая пепельница, зарывшаяся в красноватый песок.

Марсоходы быстро мчались по растрескавшейся стеклообразной равнине, избегая то и дело встречавшихся у них на пути одиноких скал. Альф неотступно следовал за Картером. Они пересекли невысокую гряду вокруг кратера и начали спускаться, расстояние между ними почти не менялось. Судя по всему, погоня обещала быть продолжительной.

Самое время для раскаяния, если таковое должно было наступить. Тем не менее Картер считал, что ему нечего стыдиться. Смерть Лью Хэрнесса была неиз-

бежной, поскольку он сам все сделал для того, чтобы вот так умереть. Но реакция на нее... Неужели все они шли по той же дороге, что и Лью? Едва ли. Черт, надо было остаться и все толком объяснить!

Нет, они разорвали бы его на куски!

А теперь его преследует всего лишь один человек — родной брат Лью.

Картер добавил скорость, как только прошел перевал, понимая, что спускаться будет куда сложнее, чем подниматься. Вдруг футах в тридцати от него одна из скал вспыхнула ярко-белым факелом.

Альф прихватил с собой излучатель!

Картер с трудом подавил в себе страстное желание выбраться из машины и найти убежище среди скал. Марсоход в эту секунду его замешательства нырнул вниз, и Картер вынужден был выбросить из головы все мысли, чтобы не опрокинуться.

Множество мелких камней вокруг кольца кратера еще больше замедлили дальнейшее продвижение. Картер развернул марсоход в направлении пологого песчаного склона. Как только он достиг его, на высшей точке перевала показался Альф, менее чем в полумиле позади. Его силуэт четко обозначился на фоне красноватого неба, и теперь уже в самой непосредственной близости от Картера полыхнула еще одна ослепительно-яркая вспышка. Но он уже шел по прямой, быстро катаясь по пологому песчаному склону.

— Прогулка обещает быть долгой,— раздался в наушниках шлема голос Альфа.

Картер поддержал беседу:

— Верно. Сколько еще зарядов у тебя осталось?

— Не беспокойся — достаточно.

— А я и не беспокоюсь. Расшвыривайся ими на здоровье, сколько тебе хочется.

Альф ничего не ответил. Но пауза вряд ли затянется надолго — отчего бы не поболтать с тем, кого так хочется видеть мертвым!

Перед следовавшими друг за другом марсоходами простиралась ровная пустыня, которой, казалось, не было ни конца ни края; песок струился под огромными колесами и словно застывал сзади. Выгнутые плавным полумесяцем дюны не представляли особого препятствия, изредка попадались «колодцы» — возможные места захоронения марсиан, правда, убедительных подтверждений этому пока не было.

Час шел за часом, солнце соскользнуло к далекому красному горизонту, а Альф продолжал хранить молчание. Неужели ему нечего сказать Картеру? Но ведь это не так: Альфу нужно еще как-то оправдать свои действия! И тогда Картер произнес, тяжело вздохнув:

— Тебе не поймать меня.

— Да, но я могу оставаться позади тебя столько, сколько сочту необходимым.

— Лишь двадцать четыре часа. У тебя запас воздуха на сорок восемь часов. Я не верю, что ты способен на самоубийство только ради того, чтобы расквитаться со мною.

— Не рассчитывай на это. Завтра в полдень ты уже будешь гнаться за мною. Тебе нужен будет воздух для дыхания, как и мне самому.

— Вот, смотри!

Картер перебросил пустой баллон через борт и теперь смотрел, как он катится вниз по склону.

— У меня один сверх комплекта. Я проживу на четыре часа дольше, чем ты. Хочешь повернуть назад?

— Нет.

— Твой брат не стоит этого, Альф. Ведь он ничего собой не представлял, этот гомик.

— И только из-за этого он должен был умереть?

— Да, должен был, после того как стал делать закидоны в мою сторону. А может быть, ты и сам такой же?

— Нет. И Лью тоже не был «голубым», пока не оказался здесь. Просто начальству следовало бы посылать сюда одинаковое количество мужчин и женщин.

— Аминь.

— Видишь ли, многих людей слегка подташнивает от гомосексуалистов. Меня в том числе, и было очень больно видеть, что такое случилось с Лью. Но есть только один тип людей, которые готовы наброситься на них с кулаками и вышибить из них дух вон.

Картер нахмурился.

— Парни, которые опасаются, что могут сами стать гомиками, если дать им такую возможность. Они терпеть не могут гомиков, потому что те являются для них искушением.

— Ты сейчас всего лишь отвечаешь любезностью на любезность.

— Возможно.

— Так или иначе, но в поселке хватало проблем и без... того, что у нас творилось. Под угрозу было поставлено осуществление всего проекта из-за кого-нибудь вроде твоего братца.

— И дело приняло настолько серьезный оборот, что возникла необходимость в штатных убийцах?

Неожиданно до Картера дошло, что он незаметно для самого себя стал собственным адвокатом в воображаемом суде. Если удастся втолковать Альфу, что его не следует подвергать смертной казни за содеянное, он сумеет убедить и всех остальных. Если же он не преуспеет в этом — что ж, тогда придется уничтожить купол или умереть самому. Поэтому Картер продолжал, вкладывая в свои слова максимум воодушевления:

— Понимаешь, Альф, поселок существует ради двух целей. Первая — выяснить, в состоянии ли человек жить здесь. Вторая — вступить в контакт с марсианами. Сейчас нас всего лишь пятнадцать человек...

— Двенадцать. Тринадцать станет только после моего возвращения.

— Четырнадцать, если мы вернемся вместе. Так вот. Каждый из нас в большей или меньшей степени необходим для поселка. Но вот я, эколог, нужен для

осуществления обеих целей. В мои обязанности входит не только предотвратить гибель поселка из-за того или иного нарушения экологического равновесия, но и выяснить, как же все-таки существуют марсиане в столь малопригодной для жизни среде, чем они дышат, чем питаются, какова взаимозависимость различных форм жизни на Марсе. Понятно?

— Еще бы. А Лью? Насколько он был необходим?

— Мы вполне можем обойтись и без него. Он был всего лишь радистом. По меньшей мере двое из участников этой экспедиции получили достаточную подготовку, чтобы справиться с его обязанностями.

— Ты меня просто осчастливил своим откровением. А нельзя ли то же самое сказать и о тебе самом?

Картер задумался. Гендет, например, в состоянии при самой небольшой поддержке со стороны остальных обеспечить нормальную эксплуатацию систем жизнеобеспечения поселка. Но...

— С марсианской экологией шутки плохи. Это тебе не...

— Нет никакой особой марсианской экологии. Джек, разве удалось найти следы хоть какой-нибудь жизни на Марсе? Ты не можешь вести исследования, не располагая фактами! Тебе просто нечего здесь исследовать — кроме этих мрачных колодцев с надписями на непонятном языке! Так какой же тогда от тебя здесь прок?

К заходу солнца купол был уже натянут снова, и пронзительный вой, которым сопровождалось его заполнение воздухом, сменился последними усталыми вздохами сопел генератора. Старший лейтенант Шют расстегнул зажимы гермошлема, оставаясь тем не менее начеку, чтобы мгновенно захлопнуть его снова, если воздух окажется слишком разреженным. Но все было в норме. Он отложил шлем в сторону и поднял вверх два больших пальца.

Ритуал есть ритуал. Люди прекрасно понимали, что воздух уже вполне пригоден для дыхания, но они очень серьезно относились к установившимся обычаям, и наиболее свято соблюдавшимся здесь ритуалом было именно то, что старший по должности застегивает свой гермошлем последним, а разгерметизацию производит первым. Жители поселка быстро поснимали скафандры и вернулись к своим обязанностям. Некоторые из них прошли на кухню, чтобы ликвидировать беспорядок после вакуумирования и дать возможность Харли, повару, заняться приготовлением обеда.

Шют остановил проходившего мимо Ли Казенса.

— Можно отвлечь вас на пару минут?

— Разумеется, Старший.

Шют давно уже стал «старшим» для всех обитателей поселка.

— Мне нужна ваша помощь как литератора. Когда мы окажемся в пределах досягаемости Земли, я собираюсь послать рапорт. Хочется, чтобы он был, насколько это возможно, поубедительнее.

— Прекрасно. Дайте мне взглянуть на него.

Шют вместе с Казенсом прошел в свой персональный дом, открыл сейф и передал журналисту рукопись. Тот взвесил ее на руке.

— Солидно. Неплохо было бы подсократить.

— Ради бога, все, что вы сочтете необходимым!

— Держу пари, что смогу это сделать.

Казенс тяжело опустился на койку и начал читать. Спустя минут десять он спросил:

— И каков же процент гомосексуалистов среди личного состава Флота?

— Не имею ни малейшего представления.

— В таком случае ваш рапорт не может быть достаточно убедительным свидетельством важности проблемы. Ведь до сих пор тема поднималась разве что в шуточных куплетах.

— Вы правы.

— Во многих школах в Англии практикуется совместное обучение. И таких школ с каждым годом становится все больше.

— Я знаю. Но нынешняя проблема актуальна среди мужчин, которые учились в школах только для мальчиков.

— Тогда нужно изложить эти соображения в более доступной для понимания форме. Кстати, у вас самого в старших классах было совместное обучение?

— Нет.

— А «голубые» были?

— По меньшей мере по одному в каждом классе. Ребята постарше наказывали с помощью гребных весел тех, на кого падали подозрения.

— И это помогало?

— Нет. Конечно же, нет.

— Активизация гомосексуального поведения наблюдается в тех обществах, где налицо три основных условия: достаточное количество свободного времени, отсутствие женщин и строго соблюдаемый распорядок приема пищи.

— Я знаю.

— Эта угроза — передать изложенные в рапорте соображения в прессу... На вашем месте я бы исключил ее из текста.

— На моем месте вы бы вообще этого не сделали,— Шют криво усмехнулся.— Каждый, кому приходится иметь дело с высшим военным начальством, прекрасно понимает, как сильно он рискует собственной шкурой. Генералы боятся разъяренной общественности. Только в Соединенных Штатах имеются сотни различных Лиг Благопристойности, может быть, даже тысячи. И все они набросятся на правительство, как гарпии, стоит только послать смешанный экипаж на Марс или куда-нибудь еще в космос. Единственный способ, с помощью которого у меня есть возможность заставить правительство хоть что-нибудь предпри-

нять, это поставить его перед лицом еще более серьезной угрозы.

— Считайте, что вы победили. Речь идет именно о такой угрозе.

— По вашему мнению, здесь есть еще что-нибудь лишнее?

— О, чертовски много. Я пройдусь еще раз по вашему рапорту, как говорится, с красным карандашом в руке. Вы употребляете слишком много длинных слов... И еще — примеры, и как можно больше, иначе рапорт будет лишен должной убедительности.

— В таком случае я погублю репутацию нескольких человек.

— Ничего не поделаешь. Здесь, на Марсе, нужны женщины, и притом совершенно безотлагательно. Раф и Тимми уже внутренне готовы к тому, чтобы буквально оплевать друг друга с ног до головы. Раф считает, что это он стал причиной смерти Лью, оставив его. Тимми же непрестанно отпускает колкости в его адрес.

— Ладно,— вынужден был согласиться Шют и поднялся со стула.

Все то время, пока обсуждался рапорт, он сидел, неестественно выпрямив спину, как будто проглотил палку.

— Марсоходы все еще в радиусе действия нашей рации? — сменил он тему.

— Они нас не слышат, но мы можем слушать переговоры между ними — чувствительность стационарной рации намного выше. Сейчас возле нее дежурит Тимми.

— Прекрасно. Я велю ему оставаться на связи, пока они не окажутся вне радиуса слышимости. Как там с обедом?

Как только село солнце, на небе появился Фобос — размытой формы полумесяц из беспорядочно разбросанных движущихся световых точек. По мере своего

подъема он становился все ярче, в течение нескольких часов пройдя все возможные лунные фазы. Картеру же было не до наблюдений за небом — его внимание сосредоточилось на треугольнике пустыни, высвеченном фарами марсохода. Он неплохо выбрал курс: пустыня впереди него выглядела совершенно ровной на добрую тысячу миль. Здесь не приходилось опасаться утесов, которые, неожиданно возникнув прямо перед марсоходом, заставят совершать прыжки с помощью хвостовых ракет. После такого маневра вполне возможно очутиться в ловушке, потеряв из виду Альфа. А он, затаившись под утесом, затем сможет неожиданно на него напасть. Завтра, когда Солнце будет находиться в зените, его преследователь повернет назад, вот тогда-то Картер и одержит над ним верх. Он последует за Альфом параллельным курсом и будет в пределах видимости из поселка на час позже, имея около трех часов на обдумывание плана действий.

Затем самое трудное. Нужно будет прорваться через охрану, повредить купол и каким-то образом завладеть запасом кислородных баллонов, загрузить часть из них в марсоход и открыть вентили остальных. Разгерметизация купола, по всей вероятности, погубит всех, кто будет находиться внутри, но наверняка останется кто-нибудь снаружи, облаченный в скафандр, или таких будет несколько.

Веки налились тяжестью. Но Картер не снижал скорость, заставлял себя бодрствовать.

Несколько раз он серьезно прикидывал, а не раздавить ли радиомаячок, вмонтированный в скафандр? Непрерывно передаваемый сигнал этой штуковины поможет кому угодно отыскать его в любое время. Но что касается Альфа, тот и без помощи сигнала найдет своего врага без особого труда — марсоход неотступно следовал за Картером, не приближаясь, но и не отставая. Вот если бы ему удалось выйти за пределы видимости Альфа, можно было и разделаться с маячком.

А пока лучше подождать.

Звезды догорали над черным горизонтом в западной части неба, снова на небе взошел Фобос, на сей раз он был куда ярче, однако опять так быстро поднялся над головой, что исчез из виду. А над треугольником, постоянно высвечиваемым фарами Картера, показался теперь Деймос.

День наступил неожиданно. Впереди показался кратер — стеклянное блюдце посреди пустыни — не слишком большой, так что объехать его не составляло особого труда. Картер свернул налево. Марсоход позади него тоже повернул.

Картер сделал несколько глотков питательного раствора через одну из трубок гермошлема и снова сосредоточил все свое внимание на управлении машиной. Но глаза определенно начали сдавать: казалось, в них попал мельчайший песок.

— Доброе утро,— раздался вдруг голос.

— Доброе. Хорошо выспался?

— Не очень. Проспал всего лишь шесть часов, да и то урывками — старался не упустить тебя из виду.

Наверняка Альф подтрунивает над ним. Он, разумеется, спал ничуть не больше, чем сам Картер.

— Ну-ка взгляни направо,— предложил его преследователь.

Справа от них высилась стена кратера. И... Картер посмотрел еще раз, чтобы удостовериться, что это ему не привиделось,— на ней на фоне красноватого неба четко обозначился силуэт, очень напоминавший человеческий. В одной руке это существо держало что-то тонкое и длинное.

— Марсианин,— тихо произнес Картер.

Нисколько не колеблясь, он развернул машину, чтобы взобраться на стену.

Впереди него с промежутком в секунду полыхнули две вспышки, и он лихорадочно повернул штурвал до отказа влево.

— Черт побери, Альф! Да ведь это же МАРСИАНИН! Нам непременно нужно догнать его!

Силуэт исчез. Можно было не сомневаться, что марсианин пустился наутек, спасая свою жизнь, как только заметил выстрелы.

Альф ничего не ответил. И Картер поехал дальше, огибая кратер, убийственная ярость все больше овладевала им.

Было одиннадцать часов. Над западной частью горизонта поднялись вершины гряды холмов.

— Меня прямо-таки распирает любопытство,— признался Альф,— интересно, что бы ты сказал этому марсианину?

Картер мрачно вздохнул:

— А какое это имеет значение?

— Ну, максимум того, что ты в состоянии был бы сделать,— насмерть перепугать его.

Картер заскрежетал зубами. Даже если бы не было этого несчастного случая, завершившегося гибелью Лью Хэрнесса, невозможно заранее предугадать, сколько времени уйдет на составление словаря. План включал в себя три этапа: пересылка фотографий с надписями на стенах колодцев на Землю, где мощные компьютеры могли бы перевести их на понятный землянам язык; составление посланий, которые затем оставили бы поблизости от колодцев,— для марсиан. Затем — ожидание того момента, когда марсиане сделают встречный шаг. Но не было никакой уверенности в том, что надписи в колодцах сделаны на одном языке, а не на нескольких. Даже если язык и был одним и тем же, вряд ли он не претерпел существенных изменений за тысячи лет. Способны ли современные марсиане читать надписи, сделанные их далекими предками? Не было также причин считать само собой разумеющимся, что марсиан интересуют существа, живущие в надувном баллоне, независимо от того, умеют

ли эти непрошеные гости писать на родном языке марсиан.

— Альф, ты ведь лингвист,— напомнил Картер.

Ответа не последовало.

— Альф, мы с тобою говорили о том, нуждается ли поселок в Лью и нуждается ли он во мне. А что можно сказать о тебе? Без тебя нам никогда не перевести надписи на стенках колодцев.

— Я так не думаю. Большую часть работы сделают компьютеры Калифорнийского университета. А почему ты спрашиваешь?

— Если ты и дальше будешь меня преследовать, то вынудишь пойти на еще одно убийство.

— Тебе этого не сделать. Но у меня есть другое деловое предложение, если не возражаешь. Сейчас одиннадцать. Передай мне два твоих кислородных баллона, и мы пустимся в обратный путь. Остановимся в двух часах езды от поселка... и оставшуюся часть пути поедешь связанным в грузовом бункере. Затем — суд.

— Думаешь, меня простят?

— Вряд ли — после того как ты порвал купол при своем бегстве из поселка. Это было грубейшим промахом с твоей стороны.

— Почему бы тебе не взять у меня только один баллон?

Если Альф клюнет на это предложение, то у Картера появятся лишние два часа. Теперь он уже совершенно отчетливо понимал, что ему придется разрушить купол. Вот только Альф будет чуть сзади от него со своим излучателем...

— Предложение отвергается. Я не дам за свою жизнь и гроша, не имея уверенности в том, что у тебя закончится воздух за два часа до момента нашего возвращения в поселок.

Лучше, если бы все было наоборот! Пусть Альф будет в поселке, когда Картер вернется, чтобы его уничтожить.

— Альф с ним не договорился,— сообщил Тимми, напряженно прислушиваясь к голосам, которые то и дело пропадали на таком большом удалении от приемной антенны.— Он что-то замышляет.

— Естественно,— согласился Шют.— Он хочет оторваться от Альфа, вернуться к поселку и уничтожить его.

— Но ведь он тоже погибнет,— Тимми пожал плечами.

— Совсем не обязательно. Если он поубивает всех нас, то потом сможет заделать прореху в куполе, пользуясь оставшимися кислородными баллонами.

— Боже ты мой! Так что же нам делать?

— Успокойся, Тимми. Расчет несложный.— Слова старшего лейтенанта Шюта звучали уверенно, даже нарочито небрежно, ибо ему совсем не хотелось, чтобы Тимми овладела паника.— Если Альф поворачивает назад в полдень, то Картер не сможет добраться сюда раньше середины завтрашнего дня. К четырем часам пополудни у него заканчивается воздух. Нам придется всем попотеть в скафандрах в течение четырех часов.

Внутренне же он весьма сомневался в том, успеют ли двенадцать человек заделать даже совсем небольшую прореху до того, как израсходуется весь запас воздуха. Баллоны придется менять каждые двадцать минут... такое испытание нелегко будет выдержать.

— Без пяти минут двенадцать,— напомнил Картер.— Поворачивай назад, Альф. Когда ты вернешься домой, у тебя останется всего лишь десять минут в запасе.

Лингвист сдавленно рассмеялся. Синяя точка его машины замерла на месте в полумиле позади.

— Все равно арифметику тебе не обмануть, Альф. Поворачивай назад.

— Слишком поздно.

— Поздно станет через пять минут.

— Я пустился в путь, не имея полного комплекта кислородных баллонов. Мне следовало повернуть два часа тому назад.

Картеру пришлось глотнуть воды прежде, чем он оказался в состоянии ответить.

— Ты лжешь. Ты хоть когда-нибудь перестанешь меня доставать? Так вот, прекрати сейчас же!

Альф рассмеялся.

— Смотри, как я поворачиваю назад.

Его марсоход снова двинулся вперед.

Был уже полдень, а погоня все продолжалась. Два марсохода, разделенные расстоянием в полмили, продолжали упорно двигаться по пустыне со скоростью сорок миль в час. Выгнутые полумесяцем дюны медленно проплывали мимо, столь же однообразные, как океанские волны. Северную часть небосвода на какое-то мгновение прочертила ярко-голубая вспышка сгоревшего в разреженной атмосфере метеорита. Холмы в этой местности были несколько выше, чем раньше, здесь и там торчащие из песка обветренные скалы напоминали погруженных в сон экзотических животных.

Крохотное солнце ослепительно ярко горело в красноватом небе, которое там, где оно смыкалось с горизонтом, было гораздо темнее из-за увеличения толщины слоя атмосферы, становясь густо-багрового цвета.

В самом ли деле в полдень началась эта погоня? Во всяком случае, часы показывали уже двенадцать тридцать, и он был совершенно уверен в том, что с поворотом Альф опоздал.

Альф обрек самого себя на верную гибель — чтобы уничтожить Картера!

— Великие умы мыслят одинаково,— сказал Картер.

— В самом деле? — Голос у Альфа был такой, словно ничего особенного не случилось — или все было для него абсолютно безразлично.

— Ты прихватил с собою лишний баллон! Так же, как и я.

— Нет, Джек, ошибаешься.

— Непременно должен был прихватить. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты не из тех, кто способен на самоубийство. Ладно, Альф, сдаюсь. Давай возвращаться.

— Ни за что.

— У нас еще останется три часа для того, чтобы погоняться за тем марсианином.

Позади марсохода мелькнула очередная вспышка. Картер тяжело вздохнул. В два часа обе машины повернут назад и направятся к поселку, где Картера, по всей вероятности, ждет скорый и печальный финал.

«А что будет, если я поверну прямо сейчас? — подумал Картер.— Легкая смерть. Альф пристрелит меня. Но ведь он может и промахнуться. Если же я вернусь вместе с ним, то погибну наверняка». Картер выругался про себя, но заставить себя повернуть назад он не мог.

К двум часам дня новая холмистая гряда закрыла всю линию горизонта. Холмы были пустынными, как лунные горы, а песчаное море так плотно обступало их со всех сторон, словно хотело поскорее разделаться с ними, затянув в свои глубины.

Картер вел машину, то и дело озираясь назад. Стрелки часов неумолимо отсчитывали одну минуту за другой, и он, уже почти не веря собственным глазам, наблюдал за тем, как марсоход продолжает его преследовать. Но когда часы показали половину третьего, Картер совсем пал духом. Теперь уже не имело никакого значения, сколько кислорода было у Альфа. Ибо они пересекли ту критическую линию, когда и Картер должен был повернуть назад.

— Ты погубил меня,— только и произнес он. Ответа не было.— Я убил Лью нечаянно, в драке на кулаках. То, что ты сделал со мной, намного хуже. Ты

убиваешь меня медленной пыткой. Ты демон, а не человек, Альф.

— О простой кулачной драке можешь рассказать своей бабушке. Ты ударил Лью ребром ладони по горлу, а потом спокойно наблюдал за тем, как он захлебывается собственной кровью. И не говори мне о том, что ты не ведал, что творишь. Абсолютно всем в поселке известно, что ты большой знаток по части восточных боевых искусств.

— Он умер за считанные минуты. Мне же для этого понадобится целый день!

— Не устраивает такой расклад? Тогда поворачивай и мчись прямо на мою пушку. Она здесь ждет тебя не дождется.

— У нас было время поискать того марсианина. Именно ради этого я и прибыл на Марс. Как и ты, Альф. Давай возвращаться.

— Ты первый.

Но он не мог заставить себя сделать это. Даже если поверить, что Альф в самом деле намеревался повернуть назад,— все равно Картер ничего не мог с собою поделать. Но Альф, скорее всего, возвращаться уже не собирался.

Вибрация пластика купола сопровождалась слабым, но режущим слух звуком: снаружи песчаная буря достигла пика своей ярости. К завтрашнему дню вся поверхность купола окажется покрытой наносами песка толщиной в полдюйма, не менее. Внутри купола станет темнее, чем ночью.

Даже на Шюта буря действовала удручающе. Покоритель Марса, кумир миллионов мальчишек, герой, бесстрашно встречавший смертельные опасности на дальних рубежах освоения космоса! Неужели так будет всегда? Люди будут преодолевать чудовищные расстояния только для того, чтобы столкнуться лицом к лицу с самим собою?

На штабеле секций стен сборного домика сидел Тимми, прикрывая своим телом рацию, по которой можно было поддерживать связь с марсоходами, его со всех сторон окружали жители поселка. Когда к этой группе приблизился Шют, Тимми поднялся.

— Они пропали,— объявил он очень усталым голосом и выключил рацию.

Люди, переглянувшись, стали тоже подниматься.

— Тим! Как же это ты упустил их?

— Сейчас они слишком далеко, Старший.

— Они что, так и не повернули назад?

— Нет, продолжают все больше углубляться в пустыню. Альф, должно быть, совсем спятил. Картер совершенно не стоит того, чтобы погибать из-за него.

Но совсем недавно он стоил, и притом немало, отметил про себя Шют. Картер был одним из лучших: несгибаемым, бесстрашным, энергичным, умным. Но на глазах у Шюта он все более опускался — и под воздействием страшной скученности, и вынужденного бездействия на борту космического корабля. Когда они достигли Марса и на всех навалилось много работы, он, казалось, несколько оправился. А затем, вчера утром,— это убийство.

И Альф... Было крайне тяжело потерять Альфа.

Его нагнал Казенс.

— Я завершил правку рукописи.

— Спасибо, Ли. Теперь придется всю ее переработать.

— Зачем? Сделайте приложение, где опишете, как и почему погибли трое людей. А последняя фраза будет такая: «Именно об этом я и предупреждал».

— Вы так считаете?

— Это мое профессиональное суждение. Когда похороны?

— Послезавтра. В воскресенье.

— Вы сможете отслужить разом все три панихиды. Как я полагаю, это будет вполне уместно.

Для всего поселка Джек Картер и Альф Хэрнесс уже были мертвецами...

Наконец они достигли гор, возвышавшихся среди необъятного океана песка. Альф был теперь несколько ближе, где-то менее чем в тысяче футов позади.

Горы оказались слишком высоки для того, чтобы их можно было преодолеть на воздушной подушке. Правда, даже отсюда виднелись места, куда он мог бы посадить марсоход, пока компрессор наполнит ресивер реактивного движителя для следующего прыжка. Только зачем? Не лучше ли подождать Альфа?

Картер сделал глубокий вдох, заметив, насколько затхлым стал воздух, даже несмотря на работу воздухоочистителя, и включил реактивный движитель, работавший от компрессора. Он поднял машину вверх, отклонившись назад, насколько возможно, чтобы компенсировать потерю веса кислородных баллонов у себя за спиною. Так уменьшалась нагрузка на гироскопы, предназначенные для включения только в случае крайней необходимости. Поднимался он достаточно быстро, а затем наклонил марсоход так, чтобы он смог скользить вверх по откосу холма, имевшему наклон примерно градусов тридцать. На склоне встречались почти совершенно ровные участки. Он должен был достичь первого из них без особых затруднений...

Внезапно глаза его ослепила вспышка яркого пламени. Картер, сцепив зубы, превозмог страшное желание оглянуться, он только чуть замедлил подъем. Давление в ресивере начало быстро падать.

Марсоход опустился легко, как перышко, на площадку, возвышающуюся над пустыней футов на двести.

Альф покинул кабину и теперь стоял у самого подножия горы, задрав голову вверх.

— Давай сюда,— не выдержал Картер.— Чего ты дожидаешься?

— Карабкайся дальше, если тебе так хочется.

— В чем дело? У тебя заклинило гироскопы?

— Это у тебя, Картер, заклинило мозги.

Альф медленно поднял выпрямленную правую руку. Оттуда полыхнуло пламя, и Картер инстинктивно пригнулся.

Компрессор ощутимо сбросил оборот, это означало, что газовый ресивер уже почти наполнился. Но было бы глупо осуществить второй прыжок до того, как он заполнится до конца.

Альф снова забрался в кабину, еще несколько секунд — и он поднялся вверх. Картер последовал его примеру.

На этот раз посадка получилась очень жесткой, на высоте трехсот футов, и только после того как корпус перестал вибрировать, Картер отважился посмотреть вниз.

Альф так и остался у подножия горы. Это был чистейший блеф с его стороны!

Третий прыжок вознес Картера на самую вершину. А вот вниз с горы он никогда еще не прыгал, и первый прыжок едва не стоил ему жизни. Тормозить при посадке пришлось на последних остатках газа в ресивере. Подождав, пока перестанут трястись руки, оставшуюся часть спуска он проделал на колесах. У подножия горки с противоположной стороны никаких признаков присутствия Альфа он не обнаружил и направился дальше в пустыню.

Солнце уже почти закончило свой сегодняшний путь по небосводу. Над желтоватыми холмами на темно-красном небе одна за другой загорались, пока еще довольно слабо, голубоватые звезды.

Где же Альф?

Затем раздался спокойный, едва ли не дружелюбный голос в наушниках:

— Тебе сейчас придется повернуть назад, Джек.

— Не твое это дело.

— Хотелось бы не заниматься этим. Но именно поэтому я и напомнил тебе о необходимости поворачивать назад. Взгляни-ка на часы.

Почти полседьмого.

— Посмотрел? Ну, а теперь считай. Я пустился в путь, располагая воздухом на сорок четыре часа. Ты — на пятьдесят два. На двоих это девяносто шесть часов. Вместе мы уже израсходовали воздуха на шестьдесят один час, что составляет на нас обоих тридцать пять часов. Так вот, я прекратил дальнейшее перемещение час тому назад. С того места, где я сейчас нахожусь, для того чтобы вернуться на базу, требуется тридцать часов. Через промежуток времени, меньший чем два с половиной часа, тебе необходимо настичь меня и отобрать оставшийся кислород. Либо мне придется проделать то же самое с тобою.

— Альф, ты меня слышишь? Прислушайся.— Картер открыл панель, прикрывавшую его рацию, на ощупь отыскал провод, резким рывком оборвал его; в наушниках раздался щелчок.— Слышал это, Альф? Ты не сможешь найти меня, даже если сильно захочешь.

Зачем? В самом деле, только теперь Картер осознал, *что* он натворил. После многих часов и сотен миль погони теперь ему нужно было нагонять Альфа. Все произошло так, как тот запланировал. Сначала Альф намеревался следовать за Картером по пятам до самой гряды, если убийца брата попробует там на него напасть, то забрать баллоны и возвратиться в поселок. Если же Картер решится пересечь гряду, то вполне может погибнуть, и в этом случае также можно будет воспользоваться его баллонами. Погоня осуществлена с таким расчетом, что Картер будет возвращаться в темноте... Да, есть и неоспоримый аргумент — ракетная пушка.

Картер сможет преподнести ему лишь один сюрприз. Он пересечет гряду шестью милями южнее того места, где его рассчитывает встретить Альф, и станет приближаться с юго-востока.

Тьма пала на западную часть неба, как тяжелый занавес. Картер теперь следовал на юг, он сменил курс на противоположный без какого-либо промедления. На то, чтобы пересечь гряду холмов, потребуется добрый час или даже больше. Ему придется совершать лягушачьи прыжки до самой вершины, полагаясь при этом только на свет передних фар. Запаса сжатого газа ему не хватит для того, чтобы преодолеть такую высоту за один раз. А спуск будет и того хуже, на колесах, да к тому же в полнейшей темноте. Деймоса в это время на небе не будет, а свет от Фобоса недостаточно ярок.

Все напоминало слепой полет из воздушного шлюза космического корабля. Он направил свои фары прямо вниз, и поначалу казалось, что машина вообще не двигается. Затем склон стал быстро приближаться, даже, пожалуй, слишком быстро.

Удар при приземлении безжалостно тряхнул его от копчика до макушки. Картер напрягся, ожидая, когда марсоход полетит вверх тормашками вниз по склону. Но хотя машина опасно наклонилась, ему удалось закрепиться на склоне.

Картер весь обмяк и уткнулся шлемом в ладони. Две слезы, огромные из-за малой силы тяжести, медленно упали на защитное стекло и размазались по нему. Впервые он глубоко раскаивался в содеянном. Разве надо было убивать Лью, когда всего лишь один удар ногой по коленке прекратил дальнейшее разбирательство и послужил бы наглядным уроком, который запомнился бы надолго? Зачем опять-таки красть марсоход, не лучше ли было просто сдаться и ждать суда? К чему бежать, прорвав купол — и тем самым превратив обитателей поселка в своих смертельных врагов? Спрашивается, ради чего он ошивался поблизости от базы — только для того, чтобы понаблюдать, чем все это закончится. А ведь он мог бы скрыться за линией горизонта еще до того, как машина Альфа показалась на выходе транспортного шлюза.

Пора двигаться дальше. Картер приготовился к еще одному прыжку — этот должен быть поистине ужасным. Стартовать придется из положения, когда машина накренилась назад почти на тринадцать градусов...

Минутку, минутку...

Что-то было не так в той картине, которая предстала перед его мысленным взором, когда он попытался восстановить в памяти, как марсоход Альфа, сопровождаемый суетившимися вокруг обитателями поселка, катится в направлении шлюза. Определенно... Только вот что?

Побелевшие пальцы правой руки сжали рукоятку дросселя подачи сжатого газа в реактивный движитель, левая включит гироскопы именно в то мгновенье, когда, оторвав колеса от склона, он поднимет машину вверх.

...Альф предусмотрел все до последней мелочи, все рассчитал. Как же тогда могло получиться, что он отправился в пустыню, не имея полного запаса кислорода? И если он в самом деле все так тщательно продумал, то каким образом ему удастся заполучить баллоны Картера в случае его гибели?

Предположим, Картер разобьет свой марсоход о крутой склон прямо сейчас, при совершении второго прыжка? Альф об этом ничего не будет знать, пока не наступит девять часов, а его враг так и не покажется. Только тогда ему станет точно известно, что Картер где-то потерпел аварию. Но ведь время уже безнадежно упущено!

Если только Альф не солгал...

Вот оно — то, что было не так в его мысленной картине! Если поместить в кассету для баллонов с кислородом только один баллон, то он будет мозолить глаза, как оттопыренный большой палец сжатой в кулак кисти. Если же заполнить баллонами всю кассету, а затем вынуть из нее один баллон, то прореха в кассете, имеющей вид шестиугольника с баллонами в его вер-

шинах, бросится в глаза, как футбольные ворота, не защищенные вратарем. А такой прорехи в кассете на марсоходе Альфа не было.

Предоставив Картеру возможность разбиться насмерть сейчас, Альф узнает об этом, имея в своем распоряжении четыре часа на то, чтобы разыскать потерпевший аварию марсоход.

Картер рывком поднял машину в нормальное положение, затем на самой малой возможной скорости попробовал опустить его чуть ниже. Марсоход качнулся несколько раз туда-сюда, но не опрокинулся. На этот раз он сумеет опустить его назад, не освещая свой предполагаемый путь фарами...

Девять часов. Если Картер просчитался в своей оценке ситуации, то может вполне уже считать себя покойником. Не исключено, что его преследователь сейчас расстегивает свой гермошлем, и во взгляде его не осталось ничего, кроме крайнего отчаяния, он до сих пор никак не в состоянии уразуметь, куда это подевался Картер. Но если он прав... Тогда Альф сейчас просто качает головой, не позволяя себе самодовольной улыбки, но просто подтверждая правильность своего замысла. Сейчас он решает, подождать ли еще пять минут на случай опоздания Картера или сразу приступить к поискам.

Картер сидел в погруженной во тьму кабине у подножия голых скал, крепко сжимая в руке гаечный ключ и не сводя глаз со светящейся стрелки индикатора. Там находится Альф — на основании сигналов, передаваемых его радиомаячком.

Гаечный ключ был самым тяжелым из всех инструментов, что ему удалось найти в кабине. Ему попалась еще отвертка, но ею не проткнуть жесткий материал, из которого сделан скафандр. Стрелка была направлена прямо на Альфа, но она совершенно не шевелилась.

Сколько же времени он станет ждать?

Картер поймал себя на том, что негромко бормочет: «Ну, трогай же, идиот. Тебе предстоит обыскать оба склона гряды холмов. Обе стороны и верхнюю часть. Трогай. Трогай!» Боже праведный! Неужели он выключил свою рацию? Нет, тумблер включения рации внизу, в положении «Включено».

«Трогай же!»

Стрелка шевельнулась. Дернулась только один раз, едва-едва заметно, и снова замерла. И так совершенно не двигалась довольно долго — минут семь или даже восемь. Затем дернулась в противоположном направлении. Альф обыскивал не тот склон!

А затем Картер обнаружил изъян в своем собственном плане. Его преследователь, наверное, думает, что он погиб. Но покойник не может расходовать драгоценный кислород. Значит, Альф уверен, что у него не четыре часа в запасе, а больше.

Стрелка дернулась и слегка переместилась — расстояние до Альфа было немалое. Картер тяжело вздохнул и закрыл глаза: Альф неумолимо приближается. Он благоразумно решил объехать сначала эту сторону; ибо если Картер валялся на этой стороне, придется пересечь гряду еще раз, чтобы добраться домой.

Сейчас он, должно быть, на вершине. Затем долгий, медленный, постепенный спуск. Показался слабый свет фар. Он виднелся гораздо севернее, чем можно было ожидать, неужели Альф повернул на север?

Нет, это же он, Картер, повернул на юг. Все правильно. Свет фар стал ярче... Картер терпеливо ждал, зарывшись в песок по самое ветровое стекло у подножия скалистой гряды.

У Альфа было оружие; несмотря на всю свою уверенность в том, что Картер мертв, он, по всей вероятности, ведет машину, не выпуская его из рук. Вот он переместился к западу... сейчас он футах в шестидесяти.

Картер еще сильнее сжал гаечный ключ.

ВОТ ОН!

Свет фар скользнул по глазам Картера. ОН МЕНЯ НЕ ВИДИТ. Картер вылез из марсохода и скатился чуть вниз по песчаному склону. Фары продолжали удаляться, и Картер пустился бегом вслед за ними, совершая прыжки так, как это делают на поверхности Луны, отталкиваясь от грунта одновременно обеими ногами, а после секунды такого полета широко расставляя ноги и вытягивая их вперед для приземления и следующего прыжка.

Последний гигантский прыжок кенгуру — и он уже на кислородных баллонах, упав на колени и предплечья, подняв ступни повыше, чтоб не было слышно удара о металл. Одна рука опустилась, не имея под собою опоры,— там, где недоставало пустых баллонов. Тело по инерции едва не скатилось на песок, но Картер сумел удержаться.

Прямо под ним виднелся прозрачный гермошлем Альфа. Голова внутри его раскачивалась то вперед, то назад, перекрывая световой треугольник, образованный фарами.

Картер высоко поднял гаечный ключ и со всей своей силой опустил его вниз.

Пластик гермошлема покрылся звездами трещин. Альф, в изумлении широко открыв рот и глаза, запрокинул голову вверх, и тут же изумление сменилось отчаянием и ужасом. Картер еще раз обрушил на него всю силу своего удара.

На шлеме появились новые трещины, они становились все длиннее. Альф поморщился, задрожал всем телом и наконец поднял излучатель. На какое-то мгновение мышцы Картера свело судорогой, когда он снова увидел перекошенный рот Альфа. Затем ударил еще раз, понимая, что именно этот удар станет последним.

Гаечный ключ свободно прошел через разбитый пластик гермошлема и врезался в череп. Картер на мгновение замер, стоя на коленях на кислородных баллонах и глядя на дело рук своих. Затем приподнял мертвое тело

Альфа за плечи, перебросил его через ограждение кабины и влез в нее, чтобы остановить машину.

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы отыскать свой собственный погребенный в песок марсоход. Гораздо больше времени ушло на то, чтобы откопать его. Но времени теперь было хоть отбавляй. Если он пересечет гряду в двенадцать тридцать, то еще сможет достичь базы, используя последние запасы воздуха.

К особым ухищрениям прибегать не придется. Ведь Картер прибудет примерно за час до рассвета, а жители поселка перестанут ожидать их примерно к полудню завтрашнего дня.

Позже он сумеет отремонтировать и снова наполнить воздухом купол. Через месяц на Земле узнают о случившемся: метеорит угодил в купол, но в это время Джека Картера в поселке не было. Его заберут домой, и остаток своей жизни он проведет, пытаясь заглушить воспоминания.

Он знал, какие из его баллонов были пустыми. У каждого жителя поселка — соответственно, и у него тоже — имелся свой способ расположения баллонов в кассете. Схемы расположения баллонов в кассете Альфа он не знал, значит, придется проверять наличие кислорода в каждом по отдельности. Некоторые Альф уже выбросил сам, очевидно, в расчете, что их место займут баллоны Картера. Один за другим Картер поворачивал вентили каждого баллона. Если раздавалось шипение, он перекладывал этот баллон в свою кассету. Если нет — то переходил к следующему.

Шипение обнаружилось только у одного баллона. Итак, пять полных. Ему никак не осуществить тридцатичасовое путешествие, располагая всего пятью баллонами.

Альф где-то припрятал три кислородных баллона, там, где он мог без особого труда отыскать их. Сделал

он это на всякий случай — если с ним произойдет что-нибудь непредвиденное и его машина достанется Картеру. Чтобы даже в этом случае Картер не смог вернуться живым.

Баллоны наверняка были где-то поблизости, но Картер располагал всего лишь двумя часами на то, чтобы их отыскать. Скорее всего — он сразу это понял — они должны находиться по ту сторону гряды, ведь на этой стороне Альф нигде не останавливался.

Но он мог оставить их где-нибудь на склоне во время своих попыток достичь вершины...

В каком-то неожиданно охватившем его приступе бешеной спешки Картер запрыгнул в кабину своего марсохода и поднял его вверх. Фары прекрасно освещали путь к вершине и дальше.

Первые лучи солнца застали Ли Казенса и Руфуса Дулитла, когда они уже были снаружи купола. Они копали могилу, Казенс сохранял при этом стоическое молчание. Со смешанным чувством жалости, а также отвращения выдерживал он напряженный поток слов, срывавшихся с языка Руфуса:

— ...первый человек, которого предстоит похоронить на другой планете. Неужели вы считаете, что Лью пришлось бы по душе такое? Нет, ни в коем случае. Он бы сказал, что не стоило умирать ради этого. Он ведь так хотел домой. И, скорее всего, возвращался бы на борту следующего корабля...

Сухой песок скользил с лопаты, как тягучая жидкость.

— Я попытался было втолковать Старшему, что Лью по душе было бы погребение в колодце. Но он даже не захотел меня слушать. Он сказал, что марсиане, возможно, совсем не... Эй!

Казенс мгновенно бросил взгляд вверх и сразу же уловил какое-то движение — перемещавшееся по стене кратера пятнышко. Марсианин! Это была самая пер-

вая его мысль. Что еще могло передвигаться за пределами купола? Однако спустя несколько секунд он явственно различил марсоход. Для Ли Казенса это было равнозначно восставшему из могилы покойнику. Машина двигалась, словно слепое животное, натыкаясь то и дело на вертикально торчавшие глыбы оплавленного стекла. Затем марсоход поднял огромные клубы мельчайшего песка на дне кратера — все это время Казенс стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться, и только краешком глаза заметил, как мелькнула брошенная лопата Дулитла, а сам Дулитл опрометью бросился к поселку.

Марсоход проделал широкую борозду в песке, а затем стал выбираться из кратера. Только тогда Казенсу удалось превозмочь охвативший его паралич, и он двинулся к поселку.

Призрак ехал неторопливо, на скорости вдвое меньшей максимальной. Казенс нагнал его примерно в двух милях от кольца, окаймлявшего кратер. В кабине он увидел Картера, который мертвой хваткой продолжал держаться обеими руками за свой гермошлем.

— Он, должно быть, направил машину по радиомаяку поселка,— докладывал Казенс,— когда почувствовал, что у него кончается воздух.

Наконец удалось поднять первую полную песка лопату из второй могилы, и он добавил:

— Да простим ему его прегрешения. Он сделал все, что мог. Он вернул нам марсоход.

Сразу же после восхода солнца холмик обошло какое-то небольшое двуногое существо. Оно направилось прямо к распростертому телу Альфа Хэрнесса, подойдя к нему, осторожно приподняло его своими хрупкими руками и поволокло труп по песку, напоминая при этом муравья, буксирующего тяжеленный хлебный мякиш. За те двадцать минут, что понадобились этому

существу для того, чтобы достичь марсохода Альфа, оно ни разу не остановилось передохнуть.

Опустив свою добычу, марсианин взобрался на груду пустых кислородных баллонов и заглянул в кассету, затем бросил взгляд вниз, на тело Альфа. Но у такого маленького, слабого существа, разумеется, не было ни малейшей возможности поднять высоко столь тяжелый груз.

Марсианин, казалось, что-то вспомнил. Он слез с кислородных баллонов и нырнул под шасси. Через несколько минут он выбрался оттуда, волоча за собою длинный кусок нейлонового каната. Оба его конца он привязал к лодыжкам трупа Альфа, после чего набросил петлю на буксировочный крюк машины.

Какое-то время марсианин стоял неподвижно над расколотым гермошлемом Альфа, видимо, соображая, куда бы его приспособить. Если волочить тело, голова внутри шлема совсем разобьется, однако в качестве образца голова Альфа, пожалуй, все равно была совершенно непригодна. Где бы двуокись азота ни соприкасалась с чем-нибудь влажным, там тотчас же вспенивалась образующаяся при этом азотная кислота. Но оставшаяся часть тела к тому времени была уже высохшей и жесткой.

Марсианин забрался в кабину. Какое-то время он изучал пульт, и вскоре машина плавно покатилась по песку. Пройдя футов двадцать, она, судорожно дернувшись, остановилась. Марсианин выбрался из машины и, став на колени перед тремя кислородными баллонами, которые были привязаны к шасси нейлоновым канатом, оставшейся частью которого он воспользовался ранее, по очереди пооткрывал запорные вентили баллонов.

Через несколько минут марсоход снова тронулся к югу.

ЧЕЛОВЕК-МОЗАИКА*

В 1900 году нашей эры Карл Ландштейнер разделил человеческую кровь по совместимости на четыре группы: A, B, AB и 0, и с тех пор переливание крови внушало более-менее твердую надежду, что эта процедура не убьет пациента.

Когда в конце двадцатого века достижения медицины сделали реальной трансплантацию органов одного человека другому, движение за отмену смертной казни было обречено.

ВХ83УОАН7 — таков был номер его визофона, его водительских прав, его страховки, а также вербовочной и медицинской карточек. Впрочем, все это уже не имело значения — кроме, разумеется, медицинской карточки. Уоррену Льюису Ноулзу вскоре предстояло умереть.

До суда оставались еще целые сутки, но он не сомневался, что вердикт провозгласит: «Виновен». Обвинение располагало железными доказательствами, и завтра Льюиса приговорят к смерти. Его адвокат Брокстон, конечно, подаст апелляцию, которая, само собой, будет отклонена.

---

* The Jigsaw Man © 1967 Harlan Ellison.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

Лью вцепился в прутья решетки и в четвертый раз за сегодняшний день попытался отодрать хотя бы прикрывающий их силиконовый пластик. Попытка удалась ему не больше, чем предыдущие три, и он разрядил свой ужас и гнев в пронзительном вопле:

— Это нечестно!!

Подросток в камере слева — такой же решетчатой клетке — не шевельнулся. Последнее время парнишка, как правило, неподвижно сидел на краю койки; прямые черные волосы падали ему на глаза, длинные волосатые руки бессильно свисали между коленей. Зато старик в камере справа отреагировал на вопль Лью злобным смешком:

— Что, скажешь, тебя подставили, малыш?

— Н-нет. Я...

— Тогда чем же ты недоволен?

— Я не хочу умирать!

— Само собой, никто этого не хочет. Что ты натворил?

Лью ответил, и старик кивнул с насмешливой улыбкой.

— Глупость — она всегда каралась по высшей мере! И ты еще смеешь рыпаться? Запомни: органы глупцов имеют ту же ценность, что и органы настоящих преступников, так что помилование тебе не светит. Видишь того мальчишку? Тебе известно, кто он такой?

— Почем мне знать? — буркнул Лью.— Он не очень-то разговорчив!

— Он — органлеггер.

Ноулз почувствовал, что лицо его заледенело от ужаса, словно по щекам прошлись заснеженной рукавицей. Он заставил себя бросить взгляд на соседнюю клетку — и тут же отвел глаза. Подняв голову, парень глядел на него, и Лью почудилось в его глазах брезгливое выражение мясника, осматривающего говяжью тушу не первой свежести.

Ноулз вплотную придвинулся к прутьям, отделяющим его камеру от камеры старика.

— Сколько человек он убил?

— Ни одного.

— ?!!

— Он — «ловец». Находил в безлюдном месте голодранца и после усыпления доставлял к главарю шайки. Если бы Берни приволок шефу мертвого клиента, док содрал бы шкуру с него самого.

Лью громко сглотнул.

— И... Сколько таких было?

— Трое. На четвертом попался. Он не очень-то смышленый малый, этот Берни.

— А ты здесь за что?

Старик не ответил, погрузившись в созерцание своих костлявых коленей. Лью отвернулся и рухнул на койку.

Было девятнадцать часов, четверг.

В банду, кроме Берни, входило еще трое ловцов. Один из них шагнул через край скоростной пешеходной дорожки, как только почувствовал, что парализующая пуля вошла в его руку. Берни, самому младшему, еще только предстояли суд, приговор и казнь. Третьего в этот момент уже везли на каталке в госпиталь, находившийся рядом с судебным присутствием.

Официально он пока считался живым. Смертный приговор вынесен, апелляция отклонена, приговоренному дан наркоз,— но он оставался живым и тогда, когда его везли в операционную, и тогда, когда интерны ввели ему в рот загубник, и даже тогда, когда его погрузили в охлаждающую жидкость. Как только температура тела достаточно понизилась, ему впрыснули в вены еще одно вещество, предельно замедлившее удары сердца.

Наконец сердце остановилось. Но оно еще могло забиться вновь. Предполагалось (во всяком случае, те-

оретически), что на этой стадии казни приговор еще можно было отменить.

Но вот температура тела достигла определенной точки, и лента конвейера, на которой оно лежало, двинулась с места. Здесь врача заменял длинный ряд механизмов. Первая машина сделала несколько надрезов на грудной клетке; киберхирург искусно выполнил кардэктомию.... Теперь органлеггер официально причислялся к мертвым, и извлечение из него запчастей продолжалось быстро и слаженно под наблюдением тюремного врача. В первую очередь отправилось на склад сердце; за ним — кожа, затем и все прочие части тела преступника заняли свои места в госпитальном банке органов. Любую из этих частей можно будет упаковать в транспортировочный сосуд и переправить в любую точку света меньше чем за час; таким образом, органлеггер спасет больше жизней, чем отнял.

Лью напрасно пытался сосредоточиться на мелькании мультяшных фигурок на экране телевизора. Ожидание того, что с ним должно случиться меньше, чем через два дня, лишало его сил и воли к жизни; он с трудом сдерживался, чтобы не забиться в истерике.

Его разберут на части кусок за куском! О боже! Нет, он никогда не видел банков-хранилищ органов, но его дядя был хозяином бойни...

Охранник в конце зала читал газету и с аппетитом жевал бутерброд с колбасой.

— Эй! — надрывно выкрикнул Ноулз.

Парень-ловец даже не поднял головы; охранник быстро взглянул на крикуна и вернулся к своему занятию. Лью почувствовал, что его вот-вот стошнит. Страх бился у него в животе, выворачивал внутренности, стискивал горло.

Старик с любопытством глядел на него.

— Как вы можете это выносить? — сдавленно спросил Лью.

— Что именно?

— Разве вы не знаете, что с вами... С нами должны сделать?!

— Потише, малыш. С тобой — может быть, но не со мной. Меня-то им никогда не разделать, словно свинью!

Ноулз и сам не помнил, как оказался у решетки.

— Почему?

Словно передразнивая его дрожащий шепот, старик тоже понизил голос.

— Потому что в моей бедренной кости спрятана бомба. И я собираюсь себя взорвать. А то, что им удастся отскоблить от потолка, вряд ли можно будет использовать для пересадки.

Надежда Ноулза испарилась, как дым. Старик просто спятил! И неудивительно — Лью чувствовал, что сам балансирует на грани безумия.

— Не болтайте ерунды,— устало проговорил он.— Откуда у вас в ноге бомба?

— Я извлек кость, просверлил в ней дыру, поместил туда бомбу и поставил кость на место. Кстати, парень, если тебе не хочется превратиться в замороженное рагу, можешь ко мне присоединиться.

— То есть?

— Прижмись к решетке — этой штуки хватит, чтобы разнести на куски нас обоих.

Старик говорил так серьезно, что Лью невольно отшатнулся:

— Нет, спасибо! И, знаете ли... Мне сейчас не до шуток.

— Я вовсе не шучу. Кстати, ты спрашивал, за что я здесь? — Старик пригнулся к решетке; в его темных глазах запрыгали дьявольские огоньки.— Так вот — я тоже был в той шайке органлеггеров, в которой состоял Берни. Я — доктор. Сопляк Берни доставлял свою добычу прямиком на мой стол, понял? Джек Потрошитель — жалкий дилетант по сравнению со мной, так что вставить себе в ногу бомбу для меня пара пустяков!

Лью в два прыжка оказался у противоположной решетки.

Органлеггеры! Он находится в окружении профессиональных убийц!

— Я знаю, что это такое,— услышал он бормотание старика.— Со мной им *этого* не сделать, никогда! Малыш! Эй, малыш! Раз ты уверен, что не хочешь чистой смерти, самое время тебе нырнуть за койку...

Койкой служил пружинный матрас, установленный на бетонном блоке. Лью свернулся за ним в положении зародыша, прикрыв затылок руками. Сейчас он уже не был уверен, что старик — спятивший враль....

Однако время шло, а ничего не происходило. Ноулз приоткрыл глаза, потом отважился выглянуть из-за койки.

Парень-ловец смотрел на него с кривой ухмылкой. Охранник стоял теперь перед решеткой и тоже заинтересованно наблюдал за Ноулзом: еще бы, зрелище наверняка было презабавное! Лью почувствовал, как багровеет.

Старик здорово посмеялся над ним. Ладно, представление окончено, пора срывать аплодисменты! Лью сделал движение, чтобы встать...

И тут словно долбанул чудовищный молоток.

...Охранник лежал на том, что осталось от прутьев камеры по ту сторону коридора. Берни выбирался из-за своей койки, тряся головой, как паралитик. Кто-то стонал, на пол оседала цементная пыль. Лью поднялся, хотя это удалось ему не сразу.

В соседней камере не осталось ни малейших следов старика... Не считая красных пятен повсюду и огромной дыры в стене.

Лью бросился к покрытым силиконом прутьям, отделяющим его камеру от камеры старика, и попытался пролезть между ними. Должно быть, взрыв здорово тряхнул его мозги — раз он решился на эту отчаянную

попытку — и заодно порядком расшатал решетку, потому что попытка удалась!

Ноулз протиснулся в разгромленную камеру и вдруг почувствовал нарастающую сонливость: автоматически включились ультразвуковые станнеры, предотвращавшие возможность побега. Но страх и желание жить победили сон.

Лью просунул голову в дыру в стене и посмотрел вниз.

Далеко. Достаточно далеко, чтобы вызвать дикое головокружение.

Здание окружного суда в Топеке занимало восемнадцать этажей, и камера Лью находилась под самой крышей. Взгляд Ноулза скользнул вниз, вдоль гладкой бетонной поверхности, усеянной окнами, все дальше и дальше — до самого тротуара...

— Боже, помоги мне!

Лью никогда не верил в бога, но сейчас этот возглас вырвался у него сам собой.

Станнер высасывал из него волю; наверняка он был бы уже без сознания, если бы его голова находилась внутри камеры. Ноулз вывернул шею, чтобы посмотреть вверх.

Край крыши навис в нескольких футах. Ему не дотянуться туда, если...

Лью начал выползать из дыры.

Как бы там ни было, в банки органов он не попадет. Черта с два им удастся найти в нем хотя бы один целый орган, если он рухнет отсюда!

— Боже, помоги мне, и я больше никогда не стану чертыхаться...

Лью прижался грудью к стене и медленно-медленно, прилипая к ней потными ладонями, протянул руки вверх. Не достать! Черт, черт, черт!!!

Он приподнялся на цыпочки... и успел вцепиться в край крыши. Какое-то время Лью висел, оглохнув от громовых ударов собственного сердца; потом ему по-

казалось, что он спятил. В конце концов ему стало ясно, *что* в действительности происходит. Крыша здания суда двигалась — она была пешеходной дорожкой!

Лью висел на закостеневших пальцах, медленно раскачиваясь взад-вперед, а дыра в стене уплывала от него все дальше и дальше.

Он не сможет забраться наверх, не имея опоры для ног; ему не хватит на это сил. Единственная надежда, что он сумеет продержаться до того момента, когда его донесет до открытого окна или до окна с бьющимся стеклом.

Пальцы сводило судорогой, пустота за его спиной безжалостно пыталась всосать его в себя. Как это легко — просто взять да разжать руки! Несколько секунд ужаса — и все...

Нет! Он не совершал преступления, за которое заслуживал бы смертной казни. И он не собирается умирать!

Весь двадцатый век движение за запрет смертных приговоров набирало силу. Его участники — слабо организованные, разбросанные по разным странам преследовали единственную цель: добиться замены смертной казни на пожизненное заключение. Они пытались доказать, что казни не удержат людей от преступлений; что смерть невиновного необратима, тогда как из заключения его можно будет освободить, если все-таки удастся доказать невиновность. «Убийство бесполезно,— твердили они.— Какой в нем смысл, кроме возмездия за совершенный грех? А месть просвещенному обществу не к лицу».

Возможно, они были правы. Возможно, нет.

В 1940 году Карл Ландштейнер и Александр С. Винер опубликовали результаты своих исследований — оказывается, на совместимость человеческой крови влияла не только группа, но и резус-фактор. Это сен-

сационное открытие спасло тысячи человеческих жизней, но, кроме того, дало неожиданный побочный эффект в области юриспруденции.

В ту пору совершившие преднамеренное убийство, как правило, наказывались заключением — пожизненным или на меньший срок. Кое-кто после этого возвращался в общество «перевоспитанным», кое-кто — нет. Только в некоторых штатах оставалась смертная казнь для похитителей, но суд крайне редко приговаривал к высшей мере даже киднепперов. Многие штаты вообще отменили смертную казнь. Но потом... Во всем мире получили широкое распространение банки крови. Мужчины и женщины с неизлечимыми почечными болезнями, имевшие близнецов, могли спастись при помощи трасплантации почек своих братьев или сестер. Потом один врач в Париже начал делать пересадки органов, взятых у близких родственников, разложив несовместимость по ста пунктам и с большой вероятностью оценивая, насколько успешно пройдет трансплантация.

К 1990 году стало реально возможным длительное время сохранять любой человеческий орган годным к пересадке, а прогресс медицины сделал рутинными самые сложные операции. Умирающие регулярно завещали свои останки банкам органов, и похоронные концерны не могли этому воспрепятствовать — но все-таки органов для пересадки хронически не хватало.

В 1993 году Вермонт принял первый закон о банках органов. Смертная казнь в Вермонте никогда не отменялась, и теперь каждый осужденный спасал своей смертью жизни нескольким невиновным людям. Внезапно стало ясно, насколько неверно утверждение о бесполезности смертной казни — по крайней мере, в Вермонте.

А потом — в Калифорнии. И в Вашингтоне, Джорджии... А также в Пакистане, Англии, Швейцарии, Франции, Родезии...

Пешеходная дорожка двигалась со скоростью около десяти миль в час. Под краем крыши, невидимый поздним пешеходам и ранним ночным совам, висел Льюис Ноулз, глядя на карниз, пробегавший под его ногами. Карниз был не шире двух футов, но окно, к которому принесла его дорожка, должно было вот-вот кончиться, и Лью знал, что у него не хватит сил, чтобы продержаться до следующего. Была не была!

Он прыгнул и тут же вцепился в выступ оконного переплета. Несколько мгновений спустя Ноулз восстановил дыхание — и убедился, что в комнате за окном никого нет.

Теперь нужно попытаться разбить стекло. Хорошо, что ему оставили кольцо с алмазом. Лью начертил камнем круг на прозрачной гладкой поверхности.

Это просто обязано быть стекло; если это пластик, он обречен!

Ноулз ударил так сильно, как только мог, рискуя слететь с карниза. Из стекла вылетел почти правильный круг. Пришлось повторить операцию шесть раз, прежде чем отверстие стало для него достаточно широким.

И вот он сидит на полу внутри кабинета, и каждый нерв, каждая мышца ходят в нем ходуном, а зубы клацают, как у эпилептика. Говорят, раньше людей казнили на электрическом стуле — должно быть, в момент казни они чувствовали себя точно так же!

Его молчаливая истерика длилась минуты две, а потом он сумел взять себя в руки. Обидно будет, пройдя через весь этот ужас, теперь попасться! Думай, дружище, думай, как тебе выбраться из здания суда?

О том, что он станет делать, оказавшись снаружи, Лью пока не размышлял, целиком сосредоточившись на проблеме выхода. Конечно, в тюремном комбинезоне ему не сделать по коридору и двух шагов, но вдруг в кабинете найдется какая-нибудь одежда?

Лью заметался, распахивая стенные шкафы, и скоро нашел, что искал. Вся одежда: халаты, брюки, блу-

зы — была светло-зеленого цвета. Теперь Ноулз знал, где он очутился.

Госпиталь!

Угораздило же его проникнуть именно в это окно! Впрочем, разве у него был выбор? У него и сейчас его нет.

Лью с лихорадочной поспешностью сбросил тюремную одежду и облачился в зеленую блузу и брюки, а также в тапочки, обнаруженные в том же шкафу.

Похоже, его преследует какой-то рок. Ведь он и вправду не выбирал это окно, когда решился разжать пальцы именно рядом с ним — а не рядом с предыдущими двумя. Да и принял ли он за всю жизнь хоть одно самостоятельное решение? Вряд ли. Друзья занимали у него деньги — и не отдавали, уводили девушек — он покорно это сносил, его не продвигали по службе — и это он принимал, как должное. Ширли лихо женила его на себе, а вскоре бросила ради Джекета, который, в отличие от Лью, никогда не был размазней. И сейчас, у последнего порога его жизни, ничего не изменилось. Бежать ему помог старый полусумасшедший органлеггер. Да еще инженер, построивший камеры так, что между прогнувшимися прутьями смог протиснуться худощавый человек. Потом услугу оказал тот, кто спроектировал пешеходную дорожку на крыше здания суда. Может, пора самому хоть что-то сделать для собственного спасения?

К сожалению, медицинской маски в шкафу не нашлось, зато Ноулз обнаружил в ящике стола бритву. За сутки, прошедшие после суда, он и не думал бриться, и теперь ему необходимо было срочно избавиться от темной разбойничьей щетины...

А что, если кабинет заперт снаружи?!

Эта мысль швырнула его к двери с бритвенной машинкой в руке — и в тот же миг дверь отворилась, пропуская плотного человека в зеленом больничном халате. При виде жужжащего бритвой незнакомца че-

лость интерна отвисла, и Лью вернул ее на место судорожным ударом кулака, все еще сжимавшего бритвенный прибор.

Зубы вошедшего лязгнули, колени подогнулись, а Ноулз, довершив нокаут ударом по темени, перескочил через упавшего и закрыл за собой дверь.

Он быстро шел, почти бежал по безлюдному коридору, пока не увидел лифт. Лью с разбегу влетел в его гостеприимно раскрытые дверцы и нажал на 0. Только когда загорелась цифра 7, до него дошло, что он водит по щекам дьвольски жужжащей машинкой. Судя по звукам, бритва возмущалась тем, как Ноулз поступил с ее хозяином. Интересно, скоро ли этот бедняга очнется и поднимет шум?

Лифт остановился, его двери поехали в стороны, и Лью даже не успел испугаться, как мимо него прошмыгнула тощая лаборантка, уткнувшаяся в книжку, на обложке которой мускулистый брюнет страстно обнимал стройную блондинку. Не отрываясь от покетбука и даже не взглянув на своего попутчика, девушка вскоре покинула лифт. Лью вышел вслед за ней... И двери закрылись прежде, чем он понял: это вовсе не первый этаж! Чертова лаборантка остановила лифт раньше! Лью повернулся и ударил по кнопке вызова, с трудом задавив в себе яростный вопль. Потом обернулся и медленно обвел взглядом то, что успел увидеть лишь мельком.

Огромное помещение с высоким потолком и уходящими ввысь стеллажами было заполнено стеклянными банками — они красовались на полках стройными сверкающими рядами. А в них...

Ноулза прошиб холодный пот, когда он понял: в сосудах находится то, что раньше было людьми — и то, чем, весьма вероятно, в скором времени станет он сам. Если не сумеет выбраться из этого дьявольского здания.

«Почему лифта так долго нет?!»

И тут завыла сирена, и одновременно включились установленные в этой комнате генераторы ультразвука, вливая онемение в мускулы Лью, обволакивая покорной вялостью его душу.

Лифт наконец пришел, и Ноулз из последних сил вставил между его дверками стул: пусть поищут другие лифты, чтобы до него добраться.

Разумеется, он проиграл, и все же... Ложась на каталку в тюремном госпитале, он должен знать, что не зря проделал сумасшедший путь от своей камеры до этого помещения.

Банки были не стеклянными, а пластмассовыми, но, к счастью, бились не хуже стеклянных!

Впоследствии никто не мог понять, как Льюис Ноулз умудрился так долго противостоять ультразвуку. Сам он так не считал — ведь намеченное было выполнено лишь наполовину, когда усыпляющее пение ультразвуковых сирен наконец справилось с ним. Ноулз выронил стул, которым орудовал, и упал там, где стоял — между двумя стеллажами, залитыми питательным раствором, в мешанину из плоти и осколков разбитых сосудов.

— Не понимаю, почему они даже не упомянули о погроме, учиненном мною в банке органов?!

Лью обиженно прошипел это в ухо своему адвокату под монотонный речитатив. Брокстон тонко улыбнулся:

— Зачем лишние хлопоты? Считается, что на вашу долю хватит и так. Только если вы отразите первый удар, вас обвинят в бессмысленном уничтожении ценных медицинских ресурсов. Но все уверены, что это не потребуется.

— А вы?

— Крепитесь. Теперь у меня тоже припрятана в рукаве козырная карта!

— Какая?! О чем вы?!

— Тсс! Подождем, пока прокурор закончит читать обвинение!

— ...упомянутый Уоррен Льюис Ноулз на протяжении двух лет преднамеренно проехал в общей сложности шесть раз на красный сигнал светофора. В течение того же периода обвиняемый превысил местные ограничения скорости не менее десяти раз, причем один раз на целых пятнадцать миль в час. Кроме того, имеются свидетельства об его аресте в 2082 году по обвинению в вождении в нетрезвом виде. Он был оправдан только из-за...

— Протестую!

— Протест принимается. Раз его оправдали, господин прокурор, значит, суд признал его невиновным. У вас все?

— Да, ваша честь.

— Ваша честь, я хочу ознакомить суд с некоторыми новыми фактами, касающимися моего подзащитного,— обратился к судье Брокстон.

— Пожалуйста.

— За день до ареста Уоррен Льюис Ноулз сдал кровь на ВИЧ и на болезнь Айсгеммера. Час назад из центральной городской лаборатории был получен ответ: тест на ВИЧ — результат отрицательный, тест на БА...— Брокстон выдержал эффектную паузу, и Лью почувствовал, как его сердце проваливается в желудок.— Тест на БА — результат положительный!

По залу, как ветер, пронесся взволнованный говорок.

Болезнь Айсгеммера, такое же пугало двадцать первого века, как и СПИД! Лью видел, как отовсюду на него устремляются сочувственные, заинтересованные и испуганные взгляды. Официально считалось, что вирус, разрушающий селезенку и красный костный мозг, может передаваться только через кровь, но люди тем не менее испытывали страх, сталкиваясь с инфицированными БА. Правда, у бедняг, заразившихся бо-

лезнью Айсгеммера, все же оставалась надежда на спасение, заключавшаяся в пересадке костного мозга и селезенки... Боже, где он мог подцепить эту дрянь? Неужели на той вечеринке у Сэма, где его уговорили впервые в жизни кольнуться «веселой вдовой»? Он был тогда в доску пьян и, конечно, даже не посмотрел, какой ему подсунули шприц...

— Мистер Ноулз! Очнитесь!

Он резко вздрогнул, когда адвокат тряхнул его за плечо, и посмотрел на Брокстона диким взглядом.

— А? Что такое?

— Дело выиграно! Вас оправдали! Вы что, совсем ничего не слышали?

— Оправдали? — Лью огляделся по сторонам, как будто приходя в себя после глубокого наркоза.

— Ну да! Про инцидент с банком органов никто даже не упомянул; судебным властям ни к чему лишние неприятности. Если по городу разнесется весть, что любой хулиган может запросто проникнуть в здешний банк органов и учинить там погром...

— Так значит, я оправдан?

— Ну да. Вы же понимаете,— Брокстон наклонился к нему и понизил голос,— что никто не заинтересован в органах инфицированного вирусом БА. Можно сказать, вам крупно повезло. Поздравляю!

— Повезло... Брокстон, я все еще нуждаюсь в ваших услугах. Скажите, после всего, что я натворил, есть шанс встать в очередь на трансплантацию костного мозга и селезенки?

В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ*

С крыши двенадцатиэтажного здания отеля хорошо просматривались окружавшие его апельсиновые сады, огороды и пастбища для скота. Они расходились правильными квадратами все дальше и дальше и одновременно все выше и выше, уменьшаясь в перспективе и образовывая замкнутую сферу — внутреннюю поверхность Фермерского астероида, расчлененную на две равные части кольцевой линией рек и озер.

Искусственное солнце заливало ярким светом все ее внутреннее пространство. «Небо» — полусфера, располагавшаяся над головой,— представлялось невообразимой мешаниной крохотных квадратиков и казалось живым: такое впечатление создавали непрерывно снующие по нему ярко-красные букашки — автоматические трактора.

Лукас Гарнер погрузился в полудремотное состояние, предоставив своему взгляду скользить по этой небесной тверди. По приглашению правительства Белта — Пояса Астероидов — он впервые в своей жизни посетил малую планету, совмещая отдых от повседневных дел с возможностью обогатить свой кругозор

---

* At the Bottom of a Hole © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Л. Ткачука.*

новыми впечатлениями — вещь редкая для человека в возрасте более ста семидесяти лет. Он и представить себе не мог раньше, насколько это приятное занятие — тешить взгляд видом изогнутого неба, состоявшего из сплавленных горных пород и импортированной почвы.

— В контрабанде нет ничего безнравственного,— заявил сидевший рядом с ним Лит Шеффер. Гарнер переключил свое внимание на хозяина.

— Вы считаете, что контрабанда — то же самое, что и карманная кража на Земле?

— Как раз этого я и не имел в виду,— заметил Шеффер.

Сказав это, он, пошарив в кармане своего комбинезона, извлек оттуда небольшой черный плоский предмет и положил его на стол.

— Я хочу прокрутить это через пару минут... Гарнер, в карманных кражах нет ничего противозаконного. Иначе и быть не может, ведь вся Земля настолько заполнена людьми, что они буквально прижаты друг к другу. Там просто никому не под силу добиться соблюдения закона, квалифицирующего карманную кражу как преступление. В Белте же контрабанда считается занятием незаконным, но отнюдь не безнравственным.

— Вот как!

— Если у белтера возникает необходимость переслать заработанное за пределы Пояса Астероидов, то он сам решает, как ему поступить в данном случае. Легальный трансфер через центральные органы на Церере обходится ровно в тридцать процентов от стоимости груза. Если же некто полагает, что ему удастся обойти «золотые мундиры», то есть наших таможенников, это его личное дело. Но в случае поимки мы конфискуем его груз, и он рискует стать всеобщим посмешищем. Недотепа-контрабандист ни у кого не вызывает чувства сострадания.

— Именно так и пытался поступить Миллер?

— Да. При нем был очень ценный груз: двадцать килограммов чистейших северных магнитов. Мы засекли его на экранах наших радаров. Миллер, по всей вероятности, держал курс на Луну, оставив позади Цереру с мощным радаром. Наши корабли оказались впереди, переходя на его курс с ускорением в два «же». Его корабль-рудоискатель способен развить ускорение, не большее чем половина «же», так что со временем его перехватили бы обязательно, что бы он ни предпринимал. Потом он обнаружил, что прямо по курсу у него — Марс!

— То есть оказался в «мешке».— Гарнер в достаточной мере был знаком с бытом и нравами белтеров, чтобы освоить их сленг.

— В самом что ни на есть настоящем. Первым его инстинктивным побуждением было тотчас же изменить курс. Белтеры достаточно опытные навигаторы, чтобы не попадаться в гравитационные ямы. Гибель грозит человеку во множестве самых различных обликов, стоит ему оказаться в непосредственной близости от «мешка». Однако у рудоискателей не бывает классных автопилотов. Они выбирают самые дешевые модели и поэтому стараются держаться подальше от «мешков».

— Вы не зря сообщаете мне все эти подробности. Это имеет отношение к вашему роду деятельности? — с некоторым упреком спросил Гарнер.

— Да, вы в таком возрасте, что вас не просто провести.

Временами Гарнеру и самому так казалось. Когда-то давно, еще в промежутке между первой межпланетной войной и сооружением первой планеты, Гарнер научился читать по лицам своих собеседников с такой же точностью, как будто владевшие ими чувства или их мысли были отпечатаны на их лбах. Часто это сберегало ему немало времени, а, с точки зрения Гарнера, его время стоило беречь.

— Продолжайте,— предложил он.

— Однако по зрелом размышлении Миллер решил воспользоваться «мешком». Используя взаимодействие сил притяжения Юпитера, Цереры и Марса, можно самостоятельно рассчитать обходные маневры, не полагаясь на автопилота. Он мог подгадать момент, когда Марс заслонил бы его корабль от радара на Церере. Или позволить себе даже чиркнуть по касательной атмосферу Марса, пройдя совсем близко от его поверхности.

— Лит, а разве Марс не является собственностью Объединенных Наций?

— Только постольку, поскольку мы никогда не видели ни малейшей от него пользы и не желали присовокупить его к своим владениям. Значит, Миллер совершил нарушение границ владений Объединенных Наций, не получив на то соответствующей санкции.

— Продолжайте. Что же случилось дальше с Миллером?

— Пусть он сам расскажет об этом. Вот его бортовой журнал!

Лит Шеффер прикоснулся к небольшому плоскому предмету, и из него раздался мужской голос.

20 апреля 2112 года.

Плоское небо, плоская поверхность планеты, никаких звезд не видно, кроме самых ярких, которые имеют темно-красный оттенок, как и здешнее небо.

Это самое дно «мешка», и я, должно быть, совсем ополоумел, пойдя на такой риск. Но тем не менее мне удалось вполне благополучно осуществить посадку, на что я совсем не надеялся, вплоть до самого последнего момента.

Представьте себе привычную нашу вселенную, в которую вдруг врывается другая вселенная, похожая на абстрактную картину, чересчур огромную, чтобы на ней можно было различить имеющие хоть какой-нибудь

смысл детали, и эта вторая вселенная проносится мимо с дьявольской скоростью. Странные звуки проникают сквозь обшивку корабля, ничего похожего на это никогда не доводилось мне слышать, наверно, это были звуки, издаваемые крыльями ангела смерти. Стены стали быстро нагреваться. Слышно было, как компрессоры термосистемы охлаждения взвыли, перекрыв пронзительный вой рассекаемой корпусом корабля атмосферы. Затем, поскольку, очевидно, всего этого ангелу смерти оказалось недостаточно, корабль затрясся, как смертельно раненный динозавр,— это вырвало все четыре бака с топливом вместе с крепежными стержнями, и теперь они кружились вокруг своей оси чуть впереди рубки, раскалившись до вишнево-красного цвета.

Мне осталось быстро выбрать один из двух вариантов, причем они относились к разряду «оба хуже». Продолжи я движение по параболе, то отправился бы в космос, следуя неизвестным курсом и располагая только тем топливом, которое осталось во внутрибортовых баках,— его обычно используют для системы охлаждения. Система жизнеобеспечения корабля позволила бы протянуть не больше двух недель. Было совсем немного шансов на то, чтобы добраться хоть куда-нибудь за такое короткое время, имея столь скудный запас топлива, а ведь еще нужно позаботиться и о своей безопасности.

Остававшегося у меня топлива хватило бы и для осуществления мягкой посадки на Марс. И тут я вспомнил о базе «Лацис Селис», оставленной семьдесят лет тому назад. Безусловно, там возможно запустить старые системы жизнеобеспечения, которые позволили бы продержаться какое-то время одному человеку. Я мог бы найти там даже достаточное количество воды, чтобы посредством электролиза добыть из нее водород. Это было все-таки лучше, чем улететь в неизвестном направлении.

Я решился и совершил посадку.

Местность, что меня окружает, не вызывает у меня особых восторгов. Теперь я понимаю, почему обитателей планет называют плоскоземцами. Я ощущаю себя комаром на огромном столе. Вот так я и сижу здесь, трясясь всем телом, не решаясь сунуться наружу.

Под красноватым небосводом простирается бесконечная пустыня, по которой кое-где словно разбросаны не совсем правильной формы стеклянные пепельницы. Самая маленькая из них, непосредственно за иллюминатором, имеет всего лишь несколько дюймов в диаметре. Есть пепельницы и огромные — с десяток миль. После того как я совершил посадку, на экране радара глубинного поиска стали высвечиваться фрагменты еще большей величины кратеров под толстым слоем мельчайшей пыли. Пыль мягкая, податливая, почти как зыбучий песок. После приземления добрая половина систем жизнеобеспечения корабля оказалась погребенной в этой пыли.

Я совершил посадку прямо у края одного из самых больших кратеров, внутри него и располагались домики плоскоземцев. Сверху база напоминает огромный прозрачный плащ, брошенный на растрескавшееся дно кратера.

Это какое-то странное место, отмеченное печатью рока. Но... все равно когда-нибудь придется выйти наружу — как же еще приспособить для собственных нужд систему жизнеобеспечения базы? На помощь рассчитывать нечего: антенны корабля сгорели без остатка при посадке.

Завтра я покину корабль.

21 апреля 2112 года.

По моим часам — утро. Солнце еще по другую сторону планеты, так что небо выглядит сейчас почти так же, как в открытом космосе, вот только звезды светят довольно тускло, как будто отгорожены грязным оргстеклом. Над горизонтом взошла одна очень яркая

звезда, яркость ее все время меняется. Это, должно быть, Фобос, поскольку появилась эта звезда там, где село солнце. Я выхожу наружу.

...Что-то вроде вогнутой стеклянной линзы окружает корабль там, где пламя термоядерной реакции плескалось о песчаную пыль. Вся поверхность линзы испещрена многочисленными трещинами, но достаточно тверда, чтобы по ней можно было без особой опаски ходить. А вот пыль — вязкая, как густое масло, и очень странная. Сомневаюсь, можно ли найти что-нибудь подобное во всей Солнечной системе. Это мельчайшие остатки метеоров, которые выпали в качестве конденсата из испарившихся скальных пород. На Земле такую пыль дожди смывали бы в море, и там она превращалась бы в осадочные породы, естественный цемент. Здесь же имеется как раз то количество «воздуха», какое в состоянии поглотить поверхность этой пыли, предотвращая тем самым вакуумное цементирование, однако недостаточное для того, чтобы остановить метеорит, превратив его в газ до соприкосновения с поверхностью планеты. В результате пыль становится вязкой. По всей вероятности, твердую поверхность на Марсе можно найти только внутри метеорных кратеров или на склонах горных хребтов.

Нелегко продвигаться по гряде вокруг кратера. Она вся в трещинах, усеяна вздыбившимися глыбами из вулканического стекла, края напоминают острые зубья. При здешнем тяготении ходить по ровной поверхности было бы нетрудно, даже легче, чем при максимальной силе тяжести на борту моего корабля. Но я едва не поломал обе ноги, карабкаясь по скользким, покрытым пылью глыбам.

Этот кратер, по-видимому, сравнительно молодой — по геологической шкале времени. На самом дне — наполовину погруженный в неглубокое пыльное озеро поселок под опавшим пластиковым куполом. Купол покрывает базу, как палатка, лишенная опор, снару-

жи осталось только оборудование по приготовлению пригодного для дыхания воздуха — гигантский стальной куб, почерневший за семьдесят лет пребывания в атмосфере Марса. Он в самом деле огромен. Я даже не представляю себе, как удалось доставить такую огромную массу с Земли на Марс, пользуясь только химическими или ионными ракетами. Как и не представляю себе, ради чего это нужно было делать. Что было такого на Марсе, без чего не могли обойтись плоскоземцы?

Если и может существовать совершенно никчемный, бесполезный мир, то вот он, передо мной. Он не так близок к Земле, как Луна. На этой планете совершенно отсутствуют какие-либо полезные ископаемые или иные естественные ресурсы. Стоит лишиться здесь скафандра — и жизнь кончена: либо умрешь от разрыва сосудов, либо пенящаяся двуокись азота разъест легкие.

Вот, правда, колодцы...

Да, кое-где на Марсе имеются колодцы. Один такой колодец обнаружила первая экспедиция на Марс в девяностых годах. Поблизости от него было найдено мумифицированное НЕЧТО, которое разрушилось, как только соприкоснулось с влагой. Так и не удалось узнать о нем что-либо определенное, включая возраст находки. Неужели поселенцы рассчитывали найти живых марсиан? Но даже если и так, то для чего?

Снаружи купола я увидел два двухместных марсохода. Я в любом случае не намерен ими пользоваться.

Генератор воздуха, как мне кажется, заработает, если мне удастся подсоединить его к бортовой силовой установке. Батареи его давно сели, а топливо в ядерном реакторе к настоящему времени превратилось в свинец. Возможно, на базе найдутся силовые кабели.

Вокруг в огромных емкостях — тысячи тонн компонентов пригодного для дыхания воздуха в виде двуокиси азота. Генератор воздуха производит разделе-

ние кислорода и азота и еще улавливает совсем незначительное количество водяного пара, что все-таки имеется в здешней атмосфере. Из воды генератор может добывать водород, который служит топливом. Я заглянул под купол и увидел всего в нескольких футах от себя тело мужчины. Он умер от разрыва сосудов, вызванного вскипанием крови при резком уменьшении давления. Наверняка я найду и прореху в куполе, когда займусь более тщательным осмотром. Хотелось бы знать, что же все-таки здесь произошло?

22 апреля 2112 года.

Я уснул, едва только взошло солнце. Период вращения Марса лишь чуть-чуть дольше, чем сутки по бортовому времени, что очень удобно. Я в состоянии работать только тогда, когда на небе звезды, а пыли не видно, иначе я просто сойду с ума. Но я успел позавтракать и позаботиться о поддержании чистоты и порядка на борту, однако все равно у меня еще осталось два свободных часа до захода солнца. Неужели я настолько труслив? Нет, просто никак не могу заставить себя выйти наружу, когда светло.

Вблизи от солнца небо цвета свежей крови — настолько оно подкрашено двуокисью азота. Противоположная сторона почти черного цвета, не просматривается ни одна звезда.

Вокруг совершенно ровная пустыня, оживляемая лишь кратерами и симметричным орнаментом, образованным полумесяцами барханов, притом столь невысоких, что их можно заметить только у самой линии горизонта. В глубь пустыни уходит что-то вроде лунного хребта, вершины и склоны его настолько подверглись эрозии, что не остается никаких сомнений: горы образовались очень-очень давно. Возможно, это вздыбившаяся кайма древнего астероидного кратера? Боги, должно быть, крепко ненавидели Марс, поместив его прямо посредине Пояса Астероидов. Измель-

ченный в пыль грунт — подлинный символ старения и распада...

Близок восход солнца. Видно, как красная заря буквально смывает с неба последние звезды...

После захода солнца я прошел внутрь базы через воздушный шлюз, который не подвергся разрушению. На том месте, где, вероятно, находилась центральная площадь поселка, валялось несколько распростертых человеческих тел, я сосчитал — их оказалось десять. Еще одного мертвеца, в скафандре, смерть застала на полпути к административному зданию. Двенадцать погибших, вместе с тем, кого я заметил еще вчера, и все они умерли от разрыва сосудов — взрывной депрессии, если уж соблюдать точность терминологии...

Поверхность кратера под куполом только наполовину занята зданиями. Рядом с ними — штабеля строительных секций, предназначенных для того, чтобы служить стенами, потолками и полами. У меня сложилось впечатление, что персонал базы ожидал подкрепления с Земли.

В одном из зданий был склад электротехнических материалов. Я отыскал там кабель для запитки батареи воздушного генератора и сумел подключить другой его конец к своему ядерному реактору. Контакты искрили вовсю, но генератор заработал. Удалось наполнить воздухом целую груду пустых кислородных баллонов, которые обнаружил рядом со штабелем стеновых секций.

Итак, поселок был уничтожен насильственным образом. В этом нет ни малейших сомнений. Я обнаружил прореху с ровными краями, как будто материал резали ножом. Ее можно залатать, если удастся найти необходимые для такого ремонта инструменты.

А пока что я добываю кислород и воду. Когда наполнятся все кислородные баллоны, я смогу опорожнить их в систему жизнеобеспечения. Из воздуха, произведенного воздушным генератором, корабельная установка извлечет кислород и пополнит мои запасы.

23 апреля 2112 года.

Раннее утро.

Административное здание является также и хранилищем магнитных лент. Записи очень смахивают на корабельный журнал, только еще более подробный и страдающий пустословием.

Я нашел некоторое количество материала для починки купола, а также мгновенно затвердевающий цемент и заделал разрыв. Однако воздух под куполом не удерживался. Мне пришлось выбраться наружу, и обнаружились еще два разрыва, они были точно такими же, как и первый. Я залатал их и пустился в дальнейшие поиски. Нашел еще три. Когда я заделал и их, солнце уже вот-вот должно было взойти.

В кислородных баллонах появилась вода, но мне приходится нагревать их, чтобы выкипятить воду и тем самым извлечь ее из баллонов. Это очень нелегкая работа. Поэтому встал вопрос: что легче — продолжать добывать воду таким способом или завершить ремонт купола и проводить нужный мне электролиз внутри его? Сколько еще здесь разрывов? Пока что я нашел шесть. Сколько же все-таки убийц было среди плоскоземцев? Не более трех? Внутри купола я насчитал двенадцать трупов, а в соответствии с записями журнала, в состав этой второй марсианской экспедиции входили пятнадцать человек.

Пока что никаких признаков «золотых мундиров». Располагая запасом воздуха на несколько месяцев в моей системе жизнеобеспечения, я снова стану свободен, как птица, как только выберусь из этого «мешка»!

24 апреля 2112 года.

Еще два разрыва в куполе — всего, значит, восемь. Они расположены на расстоянии примерно двадцати футов друг от друга и равномерно распределены по окружности прозрачного пластика. Впечатление такое, как будто кто-то бегал вокруг купола и вспарывал

его ножом, пока давление внутри не понизилось настолько, что протыкать пластик стало просто невозможно из-за потери упругости. Я заделал все разрывы и, когда покидал поселок, уже ощутил свежий воздух.

...Изучил почти половину записей, ничего о встречах с марсианами нет. Я оказался прав: именно ради этого они сюда прибыли. Единственное, что им удалось,— найти еще три колодца. Как и первый, все они были выложены достаточно большими и хорошо пригнанными друг к другу блоками, высеченными из горной породы с вкраплениями очень крупных алмазов. Возраст колодцев исчислялся десятками, если не сотнями тысяч лет. В каждом из них находился так называемый камень посвящения, испещренный загадочными, частично подвергшимися эрозии, письменами. Мне известно, что, судя по предварительному анализу этих надписей, колодцы являлись местами захоронений: труп мгновенно разрушался, соприкасаясь со смесью воды и двуокиси азота на дне. Такой способ погребения имеет смысл. Марсиане ведь не знают, что такое огонь.

Меня все еще продолжает интересовать, зачем сюда явились люди? Какая польза от марсиан? Если им просто захотелось пообщаться, поговорить с тем, кто не принадлежит к роду человеческому, то почему бы для этого не обратиться к дельфинам или касаткам, обитающим в их собственных океанах? Подвергать себя таким тяжким испытаниям, таким смертельным опасностям! И ради чего?

24 апреля 2112 года.

Странно, но впервые за все время после моей посадки я не спешил возвращаться на корабль после восхода солнца. Оно показалось как раз тогда, когда я преодолевал гряду, окаймлявшую кратер. Какое-то время я стоял между двумя острыми обсидиановыми кристаллами, торчащими, как клыки, глядя вниз, на свой

корабль. Вид такой, как будто это вход в Астероид-Пустынь. Этот астероид длиной в шестнадцать и диаметром в восемь миль вращается вокруг продольной оси с такой скоростью, чтобы на внешней его поверхности образовалась сила тяжести, равная земной. Туда помещают беременных женщин, и детям положено там оставаться в течение года, кроме того, по закону они еще должны проводить там ежегодно по одному месяцу до наступления пятнадцатилетнего возраста.

Там как раз сейчас находится моя жена Летти, дожидаясь, пока пройдет год и она сможет покинуть этот астероид вместе с нашей дочуркой Джейнис. Большинство рудоискателей оплачивают право на отцовство единовременной суммой, если удастся заработать такие деньги. Но поскольку сумма эта составляет почти шестьдесят тысяч, то некоторым приходится выплачивать ее в рассрочку. Я в должной мере позаботился о Летти и Джейнис. Денег за монополюсы, что хранятся в грузовом отсеке моего корабля, вполне хватит для того, чтобы приобрести подарки для Летти и вырастить Джейнис, и еще отложить ей на какие-то путешествия. И даже после этого у меня останутся средства на то, чтобы завести еще несколько детей. Лишь бы жена на это согласилась. Мне кажется, она не станет особенно возражать.

Но каким образом добиться всего этого? Осуществлению моих планов помешали самым грубейшим образом, и теперь у моего корабля вид такой, как будто это вход в Пустынь или в Фермерский астероид — в общем, в любой подземный город. Без топливных баков он превратился в один лишь привод с системой жизнеобеспечения и небольшим грузовым отсеком из материала, экранирующего воздействия посторонних магнитных полей. Только верхняя часть системы жизнеобеспечения возвышается над морем из пыли, ничем не напоминая обтекаемые формы космических кораблей. Интересно, какова глубина этого песчаного

моря? Не имею ни малейшего представления, насколько это затруднит мой взлет...

Обнаружилось еще несколько прорех под толстым слоем пыли. Когда стало нарастать давление, пыль сдуло, прорехи обнажились и купол снова начал опадать. Сегодня мне удалось залатать четыре прорехи до восхода солнца. Я опять не торопился назад: страх перед дневным светом пропал.

Одному человеку просто не под силу столь сильно изрезать материал купола! Ведь материал этот достаточно прочен, сомневаюсь, что его можно проткнуть ножом. Очевидно, для этого нужно что-нибудь иное, вроде электрического резака или лазера.

25 апреля 2112 года.

Большую часть сегодняшнего дня я провел за чтением.

В поселке в самом деле случилось убийство. Атмосфера во взаимоотношениях пятнадцати мужчин, лишенных женского общества, накалилась до предела. В один прекрасный день некто по имени Картер убил другого человека по имени Хэрнесс, после чего пустился в бега, опасаясь за свою жизнь. Из поселка в погоню за ним выехал брат убитого. Не вернулись ни тот, ни другой. По-видимому, оба погибли от недостатка воздуха.

После гибели этих троих из пятнадцати плоскоземцев в живых осталось двенадцать.

Поскольку я насчитал двенадцать трупов, то кто же так изрезал купол? Марсиане?

Нигде в записях не имелось ни малейшего упоминания о встрече с живым марсианином. Кроме колодцев, участникам второй экспедиции не удалось обнаружить никаких изделий или орудий, изготовленных марсианами. Если и существуют марсиане, то где они? Где их поселения? На заре освоения космоса Марс являлся объектом самых тщательных исследований

автоматическими орбитальными аппаратами. Даже небольшой город непременно был бы при этом обнаружен.

Может быть, у них нет поселений? Но тогда откуда взялись строительные блоки? Камни таких больших размеров никак не могут быть естественного происхождения. Нужно обладать весьма развитой техникой, чтобы их изготовить,— что, как мне кажется, подразумевает наличие крупных поселений.

А взять еще эту мумию. Каким образом она могла сохраниться на протяжении сотен тысяч лет? Человеческие останки не могут просуществовать столь долго на Марсе, так как содержащаяся в них влага рано или поздно вступит в реакцию с находящейся в окружающей среде двуокисью азота. Химические процессы, позволившие мумифицировать тело марсианина, составляют неразрешимую загадку для земной науки. А может быть, и человеческие останки столь же не подвержены здесь разрушению, как эта мумия, и один из тех двоих, что остались погибать в пустыне, вернулся к поселку и искромсал купол, а мне доведется повстречаться с призраком? Место как нельзя более подходящее для обитания призраков.

26 апреля 2112 года.

Над зазубренной линией горизонта ярко светит солнце. Выглядываю наружу из иллюминатора. Здесь больше ничего мне уже не кажется необычным, странным. Такое впечатление, что здесь прошла вся моя жизнь. Тело освоилось с небольшой силой тяжести, и я больше уже не спотыкаюсь, когда пересекаю окружающую кратер каменистую гряду.

Запас кислорода в баллонах дает мне возможность бродить, где только вздумается. Дайте только мне еще водород — и очень скоро вы найдете меня на Луне, продающим свои монополюсы, не делясь барышами с посредниками! Правда, процесс его накопления идет

очень медленно. Водород я добываю, таская сюда воду в кислородных баллонах и подвергая ее электролизу в баке для охлаждения топлива, где он превращается в жидкость.

Никак не могу закончить ремонт купола. Сегодня нашел еще четыре надреза, и у меня совсем опустились руки. Надрезы эти, вероятно, сделаны по всей длине окружности купола. Одному человеку ни за что и никогда такого не сделать, двоим тоже.

Скорее всего, это марсиане. Только вот где они?

Они могли бы ходить по песку, если бы ступни ног у них бы плоскими, широкими и перепончатыми... При этом и следов не оставалось. Пыль скрыла бы все...

Сейчас снаружи совершенно беззвездная чернота. Пора спать.

27 апреля 2112 года.

Четыре часа дня, а я все никак не усну. Солнце прямо над головой, пыльная буря прошла.

Марсиане существуют. Я уверен в этом. Больше некому уничтожить базу. Но почему они не показываются?..

Я на центральной площади поселка. Оказалось, что днем ходить гораздо легче — видно, куда ставишь ногу, даже в тени, потому что небо слегка рассеивает свет, подобно скрытым светильникам внутри купола. Со всех сторон на меня глядят обрывистые края кратера. Удивительно, как это я до сих пор не изрезал свой скафандр, совершая такую прогулку два раза в день?

Зачем я сюда пришел? Не знаю. Глаза у меня слезятся, будто в них попал песок,— так много вокруг света. Меня окружают мумии, с лицами, искаженными мукой и отчаянием, с высохшей пеной вокруг рта — зрелище далеко не из самых приятных. Десять мумий здесь, еще одна на краю поселка и двенадцатая — в административном здании.

Вот так. Марсиане нагрянули, перевалив через гряду вопящей ордой. А может быть, и не издавая никаких звуков, но размахивая какими-то острыми предметами. Впрочем, никто бы их все равно не услышал, даже если бы они и вопили что было мочи.

Но кто-нибудь из десяти человек должен был своевременно заметить их. Даже одиннадцати, считая того парня на краю поселка... Нет, они могли показаться с противоположной стороны. Значит, все-таки десять. И что — они просто так стояли и ждали? Не может быть.

Двенадцатый. Он надевал скафандр — значит, увидел то, что осталось незамеченным для остальных? Надо рассмотреть его повнимательнее...

Нет, и он ничего не увидел. Двумя пальцами он уже держался за бегунок застежки-молнии и тянул ее вниз. Он не наполовину в скафандре, он скорее наполовину без него! Но кто же тогда изрезал купол? Ну и дьявол его побери. Спать хочется.

28 апреля 2112 года.

Охлаждающий бак полон или почти полон. Готов снова тягаться с «золотыми мундирами». У меня вполне достаточно воздуха, чтобы особенно не торопиться. При замедленном полете меньше шансов на то, что тебя засечет радар. Прощай, Марс, прелестное, поистине райское местечко для страдающих манией преследования.

Это совсем не смешно. Разберемся, в каком положении оказались люди на этой базе.

Во-первых, потребовалось весьма много ножей, чтобы так исполосовать купол. Во-вторых, все находились внутри купола. В-третьих, никаких марсиан. Их бы непременно заметили.

Следовательно, надрезы все были произведены изнутри. Но если кто-то и бегал вокруг, делая отверстия в куполе, то почему никто его не остановил?

Впечатление такое, будто произошло массовое самоубийство. Факты есть факты. Люди встали на равном расстоянии друг от друга по всей окружности купола, изрезали его, а затем побрели на центральную площадь, преодолевая напор пригодного для дыхания воздуха, вырывающегося из купола в разреженную марсианскую атмосферу. Для чего они это сделали? Спросить бы у них! Те двое, кого не оказалось на площади, возможно, были против, но это нисколько им не помогло.

Застрять на дне «мешка» совсем негоже для человека. Стоит только взглянуть на протоколы, регистрирующие случаи помешательства. Я теперь намерен вести ежеминутные записи в журнале.

11.20

Главный привод подготовлен к запуску. Пыль не повредила сопла, но вот пламя может разрушить остальную часть корабля. Ничего не поделаешь, приходится рисковать.

11.24

Первая порция плутония не вызвала взрыва. Придется повторить запуск.

11.30

Привод не запускается. Ничего не могу понять. Приборы показывают, что все в порядке. Может быть, обрыв питателя? Каким образом установить, что это именно так? Трубы питателя сейчас находятся под толстым слоем пыли.

12.45

Я уже столько накачал урана в реактор, что его хватило бы для ядерного микровзрыва. Пыль теперь радиоактивна, как в эпицентре взрыва.

Как же мне отремонтировать питатель? Поднять корабль на своих собственных руках? Нырнуть в пыль и проделать все на ощупь? У меня нет ничего, что позволило бы произвести сварочные работы под тремя метрами мельчайшей пыли. Похоже, что я влип.

Может быть, каким-нибудь образом подать сигнал «золотым мундирам»? Огромные, черные буквы «SOS», выложенные на песке... Если б я только мог подыскать что-нибудь черное, что можно было бы разложить. Придется еще раз порыться на базе.

19.00

В поселке ничего подходящего. Сигнальных устройств масса, но все они для скафандров, марсоходов и орбитальных кораблей, и только с помощью лазера можно послать сигнал в открытый космос. Но наладить шестидесятилетней давности лазер, пользуясь только собственной слюной, проводками и благими намерениями, не удалось.

Поминутные записи прекращаю. Взлет отменяется.

29 апреля 2112 года.

Какой же я идиот!

Эти десятеро самоубийц... Куда они подевали свои ножи после того, как изрезали купол? И что еще более важно — где они раздобыли именно *такие*? Простым кухонным ножом никак не вспороть пластик купола. Можно лазером, но на базе никак не могло быть более пары портативных лазеров. Я, во всяком случае, не нашел ни одного.

И батареи воздушного генератора оказались выведенными из строя.

Может быть, марсиане прибегли к убийствам для того, чтобы выкрасть энергию? Ведь огня у них нет. Значит, и мой уран они забрали по той же самой причине, перерезав линию питателя глубоко под песком и направив уран в свой контейнер.

Но как они туда забрались? Ныряют прямо в пыль?

Надо поскорее отсюда удирать...

Я забрался в кратер. Одному богу известно, почему они меня не остановили. Может быть, им все равно? Ведь у них теперь весь мой уран, необходимый для запуска термоядерного привода!

Они живут под пылью. Живут, не опасаясь метеоров и чудовищных перепадов температуры, там они возвели и свои города. Итак, сложная экологическая система. На самом верху, возможно, находятся одноклеточные растения, поглощающие энергию солнца. Течения в пыли и песчаные бури разносят их повсюду, где они становятся пищей для промежуточных форм жизни. Почему никто так и не догадался об этом? О, как мне хочется рассказать хоть кому-нибудь о своем предположении!

Но у меня нет времени размышлять на эту тему. Кислородные баллоны из поселка не стыкуются с моим скафандром, и я не могу уже вернуться на корабль. В течение следующих двадцати четырех часов я или все-таки отремонтирую и наполню купол воздухом, или умру от удушья.

...Порядок. Я сбросил свой скафандр, кожа по всему телу безумно чешется. Мне оставалось заделать только три прорехи, после чего купол мгновенно раздулся.

Когда натечет достаточно воды, я вымоюсь. Сделаю это прямо на площади, откуда в состоянии просматривать всю гряду, окаймляющую кратер.

Хотелось бы знать, сколько времени марсианину требуется для того, чтобы перебраться через гряду и спуститься к куполу?

Только что толку с этого? Все равно я буду на виду у этих призраков.

30 апреля 2112 года.

Потрясающая штука — купание! По крайней мере, эти древние туристы не дураки, коль могли позволить себе подобную роскошь.

У меня прекрасный обзор по всем направлениям. Правда, материал, из которого сделан купол, несколько помутнел, и это, естественно, раздражает. Небо черное, как сажа. Я повключал все освещение, какое только имеется на базе. Теперь внутренняя поверхность

кратера хотя и тускло, но все-таки освещена в достаточной мере, чтобы можно было заметить, если что-нибудь или кто-нибудь будет подползать к куполу. Призракам не захватить меня врасплох, пока я бодрствую. Но мне все больше хочется спать.

КОРАБЛЬ? Нет, всего лишь метеор. Небо здесь кишмя кишит метеорами. Мне ничего не остается иного, как разговаривать с самим собою...

Я прогулялся к краю кратера, чтобы удостовериться, не случилось ли чего с моим кораблем. Марсиане вполне могли затащить его в пыльные глубины. Нет, пока они еще этого не сделали, да и не похоже было, что они вообще его трогали.

Поискать этих домовых? Можно. Все, что мне для этого нужно,— заглянуть в нижнюю часть ядерного реактора. Имеется ли там сейчас ядерное топливо — к настоящему времени уже свинец, или его выкрали семьдесят лет тому назад.

Однако в любом случае остаточная радиация не оставит безнаказанным мое любопытство...

Я наблюдаю сквозь стенку купола за восходом солнца. Необыкновенно красивое зрелище, такого мне никогда еще не доводилось видеть в космосе. Мне посчастливилось любоваться Сатурном с бесконечного множества ракурсов, когда я выуживал монополюсы из колец, но даже это не идет ни в какое сравнение с тем, что разворачивается перед моими глазами сейчас...

Теперь я точно знаю, что сошел с ума. Ведь это же «мешок»! Я на самом дне самого паршивого в мире «мешка»!

Солнце прочертило ярко-белую пунктирную линию вдоль гряды, окаймляющей кратер. Она отлично просматривается мною отсюда, и поэтому никакого страха я не испытываю. Независимо от того, как быстро они двигаются, я успею забраться в свой скафандр прежде, чем они до меня доберутся.

Было бы очень неплохо встретиться лицом к лицу со своим врагом.

Зачем они сюда заявились, эти пятнадцать человек? Я-то понимаю, почему я здесь — из любви к деньгам. А что — они тоже? Сто лет тому назад археологические находки представляли собой немалую ценность. Они прибыли сюда, по всей вероятности, чтобы перетащить на Землю колодцы из алмазных блоков. Но в те времена космический транспорт был невероятно дорог. Вряд ли можно было что-нибудь заработать на этих колодцах.

Или они полагали, что могут видоизменить Марс точно так же, как это удалось им в случае с астероидами? Смешно! Вряд ли они были столь непредусмотрительны, как я, загнав себя в такой «мешок». Но из любого «мешка», из любого безвыходного положения можно извлечь пользу... Взять хотя бы залежи чистейшего свинца, образующегося вдоль линии терминатора на Меркурии. Чистый свинец конденсируется из паров, образующихся на дневной стороне планеты,— бери его и волоки куда вздумается. То же самое можно было бы делать с алмазами, которыми испещрены стенки марсианских колодцев, не будь столь дешевым изготовление их на Земле...

Вот и солнце. Напряжение, которым я был охвачен, спадает. Однако я так и не могу до сих пор спокойно на него смотреть, хотя оно здесь кажется более тусклым, чем то, к которому привыкаешь, разрабатывая руды в Белте. Меня уже давно не восхищают пейзажи, пригодные для почтовых открыток.

Вввууу...

Мне уже ни за что не добраться до своего скафандра. Любое малейшее движение — и купол превратится в сито. Сейчас они застыли так же неподвижно, как и я. Хотелось бы мне узнать, каким это все-таки образом они меня почуяли? Копья держат на изготовку. Неужели они в самом деле в состоянии проткнуть ими

материал купола? Но марсианам должны быть хорошо известны их собственные возможности и сила, ведь они уже когда-то совершили такое.

Все это время я ждал, что они появятся, толпой преодолев гряду скал вокруг кратера. Но они буквально вылупились из толстого слоя пыли, что покрывал дно кратера. А другое, что мне давно следовало уразуметь, так это то, что обсидиан вполне пригоден для изготовления ножей и копий!

А они в самом деле очень похожи на домовых!

...Какое-то время тишину нарушало только жужжание шмелей и рокот далекого трактора. Затем Лит протянул руку, чтобы выключить диктофон.

— Мы бы спасли его, продержись он еще хоть немного.

— Вам было известно его местонахождение?

— Разумеется. Мы знали, что он на Марсе, к тому же на Деймосе легко бы определили траекторию полета, если бы Миллер сделал попытку покинуть Марс.

— Он действительно сошел с ума?

— Нет, марсиане оказались вполне реальными. Мы нарушили закон и послали корабль, чтобы забрать Миллера, и видели, как надулся купол и оставался в таком состоянии какое-то время, а затем вдруг мгновенно опал... Как руководитель внешнеполитического департамента правительства Белта, я тем самым сознаюсь в том, что корабль Белта совершил несанкционированную посадку на планете, являющейся собственностью Объединенных Наций.

— У вас на то были веские основания. Продолжайте.

— Вам бы следовало гордиться им, Гарнер. Он не бросился опрометью к своему скафандру — прекрасно понимал, до него слишком далеко. Вместо этого он побежал за ближайшим баллоном из-под кислорода, наполненным водой. К тому времени, когда он вернул-

ся, марсиане уже изрезали купол, но он пролез через одно из отверстий и направил струю воды на марсиан. При таком давлении это все равно, что прибегнуть к огнемету. Он успел уничтожить шестерых прежде, чем погиб сам.

— Они сгорели?

— Естественно. Но не полностью. Кое-что от них осталось. Мы подобрали три трупа вместе с их копьями, а три оставили там, где они лежали. Вам нужны эти марсиане?

— Разумеется.

— А зачем?

— Что вы имеете в виду, Лит?

— Зачем они вам? Мы забрали их в качестве сувениров, на память. А что они для вас? Это ведь белтер там погиб.

— Прошу прощения, Лит, но нам нужно выяснить химическую природу строения тел марсиан. Только после этого можно проложить исследование Марса и планировать подготовку следующей экспедиции.

— Вы снова хотите туда отправиться? — В голосе Лита зазвучало изумление.— Люк, зачем вам это надо? Что вам вообще нужно на Марсе? Вами движет чувство мести? Или вам понадобились миллионы тонн пыли?

— Нам нужно знание.

— Люк, вы меня удивляете. Зачем же, по-вашему, отправились в космос земляне поначалу, как не за знанием?

Слова, очень много различных слов, готовы были слететь с языка Лита. Он едва не поперхнулся ими, развел широко руками и наконец вымолвил:

— Но это же очевидно!

— Говорите медленнее. Я немножко туповат.

— В космосе в изобилии чего угодно: монополюсов, металлов, вакуума, столь необходимого для некоторых отраслей промышленности, места для возведения недорогих сооружений без применения высокопроч-

ных конструкций... Невесомости для людей со слабым сердцем. Свободного пространства для испытания штуковин, которые могут взорваться. Полигонов, где можно изучать законы физики, располагая возможностью наглядного их подтверждения. Среды, которую можно подвергать необходимому контролю для создания наилучших условий жизни в ней...

— Но разве все это было так уж очевидно до того, как нами были получены знания в результате осваивания космоса?

— Разумеется, было!

Лит смерил своего гостя свирепым взглядом — от него не ускользнула вековая усталость, запечатлевшаяся в бесцветных глазах... И только сейчас Лит вспомнил о возрасте своего собеседника.

— Разве не так? — растерянно спросил он.

ШУТКИ В СТОРОНУ*

Посетителей ресторана встречали официанты. Один из них пересек зал, напоминая ожившую шахматную пешку, остановился под навесом для машин, промедлил достаточно долго и, убедившись, что привлек к себе внимание, двинулся внутрь медленной поступью.

Они следовали за ним между украшенными цветами занятых и пустых столов, с расставленными декоративными яствами. У столика на двоих в дальнем углу зала официант проворно убрал один стул, чтобы поставить передвижное кресло Лукаса Гарнера, и отодвинул второй — для Ллойда Мэйсни.

Одна из стен ресторана была покрыта фресками в тускло-красных и ярко-серебристых тонах: Марс Рэя Бредбери, с серебристыми шпилями древнего марсианского города среди красных песков. Хрупкие марсиане двигались по его улицам, с любопытством поглядывая на посетителей, человеческих пришельцев в их воображаемом мире.

— Странное место.— Мэйсни, большой, плотный мужчина, с белыми волосами и кустистыми белыми усами, настороженно осматривался по сторонам.

---

* Intent to Deceive © 1968 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

Люк не ответил. Мэйсни испугало злобное выражение лица его друга.

— Что не так? — поинтересовался он и проследил за направлением взгляда Гарнера.

Люк испепелял своим отвращением цель, которая могла быть только роботом-официантом.

Ллойд недоуменно пожал плечами. Стандартная модель. Шарообразная голова, тело — в основном цилиндрическое. Руки, которыми он поправлял стул Мэйсни, уже исчезли под панелями на торсе, за которыми скрывались другие руки и фиксаторы, а также внутренние полочки для транспортировки блюд. Как и всех остальных официантов, его покрывал абстрактный рисунок из тускло-красных и ярко-серебряных линий в тон фрескам. Воздушную подушку, на которой передвигался робот, скрывала короткая раздувающаяся юбка.

— Что не так? — повторил свой вопрос Мэйсни.

— Ничего,— сказал Люк и взял меню.

Робот терпеливо ждал их заказ. Неподвижный, со всеми убранными руками, он превратился в поп-артовский столб парикмахерской*.

— Да ладно, Люк, почему ты так смотришь на официанта?

— Я не люблю роботов-официантов.

— Вот как? А почему?

— Для тебя они — обычное явление, я же к ним просто не привык.

— Да к чему тут привыкать? Это же просто официанты. Еду носят, и все.

— Разумеется.— Гарнер внимательно изучал меню.

Он был очень стар, и отнюдь не травма позвоночника лишила его десять лет назад возможности пользоваться ногами. Позвоночник не пощадило время. Когда-то его подбородок украшала эспаньолка, но теперь он был таким же голым, как и лицо, лишенное бровей.

---

* Столб со спиральной бело-красной окраской.

Его сатанинская в своей морщинистой старости внешность, сразу привлекала к себе внимание: каждая мысль, казалось, усугубляла выражение этого лица. Обвисшая складками кожа на руках и плечах скрывала мускулы борца; торс — единственная часть, которая оставалась сравнительно молодой.

— Каждый раз, когда я окончательно решаю, что знаю тебя,— сказал Мэйсни,— ты преподносишь сюрприз. Тебе сейчас сто семьдесят четыре, не так ли?

— Ты же мне присылал поздравительную открытку.

— Просто в голове не укладывается эта цифра — ты почти вдвое старше меня... Кстати, когда изобрели роботов-официантов?

— Официанты не были изобретены. Они эволюционировали — как компьютеры.

— И все-таки...?

— Ты учился читать по складам, когда первый полностью автоматизированный ресторан открылся в Нью-Йорке.

Мэйсни улыбнулся и медленно покачал головой.

— Столько времени прошло, пора бы привыкнуть. Истинный консерватор.

Гарнер положил меню на столик.

— Если интересно, могу рассказать случай, который связан с роботами-официантами. Тогда я занимал твою должность...

— Да ну?

Ллойд Мэйсни был суперинтендантом полиции в Лос-Анджелесе. Он занял место Люка после того как Гарнер сорок лет назад возглавил департамент в ООН.

— И проработал-то всего года два. Когда это было? Не могу вспомнить, примерно в 2025. Тогда только-только начали появляться автоматизированные рестораны. И еще много чего полезного...

— А мне казалось, полезное было всегда...

— Ну, естественно, естественно. Не перебивай! Да... Примерно в десять утра я решил перекурить. У меня

была привычка это делать каждые десять минут. Я собирался вернуться к работе, как вдруг вваливается Фантазер Гласс. Старый друг! Я его отправил отдохнуть на десять лет за некорректную рекламу. Он только что вышел и отправился навещать кое-кого из знакомых.

— С оружием?

Люк обнажил в улыбке ослепительно новые зубы.

— Нет, нет. Гласс был хорошим парнем. Просто у него слишком богатое воображение, только и всего. Он рассказывал телезрителям, что средство для мытья посуды безвредно для рук. Мы проверили, и оказалось — это не совсем так.

Я всегда считал его приговор слишком суровым, но... Что ж, закон о намеренном искажении фактов, проще говоря, обмане, тогда был новым, и нам приходилось создавать соответствующие прецеденты: пусть рядовой американец знает, что мы не шутим.

— В наши дни он бы попал в банк органов.

— В те дни мы не отправляли преступников в банки органов. По мне, так лучше бы эти... хм, банки вообще не появлялись.

Итак, Фантазер отправился в тюрьму благодаря моему участию в этом деле. Через пять лет после этого я стал суперинтендантом. Еще два года — и он вышел по амнистии. Я был не более занят, чем в обычные дни, поэтому достал бутылочку для гостей, и мы налили крепенького в кофеек. И поговорили. Гласс хотел, чтобы я его просветил насчет перемен — в разных областях. До меня он уже успел перекинуться парой фраз со своими друзьями, поэтому уже не был таким невеждой.

Случайно я упомянул про рестораны, обслуживаемые роботами, и ему очень захотелось посмотреть. Мы отправились завтракать в «Герр Обер», находившийся в нескольких кварталах от старого здания управления полиции.

«Герр Обер» был первый полностью автоматизированный ресторан в городе. Все — от кухни до кассирши — сплошные роботы, исключая, правда, ремонтников, но они появлялись там раз в неделю. Я там никогда раньше не ел.

— Откуда же ты так много знал об этом заведении?

— Месяц назад мы загнали туда одного человечка. Захватил девочку ради выкупа, а потом она превратилась в заложницу. Прежде чем я сообразил, как до него добраться, пришлось изучить «Герр Обер» снизу доверху.— Люк фыркнул.— Посмотри на этого металлического идиота! Он все еще ждет нашего заказа. Эй, ты, дай нам два мартини!

Поп-артовский парикмахерский столбик приподнялся на дюйм над полом и скользнул прочь.

— На чем я остановился? А, да. Посетителей было немного, мы выбрали столик, и я показал Фантазеру, как нажимать кнопки, чтобы вызывать официанта. Их называли официантами, хотя они отличались от тех, что ты видишь здесь. Всего лишь двухъярусные сервировочные столики на колесах, с сенсорами и клавиатурой.

— Бьюсь об заклад, они на этих колесиках бегали.

— Да. Очень шумно. Но для того времени все равно это было впечатляюще. У Фантазера глаза стали как блюдца, когда к нам подъехал такой столик. Он даже не сразу сообразил, что официант ждет заказов. Мы расправились с выпивкой и заказали по второй.

Гласс начал рассказывать о клубе, который образовался в его тюремной камере, но они не могли ни на чем сойтись во мнениях. Появился официант с мартини; короче, мы получили и напитки, и еду. Одинаковые блюда — салат из креветок, потому что Фантазер все еще не способен был принять самостоятельные решения.

Пока мы ели, Фантазер пытался меня убедить, что может рекламировать роботов. Причем не только рес-

торанных, но и прочую электронику. Представляешь, он ничего не знал о компьютерах, но готов был продавать их! Я попробовал объяснить ему, что он выбрал правильную дорогу обратно в «Квентин»,— бесполезно.

Мы доели креветок, и официант принес нам еще два точно таких же салата. Мой приятель уставился в тарелку.

— Что это?

— Я, наверное, неправильно заказал. Просил два завтрака, но чертова штука принесла по два завтрака каждому.

Фантазер расхохотался:

— Я оба съем,— и выполнил свое обещание. Десять лет — большой промежуток между креветочными салатами, так он объяснил.

Официант унес пустые тарелки и появился... еще с двумя салатами из креветок.

— Ладно, хорошенького понемножку,— пробурчал Гласс.— Надо побеседовать с управляющим.

— Я же тебе говорил, тут все автоматическое. Управляющий — это компьютер в подвале.

— А у него есть аудиовход для жалобщиков?

— Думаю, да.

— Где я смогу его найти?

Я огляделся, пытаясь вспомнить.

— Вон там. За кассовой стойкой. Но я не...

Фантазер встал.

— Сейчас вернусь.

И вернулся — через считанные минуты. Его трясло.

— Не могу выйти из этого зала,— пожаловался он.— Кассовый аппарат меня не выпускает. Я попытался дать ему денег, но ничего не случилось. Когда я решил пройти через барьер, то получил удар тока.

— Так это для халявщиков. Не выпустит тебя, пока не заплатишь за наш завтрак. А заплатить не можешь, пока не получишь счет от официанта.

— Давай заплатим и уйдем. Мне тут не по себе.

Я нажал кнопку вызова, и появился официант. Прежде чем я дотянулся до клавиатуры, он поставил перед нами тарелки с креветочным салатом и уехал.

— Есть идея,— Фантазер нервно оглядывался по сторонам.— Я встану по ту сторону стола и загорожу путь к отходу, а ты сможешь дотянуться до клавиатуры, когда официант принесет очередные порции.

Мы попробовали. Робот не приближался к нашему столу, пока Фантазер не сел. Возможно, стоящего человека он за посетителя не считал. Затем привез нам еще два салата, и тут Гласс вскочил и зашел сзади. Я сумел коснуться клавиш, но столик на колесах отпрянул и сбил моего приятеля с ног.

Фантазер просто обезумел, мгновенно вскочив, он дал пинка ближайшему официанту. Тот крепко стукнул его током, и пока Гласс приходил в себя, штуковина выдала ему бумажку о том, что роботы-официанты дорогие и хрупкие и нельзя с ними так обращаться.

— Это верно,— кивнул Мэйсни.— Нельзя.

— Я бы помог ему обращаться еще и не так, но не знал, на что еще способны те машины. Поэтому я остался сидеть и предался мечтам: как найду и разберусь с парнем, который конструировал этих роботов. Если, разумеется, когда-нибудь покину столь замечательное место...

Фантазер встал, у него дергалась голова. Он огляделся, пытаясь получить помощь от других завтракающих. Но никто не хотел ввязываться — в больших городах каждый сам за себя...

Наконец один из официантов выдал Глассу бумажку, где его просили не беспокоить посетителей. Да, к нему обращались в более вежливой форме, чем в первый раз. Он вернулся к нашему столу, но на этот раз не сел. В глазах у него был страх.

— Послушай, Гарнер. Я собираюсь выскочить через кухню, за подмогой.— Он повернулся и пошел.

Я закричал ему вслед:

— Вернись! Все будет в порядке....

Но Гласс уже был слишком далеко. Уверен, Фантазер меня слышал. Он просто не хотел остановиться.

Дверь была всего четыре фута высотой, как раз для роботов. Фантазер пригнулся, шагнул в проем и исчез. Я не отважился пойти за ним. Если у него получится — прекрасно! Но у меня были сомнения на этот счет...

Я нажал кнопку вызова, и когда официант явился еще с двумя салатами, я напечатал «Позвонить», прежде чем он успел отъехать.

— Позвонить в управление фирмой? Что ж ты сразу-то не догадался?

— Ты прав, давно мог догадаться. Но все равно не сработало. Официант отъехал и вернулся с очередными салатами. Поэтому я решил ждать.

Посетители понемногу разошлись, и в «Герре обере» я остался один. Официант носил мне воду и салаты, так что все было в порядке.

Я раскладывал записки с предупреждениями на других столах, но официанты убирали их — они очень бдительно следили за чистотой. Пришлось оставить это дело и ждать спасателей.

Но никто не приходил меня спасать. Фантазер не возвращался.

Шесть вечера, и заведение снова полнехонько. К девяти три супружеские пары за ближайшим столиком начали получать бесконечную очередь канапе «лоренцо». Я за ними наблюдал. В конце концов они не выдержали и, вшестером окружив робота, оторвали безмозглую железяку от пола. Официант неистово крутил колесами, потом шарахнул их током, и они его не смогли удержать. Он упал кому-то на ногу. Поднялась паника, и когда улеглась пыль, осталось нас только семеро — готовых к борьбе до победы.

Остальные пытались решить, что делать с парнем, чью ногу придавил официант. Они, естественно, боя-

лись дотрагиваться до робота. А тот не мог принять мой заказ, потому что я не сидел за одним из обслуживаемых им столиков, но я попросил одного из других посетителей напечатать заказ аспирина, и официант укатил.

Так вот я велел шестерым сесть за их столик и не шевелиться. У одной из женщин были таблетки снотворного. Я скормил три парню с отдавленной ногой. Мы ждали.

— Извини за дурацкий вопрос,— сказал Мэйсни,— но чего вы ждали?

— Закрытия ресторана.

— Ну, конечно. И что?

В два часа официанты закончили приносить креветочные салаты, а также канапе «лоренцо» и подали нам счета. Вы не поверите, *сколько* они содрали с меня за все эти салаты. Оплатив счета, мы ушли, захватив с собой парня с поврежденными ногами. Мы отвезли его в больницу, а затем принялись звонить всем своим знакомым. На следующий день «Герр Обер» был закрыт на ремонт. И никогда не открылся вновь.

— А Фантазер?

— Он — одна из причин, почему это заведение больше не работало. Его так и не нашли.

— Не мог же он просто исчезнуть?

— Иногда я думаю, что с ним все в порядке, просто он решил начать новую жизнь под другим именем — без тюремного заключения в биографии. Но стоит вспомнить — Фантазер оказался в полностью автоматизированной кухне, и робот-повар мог решить, что перед ним — всего лишь кусок мяса. А за кого еще робот мог его принять?

Мейсни задумался.

Они доедали десерт, когда Ллойд прервал затянувшуюся паузу.

— М-мм,— сказал он.— М-мм.— Судорожно сглотнув, продолжил: — Какого... ты мне морочишь голову!

Ты ведь продвигался по служебной лестнице в отделе по расследованию убийств. И никогда не касался дел, связанных с мошенничеством!

— Да, ты прав...

— Зачем же было лгать?

— А зачем было спрашивать, почему я ненавижу официантов? Вот мне и пришлось придумать историю.

— Здорово ты меня надул. И все-таки... почему ты ненавидишь роботов-официантов?

— Отнюдь. Ты просто неправильно истолковал выражение моего лица. Я думал: «До чего по-дурацки выглядит официант в этой мини-юбке».

ВУАЛЬ АНАРХИИ*

Не верилось, что на месте этого парка была когда-то окружная автострада Сан-Диего. Теперь здесь тянулись к небу ветви деревьев, и сквозь темно-зеленые кроны пробивались золотистые лучи солнца.

Скоро мне придется покинуть дубовую аллею — мы с Джил договорились встретиться у Уилширского выхода в половине первого. Но пока можно было стоять, прислонясь к шершавому стволу, и вдыхать аромат нагретых солнцем прелых листьев.

Денек выдался на славу — на небе ни облачка — и Королевский Парк Свободы был полон людей. В такие погожие полдни здесь всегда много народа, поэтому к полудню в парке скапливается вдвое больше полицейских «глаз», чем можно увидеть над его лужайками ранним утром. Золотистые шары размером с баскетбольный мяч то и дело проплывали в двенадцати футах над землей. В каждом таком шарике находилась полицейская телекамера и ультразвуковой парализатор; каждый из них поддерживал порядок в Парке, руководствуясь единственным правилом: никакого насилия. Ни один человек не смеет причинять вред другому, а в остальном — можно делать все, что угодно!

---

* Cloak of Anarchy © 1972 The Conde Nast Publications.— *Перев. с англ. А. Овчинниковой.*

В Парке не существовало никаких законов, кроме закона о неприкосновенности личности, безопасность и свобода считались главными здешними развлечениями.

На другом конце аллеи какой-то тип нес белый квадратный транспарант. На таком расстоянии я не мог рассмотреть, что на нем написано, но уж наверняка что-то ультрарадикальное и ультраглупое — что-нибудь такое, с чем не помаршируешь нигде, кроме Королевского Парка Свободы. В другом месте группка парней швыряла камни в полицейский «глаз», но золотистый шарик ловко уворачивался от летящих в него снарядов. Не будь в этих шарах системы защиты, их все перебили бы еще в день открытия Парка.

Какое-то время я наблюдал за метателями камней, но потом напрочь забыл про них при виде девушки, идущей по дорожке между вязов.

Она была очень красива. Нет, больше того — ослепительно прекрасна! Длинные загорелые ноги, густые рыжие локоны, тело настолько соразмерное, что могло показаться нереальным, как юношеская мечта. И в придачу — танцующая походка и лицо высокомерного ангела. Скорей всего, она была профессиональной моделью, привыкшей чувствовать себя уверенно под взглядами множества зрителей в любом самом фантастическом наряде. Но сейчас ее единственной одеждой была длинная накидка из легчайшей густо-синей ткани, закрепленная двумя золотыми пряжками на плечах. Накидка парила в воздухе, как невесомая вуаль, и переливчатыми изгибами повторяла каждый поворот, сделанный девушкой между деревьев.

Я услышал, как хрустнули шейные позвонки у всех посетителей Парка, оборачивающихся вслед волшебной красотке. Даже метальщики камней забыли о полицейском «глазе» и переключили внимание на девицу.

А потом я увидел, как от их группки отделился растрепанный черноволосый мужчина и не очень уве-

ренно направился к девушке. По этой робкой походке я и узнал его — ну конечно же, Рон Коул!

Я не слышал, что мой приятель сказал сказочной фее, зато увидел результат их недолгой беседы. Рон дернулся, будто его ударили, резко повернулся и с низко опущенной головой побрел прочь...

Я перехватил его на скрещении двух дорожек.

— Привет, Рон! Не принимай все так близко к сердцу.

Он вздрогнул и вскинул голову.

— А, это ты, Рассел... Привет.

— Не знаю, что тебе сказала эта дива, но в ее словах не было ничего личного. Точно так же она отшила бы любого другого.

— Ты что, ее знаешь?

— В первый раз вижу. Просто Джил недавно прочла мне длинную лекцию насчет последнего вопля моды... Я имею в виду эту синюю накидку. Если хочешь, могу поделиться полученными знаниями.

Рон пожал плечами, и, посчитав его жест за согласие, я начал:

— Так вот, вся хитрость в том, что вуаль должна находиться в постоянном движении. Если девушка остановится, накидка просто повиснет, как кошачий хвост, и это будет ужасно глупо выглядеть. Но еще глупее получится, если хозяйка вуали сядет или ляжет. Тогда ее одеяние поднимется футов на пять, а потом застрянет в каких-нибудь кустах — представляешь себе такую картинку? Хозяйка накидки должна непрерывно двигаться, иначе весь эффект пропадет. Теперь понимаешь, почему любого, кто пытается ее остановить, девушка встречает так неласково?

— Спасибо, что просветил.— Рон посмотрел туда, где вдали между деревьями мелькал язык синего пламени.— В следующий раз, увидев красотку в такой одежде, я сперва пойду рядом с ней, а уж потом начну делать ей комплименты.

— Правильно сделаешь. Такие накидки стоят бешеных денег, и девушки, сумевшие их купить, не пожертвуют полученным эффектом даже ради самого Казановы...

Рон тяжело вздохнул, и я решил сменить тему:

— А где вы набрали камней? Мне казалось, что в Парке нелегко раздобыть метательные снаряды.

— Каких камней? А, да. Мы нашли одно место, где на поверхность выходит главный делитель водозабора, и отбили несколько кусков бетона.

Рон взглянул на своих товарищей по борьбе, вернувшихся к камнеметанию, и вдруг крикнул:

— Вот это да! Кажется, они его сбили! Пошли, Рассел, пошли скорей!

Королевский Парк Свободы представлял собой модель добропорядочной анархии: за соблюдением единственного здешнего закона «Не подними руки на ближнего своего» следили маячившие над головой полицейские системы наблюдения. Всякий акт насилия немедленно пресекался, причем превентивная мера была одинакова как для нападающего, так и для потенциальной жертвы. Стоило кому-нибудь нарушить правило о ненападении, и ближайший золотистый шар тут же обездвиживал обоих противников. Потом полицейский «глаз» наблюдал за тем, как оба парализованных приходят в себя. Как правило, этого оказывалось достаточно.

Конечно, люди время от времени кидали камни в полицейские шарики. Разве это не Парк Свободы, в конце концов? Но я еще ни разу не видел, чтобы кому-нибудь удавалось сбить «глаз», хотя и слышал о двух-трех подобных случаях.

— Да пойдем же скорей, пока они его не растоптали! — Рон тащил меня за рукав, то и дело порываясь перейти с шага на бег трусцой.— Я, правда, говорил им, что система нужна мне целехонькой, но разве людям что-нибудь втолкуешь?

— Это же Парк Свободы, вот они и пользуются ею...

— Да, но сбили-то они мячик моими камнями!

— Кстати, где ты набрал таких снайперов, Рон? В первый раз вижу, чтобы кому-то удалось сбить полицейскую систему слежения.

— Эти парни играли в бейсбол, а я подошел и сказал, что мне нужен полицейский глаз, вот они и пообещали, что достанут его... Понимаешь, для моей новой работы мне позарез требуются золотистые оболочки — чем больше, тем лучше. Тогда я создам нечто потрясающее!

— Понятно.

Рональд Коул отдал душу сразу двум всепоглощающим страстям: он был и художником, и изобретателем. Причем тем и другим он занимался совершенно бескорыстно. С помощью паяльника, проводков, отражательных пластин, кусков пластика и тому подобного хлама Рон умудрялся сотворять невиданные вещи.

Спрос на авангардное искусство всегда был не слишком велик, и все же время от времени Рону удавалось кое-что продать. Вырученных денег с лихвой хватало на приобретение новых материалов для его шедевров, тем более что большая часть «сырья» попадала к Коулу с чердаков и помоек. Иногда (очень редко) он натыкался на богача, который отваливал ему за приглянувшееся творение жирный кусок; тогда Рон надолго забывал о нужде, но нормальнее не становился. При всем том он был гением — на свой лад — и добрейшим парнем.

Помню, однажды он показал мне разноцветный пластиковый шарик размером с мячик для гольфа, лежащий на вогнутой серебряной поверхности. Когда шарик трогали пальцем, он начинал кататься по серебряному зеркалу, разбрызгивая фантастические отблески.

В другой раз я удостоился чести лицезреть извивающегося морского змея внутри бутылки из-под пива

«Мишло». Рон так и не сказал, из чего он сделал серебристо-зеленое чудовище и как запихал его внутрь бутылки. Вероятно, то был символ неистребимого и коварного «зеленого змия», от которого то и дело предостерегают рекламные клипы министерства здравоохранения. Я никогда не питал склонности к пьянству, но все же выпросил у Рона бутылку и водрузил ее на столик у кровати: прихотливые телодвижения змея оказывали на меня гипнотическое воздействие, срабатывая лучше любых таблеток от бессонницы.

Но еще одно произведение Коула едва не довело меня до инфаркта. Со своим обычным загадочно-гордым видом, дескать: «Попробуй угадай, что это» — он вложил мне в ладони две причудливо сплетенные полоски матового серебристого металла. Металл был на удивление тяжелым, и я не мог догадаться, из чего сделан сей шедевр. Может, платина? Ерунда — откуда у Коула столько платины?

— Уран-235? — наконец шутя спросил я.

Рон ответил вопросом на вопрос:

— Теплые?

Я швырнул этот кошмар в угол комнаты и едва удержался, чтобы не нырнуть за кушетку.

Впрочем, полоски и впрямь оказались платиновыми. Я не спрашивал Рона, откуда он взял столько платины,— с меня было довольно того, что я уцелел.

Да уж, с Роном Коулом не соскучишься! При всем при том он действительно был отличным парнем, хотя и становился слегка невменяемым, когда им овладевала очередная идея.

Вот и сейчас в его глазах загорелся хорошо знакомый мне огонек одержимости.

Растолкав людей, столпившихся вокруг сбитого «глаза», Рон кинулся к золотистому шару, как мать к своему похищенному и вновь обретенному ребенку. Он что-то там сдвинул, чем-то щелкнул, и одна из полусфер, скрывавших внутренности прибора, отошла. На-

клонившись через плечо Рона, я впервые заглянул внутрь полицейского «глаза».

Устройство шара поражало своей простотой. Коул в два счета вынул звуковой парализатор, камеры и торовый трансформатор, действуя со сноровкой завзятого взломщика. Потом он достал из кармана какую-то штуковину, похожую на старинные охотничьи часы, и тогда я решил напомнить о своем существовании.

— Эй, старина, что ты собираешься делать?

— Не знаю, правильно ли я все рассчитал, но если получится, как задумано, эта штука сможет сбить все полицейские «глаза» в Королевском Парке Свободы... И тогда я получу сколько угодно золотистых оболочек для моей новой работы!

Слова Коула были встречены громким смехом собравшихся вокруг зрителей. Эти люди не знали Рона так, как знал я. Я-то не сомневался, что мой приятель не шутит.

— Понимаешь, полицейские системы не могут быть сверхнадежными,— продолжая возиться с «глазом», пояснил Рон.— Они в первую очередь должны быть дешевыми, правда? Иначе они не летали бы целыми десятками по одному только Парку Свободы!

— И что же?

— А то, что если они сделали систему питания дешевой, я смогу сбить все «глаза» в этом парке. Через полчаса станет ясно, удалось мне это или нет.

— Тогда дерзай без меня. Я должен встретить Джил у Уилширского выхода, и если я опоздаю, меня не спасет даже полицейский парализатор.

Коул, чуть ли не с головой нырнувший во внутренности «глаза», похоже, меня не услышал. Я оставил его во власти творческого порыва, а сам быстро направился к Уилширскому выходу.

На полпути мне преградила дорогу порядочная толпа. Я начал проталкиваться вперед, рассудив, что пройти напролом будет быстрее, чем в обход, но, добравшись

до эпицентра событий, невольно заинтересовался странным агрегатом, с которым возился коренастый лысый тип. Что бы это такое могло быть? Не скутер, не скейтборд, не...

— Это газонокосилка,— уверенно заявила старушка рядом со мной.— Я видела такие в детстве...

Лысый тип что-то дернул, его детище громко взревело, и зеваки шарахнулись в стороны. С триумфальным видом создатель газонокосилки схватился за рычаги и поехал по кругу. За ним оставалась полоска неровно срезанной травы и клубы черного вонючего дыма. За пределами парка изготовление и применение двигателя внутреннего сгорания каралось тюремным заключением — но ведь здесь был Парк Свободы, не правда ли?

Люди вокруг начали задыхаться и кашлять, потом толпа взревела еще громче газонокосилки и кинулась на источник ядовитого дыма. Лысого в два счета стащили на землю, десятки рук вцепились в его машину и остановили мотор. Из сумки конструктора вытряхнули инструменты, и несколько человек заработало отвертками и молотками. Я понял, что после такой вивисекции газонокосилке не дано будет возродиться вновь. Конструктор яростно возражал, а потом схватил длинные ножницы для металла и попытался ударить ими одного из потрошителей механизма.

В тот же миг полицейский «глаз» парализовал и лысого, и его возможную жертву, уронив их на скошенную траву. Остальные спокойно и деловито разобрали газонокосилку на части.

— Даже жаль, что они это сделали,— вздохнула старушка.— Помню, наша газонокосилка шумела точно так же, когда папа по воскресеньям подстригал газон... Ну почему даже в Парке Свободы человек не может построить, что ему хочется?

— Может, как видите,— утешил я пожилую леди.— А остальные точно так же могут разломать все, что захотят.

Уже приближаясь к месту свидания с Джил, я вдруг задумался, а так ли безобидна была новая затея Рона? Да, раньше время от времени какому-нибудь везунчику удавалось сбить полицейский «глаз». Но ведь Коул собирался вырубить все «глаза» сразу! А что, если бы системы слежения не оказалось рядом с чокнутым изобретателем газонокосилки, когда он замахнулся ножницами на того парня? Можно поставить два против одного, что на свежеподстриженном газоне сейчас лежал бы свеженький труп...

От этих мыслей меня отвлекла идущая навстречу стайка старшеклассниц. Они щебетали, как птички, радостно оглядываясь по сторонам. Должно быть, то была их первая прогулка по Парку Свободы.

Девчонки выглядели такими паиньками, что я невольно обернулся, чтобы посмотреть им вслед — и увидел, что они благоговейно разглядывают дракона у меня на спине.

Через пару месяцев они привыкнут к самым невероятным диковинкам, какие можно заметить в Парке, и перестанут обращать внимание на нарисованных на груди, спине или другой части тела страшилищ. Хотя мой дракон и впрямь был славным. Джил потратила полчаса на эту золотую с красным картинку: дракон изрыгал языки пламени на полспины, и они светились почти как настоящие. Я даже жалел, что сам вижу этот шедевр, только проходя мимо составных зеркал.

Заглядевшись на свою спину в одном из таких зеркал, я увидел в нем отражение Джил еще прежде, чем заметил ее саму.

Джил ждала на условленном месте, только что не подпрыгивая от нетерпения. А мальчишки по ту сторону живой изгороди и впрямь подпрыгивали, пытаясь получше ее разглядеть. В Парк Свободы пускают только с шестнадцати лет, на городских улицах нудистам показываться запрещено — поэтому пацаны просто из кожи вон лезли, стараясь прыгнуть повыше и

разглядеть побольше. Джил даже в одежде привлекала к себе внимание, а уж пройдя сквозь кабинку для нудистов при входе и оставив в ней все, кроме туфель на высоком каблуке, она и вовсе становилась чем-то вроде красного сигнала светофора для всех особей мужского пола, не страдающих тяжелой формой дальтонизма.

Приближаясь к Уилширскому выходу, я замедлил шаги, чтобы издали полюбоваться на длинные ноги, тонкую талию и упругую высокую грудь моей девушки. Сегодня она выкрасила волосы в зеленый цвет, что чудесно гармонировало с ее темно-золотистой кожей.

Сам я так и не пристрастился к нудизму, зато с легкой руки Джил занялся боди-билдингом — она настаивала, чтобы я поддерживал форму, и в конце концов мне удалось накачать вполне впечатляющие мускулы.

— Рассел! — завопила Джил, заметив меня.— Ты опоздал!

Звук ее голоса должны были услышать на другом конце парка.

В ответ я поднял руку, снова опустил... И в тот же миг все полицейские шарики, маячащие в поле зрения, замертво рухнули на траву.

Джил открыла рот, пораженно осмотрелась и побежала ко мне. Никогда не мог понять, как это женщины умудряются так быстро передвигаться на своих высоких каблуках?

— Как ты это сделал? — выпалила Джил, схватив меня за руку.

— Очень просто. Я обладаю мощной месмерической силой, воздействующей даже на механизмы.

— Месме... Рассел, будет лучше, если ты поднимешь их обратно!

— Я пошутил. Нет, в том, что случилось, наверняка виноват Рон Коул. Помнишь его?

— Да-да, помню... Но как он это сотворил?..

— Мне самому чертовски интересно. Пошли найдем его и спросим!

И мы пошли.

И на пути к дубовой аллее видели много интересного.

Повсюду валялись изуродованные, раскрошенные золотистые оболочки, лопнувшие резонаторы, искореженные параболические отражатели — люди вволю потешились над свалившимися полицейскими «глазами». Вряд ли Рону удастся набрать много сырья для задуманной им работы. Нам повстречалась одна очень довольная собой леди средних лет, на руках которой красовались браслеты из медных торовых трансформаторов. Старшеклассницы, виденные мною раньше, с радостным визгом собирали блестящие кусочки оболочек шаров — должно быть, на память о первом посещении Парка.

Потом мы наткнулись на группку мрачных личностей, таскавшую транспарантики: «СЕКС ТОЛЬКО РАДИ РОЖДЕНИЯ!» Джил спросила их, не шутка ли это, и их лидер вместо ответа пихнул ей листовку. Там говорилось, что все попытки человека изменить свою сущность путем вмешательства в генную структуру и через выращивание детей в пробирках — суть грех и богохульство.

Я сделал из листовки самолетик и запустил его в сторону парней в средневековых костюмах. Между ними выделялась девушка в современной одежде — наверное, гид.

Всеобщее возбуждение, вызванное падениями полицейских шаров, уже улеглось, и Парк зажил своей обычной, слегка сумасшедшей жизнью. Пока мы добрались до того места, где я оставил Коула, нам попалось еще много интересного...

Вот только Рона мы не нашли.

— Он правильно сделал, что смылся,— заметил я.— Ведь раньше еще никто не сбивал сразу все полицейские «глаза».

— Ну и что? Это же Парк Свободы, здесь ничто не запрещено.

— И все-таки за такое излишество вполне могут лишить права посещения Парка на месяц-другой. Я слышал, так однажды наказали парня, спилившего половину деревьев на Аллее вязов...

— Давай позагораем,— перебила Джил и изящно растянулась на траве. При этом она недовольно посматривала на мои шорты, но я проигнорировал намек и улегся рядом прямо в них.

Мы валялись, как два тюленя на лежбище, и наблюдали за пестрой парковой мозаикой, пока из нее с потерянным видом не вынырнул Рон Коул.

— О, а вот и герой дня! — лениво протянул я.— Джил, познакомься — перед тобой стоит скромный гений, который умудрился вырубить сразу все «глаза» на территории Парка Свободы! Ну, как дела? Много оболочек сумел набрать?

— Привет, Джил,— рассеянно бросил Рон, останавливаясь над нами.

— Привет.— Моя подружка небрежно перетекла из лежачей позы в сидячую, не менее соблазнительную.— Где ты пропадал, Ронни? Мы с Расселом никак не могли тебя найти.

— Вообще-то я хотел уйти из парка, но не сумел.— Коул ожесточенно почесал пятерней взлохмаченную шевелюру.— Все выходы заблокировались. Должно быть, они были замкнуты на тот же лучевой канал, что и полицейские «глаза»,— ну и вот... Признаться, на такой эффект я вовсе не рассчитывал.

— Ого! — Присвистнув, я тоже сел.— Значит, мы здесь заперты? Интересно, надолго ли?

— Я и сам хотел бы знать. Думаю, им сперва придется запустить сюда новые «глаза», потом починить лучевую систему питания... А из моей затеи с оболочками все равно ничего не вышло. Мне нужны были целые полусферы, а их...

— Да, мы уже видели, что от них осталось.

— Я забыла взять крем для загара,— пожаловалась Джил.— Можно было бы выйти и купить его в ближайшем магазине, а теперь что? Рон, иногда ты бываешь страшно безрассудным!

— А по-моему, из этого может выйти очень даже интересный эксперимент! — оживившись, возразил Коул.— Я всегда считал, что анархия — самая удачная форма существования общества...

Я вдруг увидел справа знакомую вуаль — длинную синюю ленту, переливающуюся на высоте пяти футов над землей. К счастью, Коул и Джил здорово увлеклись спором: мне не поздоровилось бы, если бы Джил заметила, куда я так пристально смотрю.

Наблюдая за девушкой в накидке, я краем уха слушал препирательства спорщиков:

— В конце концов, разве государство может сделать для людей что-то такое, чего они не могли бы сделать для себя сами?

— А как насчет защиты самого государства? — возразила Джил.

— От кого? От внешних врагов? Но если все страны станут анархическими, армии им просто не понадобятся.

— А всякие там хулиганы — интересно, как ты справишься с ними?

— Для защиты от них тоже не нужно прибегать к помощи государства. Скажи, что плохого в частной полиции? Я слышал, что раньше страховые компании нанимали пожарных, которые тушили пожар только в застрахованных домах,— так почему бы не ввести страховку от ограблений и убийств? Клиент просто носит с собой кредитную карточку, а страховая компания нанимает полицию...

— А если грабитель украдет эту кредитку?

— Зачем? Он не сможет ею воспользоваться, у него же другой рисунок сетчатки глаза!

— А если убийца пришьет клиента еще до того, как тот успеет вызвать по своей кредитке полицию?

— Тогда страховая компания возместит убытки его семье... И, конечно, возьмет на себя расходы по похоронам и розыску убийцы.

— Рон, не обижайся, но, по-моему, ты форменный идиот! — решительно высказалась Джил.

Я увлеченно следил за причудливыми изгибами вуали. На одном конце — просвеченная солнцем синева, на другом — прекрасная рыжеволосая девушка... Рядом с которой в данный момент вышагивали двое парней, одетых так же причудливо, как и она.

Их головы были покрыты перьями — голубыми, зелеными и золотыми,— которые топорщились на макушке хохлом, как у какаду. Одежда их напоминала плащи древних маори: в ней перемежались перья самых разных цветов. Кроме коротких плащей, на них ничего не было, и их телосложение наверняка удостоилось бы одобрения Джил.

Впрочем, сейчас ее слишком поглощал спор с Роном, и она не обращала внимания на двух пернатых созданий.

— Что правительство дает людям — кроме тех, конечно, которые сумели дорваться до власти? — горячо доказывал Коул.— Раньше существовали частные почтовые отделения, их услуги обходились гораздо дешевле государственных. Все, за что берется правительство, мгновенно дорожает, ты согласна? А посмотри на...

Девушка в синей вуали наотмашь ударила одного из пернатых мужчин по губам, развернулась и попыталась влепить пощечину второму, но тот вовремя схватил ее за запястье. И тут же все трое замерли в ожидании парализующего луча.

В Парке Свободы любая девушка с легкостью отвергает приставания. А если парень настолько туп, что ему недостаточно простого «нет», он рискует зарабо-

тать пощечину. Как правило, до этого дело не доходит — кому охота провести остаток дня, приходя в себя после действия полицейского парализатора...

Но теперь парализаторы были вырублены по всему парку.

Девушка вырвала руку из пальцев мужчины в перьях и побежала. Он не пытался броситься вдогонку, а просто схватил вьющуюся за ней вуаль.

Рывок отбросил девушку назад, но она тут же расстегнула золотые пряжки на плечах и снова бросилась бежать.

Дело принимало серьезный оборот.

Двое пернатых со смехом погнались за беглянкой, кое-кто из свидетелей этой сцены тоже засмеялся, но рыжеволосой красавице было не до смеха. Когда она проносилась мимо, я заметил два кровоподтека от пряжек у нее на плечах и подумал: не вмешаться ли? Но было уже поздно — все трое исчезли за деревьями, только накидка осталась лежать на траве, как шкура длинной синей змеи...

Джил уже не сидела — она стояла рядом со мной, нервно обхватив себя руками за плечи.

— Рассел... Пойдем к выходу! Может, нам все-таки удастся выбраться отсюда!

Не только моей подруге захотелось побыстрей покинуть парк — короткая аллея, ведущая к Уилширскому выходу, была густо забита толпой. Большинство людей выглядели разочарованными или изумленными, но на лицах у некоторых я увидел страх. Никогда прежде не случалось такого, чтобы из парка нельзя было выйти...

И раньше никто не гонялся здесь за обнаженными рыжеволосыми красотками.

Наверное, именно поэтому я не успел вмешаться. Как и все остальные, я слишком привык, что на любое проявление насилия мгновенно реагирует ближайший

полицейский «глаз». А если он не реагирует, значит, происходящее совершенно законно и опасности не представляет...

Кабинки для переодевания оказались заблокированы так же, как и выходы. Я видел, что Джил все время ежится и обнимает себя за плечи, и спросил:

— Тебе холодно?

— Нет...— Она вздрогнула.— Просто... Просто мне хотелось бы одеться. Они... Они все так на меня смотрят...

Прежде Джил нравилось, когда на нее смотрели, но сейчас ее как будто подменили.

Я не стал выяснять, в чем дело, а только спросил:

— Синяя накидка сойдет?

— Да... Да, все, что угодно!

Мы вернулись назад, туда, где на траве осталась лежать накидка, но опоздали — она исчезла.

— Может, возьмешь мои шорты? — серьезно предложил я. Больше мне нечем было поделиться.

— Ой, нет! Я же нудистка, а ты так и не...

— Возьми мой свитер,— подал голос до тех пор молчавший Рон.

Кажется, он чувствовал себя чертовски виноватым.

Джил благодарно приняла короткий свитер, а потом, явно чувствуя себя не в своей тарелке, обернула рукава вокруг пояса и завязала на боку.

— Что, теперь так носят? — непонимающе шепнул мне Коул.

— Знаешь разницу между ню и обнаженным телом? — прошептал я в ответ.

— Нет. А что?

— Ню — артистично, обнаженность — беззащитна.

Рон понял и вопросов больше не задавал.

Нудизм всегда пользовался популярностью в Парке Свободы, но в этот теплый вечер обнаженность здесь явно стала не в чести. Я четырежды видел куски знакомой синей вуали: один раз — в виде короткого муж-

ского хитона, дважды — в попытках сымитировать саронг, и напоследок — как повязку для чьей-то раненой руки.

Нам все чаще попадались люди с подбитыми глазами, и Джил нервничала все больше и больше.

Потом мы встретили старушку с короткой палкой в руке; на ее лице была написана жажда крови. Старушка явно вступила на тропу войны, и когда она подошла ближе, я узнал в ней ту старую леди, которая с ностальгией вспоминала треск газонокосилок.

Черт меня дернул машинально ей поклониться — и женщина, остановившись, пристально посмотрела на меня.

— А, это вы помогли тогда сломать газонокосилку! — произнесла она.

Я испугался, что сейчас получу палкой по голове в отместку за разрушение чудесного механизма. Я начал сбивчиво опровергать несправедливое обвинение, но старушка вдруг горько всхлипнула.

— Парк Свободы, да? Ничего себе свобода! Двое мужчин только что отняли у меня пакетик с завтраком!

Я развел руками.

— Мне очень жаль. У нас нет с собой еды, иначе мы бы поделились.

— Все автоматические закусочные отключились,— пожаловалась старушка.— А я принесла еду в полиэтиленовом пакете. В следующий раз возьму с собой непрозрачный пакет.

Она сочувственно посмотрела на импровизированную юбку-свитер Джил и добавила:

— К сожалению, деточка, я отдала свою подстилку для загорания другой девушке. Та нуждалась в ней еще больше, чем ты.

— Ничего страшного,— тихо ответила Джил. Я заметил, что в последнее время она старается говорить как можно тише, чуть ли не шепотом.— Но все равно спасибо за беспокойство...

— Молодые люди... Пожалуйста, можно мне остаться с вами, пока не уляжется вся эта неразбериха? — попросила старая леди.— Мне что-то немножко страшно. Меня зовут Герда Готорн.

Мы представились, и Герда Готорн по-мужски крепко пожала нам руки.

Все больше темнело, над высокими кустарниками загорелись огни Вествуда и Санта Моники. Раньше Парк Свободы всегда освещал свет золотистых полицейских шаров. Но то было раньше! А сейчас, похоже, здесь скоро станет совсем темно, если полиция не поторопится снабдить нас новыми «глазами».

Мы добрались до поросшего травой просторного поля, на котором иногда валяли дурака члены Общества Исторического Анахронизма. Они устраивали здесь потешные турниры, сражаясь деревянными мечами, секирами, палицами и палашами. Этой оструганной древесиной не так-то легко было нанести друг другу серьезные увечья, и все же на лужайке анахронистов чаще всего применялись парализующие лучи и над ней гуще всего роились полицейские «глаза»... Раньше.

Теперь от золотистых шаров остались только детали, разбросанные по траве, и я невольно порадовался, что на сегодня не намечался очередной «рыцарский турнир». Страшно подумать, что могло бы случиться, начни анахронисты дубасить друг друга своим деревянным снаряжением без бдительного присмотра полицейских «глаз».

На краю лужайки мне вдруг почудилось какое-то движение. Я остановился, вгляделся попристальнее и сказал:

— Оставайтесь здесь.

Джил в панике схватила меня за руку:

— Не глупи! Куда ты? Рассел, перестань меня пугать!

Она и Рон пошли за мной, как привязанные. Шествие замыкала миссис Готорн, держа наготове палку.

Я не ошибся: в тени кустов лежал на траве человек; он приподнялся нам навстречу и тут же болезненно застонал. Рядом валялся порванный белый транспарант без всякой надписи, на котором выделялись черные следы подошв.

— Что тут произошло? — пискнула Джил.

— Похоже, они выбили мне плечевой сустав,— прошептал лежащий.— Не понимаю, почему полицейский «глаз» не сработал...

Рон открыл было рот, чтобы объяснить, почему, но я вовремя пихнул его локтем в бок. Коул понял намек и захлопнул рот, так ничего и не сказав.

Джил опустилась на колени и стала ощупывать плечо пострадавшего; потом она уперлась ногами и дернула его руку резко и сильно.

— Нет!! — завопил человек и тут же смолк, коротко и шумно дыша.

— Теперь лучше? — озабоченно осведомилась Джил.

— Да... Почти не болит. Спасибо.— Лежащий попытался улыбнуться.— Но, кажется, у меня здорово помяты ребра...

— Как же это случилось?

— Они начали отталкивать меня и кричать, чтобы я убирался. Я и без того уходил, но тут кто-то выхватил мой транспарант...— Он попробовал приподняться, но Джил торопливо сказала:

— Нет-нет, вам лучше пока полежать!

— Я ведь никому не мешал, правда! — с горечью проговорил раненый.— И мой транспарант тоже. Я — помощник мэра по психологии и пишу работу о том, что каждый индивидуум хочет прочитать на пустом транспаранте. Ну, знаете, как пустые страницы в тесте Роршаха. Если бы мне позволили, я объяснил бы им это, но они, похоже, хотели только одного — топтать и рвать...

Джил принялась вытирать кровь у него с лица вывернутым наизнанку кошельком Герды Готорн.

— Люди становятся все злее и злее! — чуть не плача, пожаловалась владелица кошелька.— Раньше ничего подобного не случалось. Я хожу в Парк Свободы уже сорок лет, и...

— Но ведь и здесь ничего подобного раньше не случалось,— возразил я.— До тех пор, пока не упали все полицейские «глаза».

— Точно,— кивнула Джил.— Эй, Рон, расскажика нам еще про твое государство анархии!

Рон втянул голову в плечи и робко кашлянул.

— Надеюсь, вы не будете судить об анархии по нескольким печальным случаям,— нерешительно промямлил он.— Просто Королевский Парк Свободы находится во власти анархии всего пять-шесть часов. Анархии нужно успеть созреть...

— Страшно подумать, что начнется, когда она созреет! — резко оборвала Джил.— А тем более перезреет. По-моему, она здорово воняет уже сейчас!

— Фу, деточка, что за слова! — укоризненно пробормотала Герда Готорн.

— Я думаю, пора ложиться спать,— решительно предложил я.— Давайте устроимся прямо здесь. А к утру наверняка все будет в полном порядке!

Это поле показалось мне подходящим для ночевки, потому что было открытым и пустым. Ни кустов, ни теней, ни ложбин — никто не смог бы подкрасться к нам незамеченным. Кажется, я быстро учусь думать и чувствовать, как настоящий параноик! Могу поспорить, что в царстве анархии Рона смогли бы существовать только стопроцентные параноики. Любой нормальный человек живо превратился бы там в отъявленного психа.

Еще две маленькие группки устроились на дальних краях нашего поля, старательно соблюдая дистанцию. Мы тоже не стремились к сближению и знакомству. Время от времени до нас долетали голоса — значит, они не спали, а может быть, выставили часовых.

В нашей компании крепко спал только помощник мэра; да старая леди недавно задремала с палкой под боком. Джил и Рон продолжали шепотом препираться насчет анархии. Как им не надоело?

Что же касается меня, я размышлял, где бы добыть воды. Если завтра выходы не откроются, это может стать серьезной проблемой, куда более серьезной, чем отсутствие пищи.

— Правительство нужно хотя бы для того, чтобы печатать деньги! — втолковывала Джил.— Как ты этого не понимаешь, дубина ты стоеросовая?

— Зачем тебе деньги? — не сдавался Коул.— Ведь можно просто выписывать долговые обязательства. Стандартного достоинства, нотариально заверенные. Да на худой конец сошли бы даже кредитные карточки!

Мне надоело слушать эту ахинею.

— Рон.

— Да?

— Помнишь ту девицу в синей вуали?

Воцарилось долгое молчание.

— Помню, а что?

— Ничего себе девушка, правда? На нее было приятно смотреть.

— Правда. И что же?

— А то, что если бы не существовало законов, запрещающих любому сексуально озабоченному ублюдку просто взять да изнасиловать ее, она ходила бы застегнутой по уши. В чем-нибудь, напоминающем средневековые доспехи анахронистов, — да еще таскала бы с собой электрошокер. Приятно тебе было бы тогда на нее смотреть?

— Ннну...

— Не ну, а «ню».

— Не понял.

— Мне, например, нравится смотреть на тело ню. Но заметь, как быстро исчезли все ню после того, как упали полицейские «глаза».

Рон глубоко вздохнул и ничего не ответил.

Тем не менее Джил сердито шикнула:

— Ребята, перестаньте кричать друг на друга! Вы разбудите нашу старушку.

— Я и не сплю, милочка,— вдруг подала голос миссис Готорн.

— Ой... Простите,— смутилась Джил.

— Ничего-ничего! Я вот все думаю: а что все-таки хотел сказать этот помощник мэра своим пустым транспарантом?

— Ничего он не хотел сказать. Вы же слышали — он просто собирал материал для своей работы...

— Секундочку, дорогая! Я считаю, что он все же что-то говорил, даже если сам не знал, что именно.— Герда Готорн приподнялась и села на траве.— Знаете, с десяток лет назад я была членом организации, выступавшей против обязательной контрацепции. Мы целыми часами носили всякие лозунги, печатали листовки и останавливали прохожих, чтобы поговорить с ними. Мы тратили свое время, свои усилия и свои деньги, потому что хотели — очень хотели — достучаться до людских сердец. Так вот, я считаю, что если ко мне подходит человек с пустым транспарантом, значит, он что-то хочет мне сказать. Но я не понимаю, что именно, и это меня невольно раздражает — раздражает сильней, чем если бы он проповедовал то, с чем я решительно несогласна. Может, поэтому те люди отреагировали на него так бурно?

— Слишком бурно,— согласился я.— Говорите тише, пусть он как следует выспится...

— Может, пойдем к Фонтану? — сменила тему миссис Готорн.— Очень хочется пить.

— Да ведь Фонтан не работает! — возразил я.

В Королевском Парке Свободы был всего один фонтан, достойный того, чтобы писаться с большой буквы. Каждый день в нем купались десятки дорвавшихся до свободы людей, и как минимум раз в месяц его лома-

ли... Вот и вчера, проходя через скрещение четырех аллей, я мельком отметил, что огромная вогнутая чаша, из которой обычно била футов на двадцать водяная струя, опять суха, как пустыня Сахара. Хорошо, что в этот резервуар никогда не пытались запустить рыбок...

— Ошибаетесь, молодой человек,— возразила Герда Готорн.— Фонтан работает, я сама видела это сегодня утром!

— Тогда пошли! — вскочил я.— Быстрей, пока кто-нибудь из поклонников анархии снова его не сломал!

Рон покорно проглотил эту пилюлю, и наша компания покинула лужайку. Помощник мэра так крепко спал, что мы не стали его будить.

Слабо озаренный светом ночного города парк пересекали причудливые тени; мы как будто пробирались по девственному лесу, где на каждом шагу из-за кустов на нас мог выпрыгнуть дикий зверь. Джил крепко прижималась ко мне, миссис Готорн семенила чуть ли не вплотную к Рону. Я их понимал — у меня у самого все чувства были обострены до предела, и я ощущал себя человеком каменного века, в неурочный час покинувшим родную пещеру.

Как странно, что наши неотъемлемые права — свобода слова, неприкосновенность личности — должны зависеть от такой хрупкой штуки, как висячая полицейщина! А отними у человека эти права, и он быстро превращается в дикаря, готового принять жестокие правила игры доцивилизованных времен. Нет, не хотел бы я прожить хоть недельку в царстве анархии Рона...

— Рассел, мне очень жаль,— пробормотал вдруг Коул, словно подслушав мои мысли.— Я не думал, что так получится, правда!

— Заткнись,— прошипел я в ответ.— И никогда не вспоминай вслух о том, что ты натворил! Во всяком случае, не здесь. Хочешь, чтобы тебе устроили самосуд?

Рон испуганно оглянулся по сторонам (тут и там из темноты доносились невнятные голоса) и молчал до тех пор, пока мы не вышли на центральное скрещение дорожек. Тогда он растерянно протянул:

— Вот так штука!

Да, фонтан снова работал — водяная струя рассыпала брызги в отсвете городских огней,— но вокруг бассейна стояли пятеро мужчин в одинаковых шортах и с такой мускулатурой, что Джил восхищенно вздохнула. Может, эти парни принадлежали к какому-нибудь культуристскому обществу, может, занимались борьбой или тяжелой атлетикой...

Но кем бы ни были эти типы, они захватили фонтан.

Если кто-нибудь делал попытку подойти к бассейну, высокий пепельный блондин устремлялся наперехват, выставляя руку и преграждая ему путь. При этом он широко ухмылялся и громко провозглашал какую-нибудь галиматью вроде:

— Изыди! Никто не смеет тревожить Духа Воды, коему мы служим! — после чего разражался довольным хохотом, который тут же подхватывали четверо его дружков.

Людям, окружившим фонтан, явно было не до смеха.

Нашей компании тоже.

Я ловил жалобно-вопросительные взгляды миссис Готорн и Джил и чувствовал себя уже не человеком каменного века, а жалким слизняком. Но этих подонков было пятеро. Рон вряд ли сумеет драться. А у этих парней такие мускулы...

Какой-то плотный мужчина в деловом костюме решительно двинулся к фонтану и, получив отпор, начал во всеуслышанье требовать соблюдения своих прав. Он ошибся. То была не самая подходящая ночь для его прав.

Блондин дразнил его, пока мужчина в костюме не начал выкрикивать оскорбления, перешедшие в грязную матерщину.

Миссис Готорн ойкнула и возмущенно зажала уши. Потом ойкнула еще раз.

Мужчина попытался стукнуть блондина и тут же получил страшный удар поддых. В следующий миг на упавшего бросились все члены водяной монополии... Любитель качать права уполз от фонтана на карачках, перемежая стоны требованиями вызвать полицию и принести смирительные рубашки.

Почему люди, которые толпились вокруг, ничего не предприняли?

Ответ на этот вопрос я с прискорбием находил в себе самом. Во-первых, мне до сих пор нелегко давалось осознание того факта, что полицейский «глаз» не может парализовать драчунов. Во-вторых, я ждал, пока вмешается кто-нибудь другой. Ну, и в-третьих... Мне не понравился толстяк, уж очень он грязно ругался. Чтобы я подставлял шею из-за такого придурка? Держите карман шире!

— Рональд, который сейчас час? — шепотом спросила миссис Готорн.

Несколько лет назад, удачно продав две дюжины гравированных бутылок, Рон приобрел имплантированные часы. Такая роскошь стоила больших денег, но для Коула это оказалось выгодным вложением капитала, потому что обычные часы он то и дело терял.

Теперь он взглянул на светящиеся прямо на коже запястья цифры и ответил:

— Без двадцати два, миссис Готорн.

— Может, они захотят наконец спать и уйдут?

— А кто мешает им лечь прямо здесь? — с горечью прошептала Джил.— Они нашли себе хорошее развлечение. Удивительно, как они еще не додумались брать деньги за воду...

Я сделал глубокий вдох и такой же глубокий выдох.

— Подождите меня здесь. Я с ними поговорю.

Джил вцепилась в меня так, словно я сообщил, что собираюсь прыгнуть головой вниз с небоскреба.

— Рассел, ты сошел с ума, их же пятеро! Не надо!

— Не глупите, молодой человек,— посоветовала старушка.— Лучше подождем, пока полиция наконец наведет здесь порядок. Я уверена, что очень скоро это случится... Ой, смотрите! Вон та девушка, которой я отдала свою подстилку для загорания!

К бассейну робко приблизилась девушка в весьма странном одеянии. Миссис Готорн была миниатюрной старушкой, и ее подстилки едва-едва хватило на жалкое подобие коротенькой туники. В призрачном свете далеких огней волосы девушки казались красными, и я вдруг узнал в ней красавицу, которая еще недавно двигалась меж деревьев в темно-синей вуали, небрежно разбивая сердца всех мужчин — посетителей парка. Но куда теперь девалась вся ее высокомерная отстраненность! Пожалуй, только по волосам ее и можно было узнать. Придерживая свое странное одеяние, девушка маленькими шажками приближалась к бассейну, и я видел, что лишь отчаянная жажда заставляет ее преодолевать страх. Страх сквозил во всех ее движениях так же, как раньше в них сквозила царственная самоуверенность.

Громилы у фонтана оживились при виде нового развлечения и перестали зевать. Я не слышал, о чем говорит им девушка, но знал, что она умоляет позволить подойти к воде. Зато ответные реплики звучали чуть ли не на весь парк — пятеро «культуристов» раздухарились вовсю. Милая полуголая девица молит дать ей напиться, вот потеха!

Это становилось все более отвратительным.

Вдруг блондин замолчал и шагнул в сторону, сделав театральный жест в сторону бассейна. Он позволял девушке подойти! Его дружки попробовали возражать, но он цыкнул на них, и они умолкли.

Под завистливо-возмущенный говорок зрителей девушка жадно напилась и хотела уйти, но перед ней непробиваемой стеной встали все пятеро амбалов.

— Дух Воды должен получить плату за воду! — проорал блондин.

— Плату! Плату! — заревели его дружки.

— Ты напилась, красотка? Теперь мы, верные слуги Водяного Духа, тоже хотим утолить жажду!..

Вожак схватил девушку за волосы на затылке — и тут же получил коленом промеж ног. Я смотрел на него со спины, но по тому, как блондин завопил и согнулся, понял, что рыжеволосая не промахнулась. Вслед за тем она попыталась бежать, но один из членов «водяного треста» ухватил ее за тунику и звонко ударил по щеке, потом еще раз и еще...

Вокруг раздались возмущенные возгласы, но никто не вмешивался.

Я тоже — в меня мертвой хваткой вцепилась Джил.

Девушка вывернулась и понеслась в темноту, оставив в руках «культуриста» свою тунику. Не везет сегодня бедняжке по части одежды!

Вся водяная монополия в полном составе с ревом устремилась вдогонку за сбежавшей добычей. Позади всех, прихрамывая и матерясь почище того толстяка, трусил блондин. Все пятеро кричали о том, что сделают с девчонкой, когда поймают. Я не сомневался, что они так и поступят, и рыжеволосая в этом тоже не сомневалась — она мчалась во весь дух.

Но едва монополисты оставили позиции у фонтана, все люди в едином порыве устремились к воде. Один из жаждущих налетел на девушку, сбил ее с ног, вскочил и тут же затерялся в вопящей толпе, где мужчины и женщины давили друг друга в неистовом желании как можно скорее добраться до бассейна...

Рыжеволосая с трудом встала, а в следующий миг ее настигла погоня. Девушка отбивалась, звала на помощь, но ее никто не слушал: у фонтана творилось нечто невообразимое.

Я вырвался из рук Джил...

Но Коул успел финишировать раньше меня.

Он развернул к себе блондина и от души врезал ему в челюсть. Черт возьми, где Рон научился такому удару?

Блондин опрокинулся на спину, но то был единственный и кратковременный успех моего друга.

Подбежав, я не сразу решился нанести удар в копошащуюся в темноте мешанину, опасаясь по ошибке стукнуть Рона, потом все же начал работать ногами — и пинал по чьим-то ребрам до тех пор, пока куча-мала не развалилась... И я не заработал ответный удар в ухо.

Я упал на колени и на какое-то время оглох.

Не требуйте связного рассказа о том, что происходило после.

Помню, как, вскочив, я бил направо и налево, а мне отвечали тем же. Помню, как очень старался удержаться на ногах, боясь, что если я упаду, меня затопчут. Помню кровожадное удовольствие, когда мне удалось опрокинуть одного из противников удачным ударом в подбородок. Помню дикий визг Джил: он все время звучал где-то на дальнем плане,— и помню, как миссис Готорн с индейскими кровожадными воплями лупила одного из членов «водяной монополии» палкой по широкой спине...

Вокруг дралось все больше и больше людей. Невесть откуда вдруг появился толстяк в деловом костюме и шарахнул по голове своего блондинистого обидчика большим осколком камня. Блондин осел, как мешок, и сразу получил второй удар по затылку.

— Хватит! Перестаньте! Хватит! — визжала Джил.

Я поискал глазами Рона — и тут меня стукнули ребром ладони по горлу.

Помню свою мысль: «Ну, вот мне и конец!»

Нет, я не умер, хотя некоторое время не мог дышать. Кто-то подхватил меня и потащил в сторону... Рон! Ему помогали Джил и та рыжеволосая девушка, из-за которой началась вся заварушка.

Повсюду изрыгали проклятья дорвавшиеся до убийства люди, но наша группка все-таки добралась до высоких кустов, находившихся в стороне от баталии...

Я только-только сумел прохрипеть, что со мной все в порядке, как из кромешной тени нам навстречу выступили трое незнакомых парней. Все они сжимали толстые ветки с ободранными листьями и сучками, по сравнению с которыми палка миссис Готорн казалась не страшнее вязальной спицы. Самое первое оружие, изготовленное древним человеком,— дубинка и обтесанный камень. Если полиция в ближайшее время не наведет порядок в Парке Свободы, скоро здесь появятся каменные топоры...

— Привет,— вполголоса произнес один из незнакомцев.— Мы забираем ваших девочек, ребята. Не беспокойтесь, попользуемся и сразу их вернем!

Я молча вцепился в его палку. Джил опять включила свою сирену, а рыжеволосая плечом к плечу с Роном встретила атаку двух других питекантропов. Я все-таки сумел завладеть оружием и тоже включился в драку.

Мы бились яростно и ожесточенно; даже Джил замолчала и повисла у одного из врагов на плечах. Две маленькие стаи, два клана, сражающиеся насмерть из-за воды, пищи... или женщин. Как немного нужно человеку, чтобы вернуться в те далекие времена!

Рон схватился за голову и упал, я бросился между ним и его противником...

И тут весь мир накрыла кромешная темнота.

Я лежал на траве, глядя в светлеющее небо, на фоне которого маячило множество лун — золотистых шаров полицейского наблюдения. Из-за вершин деревьев выплывали все новые и новые «глаза», заливая лужайку невыразимо прекрасным мягким желтым светом.

Моя голова лежала на чьих-то коленях, и я слегка приподнялся, пытаясь понять, кто наклоняется надо мной.

Ну конечно, Джил!

Она погладила мои виски, и мне расхотелось подниматься.

— Как ты, Рассел?

— С недельку буду говорить так, словно у меня ларингит,— прохрипел я.— А в остальном — неплохо. Кажется, они вовремя запустили сюда шары!

Раньше мне никогда не доводилось подвергаться усыплению парализующим лучом. Так вот, значит, каково приходить в себя после этой процедуры — сперва возвращаются ощущения, а уж потом, толчками, оживают мысли и память.

— А ты как, Джил?! — дернувшись, я резко сел.

— Со мной все в порядке, не волнуйся!

Я видел, что это не так — Джил, несомненно, до сих пор была в шоке. Наверняка пройдет много дней, прежде чем она полностью придет в себя. Хорошо хоть, что физически она не пострадала.

— А Рон? Где он?

— Шепчется со своей рыжеволосой. Ее зовут Элеонора, и, похоже, Коул втрескался в нее по уши.

Я обернулся и увидел своего друга, полностью поглощенного беседой с рыжеволосой красавицей, снова облаченной в подстилку для загорания.

Подстилка напомнила мне об еще одном члене нашего клана:

— А миссис Готорн?

— Она ушла, как только открылись выходы. Старушка взяла наши номера и обещала в ближайшее время позвонить. Сказала, что еще никогда не проводила такого незабываемого уик-энда!

— Я тоже. И знаешь что, Джил? Давай в следующий раз встретимся не в Парке Свободы, а где-нибудь еще.

— Согласна.

Рон и Элеонора встали и двинулись к нам; сделав усилие, я поднялся им навстречу.

На щеке у Элеоноры красовался большой кровоподтек, волосы напоминали огненный вихрь, но даже в таком растерзанном виде, задрапированная в грязную подстилку, она оставалась ослепительно прекрасной. Было ясно, что Рон втюрился не только по уши, но и по самую макушку.

Элеонора сбивчиво поблагодарила меня и начала шептаться с Джил, а я, воспользовавшись этим, оттащил Коула в сторону.

— Знаешь, Рассел, я был неправ насчет анархии,— покаянно проговорил Рон.— Она чересчур нестабильна. Все слишком быстро распадается на части...

— Скажи спасибо, что ты сам не распался на части, дуралей,— прохрипел я.— Как твоя голова?

— Уже лучше. Просто не знаю, как извиниться перед Джил и тобой за все, что вы из-за меня перенесли...

— С тебя причитается обед в ресторане «Пеликан» — на четверых. Только упаси тебя бог обмолвиться Элеоноре, что нынешним незабываемым уик-эндом она обязана тебе. Просто купи ей новую вуаль, ладно?

Он так и сделал.

Через два месяца Элеонора и Коул поженились, а вскоре их примеру последовали мы с Джил.

Мы часто проводим уик-энды вместе, но Рон с похвальным благоразумием никогда не вспоминает то воскресенье в Парке Свободы. И никогда больше не заводит разговор о преимуществах анархии.

ВОИТЕЛИ*

— Я не сомневаюсь в том, что они заметили наше появление,— настаивал советник по инопланетным технологиям Сит.— Видите вот то кольцо, сэр?

Серебристое изображение вражеского корабля заполнило почти весь обзорный экран. Корабль представлял собой широкое массивное кольцо вокруг тонкой оси в виде цилиндра. Из заостренного конца цилиндра далеко вперед выступал оперенный корпус, на котором были четко видны угловатые буквы, нисколько не похожие на алфавит кзинов.

— Разумеется, я его вижу,— произнес Капитан.

— Кольцо вращалось, когда мы впервые поймали на своем экране изображение корабля. И остановилось, когда мы были на расстоянии в двести тысяч миль от него, после чего больше уже не приходило в движение.

Бледно-розовый хвост Капитана слегка затрепетал.

— Ваше сообщение встревожило меня,— признался он.— Если им стало известно о нашем присутствии, то почему они не пытаются поскорее убраться? Или на корабле абсолютно уверены, что в состоянии одолеть нас?

---

* The Warriors © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Л. Ткачука.*

Капитан развернулся в сторону Сита.

— А может быть, это *нам* не мешало бы спасаться бегством?

— Нет, сэр! Я не знаю, почему они до сих пор все еще здесь. Это один из самых примитивнейших космических кораблей, которые мне когда-нибудь доводилось видеть.— Он провел указателем по экрану.— Внешняя оболочка изготовлена из сплава железа. Вращение кольца является одним из способов имитации силы тяжести посредством использования центробежной силы. Поэтому они могут обходиться без выравнивателя гравитации — по всей вероятности, пользуются реактивным приводом.

Кошачьи уши Капитана приподнялись.

— Но ведь нас от ближайшей звезды отделяет много световых лет!

— Они, наверное, располагают другим реактивным приводом. Мы изобрели гравитационную тягу, поэтому и не пришлось совершенствовать реактивные двигатели.

Раздался звук зуммера из главной рубки управления.

— Войдите,— разрешил Капитан.

Металлическая дверь открылась, вошел Оружейник и стал по стойке «смирно».

— Сэр, мы располагаем всеми видами вооружения, способными поразить любого противника.

— Прекрасно,— кивнул Капитан и снова обратился к советнику: — Сит, насколько вы уверены в том, что они не представляют для нас совершенно никакой угрозы?

Специалист в области инопланетных технологий оскалил острые клыки.

— Абсолютно уверен, сэр.

— Отлично. Оружейник, подготовьте все наши орудия, но не стреляйте из них до особого моего распоряжения. Уши обрежу тому из команды, кто осмелится

уничтожить этот корабль без приказа. Я намерен взять его в целости и сохранности.

— Да, сэр!

— А где Телепат?

— Там, где обычно. Он в состоянии спячки.

— Как всегда! Ну-ка велите ему бежать сюда, поджав хвост.

Оружейник отдал честь, сделал поворот «кругом» и исчез за дверью.

— Каковы ваши дальнейшие указания, Капитан?

Сит стоял теперь у обзорного экрана, на котором четко просматривался инопланетный космолет. Он показал на зеркально-яркий край осевого цилиндра.

— Вид такой, будто этот конец специально предназначен для испускания света. Это может означать, что у корабля фотонный привод, сэр.

Капитан задумался.

— А может быть, это всего лишь сигнальное устройство?

— Уррр... Да, сэр.

— Вам не делает чести столь быстрая перемена мнения.

Дверь снова открылась, и на пороге показался запыхавшийся Телепат, он тут же вытянулся по стойке «смирно».

— Прибыл по вашему приказанию, сэр.

— Вы забыли позвонить при входе.

— Прошу прощения, сэр.

Его взгляд привлек ярко освещенный экран, и он, стараясь ступать как можно мягче, подошел к нему, чтобы рассмотреть изображение на экране, начисто позабыв при этом о том, что команды «вольно» да и вообще какой-либо команды в его адрес не было. Сит неодобрительно поморщился: хорошо бы находиться сейчас где-нибудь в другом месте!

Розоватый хвост Телепата безвольно свисал к полу, мех был примят на том боку, на котором он валялся,—

даже не удосужился привести себя в порядок! Никакого соответствия идеалу племени кзинов — идеалу Воина-Завоевателя. Нет, самым большим чудом было то, что Капитан до сих пор еще его не прикончил.

И, разумеется, никогда этого не сделает. Такие, как он, представляли собой большую ценность, хотя обладали при этом — что можно было, правда, легко понять — эмоциональной неустойчивостью. Капитан всегда старался по возможности сдерживаться, общаясь с Телепатом.

— На экране — изображение неприятельского корабля, который мы выследили. Нужна хоть какая-нибудь информация о тех, кто находится на его борту. Вы не сможете покопаться немного у них в мозгах?

— Попробую, сэр.

В голосе Телепата прозвучали грустные нотки, но он прекрасно понимал, что в его же собственных интересах лучше воздержаться от жалоб. Телепат отошел от экрана и уселся в мягкое кресло. Уши его малопомалу сжались тугими узлами, зрачки сократились.

На него обрушился мир одиннадцатого чувства. Сначала он уловил мысль Капитана «...с каким жалким ... приходится нянчиться», но тут же поспешил уйти с альфа-волны разума своего начальника. В его сознании воцарился хаос. Но хаос этот не был совершенно пустым. В нем шевелились чужие мысли, странные и вызывающие тревогу. Телепат заставил себя прислушаться к этим мыслям.

Стив Вивер,.крупный светловолосый, голубоглазый мужчина, праздно болтался в невесомости около стены радиорубки. Его часто видели точно в таком же состоянии, как и сейчас, расслабившегося и совершенно неподвижного, словно особые обстоятельства не давали ему возможности даже мигать глазами. Из его левой руки струился легкий дымок, пересекавший все помещение и скрывавшийся в вентиляционной отдушине.

— Вот так-то,— устало произнесла Энн Гаррисон.

Она переключила четыре тумблера на панели приемного устройства, после каждого щелчка гасла еще одна сигнальная лампочка.

— Тебе не удалось принять радиосигналы?

— Держу пари, что они вообще не имеют каких-либо радиоустройств.

Энн расстегнула ремни, которыми она прикреплялась к креслу, и, вытянув руки и ноги, превратилась в пятиконечную звезду.

— Я оставила включенным приемник на максимуме чувствительности, на тот случай, если они все-таки сделают попытку связаться с нами. Как приятно чувствовать себя свободной от этих ремней!

Она свернулась калачиком. Энн вполне могла сойти за родную сестру Стива — почти такая же высокая, светловолосая и голубоглазая. Дряблые мышцы под свободного покроя синим свитером — свидетельство того, что даже принудительно выполнявшиеся физические упражнения не помогли сохранить ее телу хорошую форму.

Стив щелчком отправил окурок сигареты в воздушный кондиционер, пошевелив при этом одними только пальцами.

— Ладно. А что же у них вместо радио?

— Не знаю.— Лицо Энн выражало недоумение.

— Давай-ка попробуем разрешить эту загадку. Каким же образом они могут переговариваться друг с другом? И каким образом мы можем проверить, пытаются ли они связаться с нами?

Женщина пожала плечами.

— Поразмысли над этим, Энн. Пусть и Джим присоединится к тебе.

Джим Дэвис — корабельный врач — был ее мужем в этом году.

— Уверен, ты в состоянии разгадать эту загадку. Хочешь курить?

— Еще бы!

Стив подтолкнул к ней через все помещение свои сигареты.

— Возьми несколько. Мне надо уходить отсюда.

— Спасибо.

— Дай мне знать, если случится что-нибудь, договорились? Или если ты что-нибудь придумаешь.

— Непременно. Не беспокойся, Стив, ничего не случится. Они, должно быть, так же упорно пытаются наладить связь, как и мы.

Каждая каюта кольца, где проживал экипаж, открывалась в узкий закругленный коридор. Продвигаться по нему не составляло особого труда: пол непрерывно изгибался под ногами, поэтому впечатление было такое, словно шедший скользил по пологому склону, напоминая плывущую лягушку. Из двенадцати мужчин и женщин, находившихся на борту «Пера Ангела», Стив преуспел в этом искусстве лучше всех, ибо он был белтером — родился на Поясе Астероидов,— все же остальные появились на свет на Земле.

Энн, по всей вероятности, так ничего и не придумает, предположил он. И это вовсе не означало, что у нее не хватит ума для этого. Просто она была лишена любознательности. Только он и Джим Дэвис...

Стив перемещался слишком быстро и к тому же очень рассеянно, в результате чего едва не столкнулся со Сью Бханг, когда она появилась из-за поворота. Им удалось разминуться, прижавшись к противоположным стенам коридора.

— Эй, раззява! — окликнула его Сью.

— Привет. Куда это ты направляешься?

— В радиорубку. А ты?

— Я подумал, что не мешало бы еще разок проверить функционирование всей системы привода. Дело вовсе не в том, что нам понадобится включать привод, просто нелишне удостовериться еще раз в том, что он абсолютно исправен.

— Ты бы, наверное, сошел с ума, если бы пришлось бездельничать, разве не так?

Она наклонила голову чуть в сторону — так она делала всегда, когда задавала вопросы.

— Стив, когда ты планируешь снова начать вращение? Похоже, я так никогда и не привыкну к состоянию свободного падения.

Однако внешне девушка выглядела так, будто родилась в состоянии свободного падения, отметил он про себя. Ее аккуратная, стройная фигурка была как нарочно скроена для того, чтобы плавать в помещениях корабля.

— Когда буду абсолютно уверён в том, что нам не понадобится включать привод. А пока что мы, пожалуй, должны быть готовы к этому в любую минуту. Надеюсь, что тогда ты снова переоденешься в юбку.

Сью рассмеялась, чувствуя себя польщенной.

— Тогда можешь не включать вращение. Я не стану переодеваться. Абель говорит, что повстречавшийся нам корабль развил ускорение в двести «же» для того, чтобы поравняться с нами. А какое максимальное ускорение может развить «Перо ангела»?

Глаза Стива расширились от ужаса.

— Всего лишь ноль целых, пять десятых. А я еще думал о том, нет ли за нами погони! Ну что ж, пожалуй, нам первым удастся вступить в контакт с инопланетянами. Правда, пока что Энн не в состоянии сделать это.

— Очень плохо.

— Нам остается только ждать.

— Стив, ты такой нетерпеливый! Белтеры всегда так спешат? Подвинься-ка сюда.

Она взяла его за руку и подтащила к одному из иллюминаторов, которыми была усеяна внешняя сторона коридора.

— Вот этот корабль,— Сью указала на одну из звездочек, которая отличалась от других большей величиной и меньшей яркостью.

— Я рассматривал его в телескоп,— кивнул Стив.— Он состоит как бы из одних наростов и гребней. На одной из сторон его нарисован круг из зеленых точек и запятых. Похоже, что это буквы.

— Сколько времени мы уже ждем, чтобы встретить их? Пятьсот тысяч лет? Ну что ж, вот и они, инопланетяне. Успокойся. Теперь они никуда от нас не денутся.

Сью смотрела в иллюминатор, все ее внимание было сосредоточено на тусклом красном кружочке.

— Первые в истории человечества инопланетяне. Интересно, как все-таки они выглядят?

— Должно быть, очень крепкие физически, чтобы вытерпеть мучения, небезопасные при таких колоссальных ускорениях и замедлениях, если они, конечно, не располагают какими-то сверхмощными экранирующими устройствами. Конструкция этого корабля такова, что он предназначен для вращения с целью создания искусственной силы тяжести.

Стив всматривался в звезды, оставаясь в столь характерной для него неподвижной позе. Неожиданно он признался:

— Сью, мне очень тревожно.

— Из-за чего?

— Вдруг они враждебно к нам настроены?

— Враждебно?

Она как бы попробовала на вкус такое непривычное для языка слово, затем решила, что оно ей не очень нравится. Стив даже вздрогнул, увидев, какой ужас изобразился на ее лице.

— Что... что заставляет тебя так думать?

— Прости, если я напугал тебя, Сью.

— О, не беспокойся об этом, только скажи — почему? Почему ты решил... Ш-ш-ш!

Показался Джим Дэвис, добродушный тридцативосьмилетний мужчина — старше всех на борту корабля. У него были неестественно длинные и очень

чуткие пальцы, доставшиеся в наследство от деда — всемирно известного хирурга. Теперь же все хирургические операции выполнялись автоматическими устройствами, и паучьи пальцы Дэвисов стали бесполезными. Он двигался скачками, словно мячик, так как отталкивался ногами, обутыми в сандалии с магнитными подошвами.

— Привет! — воскликнул он, поравнявшись со Стивеном и Сью.

— Здорово, Джим.

Голос Сью звучал натянуто. Она подождала, пока он не исчезнет из вида. И только тогда хрипло прошептала:

— В Белте тебе приходилось когда-нибудь драться?

Она в самом деле никак не могла поверить в такую возможность. Стив незамедлительно ответил:

— Нет!

Затем весьма неохотно добавил:

— Такое действительно время от времени случается. Беда в том, что все врачи, включая психиатров, находятся лишь на больших базах, таких, как, например, Церера. Только там они могут оказать помощь людям, в ней нуждающимся, например — рудокопам. Но опасность подстерегает рудокопов именно тогда, когда они находятся среди обломков скал. Ты когда-то обратила внимание на то, что я никогда не жестикулирую. Такая манера поведения свойственна всем белтерам. Внутри крошечного корабля, предназначенного для горных работ, можно невзначай зацепить или нажать на что-нибудь — вроде кнопки активизации воздушного шлюза.

Иногда от этого становится поистине жутко. Поэтому на борту кораблей, работающих среди обломков скал, более чем напряженная атмосфера. Рудокопу приходится отчаянно бороться не только со множеством опасностей, но и с психическими перегрузками

из-за скученности внутри корабля. Тогда он вдруг ни с того ни с сего затевает драку в баре. Мне довелось стать свидетелем одной такой драки: парень колошматил всех подряд своими кулаками.

Стив задумался, вспоминая свое далекое прошлое, но, взглянув неожиданно на Сью, обнаружил, что она побелела как снег. Девушку прямо-таки тошнило, как новоиспеченную медицинскую сестру, которой впервые в своей практике приходится оказывать первую помощь при тяжелом несчастном случае. Уши Стива зарделись.

— Прости,— жалобным голосом произнес он.

Она смутилась не меньше, чем Стив. Ей очень хотелось убежать куда-нибудь подальше. Но, взяв себя в руки, Сью произнесла, стараясь, чтобы слова звучали как можно убедительнее:

— Не обращай на меня внимания. Значит, ты считаешь, что люди на борту этого корабля могут захотеть... э... сразиться с нами?

Он кивнул.

— Ты слушал курс лекций по земной истории?

Он кисло усмехнулся.

— Нет. И даже не мог бы себя заставить. Временами мне очень хочется знать, сколько людей смогли решиться на такое.

— Примерно каждый двенадцатый.

— Не густо.

— Люди в целом едва переваривают факты, относящиеся к жизни их предков. Тебе известно о войнах лет триста тому назад. Представляешь себе, хотя бы в самых общих чертах, что такое война? Вообрази, чтобы кто-то мог преднамеренно взорвать промышленный ядерный реактор, расположенный в центре крупного города. Ты имеешь понятие о том, что такое концентрационный лагерь, локальный военный конфликт? Все это очень страшно. Но и с исчезновением войн не прекратились убийства. Последнее убийство произош-

ло где-то в середине двадцать второго столетия, всего лишь сто шестьдесят лет тому назад.

— И все-таки всякий, кто утверждает, что человеческую природу нельзя изменить, безусловно, не в своем уме. Три фактора обусловили наше нынешнее состояние миролюбивой цивилизации, каждый из них вытекает из технологических изменений.— Голос Сью стал немного монотонным, как запись голоса лектора на магнитной ленте.— Первый из них — это выход психологии из той стадии, когда она была больше похожа на алхимию, чем на точную науку. Вторым стало полное использование всех возможностей плодородия почвы для производства продуктов питания. Третьим — принятие закона об ограничении деторождения: ежегодные уколы, предотвращающие зачатие. Наконец, люди вздохнули свободней. Возможно, определенное отношение к этому имеют также разработка полезных ископаемых в Белте и расселение на планетах в других звездных системах. Там теперь человечество видит своего врага лишь в образе враждебной для человека природы.

А теперь мы вплотную подошли к нашей ситуации.— Тут она легонько постучала пальцами по стеклу иллюминатора.— Взгляни на этот космический корабль инопланетян. Мощности его привода достаточно для того, чтобы перемещаться со скоростью почтовой ракеты, а топлива на его борту столько, что он в состоянии легко догнать нас даже тогда, когда мы развиваем скорость, большую чем три четверти световой. Верно?

— Да, это так.

— И у него еще остается достаточно возможности для совершения маневров. Этот корабль по всем параметрам намного превосходит наш. Если разумные существа на его борту достигли столь высокой степени развития, что могут сооружать такие корабли, значит, они в состоянии также достичь значительных высот в

областях психологии, производства продуктов питания, методов контроля над рождаемостью, экономических теорий. А такой высокий уровень развития общества ведет к отказу от войн как метода разрешения стоящих перед цивилизацией проблем. Понимаешь?

Стив улыбнулся в ответ.

— Разумеется, Сью, все это имеет определенный смысл. Но парень в баре — тоже продукт нашей культуры, тем не менее, в нем осталось достаточно много враждебности. Если мы не в состоянии понять образ его мыслей, то откуда нам знать о том, что делается в умах существ, в отношении которых нам неизвестна даже химическая природа их обмена веществ?

— Главное — что они разумны. Они умеют делать орудия труда.

— Верно.

— А вот если Джим услышит твои слова, тебя подвергнут лечебной психологической обработке.

— Это аргумент!

Стив ухмыльнулся и пощекотал девушку за ухом кончиками пальцев. И вдруг ощутил, как она неожиданно напряглась, увидел боль на ее лице. Но в то же самое время почувствовал приступ неожиданно нахлынувшей боли и сам, такой страшной головной боли, что, казалось, мозг готов был выплеснуться из-под черепной коробки.

— Мне удалось войти в телепатический контакт с ними, сэр,— едва разборчиво пролепетал Телепат.— Спрашивайте у меня о том, что вас интересует.

Капитана не нужно было просить об этом дважды, ибо он прекрасно понимал, что Телепат не сможет долго терпеть мучения, которыми сопровождается контакт.

— Какой привод они используют для перемещения своего корабля?

— Принцип действия их привода основан на неполной реакции синтеза на базе водорода, который они засасывают из окружающего пространства с помощью электромагнитных ловушек.

— Мудрое решение... Они могут уйти от нас?

— Нет. Сейчас их привод работает на холостом ходу, готовый к включению, и оно их не спасет. Мощность привода ничтожно мала.

— Какого рода оружие имеется у них на борту?

Телепат молчал довольно долго. Остальные терпеливо дожидались его ответа. В рубке управления были слышны лишь привычные для всех звуки: характерный вой мощного электрического тока в кабелях, приглушенные голоса снизу, шум гравитационных двигателей, напоминавший треск рвущейся одежды.

— Никакого, сэр.— Голос кзина стал более отчетливым, он словно колоссальным усилием пробуждался от тяжелого сна.— Нет даже кинжалов или дубинок. Прошу прощения, у них имеются кухонные ножи. Но они используются только по прямому назначению. Те, кто находится на борту этого корабля, даже не умеют сражаться. И не будут.

— Это точно?

— Совершенно точно, сэр. Они также не ожидают подобного и от нас. Мысль об этом пришла в голову троим из них, но каждый тотчас же отверг ее.

— Но почему? — не удержался Капитан, понимая всю неуместность этого вопроса.

— Не знаю, сэр. Все дело в науке, которую они применяют, или в религии, которой придерживаются. Но я не в состоянии понять этого,— хныкущим голосом пожаловался Телепат.— Я вообще ничего не понимаю.

Это должно быть для него совершенно невыносимым, отметил про себя Капитан. Насколько же чуждыми для нашего понимания являются мысли этих инопланетян!

— Что они делают сейчас?

— Ожидают, когда мы с ними заговорим. Они пытались вступить с нами в переговоры и полагают, что мы со своей стороны предпринимаем столь же настойчивые попытки.

— Это не столь важно. Важно другое. Высокая температура их убивает?

— Разумеется, сэр.

— Рвите контакт!

Телепат задрожал всем телом. Вид у него был такой, будто он побывал в стиральной машине. Капитан прикоснулся пальцами к одному из сенсорных выключателей и взревел:

— Оружейник!

— Здесь.

— Воспользуйтесь индукторами против неприятельского корабля.

— Сэр, они действуют очень медленно! Что, если враг устремится в атаку?

— Не смейте спорить со мною, вы...

Брызжа слюною, Капитан произнес страстный монолог о достоинствах беспрекословного повиновения. Когда он отключил интерком, Сит был снова у смотрового экрана, а Телепат погрузился в сон.

Капитан самодовольно улыбнулся.

Когда нестерпимый жар погубит всех инопланетян, он возьмет их корабль в качестве трофея. Система жизнеобеспечения выявит для него все, что необходимо знать об условиях обитания на их родной планете. А определить ее местонахождение не составит особого труда, для этого достаточно проследить в обратном порядке проделанный кораблем маршрут по содержанию ячеек памяти бортового компьютера. По всей вероятности, инопланетяне даже не удосужились принять хоть какие-нибудь меры для того, чтобы должным образом замести свои следы!

Если они родом с планеты, пригодной для проживания кзинов, то этот мир станет их владением. А он

как Вождь-Завоеватель получит в свое распоряжение один процент от полной ее стоимости! Воистину обеспеченное будущее! Его больше уже никогда не будут называть Капитаном. У него появится *имя*...

— Информация к сведению,— сообщил Сит.— Этот космический корабль перед тем, как остановить вращение, развивал ускорение в одну целую и двенадцать шестьдесят четвертых «же».

— Несколько великовато,— задумался Капитан.— Возможно, на этой планете слишком много воздуха... Впрочем, можно переустроить ее атмосферу, чтобы она стала пригодной для дыхания кзинов. Нам просто-таки везет на наиболее диковинные виды живых существ. Вспомните хотя бы чанквен.

— Где обладали разумом существа обоего пола? Они непрерывно сражались друг с другом.

— А эта нелепая религия на Альтаире I? Вдолбили себе в голову, что способны путешествовать во времени!

— Да, сэр. Когда мы высадили десант звездной пехоты, все они исчезли.

— Они, должно быть, совершили массовое самоубийство с помощью дезинтеграторов. Но почему? Мы не собирались их уничтожать, рабы нам нужны. А у меня до сих пор никак не выходит из головы мысль о том, каким образом они избавились от дезинтеграторов после того, как покончили с собою.

— Некоторые существа,— заметил Сит,— чего только не сделают, лишь бы остаться верными своей религии.

Четвертый звездолет с колонистами на Уимедит лежал в дрейфе среди звезд на расстоянии в одиннадцать световых лет от орбиты Плутона и восьми световых лет от места своего назначения. Впереди звезды казались яркими точками зеленовато-белого и бело-голу-

бого цвета на фоне первозданной черноты; позади — редкими, как бы потухающими красноватыми угольками. По обе стороны от него созвездия выглядели странным образом сплюснутыми. Вселенная была короче, чем ей надлежало бы быть.

В течение вот уже весьма продолжительного времени Джим Дэвис был занят по горло. Все на борту корабля, включая и его самого, испытывали мучительную, накатывавшуюся волнами, ослеплявшую головную боль. Каждому доктор Дэвис вручил по крохотной розовой таблетке из щели раздаточного устройства огромного медавтомата, занимавшего всю заднюю стенку корабельного лазарета. Получив свою дозу лекарства, пациенты продолжали околачиваться за дверью, ожидая, когда начнется действие таблеток, образовав в узком коридоре настоящую толпу. Затем кому-то в голову пришла мысль о том, что неплохо было бы пройти в кают-компанию, и молчаливая толпа последовала туда.

Джима Дэвиса Стив заметил чуть позади себя.

— Эй, док,— тихим голосом позвал он,— когда же все-таки прекратится эта боль?

— У меня она уже понемногу проходит. Ты принял таблетку чуть позже, чем я, верно?

— Да, это так. Спасибо, док.

— Надеюсь, они не повторят подобное еще раз,— услышал он слова Сью.— Ведь это настоящая пытка.

— Не повторят что? — спросил кто-то, чей голос Стиву не удалось распознать.

— То, что они пытались сделать. По всей вероятности, телепатически.

— Не может быть. Я не верю в телепатию. Возможно, им удалось возбудить ультразвуковые колебания стен.

В кают-компании место нашлось всем.

— ...Холодное пиво. Вы понимаете, что мы уже никогда больше не попробуем холодного пива?

— ...А мне не хватает водных лыж. Ощущения упругости буксирного троса, взрывающейся под ногами воды, яркого солнца над головой...

Стив пододвинулся поближе к основной группе беседующих.

— Это запретная для разговоров тема.

— Все равно нам от этого никак не уйти,— бодрым тоном заявил Джим.— Единственный способ отвлечься от мыслей об инопланетном корабле... А ты? О чем ты больше всего жалеешь, покинув навсегда Землю?

— Только о том, что я не был на ней достаточно долго, чтобы по-настоящему рассмотреть ее.

— Да, да, разумеется.

Джим вдруг вспомнил о том, что в руке у него питьевой баллон. Он отпил из него, затем дружелюбно протянул его Стиву.

— Больше всего мне действует на нервы это ожидание,— вздохнул тот.— Что им взбредет в голову предпринять в качестве следующего шага? Вызвать вибрацию корпуса корабля?

Джим улыбнулся.

— Скорее всего, они не сделают никакого следующего шага. Просто оставят всякие попытки вступить с нами в контакт и уберутся восвояси.

— О, я надеюсь, этого не будет! — воскликнула Энн.— Нам непременно нужно выяснить, что собой представляют эти инопланетяне! И еще подумайте о том, чему они могут научить нас, Джим!

Когда разговор превращается в жаркую дискуссию, самое лучшее — это сменить тему.

— Послушайте,— произнес Стив,— когда я отталкивался от стены, я случайно заметил, что она стала теплой. Это хорошо или плохо?

— Это просто странно. Ей положено быть холодной, если уж говорить о тепловых ощущениях,— ответил Джим.— Снаружи нет ничего, кроме света далеких звезд. За исключением...

Выражение его лица вдруг резко переменилось. Он подтянул к себе ступни и прикоснулся кончиками пальцев к магнитным подошвам.

— Аааааа! Джим! Джим!

Стив безуспешно пытался развернуться, единственное, что ему удалось выяснить,— это то, что истошные вопли исходили от Сью. Он активировал магнитные присоски своих башмаков, прошлепал по стенке, пока не очутился на полу, и бросился к ней на помощь.

Сью была окружена со всех сторон сбитыми с толку людьми, которые расступились, чтобы пропустить Джима Дэвиса. Она казалась крайне напуганной, громко стонала и металась из стороны в сторону, не обращая внимания на попытки помочь ей.

Стив в конце концов протолкался к девушке.

— Все металлическое быстро прогревается,— вскричал Дэвис.— Ей необходимо оказать срочную медицинскую помощь.

— В лазарет! — закричал Стив.

Вчетвером они провели Сью по коридору в лазарет. Она все еще продолжала всхлипывать и не прекращала попытки вырваться из рук сопровождавших ее мужчин, когда они завели ее в лазарет, однако Джиму все же удалось сделать ей инъекцию обезболивающего. Девушка тут же уснула.

Все четверо с беспокойством следили за тем, как Джим приступил к работе. Воспользоваться услугами автодиагноста не было времени, поэтому все необходимое Джиму пришлось делать собственноручно. Крохотный слуховой аппарат, который и явился причиной адской боли, был имплантирован Сью под кожу позади ушной раковины. Операция по удалению приборчика не заняла много времени, но в конце ее скальпель уже почти обжигал пальцы Джима. Стив тем временем отчетливо ощущал, насколько сильно прогрелись магнитные подошвы башмаков у него на ногах.

Ведают ли инопланетяне, что творят?

Стив выскользнул в коридор и бегом пустился по направлению к командной рубке. Со стороны этот бег на магнитных подошвах делал его очень похожим на перепуганного пингвина, но перемещался он очень быстро. Не исключено, что он совершает ужасную ошибку: инопланетяне, возможно, просто делают отчаянные попытки вступить в контакт с существами на борту космического корабля. Но он этого так никогда и не узнает. Их нужно остановить до того, как все, кто находится в «Пере Ангела», зажарятся заживо.

Воздух обжигал ноздри и губы. Даже зубы стали горячими. Чтобы открыть дверь в командную рубку, ему пришлось обмотать ладони рубашкой. Боль от ожогов ног стала совсем уже непереносимой; ему пришлось сбросить сандалии, и в рубку он уже буквально вплыл. Чтобы сохранить возможность свободно манипулировать приборами, он обмотал пальцы рукавами рубашки. Поворот большой белой рукоятки включил привод на полную мощность, и он скользнул в кресло пилота еще до того, как успела образоваться сила тяжести.

Стив включил телескоп заднего обзора, который был направлен на Солнечную систему, поскольку приводом с такого удаления можно было пользоваться и для пересылки различных сообщений. Он произвел фокусировку телескопа на близкое расстояние и начал разворачивать корабль.

В ближнем инфракрасном диапазоне неприятельский корабль пылал ярким факелом.

— На то, чтобы прогреть секцию, в которой размещается экипаж, уйдет несколько больше времени,— отрапортовал советник по инопланетным технологиям.— Там, безусловно, должна быть аппаратура для поддержания постоянства температуры.

— Ничего страшного. Как только вы посчитаете, что все они уже мертвы, разбудите Телепата, чтобы он произвел проверку.

Капитан продолжал приглаживать свой мех на животе.

— Поймите, если бы они не были столь абсолютно беспомощны, я бы не стал прибегать к такому медленному способу. Сначала вырезал бы из кольца двигательный отсек. Пожалуй, так и следовало бы поступить для пущей безопасности.

Сит страстно желал придать своим словам максимум убежденности:

— Сэр, у них просто теоретически не может быть никакого тяжелого вооружения. Для него нет места на борту этого корабля. Когда используется реактивная тяга в качестве силового привода, то все свободное пространство занято самим двигателем и топливными баками.

Неприятельский корабль начал медленный разворот, его двигательный отсек раскалился докрасна.

— Они пытаются уйти,— констатировал Капитан, когда хвост вражеского корабля повернулся непосредственно к ним.— Вы уверены в том, что они не способны это сделать?

— Уверен, сэр. Этот хилый привод все равно далеко их не умчит.

— А что случится, если свет резанет по нашему кораблю? — задумчиво промурлыкал Капитан.

— Нам может повредить только очень яркий свет, как я полагаю. Для плоских линз испускаемый поток света должен иметь очень большую ширину и соответственно огромную мощность. Опасность для нас представляет параболический отражатель. Если только не...

Уши его приподнялись и выпрямились.

— Если только не...— что? — спокойным, но требовательным тоном спросил Капитан.

— Лазер. Но не стоит об этом тревожиться, сэр. У них нет никакого оружия.

Капитан подпрыгнул над пультом управления.

— Идиот! — брызжа слюной, завопил он.— А если они не имеют ни малейшего понятия о том, что именно является эффективным оружием против нас? Ведь даже самый проницательный телепат не способен выяснить то, что им самим неведомо? Оружейник!

— Я здесь, сэр!

— Сожгите...

Ужасающе яркий свет залил купол рубки управления. Капитан вспыхнул ослепительно белым факелом, который мгновенно погас, как только весь воздух улетучился сквозь зияющую трещину в куполе.

Стив лежал на спине. Корабль снова пришел во вращение, прижав его к чему-то достаточно твердому и показавшемуся ему его собственной койкой.

Он открыл глаза.

Джим Дэвис пересек помещение и стал прямо над ним.

— Ты не спишь?

Стив мгновенно принял вертикальное положение, широко открыв от изумления глаза.

— Успокойся.

Серые глаза Джима буквально излучали заботу.

Ничего не понимая, Стив часто-часто заморгал.

— Что случилось? — спросил он и обнаружил, насколько хриплым был его голос.

Джим присел на один из стульев.

— Это ты должен нам объяснить. Мы пытались пройти в рубку, когда корабль неожиданно пришел в движение. Почему ты не включил сигнальный колокол, чтобы мы могли пристегнуться? А как только в дверь вошла Энн, ты сразу же отключил привод. Потом потерял сознание.

— А что произошло с другим кораблем?

Стив изо всех сил пытался тоном своего голоса не показывать, насколько хочется ему знать об этом, но у него ничего не получилось. Крайняя степень тревоги звучала в каждом его слове.

— Почти все остальные члены нашей команды сейчас как раз там, изучают обломки, сохранившиеся от корабля инопланетян.

Стив почувствовал, как сердце замирает у него в груди.

— Я с самого начала опасался того,— продолжал Джим,— что этот инопланетный корабль может иметь враждебные намерения. Я ведь врач-психиатр, и к тому же изучал историю, так что, пожалуй, знаю несколько больше, чем другие, о подлинной натуре разумных существ. Слишком много надуманного, голословного в утверждении, что существа, способные преодолевать космические расстояния, безусловно, должны быть миролюбивыми. Я тоже надеялся на это, но действительность опровергает наши ожидания. Вот эти инопланетяне без стеснения прибегли к тому, в чем было бы стыдно признаться любому уважающему себя человеческому существу, даже если бы это ему привиделось в самом ужасном кошмаре. Бомбы с расщепляющимися веществами, ракеты для доставки таких бомб, индукционный проектор, воздействию которого они подвергли нас. И противоракеты. Вы понимаете, что это означает? А то, что у них есть противник — такой же, как и они сами, Стив. И притом, может быть, совсем недалеко. Нам и впредь придется защищаться.

— Значит, это я уничтожил их.

Все поплыло перед глазами Стива, хотя голос его оставался на удивление абсолютно твердым.

— Ты спас наш корабль.

— Это произошло совершенно случайно. Я просто пытался побыстрее унести ноги.

— Нет, вовсе не так.

Свой «обвинительный акт» Дэвис объявил настолько непринужденно, как будто описывал химический состав проанализированной им пробы мочи.

— Этот корабль находился от нас на расстоянии в четыреста миль. Тебе нужно было поймать его в окуляр телескопа, чтобы точно попасть в цель. Ты четко сознавал, что делаешь, кроме того, еще потому, что отключил привод сразу же после того, как сжег корабль инопланетян.

Мышцы спины больше уже не в состоянии были поддерживать туловище Стива в вертикальном положении. Он снова плюхнулся на койку.

— Ну ладно, значит, ты все знаешь,— сказал он, обращаясь к потолку.— А остальные?

— Весьма сомневаюсь. Убийство даже с целью самозащиты никак не уживается в их сознании. Хотя Сью, как мне кажется, догадывается.

— О-о-о!

— Если даже это и так, она воспримет это совершенно спокойно,— попытался утешить его Дэвис.— Во всяком случае, спокойнее, чем большинство остальных, когда они обнаружат, что вселенная полна вооруженных бойцов. Для них это будет настоящим концом света, Стив.

— Почему?

— Слова мои, пожалуй, звучат несколько напыщенно, но такова суровая действительность. Подумать только — три столетия мирной жизни для всех без исключения жителей Земли! Эту эпоху назовут золотым веком. Три столетия без голода, без войн, без болезней, если не считать медленного старения, без каких-либо душевных болезней вообще, даже по нашим весьма строгим стандартам. Когда кто-нибудь старше четырнадцати лет пытается прибегнуть к кулаку для выяснения отношений, мы считаем, что он болен, и тут же излечиваем его. А теперь всему этому конец. Мир для нас утерял свое стабильное состояние.

— Я могу отсюда увидеть то, что осталось от корабля инопланетян?

— Да. Он как раз позади нас.

Стив скатился с койки и подошел к иллюминатору. Огромный красный шар с уродливыми продолговатыми наростами, которые, казалось, были разбросаны по всей его поверхности чисто произвольно. Световой луч разрезал его на две неравные части, прошелся по нему, словно ножом по вареному яйцу. Стив внимательно наблюдал, не в силах отвести взор, за тем, как более крупная часть по мере своего вращения открывала взгляду свои внутренности, напоминавшие пчелиные соты.

— Пройдет совсем немного времени,— сказал Джим,— и наши люди станут возвращаться оттуда. Они будут очень напуганы. Кое-кто, по всей вероятности, даже станет настаивать на том, чтобы и мы сами вооружились, воспользовавшись оружием с этого другого корабля, ведь не исключено следующее нападение. Мне придется согласиться с ними. Некоторые сочтут, что я болен,— возможно, так оно и есть. Но это как раз та душевная болезнь, в которой мы теперь нуждаемся.

У Джима был совершенно разбитый вид, еще никогда он не казался таким несчастным.

— Нам обязательно нужно предупредить Землю...

НА ОКРАИНЕ СИСТЕМЫ*

Пару месяцев я изображал туриста, путешествуя по обеим сторонам моря, Восточной и менее цивилизованной — Западной. На Джинксе гравитация в 1,8 раза меньше земной, и это налагает обоснованные ограничения на элегантность и оригинальность архитектурного дизайна. Приземистые и массивные здания выглядят одинаковыми.

Любопытство забросило меня даже на оранжевые пустоши Примари — близнеца Джинкса.

Но... большую часть второго месяца я провел между институтом Знаний и Камелот-Отелем. Туризм надоел. Для меня это необычно, я прирожденный турист. Правда, никогда не испытывал особого интереса к экскурсиям по фабрикам. Что касается побережий океана, то пребывание там предполагало охоту на бандерснатчей. Эти белые слизни величиной с гору, да еще и обладающие разумом, выигрывают в сорока процентах дуэлей. Я не хотел в этом участвовать.

Третий месяц я не вылезал из Камелот-Отеля, большинство номеров которого оборудовано гравитационными генераторами. Если только меня посещало (довольно редко) желание покинуть отель, я отправлялся

---

* The Borderland of Sol © 1975 The Conde Nast Publications.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

в путь в летающем кресле. Местные жители принимали меня за инвалида, по крайней мере, в их взглядах читалось откровенное сочувствие.

Залетев ненадолго в один из залов Института Знаний, я наткнулся на Карлоса Ву, точнее, это сделало мое кресло.

Смуглый, стройный, с узкими плечами и прямыми черными волосами, Карлос был гибким как обезьяна и прекрасно переносил любую гравитацию; но на Джинксе он почему-то также пользовался летающим креслом.

Итак, Карлос, склонив голову к плечу, ощупывал «прикасательную» скульптуру кдальтино. Их изобразительное искусство таково, что по-другому понять, как выглядят и что имели в виду авторы этих картин и всевозможных изваяний, невозможно. А я изучал знакомую спину, уверенный, что это не может быть он.

— Карлос, разве тебе не полагается находиться на Земле?

От неожиданности он подпрыгнул. Но когда его кресло развернулось кругом, я увидел на лице довольную ухмылку.

— Ба! А ведь про тебя можно сказать то же самое.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами.

— Я направлялся на Землю, но когда корабли начали исчезать, капитан передумал и повернул к Сириусу. А как насчет тебя? Как поживают Шаррол и дети?

— Шаррол прекрасно, дети — еще лучше.— Его пальцы продолжали блуждать по скульптурной группе Луби, которая называлась «Герои», в высшей степени необычное творение, кстати и с визуальными эффектами. Карлос изучал два человеческих бюста, а затем сказал:

— Это ведь твое лицо, не так ли?

— Да.

— Не скажу, что ты когда-нибудь в жизни выглядел так хорошо. Как кдальтино дошел до того, чтобы

сделать Беофульфа Шеффера классическим героем? Как тебя зовут? И кто тот другой парень?

— Об этом как-нибудь в другой раз... Карлос, что ты здесь делаешь?

— Я... оставил Землю через пару недель, после того как Луис родился.— Он был смущен.— Я не был за ее пределами десять лет и нуждался в смене впечатлений.

Но он улетел как раз перед тем, как я собрался возвращаться домой. И... Разве не сказал кто-то однажды, что у Карлоса Ву была легкая фобия, связанная с другими планетами,— боязнь другого воздуха, протяженности суток, гравитации? Что-то здесь не так.

— Карлос, ты оказал Шаррол и мне ценную услугу.

Он криво усмехнулся, отведя глаза в сторону.

— За такие... *услуги* мужчины убивают других мужчин. Это было... тактично... улететь перед твоим возвращением.

Теперь я понял. Карлос был здесь, потому что Совет не облагодетельствовал меня родительской лицензией. Вообще-то нельзя винить Совет за использование любого предлога, чтобы сократить число родителей. Мы с Шаррол хотели друг друга, а также оба хотели иметь детей. Но моя жена не могла покинуть Землю, потому что тоже боялась — черного неба и звезд под ногами.

Единственное решение, которое мы нашли,— это обратиться к Карлосу Ву. Он был зарегистрированным гением, обладавшим невероятным иммунитетом ко всякого рода болезням, а также безграничной родительской лицензией — один из шестидесяти с чем-то среди земных восемнадцати миллиардов людей. Подобные предложения поступали ему каждую неделю, но он был хорошим другом и согласился помочь нам.

Шаррол родила от Карлоса двух детей, которые теперь ожидали на Земле, когда Беовульф Шеффер станет их отцом.

— Довольно странные у тебя представления о такте.— Я пожал плечами.— А теперь, поскольку мы застряли на Джинксе, хочешь, покажу тебе местные достопримечательности? Тут есть интересные люди.

— У тебя замечательная особенность — всегда и везде их встречать.— Он помедлил.— Мне предложили поездку домой. Вероятно, я смогу передать ее тебе.

— В самом деле? Не знал, что есть корабли, следующие в Солнечную систему. Или вообще — куда-либо отсюда.

— Этот корабль принадлежит правительственному служащему. Слышал о Зигмунде Аусфаллере?

— Погоди! Стоп! Последний раз, когда я видел Зигмунда Аусфаллера, он заминировал мой корабль!

Карлос растерянно заморгал.

— Ты меня разыгрываешь!

— Отнюдь.

— Зигмунд Аусфаллер — сотрудник Службы Безопасности Земли. Взрывать чужие космические корабли — не в его компетенции.

— Может быть, он был не на работе,— злобно произнес я.

— Что ж, тогда вряд ли ты захочешь делить с ним каюту звездолета.

Но как я ни ломал голову, другого выхода не находил.

— Ладно, пошли — посмотрим на него. Где он ошивается?

— В баре Камелота.

Как это все-таки замечательно — путешествовать сидя в кресле! Мы скользили над апельсиновыми деревьями, которые росли вдоль дорог. Под действием гравитации их стволы напоминали толстые конусы, а плоды на ветвях были не намного крупнее шариков для пинг-понга. Их мир изменил и деревья, и жителей. Обитатели Джинкса, приземистые и широкие,

больше всего походили на кирпичи, и ходили они как прыгающие резиновые кирпичи, с широкими счастливыми улыбками на широких лицах: «Нам нравится низкая гравитация!»

Вдали показался Камелот — двухэтажное строение, которое раскинулось как кубистический осьминог на семи акрах. Большинство жителей других планет останавливалось здесь, так как отель обладал множеством преимуществ. Главные среди них — гравитационный контроль в номерах и коридорах и близость к Институту Знаний, прекрасному музею, а также исследовательскому комплексу.

Мы оставили наши кресла в вестибюле и прошли в бар. Аусфаллер, полный луноликий мужчина с густыми, темными вьющимися волосами и тонкими черными усами встал при нашем приближении.

— Беовульф Шеффер! — От улыбки его лицо стало еще шире.— Как приятно снова вас увидеть! Кажется, лет десять прошло или где-то около того. Как поживаете?

— Поживаю,— ответил я.

Карлос нервно потер руки.

— Зигмунд! Почему ты пытался взорвать корабль Би?

Аусфаллер удивленно заморгал:

— Он сказал тебе, что это был его корабль? Не совсем так. Он собирался украсть его. Я рассудил, что он так не поступит, имея на борту скрытую мину с часовым механизмом.

— Но как тебе удалось туда проникнуть? — Карлос придвинулся к нему поближе и игриво толкнул его в бок.— Ты же не полицейский, а служишь в Бюро Экстремальных Внешних Связей.

— Это был корабль корпорации «Дженнерал продактс», которая принадлежала кукольникам Пирсона, а не людям.

Карлос повернулся ко мне.

— Би, позор тебе!

— Черрт! Они пытались с помощью шантажа втянуть меня в самоубийственную миссию. И Аусфаллер позволил им.

— Хорошо, что кабинки звуконепроницаемые,— сказал Карлос.— Давайте заказывать.

Звуконепроницаемые или нет, но окружающие уже косились на нас. Зачем я вообще упомянул про мину?

Аусфаллер тем временем говорил:

— Карлос, вы не передумали насчет того, чтобы лететь со мной?

— Если смогу взять с собой друга.

Нахмурившись, Аусфаллер взглянул на меня.

— Вы тоже хотите лететь?

Я решился.

— На самом деле, хотелось бы отговорить вас брать с собой Карлоса.

— Эй! — удивленно воскликнул Карлос.

Я отмахнулся.

— Аусфаллер, вам известно, кто такой Карлос? У него неограниченная родительская лицензия, причем с восемнадцатилетнего возраста. Я не против того, чтобы вы рискнули собственной жизнью, если честно — мне даже нравится эта идея, но его жизнь...

— Не такой уж и большой риск,— буркнул Карлос.

— Да? В чем преимущества Зигмунда, по сравнению с теми восьмью кораблями?

— Две вещи,— терпеливо ответил Аусфаллер.— Одна из них — тот факт, что мы входим в систему. Шесть из восьми исчезнувших кораблей покидали ее. Если вокруг Солнца есть пираты, то им гораздо проще обнаружить выходящий корабль.

— Они поймали два входящих. Два корабля, пятьдесят человек исчезли. Пуфф — и нету.

— Меня взять не так-то просто,— похвастался Аусфаллер.— «Хобо Келли» обманчив. Он внешне похож

на грузопассажирский корабль, но на самом деле — боевой, отлично вооруженный. Он способен развивать ускорение 30 «же», и мы убежим от всего, с чем не сможем драться. Мы предполагаем пиратов, не так ли? Им ведь надо сначала ограбить корабль и только потом уничтожить.

Я был заинтригован.

— Зачем? Зачем замаскированный корабль? Надеешься, что тебя атакуют?

— Если это действительно пираты. Я надеюсь, что они нападут — но не тогда, когда войду в Солнечную систему. Мы планируем подмену. Обыкновенный грузовой корабль с Земли отправится на Вундерланд по прямому курсу. Мой корабль заменит его перед тем, как тот пройдет через астероиды. Абсолютно никакого риска потерять драгоценные гены мистера Ву.

Упираясь ладонями в стол, Карлос навис над нами.

— Категорически утверждаю, что это *мои* чертовы гены и я могу с ними делать *все*, что мне захочется. Би, я уже сделал свою долю детей и твою, кстати, тоже.

— Успокойся, Карлос. Никто не собирался переступать через твои неотчуждаемые права.— Я повернулся к Аусфаллеру.— И все равно мне не понятно. Почему эти исчезнувшие корабли могут интересовать ваше Бюро?

— На борту некоторых кораблей были пассажиры с других планет.

— И?

— И нас заинтересовало, а не было ли среди них пиратов? Определенно, они владеют техникой, не известной людям. Из шести выходящих кораблей пять исчезли после того, как доложили о том, что готовы войти в гипердрайв.

Я присвистнул.

— Перехват корабля в гипердрайве невозможен. Правда, Карлос?

Карлос скривился.

— Возможно, раз было сделано. Но я не понимаю принципа. Если корабли просто исчезают, то это другое дело. Любой корабль может исчезнуть, если слишком глубоко заходит на гипердрайве в гравитационный колодец.

— Тогда... вряд ли это пираты. Карлос, могут ли быть в гиперпространстве существа, пожирающие корабли?

— Думаю, это возможно. Я не знаю всего, Би, вопреки общему мнению.— Но через минуту он покачал головой.— Я на это не куплюсь. Допускаю не отмеченное на карте небесное тело на границе Солнечной системы. Корабли, которые подходят слишком близко на гипердрайве, могут там исчезать.

— Нет.— Аусфаллер покачал головой.— Никакое небесное тело не вызвало бы все эти исчезновения. Планета обладает гравитацией и инерцией. Мы смоделировали ситуацию на компьютере и получили по крайней мере три большие массы, все неизвестные и одновременно находящиеся на важных торговых маршрутах.

— Насколько большие? Как Марс или больше?

— Так значит, ты думаешь об этом тоже?

Карлос улыбнулся.

— Да. Это кажется невозможным, но... это всего лишь невероятно. За Нептуном — немыслимое количество мусора: четыре известные планеты и бесчисленные обломки льда, камня и железоникеля.

— И все же это *более чем* невероятно.

Карлос кивнул. Наступила тишина.

Меня все же не оставляла мысль о монстрах в гиперпространстве. Предположим, что один такой гиперпространственный зверь хозяйничал в этом регионе, скажем, во время одной из войн между людьми и кзинами — когда идут боевые действия, очень трудно определить, почему исчезают корабли. А его следующие действия? Правильно — позвать своих друзей.

И теперь они охотятся здесь. Поток кораблей вокруг Солнца больше, чем вокруг любой из трех колониальных звезд. Но если монстров окажется больше, чем кораблей, они вынуждены будут перебраться в другие колонии.

Как можно противостоять таким созданиям? Единственный пока выход — отказаться от межзвездных путешествий.

Аусфаллер прервал мои невеселые размышления:

— Может, передумаете и отправитесь с нами, мистер Шеффер?

— А вы уверены, что хотите видеть меня на вашем корабле и что вы вообще полетите?

— Ну, разумеется. Тогда я буду уверен, что вы не прячете бомбу на борту,— рассмеялся Аусфаллер.— Кроме того, нам пригодится опытный пилот. И наконец, не откажусь от шанса получить в свое распоряжение ваши мозги, Беовульф Шеффер. У вас есть странное свойство делать за меня мою работу.

— Как вас понимать?

— «Дженерал Продактс» заставила вас облететь на близкой орбите нейтронную звезду, применив шантаж. Вы узнали кое-что о мире кукольников — а затем сами их шантажировали. Контракты, основанные на шантаже,— нормальное явление деловой практики кукольников. Заслужив их уважение, вы после также имели с ними дело. Кстати, и с аутсайдерами — без проблем. Но особенно меня впечатлило, как вы справились с похищением Луби.

Брови Карлоса изумленно взлетели вверх. У меня не было возможности рассказать ему об этом случае раньше. Я ухмыльнулся.

— Я и сам горжусь.

— Да, и вам есть чем гордиться. Беовульф Шеффер вернул освоенному космосу лучшего скульптора кдальтино. Причем сделал это так, что все остались довольны.

Помогать Зигмунду Аусфаллеру — самое последнее в списке неотложных дел за день до смерти. Внезапно мне стало чертовски хорошо. Возможно, от того, *как* слушал мой приятель разглагольствования нашего луноликого собеседника. Не так-то просто произвести впечатление на Карлоса Ву. Тряхнув головой, он сказал:

— Если вы думаете, что это были пираты, то вы отправитесь с нами, не правда ли, Би? В конце концов они, возможно, не могут обнаруживать приходящие корабли.

— Конечно.

— И вы на самом деле не верите в гиперпространственных монстров?

Я пожал плечами.

— Если услышу лучшее объяснение. А пока факт остается фактом: в космосе что-то происходит. Мне не очень нравится гипотеза о супертехнологических пиратах. Как насчет блуждающих масс?

Карлос пожевал губами и сказал:

— Ну, хорошо. В Солнечной системе изрядное количество планет, дюжина из них на сегодняшний день открыта. Самый интересный из них — Нептун, вокруг него огромное и пустое пространство. Там могут находиться не отмеченные на карте планеты. Вот вам и отклонения, способные глотать корабли!

Зигмунд Аусфаллер отличался крайним упрямством.

— Но чтобы они оказались одновременно на трех главных торговых путях?

— Почему бы нет? Хотя... Любой трезвомыслящий человек предположил бы пиратов.

— Но вероятность...

— Разумеется, очень маленькая, Би, это почти невозможно.

Я слишком давно видел Шаррол, и мне не терпелось с ней поскорее встретиться.

— Аусфаллер, вам удалось обнаружить или хотя бы проследить путь чего-нибудь из похищенного? Вы получали письма о выкупе? («Ну же, убедите меня!»)

Он расхохотался, запрокинув голову.

— И что тут смешного?

— Сотни писем о выкупе! Каждый умственно неполноценный способен написать такое письмо — вокруг исчезнувших людей подняли изрядную шумиху. Все требования были фальшивками. Хотелось, чтобы хоть одно из них было настоящим,— ведь на борту «Странника» был сын Патриарха кзинов, когда этот корабль исчез. А что же касается добычи — гм...— Он пожал плечами.— Никаких призраков свитков Барра и камней Мидаса или более или менее ценных сокровищ, находившихся на борту тех злополучных кораблей.

— Так что ты тоже ни в чем не уверен.

— Да.

— Господин Шеффер, так вы летите с нами?

— Я еще не решил. А когда отправление?

Они собирались стартовать завтра утром с Восточного побережья, значит, у меня практически нет времени принять решение. После разговора в баре я отправился в свой номер, чувствуя подавленность. Карлос собирается лететь, это более чем ясно. Едва ли я в этом виноват... но он был здесь, на Джинксе, именно потому, что оказал нам с Шаррол большую услугу. Если он погибнет по пути домой...

В номере я обнаружил кассету с видеозаписью от Шаррол. На ней были сняты дети, Таня и Луис, а также апартаменты, которые она нашла для нас в Твин-Пикс... и многое другое.

Я просмотрел ее трижды, потом позвонил Аусфаллеру в номер.

Ведь прошел чертовски большой срок...

Из космоса Джинкс похож на Яйцо Брахмы. Белый с желтизной сменяется ярко-белым сиянием от колец

ледяных полей на границах атмосферы, которое переходит в разнообразие оттенков синего и зеленого.

Я решил провести за пультом управления как можно больше времени, чтобы привыкнуть к незнакомому кораблю.

«Хобо Келли» предназначен для посадки на брюхо; треугольный в поперечнике и длиной триста футов. Под задранным кверху носом большие грейферные грузовые люки. Сопла впечатляют своими размерами, но, несмотря на это, внешне он вполне безобиден — как, собственно, и должен выглядеть грузовой корабль, а не боевой — чем, разумеется, он был на самом деле. Двигатель работал ровно и гладко, гравитация в каютах поддерживалась без того, чтобы использовать заметную часть его мощи.

Когда Джинкс и Примари стали невидимы среди звезд, а Сириус оказался на таком расстоянии, что я смог смотреть прямо на него, Аусфаллер, воспользовавшись личным кодом, открыл передо мной *другую* панель управления. Рентгеновский лазер, несколько лазерных пушек поменьше и радар последней модели, четыре самонаводящиеся торпеды — кстати, ничего из перечисленного не выступало за бесцветный корпус.

Мной владели смешанные чувства — итак, мы готовы сразиться с кем угодно и убежать от кого угодно. Но что за враг поджидает нас?

На протяжении всех четырех недель, пока мы шли на гипердрайве через «Слепое пятно», тема пожирателей кораблей не покидала наши головы. Разумеется, мы говорили о совершенно других вещах: о музыке и искусстве, о последних технологиях в анимации, компьютерных программах... Мы рассказывали истории — когда мне изменяли сначала голос, а потом и память, Карлос брал инициативу на себя. У Аусфаллера тоже имелись в запасе хорошие истории... гораздо больше историй, чем ему было позволено рассказать, судя по тому, как он каждый раз рылся в памяти.

— Итак, число возможностей сократилось до трех.— Я все же нарушил табу.— Кзины, кукольники и люди.

Карлос вытаращил глаза

— Кукольники? У кукольников смелости не хватило бы.

— Я их учитываю, потому что они могут иметь какой-нибудь интерес в манипулировании межзвездным фондовым рынком. Посмотрите: наши гипотетические пираты установили эмбарго, отрезав Солнечную систему от внешнего мира. У кукольников есть капитал, чтобы извлекать выгоду из того, что происходит на рынке. И они нуждаются в деньгах для своих миграций.

— Кукольники — рассудительные трусы!

— Это правда. Вряд ли они осмелятся атаковать, тем более — приблизиться к кораблям. Но почему бы издали не воздействовать так, чтобы судно исчезло без следа?

У Карлоса вытянулось лицо, и он мрачным тоном произнес:

— Для этого вполне достаточно мощного генератора гравитации. Мы же совершенно не представляем себе границ технологии кукольников, разве не так?

Аусфаллер осторожно поинтересовался у меня:

— А что вы думаете по этому поводу?

— Проблематично. То же касается и кзинов. Если нам станет известно, что они охотятся на наши корабли, их ждет сущий ад. Кзины усвоили урок на собственной шкуре, правда, не сразу.

— Так ты думаешь, это люди,— подытожил Карлос.

— Да. Если предположить пиратов.

Теория пиратства все еще выглядела шаткой. Спектральные телескопы даже не нашли концентрации металлов в том месте космоса, где исчезли корабли. Может быть, пираты украли корабль целиком? Если гиперпространственный двигатель пережил нападение в

целости и сохранности, захваченный корабль можно угнать в бесконечность. Но могли ли пираты рассчитывать, что это им удастся восемь раз из восьми? И ни один из исчезнувших кораблей не обратился за помощью на гиперволне.

Да, когда-то космические пираты существовали, но вымерли, не оставив последователей. Перехватывать космические корабли — слишком сложно. Овчинка не стоит выделки.

На гипердрайве корабль летит сам. От пилота требуется лишь внимательно следить за зелеными радиальными линиями на масс-сенсоре. Когда узкая зеленая линия, которая отмечала Солнце, удлинилась, я стал очень осторожен по отношению. к обломкам вокруг Солнечной системы.

— Карлос, скажи, насколько большая масса способна привести к нашему исчезновению?

— Величиной с Марс или что-нибудь вроде этого. Кроме того, важно, насколько ты приблизился к ней и насколько она плотная. При достаточной плотности масса может быть не столь огромной и все же выдернуть тебя из вселенной. Не переживай, ты же увидишь ее на масс-сенсоре.

Только на мгновение — а затем нас развернет, и все...

Длинная зеленая линия, отмечающая Солнце, почти касалась поверхности масс-сенсора. И корабль неистово дернулся!

— Пристегнуться! — закричал я, оглянувшись на мониторы гипердрайва. Двигатель не выдавал мощи, и остальные приборы словно сошли с ума.

Я включил окна. В гиперпространстве лучше держать их выключенными, иначе мои пассажиры сошли бы с ума, глядя на «слепое пятно». Звезды! Значит, мы уже в обычном космосе.

— Черт! Они нас все-таки взяли.— В голосе Карлоса не было ни тени испуга или гнева, скорее благоговейное изумление.

Когда я активизировал потайную панель, Аусфаллер закричал.

— Погоди!

Его призыв был проигнорирован. Я перебросил красный тумблер, и брюхо «Хобо Келли» плюнуло огнем.

Зигфрид некоторое время мог объясняться исключительно выражениями из какого-то мертвого равнинного языка.

Две трети «Хобо Келли» удалялись, медленно крутясь. Оставшаяся часть должна была продемонстрировать всем, *что* это был за корабль: корпус номер два «Дженерал продактс», тонкий прозрачный шпиль триста футов длиной и двадцать футов шириной, с орудиями войны, усыпавшими его новое брюхо. Экраны, которые успели погаснуть, снова ожили. Я включил главный двигатель и разогнал его до полной тяги.

Аусфаллер наконец заговорил на понятном языке, яростно и презрительно:

— Шеффер, ты идиот! Ты трус! Бежим, даже не зная, от чего бежим. Теперь они точно знают, кто мы,— и каковы шансы, что они нас теперь будут преследовать? Этот корабль создавался для специальной цели, а ты все испортил.

— Теперь есть возможность воспользоваться твоими специальными инструментами,— возразил я.— Почему бы не поискать то, что ты хочешь найти?

Он мгновенно стал очень деловитым. Наблюдая, как Зигфрид настраивает экраны контрольной панели, я размышлял. Гналось ли что-нибудь за нами? Теперь нас трудно поймать и еще труднее переварить. Они вряд ли ожидали увидеть корпус «Дженерал продактс». С тех пор как кукольники перестали их выпускать, цена использованного «ДП» поднялась на недосягаемую высоту.

Аусфаллер дал увеличение: три буксира белтерского типа для буксировки железоникелевых астероидов — толстые колбасы, оборудованные мощными двигателями и соответствующими же электромагнитными генераторами. Внешне достаточно безобидные, чтобы преследовать нас.

Секунду назад «Хобо Келли» выглядел достаточно мирно, а теперь его брюхо ощетинилось оружием. Первое впечатление иногда бывает обманчивым — это касается не только людей, но и буксиров.

Карлос нарушил затянувшееся молчание:

— Би, что происходит?

— Откуда мне знать, черт побери?

— Что показывают приборы?

Он, должно быть, имел в виду комплекс гипердрайва. Пара индикаторов сошла с ума, еще пять были мертвы. Я сообщил ему об этом.

— И драйв совсем не дает тяги. Никогда не слышал о чем-нибудь подобном. Теоретически это невозможно.

— Я... хочу взглянуть на двигатель.

— Имей в виду, в трубах доступа нет каютной гравитации.

Аусфаллер оставил в покое уменьшавшиеся буксиры, наведя радар на нечто, похожее на большую комету. Но и за скоплением газов шарообразной формы не прятался флот разбойничьих кораблей.

— Ты проверил буксиры дальним радаром? — спросил я.

— Конечно. Потом изучим запись во всех подробностях.

Никто не атаковал нас после того, как мы покинули гиперпространство. Теперь я повернул корабль к Солнцу; что ж, эти потерянные десять минут в гиперпространстве добавят три дня к нашему путешествию.

— Если это были враги, то ты их спугнул. Шеффер, эта миссия и этот корабль стоили моему отделу громадной суммы, и в результате мы ничего не узнали.

— Ничего,— сказал Карлос.— Все-таки я хочу увидеть двигатель. Би, ты сможешь снизить до одного «же»?

Мы ползли по трубе доступа чуть большего диаметра, чем ширина плеч рослого мужчины, между помещением для двигателя и окружающего топливного резервуара. Карлос достиг наблюдательного окна и заглянул в него. Послышался тихий смех.

Что здесь можно увидеть смешного?

Продолжая хихикать, Карлос отстранился от окна. Я глянул вниз.

Двигателя в отсеке не было.

Я прополз через ремонтный люк и внимательно осмотрелся кругом. Ничего... даже выходного отверстия нет; срезы кабелей блестели, словно крошечные зеркала. Воображение услужливо подсунуло мне соответствующую картину: амебообразное чудовище с огромным ножом... чик! Готово!

Аусфаллер не поверил нам и отправился вниз удостовериться лично. Мы с Карлосом ждали его у пульта. Какое-то время Карлос разражался всплесками хихиканья. Затем он впал в сонное безразличие, которое меня еще более раздражало.

Какие мысли бродят в его голове? Я пришел к неутешительному выводу, что никогда об этом не узнаю. Несколько лет назад я проходил тест, надеясь получить партнерскую лицензию. Но я вовсе не гений и смог только определить, что Карлос думает о том, чего мне недостает. Вряд ли он мне об этом скажет прямо, а я слишком горд, чтобы спросить.

Зигмунд вернулся с таким лицом, будто повстречал призрака.

— Исчез! Куда он мог исчезнуть? Как это могло случиться?

— Я могу ответить,— радостно сообщил Карлос.— Это требует исключительно высокого гравитационно-

го градиента. Мотор его достиг, свернул вокруг себя пространство и перешел на более высокий уровень гипердрайва, которого мы достичь не смогли. Сейчас он возможно где-то на краю Вселенной.

— Ты уверен? — спросил я.

— Я уверен только в том, что наш двигатель исчез. При низком гравитационном градиенте двигатель унес бы с собой весь корабль и рассеял бы его атомы вдоль своего пути, пока бы ничего не осталось, кроме поля гипердрайва.

— Мм... да.

Давно я не видел своего приятеля таким воодушевленным, он явно воспылал любовью к своей идее.

— Зигмунд, я хочу воспользоваться твоей гиперволной. Могу ошибаться, но нам надо кое-что проверить.

— Учти, если мы все еще в пределах гравитации какой-то массы, гиперволна уничтожит сама себя...

— Думаю, стоит рискнуть.

Мы включили гиперволновик — и ничего не взорвалось.

Первым сделал вызов Аусфаллер — получить регистровые данные на обнаруженные нами буксиры. Затем Карлос связался с компьютерной службой «Слон» в Нью-Йорке, используя кодовый номер, который «Слон» давал немногим людям.

Я слушал, как Карлос излагает список необходимых ему данных. Полные сведения о метеорите, который в 1908 упал в районе реки Тунгуска в России на Земле. Три модели происхождения Вселенной. Имена, послужные списки и адреса наиболее известных ученых, специализирующихся на гравитационных феноменах в Солнечной системе. И так далее, и так далее... Наконец, с довольной улыбкой, он отключился.

Я не выдержал:

— Ты меня достал! Не имею ни малейшего представления о том, чего ты добиваешься.

По-прежнему улыбаясь, Карлос встал и отправился в свою каюту — поспать. Аусфаллер задержался в отсеке управления. Какое-то время он потратил на изучение снимков трех рудных буксиров. Я присоединился к нему.

Буксиры выглядели достаточно похожими друг на друга — ни подозрительных отверстий в корпусах, ни люков для орудий. При сканировании они напоминали призраков; можно было различить массивные кольца силовых полей, полые, столь же массивные сопла, меньшей плотности топливные резервуары и системы жизнеобеспечения. Никаких иных полостей или теней.

То и дело Зигфрид спрашивал:

— Ты знаешь, сколько стоит «Хобо Келли»? Нет, ты знаешь?..

Я терпеливо отвечал, что могу себе представить.

— Он мне стоит карьеры. Я надеялся уничтожить с его помощью пиратский флот. Что я теперь могу показать начальству вместо моего драгоценного троянского коня?

Ответ вертелся у меня на языке. Аусфаллера он бы вряд ли успокоил. Вместо этого я сказал:

— У Карлоса кое-что есть на уме. Я его знаю. Он понял, что произошло.

— И ты можешь из него это вытянуть?

— Не знаю. Попробую ему объяснить, что гораздо безопаснее знать, кто наш враг.

— А как насчет рудных буксиров? Не понимаю, что они там делают.

— Возможно, их используют для строительства.

— Для строительства чего? Кто здесь будет жить?

— Вот именно. Тут нет даже туристов, но... Разумеется, исследовательские экспедиции — они ведь нуждаются в строительных материалах. Дешевле строиться здесь, чем возить все с Земли или Белта. Присутствие буксиров не подозрительно.

— Но ведь кроме них рядом с нами и вокруг больше ничего нет. Вообще ничего.

Аусфаллер кивнул.

Несколько часов спустя к нам вернулся Карлос, протирающий глаза. Я его встретил вопросом:

— Могут ли буксиры иметь что-нибудь общее с твоей теорией?

— Не понимаю, каким образом. У меня есть полидеи. Теория, которая мне нужна, больше не в моде. Теперь, когда мы знаем, что собой представляют квазары и как это действует.— Он сдвинул брови.— Но если я прав, то знаю, куда делись корабли после того как их разграбили.

Зигмунд набросился на него:

— Где они? Живы ли пассажиры?

— Мне жаль, Зигмунд. Все они мертвы. Не осталось даже тел для захоронения.

— Что это такое? С кем мы воюем?

— С гравитационным эффектом. С резким искажением пространства. Ни планета, ни сбой в работе каютных гравитационных генераторов не могли бы спровоцировать это.

— Коллапсар? — предположил Аусфаллер.

Карлос ухмыльнулся.

— Тут другие проблемы. Коллапсар не может возникнуть, если масса меньше, чем пять солнечных. И появись некая штуковина так близко от Солнца, ее бы обязательно заметили.

— Тогда что?

Карлос пожал плечами.

Мы получили данные на три космических тягача — куплены два года назад компанией «Интрабелт Майнинг», шестой конгрегационной церковью Родни.

— Белтеры иногда так делают,— пояснил я, намекая, что не следует интересоваться владельцем корабля.

— Значит, мы не узнаем, кто ими владеет?

— Честные белтеры, а может и не очень,— рассеянным тоном произнес Карлос, потому что все его внимание было сосредоточено на экране бортового компьютера. Я тоже заинтересовался полученным списком имен и телефонов. Одно имя привлекло мое внимание.

Джулиан Форвард, 1192326. Он недалеко, где-то между орбитой Нептуна и кометным поясом. Я нашел и другие номера Южной станции:

Ланселот Старки, 1844719.

Джил Лучано, 1844719.

Марианна Уилтон, 1844719.

— Эти люди...— решил уточнить Аусфаллер.— Хочешь обсудить свою теорию с кем нибудь из них?

— Совершенно верно. Зигмунд, скажи мне, разве 1844719 — номер Ртутной группы?

— Полагаю, да. А еще я также полагаю, что они вне нашей досягаемости теперь, когда исчез наш гипердрайв. Ртутная группа обосновалась на орбите Антиноры, которая сейчас на противоположной стороне от Солнца. Карлос, тебе приходило в голову, что они могли построить устройство, питающееся кораблями?

— Что?..— Карлос ненадолго задумался.— А ведь ты прав. Это должен был сделать тот, кто смыслит в гравитации. Но мне кажется, что Ртутная группа вне подозрений. А когда в твоем проекте занято еще десять тысяч человек, разве можно что-то спрятать?

— А как насчет этого Джулиана Форварда?

— Форвард? Да, хотелось бы с ним встретиться.

— Ты его знаешь? Кто это?

— Он сотрудничал с институтом Знаний на Джинксе. Я не слышал о нем уже несколько лет. Форвард занимался гравитационными волнами из ядра галактики, но направление его работы оказалось ошибочным. Зигмунд, давай с ним свяжемся.

— И спросим его... о чем?

Карлос вспомнил нашу ситуацию.

— О! Ты думаешь, он может...

— Да.

— Что ты знаешь о Форварде?

— Он довольно популярен, и у него хорошая репутация. Не понимаю, как такой человек смог бы пойти на массовое убийство.

— Раньше ты говорил, что мы ищем человека, разбирающегося в гравитационных явлениях.

— Совершенно верно.

Зигмунд закусил нижнюю губу и, помолчав, сказал:

— Возможно, мы ограничимся исключительно разговором. Почему бы именно ему не возглавлять пиратский флот?

— Нет, этого он не может.

— Подумай,— начал Аусфаллер.— Мы — вне зоны воздействия солнца. Пиратский флот определенно включает гипердвигательные корабли. Если Джулиан Форвард — пожиратель кораблей, он должен находиться поблизости. Это устройство нельзя двигать в гиперпространстве.

— Карлос,— не выдержал я,— то, чего мы не знаем, способно нас убить. Если ты не прекратишь играть в игры...

Но он улыбался и качал головой. Вот черт!

— Ладно, мы можем проверить Форварда. Давайте с ним свяжемся и спросим, где он. А он-то знает тебя?

— Конечно. Я ведь так известен!

Карлос быстро набрал на клавиатуре номер.

— Постой,— внезапно обратился к нему Аусфаллер.— Пожалуйста, не упоминай моего имени. Если необходимо, можешь представиться владельцем корабля.

Карлос удивленно оглянулся. Прежде чем он успел ответить, зажегся экран. Я увидел пепельные волосы, худое бледное лицо и безликую улыбку.

— Станция Форварда. Добрый вечер.

— Добрый вечер. Это Карлос Ву с Земли говорит по дальней связи. Могу я побеседовать с доктором Джулианом Форвардом?

— Я посмотрю, досягаем ли он.— Человек исчез с экрана.

Карлос взорвался:

— Как я могу объяснить, что владею вооруженным замаскированным боевым кораблем?

Но я начал понимать, что затеял Аусфаллер, и сказал:

— Постарайся избежать объяснения, может, он и не спросит. Я...— Пришлось умолкнуть, потому что на экране появился Форвард.

Джулиан Форвард был типичным уроженцем Джинкса, короткий и широкий, с руками и ногами толстыми как колонны. Его кожа была черной, почти как волосы,— сириусский загар. Он сидел на краешке массивного кресла.

— Карлос Ву! — воскликнул он с льстивым энтузиазмом.— Неужели тот самый Карлос Ву, который решил задачу на пределы Селехейма!

Карлос подтвердил — и началась нуднейшая математическая дискуссия, касавшаяся, насколько мне было понятно, другой задачи на пределы. Я терпеливо ждал, время от времени бросая взгляды на Аусфаллера,— и вдруг понял, что он напряженно изучает боковое изображение Форварда.

— Итак,— сказал наш ученый друг,— что я могу для вас сделать?

— Прежде всего, познакомьтесь с Беовульфом Шеффером,— предложил Карлос.

Я учтиво поклонился.

— Би подбрасывал меня до дома, прежде чем исчез наш гипердвигатель.

— Исчез?

Я решил вмешаться. Вытаращив глаза, изображая тем самым простака-парня, торопливо забормотал:

— Исчез, черт бы его побрал. Отсек пуст, все кабели перерезаны. Мы застряли здесь без гипердвигателя и не имеем никакого представления о том, что произошло.

— Это почти правда! — радостно подтвердил Карлос.— Потому что у меня есть некоторые идеи насчет того, что здесь произошло. Я бы хотел обсудить их с вами. Где вы сейчас?

Получив у компьютера наши координаты и скорость, я послал их на станцию Форварда. Не могу утверждать, что это была хорошая идея, но Аусфаллер имел возможность меня остановить, однако не сделал этого.

— Отлично! — сказало изображение Форварда.— Похоже, что сюда вы сможете добраться гораздо быстрее, чем на Землю. Станция в вашем распоряжении, и вы здесь можете дождаться транспортного корабля. Лучше, чем лететь на поврежденном.

— Превосходно. Мы рассчитаем курс и сообщим, когда нас следует ждать.

— Рад был познакомиться.— Форвард дал нам собственные координаты, и экран погас.

Карлос повернулся к нам.

— Би, теперь ты владеешь вооруженным и замаскированным боевым кораблем. Придумай, как ты его раздобыл.

— У нас есть проблемы похуже. Станция Форварда именно там, где должен находиться пожиратель кораблей.

Он кивнул, продолжая улыбаться. Я решил поубавить ему оптимизма.

— Каков будет наш следующий шаг? Мы не можем убежать от кораблей с гипердвигателями. Пока не можем. Похоже ли на то, что Форвард собирается убить нас?

— Если мы не достигнем станции Форварда через определенное время, за нами могут послать корабли.

Мы слишком много знаем, причем сами ему об этом сказали,— ответил Карлос серьезным тоном.— Гипердвигатель исчез полностью, и я знаю полдюжины людей, которые могут вычислить, что произошло, основываясь только на этом факте.— Он снова улыбнулся.— Возможно, Форвард — пожиратель кораблей, но Ву об этом не знает. Я думаю, у нас есть блестящий шанс выяснить это, тем или иным способом.

— Как? Просто завернув на огонек?

Аусфаллер одобрительно кивнул.

— Доктор Форвард ожидает, что вы, ни о чем не подозревая, попадете в его паутину, оставив пустой корабль Можно приготовить для него несколько сюрпризов. Например, он может не догадываться, что это корпус «Дженерал продактс»... Да, разумеется, я останусь на борту, готовый сражаться.

— Верно. Только антиматерия способна причинить вред корпусу «ДП»... Хотя через него все же кое-что может проникнуть: свет, гравитация и ударные волны.

— Значит, ты будешь находиться в особо прочном корпусе,— сказал я,— но, практически беспомощен. Очень умно. Я бы предпочел оставить это для себя, но с другой стороны, тебе надо делать карьеру.

— Не стану этого отрицать.

За одной из стен каюты Зигмунда оказалась комната. Ее содержимое, хотя нам не показали всего, окончательно разрушило мое мнение о нем. Этот человек не имел ничего общего с ...ими бюрократами.

Там были лазерные ружья и пистолеты, дробовик особой конструкции, метательные ножи, спортивный пистолет с фигурной рукоятью, однозарядный, 22 калибра. И некая штуковина, представленная хозяином как миниатюрная атомная бомба. Интересно, для чего ему любительский набор для изготовления скульптур в стиле кдальтино? Может быть, он делает ста-

туи, рассчитанные свести с ума человека или представителя иной расы,— этакое психотропное оружие. Может, они взрываются при прикосновении нужного пальца?

— Я дам вам новые костюмы,— сказал Аусфаллер.

Любопытство Карлоса по этому поводу было пресечено следующей фразой:

— Ты хранишь при себе секреты? Я тоже.

Он спросил нас, какие стили мы предпочитаем. Я не стал привередничать, и мне всучили длинный джемпер серебристо-зеленого цвета, с большим количеством карманов. Не лучший джемпер из тех, которые когда-либо у меня были; тем не менее, он оказался впору.

— Неужели у тебя ничего нет без пуговиц? — недовольно буркнул я.

— Надеюсь, ты меня простишь. Да, Карлос, у тебя тоже будут пуговицы.

Мой приятель получил ядовито-красную куртку с зелено-золотым драконом на спине. На пуговицах оказалась его монограмма. Зигмунд стоял перед нами, покачиваясь на носках и всем своим видом выражая одобрение нашему новому облачению.

— А теперь смотрите,— сказал он.— Вот я стою перед вами, безоружный...

— Да.

— Это точно.

Аусфаллер ухмыльнулся. Он подошел ко мне, схватил мой джемпер за верхнюю и нижнюю пуговицы и рванул. Они оторвались. Держа пуговицы так, как будто он натягивает невидимую нить, Зигмунд провел ими по бокам грубо изготовленной пластмассовой скульптуры. Скульптура развалилась на две части.

— Молекулярная цепочка Синклера. Режет любую нормальную материю, если достаточно сильно потянуть. Осторожно, она может отрезать ваши пальцы с такой легкостью, что вы даже этого не успеете заме-

тить. Обратите внимание, что пуговицы большие, их легко держать.— Он аккуратно положил пуговицы на стол.— Третья пуговица — шумовая граната. В десяти футах убивает. В тридцати футах парализует.

— Демонстрировать не надо,— попросил я.

— Вторая пуговица — таблетка, стимулятор. Сломай пуговицу и проглоти половину, когда понадобится. От целой может остановиться сердце. А тебе, Шеффер, лучше ограничиться четвертушкой.

— Или вовсе обойтись без нее,— добавил я.

— Есть еще одна вещь, которую я не буду демонстрировать. Пощупайте вашу одежду — чувствуете три слоя материала? Средний слой — почти идеальный экран. Он отражает даже рентгеновские лучи, и вы способны устоять под выстрелом лазера, по крайней мере в первые секунды...

Карлос удовлетворенно кивал.

Все они, брюхошлепы, думают одинаково. Полтора миллиона лет человечество развивалось в условиях одного мира — Земли. Поэтому земляне инстинктивно считают и всю остальную Вселенную таковой.

Но мы-то лучше знали, как надо выживать,— мы, родившиеся на других мирах. Сильнейшие ветры летом и зимой на Уимедите. На Джинксе — гравитация. На Плато — непереносимые жара и давление...

— Ушные затычки.— Зигмунд протянул нам горсть мягких пластиковых цилиндров. Мы их вставили — а что оставалось делать? Аусфаллер поинтересовался:

— Вы меня слышите?

— Ага.

— Передатчик, который заодно сохранит ваш слух при взрыве или воздействии сонарного парализатора. Кстати, если вы внезапно оглохнете, значит, вас атакуют.

Тщательные приготовления Аусфаллера говорили только о том, в какую переделку мы, похоже, ввязываемся.

Мы вернулись в отсек управления, где Аусфаллер вызвал на связь Землю, свое Бюро. Он пересказал личному секретарю версию того, что с нами произошло, добавив кое-какие осторожные умозаключения и предложил Карлосу сообщить свои теории. Карлос отказался.

— Я могу ошибаться. Дайте мне возможность провести кое-какие исследования.

Когда Аусфаллер исчез в своей каюте — отправился спать, как он нам сообщил, Карлос мрачно покачал головой.

— Паранойя. Занимаясь его работой, я бы, наверное, обязательно стал параноиком.

— А ты уверен, что у тебя самого все в порядке?

Он меня не слушал.

— Подумать только, подозревать межзвездную знаменитость в космическом пиратстве!

— Он оказался в нужное время в нужном месте. Ладно, Би, забудь, что я сказал. И все-таки зачем мы наносим визит Форварду?

— Я хочу посоветоваться с ним насчет своих идей. Более того, он, возможно, знает главного пожирателя кораблей, сам не догадываясь об этом. Возможно, мы его оба знаем. Нужен хороший космолог, чтобы найти устройство и опознать его.— Карлос ухмыльнулся. У тебя есть какие-либо соображения по этому поводу?

— Я готовил список. Ты — первый.

— Ладно, следи. Зигмунд знает, что у тебя есть нечто подобное...

— Он второй.

— Сколько еще времени пройдет, пока мы не достигнем станции Форварда?

Я перепроверил наш курс. Мы сбавили скорость до тридцати и теперь...

— Двадцать часов и несколько минут,— сказал я.

— Хорошо. Я воспользуюсь шансом провести кое-какие исследования.— Он начал вызывать данные на экран компьютера.

Я попросил разрешения читать через его плечо. Он согласился. Мерзавец! Он читал вдвое быстрее, чем я. Я пытался угнаться, получить представление о том, чего он добивается.

Теория черной дыры была для меня не нова, хотя математика была не по моим мозгам. Если звезда достаточно массивна, то после того как она выжжет свое ядерное топливо и начнет остывать, нет возможной внутренней силы, которая способна удержать ее от коллапсирования внутрь через ее собственный шварцшильдовский радиус. Такая коллапсировавшая звезда может весить пять солнечных масс или больше, иначе ее коллапс остановится на стадии нейтронной звезды. Потом она только растет и становится более массивной.

Не было ни малейшего шанса найти нечто столь массивное здесь, на краю Солнечной системы. Если бы такая вещь была где-либо поблизости, солнце летало бы на орбите вокруг нее. Сибирский метеорит, наверное, был достаточно мощным, поскольку его помнят до сих пор, больше чем пятьсот лет Он сбил деревья на тысячи квадратных миль, однако деревья близ точки соприкосновения его с землей остались неповрежденными. Осколки метеорита так и не были найдены — как, кстати, и свидетели удара. В 1908 году Сибирь была так же редко заселена, как сегодня Луна.

— Карлос, какое отношение это имеет ко всему происходящему?

— А Холмс отвечал Ватсону на вопросы?

Если говорить о постижении космологии, то здесь я сталкивался с массой проблем. Начнем с пересечения физики и философии, а закончим — теорией Большого Взрыва, Циклической Вселенной, Постоянной Вселенной, дискуссией насчет того, открытая ли вселенная или закрыта в четырех измерениях.

Карлос терпеливо выслушал мои сбивчивые объяснения.

— Ладно,— сказал он.

— Что значит «ладно»?

— Придется посмотреть, что думает Форвард.

— Думаю, ты получишь удовольствие. А я отправляюсь спать.

Джулиан Форвард нашел каменистую массу размером со средний астероид. Издали она казалась нетронутой — неровная грязно-белая поверхность, но вблизи воздушные шлюзы, антенны и вещи, менее легко опознаваемые, производили сильное впечатление.

Я посадил «Хобо Келли» в порядочном отдалении от всего этого блестящего металла и пластика и поинтересовался у Аусфаллера:

— Все-таки остаешься на борту?

— Разумеется. Не собираюсь разубеждать доктора Форварда в том, что корабль пуст.

Мы отправились на станцию в открытом такси: два сиденья, топливный бак и ракетное сопло. Один раз я повернулся, чтобы спросить у Карлоса что-то по поводу окружавшего нас пейзажа, но вместо этого у меня вырвалось:

— Ты в порядке?

Его лицо было бледным и напряженным.

— Справлюсь.

— Как прошел контакт?

— Ужасно. Би, он... *пустой*.

— Держись, мы почти на месте.

Светловолосый белтер в облегающем костюме и пузыревидном шлеме встретил нас около одного из воздушных шлюзов

— Я Гарри Московиц,— представился он.— Еще меня называют Ангел. Доктор Форвард ждет вас в лаборатории.

Внутренность астероида была хитросплетением прямых цилиндрических коридоров, просверленных лазером, наполненных воздухом и разлинованных холод-

ными голубоватыми полосками освещения. Ангел вел нас новым для меня манером. Прыжок с места уносил его по коридору, вдаль, затем он отталкивался от потолка и снова летел вперед. Три прыжка, и он ждет, не скрывая насмешки над нашими попытками догнать.

— Доктор Форвард попросил меня организовать для вас экскурсию.

Я решил посочувствовать:

— Похоже, у вас тут гораздо больше коридоров, чем нужно. Почему вы не собрали все комнаты вместе?

— Этот камень когда-то был шахтой. Шахтеры оставили большие полости там, где нашли воздухсодержащую породу или ледяные карманы. Единственное, что нам осталось,— это перегородить их.

Теперь стало ясно, почему комнаты находятся так далеко друг от друга. Ангел пояснил, что некоторые из них использовались как склады, Другие были хранилищами инструментов, систем жизнеобеспечения, внушительных размеров компьютера; нашлось место и для сада. Кают-компания готова была объединить за своим столом человек тридцать, но на самом деле вмещала десять. Все они были мужчины и смерили нас более чем серьезными взглядами, прежде чем вернулись к еде. Ангар, больший, чем нужно и открытый небу, вмещал такси и управляемые скафандры со специальными инструментами Я обратил внимание на три одинаковых пустых стапеля и решил рискнуть:

— Вы используете здесь старательские буксиры?

Ангел нисколько не смутился.

— Конечно. Можно ввозить сюда воду и металлы, но дешевле самим их здесь «вылавливать». В экстренном случае мы сможем на них эвакуироваться.

Мы продолжили экскурсию по туннелям, и Ангел сказал:

— Кстати о кораблях — я не видел похожих на ваш. Это не бомбы у него по бокам?

— Есть среди них и бомбы,— ответил я.

Карлос рассмеялся.

— Би мне ни разу не рассказывал, где он раздобыл этот корабль.

— Идет. Так и быть, скажу. Украл. Не думаю, что кто-нибудь пожалуется в полицию...

Ангел не скрывал своего изумления, когда я рассказывал историю о том, как я пилотировал грузовой корабль в системе Вундерланд.

«Мне не очень понравился парень, который меня нанял, но что я знал о вундерландцах? Кроме того, мне были нужны деньги».

Я подробно живописал о том, как удивили меня пропорции корабля: крепкая стена за кабиной, пассажирская секция — только голограммы в слепых иллюминаторах. Но отказываться было уже поздно: знакомство с таинственным кораблем не может пройти бесследно — а следов не останется от конкретного меня. Когда же я узнал о цели путешествия, то встревожился по-настоящему.

«Это был Поток Змеи, ну, разумеется, вы знаете, полумесяц астероидов в системе Вундерланд. Всем известно, что тайная организация «Свободный Вундерланд» обосновалась именно там. Когда мне сообщили курс, я просто стартовал и отправился к Сириусу.

— Странно, что вас оставили с работающим гипердрайвом.

— Он был подсоединен к маленькой мине под пилотским креслом».

Я остановился, чтобы перевести дух, а затем продолжил:

— Наверное, я настроил что-то неправильно, так как гипердрайв просто взял и исчез. Должно быть, там стояли взрывные болты, потому что оторвало брюхо корабля — фальшивое, разумеется. А то, что осталось, выглядит соответствующе: настоящий военный корабль. Думаю, придется отдать его полицейским, когда мы достигнем Внутренней системы. А жаль.

Слушая мой рассказ, Карлос улыбался, то и дело одобрительно кивая.

Следующий туннель заканчивался в большой полусферической комнате, увенчанной прозрачным куполом. Столб толщиной с взрослого человека поднимался вертикально из каменного пола к отверстию в центре купола. Над отверстием, сияя в ночи под звездами, многосуставчатая металлическая рука слепо тянулась в пустоту, кончаясь тем, что очень смахивало на громадную чугунную миску.

Я уже видел из космоса эту громадную руку-черпалку, но не представлял себе ее истинных размеров. Форварда скрывала подковообразная консоль у столба, поэтому я его заметил не сразу.

Он прочел на моем лице немой вопрос.

— Хвататель,— пояснил Форвард и приблизился к нам комичной прыгающей поступью.

— Раз видеть вас, Карлос Ву, Беовульф Шеффер.— Его рукопожатие было цепким, а улыбка широкой и располагающей.— Хвататель — одна из наших главных достопримечательностей. Кроме Хватателя, тут собственно и смотреть-то не на что.

— И что он делает? — полюбопытствовал я.

Карлос рассмеялся.

— Он просто красив! Зачем ему надо еще что-то делать?

Форвард оценил комплимент.

— Я собираюсь представить его на шоу металлической скульптуры. А что он делает? Манипуплирует большими плотными массами: черпак на конце руки содержит комплекс электромагнитов, с их помощью можно создавать поляризованные гравитационные волны.

Шесть массивных решетчатых арок делили купол на дольки. Теперь я заметил, что и арки, и люк в центре сверкают как зеркала. Они были усилены статическими полями — наверняка создаваемыми хвата-

телем. Я пытался вообразить силы, которые требуют такой мощи.

— А чем вы тут вибрируете? Мегатонной свинца?

— Свинец в оболочке из мягкого чугуна — наша тестовая масса. Но это было три года назад. Мне давно уже не приходилось работать с Хвататeлем, но у нас были некоторые удовлетворительные эксперименты со сферой нейтрониума, заключенной в статическое поле. Десять миллиардов метрических тонн.

— И для чего это? — спросил я и поймал предостерегающий взгляд Карлоса. Но Форвард, похоже, счел этот вопрос вполне уместным.

— Прежде всего, связь. Должны существовать разумные создания по всей Галактике, но большинство из них слишком далеко от наших кораблей. Гравитационные волны — возможно, лучший способ достичь их.

— Гравитационные волны движутся со скоростью света, не правда ли? Почему не предпочесть ей гиперволну?

— Мы не можем рассчитывать на то, что они ею обладают. Кто, кроме запредельников, додумался бы экспериментировать так далеко от Солнца? Если мы хотим достичь существ, которые не имели дела с запредельниками, выбор за гравитационными волнами, когда мы узнаем, как это делать.

Ангел предложил нам кресла и напитки. Когда мы уселись, я уже был перенасыщен полученной информацией. Карлос и Форвард увлеченно говорили о физике плазмы, метафизике и о том, что делают их старые друзья. Оказывается, у них очень много общих знакомых. И Карлос осторожно прощупывал почву насчет того, где находятся те или иные космологи, специализирующиеся на гравитационной физике.

— А вы все еще с Институтом сотрудничаете, доктор?

Форвард отрицательно покачал головой.

— Меня перестали поддерживать — недостаточно результатов. Но я пока могу использовать эту станцию, она собственность института. Когда-нибудь они продадут ее, и нам придется переехать.

— Интересно, почему они вообще вас сюда прислали.— Карлос пожал плечами.— В системе Сириуса тоже есть кометный пояс.

— Солнечная система — единственная, где есть цивилизации так далеко от светила. К тому же я могу рассчитывать на лучших людей, с которыми интересно работать. Кстати, будем ли мы обсуждать вашу проблему? — Форвард, похоже, вспомнил о моем существовании.— Шеффер, что думает профессиональный пилот, когда у него исчезает гипердвигатель?

— Он очень расстраивается.

— Есть ли у вас какие-нибудь предположения по этому поводу?

Я решил не упоминать про пиратов. Подожду, может, Форвард первым о них заговорит?

— Похоже, никому не нравится моя теория.— Я кратко пересказал спор насчет чудовищ в гиперпространстве.

Форвард вежливо выслушал меня, затем добавил:

— Подтвердить это или опровергнуть было бы сложно. Вам самому нравится эта версия?

Я пожал плечами.

— И почему гиперпространственные чудовища съели только ваш мотор?

— Гм... Черт, я пас.

— А вы что думаете, Карлос?

— Пираты.

— Ну а они-то как могли это сделать?

— Думаю, не без участия резкого гравитационного градиента с приливным эффектом, сильным, как у нейтронной звезды или черной дыры.

— Вы ничего подобного этому не найдете нигде в освоенном космосе.

— Я знаю.— Карлос выглядел расстроенным, это наверняка была маска. Раньше он вел себя так, словно знал ответ.

Форвард покачал своей массивной головой.

— Не думаю, что и черная дыра способна дать такой эффект. Если это так, вы бы никогда об этом не узнали — корабль исчез бы в черной дыре.

— А если мощный гравитационный генератор?

— Гм...— Форвард ненадолго задумался, потом опять покачал головой.

— Вы говорите о поверхностной гравитации, умноженной на миллионы. Любой гравитационный генератор, о котором я когда-либо слышал, на этом уровне провалился бы в самое себя. Давайте прикинем... если рама, поддерживаемая статическими полями... нет. Рама бы выдержала, а остальная механика потекла бы, как вода.

— Вы мало что оставили от моей теории.

— Мне искренне жаль.

Карлос покончил с короткой паузой вопросом:

— Как, по-вашему, начиналась вселенная?

Похоже, Форварда удивила смена темы, но мне стало не по себе. Пусть я и не бельмеса не смыслю в космологии, зато хорошо разбираюсь в поведении и оттенках голоса. Карлос выдавал прозрачные намеки, пытаясь навести Форварда на его собственные умозаключения. Черные дыры, пираты, Тунгусский метеорит, происхождение вселенной — все это он предлагал как путеводные ниточки.

— Спросите священника. Я же склоняюсь к Большому Взрыву.

— Мне тоже нравится эта теория,— произнес Карлос.

Эти буксиры для астероидов — они наверняка принадлежали станции Форварда. Как отреагирует Аусфаллер, когда три знакомых космических корабля войдут в его пространство? А какой реакции я бы от него

хотел? Станция Форварда могла бы представлять собой роскошную пиратскую базу.

Почти наугад пробуренные лазером коридоры... А вдруг здесь две сети коридоров, соединенные только через поверхность астероида? Откуда нам знать?

Внезапно мне расхотелось знать и захотелось домой. Если бы только Карлос держался подальше от щекотливых тем...

Но он снова рассуждал о пожирателях кораблей.

— Эти десять миллиардов метрических тонн нейтрониума, которые вы использовали для тестовой массы. Она должна была получиться достаточно большой или плотной, чтобы дать нужное количество гравитационного градиента.

— Могла, непосредственно возле поверхности.— Форвард ухмылялся и держал ладони близко друг от друга.— Примерно вот такой ширины.

— Настолько плотной, насколько бывает плотной материя в этой вселенной. Слишком плохо.

— Разумеется. Но... вы когда-нибудь слышали о квантовых черных дырах?

— Да.

Форвард порывисто встал.

— Ответ неправильный.

Я выкатился из кресла, пытаясь сгруппироваться для прыжка, в то время как мои пальцы шарили третью пуговицу джемпера. Толку от этого не было. Я не практиковался в условиях такой гравитации.

Форвард был в середине прыжка. Он ударил Карлоса по виску, когда пролетал мимо, и поймал меня на пике своего прыжка. У меня не было опоры, но я его лягнул. Он даже не пытался меня остановить, просто схватил одной рукой оба мои запястья и потащил за собой.

Форвард был очень деловит. Сидя за контрольной панелью, он говорил, обращаясь к пилотам трех бук-

сиров. Затылки трех голов без туловищ виднелись над краем консоли.

До меня его фразы доносились урывками: судя по отдельным словам, он приказывал уничтожить «Хобо Келли». Похоже, ему еще не было известно об Аусфаллере.

Форвард не терял зря времени, но Ангел стоял рядом с ним, всем своим видом демонстрируя задумчивость или печаль или то и другое вместе.

Мне в голову не приходило ничего конструктивного по поводу глядящего на меня Ангела, и я не мог рассчитывать на Карлоса. Нас привязали к противоположным сторонам центрального столба, под хватателем. С этого момента Карлос не произнес ни звука. Возможно, он умирал от страшного удара по голове.

Я испытывал на прочность путы, связывавшие мои запястья: какое-то металлическое плетение, холодное на ощупь и очень крепкое.

Наконец головы исчезли, а Форвард обратился к нам:

— Вы меня поставили в очень сложное положение.

И тут ответил Карлос:

— Думаю, вы сами себя в него поставили.— И, обращаясь ко мне: — Извини, Би.

Судя по голосу, он был цел. Хорошо.

— Ничего, все в порядке,— ответил я.— Но почему такое возбуждение? Что раздобыл Форвард?

— Полагаю, Тунгусский метеорит.

— Нет, его у меня нет.— Форвард встал.— Признаю, что прибыл сюда исследовать Тунгусский метеорит. Я потратил несколько лет на попытки проследить его траекторию после того, как он миновал землю. Возможно, это была квантовая черная дыра. А может и нет. Институт перекрыл мне субсидии без предупреждения, как только я нашел настоящую квантовую черную дыру.

— Мне это мало о чем говорит,— сказал я.

— Терпение, мистер Шеффер. Вы знаете, что черные дыры могут образовываться в результате коллапса массивной звезды? Хорошо. И вы знаете, что это требует примерно пять солнечных масс. Она может иметь массу всей галактики или даже всей вселенной. Существует ряд доказательств, что вселенная — это падающая внутрь себя черная дыра. Но при минимум пяти солнечных массах коллапс остановится на стадии нейтронной звезды.

— Я следую за вашими рассуждениями.

— Во всей истории вселенной был один момент, когда могли образовываться черные дыры и меньших размеров. Это был взрыв некоего «космического яйца», которое раньше содержало всю материю вселенной. За более чем семьсот лет поисков не было обнаружено ни одной квантовой черной дыры. Большинство космологов перестало их разыскивать.

— Конечно, Тунгусский метеорит,— сказал Карлос.— Это могла быть черная дыра с массой гм.... астероида.

— И размером примерно с молекулу. Но приливная сила валила деревья, когда она пролетала мимо.

— И черная дыра могла пройти прямо сквозь Землю и улететь дальше в космос, став тяжелее на несколько тонн. Восемьсот лет назад действительно велись поиски точки удара. Найдя ее, ученые смогли бы установить направление.

— Вот именно, но мне пришлось отказаться от такого подхода,— сказал Форвард.— Я использовал новый метод, когда институт, увы, разорвал наши отношения.

Они оба сошли с ума, подумал я. Карлос привязан к столбу, а Форвард собирается его убить, но при этом оба ведут себя как члены клуба для избранных... к которому я не принадлежу.

— Как это у вас получилось? — поинтересовался Карлос.

— При медленном прохождении через астероид квантовая черная дыра способна собрать несколько миллиардов атомов; этого достаточно, чтобы потерять свою скорость и перейти на орбитальное движение. Следовательно, она может тысячелетиями летать внутри астероида, собирая очень маленькую массу при каждом витке. Черная дыра, найденная мною, в точности такая, какую только что описал. Я ее увеличил, затем отбуксировал и пустил кружить в свою нейтронную сферу. После этого она стала достаточно большой, чтобы поглотить астероид. Сейчас она вполне массивный объект.

В голосе Форварда чувствовалось явное удовлетворение. Зато голос Карлоса вдруг приобрел презрительную интонацию.

— Вы совершили научное открытие, а затем стали им пользоваться, чтобы грабить корабли и уничтожать улики. Какую участь вы нам приготовили? Загоните в кроличью нору?

— Возможно, в другую вселенную. Куда ведет черная дыра?

Ангел занял место Форварда за консолью. Он пристегнулся к креслу ремнем и разделил свое внимание между приборами и разговором.

— До сих пор не могу понять, как вы его двигали,— сказал Карлос и вдруг воскликнул: — О! Буксиры!

— Неужели вы сразу не догадались? Жаль, что их у меня слишком мало. Скоро будут новые.

— Секундочку,— сказал я, уловив один важный факт, когда он пролетал мимо моей головы.— Разве буксиры не вооружены? Или единственное, что они делают,— это тянут за собой черную дыру?

— Совершенно верно,— заинтересованно поглядел на меня Форвард.

— А черная дыра невидима.

— Да. Мы буксируем ее на курс космического корабля, затем проводим через двигатель, чтобы повре-

дить его, потом высаживаемся и беспрепятственно грабим. Последнее действие — корабль просто исчезает.

— Последний вопрос,— сказал Карлос.— Зачем?

У меня был вопрос получше. Что собирается делать Аусфаллер с тремя приближающимися к нему знакомыми кораблями? Их единственное оружие было невидимым, и оно съест корпус «Дженерал продактс», даже не заметив его. Будет ли стрелять Аусфаллер по безоружным — на первый, второй и все последующие взгляды — кораблям?

Я поглядел вверх, через прозрачный купол, и обнаружил плотную гроздь из трех огоньков.

Ангел тоже их заметил. Он включил визиофон. Появились головы-фантомы. Первая, вторая, третья.

Я повернулся к Форварду, его лицо было искажено внезапно появившейся гримасой ненависти.

— Дитя фортуны,— он обращался к Карлосу.— Прирожденный аристократ. Сертифицированный супермен. Зачем тебе вообще задумываться, для чего бывает нужно воровать? Женщины умоляют тебя сделать им детей, если возможно, лично, если невозможно — по почте. Ресурсы Земли существуют для того, чтобы сохранять твое здоровье и благополучие, и все они в любую минуту в твоем распоряжении.

Мы сильные, мы — уроженцы Джинкса. Но люди на других мирах считают нас забавными уродцами. Женщины... Ладно, ерунда.— Он умолк в задумчивости, но потом все-таки продолжил: — Женщины на Земле говорили мне, что лучше они пойдут в постель с машиной для прокладки туннелей. Они боятся моей силы.

Три яркие точки почти достигли центра купола. Я ничего не видел между ними, да и не ожидал увидеть. Ангел все еще разговаривал с пилотами.

У края купола появилось *нечто*, и мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь еще *это* заметил. Я сказал:

— Таково ваше оправдание массового убийства, Форвард? Отсутствие женской ласки?

— Шеффер, я вообще не собираюсь перед вами оправдываться. Мой мир поблагодарит меня за все, что я сделал. Земля владела львиной долей межзвездной торговли слишком долго.

— Они вас поблагодарят? Вы собираетесь им рассказать?

— Я...

— Джулиан! — крикнул Ангел.

Он увидел... Нет, не он. Один из капитанов буксиров.

Форвард тихо посовещался с Ангелом, потом вернулся к нам.

— Карлос? Вы оставили ваш корабль на автоматике? Или кто-нибудь есть на борту?

— Я не обязан отвечать,— сказал Карлос.

— Но я могу... Нет. Через минуту это уже не будет иметь значения.

— Джулиан, посмотри, что он делает,— сказал Ангел.

— Да. Очень умно. Только человек способен до этого додуматься.

— Аусфаллер маневрировал. «Хобо Келли» двигался между нами и буксирами. Если буксиры решат выстрелить обычным оружием, они поразят купол и убьют всех нас.

— Он не знает, с чем воюет,— удовлетворенно произнес Форвард.

Да, и это может дорого стоить ему. Три безоружных буксира надвигались на Аусфаллера, неся оружие такое медленное, что оно поглотит «Хобо Келли», и потом буксиры успеют подобрать его задолго до того, как это станет опасностью для нас.

Я начал снимать свои сапоги. Это были мягкие корабельные шлепанцы, высотой по лодыжку, и они сопротивлялись.

Я сбросил левый как раз в тот момент, когда один из буксиров вспыхнул рубиновым светом. Аусфаллер выстрелил по безоружным кораблям!

Ангел выскользнул из кресла. Форвард занял его место и пристегнулся толстым ремнем. Никто не сказал ни слова.

Второй корабль вдруг стал густо-красным, затем превратился в розовое облако.

Третий корабль поспешно удирал. Форвард склонился над пультом.

— У нас только один шанс — прохрипел он.

У меня тоже. Я стянул пальцами ноги второй сапог. Сочлененная рука хватателя над нашими головами начала замахиваться, и я вдруг понял, что сейчас произойдет.

Теперь мне мало что было видно. Замахивающийся Хвататель, огни Хобо Келли, два кувыркающихся в пустоте остова, и все это на фоне неподвижных звезд. Внезапно один из буксиров поморгал голубовато-белым светом и исчез, не оставив даже облачка пыли.

Аусфаллер, должно быть, увидел это: он поворачивал, чтобы бежать. Затем словно невидимая рука подхватила «Хобо Келли» и отшвырнула прочь.

Итак, два буксира были уничтожены, третий бежал — а черная дыра оказалась на свободе и падала прямо на нас.

Больше теперь не на что было смотреть, кроме как на аккуратные движения Хватателя. Ангел стоял за креслом Форварда, и я видел, как побелели суставы пальцев, сжатых на спинке кресла начальника.

Мои несколько фунтов веса ушли и оставили меня в свободном падении. Невидимая вещь была более массивна, чем этот астероид подо мной. Хвататель качнулся еще на несколько футов вбок... и тут на него обрушился могучий удар.

Пол рванулся прочь из-под меня, громадный черпак из железа летел вниз, сочлененная металлическая

рука сжималась, как пружина. Она замедлила свои движения и остановилась.

Ангел бросил на нас торжествующий взгляд и почти в тот же миг снова повернулся.

— Корабль! Он уходит!

— Нет! — Форвард склонился над консолью.— Я его вижу. Хорошо, он возвращается! Прямо на нас. На этот раз не будет буксиров, чтобы предупредить пилота.

Аусфаллер возвращался, чтобы спасти нас. Он будет неподвижной мишенью, если не...

Форвард связал мои руки, а про ноги забыл. Я подхватил пальцами ног пуговицы (спасибо гимнастике!) и рванул. Вот она, ниточка — невидимое оружие для борьбы с портативной бездонной дырой Форварда.

Я опустил ноги, отведя их назад, держа нитку натянутой, и почувствовал, как молекулярная цепочка Синклера утонула в столбе. Хвататель все еще двигался.

Когда нить дойдет до середины столба, я потяну ее кверху у себя за спиной и попытаюсь перерезать узы. Вполне вероятно, я разрежу собственные запястья и истеку кровью, но попробовать надо. Интересно, успею ли что-нибудь сделать, прежде чем Форвард метнет черную дыру.

Холодный ветерок коснулся моих ног. Я посмотрел вниз: густой туман клубился вокруг столба внизу. Какой-то очень холодный газ тек через трещину с волос толщиной. Жидкий гелий? Неужели Форвард привязал нас к главному силовому кабелю?

Хвататель перестал двигаться нацеленно. Теперь он напоминал слепого, ползущего наугад червя. Моим ногам было ужасно холодно, почти на грани отмораживания. Я отпустил пуговицы, позволил им плыть вверх через купол и ударил назад крепко пятками, затем рванул колени к подбородку. Затрещала молния и сверкнула белым в клубящемся тумане. Ангел и Форвард повернулись в изумлении. Я захохотал.

— Да, господа, я сделал это намеренно.

Сверкание прекратилось. Во внезапной тишине раздался крик Форварда:

— Знаешь, что ты наделал?

Раздался ужасающий скрежет, я поднял голову. От хватателя был откушен кусок, исчез также кусок купола. Ангел, отчаянно крича, завис рядом с образовавшейся дырой. Спустя мгновение он вспыхнул голубым светом и исчез.

Мои ноги крепко обхватили столб. Я чувствовал, как ноги Карлоса шарят в поисках опоры, и слышал его смех.

«Хобо Келли», тормозя, становился больше в чистом и пустом небе. Воздух с ревом улетал через купол, а еще, я догадывался, он исчезал в чем-то, что было невидимым. Но вот теперь оно показалось как голубое булавочное острие, направленное к полу. Форвард повернулся, чтобы наблюдать за его движением.

Незакрепленные предметы совершали петли вокруг булавочного острия на скорости метеора или падали на него, мгновенно вспыхивая. Каждый атом моего тела тоже чувствовал притяжение этой штуки, позыв умереть в бесконечном падении. Сейчас мы висели бок о бок с горизонтальным столбом. Я с одобрением отметил, что у Карлоса широко раскрыт рот, как и у меня. Так мы очищали легкие, чтобы они не лопнули в разреженном воздухе.

Форвард повернулся к пульту, резко передвинул рычажок, затем расстегнул пояс и выпал из кресла. Вспыхнул свет. Форвард исчез.

Кроме нарастающего рева воздуха, до меня доносился затихающий грохот дробимых в пыль скал, поскольку черная дыра направлялась к центру астероида.

Воздух был смертельно разреженным, но не исчез; мои легкие наверняка думали, что они глотают вакуум. Но кровь не кипела, и, осознавая это, я все-таки

задыхался и продолжал задыхаться. Моего внимания хватало только на это, тем не менее, я увидел Аусфаллера. Он влетел на ракетном ранце, оглядываясь в поисках цели для своего оружия, и, описав огненную петлю, начал тормозить.

Сначала он освободил Карлоса, помог ему забраться в прозрачный спасательный мешок. У моего друга из носа и ушей текла кровь, он едва мог двигаться. Затем Аусфаллер затолкал меня в этот же мешок и застегнул его. Вокруг нас зашипел, затекая в мешок, воздух. Я гадал, что будет дальше. Зигмунд выстрелил в купол, проделал в нем зияющую дыру и вынес нас на своем ракетном ранце.

«Хобо Келли» был пришвартован поблизости. Но спасательный мешок не пролезет и в воздушный шлюз... и Аусфаллер подтвердил мои опасения. Он дал нам сигнал, широко раскрыв рот, затем раздвинул молнию на спасательном мешке и затащил нас в шлюз.

Карлос прошептал:

— Пожалуйста, никогда так больше не делай.

— Больше и не понадобится,— улыбнулся Аусфаллер.— Что бы вы там ни сделали, у вас славно получилось. На борту «Хобо Келли» два отлично оборудованных автодоктора, чтобы вас починить. А пока вы будете исцеляться, я займусь поиском укрытых на астероиде сокровищ.

Карлос поднял руку, но не произнес ни звука. Он выглядел как воскресший из мертвых: кровь текла из носа и ушей, рот был широко раскрыт, слабая рука боролась с гравитацией.

— Вот что,— отрывисто произнес Аусфаллер,— там много мертвых, но я не видел живых. Много их тут было? Встречу ли я сопротивление в ходе поисков?

— Забудь об этом,— прохрипел Карлос.— Давай убираться отсюда сейчас же.

Аусфаллер нахмурился.

— Но...

— Времени нет.

Лицо Зигмунда скривилось.

— Хорошо. Только сначала — автодоктора.— Он повернулся, но Карлос жестом остановил его.

— Черт, нет. Я хочу это увидеть.

И снова Аусфаллер сдался. Он направился в отсек управления, поддерживая Карлоса. Я плелся за обоими, вытирая кровь под носом, и почти догадывался, какое зрелище нас ждет,— и не хотел его пропустить.

Мы пристегнулись, и Аусфаллер врубил главный двигатель. Астероид ринулся прочь от нас.

— Вот так достаточно далеко,— прошептал Карлос.— Разверни нас кругом.

— Чего мы ждем?

— Узнаешь.

— Карлос, я правильно сделал, что сжег буксиры?

— О да.

— А то я беспокоился. Значит, это Форвард был пожирателем кораблей?

— Да.

— Я его не видел, когда прибыл за вами. Где он?

Зигмунд в очередной раз сделал кислую мину, когда рассмеялся Карлос, и окончательно проглотил лимон, когда рассмеялся я.

— И все же он спас нам жизнь,— сказал я.— Наверное, включил давление воздуха перед тем как прыгнул. Зачем он это сделал, интересно?

— Хотел, чтобы его запомнили,— ответил Карлос.— Аххх...

Я взглянул на экран как раз тогда, когда часть астероида осела, оставив глубокий кратер.

— Он движется медленнее на апогее, собирает материю,— сказал Карлос.

— О чем вы говорите?

— Позже, Зигмунд. Когда у меня горло поправится.

— У Форварда была дырка в кармане,— пояснил я.— Он...

Разрушилась и вторая сторона астероида, полыхнув напоследок молнией. Все, что осталось, напоминало небрежно слепленный грязный снежок, который уменьшался на глазах.

А вот это нам сейчас не помешает...

— Зигмунд, у корабля есть автоматические солнечные ширмы?

— Ну, конечно, у нас есть...

Ослепительная вспышка сменилась чернотой экрана. Спустя несколько минут на нем опять появились звезды.

КОГДА НАСТУПАЕТ ПРИЛИВ*

1

Безымянная планета вращалась вокруг звезды, которая находилась за пределами освоенного космического пространства и значилась в справочниках под номером G3. Звезда не представляла собой ничего особенного: чуть меньше Солнца и, пожалуй, слегка поярче. Единственная планета системы двигалась вокруг светила на расстоянии около 80 миллионов миль и по людским меркам имела просто идеальный климат.

И вот в 2830 году некий Луис Ву случайно оказался возле этой планеты. Подчеркиваю — случайно. Точно такой же случайностью можно считать встречу Ву с...

Впрочем, позвольте рассказать все по порядку.

Луису Ву недавно исполнилось 180 лет, но выглядел он едва на 40. Если Луису не наскучит, он вполне сможет дожить и до тысячи, ведь его банковский счет позволяет ему покупать дорогостоящие антидепрессанты...

Только если ему не наскучит. А время от времени именно это с ним и происходило.

— Надоело,— говорил он.— Как же мне все надоело! Все эти проклятущие вечеринки с коктейлями,

---

* There Is a Tide © 1968 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. А. Овчинниковой.*

охота на бендерснэтчей, дурацкие забавы в Парке Свободы, утомительно однообразный секс, не приносящий никаких новых ощущений, ожидание телепорт-капсул, которые так и норовят захлопнуть двери, едва подойдет твоя очередь... И люди, кишащие повсюду, куда ни посмотри! Жить рядом с ними тысячу лет? Нет уж, увольте!

Когда Луисом одолевало подобное настроение, он бросал все дела и надолго исчезал.

На своем маленьком, но комфортабельном космическом корабле Ву устремлялся к границам Освоенного Космоса, оставляя позади всех и вся,— и возвращался обратно лишь тогда, когда на смену мизантропии приходило безумное желание вновь увидеть людские лица и услышать человеческую речь.

Порой Луис поворачивал назад только после того, как начинал с любовью думать о *любом* лице — даже о волосатом лице кцинти.

На этот раз он решил вернуться не раньше, чем почувствует прилив братской нежности не только к людям и кцинти, но даже к двухголовым кукольникам. Прошло уже три месяца с момента старта, а стремление облобызать кукольника все еще не приходило.

Поэтому космонавт-одиночка продолжал свой путь неведомо куда, пока не увидел впереди уже упомянутую звезду G3.

Ву вышел из гиперпространства на достаточном расстоянии от облака разреженных частиц. Подобные облака окружают в гиперпространстве каждое космическое тело, имеющее большую массу. Корабль ворвался в систему на основном двигателе, прочесывая пространство радаром сверхдальнего сканирования. Чем черт не шутит, вдруг Луису удастся отыскать стазовый сейф рабовладельцев-иунну? Эти сверхнадежные вместилища, рассеянные по всей вселенной, таили в себе несметные сокровища, плод высокоразвитых технологий давным-давно погибшей империи иунну.

До сих пор Ву ни разу не приходилось натыкаться на стазовый сейф, но он не терял надежды на счастливую находку.

Пролетая через систему, Луис внимательно следил за радаром, за плывущими по экрану серыми кругами — бледными призраками планет. Наконец солнце осталось позади, на экране показалось еще одно серое пятно... На фоне которого четко выделялась черная точка.

— Ну и дела,— проговорил Ву.— Неужели удача?

В космосе он часто разговаривал сам с собой, потому что больше там говорить было не с кем. Ему случалось спорить с собой и даже ссориться, надолго замыкаясь потом в высокомерном молчании.

Чем ближе корабль подлетал к планете, тем больше Луис убеждался, что на этот раз ему действительно подфартило. Правда, пока он не мог разглядеть в телескоп сейфа, зато невольно залюбовался на неизвестную планету.

— Какая милашка, правда? — спросил самого себя Луис.

Он уже видел разорванные белые облака над туманной голубизной... Контуры материков... Завитки урагана возле экватора... Снежные вершины гор...

Показания зондов говорили, что состав атмосферы вполне пригоден для дыхания, но самое главное — этот мир явно был необитаем! Ни тебе соседей, препирающихся за стенкой. Ни толкотни на тротуарах. Ни давки в воздухе. Ни завывания радиоприемников. Ни прочих побочных эффектов цивилизации, способных довести до остервенения любое разумное существо!

— Черт возьми, не слишком ли много радостей сразу? — фыркнул Ву.— Найти одновременно и стазовый сейф, и идеальное место для отдыха — просто невероятная удача! Пожалуй, так я и нареку этот мир: Удача. Но прежде чем высадиться или заняться сейфом, стоит еще разок все проверить.

Луис облетел планету по орбите, но так и не заметил ни малейшего признака цивилизации. Зато в конце концов сумел обнаружить сейф, который вращался на расстоянии двух-трех тысяч миль от планеты. Несомненно, то был сейф иунну — только стазовые контейнеры да нейтронные звезды имеют такую плотность, что на экране радара кажутся черной точкой.

— Но зачем рабовладельцам понадобилось выводить его на орбиту? — вслух спросил Луис, рассматривая в телескоп серебристую сферу.— Тоже мне, великие воины! Разве не ясно, что на орбите его легче всего будет найти? Даже странно, что до сих пор никто не наткнулся на такую бесценную добычу...

И едва он это проговорил, как за серебристым шаром возник маленький конусообразный корабль.

2

— Проклятье! — Луис саданул кулаком по ни в чем не повинному телескопу.— Меня опередили! Что ж, могло бы быть и хуже. Во всяком случае, это не люди. Корабль не похож ни на один из земных космолетов.

Немного поколебавшись, он включил устройство связи.

Некоторое время компьютер молча перерабатывал незнакомый код, потом дисплей осветился, и на нем появилось темно-красное лицо.

Луису много раз приходилось иметь дело с представителями иных цивилизаций, поэтому он даже не вздрогнул при виде диковинной внешности инопланетянина.

Три глаза, желтые зубные пластины, выдающиеся из-за трех хрящеватых губ, пучок щупалец, свисающий по краям треугольного рта... Не красавец, конечно, но если вспомнить некоторых знакомых Луису людей....

— Уходи,— произнес голосом компьютера незнакомец.— Объект принадлежит мне.

— Ты разве работорговец? — осведомился Ву.

— Последнее слово не переведено,— отозвался инопланетянин.

— Неважно, я и без того знаю, что ты не работорговец иунну. Они выглядели совсем по-другому, к тому же исчезли несколько миллиардов лет назад. И именно им принадлежала та штучка, на которую ты нацелился, мой краснокожий друг. А раз ты — не иунну, значит, она не твоя.

— Я добрался до артефакта раньше тебя,— заявил инопланетянин.— Я буду сражаться.

— Ты до него еще не добрался! — живо парировал Луис.— Стазовый сейф находится как раз между нами. Что же касается сражения... Мы, земляне, просто обожаем драки. Нас хлебом не корми — только дай разорвать кого-нибудь в клочья и испить свежей крови! Мои предки, к твоему сведению, были индейцами сиу. Да и у меня самого на счету два десятка вражеских скальпов... Так что если дело дойдет до драки, я тебе не позавидую, дружище.

Он знал, что мало что может противопоставить чужому кораблю, каким бы оружием тот ни располагал. Даже термоядерная установка, снабжающая энергией основной двигатель, имела слишком много систем блокировки. Но уступить добычу этому багроволицему нахалу? Ну уж нет! К тому же неизвестно, что скрывает в себе утроба стазового сейфа. Вдруг там находится легендарное оружие рабовладельцев? Оно не должно попасть в чужие руки!

— Я буду сражаться за артефакт до последнего издыхания! — решительно объявил Ву.

— Ты употребляешь слишком много идиом,— недовольно заметил чужак.— Мой переводчик не может справиться с ними. Насколько я понял, ты тоже желаешь драться?

— В общем, да... Но прежде чем пустить в ход мою смертоносную батарею, хочу предложить тебе альтер-

нативный вариант — так, из чистого гуманизма. Представители наших видов наверняка будут встречаться и дальше независимо от того, кому из нас достанется артефакт. Так зачем нашим цивилизациям с ходу становиться врагами?

— Что ты предлагаешь?

— Игру. Одинаково рискованную для обеих сторон. Ваша раса играет в азартные игры?

— Конечно. Вся жизнь — игра,— отозвался инопланетянин, и Ву невольно подпрыгнул: слишком уж знакомо прозвучала эта фраза.— Хорошо, я согласен.

— Вот и славно...

Внезапно голова чужака, казалось, вся состоящая из треугольников, резко повернулась на сто восемьдесят градусов.

На этот раз Луис не только подпрыгнул, но и охнул, и инопланетянин живо осведомился:

— Что ты сказал?

— Н-ничего. Послушай, а ты так шею не свернешь?

— Анатомические подробности мы обсудим позже. У меня есть конкретное предложение.

— Слушаю.

— Мы опустимся на поверхность планеты и встретимся на полпути между нашими кораблями. Ты можешь взять с собой портативный переводчик?

— Конечно.

— Встретимся на нейтральной территории и сыграем в простую игру — на равных. Исход определит случай. Идет?

— Согласен. Осталось решить, во что играем. Как насчет покера?

Внезапно по экрану пробежала рябь — должно быть, какие-то помехи. Потом изображение вновь стало четким.

— Я предлагаю вумп.— Последнее слово краснолицего компьютер не перевел, и Ву прослушал его, так сказать, «в подлиннике».— Эта игра основана на ма-

тематической случайности. Несомненно, наши математические системы должны быть очень похожи.

— Надеюсь,— кивнул Луис, хотя вспомнил о существенных расхождениях в математике различных цивилизаций.

— Для игры потребуется скри.— Компьютер снова не смог перевести последнее слово, но инопланетянин, подняв руку с тремя когтями, продемонстрировал небольшой линзообразный объект. На обеих сторонах линзы были начертаны какие-то символы.— Каждый подбрасывает скри шесть раз. Ты выберешь один символ, я другой. Чей знак выпадет большее количество раз, тот и выиграет. И заберет артефакт.

— Годится,— одобрил Луис, сильно разочарованный примитивностью игры.— Похоже на нашу игру «орел или решка». Ну что, полетели к планете?

3

Ву озабоченно потер щетину, отросшую за последние пару дней. В космосе он вечно забывал бриться и теперь размышлял, удобно ли будет предстать перед инопланетянином в таком непрезентабельном виде. Как-никак, это первый контакт двух цивилизаций!

Впрочем, что за глупость: как будто краснолицый знает, как полагается выглядеть добропорядочному землянину! Может, и щупальца вокруг рта чужака — результат его неряшливости, нечто вроде многодневной щетины? Луис решил не бриться, зато запрограммировал бортовой компьютер на взрыв термоядерного двигателя в том случае, если его сердце остановится. Кроме того, он поколдовал над карманным переводчиком: теперь с его помощью можно будет послать такую команду в любой момент.

— Просто на всякий случай,— объяснил Ву самому себе.— Я-то собираюсь играть по-честному, но кто знает, что на уме у этого существа?

Войдя в атмосферу, инопланетный корабль словно взорвался оранжевым фейерверком, какое-то время пребывал в свободном падении, а в миле от поверхности океана резко затормозил.

— Позер! — высказался Ву и тоже показал класс, небрежно посадив корабль на один из островов неподалеку от чужого корабля.

— Если ты попытаешься причинить мне вред, взрыв уничтожит нас обоих,— сразу же вслед за поздравлениями по поводу удачной посадки передал Ву.

— Кажется, мыслительный процесс наших видов одинаков,— удовлетворенно откликнулся чужак.— Я тоже принял сходные меры предосторожности. Воздух вполне пригоден для моего дыхания. Я выхожу!

Луис так поспешно бросился к люку, что чуть не растянулся на полу. Ребячество, конечно, но ему ни за что не хотелось позволить инопланетянину первому ступить на землю незнакомой планеты!

Они вышли одновременно, спрыгнув на мелкий желтый песок. Гравитация оказалась чуть меньше земной, что придавало телу приятную легкость.

В сотне футов от корабля Ву огромные зеленые волны, словно нарочно предназначенные для серфинга, с шипением накатывались на берег. Вдали полукругом вставали высокие деревья. Просто идеальное местечко для пикника!

Луис решил непременно искупаться в море, если только вода окажется чистой. Впрочем, с чего бы ей быть грязной, ведь тут нет людей! Но пока купание придется отложить.

Ву двинулся к инопланетянину, и чужак зашагал к нему навстречу, с легкостью перебирая длинными тощими ногами. Верхние его конечности имели два лишних сустава по сравнению с руками человека, шея, похоже, напрочь отсутствовала. И как он умудряется так быстро вертеть головой? Краснокожий был облачен в свободную зеленую одежду, полы которой развевал

ветерок, и Луис с опаской уставился на этот просторный балахон: под ним вполне могло скрываться оружие.

Они сошлись точно посередине между двумя летательными аппаратами и какое-то время молча разглядывали друг друга.

— Я думал, ты выше ростом,— наконец заметил инопланетянин.

Два портативных переводчика — квадратный, прикрепленный на груди Луиса, и круглый на плече краснокожего — синхронно перевели это замечание.

— На экране ничего толком не разберешь,— отозвался Луис.— Я тоже думал, что ты немного пошире в плечах. Что ж, обменялись комплиментами — и ладно! Ты захватил с собой монету?

— Скри? Конечно. Но разве для начала мы не представимся друг другу? Меня зовут Льорххн.

Оба переводчика промолчали, не в силах перевести последнее слово. Луис добросовестно постарался его воспроизвести, вызвав короткую судорогу на лице инопланетянина. Потом он терпеливо выслушал, как чужак коверкает его имя.

— Ваш вид раньше уже встречался с другими инопланетными расами? — поинтересовался Ву.

— Да, несколько раз. Впрочем, я не эксперт в этой области.

— Я тоже. Давай оставим дипломатию экспертам и начнем игру.

— Выбирай символ.— Краснокожий протянул Луису «скри».

На одной стороне линзы красовалось изображение руки с тремя когтями, на другой — планета с очертаниями материков.

Луис долго вертел занятную штуковину, не в силах решиться сделать выбор. А вдруг это — оружие? Вдруг, выбрав не ту сторону, он выиграет смерть? Но если его сердце остановится, они умрут оба. Он честно предупре-

дил об этом Льорххна, и, кажется, тот поверил его словам... А, была не была!

— Я выбираю планету. Бросай первым!

Инопланетянин швырнул линзу в сторону корабля Луиса. Она взлетела по крутой дуге, разбрызгивая разноцветные искры. Ву сделал два шага, чтобы подобрать ее, а когда выпрямился, краснолицый уже стоял за его спиной.

— Рука,— напряженно сообщил Луис.— Теперь моя очередь!

Он бросил скри, но на сей раз даже не стал провожать ее взглядом... Потому что внезапно заметил, что инопланетный корабль исчез.

— Опять рука,— возвестил чужак.— Я выиграл.

— Почему? Осталось еще четыре броска! — возразил Луис, стараясь не впадать в панику и не свернуть себе шею в попытках отыскать пропавший корабль.

— Я выиграл! — торжествующе повторил инопланетянин.— Мой корабль поднялся, пока ты следил за полетом скри. Теперь он вне досягаемости любого взрыва, какой ты можешь вызвать.

— Это нечестно! — совершенно по-детски возопил Луис.

— Почему? Я поставил на то, что скри отвлечет твое внимание и даст шанс моему кораблю стартовать. Это было рискованно, но дело стоило того. И я выиграл.

— Может, твой корабль и в безопасности, но ты — нет! — прóшипел Ву, испепеляя чужака взглядом.

— Тебе лучше не двигаться,— предупредил инопланетянин.— Я держу оружие, которое может продырявить тебя насквозь, Лусс!

— Да неужели? — Луис внимательно посмотрел на две когтистые, абсолютно пустые руки.

— Убедись! — Из-под зеленой одежды выскользнула третья рука, сжимая в трех пальцах нечто, похожее на старинный пистолет.

Раздался громкий треск, белая вспышка пропорола воздух, и песок у ног Ву буквально взорвался, запорошив ему глаза. Да, инопланетянин действительно держал нечто, делающее дырки, и... У него было три руки!

— А почему ты решил, что у меня их должно быть две? — резонно поинтересовался Льорххн, когда Луис во всеуслышание обиженно возвестил о своем открытии.— Может, ваша раса действительно сильна по части драк, но, похоже, вы ничего не смыслите в азартных играх и блефе.

— Мы ничего не смыслим в блефе? Да моя прабабушка была чемпионкой по покеру штата Колорадо! — заорал Ву.— Да, я дал маху, приятель, но и ты коечего не сообразил. Если стазовый сейф не достанется мне, он не достанется и тебе! Твой корабль сколько угодно может вращаться на орбите, но пока ты здесь...

— Я здесь, но на борту моего корабля находятся пилот и астронавт,— злорадно сообщил краснокожий.— А я всего лишь офицер службы коммуникации. Почему ты решил, что я путешествую один?

Ву захотелось укусить себя со злости в зад. Потом ему захотелось пнуть торжествующе ухмыляющегося чужака. Как ни странно, улыбка у того была вполне человеческой, и треугольная физиономия выражала чисто человеческое злорадство. Луис немного подумал, вздохнул и махнул рукой.

— Ладно, сдаюсь. Я купился на то, что ты все время говорил о себе в единственном числе... К тому же я сдуру принял тебя за честного игрока!

— Я и был честен. Обмануть противника — высшая доблесть в игре. Раз вам известно понятие блефа, вы должны это знать!

Кажется, краснокожий обошел его по всем статьям! И вдруг Ву пришла в голову еще одна мысль. Может, он тоже сумеет отвлечь внимание инопланетянина? Бросит линзу, а пока Льорххн поднимает ее, попытается вырвать из трехпалой руки оружие... Захват за-

ложника — не очень красивая вещь, но когда на карту поставлено так много...

— Послушай, Льорххн, раз уж мы все равно здесь, почему бы нам не доиграть до конца?

— Зачем? Ведь победитель уже определился!

— Просто ради удовольствия. Разве вы никогда не играете ради удовольствия?

— Время от времени. Но сегодня я уже сорвал банк и не дам тебе возможности отыграться.

— Тогда убирайся к черту! — прорычал Луис и повалился на песок.— Сторожить тебя я не буду, сейчас искупаюсь в море и отчалю. Пусть твои собратья подберут тебя, когда захотят.

Они помолчали.

Луис не знал, о чем думал инопланетянин. Сам же он размышлял о том, что будет, если внутри стазового контейнера и впрямь окажется сверхоружие? Что, если цивилизация краснокожих пройдох решит пустить найденное оружие в ход — так же, как это сделали рабовладельцы, уничтожившие когда-то половину вселенной?

— Великий Дерин! — вдруг протяжно вскрикнул инопланетянин.— Куда подевалась вода?

Луис приподнял голову.

— Что за черт?!

Океан отступил — отступил непостижимо далеко. Его гладкая поверхность блестела примерно в полумиле от прежней береговой черты.

— Куда девалась вода? — продолжал недоумевать чужак.— Ничего не понимаю!

Луис уже стоял на ногах.

— А я понимаю!

— Так куда же? У этой планеты нет луны, значит, приливы и отливы здесь невозможны. Но в любом случае прилив не может произойти так быстро!

— Луна у этой планеты есть. Просто она слишком маленькая. Ты все еще не понял? Мы оба ошиблись,

приняв за стазовый контейнер то, что на самом деле является...

— Куском нейтронной звезды!

Оба переносных переводчика взвизгнули это в один голос.

— Точно.— Треугольный рот чужака беспокойно дергался.— Нас обмануло то, что артефакт блестел, как поверхность стазового сейфа, и формой напоминал шар. Но какой же громадной плотностью должен обладать такой небольшой объект, чтобы вызывать настолько мощные приливы и отливы! Наверняка это сгусток материи нейтрино, каким-то образом оторвавшийся от нейтронной звезды.

— Да,— согласился Луис.— Не хотел бы я быть на твоем корабле, когда он приблизится к «артефакту»!

— Их нужно предупредить! — заорал инопланетянин.— Ты можешь связаться с ними?

— Могу,— не раздумывая ответил Ву.— Пошли на мой корабль.

В телескоп было видно, что инопланетяне находятся уже совсем рядом с артефактом, но они все еще не отвечали на призывы.

Луис повторял снова и снова:

— Немедленно поворачивайте назад! Это не стазовый сейф! Это сгусток материи нейтрино!

Льорххн рядом с ним издавал невообразимые звуки, все время делая какой-то странный жест всеми тремя руками.

И вот зеленый конус совершил резкий разворот.

— Отлично, рванули в сторону,— прокомментировал Луис.— Может, им еще удастся описать гиперболическую кривую.

И завопил так, что у самого зазвенело в ушах:

— Жмите на полную! Вы должны оторваться от сфероида!

— Масса сфероида равна $2 \cdot 10^6$ массы планеты,— услужливо подсказал компьютер.— Сила притяжения на его поверхности равна...

— Заткнись! — гаркнул Ву.— Мог бы раньше предупредить, недоумок!

Два объекта снова начали сближаться.

«О господи,— пронеслось в голове Луиса.— Если бы инопланетяне не заявили свои права на стазовый сейф, меня наверняка уже не было бы в живых!»

— Жмите на полную!! — снова заорал он, с ужасом глядя на экран.— Еще быстрее!..

— Поздно,— проговорил Льорххн.— Они сделали все, что могли. Мощность двигателя исчерпана. Теперь их ничто не спасет.

Корабль чужаков начал разрушаться за долю секунды до столкновения. Со стороны все это выглядело нереальным, словно мультипликация: маленькая серебряная бусина прикоснулась к боку зеленого конуса, и он сразу смялся, как бумажный фунтик... А потом вспыхнул ярко-желтым светом и исчез.

— Я скорблю.

Голос Льорххна вывел Луиса из оцепенения.

Ву с трудом отвел глаза от экрана.

— Я тоже. Прими мои соболезнования. А теперь давай убираться отсюда.

— Значит, ты берешь меня с собой?

— А ты что, хочешь остаться на Удаче и искупаться во время прилива? — ответил Луис вопросом на вопрос.

— Нет.

— Тогда сядь и пристегнись. Надеюсь, ты разберешься в нашей системе ремней.

— Наша система гораздо целесообразней,— спустя полминуты заявил чужак.

— Черта с два! — Ву никогда бы не подумал, что критика в адрес каких-то там ремней может так его задеть.— У нас, на Земле, делают самые надежные и

удобные ремни во всей галактике, заруби это у себя на носу... Или на том, что у тебя есть!

Он сразу устыдился своей вспышки. Как можно ругаться по таким пустякам с существом, на глазах которого только что погибли двое его собратьев?

— Просто ты еще не привык к нашим ремням, Льорххн. Давай я тебе помогу!

«Кажется, пора возвращаться,— подумал Луис.— Раз я сказал „У нас на Земле“, значит, пора домой!»

Они договорились, что Ву доставит инопланетянина на Бестию, самую большую планету в данной части галактики. А уж оттуда Льорххн свяжется со своими.

Бестия уже три века оставалась крупнейшим торговым центром этого сектора, и оттуда можно было связаться с кем угодно. Луис не сомневался, что краснокожий в скором времени вернется в свой мир, так же как не сомневался, что за это с него сдерут все семь его красных шкур. Бестиане считались непревзойденными знатоками по части торговли.

— Все-таки вашему народу нужно научиться играть по-честному, если вы хотите общаться и торговать с другими расами,— заметил Ву, в девяносто первый раз продув Льорхнну в некую замысловатую игру, в которой приходилось не только переставлять фигурки, но и всеми средствами отвлекать внимание противника. Льорххн называл игру «нури», а Луис — «обдираловкой».

— Я честен! — привычно заявил инопланетянин.

— Как же, честен! Ты опять свистнул с доски пару моих фигур!

— Просто ты никак не научишься быть внимательным, Лусс. И как это твоя раса умудрилась выжить при подобной доверчивости?

— Зато наша раса самая уживчивая во вселенной! — не моргнув глазом, ответил Луис.— Твой ход...

И, учти, на этот раз я буду очень внимательно наблюдать за всеми твоими руками!

— Самая уживчивая? — Льорххн задумчиво покрутил прозрачную фигурку, готовясь сделать первый ход.— А как бы решили спор два земных корабля, если бы встретились возле стазового сейфа?

— Как бы мы решили спор? — Ву не спускал бдительного взгляда с рук инопланетянина.— Возможно, договорились бы поделить содержимое сейфа пополам...

Льорххн затрясся от смеха.

— Ты снова проиграл, землянин!

— Эт-то еще почему? — Луис возмущенно вскинул глаза на треугольное лицо.

— Потому что в таком случае возле Удачи погибли бы *оба* корабля!

Когда Ву снова посмотрел на доску, фигурки инопланетянина стояли в победной позиции.

«Домой,— подумал Луис.— Скорей домой! Сыграть в обычную человеческую игру, увидеть обычные человеческие лица... Услышать, как ссорятся за стеной соседи... Какое блаженство! Но прежде чем вернуться, я должен обставить его хотя бы один раз в эту чертову „обдираловку"!»

Он снова начал расставлять фигуры на доске.

БЕЗОПАСНО ПРИ ЛЮБОЙ СКОРОСТИ*

Вы спрашиваете с сомнением в голосе, *неужели меня подвела машина*, и я уже вижу в ваших глазах ужас от мысли, что и *ваша* машина способна на подобное предательство!

Представьте: срок человеческой жизни поистине безграничен, то есть речь идет о потенциальном бессмертии. В свою очередь, наука и техника изо всех сил оберегают ваше божественное существование — и каков результат? Вас почти всегда подстерегает участь покойника. Внезапное расширение дезинтегрирующего поля в уборщике кухни — а вы так некстати оказались рядом. Решили телепортироваться — в кабину передатчика вошли, а из кабины приемника не вышли. Почему-то разогналась до ста миль в час движущаяся дорожка, и на повороте вас швырнуло центробежной силой на стену ближайшего здания. А что произойдет, если возьмут да и погибнут на Тысяче Миров растения, из которых получают столь необходимый экстракт? Какой тогда у вас выбор? Правильно — превратиться в седого, морщинистого маразматика. Согласен, ничего подобного в истории человечества пока не случалось, но ведь чем черт не шутит? Но если

---

* Safe at Any Speed © 1967 Mercury Press.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

человек не может доверять своей технике, то чему, спрашивается, он тогда вообще может доверять?

Поверь, читатель, случившееся было вовсе не так уж плохо.

Это произошло на Маргрэйве, мире, где еще не закончилась первая стадия колонизации. Я летел на высоте тысячи футов, направляясь к району лесозаготовок, и находился в двадцати минутах от Треугольного озера, на пути к реке Завитушка. Вот уже несколько дней лесозаготовочные машины старательно пилили деревья, которые, как выяснилось, для этих целей недостаточно состарились, и мне надо было доставить необходимые для механика данные, чтобы он изменил несколько параметров в управляющем компьютере. Флаер шел на автопилоте, потому что я, расположившись на заднем сиденье, играл в сложный двухэтажный солитер. Кстати, с включенной камерой — если я выиграю, то мое хвастовство можно будет подтвердить снятыми кадрами.

Вдруг на меня спикировала птица рух; схватив машину громадными когтями, чудовище проглотило ее. Надо поставить вас в известность, что подобное не может случиться нигде, только на Маргрэйве. Во-первых, в любом из цивилизованных миров я не использовал бы флайер для двухчасовой поездки, а просто вошел в трансферную кабину. Во-вторых, где еще по небу летает рух?

Итак, эта большая чертова птица слопала меня, и я оказался в темноте ее желудка. Машина продолжала двигаться вперед, не обращая внимания на птицу, но внезапно ее начало трясти, послышался какой-то скрежет: видимо, рух пытался лететь туда, куда считал нужным. Я включил рацию — бесполезно. Либо радиоволны не могли пробиться через все это мясо вокруг меня, либо путешествие через птичий пищевод сбило антенны.

Мне больше ничего не оставалось делать, как включить освещение кабины и продолжить игру. Скрежет

продолжался, но теперь я хотя бы мог видеть, что его вызывало. Когда-то рух проглотил несколько булыжников — так цыпленок глотает гравий для пищеварения, и теперь здоровенные камни терлись о машину под действием перистальтики. Блестящая перспектива: после того как ее разломает на мелкие кусочки, за них (и, разумеется, за меня) смогут взяться желудочные соки.

Интересно, насколько сообразителен и способен прийти к правильному выводу управляющий лагерем лесозаготовителей компьютер? Удалось ли заметить нисходящее скольжение руха и то обстоятельство, что птица проглотила машину? Если управляющий мозг настолько умен, насколько мне хотелось бы верить, то он уже занимается делом.

Этого я так и не выяснил. Внезапно сиденье-кокон окутало меня, словно заботливая матушка, и раздался мясистый трехсотмильвчасный шмяк! Кокон развернулся. Огни моей кабины все еще пронизывали светившуюся красным жидкость вокруг меня, но она стремительно темнела. Валуны перестали кататься, а мои карты порхали по всей кабине, словно снежинки.

Очевидно, я забыл одну крошечную горку, когда программировал автопилот. Рух блокировал радар и сонар — и вот результат! Я поколдовал над клавиатурой, и экспериментирование показало, что двигатель сломан, радио по-прежнему не действует, а сигнальные ракеты не простреливают живот птицы.

Выбраться наружу нельзя — сразу попадешь в поток пищеварительных соков. Но я бы все равно это сделал, имейся в моем распоряжении вакуумный костюм. Откуда мне было знать, что он понадобится для двухчасовой поездки? Оставалось только одно: я собрал карты и, перетасовав их, начал новую игру.

Прошло полгода, прежде чем туша руха разложилась настолько, что я смог выбраться. К этому времени я выиграл пять раз в двухэтажном сложном солитере.

Правда, на пленку заснял только четыре победы, так как камера в конце концов сломалась. Аварийный пищеизготовитель работал прекрасно, к сожалению, меню не баловало меня разнообразием. Производитель воздуха тоже не отказывал, а телевизор-часы безупречно служил — как часы. В качестве телевизора он показывал только яркую рябь. Санузел дотянул до августа, но без особых проблем мне удалось его починить. В два часа дня 24 октября я, недолго поборовшись с дверью, открыл ее. Дорогу удалось прорубить через пару руховых ребер, а также мумифицированные плоть и кожу. Я наполнил до отказа грудь настоящим воздухом — он пах рухом! Производитель воздуха безумно гудел, словно старался поглотить весь запах.

В небо взлетели несколько ракет, и через пятнадцать минут спасательная машина отвезла меня домой.

К мистеру Диксону, президенту «Дженерал Транспортейшен», у меня был только один вопрос: почему он не включил тюбик депилятора в аварийный запас? «Потерпевший кораблекрушение и выглядеть должен соответствующим образом,— ответил он мне.— Если у вас отрастет годовалая грива, спасатель сразу поймет, что вы долго были в переделке, и предпримет нужные шаги».

«Дженерал Транспортейшен» заплатила мне вполне приличную сумму, компенсировав тот факт, что их изделие не смогло справиться с рухом. (Слышал, они модернизируют модель следующего года). Кстати, такую же сумму я получу от них за эту статью. Дело в том, что появились странные и дискредитирующие меня слухи по поводу моего опоздания на реку Завитушка.

Итак, я не только пережил этот инцидент без вреда для себя, но и вынес из него существенную выгоду.

Читатель, не переживай, твоя машина совершенно безопасна, но лишь при условии, что она выпущена позже 3100 года.

БРЮХОШЛЕП*

Самая хорошенькая девушка на борту оказалась замужем за человеком, настроенным столь мизантропически, что я узнал о его существовании лишь на вторую неделю полета. Ничего особенного в его внешности не было: средних лет, пяти футов и четырех дюймов ростом, но на плече красовалась татуировка, изображавшая пламя. Значит, десять лет назад он участвовал в войне с кзинами в составе Звездного Десанта, то есть убивал врагов голыми руками, ногами, локтями, коленями и всеми остальными частями тела.

Звездный десантник в качестве первого предупреждения сломал мне руку и посоветовал впредь поменьше времени уделять его жене.

На следующий день даже после визита к кибердоктору рука продолжала болеть, а все женщины на «Ленсмэне» казались мне двухсотлетними старухами. Я пил, угрюмо уставясь в зеркало, висящее над полукруглой стойкой бара. Зеркало отвечало мне таким же угрюмым взглядом.

— Эй! Вы с Гудвилла, верно?

Тип, попытавшийся привлечь мое внимание, сидел через два табурета и разглядывал меня в упор. Если бы

---

* Flatlander © 1967 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

не борода, его лицо было бы круглым и дерзким, даже наглым. Борода — черная, короткая и аккуратно подстриженная — делала его похожим одновременно на Зевса и на сердитого вупи. С подобной бородой прекрасно сочетался воинственный взгляд, солидный рост и взлохмаченная шевелюра. Толстые пальцы держали стакан мертвой хваткой.

— Верно,— мрачно отозвался я.— А вы откуда?

— С Земли.

Если бы не моя вселенская хандра, я мог бы и сам об этом догадаться — по акценту и консервативно-симметричной бороде. К тому же он очень естественно дышал в стандартной атмосфере корабля, а его движения явно были рассчитаны на стандартное земное тяготение.

— Понятно.— В тот момент я был не меньшим мизантропом, чем мой знакомый звездный десантник.— Вы — брюхошлеп.

Давление взгляда чернобородого усилилось, приближаясь к перегрузке.

— Брюхошлеп! Черт возьми! Куда бы я ни попал, везде меня так обзывают! А вы знаете, сколько часов я провел в космосе?

— Очевидно, достаточно, чтобы научиться держать стакан в корабельном баре.

— Смешно. Невероятно смешно! — Землянин перебрался на соседний табурет.

Не слишком ли опрометчиво с моей стороны было обзывать его брюхошлепом? А, да что там — одной сломанной рукой больше, одной меньше! Но здоровяк, похоже, был настроен миролюбиво.

— Во всех населенных людьми мирах,— прихлебывая из стакана, задумчиво проговорил он,— брюхошлепами обзывают сопляков, которые еще ни разу не выбирались за пределы атмосферы. Но если выясняется, что ты с Земли, тебя тут же записывают в брюхошлепы, в скольких бы космических рейсах ты

ни побывал. Последние пятьдесят лет я не вылезал из космоса, и кто я сейчас? По-прежнему брюхошлеп. Интересно, а есть какое-нибудь прозвище у обитателей Гудвилла?

— Есть,— утешил я его.— Мы — разбейносы. Вот я, например, родился не в городе с таким названием (шутники-основатели, чтоб их!) и даже не в его окрестностях, но тем не менее я — разбейнос, ныне, присно и во веки веков!

— Аминь,— заключил мой собеседник и звенькнул своим стаканом о мой стакан.

Бородатый начинал мне нравиться, похоже, я ему — тоже; во всяком случае, он заказал для меня коктейль.

Потом я для него.

Потом выяснилось, что мы оба играем в кункен, и мы перенесли свои стаканы и зарождающуюся дружбу к карточному столу. Два дня мы приятно проводили время за выпивкой и картами, узнав друг о друге ровно столько, сколько полагается знать о случайном попутчике, с которым не рассчитываешь встретиться еще раз.

Когда через два дня корабль приземлился в Лос-Анджелесе, мне было жаль расставаться с Медведем, но, исследуя новый цивилизованный мир, я люблю делать самостоятельные открытия.

— Вы записали мой номер? — спросил на прощание брюхошлеп.

— Да. Но я уже сказал, что пока не знаю, чем буду здесь заниматься.

— Все же позвоните, при наличии, разумеется, времени и желания. Я могу показать вам кой-какие интересные уголки старушки Земли.

— Спасибо, может быть, позвоню. В любом случае было приятно с вами познакомиться. До свидания, Медведь!

— До свидания, Беовульф Шеффер!

Медведь помахал на прощание и вышел в дверь для землян, а я отправился к ловцам контрабандистов, не

предполагая, что встречусь с Медведем снова; на «старушке Земле» меня наверняка ждали новые впечатления.

Девять дней назад я покинул Джинкс, впервые за последние десять лет взойдя на борт космического корабля в качестве пассажира, а не пилота. Я, Беовульф Шеффер, был богачом, к тому же богачом, погруженным в депрессию. Богатство и депрессия произрастали из одного корня. Месяц назад кукольники, эти трехногие и двухголовые заправские трусы и бизнесмены, зашвырнули меня в сверхскоростном корабле прямо к Центру Галактики исключительно в рекламных целях. Травоедам позарез требовались деньги, чтобы устранить недостатки конструкции того самого корабля, на котором я летел. Но кой-какая мелочишка нарушила планы моих нанимателей.

Подлетев поближе к цели моего путешествия, я увидел, что Центр взорвался, и волна радиации начала распространяться по Галактике. Так что через двадцать тысяч лет мы все окажемся перед угрозой лучевой гибели.

Вам стало страшно? Мне — тоже нет.

Двадцать тысяч лет — срок немалый, поэтому я решил не паниковать заранее... Но кукольники исчезли за один день, направившись в ... знает какую Галактику.

Без кукольников мне стало скучно, как малышу без любимой игрушки. Благодаря змееголовым моя жизнь в последнее время была такой веселой и разнообразной, что теперь из-за их отсутствия я впал в черную тоску. Ее не могли скрасить даже те ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ, которые я получил за сенсационный репортаж о путешествии к центру взорвавшейся Галактики. И я, новоявленный богач Беовульф Шеффер, решил излечить хандру путешествием на нашу с вами общую альма матер, полагая, что таковое прочистит мои скукожившиеся от депрессии мозги.

Что ж, Земля не обманула моих ожиданий!

Едва я покинул таможню, как все грустные мысли о кукольниках, о свежесломанной руке, о разлуке с Медведем мгновенно улетучились из моей головы. Вслед за грустными мыслями улетучились и все остальные; я мог только глазеть по сторонам с открытым ртом.

Меня обтекала невообразимо густая толпа. Разнообразные фигуры, всевозможные цвета кожи, невообразимо фантастические наряды, шум, гам, ор! Зарябило в глазах, заломило в ушах, голова закружилась. А я-то считал, что меня, Беовульфа Шеффера, бывалого пилота, уже ничем не удивишь, ведь за свою яркую жизнь я навидался всякого! Всякого, но не такого.

В любом уголке освоенного космоса я всегда мог безошибочно узнать коренного жителя какой угодно планеты. Вундерлендец? Аристократа украшает асимметричная борода, простолюдин поспешно уступает вам дорогу. Разбейнос? Летом и зимой у нас бледная кожа, мы высокие, но узкие в кости. Обитатель Джинкса? Там живут приземистые, сильные люди; старушка, здороваясь с тобой, раздавит тебе руку. На Белте все мужчины и женщины носят кособокую стрижку, жителей Мапуты густой красноватый загар делает похожими на индейцев.

Но Земля!

В здешней толпе нельзя было найти двух похожих друг на друга людей. Красные, синие, зеленые, желтые, оранжевые, в клеточку, в полоску. Я говорю и о коже, и о волосах. Я прирос к движущейся дорожке — пусть везет, куда вывезет! — и вертел головой, забыв обо всем на свете.

— Эй!

У девушки было бледно-зеленое лицо, черные, как космос, брови и губы, а волосы, собранные в оранжево-серебряную прическу, напоминали топологический взрыв. Красотка махала мне рукой и что-то кричала, размахивая бумажником... *Моим* бумажником! Энер-

гично толкаясь, я стал протискиваться к ней, и когда мы оказались почти рядом, она возмущенно воскликнула:

— В вашем бумажнике даже нет адреса! О чем вы думаете, интересно?

— Что-что?

— О! Да вы из другого мира,— девушка резко сбавила тон.

— Ну да!

Я уже почти что ослеп и оглох, а теперь, похоже, еще и охрипну, перекрикивая уличный шум.

— Послушайте, на вашем месте я бы не разгуливала по городу с таким бумажником. Кто-нибудь другой, обшарив ваши карманы, может спохватиться, когда вы уже скроетесь из вида!

— Вы обшарили мои карманы?!

— Разумеется. Вы что же, решили, что я подобрала ваш бумажник? Вот еще, стану я совать руки под все эти каблуки!

— А если я позову копа?

— Копа? — Она весело рассмеялась.— Попробуйте найти хоть одного копа.

Я бросил взгляд в сторону и поспешил вернуться к созерцанию красавицы, боясь, что она убежит. В бумажнике лежали не только все мои наличные, но и чековая книжка Банка Джинкса на двести сорок тысяч — все мое состояние.

— Видите эту толпу? Даже если бы в ней оказался коп, как скоро он сумел бы добраться сюда? Только в Лос-Анджелесе живет шестьдесят четыре миллиона человек, а на всей планете — восемнадцать миллиардов. Наши копы уже давным-давно махнули рукой на карманников и занимаются делами поважнее!

Я не рискнул спросить, какими именно — ловлей убийц, что ли? Но, с другой стороны, если бы в этой толпе кто-нибудь вдруг убил своего соседа, пока к месту происшествия протолкался бы коп, преступник

спокойно успел бы выпотрошить свою жертву... Меня вдруг охватило какое-то неуютное чувство, а девушка тем временем проворно извлекла из бумажника деньги и протянула его мне.

— Купите себе новый, да поскорее,— жизнерадостно посоветовала она.— Чтобы там был указан ваш земной адрес. Следующий, кто вытащит бумажник у вас из кармана, вынет оттуда деньги и бросит его в ближайший почтовый ящик — без проблем. Иначе вы лишитесь чековой книжки, документов — всего! Желаю вам приятных развлечений на Земле!

Она сунула двести с лишним купюр за пазуху и одарила меня прощальной улыбкой.

— Спасибо! — крикнул я ей вслед.

Я и в самом деле был благодарен зеленолицей, ведь она задержалась для того, чтобы помочь мне... Вместо того, чтобы унести бумажник со всем его содержимым.

— Не́ за что! — девушка издали помахала рукой и пропала в толпе.

Настороженно оглядываясь по сторонам, я протолкался к ближайшей телепортационной кабине, опустил в прорезь монету и набрал номер Медведя.

Кабина выплюнула меня во внушительных размеров вестибюле, сквозь прозрачную стену которого виднелось голубое небо и кудрявые облака.

Подойдя к окну, я невольно охнул и сделал шаг назад: Медведь жил на горе. Крутой утес был высотой примерно в милю.

Кроме огромного окна, вестибюль украшали видеофон в полстены и сверкающая двухстворчатая дверь, по-видимому, из полированной стекломеди. Я догадывался, что Медведь не бедствует, но это было уже чересчур. Может быть, лучше уйти? Мои колебания прервал вспыхнувший экран, на котором появился Медведь во всем своем бородато-лохматом великолепии.

— Ага, передумал!

— Ты не говорил мне, что так богат!

— А ты спрашивал? Подожди, я сейчас выйду... Значит, все-таки решил позволить мне быть твоим гидом?

— Да. Боюсь ходить по Земле один! — Я попытался вложить в свои слова максимум иронии, но, видно, Медведь уловил в моем голосе некий надрыв, потому что взгляд его стал более внимательным.

— Боишься? Почему? Не отвечай, расскажешь потом.— Экран погас.

Дверь с гулким звуком распахнулась — и Медведь втащил меня внутрь, не дав даже раскрыть рта от удивления. Через несколько секунд мне вручили стакан, а гостеприимный хозяин терпеливо ждал моего рассказа.

Пока я делился своими незабываемыми впечатлениями, он громко хохотал. А потом исцелил мое уязвленное самолюбие историей о том, как однажды летом на Гудвилле пытался подняться на поверхность, чтобы подышать свежим воздухом. Теперь пришла моя очередь покатываться со смеху. Медведю дьявольски повезло — его перехватили на полдороге к выходу. Тех, кто выходит на поверхность в сезон ветров, часто находят потом на расстоянии в несколько миль от того места, где они начали свою прогулку. Причем, это не зависит от комплекции.

— И, разумеется, меня обозвали глупым брюхошлепом,— закончил свою исповедь Медведь.

— Тебя это так уязвляет?

— Я знаю себе цену, и цена эта довольно высока, но... Хотелось бы, чтобы среди множества разнообразных впечатлений, которыми уже одарила меня жизнь, было что-нибудь вроде твоего полета к нейтронной звезде. И тогда, если меня снова назовут брюхошлепом, я загоню своего собеседника в угол повествованием о том, чего он никогда в жизни не видел. Чего не видел и не знает *никто* на свете — никто, кроме меня. Понимаешь?

Я задумчиво кивнул. О нейтронной звезде он услышал от меня за картами: люблю развлекать этой историей карточных партнеров. Но мне и в голову не пришло, что этот треп произвел на Медведя столь глубокое впечатление.

— Если для тебя это и впрямь так важно... Кажется, я знаю, как можно избавиться от прозвища «брюхошлеп»,— проговорил я.

Медведь пристально посмотрел на меня поверх стакана.

— Выкладывай!

— Надо просто спросить у запредельников, какой из миров в пределах досягаемости самый чудной, и смотаться туда. Думаю, после этого рейса ты сможешь развлекать рассказами о своих приключениях всех знакомых, полузнакомых и незнакомых как минимум ближайшие десять — пятнадцать лет.

— Запредельники? — похоже, Медведь отнесся к моему предложению вполне серьезно.— Что-то о них я уже слышал...

— В обитаемой Галактике нет системы, о которой запредельники не имели бы подробнейших сведений. Они знают Галактику как свои пять, или сколько их там у них, пальцев. Запредельники торгуют информацией; это едва ли не единственное их занятие. Если они не смогут подобрать тебе интересной планеты, значит, этого не сможет сделать никто...

Медведь внезапно прервал меня, вскочив и бросившись к визофону. ...! Я-то заговорил о запредельниках полушутя, но мой новый друг, кажется, всерьез стремился к рискованным приключениям!

Пока Медведь отдавал распоряжения некоему Крамеру, я рассматривал роскошную обстановку комнаты, время от времени прихлебывая из стакана. Он оставался полным. Где-то — на дне? — размещался крохотный телепортационный механизм, связанный с баром: эта роскошная диковина заслужила мое полное одобрение.

— Готово,— доложил вернувшийся от визофона Медведь.— Крамер займется поисками запредельников и предварительными переговорами с ними. Через несколько дней мы узнаем о результатах его трудов.

— О'кей.

Медведь явно не привык тратить время на пустые рассуждения. Интересно, чем закончится история с поисками странного мира, в которую я невольно его втравил? Я недолго об этом размышлял, потому что Медведь вдруг вспомнил, что некая Дайана уже должна быть дома. Мы прошли в телепортационную кабину, где мой приятель набрал код из одиннадцати цифр, и кабина тут же отправила нас в другой вестибюль, гораздо менее просторный и более современный.

Дайана оказалась маленькой миловидной женщиной с темно-красной, как марсианское небо, кожей и волосами цвета жидкой ртути. Глаза ее были того же серебристого цвета, что и волосы. Медведь представил меня своей подружке и тут же гордо сообщил, что собирается вступить в контакт с запредельниками и лететь к самому странному из всех существующих в нашей Галактике миров.

— Кто такие запредельники? — без особого интереса спросила Дайана.

Медведь развел руками и беспомощно взглянул на меня.

— Это такие милые парни, похожие на девятихвостые плетки с толстыми рукоятками,— объяснил я.— Они живут в холодных безвоздушных мирах и колесят по Галактике в больших негерметичных кораблях, собирая самые разные сведения обо всем на свете. Они торгуют информацией и...

— Все это, конечно, очень мило,— перебила меня Дайана,— но давайте лучше позовем четвертого и сыграем в бридж. Сейчас я позвоню Шеррол Янс!

— Неплохая мысль,— одобрил Медведь.— Шеррол работает программистом в «Донованз Брейн, Инкор-

порейтед». — Пояснение предназначалось мне. — Эта девушка наверняка произведет на тебя впечатление!

Девушка и впрямь произвела на меня впечатление, да еще какое!

— Шеррол, с Медведем ты уже знакома, а это Беовульф Шеффер с Гудвилла, — объявила Дайана, входя в комнату и держа под руку четвертого партнера для бриджа.

— Вы! — воскликнул я.

Это была та особа, которая залезла ко мне в карман.

Я наслаждался своим земным отдыхом четыре дня, устав за это время больше, чем за весь мой сумасшедший рейс к Центру Галактики. И все четыре дня я удивлялся, зачем Медведю понадобилось искать странный мир. Самый странный из миров, какие я видел, — это его родная Земля! Честно говоря, я помню далеко не все, чем занимался на Земле: стакан со спиртным то и дело оказывался у меня в руках.

Помню, что Дайана наотрез отказалась показываться со мной на людях, пока «ее спутник не будет выглядеть прилично», и дала мне свою косметику. Поддавшись приливу вдохновения, я решил стать альбиносом и чуть не заорал от ужаса, когда на следующее утро спросонья взглянул на себя в зеркало. Красные, как кровь, радужные оболочки глаз, снежно-белые волосы, белая кожа с розоватым оттенком... Медведь из солидарности со мной тоже воспользовался косметикой Дайаны, выкрасив бороду и шевелюру в полыхающе-зеленый цвет.

А еще я помню тот вечер, когда Дайана сообщила мне, что знает Медведя всю жизнь и что именно она дала ему это прозвище.

— Прозвище?

— Ну конечно, — удивилась моему невежеству Шеррол. — Его настоящее имя Грегори Пелтон.

— О-о-о! — Мне многое стало ясно.

Грегори Пелтон был известен во всех населенных людьми мирах, ходили слухи, что он владеет территорией, занимающей в космосе сферу диаметром тридцать световых лет и что «Дженерал Продактс», бывшая компания кукольников, а теперь его собственность, дает лишь четверть его дохода. Именно его прапрапрабабка изобрела телепортационные кабины, и он был богат, богат и еще раз богат.

Ряд воспоминаний связан с зоопарком, куда меня потащили показать животных, давших кличку Медведю,— что ж, они впечатляли своими размерами и сознанием собственной силы, хотя до кзинов им было все-таки далеко.

Еще я помню, как перегнулся через Шеррол, потянувшись за сигаретой, и увидел кошелек, лежащий поверх вороха ее одежды.

— А что, если я сейчас залезу к тебе в карман? — спросил я.

Оранжево-серебряные губы растянулись в ленивой улыбке:

— У меня нет карманов.

— Тогда я вытащу деньги у тебя из кошелька. Что скажешь?

— Валяй, если ты сумеешь спрятать их на себе.

В ее маленьком кошельке оказалось четыреста монет. Я сунул кошелек в рот, а Шеррол так и не позволила мне его выплюнуть. Вам никогда не приходилось заниматься любовью, держа во рту кошелек? Незабываемо! Кстати, если у вас астма, даже и не пытайтесь.

Разумеется, я хорошо помню Шеррол, особенно ее гладкую, теплую голубую кожу, серебряные выразительные глаза и оранжево-серебряные волосы, уложенные в прихотливую прическу, которую невозможно было растрепать. Когда я подпрыгивал на ней и бормотал всякую чепуху, она гортанно вскрикивала, и пряди ее волос, связанные в узел, расходились, шевелясь как змеи на голове Медузы Горгоны.

Потрясающие воспоминания связаны с гонками по старинным раздолбанным бетонным дорогам на допотопных наземных машинах — любимое развлечение многих брюхошлепов. Брюхошлепы, ха! Я сам чувствовал себя жалким брюхошлепом, когда после ее окончания вывалился из машины — весь мокрый, но все-таки живой! — и долго стоял на четвереньках, не в силах подняться, а Дайана и Шеррол радостно хохотали, обсуждая над моей головой следующую гонку. Но в ней я буду участвовать только под общим наркозом.

В памяти остался подводный отель у берегов Эвбеи, где дельфины и брюхошлепы обсуждали проблемы разумных существ, не имеющих рук (таких видов много, и, вероятно, будут обнаруживаться все новые). Конференция больше напоминала игру в водное поло, чем серьезное собрание.

И я отчетливо помню, как однажды вечером после бурно проведенного дня мы вернулись в берлогу Медведя, чтобы провести там не менее бурную ночь, но вскоре после нашего возвращения громко затрезвонил визофон.

Крамер нашел запредельника.

Мы с Шеррол как раз обсуждали наши планы на завтра, когда Медведь огорошил нас сообщением, что завтра мы будем развлекаться уже без него, потому что он летит к Триксу на переговоры с запредельниками.

— Я полечу с тобой. Тебе ведь понадобится профессиональный пилот?

— Ты это серьезно, Би?

— Вполне серьезно. Когда мы вылетаем?

— Но ты вовсе не обязан...

— Я твой должник, Медведь. Ты классно развлек меня на старушке Земле, и мне уже приходилось иметь дело с этими ребятами, а тебе — нет... Так что теперь моя очередь быть гидом.

— Ладно, как знаешь!

Медведь больше не спорил: по-видимому, остался доволен моим решением. Что же касается меня, то я обогатился таким множеством незабываемых впечатлений, что жаждал отдохнуть от них хоть в гиперпространстве, хоть в обычном космосе, хоть в самом странном из миров, который подыщут для нас запредельники. Где угодно, только бы как следует отоспаться!

Назавтра мы расцеловались с Дайаной и Шеррол; Дайане, чтобы поцеловаться со мной, пришлось забраться на стул, а Шеррол залезла на меня, как на дерево. Я ведь был на полтора фута выше их всех. Последние прощальные пожелания, сдержанные всхлипывания наших подружек — и мы с Медведем шагнули в телепортационную кабину, которая должна была доставить нас в космопорт Калькутты.

Полное название корабля, принадлежащего Медведю, было «Может-Быть-Повезет». Модель номер три фирмы «Дженерал Продактс» представляла собой веретено длиной в триста футов с осиной талией ближе к хвосту. Я вздохнул с облегчением, так как боялся, что Медведь летает на роскошной, но ненадежной яхте. Но в этом корабле все было безупречным — от комнаты отдыха до термоядерного двигателя. Я лазал по «МБП» полчаса, но так и не нашел ни одного изъяна, за исключением крохотной царапины на дверце бара.

— Неплохая у тебя лошадка,— заявил я Медведю по завершении своей инспекционной прогулки.

— Еще бы! Если я скажу тебе, во что она мне обошлась, у тебя волосы встанут дыбом,— со скромной гордостью отозвался Медведь.

— Не будь противным, скажи! — потребовал я голосом Дайаны.

Он сказал.

У меня волосы встали дыбом. Кстати, насчет волос: уже на второй день полета я снял личину альби-

носа, а Медведь вернул себе смуглую кожу и черные волосы, снова превратившись в помесь Зевса с сердитым вупи.

Позади три тягучие недели в гиперпространстве, когда мы по очереди несли вахту у индикатора массы — и «МБП» прибыл к планете, которую запредельники не так давно взяли в аренду у Тау-Сегара.

— У них всегда хорошие переводчики, но с ними следует держать ухо востро,— заботливо наставлял я Медведя перед приземлением.— Покупая у запредельников информацию, ты получаешь только то, что просишь — не больше, не меньше. Поэтому стоит заранее обдумать формулировку вопросов!

Едва мы приземлились на маленькой безвоздушной планетке и покинули корабль, перед нами оказались шестеро запредельников. Мевдедь издал очень странный звук. Хотя мой приятель много слышал о галактических продавцах информации, но никогда раньше не видел их. Даже я, хотя неоднократно имел дело с запредельниками, не мог не признать, что выглядели эти существа крайне экзотически.

Больше всего они напоминали черные девятихвостые плети с толстенными рукоятками, достающими мне до пояса. В рукоятках располагался мозг и невидимые органы чувств, а хлысты, свитые из подвижных длинных щупальцев, служили им универсальными конечностями. С помощью этих хлыстов запредельники могли передвигаться, стрелять, принимать деньги, разговаривать и размножаться.

В наушниках наших скафандров проскрипело:

— Добро пожаловать на Трикс. Будьте добры, следуйте за нами!

— Что будем делать? — быстро спросил Медведь.

Ему явно было не по себе, хотя наше путешествие к странному миру еще даже не началось.

— То, что сказано,— спокойно отозвался я.— Не волнуйся, нас просто проводят в их здешний офис.

Мы проследовали за своими проводниками к одинокому полукруглому зданию, возвышающемуся недалеко от «МБП»... и очутились в гигантской кастрюле с макаронами. Только эти макароны были черными и живыми! Повсюду, куда ни глянь, извивались щупальца запредельников, девятихвостые плетки озабоченно шныряли туда-сюда, и даже сквозь оболочку скафандра я почувствовал, как паника Медведя приближается к опасной черте.

К этому времени я уже понял, что мой спутник относится к числу людей, физически не переносящих инопланетян. Такие люди считают кукольников не грациозными и красивыми, а страшными. Кзины для них грязные мясоеды, единственное занятие которых — война (что почти соответствует действительности). Что ж, ксенофобия — своего рода болезнь, и Медведь страдал этой болезнью в тяжелой форме. Оставалось надеяться, что когда он переболеет, у него выработается иммунитет: так и происходит с большинством людей после достаточно долгого общения с чужаками... Ну, а пока что я решил взять большую часть переговоров с запредельниками на себя.

Осторожно переступая через щупальца снующих вокруг плеток-девятихвосток, мы подошли к низкой массивной двери.

— Входите! — скрипнул один из наших провожатых.— Здесь приемная для землян!

Сами запредельники остались в коридоре, а мы с Медведем переступили через порог и, пройдя через короткий тамбур, очутились в круглом, совершенно пустом помещении. Зато в нем был воздух, о чем нас немедленно оповестила сама комната.

— Добро пожаловать,— сказала комната приятным баритоном.— Воздух здесь пригоден для вашего дыхания. Вы можете снять шлемы, скафандры и чувствовать себя, как дома!

— Спасибо.— Я без колебаний снял шлем.

Медведь последовал моему примеру.

— Как нам стало известно, вы желаете попасть на планету, которая является самой необычной в сфере диаметром шестьдесят световых лет, то есть в изведанном космосе. Это верно?

— Да,— не стал отпираться я.

— Собираетесь ли вы высадиться на данной планете или будете обращаться вокруг нее по дальней или ближней орбите?

— Мы хотим высадиться на ней.

— Нам следует заботиться о вашей безопасности?

— Нет,— на этот раз Медведь опередил меня с ответом.

— На каком корабле вы полетите?

— На нем мы явились сюда.

— Вы собираетесь организовать на планете колонию? Разрабатывать недра? Выращивать съедобные растения?

— Я хочу только посетить ее. Мое главное требование — чтобы это была действительно *необычная* планета! — решительно заявил Медведь.

— Мы подобрали для вас подходящую планету,— после трехсекундной паузы откликнулся баритон.— Ее координаты обойдутся вам в миллион.

Я тихонько свистнул. Дороговато! Но дешевле не будет. Эти ребята не торгуются.

— Согласен,— быстро сказал Медведь.

Ему становилось все больше не по себе, взгляд шарил по комнате, отыскивая источник звука.

— Планета, которая вам нужна, вращается вокруг протосолнца на расстоянии полутора миллиардов миль от него. Вся система состоит только из этой планеты и солнца и движется со скоростью, равной восьми десятым скорости света в направлении...— запредельник сообщил координаты.

Так-так, это протосолнце прочерчивало хорду у края изведанного космоса и, судя по скорости передвиже-

ния, в ближайшие десять лет должно было покинуть нашу Галактику.

— Могу указать вам безопасный и самый короткий путь туда. Плата за информацию составит еще миллион.

— Нет, спасибо,— покрутил головой Медведь.— Нам достаточно координат, сколько же времени займет путь, не так и...

— Бесплатная справка,— прервал его вежливый баритон.— Без разработанного нами маршрута путь к этой системе займет три года в один конец.

— Что-о?!!

— Минутку,— вмешался я.— Предлагаю информацию на продажу.

Наступила долгая пауза. Медведь удивленно уставился на меня.

— Вы Беовульф Шеффер? — осведомилась комната.

— Да. Вы меня помните?

— Мы нашли это имя в нашем банке данных. Беовульф Шеффер, мы не покупаем информацию, мы ее продаем.

— За мою информацию вы сможете выручить гораздо больше, чем миллион,— настаивал я.— Кроме меня этими сведениями не располагает ни один человек в обитаемом космосе!

— Сколько вы хотите за свое сообщение?

— Ровно столько, сколько стоит быстрый и безопасный маршрут на нужную нам планету.

— Согласен. Говорите.

Я рассказал ему о взрыве в Центре Галактики и о том, что я не описывал ни в одной из своих сенсационных статей. Да, у меня было верное предчувствие, что когда-нибудь смогу продать эту информацию подороже!

— Мне кажется, что взрыв зародился на той стороне Центра, которая сейчас обращена в другую сторону

от нас. Иначе он распространялся бы намного медленнее,— закончил я свой отчет, и комната немедленно отозвалась:

— Большое спасибо. Маршрут до протосолнца будет немедленно введен в бортовой компьютер вашего корабля. Грегори Пелтон, за дополнительную плату в двести тысяч мы сообщим вам, почему именно выбранная нами планета является странной.

— А я смогу выяснить это сам?

— Наверняка.

— Тогда ничего не говорите.

Настала тишина. Запредельник явно не ожидал такого ответа.

Под удивленную почтительную тишину мы и покинули приемную для землян.

Когда «МБП», оставив позади планету запредельников, лег на проложенный ими маршрут, Медведь заметил:

— Надеюсь, эти плетки-девятихвостки не соврали, и через несколько дней я увижу свою планету. Спасибо, Би.

— Не за что,— отмахнулся я.— Я был твоим гостем в самом дорогом мире изведанного космоса и рад, что сумел сэкономить для тебя миллион. А насчет плеток с мозгами — не волнуйся, честность — основа их ремесла. Им просто нельзя быть нечестными! Они должны быть выше всяких подозрений, чтобы те, с кем они имеют дело, охотно покупали у них информацию...

— Тогда почему же они пытались содрать с меня лишние две сотни тысяч?

— Ну-у-у...

— Понимаешь, если это было честное предложение, поневоле напрашивается вопрос: вдруг нам действительно необходимо знать, в чем заключается необычность планеты в системе быстрого протосолнца?

— Ты прав. Наверняка нам предлагали полезную информацию. Слушай, может, вернемся и...

— Нет, Би. Извини, но возвращаться мы не будем. Не подумай, что я жлоб, что мне жалко этих двухсот тысяч — вовсе нет! Просто я хочу *сам* выяснить, в чем именно состоит странность планеты, понимаешь? Давай продолжать наш путь — и, может быть, повезет!

— Хм...

Отозвавшись столь глубокомысленно на слова моего спутника, я впервые задумался, а правильно ли я сделал, составив компанию Медведю. Вдруг он хотел отправиться в свой странный мир в одиночку, чтобы быть первым, а не одним из первых? Может, зря я повис у него на хвосте? Правда, с благими намерениями, собираясь осторожно и тактично оберегать его от опасности, если это потребуется,— ведь, несмотря на самоуверенность, огромные богатства, широкую натуру и широкую спину, Медведь был всего лишь брюхошлепом, то есть довольно беспомощным существом...

И мы продолжали наш путь к протосолнцу, разумно чередуя отдых с вахтами в рубке.

Запредельники не зря оценили свой маршрут в миллион: прошло всего пять дней, а мы уже оказались в опасной близости от системы быстрого протосолнца. Короткая зеленая линия в индикаторе массы начала расти, я позволил ей достигнуть поверхности сферы и вышел из гиперпространства.

Впереди был круг темного неба, а на нем — яркие бело-голубые звезды. Из центра круга сочился тусклый красный свет.

Следующие двенадцать часов Медведь бегал от телескопического экрана до прозрачной стены рубки и обратно, периодически задавая мне один и тот же вконец осточертевший вопрос:

— Ты когда-нибудь раньше уже видел протосолнце?

— Нет,— раз за разом терпеливо отвечал я.— Насколько я знаю, в освоенном космосе нет протосолнц.

— Так может быть, странность системы именно в этом?

— Может быть.

— Би, а вдруг протосолнце прилетело из другой галактики, может, в этом как раз и заключается его необычность?

Я решил подождать с ответом до следующего выныривания из гиперпространства в обычный космос.

А когда мы вынырнули, начисто забыл свой предполагаемый ответ, потому что Медведь внезапно взревел, как один из его тезок в зоопарке:

— Вижу нашу планету!

«Подумаешь, сенсационное зрелище!» — подумал бывалый пилот Беовульф Шеффер.

Я предусмотрительно придержал эту реплику: Медведю необязательно было знать, что мир, за координаты которого он заплатил миллион, пока не производит на меня большого впечатления.

Отсюда планета казалась едва заметной точкой, и протосолнце тоже не выглядело особо внушительным.

Протосолнце — это зародыш звезды, облако разреженного газа и пыли, образованное неспешными водоворотами межзвездных магнитных потоков или действием троянской точки, расположенной в открытом звездном скоплении. Облако может рассеяться или уплотниться в зависимости от гравитационных условий. В базе данных корабельного компьютера я отыскал материал о протосолнцах, но все это были математические выкладки, так как никто и никогда еще не видел протосолнца вблизи.

— Вот она! — Медведь не мог отвести взгляда от крошечной точки за прозрачной стеной.— Совсем рядом!

— Прекрасно. Просто милашка! Теперь нам надо бы...

Не дав мне договорить, мой приятель рванулся к телескопическому экрану. Если бы путь ему преградил голодный кзин, в его меху наверняка остались бы следы ботинок Медведя.

Пока Медведь упивался зрелищем своей планеты, я провернул кой-какую работенку и вскоре прервал его экстаз будничными словами:

— Медведь, ты не замечал за мной привычки ругаться для пущей выразительности?

— Нет, а что?

— Здесь чертовски высокий уровень радиации. Если бы мы были снаружи, наши скафандры начали бы пропускать радиацию через три дня.

— О'кей, отметь это в досье Секрета.— Медведь мимоходом окрестил свой странный мир, даже не предложив отметить это событие шампанским.

Потом он снова жадно уставился на экран, а я ввел данные в компьютер, не испытывая особого беспокойства. Мы были в безопасности: корпус, изготовленный в «Дженерал Продактс», защитит нас от чего угодно, кроме столкновения с планетой или со звездой.

Вскоре досье странного мира стало заполняться с пугающей скоростью.

— Астероидного кольца не видно,— докладывал Медведь,— плотность метеоров — ноль, насколько я могу судить...

— Может, это потому, что на такой скорости межзвездный газ вытесняет мелкие объекты?

— Одно могу сказать точно, Би, я не зря потратил деньги. Это чертовски занятная система!

— Рад за тебя, но мы давно уже пропустили ленч.

— Ну, иди поешь, а я еще понаблюдаю!

Поняв, что оторвать Медведя от созерцания Секрета будет так же трудно, как молодого папашу от знакомства с первенцем, я отправился обедать в одиночестве.

Когда я вернулся в рубку, Медведь поделился со мной новыми потрясающими впечатлениями:

— Планета кажется отполированной, как бильярдный шар. Следов атмосферы не видно...

— Кратеры есть?

— Нет. Откуда — в системе же нет метеоров!

— Но в окружающем космосе они есть, а на такой скорости...

— Ага! Вот тебе еще одна странность в придачу к повышенной радиации и всему прочему!

Я обогатил новой странностью досье планеты Секрет и неодобрительно уставился на темно-красное протосолнце, которое злобно пялилось на меня.

Под пристальным враждебным взглядом я провел еще ряд измерений, облучив протосолнце и планету глубинным радаром и сняв температурные показания. То и дело — к вящей радости Медведя — обнаруживались все новые и новые аномалии.

— Теоретически эта звезда еще не должна светиться, она недостаточно плотна, в таком разреженном облаке невозможна реакция синтеза ядер!

— Значит, теории о протосолнцах ошибочны! Чтобы выяснить это, уже стоило сюда прилететь, верно, Би?

— Да, но это еще не все. Согласно показаниям глубинного радара, твоя планета не имеет литосферы. Литосфера стерлась, обнажив магму, которая на холоде затвердела.

— Здорово!

Мне показалось, что Медведь понимает едва ли каждое второе мое предложение, тем не менее он радовался моим словам, как радовался бы папаша похвалам своему дитяти. Его странный мир вел себя более чем странно, а разве не за этим он сюда прилетел?

— Послушай, хоть одна из выявленных нами аномалий стоит того, чтобы платить за предупреждение о ней? — Этим вопросом Медведь все-таки доказывал, что остатки здравого смысла у него все-таки сохранились.

— Пожалуй, радиация... Но она могла бы представлять для нас опасность, только если бы мы летели не на корабле «Дженерал Продактс».

— Запредельники знали, какая фирма строила наш корабль.— Медведь буравил пристальным взглядом огромный темный диск.— Би, что вообще может проникнуть сквозь корпус, сделанный в «Дженерал Продактс»?

— Тяготение, например сила прилива, которая швырнет тебя в нос корабля, если ты подлетишь слишком близко к нейтронной звезде... В этом я убедился на собственной шкуре. Свет, а значит, лазерное излучение. Механический удар, правда, не повредит корпус, но может убить тех, кто находится внутри корабля.

— А вдруг наша планета обитаема? Чем больше я о ней думаю, тем сильнее убеждаюсь, что она откуда-то прилетела. Ничто в нашей Галактике не могло придать ей такую скорость. И потом, она пересекает плоскость Галактики, хотя не должна бы...

— Отлично! И что мы будем делать, если в нас пустят лазерный луч?

— Думаю, мы погибнем,— со свойственным ему изящным юмором отозвался Медведь.

— Хм... Отсюда еще можно уйти в гиперпространство, возможно, имеет смысл так и поступить?

Медведь одарил меня взглядом, похожим на пылающий взгляд протосолнца, и снова вернулся к наблюдениям за Секретом. Больше я тему возвращения не затрагивал.

Но чем ближе мы подходили к системе протосолнца, тем острее я чувствовал жар злобного, огромного красного глаза, и тем сильнее мне становилось не по себе. Я не суеверен, но двадцать лет работы в космосе приучили меня доверять предчувствиям почти так же, как показаниям приборов. И вот теперь мои предчувствия крепли прямо пропорционально приближению таинственной планеты... В конце концов я не выдержал:

— Медведь!

— М-м-м?

— Сделай одолжение.

— Пожалуйста.— Что-то в моем голосе заставило его оторваться от снятия замеров уровня радиации.— Ты что, хочешь сбрить мне бороду? Или тебе нужна моя правая рука? Или Дайана?

— Спасибо, меня устраивает Шеррол. Надень, пожалуйста, скафандр.

— Ты знаешь, что до высадки на планету осталось еще больше полусуток?

— Знаю.

— И ты хочешь, чтобы мы провели все это время в скафандрах?

— Да.

— Хм... Можно поинтересоваться причиной столь разумного предложения?

— Просто я убежденный мазохист, да к тому же с известной долей садизма.

— Би... Ты хорошо себя чувствуешь?

— Отлично.

«Пока что»,— добавил я про себя. Протосолнце сверлило меня драконьим красным глазом.

— Ладно,— вздохнул Медведь.— Чего не сделаешь ради друга!

Мы надели скафандры, откинув шлемы назад, это единственная уступка, на которую я согласился, и то не сразу.

Медведь поглядывал на меня с сочувственной озабоченностью: наверное, решил, что я спятил.

— Ты и завтракать собираешься в скафандре? — спросил он, когда я направился к двери рубки.

— Да.

— Тогда, может, на всякий случай наденешь и шлем?

Все-таки не удержался от ехидства!

— Нет, спасибо, не люблю пищевой сироп. Если нас пробьют, я успею его надеть.

— Пробьют? Наш корпус изготовлен в «Дженерал Продактс»!

— Не забывай, запредельники это знали. Но, похоже, они думали, что нас все равно убьют, если мы не получим информации, от которой ты с ходу отказался...

— Что может нас здесь убить?!

— Если бы мы знали, этот мир не был бы для нас Секретом.

Все время, пока я завтракал, Медведь размышлял над моими словами, и как только я вернулся в рубку, сплеча рубанул меня вопросом:

— Когда в последний раз корпус «Дженерал Продактс» пропустил хоть что-то, кроме гравитации или света?

— Я не слышал, чтобы такое случалось.

— Вот именно. Кукольники обещают невероятные деньги в качестве компенсации, если подобное произойдет. Но если что-то все-таки сможет проникнуть через корпус «МБП», скафандры нас все равно не спасут!

— Ты абсолютно прав,— спокойно отозвался я.

— Значит, снимаем скафандры?

— Ни в коем случае! Ты обещал.

Медведь пожал плечами и повернулся к экрану. Мы находились на расстоянии шести часов полета от Секрета и медленно тормозили.

— Кажется, я обнаружил кратер! — возвестил Медведь.

— Да, похоже, ты прав. Только он почти уже сгладился.

— Он достаточно правильной формы, но порядком размытый...

— Наверное, это межзвездная пыль. Тогда почему здесь нет ни атмосферы, ни литосферы? Кроме того, пыль не бывает настолько густой даже на такой скорости.

— Вот тебе еще одна странность! — гордо откликнулся Медведь.

Через полчаса мы обнаружили на планете жизнь. Вернее, ее обнаружил Медведь, и я чуть не выскочил из скафандра от его радостного вопля.

Мне пришлось порядком потрудиться, чтобы разделить его энтузиазм при виде редких голубых пятен на белом фоне — они очень медленно перемещались в единственном секторе планеты. Температура поверхности в этой области соответствовала температуре гелия — 10°К. Протосолнце давало немного тепла, хотя на радиацию не скупилось.

— Это не похоже ни на один из известных мне видов жизни.— То был единственный комплимент, какой я смог отпустить по поводу движущихся голубых амеб.

— Еще бы! — с невыносимым самодовольством отозвался Медведь.— В здешнем мире мы не встретим того, что нам известно! Здесь...

— Медведь, зачем ты сюда прилетел? — Все самые глупые свои вопросы я всегда задаю экспромтом.

Он перестал ласкать взглядом голубые пятна и почти испуганно посмотрел на меня:

— Что ты имеешь в виду?

— Слушай, я все время был с тобой, но так и не понял, зачем тебя сюда принесло. Ты потратил миллион, чтобы добраться до Секрета; потратил бы и два... Ты мог остаться дома с Дайаной или отправиться к Бете Лиры — тоже необычная звезда, к тому же более красивая, чем Секрет. Ты мог бы развлекаться какими хочешь наркотиками в Крэшлендинге или искать снежных демонов на Плато Тумана. Так почему ты полетел именно сюда?

— Потому что моя цель здесь.

— Так что же это за цель?..

Медведь взъерошил волосы и задумчиво откинулся в кресле.

— Би, был такой парень по имени Миллер. Шесть лет назад он поставил на корабле с термоядерным двигателем еще один, гиперскоростной, в расчете на то, что станет заряжать его энергией от первого, и отправился на край вселенной. Наверное, он все еще летит. Он будет лететь вечно, если не столкнется с чем-нибудь. Зачем он это сделал?

— Ну, знаешь, я не психиатр.

— Он хотел, чтобы о нем помнили. Через сто лет после того, как ты умрешь, о тебе будут помнить?

— Несомненно! Идиот, полетевший с Грегори Пелтоном, чтобы приземлиться на планете, которая не стоит и выеденного яйца.

Я ждал яростного взгляда, не менее яростного рева, но Медведь обезоружил меня беспомощной и слегка виноватой улыбкой.

— Ладно, я прилетел сюда из чистого любопытства. Эта звезда через десять лет скроется за пределами изведанного космоса. У нас больше не будет возможности исследовать ее. К тому же...

Что-то в его позе беспокоило меня, и даже очень.

— Прости, что перебиваю, но не мог бы ты пристегнуться к креслу?

— Тебе мало того, что мы напялили скафандры?

— Мало.— И я очень тщательно пристегнулся сам.

— Ладно, как скажешь...

Медведь торопливо последовал моему примеру. Несмотря на свою озабоченность, я едва сдержал смех: ну и забавная же ситуация! Он считает сумасшедшим меня, а я, в свою очередь, его... Хотелось бы все-таки знать, у кого из нас двоих и вправду поехала крыша?

— К тому же — что? — вернул я Медведя к его прерванной фразе.

— К тому же так приятно быть первым, правда? Побывать там, где до тебя никто еще не был, увидеть то, чего раньше никто не видал... Чтобы человек, которому ты представляешься, вспоминал не твою прапра-

бабку — изобретательницу телепортационных кабин, а твои собственные достиже...

В воздухе возникло легкое колебание, и тотчас же у меня оборвалось дыхание и заложило уши. Не было ни сил, ни времени подумать, что происходит; я со стуком уронил шлем на горловину скафандра и быстро его привинтил. С громкой икотой воздух вырвался из желудка, с громким криком — из легких, вслед за тем жестокий рывок едва не сорвал меня с кресла... Но все-таки не сорвал, жесткая фиксация Бордмана — отличная штука! Вокруг был вакуум, мне в уши словно вгоняли иглы, в легких стояла пугающая пустота, но в мой скафандр вливался холодный воздух — я спасся и буду жить!

Осознав это, я быстро обернулся к Медведю и встретил его полубезумный взгляд.

Он надел шлем, но никак не мог его привинтить. Я с трудом оторвал его руки от шлема и в два счета исправил положение. Прозрачный пластик покрылся изнутри испариной, потом снова сделался прозрачным. На всякий случай я наградил Медведя крепким ударом по плечу, и он вцепился в меня так, словно боялся, что вот-вот упадет в бездонную пропасть... Отлично, мой приятель тоже жив, хотя все еще немного не в себе!

Мне трудно было его за это винить. Даже я, повидавший на своем веку много ужасного и невероятного, еще никогда не видел столь кошмарного зрелища!

Произошло нечто невозможное: корпус нашего корабля превратился в пыль, развеявшуюся в космической пустоте. Осталась рубка с ее негерметичными прозрачными стенами, передо мной светился пульт управления, над пультом завис полумесяц загадочной планеты и звезды, справа от меня — Медведь, полуживой, испуганный, за его спиной звезды, позади меня кухонный робот и склад провизии, шасси, плавник-радиатор и — снова звезды. От «МБП» остался один скелет!

В рекордно короткое время уложив в голове сей невиданный факт, я встряхнулся и включил шлемофон... Но не сразу придумал, что мне сказать моему спутнику. Не говорить же ему: «У нашего корабля пропал корпус, ты тоже это заметил?»

— Ты в порядке? — наконец спросил я.

— Да-а...

— Отлично.

Я обернулся к пульту управления и принялся воскрешать термоядерный двигатель. По-моему, кроме корпуса, с корабля ничего существенно важного не улетело. То, что крепилось к корпусу, крепилось и к другим предметам.

— Что ты делаешь, Би? — все еще отчаянно дрожащим голосом поинтересовался Медведь.

— Хочу вытащить нас отсюда. Конечно, ситуация аховая, но...

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем нам улетать?

Ясно! Все-таки спятил он, а не я! Брюхошлепы от природы хрупкие существа.

Я включил двигатель на самую малую мощность, отключил гравитационный тормоз и только потом повернулся к Медведю.

— Послушай,— как можно мягче произнес я.— У нашего корабля пропал корпус. Его нет! Он испарился, ты видишь?

— Да, я заметил. Но то, что осталось от корабля, по-прежнему мое?

— Да, конечно.

— Тогда я хочу приземлиться. Сумеешь меня отговорить?

Нет, все-таки он не спятил. Но и не шутил. Он был абсолютно серьезным.

— Шасси исправны,— продолжал Медведь.— Скафандры будут защищать нас от радиации в течение

трех дней. Мы можем приземлиться, а через двенадцать часов тронемся обратно.

— Ты шутишь? — с последней надеждой спросил я.

— Нет. Мы добирались сюда два месяца. Если я сейчас поверну назад, то буду чувствовать себя полным идиотом. А ты?

— Я тоже. Но ты посадишь корабль только через мой труп.

— Ну хорошо,— теперь уже он говорил со мной мягко, как с больным ребенком.— Корпус рассыпался в порошок и разлетелся по ветру, и я отсужу у «Дженерал Продактс» все задние ноги, как только вернусь домой. Но ты можешь объяснить, почему он рассыпался?

— Нет.

— Тогда почему ты считаешь, что нам может что-то угрожать?

— Стало быть, садимся на эту планету и — МБП? В смысле — может быть, повезет?

— Ну да.

— Медведь...— после очень долгого молчания произнес я.— Ты учился на курсах пилотов?

— Разумеется.

— Вам читали лекции по теории ошибок?

— Кажется, нет. Небольшой курс истории космоплавания мы прошли...

— Значит, ты помнишь, что в первых полетах использовалось химическое горючее и что первый корабль, запущенный к астероидам, строился на окололунной орбите.

— И?

— Просто хочу напомнить тебе кое-какие подробности. На этом корабле летели трое. Когда их запустили, они облетели вокруг Земли по орбите, которая находилась внутри лунной, потом вышли за лунную орбиту и легли на свой курс. Через тридцать часов после запуска они заметили, что иллюминаторы делаются мутными. Концентрация пыли вокруг корабля была так

велика, что частицы пыли царапали кварц. Двое астронавтов хотели продолжать полет, ориентируясь по приборам, и выполнить задание. Но командир велел запустить ракеты и остановиться. Не забывай, что материалы в те дни не отличались особой прочностью, по сравнению с современными, а техника, которой пользовались астронавты, не была как следует испытана. Они остановили корабль на окололунной орбите в двухстах тридцати тысячах миль от Луны, связались с базой и доложили о том, что происходит.

— Как тебе удается помнить такие мелочи?

— Эти истории крепко-накрепко вдалбливали нам в головы, подкрепляя их примерами из жизни. Некоторые случаи мы потом опробовали на своей шкуре... Знаешь, неплохо запоминается!

— Давай дальше.

— Астронавты сообщили, что у них затуманиваются окна. Сначала решили, что это просто пыль, но потом кто-то вдруг понял, что корабль прошел через одну из троянских точек Луны. Если бы корабль не остановили, он потерпел бы крушение. Пыль разорвала бы его на части! Мораль моего рассказа такова: все, чего ты не понимаешь, опасно, пока ты его не понимаешь.

— Параноидальная идея.

— Для брюхошлепа — да. Дружище, ты живешь на планете, приспособленной к тебе настолько, что ты считаешь вселенную уютной, как раковина улитки. Твой дом — это планета, где жители воруют друг у друга кошельки и гоняют по раздолбанному шоссе на допотопных машинах, чтобы восполнить недостаток адреналина в крови. Но я зачастую получал солидную порцию этого вещества безо всяких усилий с моей стороны — вспомни хотя бы приключение с нейтронной звездой! Я не хвастаюсь, а просто хочу тебе напомнить, что погиб бы, если бы вовремя не понял, какая сила на меня воздействует.

— Так ты считаешь, что все брюхошлепы — тепличные цветочки и дураки?

— Нет, Медведь. Просто им недостает параноидальных настроений. Короче, я приземлюсь, если только ты мне объяснишь, *почему* наш корпус рассыпался в пыль.

Медведь скрестил на груди руки и уставился в пустоту. Я ждал.

— Мы сумеем добраться до дома? — наконец спросил он.

— Не знаю. Гиперскоростной двигатель работает, гравитационный тормоз, когда потребуется, погасит скорость. Воздуха в баллонах завались, пищевой сироп тоже имеется. Теоретически сумеем.

— О'кей. Тогда поехали домой. Только учти, Би, если бы я был один, то обязательно приземлился бы — и черт с ним, с корпусом!

Не дожидаясь, пока Медведь передумает, я повернул. Не буду длинно расписывать тяготы и опасности обратного пути, скажу коротко: в конце концов я посадил-таки все, что осталось от нашего корабля, на самой ближней обитаемой планете — Джинксе.

За сутки до этого у нас с Медведем состоялся исторический разговор, который начал я:

— Медведь, из нашего лексикона пропало одно слово...

Он оторвал глаза от экрана читающего устройства. Без него мы точно не выдержали бы обратного перелета!

— Больше, чем одно,— ответил он.— Мы все время молчим.

— Нет, одно! Просто ты так боишься произнести это слово, что совсем ничего не говоришь.

— Что же это за слово?

— «Трус».

Медведь, нахмурившись, выключил читающий аппарат.

— Я не говорил этого, ты сам сказал, верно?

— Верно... Но ты так думал.

— Нет, я думал эвфемизмами вроде «излишняя осторожность» или «нежелание рисковать жизнью». Но раз уж об этом зашла речь, объясни, почему ты не захотел приземляться?

— Испугался.

Я подождал, пока он переварит мой ответ, и продолжал:

— Люди, которые меня учили, допускали, что в определенных обстоятельствах я могу испугаться. И при всем моем уважении к тебе, Медведь, хочу напомнить: меня готовили к космическим полетам серьезнее, чем тебя. Мне кажется, твое упорное желание приземлиться было скорее результатом невежества, чем храбрости.

— А мне кажется, что с нами ничего не случилось бы, если бы мы приземлились! Но, боюсь, мы никогда уже этого не узнаем — так что без толку спорить?

Весь остаток полета прошел в молчании.

Молчание висело меж нами и тогда, когда, опустившись на Джинкс (к счастью, это произошло поздно вечером, что позволило нам избежать нездоровой сенсации), мы покинули скелет «МБП» и зашагали к телепортационной кабине.

Только в двух шагах от кабины я все-таки заговорил:

— Куда теперь, Медведь?

— Я — в офис кукольников, на Джинксе еще существует такой. Получу у них деньги за корпус и куплю на компенсацию новый корабль. Если хочешь, могу подбросить тебя на Гудвилл или еще куда-нибудь...

— А ты-то сам куда?

— Полечу обратно к Секрету.

Я ожидал такого ответа и ничуть ему не удивился. Иногда я бываю неплохим пророком, но радости при этом, как правило, не испытываю.

— Понятно... А я для этого полета тебе не нужен?

— При всем моем уважении к тебе, Би,— нет. На сей раз я намерен приземлиться, что бы там ни случилось с корпусом. Ты ведь будешь чувствовать себя идиотом, если погибнешь при этом, верно?

— Из-за твоей дурацкой планеты я пережил такое, что буду чувствовать себя полным идиотом, если ты покоришь ее без меня.

У Медведя был очень несчастный вид! Он набрал в легкие воздуха, собираясь ответить, что ему не нужен такой трусливый напарник, как разбейнос Беовульф Шеффер... Это был один из тех редких случаев, когда я перебил собеседника вовремя.

— Подожди, ничего сейчас не говори! Давай сначала навестим бывших хозяев «Дженерал Продактс», а после все обсудим, идет?

Медведь кивнул, с облегчением откладывая неприятный разговор. Все свои неизрасходованные эмоции он выплеснул в офисе кукольников, едва переступив через порог:

— У меня испарился корпус вашего производства! Это черт знает что такое!

— Прошу прощения? — приятным контральто удивился кукольник, в кабинет которого мы ворвались.

— Меня зовут Грегори Пелтон. Двенадцать лет назад я купил у «Дженерал Продактс» корпус модели номер два. И вот — он разрушился, испарился, исчез!.. С кем я могу обсудить размер компенсации? Если хотите, можете осмотреть то, что осталось от моего корабля, его остатки покоятся сейчас на космодроме Джерси, блок «а»!

Две питоньи головы долгое время тупо смотрели на нас.

— Сделайте милость, расскажите о случившемся подробнее,— в конце концов взмолился кукольник.

Медведь сделал милость. Он говорил с жаром, используя образные выражения, и я получил огромное удовольствие, слушая его. Кукольник, пока мой ком-

паньон изливал на него свое красноречие, успел связаться с портом Джерси и рассмотреть в деталях скелет «МБП». Когда Медведь умолк, кукольник учащенно моргал.

— Все это очень серьезно,— дрожащим голосом проговорил он.— Я не пытаюсь оправдываться, но поймите — это вполне естественная ошибка. Мы никак не могли предположить, что в Галактике имеется антиматерия, тем более в таком количестве!

Он едва не рыдал.

Зато громовой голос Медведя вдруг упал до жалкого шепота:

— Антиматерия?

— Ну да. Конечно, мы выплатим вам компенсацию, но... Но вы должны были сразу понять, в какой системе вы оказались. Просто чудо, что в этом рейсе никто не пострадал! Межзвездный газ, то есть нормальная материя, отполировал поверхность планеты микроскопическими взрывами, поднял температуру протосолнца выше всех разумных ожиданий и создал соответствующий ей уровень радиации. Неужели вас это не насторожило? Вы знали, что система прилетела из-за пределов Галактики. Людям свойственно любопытство, ведь так?

— Так...— Я с трудом расслышал голос Медведя, хотя стоял рядом с ним.

— Корпус, изготовленный «Дженерал Продактс»,— это искусственно полученная молекула, связи между атомами которой усилены с помощью небольшой энергетической установки. Эти связи устойчивы к различным воздействиям: к ударам, к повышению температуры, однако когда определенное количество атомов исчезает в результате аннигиляции, молекула мгновенно распадается, что в данном случае и произошло...

Медведь тупо кивнул.

— Позвольте, но... Как вы представились? Грегори Пелтон? Разве не вы сейчас владеете «Дженерал Про-

дактс»? Тогда зачем я вам все это объясняю, вы ведь не хуже моего должны разбираться в строении оболочек кораблей нашей бывшей фирмы...

Медведь судорожно глотнул и опрометью бросился вон из комнаты. Я последовал за ним, еще успев услышать рыдающий возглас кукольника:

— Какое счастье, что вы не попытались приземлиться на антипланете!

Всю дорогу до космопорта Медведь проделал быстрым шагом, презрев телепортационные кабины и все другие виды транспорта, и только перед самым входом в космопорт остановился и посмотрел мне в глаза. Мне кажется, для этого ему пришлось собрать в кулак всю свою волю.

На то, чтобы заговорить, воли уже не хватило, пришлось мне ему помочь.

— Ага! — со свойственным мне великодушием воскликнул я.— Ага! Все-таки я был прав! Если бы мы приземлились в твоем странном мире, то превратились бы в свет. Все-таки старина Беовульф Шеффер правильно тебя остановил!

— Ты меня остановил.— Он слабо улыбнулся.

— Да-да, а сколько раз мне пришлось повторить: «Не приближайся к этой чудовищной планете! Это будет стоить тебе жизни!» В следующий раз будешь слушать советы доброго старого Би?

— Ладно, сукин ты сын. Ты спас мне жизнь!

— Вот-вот... То, чего не понимаешь, опасно — это тебе нужно вынести из нашего сумасшедшего рейса,— кроме того, что сию мудрость преподнес тебе именно я.

Медведь молча пожал мне руку. Если бы все этим и закончилось — но нет! Упрямый брюхошлеп снова летит к своей планете. Он сделал флаг размером два на два фута, с символикой Объединенных Наций, на проволочной рамке, так что кажется, будто флаг развевается на ветру. В древко поместил твердотопливную ракету и собирается сбросить флаг на антиматериаль-

ную планету с большой высоты, с самой большой, на которую я его уговорю... Потому что я тоже лечу с Медведем. Я вооружился трехмерной телекамерой и заключил контракт с одной из крупнейших телекомпаний в изведанном космосе, чтобы осчастливить ее репортажем о фейерверке при соприкосновении флага с антиматерией. На этот раз у меня есть действительно разумный повод для того, чтобы туда лететь!

В ГЛУБИНЕ ДУШИ*

Я не мог решить, как назвать это произведение искусства — картиной, скульптурой, овощным рагу,— но оно стало лауреатом в секции изобразительного искусства на выставке, организованной Институтом Знаний планеты Джинкс.

«Странно все-таки устроены органы зрения у кдальтино». Мои глаза отчаянно заслезились уже после полуминутного разглядывания «Сверхсветового космоса». Чем дольше я смотрел на этот шедевр, тем меньше видел. Возможно, замысел художника состоял как раз в том, чтобы его картина расплывалась перед глазами,— эта мысль пришла мне в голову именно тогда, когда на моей руке повыше локтя осторожно сомкнулись зубастые челюсти. Я подпрыгнул на целый фут.

— Беовульф Шеффер, какой же вы расточительный! — прозвучало нежное, волнующее контральто.

С такими голосовыми данными можно сделать состояние в секс-бизнесе. Определенно этот голос мне знаком. Я обернулся.

Кукольник отпустил мою руку и светским тоном осведомился:

— Что вы думаете о «Сверхсветовом космосе»?

---

* At the Core © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

— От него чертовски болят глаза.

— Разумеется. Кдальтино не видят ничего, кроме радиоволн. «Сверхсветовой космос» нужно не рассматривать, а ощупывать... Проведите по картине языком!

— Языком? Н-нет, спасибо.

Я коснулся картины рукой. Если хотите знать, что я почувствовал, садитесь на корабль и летите на Джинкс — картина до сих пор там. Категорически отказываюсь описывать свои ощущения.

Кукольник с сомнением склонил левую голову набок.

— Я уверен, что ваш язык гораздо чувствительнее, чем ваши пальцы. Ну же, получите настоящее удовольствие он этого шедевра! На нас никто не смотрит.

— Не будем об этом. Знаете, ваш голос очень напоминает мне голос одного знакомого — президента филиала «Дженерал Продактс» на Гудвилле.

— Неудивительно. Мы с ним обучались английскому языку у одной и той же преподавательницы. Кстати, он передал мне ваше досье, Беовульф Шеффер. Я президент филиала «Дженерал Продактс» на Джинксе, что вы, без сомнения, уже определили по форме моей гривы.

В гривах я как раз не силен. Чтобы различать прически кукольников, нужно самому быть кукольником... Или, по крайней мере, талантливым парикмахером. Не желая расписываться в своем невежестве, я небрежно спросил:

— И в этом досье написано, что я расточителен?

— Об этом я мог бы догадаться и сам, ведь билет на эту выставку стоит немалых денег. А в досье указано, что за последние четыре года вы потратили более миллиона.

— Зато сколько удовольствия получил взамен!

— Да-да, конечно. Но, похоже, скоро вы опять залезете в долги. Может, напишете что-нибудь для на-

шей фирмы? Я был в восторге от вашей статьи о нейтронной звезде ВУ8-1. «Утыканное иглами дно гравитационного колодца...», «Голубой звездный свет падал на меня, как мелкий град...» Очень, очень мило!

— Спасибо. Мне за это хорошо заплатили, но все-таки я не писатель, а пилот...

— Значит, для нас обоих большая удача, что мы встретились. Вам не нужна работа, Беовульф Шеффер?

Это был провокационный вопрос... В прошлый раз, когда я согласился выполнить работу для кукольника, то едва не погиб. Правда, большой обиды на президента филиала «Дженерал Продактс» за то, что тот втравил меня в кошмарную историю с нейтронной звездой, не было, в конечном итоге я неплохо на ней заработал, но позволить кукольникам еще раз беспардонно воспользоваться мной...

— Вы, наверное, решили, что нашли пилота со склонностью к суициду, готового в любой миг пожертвовать жизнью ради вашего бизнеса? — Я снова вернулся к созерцанию убийственной для зрения картины.

— Вовсе нет. Обещаете, что все, рассказанное сейчас мной, останется между нами?

— Даю слово.

В какой уже раз попадаюсь на удочку собственного любопытства!

— Пойдемте.— Кукольник танцующей походкой направился к телепортационной кабине.

Несколько неприятных мгновений — и мы очутились в одной из вакуумных областей Джинкса, где сейчас царила глубокая ночь. В небе ослепительно горела яркая точка Сириуса В, заливавшего гористый ландшафт холодным голубым светом, но я не нашел на небе Байнари — огромный оранжевый спутник Джинкса. Значит, мы на внешней стороне планеты. А потом я забыл и про Сириус, и про Байнари, уставившись на то, что висело над нами.

Это была модель межзвездного корабля номер четыре, выпускаемая «Дженерал Продактс»,— прозрачная сфера в тысячу с лишним футов диаметром. Большего корабля в Галактике просто нет. Только богатое государство может приобрести подобный корабль, и, как правило, их используют для колонизации отдаленных планет.

Но этот корабль явно предназначался для других целей: снизу было видно, что его брюхо битком набито приборами. Наша телепортационная кабина находилась между лапами шасси, как мышь между лапами совы, от двери кабины к люку корабля сквозь вакуум вел туннель.

— Что, «Дженерал Продактс» начал самостоятельно заниматься оснащением кораблей? — полюбопытствовал я.

— Мы думали об этом... Но столкнулись с определенными трудностями.

Хм, странно, что кукольники не загорались подобной идеей раньше! «Дженерал Продактс» выпускала девяносто пять процентов корпусов для космических кораблей, потому что никто, кроме кукольников, не владел секретом непроницаемых обшивок. Однако почти все внутреннее оборудование «Дженерал Продактс» была вынуждена закупать у земных фирм, и, конечно, подобное положение вещей рано или поздно перестало устраивать руководство этой огромной компании. Так же как землян давным-давно беспокоила монополия «Дженерал Продактс» на корпуса космических кораблей.

Значит, кукольники решили выпускать полностью готовые к эксплуатации корабли, так-так...

Но то, что я увидел, нельзя было назвать хорошим началом. Помещение для экипажа, груза или пассажиров занимало всего несколько кубических ярдов, а все остальное пространство огромного корабля загромождали разные приборы — из них мне были знакомы не больше половины.

— Нелегко вам будет продать эту «четверку»,— поделился я своими соображениями.— Если покупатель будет покрупнее малютки джоклера с Висанды, здешние помещения станут жать ему в плечах.

— Верно. Вы заметили что-нибудь еще?

— Ну...

Кроме тесно забивших «четверку» машин я заметил только одно: к жизненно важным узлам корабля не было никаких проходов. Значит, ремонт в полете не предусматривался... Дно корабля пронизывали огромные трубы четырех термоядерных двигателей, но реактивных поворотных двигателей не было — очевидно, внутри находился гигантский гироскоп.

— Похоже, что это все — гиперскоростные двигатели,— выдал я наконец авторитетное заключение специалиста.

— Когда-то вы работали в компании «Накамура Лайнз», занятой пассажирскими перевозками,— певучим контральто отозвался кукольник.— Скажите, сколько занимает полет с Джинкса на Гудвилл?

— Если в рейсе не возникнет никаких проблем, то двенадцать суток.

Ровно столько, сколько требуется, чтобы выяснить, какая из пассажирок самая хорошенькая, а пока ты это выясняешь, автопилот выполняет за тебя всю работу, разве что фуражку не надевает. Я не удержался от ностальгического вздоха, вспомнив свою службу в «Никамура Лайнз».

Кукольник разом излечил меня от ностальгии, будничным тоном заявив:

— От Сириуса до Проциона четыре световых года. Наш корабль покроет это расстояние за пять минут.

— Что?! Вы сошли с ума!

— Нет.

Да ведь это почти световой год в минуту! Несколько секунд я насиловал свое воображение, пытаясь представить себе такую скорость... Наконец представил, и

у меня отвалилась челюсть: передо мной настежь распахнулась вся Галактика!

В самом деле — что мы знали о вселенной до сих пор? Ничего, кроме того, что сумели увидеть в крошечном освоенном нами районе. А с таким кораблем!..

— Вы шутите, правда? — жалобно воззвал я к своему двухголовому спутнику.

До сих пор кукольникам отказывали в чувстве юмора, но кто знает...

— Я не шучу.— Мои слова, похоже, оскорбили президента филиала «Дженерал Продактс».— Нам сейчас не до шуток! Корабль обошелся компании в семь миллиардов, не считая нескольких столетий, ушедших на его разработку, но, как видите, внутреннее оснащение занимает слишком много места. Никто не станет покупать у нас корабль, способный взять на борт только одного человека!

Нда, и даже одному человеку здесь было бы не разгуляться. Я никогда не страдал клаустрофобией, но отправиться к Проциону в такой тесной комнатушке не захотел бы.

— Это комната отдыха,— пояснил кукольник, видя, что я осматриваюсь по сторонам.— Мы решили, что пилот оборудует ее самостоятельно.

— Почему?

— Скоро поймете.

Кукольник принялся мерить шагами тесное пустое помещение, а я, присев у стены на корточки, наблюдал за ним. Мне нравится смотреть, как ходят кукольники. Даже на Джинксе, где притяжение в полтора раза больше, чем на моей родной планете, их тела, похожие на тела оленей, кажутся невесомыми. Кукольник небрежно переступал крохотными копытцами.

— Надеюсь, вы уже поняли, что нашей фирме удалось создать нечто совершенно уникальное? — спросил он.

Я молча поаплодировал.

— Всю обитаемую часть Галактики из конца в конец корабль преодолеет за полтора часа. Прибавим шесть часов на взлет и шесть на посадку, предположим, что у места назначения не будет транспортных пробок... Что мы получим?

— Мы получим доказательство сверхвысокого интеллекта цивилизации, к которой вы имеете счастье принадлежать.

Кукольник не обрадовался грубой лести.

— Мы получим корабль стоимостью в семь миллиардов звезд, способный невиданно быстро доставить в любое обитаемое место Галактики всего-навсего одного человека и ни единой тонны груза! — с горечью воскликнул он глубоким контральто.

Мне показалось, или в этом контральто действительно зазвучали слезы?

— А если использовать ваш корабль в исследовательских целях? — сочувственно предложил я.

— Кукольники не видят смысла в абстрактном знании,— гордо отрезал мой собеседник.

Это надо было понимать так, что кукольник ни за что не станет рисковать своей драгоценной жизнью и не полетит в исследовательскую экспедицию, а значит, результаты исследований достанутся той цивилизации, подданным которой будет нанятый кукольниками пилот.

— Нет, Шеффер, нам нужны деньги и специалисты, которые сумеют создать пусть не такой быстрый, зато не такой громоздкий аппарат. Фирма «Дженерал Продактс» совершила прорыв в невозможное, но мы не желаем тратить деньги на то, что не принесет компании доходов. Нам потребуются лучшие умы других разумных цивилизаций и, конечно, огромные капиталовложения. Мы хотим привлечь к себе внимание, Беовульф Шеффер!

— Вы предлагаете мне рекламный полет? — наконец сообразил я.

Дайте время — и рано или поздно я все соображу... Вот только иногда бывает уже слишком поздно, особенно когда я имею дело с кукольниками.

— Именно. Мы хотим отправить вас к центру Галактики.

— Ничего себе прогулочка! И сколько времени это займет?

— Приблизительно двадцать пять дней туда и столько же обратно. Если вы не согласны...

— Нет-нет, этого я не говорил! Но почему вы решили пригласить именно меня?

— Мы хотим, чтобы пилот написал о своем путешествии, написал ярко и красочно. У меня есть адреса и фамилии нескольких пишущих пилотов, но те из них, к кому мы уже обращались, наотрез отказались от нашего предложения. Они считают, что писать, сидя на земле, гораздо спокойнее, чем испытывать новые корабли. Я с ними полностью согласен.

— Я тоже.

— Значит, вы не полетите?

— Хм... Все зависит от того, сколько вы мне предложите за этот сумасшедший полет.

— Сто тысяч звезд и пятьдесят тысяч за рассказ плюс та сумма, за которую вы его продадите.

— Согласен.

Возможно, мне не следовало так быстро соглашаться, но на моем счету оставалось всего две сотни звезд, к тому же я чертовски боялся, как бы мой новый босс не выяснил, что статью о нейтронной звезде написал вовсе не я.

Меня утешало то, что после успешного завершения полета я буду нарасхват во всех летных компаниях и заработаю в сто раз больше предложенного кукольником вознаграждения. Еще бы! «На наших линиях работает Беовульф Шеффер, первый в мире пилот, побывавший в центре Галактики!» — ведь это шедевр рекламы для любой транспортной компании! И золотой

дождь для самого Беовульфа Шеффера, парня, которого я давно и нежно люблю.

Но было еще кое-что, заставившее меня не задумываясь принять предложение кукольника.

Центр Галактики!

На своем первом корабле мне пришлось бы лететь туда триста лет, не считая остановок для заправки топливом и пополнения запасов провизии. А теперь каких-то три недели — и я увижу сердце Галактики, спрятанное среди разреженного газа и космической пыли. Какой пилот смог бы устоять против подобного искушения?

«Более благоразумный»,— говорил я себе, вспоминая тех, кто уже отказался от этого рейса, предпочтя писательское кресло пилотскому. И... продолжал готовиться к полету.

Жизненное пространство моего нового корабля, который я окрестил «Счастливый Случай», оборудовали за две недели. По моей просьбе полностью закрасили стены синим цветом в комнате отдыха и оставили прозрачными в зале управления. К тому времени, когда все было готово, я успел запастись видеокассетами и другими развлечениями, которые помогают человеку, на семь недель запертому в помещении чуть более просторном, чем чулан, не сойти с ума.

В последний день перед вылетом мы с кукольником обсудили окончательный вариант контракта. Четыре месяца на то, чтобы достичь центра Галактики и вернуться обратно. Наружные камеры будут работать непрерывно, их нельзя отключать. Если корабль получит механические повреждения, я могу вернуться, не долетев до цели, в противном же случае за прерванный полет предусматривался огромный штраф. Копию контракта я оставил у моего адвоката.

Наступил день отлета, о котором я могу сказать только одно: то был очень шумный день! Кукольник

всячески старался привлечь к полету внимание прессы, и, надо отдать ему должное, своей цели он достиг. Несколько раз мне казалось, что отважный пилот Беовульф Шеффер погибнет смертью храбрых еще до взлета — разорванный на куски репортерами с нескольких десятков планет. О том, что ожидает меня при возвращении, просто страшно было подумать! Поэтому думать об этом я не стал и, пинком сбросив с трапа журналиста-кдальтино, который, похоже, вознамерился лететь вместе со мной к центру Галактики, торопливо задраил люк.

В течение двенадцати часов корабль продвигался вперед только на термоядерных двигателях. Не стоит нырять в гиперпространство в близком соседстве с центром тяготения, особенно в экспериментальном полете. Пилоты, осмеливающиеся так поступать, обычно не доживают до пенсии. Поэтому только через двенадцать часов из обычного космоса я перешел в гиперпространство... И то, что меня там поджидало, восторга не вызвало.

Когда ты находишься в гиперпространстве, то, как правило, не только ничего не видишь, а просто забываешь, что там можно что-то увидеть. Постепенно человек к этому привыкает — разумеется, если не сходит с ума; но мне, бывалому пилоту Беовульфу Шеферу, сумасшествие не угрожало. Я провел в космосе тысячи часов, за моей спиной было как минимум пятьсот полетов...

Вот только ни в одном из этих полетов корабельный индикатор массы не вел себя так по-хамски.

Индикатор массы — это большая прозрачная сфера, из центра которой расходятся в стороны голубые линии. Направление линии соответствует направлению на звезду, длина линии соответствует массе звезды. К сожалению, при всей своей точности и надежности индикатором массы обязательно должно управлять разумное существо, встроить его в автопилот невоз-

можно. Во всяком случае, при нынешнем уровне развития космоплавания.

И вот данный чудо-прибор ясно показывал мне, что «Счастливый Случай» летит прямиком на звезду. Стоило свернуть в сторону — как я тут же заметил, что еще одна линия, направленная на меня, удлинилась до опасных размеров. Снова свернул — но только для того, чтобы прямо по курсу увидеть голубого карлика. Обливаясь холодным потом, я избежал столкновения с ним чуть ли не в самый последний момент, но не успел открыть рот, чтобы выругаться, как ко мне потянулась длинная размытая линия — сверхновая...

Попытаюсь вам объяснить, на что была похожа заварушка, в которую я попал.

Представьте себе скоростную автостраду на Земле. Вы, наверное, видели их из космоса — сплетения изгибающихся бетонных лент. Сейчас они стоят пустые и заброшенные: какие-то из них разрушены, какие-то застроены; новые, с резиновым покрытием, используются под дорожки для верховой езды. Вспомните по старым фильмам, как такая автострада выглядела утром в будний день, скажем, в конце двадцатого века — сплошной поток неуклюжих наземных машин. Отлично! А теперь возьмем все машины и отключим у них тормоза, сделав так, чтобы все они двигались с разной скоростью где-то порядка шестидесяти — семидесяти миль в час. Заодно испортим у всех машин акселераторы: скорость, которую водители считали максимальной, теперь является минимальной, и наоборот.

В результате на дороге — паника и неразбериха, женщины визжат, самые нервные личности теряют сознание от страха...

Милая картинка, не правда ли? А теперь, так сказать, на сладкое, вообразите, что вы сидите в одной из машин, где окна и лобовое стекло закрашены черным, в вашем распоряжении радар. Ваша задача — ни с кем не столкнуться.

Вот в такое положение я и попал.

Поначалу все было не так уж страшно. Звезды летели на меня, я уклонялся. Благодаря моему опыту мне на глаз удавалось определить массу звезды и расстояние до нее. Однако, летая на кораблях компании «Накамура Лайнз», я обычно смотрел на индикатор массы четыре-пять раз в сутки, а здесь не мог отвернуться от него даже на полминуты.

Через три часа такой остросюжетной жизни я сдался.

— «Счастливый Случай» вызывает «Дженерал Продактс», «Счастливый Случай» вызывает...

— Беовульф Шеффер?

— Я вам никогда не говорил, что у вас очень красивый, прямо-таки обольстительный голос?

— Нет. С вами все в порядке?

— Боюсь, что нет.

— Какие-то проблемы?

— Да, и очень большие. А если честно, я возвращаюсь.

После недолгой паузы последовал краткий вопрос:

— Почему?

— Я не могу все время лавировать между звезд. Рано или поздно замешкаюсь и врежусь в звезду. Ваш корабль летит слишком быстро.

— Да. В следующий раз нужно будет сконструировать менее быстроходный.

— Насчет следующего раза вы поговорите уже с другим пилотом, что же касается меня — я поворачиваю обратно. Следить все время за индикатором массы еще хуже, чем полчаса кряду любоваться «Сверхсветовым космосом»! Мне в глаза словно песку насыпали, я весь разбит и чувствую себя ужасней, чем после путешествия к нейтронной звезде. Короче, встретимся на Джинксе!

— Вы хорошо помните ваш контракт?

— А что такое?

— Вы можете вернуться лишь в том случае, если корабль получит механические повреждения. Иначе придется платить неустойку, вдвое превосходящую обещанное вам вознаграждение.

— Механические повреждения? — переспросил я.— Где-то на корабле есть ящик с инструментами. Погодите минутку, сейчас возьму молоток...

— Я не сказал об этом раньше, потому что не хотел зря трепать вам нервы, Беовульф Шеффер, но в корабле установлены две видеокамеры.— И как это я мог назвать голос кукольника красивым и обольстительным? Даже скрип ножа по тарелке доставил бы большее удовольствие! — «Дженерал Продактс» всего-навсего хотел получить рекламный фильм, но если вы пустите в дело молоток...

— Понятно. Ответьте, пожалуйста, на один вопрос: когда президент филиала компании на Гудвилле передавал вам мое досье, он не говорил, что я располагаю кое-какими сведениями о мире кукольников?

— Говорил. Он сообщил, что заплатил вам миллион за молчание и что у него имеется запись вашего соглашения.

— Ясно.

Так вот почему выбор пал на Беовульфа Шеффера, известного и талантливого писателя! Кретин, когда же ты наконец научишься не поскальзываться дважды на одной и той же банановой кожуре?

— Мое путешествие продлится дольше, чем я рассчитывал.

— За каждый просроченный день, согласно нашему договору, вы заплатите штраф: две тысячи за день.

— Забудьте все мои комплименты насчет вашего голоска. Даже у охрипшего мартовского кота артикуляция лучше, чем у вас! — С этими словами я дал отбой и продолжил полет.

Каждый час я выходил из гиперпространства в обычный космос, чтобы дать себе несколько минут отдыха

и торопливо проглотить чашку кофе. Я делал также десятиминутный перерыв на обед и семичасовой — на сон. Шестнадцать часов отнимало бдение у пульта, а восемь — шли на восстановление сил. Признавать поражение не хотелось.

К концу второго дня я понял, что не уложусь в четыре месяца. Хотя бы шесть... Уплатив сто двадцать тысяч штрафа, я останусь почти ни с чем. И поделом: нечего связываться с кукольниками!

Вокруг «Счастливый Случай» плескалось море звезд. Они заглядывали в кабину сквозь пол, светили в щели между приборами. Под ногами, излучая призрачное белое сияние, проходил Млечный Путь. Звезд становилось все больше. Чем ближе к центру, тем гуще будут их скопления, и в конце концов я обязательно врежусь в какую-нибудь из них...

— «Счастливый Случай» вызывает «Дженерал Продактс»!

Певучий голос ответил незамедлительно:

— Беовульф Шеффер?

— Да, радость моя, это я! Я тут кое-что придумал. Вы не могли бы...

— Вы уже достигли центра Галактики, Беовульф Шеффер?

— Конечно, нет! Я рад уже тому, что все еще жив, и...

— В таком случае, что вынуждает вас обращаться ко мне столь фамильярно?

— Радость моя, пришло время взаимных объяснений! Вы хотите вступить на тропу войны или предпочитаете получить свой уникальный корабль обратно?

После недолгого молчания последовал настороженный ответ:

— Говорите.

— Я могу попасть в центр Галактики только в том случае, если влечу в один из промежутков между ее рукавами. Или — я немедленно поворачиваю назад, наплевав на все неустойки! Я не самоубийца, моя ра-

дость. Любите ли вы меня настолько, чтобы вычислить, где кончается наш рукав?

— Я свяжусь с Институтом Знаний. Ждите.

Я не успел поцеловать гиперфон — кукольник дал отбой.

Через пять часов меня разбудил сигнал. На этот раз говорил не президент, а какой-то мелкий клерк «Дженерал Продактс». Вчера, смертельно усталый и в очередной раз обманутый очаровательным голоском президента, я назвал его «моя радость» и, наверное, оскорбил тем самым его чувства. Пол кукольника — одна из его маленьких тайн, его невозможно распознать даже по гриве.

Служащий «Дженерал Продактс» сообщил мне направление и расстояние до ближайшего промежутка между звездами, и с того момента мои дела пошли не в пример лучше. Теперь я мог смотреть на индикатор массы не чаще, чем раз в десять минут, а потом и вовсе забыл о жестком режиме первых кошмарных дней.

Восемь часов в сутки я спал, в течение оставшихся шестнадцати — пропарывал гиперпространство и все дальше продвигался к центру Галактики по своеобразному коридору. За три недели удалось преодолеть расстояние не меньше семнадцати тысяч световых лет...

А к исходу трех недель коридор закончился и передо мной возникло безликое скопище звезд, за которым виднелись темные пылевые облака. До центра Галактики оставалось еще тринадцать тысяч световых лет.

Я сделал несколько снимков в обычном космосе и снова нырнул в гиперпространство.

На четвертый день полета я не спеша закончил ленч и опустил глаза на прозрачный пол. Некоторое время я сидел, уставясь себе под ноги, потом, не поднимая взгляда, потянулся к гиперфону.

— Беовульф Шеффер?

— Нет, Альберт Эйнштейн. Перед вылетом я спрятался, но теперь решил сдаться за вознаграждение.

— Сообщение ложных сведений является прямым нарушением условий контракта.

Если у меня и оставались какие-то сомнения насчет чувства юмора кукольников, теперь они полностью развеялись.

— Зачем вы меня вызвали? — недовольно осведомился мой двухголовый босс.

— Я увидел центр Галактики.

— Это не причина для того, чтобы меня беспокоить. Согласно контракту, вы *обязаны* были увидеть центр Галактики.

— Черт возьми, да неужели вам совсем не интересно?! Неужели не хотите узнать, на что он похож?! Еще ни одно разумное существо...

— Если вы хотите немедленно описать увиденное, чтобы застраховать информацию, я включу диктофон,— прервал мои восторженные вопли кукольник.— Однако если ваш полет окажется неудачным, мы не станем публиковать запись.

Пока я сочинял достойный ответ, гиперфон издал щелчок. Босс соединил меня с диктофоном.

Я произнес сакральную фразу «Центр Галактики!», добавил пару слов... и отключил связь.

В самом сердце Галактики находился плотный шар диаметром в пять-шесть тысяч световых лет, состоящий из разноцветных огней и четко отделенный от остального космоса пылевыми облаками. Самыми яркими и крупными были красные звезды: они выделялись на общем фоне, образованном смешанным, как краски на палитре, светом остальных звезд. Как ярко они светили! Мне пришлось смотреть в телескоп, чтобы различить черные промежутки между ними.

Я помогу вам представить, какие в центре Галактики яркие звезды (если, конечно, вы не кукольник и вас это интересует). У вас сейчас ночь? Выйдите на улицу и посмотрите на звезды. Какого они цвета? Антарес может показаться красным, если вы недалеко от него.

В Солнечной системе красным будет Марс, Сириус — голубоватым, а все остальные звезды и планеты покажутся вам белыми точками. Почему? Потому что темно. Днем у нас цветное зрение, а ночью черно-белое, как у собак.

Так вот, в центре Галактики настолько светло, что человеческий глаз различает цвета всех звезд, всех без исключения!

С удовольствием оставил бы здесь за собой планету, а когда кукольники проложат сюда дорогу, у меня будет самое красивое поместье во всей известной людям части Вселенной... Конечно, если я смогу найти облюбованную мной планету во второй раз.

Черт возьми, хорошо уже будет, если я отыщу дорогу домой!

Я тряхнул головой, очнулся от грез, ушел в гиперпространство и принялся за работу.

Через час пятьдесят минут, то есть через пятьдесят световых лет, сделав перерыв для ленча и два перерыва для отдыха, я заметил в центре Галактики новый объект. На некотором расстоянии от центра звездного шара появилось белое пятно, такое яркое, что свет голубых, зеленых и даже красных звезд казался по сравнению с ним невыразительно тусклым. Во время очередного перерыва пятно стало чуть ярче, потом еще ярче, потом еще...

— «Счастливый Случай» вызывает «Дженерал Продактс»!

— Беовульф Шеффер?

— А вы кого хотели услышать? Может, вы думаете, что я подрабатываю по дороге, подкидывая попутных пассажиров к центру Галактики?

— Почему вы сказали в диктофон, что я двухголовое трусливое чудище?

— Потому что я не мог сказать это вам лично, вы же дали отбой, помните?

— Нда... Нам, кукольникам, трудно понять отсутствие у вас естественной осторожности.— Босс явно старался не давать воли своим чувствам.— И очень трудно считать красивым существо с одной головой и двумя ногами, но если мы начнем упражняться во взаимных оскорблениях, Беовульф Шеффер...

— Постараюсь исправиться, босс! К тому же с тех пор, как я начал работать на вас, я тоже стал поклонником разумной осторожности. Это и называется взаимообогащением двух культур, верно? И я готов признать, что у вас, кукольников, есть масса самых разных достоинств даже помимо ваших неотразимых голосов!

— Мистер Шаффер!

— Да-да, не стоит скромничать, моя радость! Никто не отрицает, например, что вы можете быть удачливыми бизнесменами,— когда имеешь деньги, легче бороться с обстоятельствами. Но вы так озабочены борьбой за выживание, что не проявляете ни малейшего любопытства по отношению к тому, что не представляет для вас угрозы. Никто, кроме кукольника, не отказался бы послушать, как выглядит центр Галактики!

— А кзины? — Да, вне всякого сомнения, я сумел-таки задеть босса за живое.

— Ах, да!

Кзины. От них трудно ожидать разумного поведения. Они нападают, ты отражаешь их нападение и взываешь к своему гуманизму, чтобы полностью их не уничтожить. Они восстанавливают силы и снова нападают, и снова ты их лупцуешь. В перерывах между войнами ты продаешь им продукты питания и покупаешь у них металлы, а также нанимаешь их на работу, когда тебе нужны специалисты в области теории игр. Кзины не представляют реальной опасности, потому что всегда бросаются в бой, не успев как следует к нему подготовиться.

— Кзины — плотоядное племя,— сексапильный голос кукольника дрожал от негодования.— В тех ситуа-

циях, когда мы боремся за выживание, они борются за мясо. Они завоевывают миры для того, чтобы покоренные народы снабжали их провиантом. Если их не будут обслуживать рабы, эти дикари начнут бродить по лесам в поисках мяса. Какое кзину дело до того, что вы называете абстрактным знанием? Но ни одному сознательному, высокоразвитому народу тоже не нужно знание, которое не приносит выгоды. Только всеядному существу было бы интересно выслушать ваш рассказ о центре Галактики!

— Вы не учли, что большинство разумных племен всеядны. И если кзины еще не доросли до того, чтобы интересоваться центром Галактики, то, боюсь, кукольники это уже переросли.

— Зачем вы меня вызвали, Беовульф Шеффер?!

— Послушайте, я знаю, что кукольникам нет дела до того, как выглядит центр Галактики. Но я тут заметил кое-что, что может представлять для меня реальную опасность. Поэтому я хотел бы, чтобы вы немедленно внесли ясность в один тревожащий меня вопрос... который сейчас интересует меня гораздо больше, чем самый уникальный из всех уникальнейших абстрактных фактов.— Ха-ха! Я уже начинаю думать, как кукольник. Хорошо это или плохо?

— Я едва не ослеп, когда навел на него телескоп. Через светозащитное стекло номер два не видны детали, можно различить только бесформенное белое пятно, настолько яркое, что звезды вокруг него кажутся черными кружочками с цветными каемками. Я хочу знать, в чем тут дело.

— Странно... очень странно. Пожалуй, я наведу справки, а пока... Совершенно необязательно вызывать меня по каждому пустяку в любое время дня и ночи! В «Дженерал Продактс» достаточно служащих, чтобы...

— Я тоже без ума от тебя, моя радость. Буду ждать твоего вызова, целую!

Пока босс приходил в себя от моей наглости (и, возможно, действительно наводил какие-то справки), я приближался к центру Галактики, а светлое пятно, по-прежнему бесформенное, делалось все больше и ярче.

Трудно было понять, что там, впереди, происходит. Я уже не мог смотреть на пятно незащищенными глазами, пришлось надеть очки номер один. Меня не оставляла мысль о том, что светлое пятно еще очень далеко, на расстоянии около десяти тысяч световых лет, а уровень радиации здесь уже таков, что все живое на планетах, мимо которых я лечу, неизбежно должно погибнуть.

Когда я вышел из гиперпространства в следующий раз, мне понадобились светозащитные очки номер два, затем — номер три, затем — номер четыре. Пятно превратилось в огромную ослепительную амебу, запустившую изгибающиеся огненные отростки во внутренности центра Галактики. Продвигаясь по гиперпространству, я буквально протискивался между звездами. Чем ближе был центр, тем сильнее пятно напоминало живое существо — растущее и требующее пищи... Готовое проглотить все, до чего оно может дотянуться своими сияющими жадными щупальцами...

Я с умилением вспоминал «Сверхсветовой космос» — столь безобидной казалась мне эта картина по сравнению с грозным зрелищем, которое терзало сейчас мои измученные глаза!

К счастью, мозг функционировал лучше зрения — и после очередного выхода из гиперпространства мне все стало ясно! Нырнув обратно, я вызвал босса.

— Беовульф Шеффер, вы влюбились в звук моего голоса? У меня есть более важные занятия, чем наблюдение за вашим полетом!

«Более важные занятия — когда половина капиталов твоей фирмы вложена в мой корабль! Лживое сладкоголосое чудовище!»

— Радость моя, я хочу прочесть тебе лекцию об абстрактном знании.

— Прочтете, когда вернетесь, и не мне, а...

— Вам интересно будет узнать, что наша Галактика взорвалась?

Послышался странный звук, как будто кукольник подавился, а затем:

— Повторите, пожалуйста.

— Я завладел вашим вниманием?

— Да.

— Прекрасно. Интерес к абстрактному знанию есть симптом чистого любопытства. А любопытство, очевидно, фактор, обеспечивающий выживание.

— Стоит ли это обсуждать?! Тем более сейчас?! Повторите, что вы только что сказали насчет Галактики!!!

Судя по голосу, босс был в истерике, но я не устоял перед искушением еще немножко его помучить.

— Думаю, что вы, кукольники, выжили только потому, что у вас есть какая-то замена любопытству,— с удобством развалившись в кресле, задумчиво проговорил я.— Например, мощный интеллект. Полагаю, что он так усиленно развивался именно затем, чтобы обеспечить выживание вида без опоры на познание мира методом проб и ошибок. Большинство разумных существ пользуются для получения знаний именно таким методом, причем зачастую стремятся к знаниям только ради знаний. Вы же гордо заявляете, что абстрактные знания вам не нужны... И тем самым резко сужаете свой кругозор, рискуя пропустить что-то действительно очень для вас важное. И опасное. Если бы вы не послали меня в рекламное путешествие к центру Галактики, то ничего не узнали бы о...

— Вы сказали, что Галактика взрывается!!! — истерический взвизг босса прервал мой философский монолог на самом интересном месте.

— Нет, моя радость, я сказал, что Галактика *уже* взорвалась примерно девять тысяч лет назад. Я надел

светозащитные очки номер двадцать, но, поверьте, все равно на это больно смотреть — во всех смыслах этого слова. Трети центра уже нет. Белое пятно растет со скоростью, близкой к скорости света. Едва ли оно остановится, пока не выйдет за пределы Центра и не столкнется с газовыми облаками.

Ответа не было.

Я отогнал тревожную мысль о том, что босс в обмороке, и продолжал:

— Сердцевина пятна полностью выгорела, а на поверхности — молодые новые звезды. И учтите, свету, который я вижу, уже девять тысяч лет. Сейчас я прочту показания некоторых приборов. На радиометре двести десять. Температура в кабине нормальная, но слышите, как воет терморегулятор? В индикаторе массы стоит голубая муть. Короче, я поворачиваю обратно.

— На радиометре д-двести десять? — Нервы у кукольника оказались покрепче, чем я думал, он все еще был в сознании, хотя его голос дрожал и срывался.— На... На каком расстоянии от Центра в-вы сейчас находитесь?

— Около четырех тысяч световых лет. Я вижу фонтаны горящего газа. Они образуются на ближней стороне пятна и выбрасывают пламя на юг и север Галактики. Когда радиация, распространяющаяся из центра Галактики, достигнет наших миров, она стерилизует там все обитаемые планеты.

На этот раз мой собеседник молчал так долго, что мне пришлось три раза окликнуть его, прежде чем он отрешенно отозвался:

— Беовульф Шеффер!

— Да, любовь моя?

— Вы можете вернуться, но вознаграждения за полет вы не получите.

Мое удивление было даже сильнее, чем возмущение или гнев.

— Это еще почему?

— Вы так и не достигли центра Галактики, значит, согласно контракту, должны выплатить нашей фирме неустойку,— все так же отрешенно оповестил меня кукольник.

— Черта с два! — наконец-то взорвался я.— Я сфотографирую приборы, и когда суд увидит шкалу радиометра и голубой туман в индикаторе массы, он поймет, что приборы повреждены!

— Ерунда. Вам введут наркотик правды, и вы все объясните.

— Разумеется, и тогда судьи узнают, что вы заставляли меня лететь в эпицентр катастрофы!

— Что может возразить суд против контракта?

— Все что угодно, если захочет. У меня очень ловкий адвокат, уж он-то найдет способ доказать, что контракт является незаконным и что вы побуждали меня к самоубийству! При подобных обстоятельствах любой суд вынесет решение против «Дженерал Продактс», и это обойдется вам вдвое дороже выплаты по контракту! Хотите пари?

— Нет. Мне некогда с вами препираться. Возвращайтесь.

Эпицентр катастрофы снова превратился в сверкающий разноцветными искрами драгоценный камень, а потом скрылся за линзой Галактики. Неплохо бы слетать к нему через пару десятков тысяч лет, но машина времени еще не изобретена.

Домой я летел не торопясь. Что-то подсказывало мне, что прибытие «Счастливого Случая» не будет таким триумфальным, как его отлет,— на обратном пути кукольник ни разу не откликнулся на мой вызов. Всю дорогу я гадал, почему президент «Дженерал Продактс» решил так резко и грубо прервать наш пылкий роман.

Полет корабля прославил бы «Дженерал Продактс», как и было задумано, а президент отказывается от

славы, только бы не выплачивать мизерное вознаграждение! Похоже, я напрасно возомнил себя специалистом по психологии кукольников, их легкоранимые души по-прежнему оставались для меня тайной за семью печатями.

Система наведения приземлила меня точно на базу — и мои предчувствия полностью оправдались: меня никто не встречал. Прессу явно не известили о возвращении отважного исследователя сверхдальнего космоса Беовульфа Шеффера, повидавшего то, что никто из разумных существ еще не видел.

В телепортационной кабине я набрал код Сириониса, самого крупного города на Джинксе; там я собирался связаться с «Дженерал Продактс», сдать им корабль и получить свои деньги.

Но в городе я столкнулся с ошеломляющими неожиданностями. Во-первых, «Дженерал Продактс» перевела на мой счет в банке Джинкса сто пятьдесят тысяч и оставила мне сообщение, в котором говорилось, что я не обязан писать рассказ о полете.

Но это были еще цветочки!

Во-вторых, я узнал, что компания «Дженерал Продактс» перестала существовать. Она прекратила продажу кораблей, выплатила всем своим клиентам неустойки — и исчезла, вызвав крупнейший кризис на межзвездном космическом рынке. Кризис начался, как только на предприятия космической промышленности перестали поступать корпуса под оснастку. Вслед за фирмами, выпускающими оборудование для космических кораблей, разорились сотни других. Если межзвездный рынок начинает лопаться по швам, этот процесс нельзя остановить, как нельзя остановить взрывы новых звезд в центре Галактики!

Я сидел в баре на крыше самого высокого здания в городе, но даже туда доносился шум, сопровождающий крушение очередной биржи. Время от времени в бар врывались люди с багровыми лицами и вытара-

щенными глазами, торопливо заглатывали пару коктейлей и снова выбегали вон. И вместе с этими людьми в бар врывались самые невероятные новости, сплетни и слухи.

— «Дженерал Продактс» выставила на продажу секрет непроницаемых корпусов! Люди — сотрудники «Дженерал Продактс» — в течение года будут собирать заявки, в которых предложена цена не менее триллиона. Не зевайте, заявки рассматриваются на равных основаниях!

— Никто ничего не знает, я вам говорю! Вот уже месяц нигде не видно кукольников, они исчезли сразу изо всех обитаемых миров!

— Кукольники отошли от межзвездных дел?! Не может быть, почему?!

— Мой бог, а я откуда знаю?! Кто хоть когда-нибудь понимал этих двухголовых оригиналов?!

Да, никто ничего не понимал, кроме одного-единственного человека. Только я, Беовульф Шаффер, знал, что через двадцать тысяч лет поток радиации зальет эту область космоса. Взрыв, произошедший некогда в Центре, сделает всю Галактику не пригодной для жизни в любом ее проявлении. Двадцать тысяч лет — это очень большой промежуток времени. Он в четыре раза больше всей записанной истории человечества. К тому времени, как Джинкса, или Гудвилла, или Земли достигнут последствия взрыва, от нас с вами не останется даже пыли. Поэтому я не собирался заранее беспокоиться о грядущем.

Иное дело кукольники! Они перепугались, причем настолько, что выплатили неустойки по всем контрактам, скупили оборудование для своих пустых неуязвимых кораблей, послали к черту межзвездный бизнес и обратились в бегство.

Интересно, куда они отправились? Галактику окружает кольцо небольших шаровидных скоплений. Возможно, взрыв не затронет те из них, что находятся у

внешнего края. А за пределами Галактики — пустой космос, во всяком случае, достаточно пустой, чтобы кукольники сочли его безопасным для своей цивилизации.

Жаль! В нашей Галактике будет скучно без кукольников. Как досадно, что они не такие храбрые, как мы.

Впрочем, что такое храбрость?

Я ни разу не слышал, чтобы кукольник закрыл глаза на какую-либо конкретную проблему. Столкнувшись с проблемой, он, возможно, начнет рассчитывать, как быстро ему следует обратиться в бегство — вместо того, чтобы ринуться в драку — так сделал бы на его месте землянин. Но все же кукольник не станет делать вид, будто проблемы вовсе не существует. В ближайшие двадцать тысяч лет нам придется перемещать население, численность которого уже сегодня достигла сорока трех миллиардов. Как? Куда?

Наверное, в глубине души люди еще трусливей кукольников, раз не хотят заранее взглянуть в лицо неотвратимо надвигающейся опасности.

ДРЕВНЕЕ ОРУЖИЕ*

Однажды, когда Джейсон Папандреу был еще холост и служил добровольцем на одном из боевых кораблей Земли, он увидел странную звезду.

Тогда как раз подходила к концу последняя война с кзинами, и перевес был явно на стороне землян. Кзины сражались отважно и яростно, им неведомы были страх или милосердие, но они, как всегда, откусили больше, чем могли проглотить.

Корабли землян вскоре вытеснили флот противника за пределы своих владений, а потом захватили в качестве компенсации за понесенный ущерб две колонии. И на обратном пути капитан корабля, на котором служил Джейсон, слегка отклонился от курса, чтобы дать своему героическому экипажу возможность взглянуть на Бету Лиры.

Почему Джейсон вспомнил об этом теперь, почти десять лет спустя? Наверное, в нем сработал инстинкт самосохранения, тот спасительный голос, который время от времени просыпается в каждом из нас, чтобы крикнуть: «Старина! Тебе пора что-то предпринять,

---

* The Soft Weapon © 1967 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

если ты и дальше хочешь украшать своим присутствием вселенную!»

На сей раз внутренний голос капитана «Солнечного Луча» заговорил, когда жена Папандреу снова яростно атаковала стазовый сейф, и Джейсону показалось, что сейф вот-вот поддастся отчаянным усилиям Анны-Мари.

Страшно было подумать, что может произойти, если она все же вскроет стазовое хранилище. А вдруг в нем легендарное оружие иунну! С другой стороны, Джейсон не мог слишком строго осуждать свою предприимчивую жену: уже четвертый месяц они вели утомительно однообразную жизнь, и энергия Анны-Мари находила выход в бесплодной борьбе с неуязвимым сейфом.

«Солнечный Луч» мог принять не более тридцати душ, но в последнем рейсе, кроме супругов Папандреу, на борту было всего одно разумное существо. Несмотря на всю свою разумность, существо не обладало жизнерадостностью, обаянием и общительностью, которые могли бы отвлечь Анну-Мари от ее опасного хобби.

Единственный пассажир «Луча» был кукольником, да к тому же сумасшедшим. В последнее время он пребывал в депрессивной стадии своего психоза и не выходил из каюты. До Джинкса оставалось еще несколько недель полета... Словом, срочно требовалось какое-нибудь развлечение!

Анна-Мари злобно уставилась на стазовый сейф:

— Неужели его никак нельзя открыть?

— Нельзя, Анна. У нас нет приборов, нейтрализующих стазовое поле, а кроме того, это незаконно.

— Законно, незаконно... Мы можем сказать, что эта штука открылась сама, когда «Солнечный Луч» столкнулся с... Ой! Джей, что ты делаешь?

— Выхожу из гиперпространства.

— Мог бы сначала предупредить женщину!

— Женщина, почему бы тебе не глянуть вон туда?

— Зачем?

Джейсон только самодовольно улыбнулся. Поняв, что другого ответа она не получит, Анна-Мари поднялась с пола и посмотрела туда, куда показал муж. Ухмыляясь, Джейсон ожидал ее реакции — и жена его не разочаровала.

— Мой бог, какая красота! Что это такое?!

Джейсон увидел сияющие глаза Анны-Мари. «Слава богу! На какое-то время карьера начинающего взломщика будет забыта!» Потом он встал рядом с женой у прозрачной стены корабля... И на какое-то время тоже забыл обо всем на свете.

Витой шнур красного дыма свивался в тугой клубок, в середине которого находился источник огня — двойная звезда. Одна из звезд горела бело-фиолетовым огнем; если бы не поляризованная обшивка, ее лучи пробуравили бы дыры в сетчатке глаз зрителей. Вторая звезда была желтая. Взаимное притяжение сформировало из светил два приплюснутых яйца, соединенных широкой лентой красного, более слабого, пламени. Свободный конец горящей красной ленты заворачивался в спираль, будто вокруг майского шеста, и ввинчивался в космос, постепенно расплываясь и тускнея, из огненно-красного превращаясь в дымно-красный. По небу тянулась длинная, в полвселенной, спиральная дорога, усыпанная блестками звезд.

— Это — Бета Лиры,— Джейсон решил продемонстрировать эрудицию.— Та красная лента образована водородом, который собирают с поверхностей звезд их конфликтующие гравитационные поля. Понимаешь, когда идет реакция синтеза ядер...

— Прекрати! — перебила Анна-Мари.— Тебе обязательно надо испортить любое великолепное зрелище своими нудными пояснениями?

— Нда, зрелище и вправду неплохое,— скромно согласился Джейсон.— К тому же оно не продлится веч-

но, этой паре недолго осталось извергать водород. Еще миллион лет — и увы! Нет больше Бета Лиры.

— Какая красота! — завороженно повторила Анна-Мари, пропустив слова мужа мимо ушей.— Давай разбудим Несса, пусть он тоже посмотрит! Мне кажется, это может вывести его из теперешнего состояния.

Кукольник, которого супруги Папандреу называли Нессом — его настоящее имя звучало, как положенная на музыку автомобильная катастрофа,— был самым настоящим сумасшедшим. Все кукольники от природы осторожны — чтобы не сказать трусливы,— поэтому храбрость у них считается симптомом безумия. Несс проявлял отвагу настоящего землянина в свои маниакальные периоды, а в депрессивные вел себя трусливее самого трусливого кукольника. Потом эта стадия кончалась, и Несс принимался рисовать углем картинки, глядя на которые Джейсон с трудом мог поверить, что их рисовал кукольник. У этих существ чувство юмора отсутствовало, юмор считался признаком нарушений в системе защиты...

Но сейчас Несс находился в депрессивной стадии, поэтому не открыл дверь настойчивым супругам. Существовало только одно средство выманить его наружу — и Джейсон, вернувшись в рубку, решительно нажал кнопку сигнала тревоги. По этому сигналу кукольник должен был броситься в зал управления, как будто за ним гнался сам ангел смерти....

Однако Несс появился в дверях на несколько секунд позже, чем его ожидали. Две питоньи головы оглядывали зал управления, настороженно ища следы аварии. Лохматая грива кукольника торчала во все стороны, хотя он должен был ее расчесывать и укладывать таким образом, чтобы прическа определяла его положение в обществе. Но теперь это было уже неважно — лет двенадцать назад кукольники покинули Галактику, бросив здесь лишь душевнобольных и генетических уродов. В результате поспешного бегства

кукольники остались должниками по мириадам контрактов, заключенных с десятками других народов; Нессу и подобным ему изгоям поручили улаживать все дела. И вот Несс зафрахтовал «Солнечный Луч», чтобы отправиться на край освоенного космоса на встречу с запредельниками.

— Что случилось? — взвизгнул Несс, не найдя никаких повреждений.

— Ничего страшного,— успокоил его Джейсон.— Просто я неловко облокотился о пульт и случайно нажал на кнопку сигнала тревоги.

— Посмотрите туда, Несс! — велела Анна-Мари.— Посмотрите скорей! Разве это не чудо?

Кукольник послушно повернул обе головы к Бете Лиры. Он остановился как раз под одной из своих картин, и Джейсон, переводя взгляд с картины на автора, в который раз поразился, что Несс смог такое нарисовать.

На картине были изображены два человеческих бога — так их изобразил бы талантливый художник-человек. Один из персонажей картины, совсем еще мальчик, держал в руках Галактику и очень странно улыбался, разглядывая разноцветную спираль. Другой, седой старик с развевающимися по ветру волосами и бородой, всем своим видом, казалось, говорил: «Ну, поиграл, а теперь верни на место!» На заднем плане треугольником торчали остроконечные скалы, и вся картина называлась словами из дурацкой песенки: «Три скалы, три скалы — грани, плоскости, углы».

Несс говорил, что эта картина — некая имитация человеческого юмора. Может, у сумасшедших кукольников и впрямь развивается чувство юмора или хотя бы его имитация?

— Да, раньше я уже видел эту звезду,— пробормотал Несс, глядя на Бету Лиры.— Она действительно прекрасна. Если бы не депрессия, я сам предложил бы здесь остановиться... Спасибо, Джейсон.

— Что вы, сэр! — ответил капитан «Луча» с таким видом, будто завернул к звезде специально для того, чтобы развлечь приунывшего кукольника.

Несс склонил левую голову набок, и Джейсон поспешно добавил:

— Мы вернемся на курс, как только прикажете.

Что собирался приказать кукольник капитану корабля, так и осталось неизвестным — чудовищный удар потряс «Солнечный Луч» от носа до кормы. Джейсон пролетел через всю рубку, врезался головой в стену, и черное ничто, подобное «слепому пятну» гиперпространства, поглотило его.

Первым очнулся кукольник, приподнял одну голову, потом другую... Его шеи извивались, как пьяные питоны. Наконец головы перестали раскачиваться, зато во взгляде появился ужас: он увидел, кто сидит в кресле капитана «Солнечного Луча».

Почти одновременно с Нессом пришел в себя Джейсон. Он попробовал пошевелиться, но не смог, начал оглядываться по сторонам — и при виде чудовища, с трудом втиснувшего свою мохнатую тушу в кресло перед пультом, взгляд Папандреу стал до удивления похож на взгляд кукольника.

В его кресле сидел кзин — необычайно крупный, хотя даже малорослый кзин показался бы человеку очень большим. А если человек к тому же взирает на своего смертельного врага снизу вверх, будучи связанным по рукам и ногам силовым полем... Впрочем, данный экземпляр показался бы крупным в любом ракурсе: в нем было футов восемь, а то и восемь с половиной. Он напоминал очень толстого кота, который выкупался в оранжевой краске, кота — но с крысиным розовым хвостом...

А главное, ни у одного кота Джейсон не видел столь свирепой морды и таких злобных красных глаз, как у существа, взирающего на него из-под потолка рубки его корабля.

— Ка-ак вы сюда попали? — чуть заикаясь, заговорил кукольник на языке кзинов.— И что вы собираетесь с нами сделать?

Кзин даже не взглянул на своего двухголового пленника. Кукольники не умеют воевать, значит, это просто травоядные животные. Мясо. Кто же обращает внимание на блеяние овцы? Но Джейсон продублировал вопрос Несса на общегалактическом языке, и на этот раз рыжий бандит решил ответить:

— Как я сюда попал? Мы просто долбанули вашу колымагу в корму, вскрыли люк и нанесли вам дружеский визит.

— Дружеский визит?

У Джейсона все еще гудела голова после близкого соприкосновения со стеной рубки — должно быть, поэтому он не мог удержаться от идиотских вопросов.

— Но почему наш индикатор массы...

— Почему он нас не засек? Мы не дали ему на это времени, вынырнув из гиперпространства рядом с вашим кораблем... В общем, то, что наши посудины поцеловались, было просто редчайшей случайностью,— признался кзин, но глаза его горели красным торжествующим огнем.— Но счастливой случайностью, надо признать! Я всегда считал себя везучим, ха! — а вот теперь я вижу, что я *феноменально* везуч!

— Сомневаюсь. Между нашими народами давно заключен мир, и если узнают, как вы обошлись с...

— Заткнись!!! — Мохнатый кулак кзина обрушился на край пульта, и Несс испуганно вскрикнул.— Мне плевать на соглашение, которое наше безмозглое правительство заключило с землянами вместо того, чтобы воевать с вами до последнего корабля! Я с Землей никаких соглашений не заключал, и, Гррум меня раздери, если я упущу счастливый случай, пославший мне такой ценный трофей!

— Война давным-давно кончилась, вспомните об этом и остыньте! — В голове у Джейсона наконец про-

яснилось, и теперь его больше всего заботило то, что лежащая рядом с ним Анна-Мари не подает признаков жизни.— Может, вам стоит бросить военное ремесло и заняться рисованием космических пейзажей? Бета Лиры — отличный сюжет для начинающего художника!

У кзинов, как и у кукольников, отсутствует чувство юмора. Джейсон имел возможность в этом наглядно убедиться, когда оранжевый кулак со второй попытки отколол-таки край многострадального пульта управления.

— Заткнись!!!

— Как скажете.— Джейсон с тревогой смотрел на жену, до которой даже не мог дотянуться. Он увяз в путах силового поля, как оса в густом варенье; Несс был связан точно таким же образом.

— Мы нашли на вашей развалюхе стазовый сейф,— кзин мрачно потирал отбитый кулак,— но не смогли его открыть. Ты немедленно скажешь нам, как он открывается, а не то...

— Не то что?

— Не то мы отпразднуем наше знакомство, сожрав тебя и твою самку. В знак дружбы между кзинами и землянами, а? — Если у рыжих вояк юмор отсутствовал, то злобный сарказм отнюдь не был им чужд.

— Понятия не имею, как открывается этот сундук! — честно признался Джейсон.— Моя жена два месяца пыталась это сделать, но у нее так ничего и не получилось!

Его чистосердечные излияния прервал тонкий визг — это наконец-то очнулась Анна-Мари.

— Спокойно, дорогая! — утешил супругу Джейсон.— Все в порядке, нас всего лишь захватил в плен этот рыжемордый бандит!

— Что? Ой, моя шея! — Она попыталась пошевелиться, но смогла только повертеть головой.— Кто этот лохматый громила, Джей?

— Это кзин,— обрадовал жену Джейсон.— Слушайте, пират, может, вы представитесь хотя бы женщине, а?

— Хафт-капитан,— гордо изрек захватчик «Луча» и встал, гордо выпрямившись; его голова достигала потолка.— И если никто из вас немедленно не скажет, как открыть стазовый сейф, я буду разговаривать с вами по-другому!

Анна-Мари взглянула на мужа и доброжелательно ответила:

— Я билась над этим сейфом весь рейс, но Джей говорит, что я никудышная взломщица!

Нёсс молчал, однако Джейсон отчетливо слышал, как стучат зубы обеих его голов.

Кзин повернулся к двери и испустил вопль, похожий на вопль разъяренного кота. На этот зов явились еще двое — один был очень похож на капитана, разве что помельче, зато второй...

Среди уроженцев планеты кзинов редко встречаются тощие, но этот тип был не просто тощим, а болезненно худым, его тусклая шерсть сбилась в колтуны, а взгляд напомнил Джейсону Несса в самые худшие минуты депрессивной стадии.

Капитан обратился к худому с новым диким воплем... И Джейсон почувствовал, как в его мысли вторглось что-то чужое, бесцеремонно заглядывая в самые потаенные закоулки мозга.

Тощего держали на боевом корабле в качестве профессионального телепата, время от времени накачивая наркотиком, от которого девятьсот девяносто девять из тысячи сходят с ума, а тысячный остается вечно дрожащим неврастеником, зато приобретает мощные телепатические способности. Джейсон знал, что никакие способности не помогут кзину отыскать в его голове способ вскрытия стазового сейфа, и все же назло врагу сосредоточился на воспоминаниях о свежей моркови. Как ты откусываешь от нее большой сочный

кусок, с хрустом жуешь, как проглатываешь и снова смачно вонзаешь в морковку зубы...

Телепат в изнеможении прислонился к стене. Во рту у него стоял морковный вкус, как будто он сам только что перетирал желтый овощ коренными зубами.

Хафт-капитан грубо его встряхнул, требуя немедленного ответа, телепат бессильно щелкнул зубами и пробормотал:

— Они действительно не знают, как вскрывается сейф... Ни человек-мужчина, ни человек-женщина, ни кукольник...

«И слава богу!» — заметил про себя Джейсон. Весь рейс он с тревогой думал о том, что может произойти, если Анна-Мари вскроет сейф; но при мысли о том, что будет, если стазовое хранилище вскроют кзины и обнаружат там оружие рабовладельцев, его прошибал холодный пот.

Полтора миллиарда лет назад в этой части Галактики бушевала война. Рабовладельцы-иунну подчинили своей власти все разумные народы, населяющие планеты на расстоянии двухсот световых лет от своей метрополии, и заставили десятки побежденных цивилизаций работать на себя... пока один из покоренных ими народов — тнуктипы — не взбунтовался. В распоряжении иунну было мощное оружие, помогавшее им держать рабов в подчинении, но и рабы-тнуктипы обладали развитым интеллектом и передовой технологией. Война иунну с тнуктипами привела к гибели обеих цивилизаций, опустошила пол-Галактики и разбросала по космосу множество стазовых сейфов.

Содержимое этих контейнеров, помещенное в стазовое поле, могло сохраняться в течение полутора миллиардов лет, и зачастую в них хранилось оружие рабовладельцев.

Каждый найденный в космосе сейф обещал немыслимую сенсацию, но в то же время таил в себе угрозу:

кто знает, какое средство разрушения могла изрыгнуть из себя стазовая утроба? Один из видов оружия иунну — меч со сменными лезвиями — недавно наделал много шуму в человеческом обществе, возродив во многих мирах рукопашные схватки и дуэли на шпагах. Еще один вид старинного оружия нашел мирное применение — дезинтегратор работал так медленно, что от него не было толку в бою. Но если кзины обнаружат в сейфе оружие, которое даст им перевес над землянами...

— Я же сказала, что нам не удалось открыть этот сейф! — прощебетала Анна-Мари.

Не обращая на нее внимания, капитан кзинов продолжал допрашивать телепата (Несс тихо переводил его слова на общегалактический язык):

— Где они нашли стазовый сейф?

— Это не они, Хафт-капитан. Сейф нашли запредельники недалеко от центра Галактики и взяли с собой, чтобы продать.

— Что связывает землян с запредельниками?

— Это кукольник. Людей он просто нанял вместе с кораблем, чтобы добраться до нужных ему планет... Обычная торговля, капитан,— что еще может занимать этих двухголовых травоядных?

Хафт-капитан досадливо рыкнул — как вдруг новый вопль готового к драке кота потряс рубку, только на этот раз в нем явно слышалось ликование.

— Я открыл его, капитан! Я его открыл! — Джейсону не понадобился перевод Несса, чтобы понять, что кричит ворвавшийся в рубку кзин, и капитан «Луча» с Анной-Мари обменялись полными отчаяния взглядами.

Рыжий вояка держал в лапах серебристый шарик шести дюймов в диаметре, с украшенной вычурными узорами ручкой.

— Молодец, Слейверстьюдент! — рявкнул Хафт-капитан, а тот продолжал возбужденно выкрикивать:

— Еще ни в одном из стазовых сейфов не было найдено ничего подобного! Посмотрите на форму рукоятки, капитан, она приспособлена под руку тнуктипа! Этот сейф наверняка принадлежал не рабовладельцам, а тнуктипам! Первый тнуктипский сейф за всю послеимперскую историю!

Хафт-капитан осторожно взял шарик с ручкой и принялся рассматривать его со всех сторон.

Поверхность шарика была совершенно гладкой, ручку из желтого металла прорезали шесть канавок для параллельных пальцев и две — для противопоставленных; в очень неудобном месте торчала кнопка. Сбоку была еще одна канавка, длинная, ровная, с четырьмя углублениями направляющей для бегунка.

— Похоже, это и впрямь оружие тнуктипов,— тихо проговорил Джейсон.— Да, не повезло нам! Тнуктипы были талантливыми изобретателями...

— Это грабеж! — неожиданно подал голос Несс.— Грабеж и разбой, вот что это такое! Если вы нас немедленно не освободите, вам придется иметь дело с Объединенным Флотом...

— На планетке, куда мы опустились, нас не найдут даже десять таких флотов! — захохотал Хафт-капитан, но тут же оборвал сам себя, сообразив, что разговаривает с ничтожным травоядным.— Мы испытаем новое оружие сейчас же,— бросил он своим подчиненным.— Приготовьтесь к выходу на поверхность планеты!

— Слушаюсь, Хафт-капитан.

— И наденьте скафандры на этих троих! Нам могут понадобиться живые мишени.

Пейзаж планеты, на которую опустились «Солнечный Луч» и корабль кзинов, вряд ли мог улучшить настроение беспомощных пленников. Повсюду — волнистый, крепкий, как камень, лед. Только кое-где вид-

нелись черные грани скал, и над этим безрадостным ландшафтом пылала Бета Лиры, усиливая впечатление безжизненности и заброшенности ледяного мира. Лежа на льду рядом с «Солнечным Лучом» и военным крейсером кзинов, Джейсон пытался решить, которому из кораблей при столкновении досталось больше. Так и не придя к определенному выводу, он принялся гадать, сколько еще рыжих тварей может находиться на вражеском корабле...

Пока что наружу вышли двое — в придачу к тому сброду, что покинул «Солнечный Луч». Кзины столпились за спиной капитана, который поднял шарик с рукояткой и направил ее на далекую глыбу льда.

— Кажется, они не собираются немедленно испробовать тнуктипское оружие на нас,— раздался в наушниках дрожащий голос Несса.

Его и супругов Папандреу бросили на лед метрах в двадцати от «Солнечного Луча». На всех троих надели скафандры, но их по-прежнему связывала силовая сеть.

— Все равно! Какой позор! — откликнулась Анна-Мари.

— Позор? — удивился Джейсон, с напряженным вниманием следивший за действиями капитана.

— Ну да! Я три недели билась, пытаясь открыть этот проклятый сейф, а какой-то кзин вскрыл его за пару часов!

Хафт-капитан нажал на кнопку, по-видимому выполнявшую роль курка. Ничего не произошло. Кзины обменялись несколькими фразами, как будто обругали друг друга — правда, их речь очень похожа на ругательства,— и Несс вполголоса перевел:

— Тот громила, который сумел открыть стазовый сейф... Наверное, это их эксперт по оружию... Говорит, что выхода энергии нет.

Голос кукольника больше не дрожал — похоже, у него началась маниакальная фаза, и он был убежден, что с ним не произойдет ничего плохого.

Джейсон отнюдь не был в этом уверен.

— Подумать только, я всего лишь хотел показать вам Бету Лиры,— с горечью пробормотал он.

— Джей, это была прекрасная идея, правда! Ты ведь никак не мог знать, что...

Хафт-капитан передвинул бегунок на следующую позицию — и зеркальный шарик вдруг завертелся, как живой, быстро меняя форму. Он вертелся до тех пор, пока в руках у капитана не оказался длинный тонкий цилиндр с красной шишкой на конце и рожком около рукоятки. Сама рукоятка нисколько не изменилась.

Хафт-капитан дернул за рожок — и в темноту вонзился красный луч; капитан покрутил рукоятку, и луч стал расти.

— Меч со сменным лезвием! — Кзин направил луч на торчащую из-подо льда скалу. Верхняя часть скалы отклонилась, качнулась и упала, разбрызгивая вокруг осколки льда.

— Йорро! — торжествующе гаркнул капитан.— Этот меч еще посильнее, чем у рабовладельцев! Слейверстьюдент, ты что-нибудь слышал об оружии, которое меняет форму?

— Нет, Хафт-капитан, ни в прошлом, ни в настоящем мне не встречалось такого оружия,— признался историк-эксперт.

— Значит, мы нашли что-то новое.

— Точно! — с довольным видом прорычал Слейверстьюдент.

— Все ясно,— вздохнула Анна-Мари, ее было едва слышно сквозь гомон кзинов, напоминающий перебранку мартовских котов.— Это оружие тнуктипов!

— И теперь оно в лапах кзинов,— сквозь зубы отозвался Джейсон.— И бог знает, что оно выдаст в своих следующих изменениях!

Между тем оружие приняло форму параболического зеркала с серебристой шишкой в центре, но когда

капитан направил его на скалу, со скалой ничего не случилось.

— Эксперт предполагает, что в данном виде оружие действует только на живые организмы,— перевел Несс душераздирающие вопли кзинов.— Боюсь, что сейчас...

То, чего он боялся, немедленно произошло. Повинуясь повелительному крику капитана, кзины бросились к Джейсону и Нессу и поволокли их туда, куда указала капитанская лапа. Их поставили на ноги, не освободив от силовой сети, метрах в двадцати от капитана, после чего конвоиры поспешили убраться с линии огня.

Женщину Хафт-капитан, видимо, решил приберечь как запасную мишень — Анна-Мари по-прежнему лежала рядом с «Лучом». Папандреу не знал, радоваться этому или нет.

— Вы точно не сердитесь, что я приволок вас к Бете Лиры? — вот и все, что смогло прийти Джейсону на ум в качестве прощального слова.

Прежде чем Несс ответил, капитан нажал на кнопку.

Сперва Джейсону показалось, что оружие не подействовало; потом он почувствовал легкое щекотание во всем теле — и вдруг понял, что сеть больше не держит его! Оружие тнуктипов уничтожило силовое поле!

От неожиданности Папандреу чуть не упал, качнулся, восстановил равновесие... И бросился к Хафт-капитану. Пока кзин не очухался, нужно вырвать оружие у него из рук, освободить Анну-Мари и... Что он будет делать потом, Джейсон не думал — не было времени, так же как не было времени взглянуть, чем сейчас занимается Несс. Впрочем, что мог делать кукольник в такой ситуации, как не улепетывать со всех ног?

На полдороге к Хафт-капитану мимо Джейсона промчалась живая трехногая ракета. Несс! Он не убегал, он рвался в бой!

«Я угадал,— мелькнуло в голове у Джейсона,— у него началась маниакальная фаза!»

Хафт-капитан не успел перевести бегунок на следующую позицию, не успел вскинуть оружие, как подскочивший к нему кукольник развернулся, перенес вес тела на передние ноги, а задней ударил капитана. Человека такой удар переломил бы надвое, разбил бы грудную клетку, позвоночник, разорвал бы легкие, но и массивному капитану кзинов пришлось несладко. Его подбросило в воздух, прокатило пару метров по льду, и он остался лежать брюхом вниз, выпустив из рук тнуктипское оружие.

Безумный кукольник помчался к «Солнечному Лучу», а Джейсон подобрал оружие, выпавшее из рук капитана, по инерции пробежал какое-то расстояние, остановился и обернулся.

Между Анной-Мари и Джейсоном уже стоял эксперт по оружию, а все остальные кзины целились в него из силовых пистолетов.

— Джейсон, беги!!! — от вопля Анны-Мари у капитана «Луча» чуть не лопнули барабанные перепонки, и он понял, что будет полным идиотом, если немедленно не выполнит приказ жены.

Хафт-капитан, с трудом приподнявшись, увидел, как две фигуры бегут по льду к кораблю землян — кукольник и человек-мужчина. У человека в руке было тнуктипское оружие, и капитан усмехнулся: выходя, он наглухо заблокировал люк «Луча», если бы не это, двое беглецов, пожалуй, смогли бы... Кукольник добежал до корабля гораздо раньше, чем человек, на секунду остановился, а потом помчался дальше по белой волнистой равнине. Человек даже не задержался у входа на корабль, а сразу рванул вслед за кукольником, но удирающего кукольника может догнать разве что меткий выстрел!

— Мазилы! — гаркнул своим подчиненным Хафт-капитан — и тут же со стоном схватился за грудь.

Кажется, у него сломаны ребра... Наверняка сломаны. У кзинов ребра располагаются до самой поясницы, и копыто кукольника смяло как минимум пару из них. Чудо, что двухголовый урод не пропорол оболочку его скафандра!

Его лягнул кукольник... Этот невероятный факт доходил до сознания капитана медленно и с трудом. Смешно. Нелепо. Просто невозможно! Немыслимо — кукольник лягнул кзина!

Хафт-капитан с трудом поднялся, застонав от боли, но его стон тут же перешел в яростное рычание. Тем временем кукольник и человек уже вышли за пределы досягаемости выстрелов и убегали все дальше и дальше.

— Форх, назад! — гаркнул Хафт-капитан.

— Хафт-капитан, я найду их! Они не могли уйти далеко!

— Назад, я сказал! Никого не надо искать. У нас есть жена человека, и если я хоть что-то смыслю в землянах, он сам к нам явится, и очень быстро! Скоро он приползет к нам на животе и будет униженно умолять, чтобы мы забрали у него тнуктипское оружие!

Кукольник превратился в черное пятно, которое становилось все меньше, и Джейсон понял, что гнаться за Нессом — пустая трата времени и сил.

Он остановился, глубоко вздохнул и стал вызывать по радио то кукольника, то жену, но в наушниках царила потрескивающая тишина. Он уже отчаялся получить ответ, как вдруг услышал далекий слабый голос Несса:

— Джейсон?

— Несс! — Никогда бы не подумал, что сможет так обрадоваться голосу кукольника.— С вами все в порядке?! Где вы?!

— Не знаю, как сформулировать точно. Я пробежал шесть или семь миль на восток.

— О'кей. А я сейчас рядом с большим нагромождением скал. Давайте подумаем, как нам встретиться.

— Зачем, Джейсон?

— Вы считаете, что поодиночке безопаснее? — удивился Джейсон.— Я не согласен. Сколько вы сможете прожить в своем скафандре?

— Половину стандартного года. Но помощь придет гораздо раньше.

— С чего вы взяли?

— Я только что связался со своими.

— Что?! Как?!

У Папандреу возникло подозрение, что из-за пережитого стресса Несс окончательно свихнулся.

— Несмотря на недавние перемены в судьбе моего народа, я не могу ответить на ваш вопрос! — высокопарно произнес Несс.

У кукольника есть телепатические способности? Что-то вшито в скафандр или под кожу? А, неважно! Кукольники всегда умели хранить свои секреты, Несс все равно не скажет, как он связался со своими. Главное, что он действительно это сделал... Если, конечно, у него не маниакальный бред.

— Несс, я не хочу вас обижать, но пока ваши сородичи долетят сюда с Андромеды...

— Они сейчас не в Туманности Андромеды, Джейсон.

— А где?

— М-м... Пожалуй, *это* я могу вам объяснить. Мой народ еще не покинул ту область Галактики, которую вы называете освоенным космосом. Они начали перелет всего двенадцать лет назад и с тех пор ни разу не уходили в гиперпространство. Видите ли, Джейсон, мой народ не собирается возвращаться в эту Галактику, поэтому для него не имеет значения, сколько объективного времени займет перелет. Наши корабли летят со скоростью, близкой к скорости света, и мой народ предпочитает преодолевать лишь опасности

обычного космоса, вместо того чтобы то и дело нырять в непредсказуемое и неуютное гиперпространство...

— Черт возьми, Несс, как вам удалось сохранить все это в тайне?! Все думают, что кукольники сейчас уже в Туманности Андромеды!!

— Повторяю, мой народ все еще в пределах досягаемости, и не позднее, чем через два месяца, сюда прилетит корабль-разведчик, оснащенный гиперскоростными двигателями.

— Вы сможете продержаться два месяца?

— Конечно. Кислорода в моем скафандре хватит на полгода, а без пищи и воды в случае необходимости я смогу прожить еще дольше. Правда, придется немного померзнуть, но мы куда легче переносим низкие температуры, чем высокие...

— Я рад за вас, Несс. Удачи вам, старина!

— Погодите. А какие планы у вас?

— Честно говоря, никаких. Но я попробую выручить Анну-Мари и в то же время постараюсь не допустить, чтобы оружие тнуктипов снова попало в руки кзинов.

— Сколько вы способны прожить в своем скафандре, Джейсон? — после паузы осведомился Несс.

— Пока не умру от голода. Запас воды и воздуха у меня не ограничен. Ну, скажем, месяц.

— За месяц помощь не подоспеет,— голос кукольника в наушниках зазвучал отчетливей — похоже, все это время он приближался к капитану «Луча».— Джейсон, как вы думаете, кзины вызовут подкрепление?

— Понятия не имею. С одной стороны, их капитан действует как завзятый пират, и официальные круги не должны его поддерживать, если не хотят осложнений с землянами... Но, с другой стороны, кто сказал, что они этого не хотят? И кто сказал, что среди кзинов нет других пиратов, с которыми может связаться наш рыжеволосый дружок? Как бы там ни было, я должен

выручить жену, иначе... Вы не представляете, на что способны эти мохнатые дьяволы!

— Джейсон, осталась еще одна позиция оружия тнуктипов. Может, перед тем, как соваться в лапы кзинов, вы ее испробуете?

— Пожалуй, вы правы. Если мне повезет, у меня в руках будет солидный аргумент для разговора с рыжими чудовищами!

Джейсон передвинул бегунок в последнюю позицию. Серебристый шарик повернулся на сто восемьдесят градусов и начал изменяться.

— Получилось, Несс! Что-то получилось!

— Новая форма? На что она похожа?

— На конус с округлым основанием, направленный вершиной прочь от рукоятки.

— Что ж, попробуйте, Джейсон. Прощайте, если все пойдет не так, как надо. Общаться с вами было очень приятно.

— Как близко вы сейчас от меня, Несс? Если эта штука сработает слишком сильно, вас может задеть.

— Ну, тогда мне не так больно будет пережить разлуку с вами!

— И после этого вы говорите, что у вас нет чувства юмора? Прощайте, Несс. Я нажимаю.

Направив вершину конуса на скалу в сотне метров от себя, Джейсон нажал на кнопку. Тусклый голубой луч устремился в пространство, коснулся скалы... И черная глыба вдруг полыхнула ослепительным белым пламенем, а секунду спустя Джейсона накрыла волна взрыва. Лед подпрыгнул у него под ногами, его швырнуло на спину; слегка приподняв голову, он увидел, как в черное небо взметнулся бело-голубой сияющий шар...

— Джейсон, что случилось?! Я видел взрыв! Джейсон, ответьте! Вы живы?!

— Сейчас, сейчас...

Джейсон сел, потом встал, взглянул на то место, где недавно торчала скала...

— Похоже, у меня в руках что-то вроде карманной атомной бомбы,— неверным голосом сообщил он.— Нда, я думаю, что никогда еще из утробы стазового сейфа не извлекали такой опасной игрушки!

— Я тоже так думаю,— раздался в его наушниках резкий голос. Хафт-капитан!

— Джейсон! Кукольник! Вы меня слышите?

Джейсон слышал его очень ясно, но отвечать не собирался. Он уже улепетывал со всех ног, стараясь побыстрее удалиться от места взрыва. Среди скал кзинам нелегко будет его найти!

— То, что я видел на экране обзора, меня впечатлило. Почему бы нам не договориться, Джейсон? Как воин ты достоин уважения, на которое твой травоядный друг не вправе рассчитывать.

— Как ваши ребра? — осведомился Папандреу.

Ему показалось, или Хафт-капитан и впрямь заскрежетал зубами?

— Джейсон! — секунду спустя отрывисто рявкнул пират.— У тебя в руках уникальное оружие, у меня — твоя самка. Как насчет обмена?

— То есть, я должен вручить вам и оружие, и себя, и свою жену? А вы в обмен на это убьете нас быстро, без мучений?

— Как только я получу оружие, ты и твоя жена станете мне не нужны. Правда, гиперскоростной двигатель на вашем корабле будет демонтирован, и вам придется возвращаться домой через обычный космос... Но что значит полугодовая прогулка по сравнению с тем, что ждет вас обоих в том случае, если мы не договоримся?

— А Несс?

— Травоядный будет выпутываться сам.

— Нет.

— Давай рассуждать логически. Твой друг не вправе рассчитывать на уважение, которое по праву полагается воину. К тому же он мне кое-что задолжал...—

Хафт-капитан снова заскрежетал зубами.— Словом, речь сейчас идет только о тебе и о твоей жене!

— Я не верю ни единому слову грабителя и бандита!

— А тому, что мы уже давненько не ели свежего мяса, ты веришь?

Джейсон невольно вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Кзины — плотоядный народ. А сейчас рядом со мной сидит около пятидесяти килограммов аппетитного свежего мяса...

— Не пытайтесь меня запугать! Вы не станете есть своего единственного заложника! Если вы убьете Анну-Мари, ничто не помешает мне пустить в ход оружие тнуктипов!

— Тогда мы съедим руку твоей подруги. Потом вторую. Потом ногу.

Джейсона затрясло. Он достаточно долго воевал с кзинами и знал, что угроза их капитана — не блеф. Эти звери способны на все!

— По крайней мере, сейчас моя жена невредима?

— *Пока* — да. Хочешь с ней поговорить? Она вместе со всем экипажем слушает тебя по корабельной рации, мы давно уже нашарили нужную частоту. Эй! Вытащите кляп изо рта у самки!

Послышался неясный шум — и Джейсон подпрыгнул от истошного вопля Анны-Мари:

— Джей, милый, не соглашайся! Не отдавай...

Ее голос прервался, и Папандреу почувствовал неистовое желание испытать последнюю позицию оружия тнуктипов на корабле кзинов. Но он не мог этого сделать — на корабле находилась Анна-Мари. И наверняка ее голова не защищена силовой сетью.

— Анна!

Молчание.

Джейсон с отчаянием огляделся — он уже добежал до скал, но теперь не было необходимости нырять в их черную неразбериху. Этот неровный треугольник что-

то смутно напомнил ему... Ну конечно — картину в рубке «Солнечного Луча»!

А Несс все это время молчал, как убитый, ни словом не комментируя создавшуюся ситуацию, зато в наушниках слышалась торопливая неясная речь кзинов.

— Джейсон, теперь ты убедился, что твоя подруга невредима! — прорезался сквозь шум четкий голос Хафт-капитана.— Мы требуем, чтобы ты принял решение немедленно.

— Я его уже принял. До скорой встречи!

Джейсон аккуратно положил оружие между тремя острыми скалами.

— Несс, вы меня слышите?

— Да,— голос кукольника звучал неясно и глухо, похоже, он снова ударился в бегство.

— Грани, плоскости, углы, Несс! Вы слышите? Грани, плоскости, углы!

У Джейсона не было ни времени, ни возможности проверить, понял ли кукольник его слова. Впрочем, даже если и понял, что это даст, кроме слабой надежды?

Папандреу глубоко вздохнул и направился туда, где его нетерпеливо поджидали давным-давно не пробовавшие свежего мяса кзины.

— Какого черта ты это сделал, Джейсон? — такими нежными словами приветствовала его супруга, как только убедилась, что капитан «Солнечного Луча» очнулся.

Так и есть — они находились в рубке корабля кзинов, опутанные силовой сетью. На этот раз то была мощная сеть, работавшая от главного генератора корабля, ее вполне хватило бы, чтобы удержать взбесившегося слона. У Джейсона и Анны-Мари оставались на свободе только головы, что обеспечивало им, соот-

ветственно, свободный обмен мнениями, но исключало малейшую возможность побега...

Впрочем, Джейсон вряд ли смог бы бежать, даже будь он на свободе. Убедившись, что тнуктипского оружия у человека нет, кзины выразили пленнику в соответствующей форме все свое разочарование, и оставалось только удивляться, что он до сих пор жив!

— Порядок, дорогая,— распухшими губами пробормотал Джейсон.— Не волнуйся, у меня есть план...

В глазах у Анны-Мари мелькнула надежда. Если бы она знала, что весь план Джейсона держится на сумасшедшем кукольнике!

Честно говоря, Джейсон и сам мало в чем был уверен.

Их беседу прервал капитан кзинов.

— Ты очнулся!

— Как видите.

— Отлично! Я уж боялся, что мои ребята чересчурьяно потрудились над тобой и ты не сможешь рассказать, где находится тнуктипское оружие!

— Нет.

— Ты расскажешь это немедленно, или мы оторвем твоей подруге руку.

— И на кой черт ты сюда притащился, Джей?!

— Спокойно, дорогая, у меня есть план!

Его план — это тянуть время, ждать и надеться... Надеяться на чудо, которого наверняка не произойдет.

— План? — прорычал капитан кзинов, нависая над Джейсоном всеми двумястами килограммами своей ярко-оранжевой туши.— Отлично, потому что у меня тоже есть план! Сейчас мы посмотрим, чей замысел сработает лучше!

Хафт рявкнул короткое приказание — и его подчиненные кинулись к Анне-Мари, таща в лапах какие-то приборы. Более-менее узнаваемым среди этих жутких приспособлений был небольшой баллон с насосом и

системой трубок из мягкого пластика. Кзины обмотали трубками руку Анны-Мари и, соединив их с насосом, включили его.

Джейсон смотрел на все это с отчаянием, Анна-Мари — с усталой безнадежностью. Ее молчание резало душу сильней, чем самый истошный крик

— Холодно,— вдруг тихонько пожаловалась Анна-Мари.— Я замерзаю. Они и вправду собираются оттяпать мне руку, но не хотят, чтобы я умерла от болевого шока...

— Я не могу их остановить! Если я скажу, где спрятал оружие...

— Скажешь, скажешь! — посулил Хафт-капитан.— Иначе мы угостим тебя кушаньем из мяса твоей жены!

Знал ли кукольник, что делает, нападая на капитана кзинов? Его маленькое острое копыто разбило больше, чем пару ребер. Хафт-капитан мог стать Хафтом-героем, нашедшим новое сверхоружие. А теперь он жалкий, ничтожный Хафт, которого побил кукольник! Поэтому кзин жаждал заполучить кукольника не меньше, чем оружие тнуктипов, он знал, что не покинет эту планету, пока не сожмет в лапах обе шеи своего травоядного обидчика!

— Что с Нессом? — внезапно спросила Анна-Мари, как будто прочтя мысли оранжевого капитана.

— С ним все в порядке. Он жив и на свободе.

— Скоро мы его возьмем! — прорычал капитан.— Кукольнику нечем драться, да он и не умеет. Неужели вы думаете, что он постарается вас спасти?

— Нет, конечно,— улыбнулась Анна-Мари.— Ну, не смотри на меня так, Джей! У меня отрастет новая рука... Успокойся. Не волнуйся, пожалуйста!

Она никогда еще не видела в глазах мужа такого страдания. Можно было подумать, что это Джейсону, а не ей, будут отпиливать сейчас руку!

Отпиливать? Или отгрызать?

— Хватит! Прекратите! — завопил Папандреу.— Уберите от моей жены эти штуки, я скажу вам, где спрятано оружие тнуктипов!

Кретин, кретин, на что он только рассчитывал, когда шел сюда?!

— Говори! — прорычал капитан.

— Джей, нет! Не говори им ничего! Руку можно будет отрастить снова...

— Только с помощью машин, построенных людьми,— прервал крик Анны-Мари Хафт-капитан.— А здесь таких нет! И мы давно не ели свежего мяса, поэтому я не обещаю, что мы ограничимся всего лишь одной рукой...

— Хафт-капитан, кухня запрограммирована! — доложил один из кзинов на общегалактическом языке.

— Эй,— слабый голос, донесшийся из динамика на пульте, заставил вздрогнуть и землян, и Хафт-капитана.— Попробуйте меня найти, сыновья стондата!

Джейсон не знал, кто такой стондат, но кзины, несомненно, знали: их яростный визжащий рев чуть не разорвал людям барабанные перепонки.

Воинов оскорблял какой-то ничтожный кукольник!

Джейсону показалось, что его враги сейчас передавят друг друга в неистовом желании как можно скорее покинуть рубку и добраться до наглого травоядного, но Хафт-капитан рявкнул:

— Кто-нибудь останется здесь присматривать за пленниками! Мы продолжим, как только расправимся с двухголовым!

— Джейсон, Анна-Мари,— снова зазвучал из динамика голос Несса — на этот раз он говорил быстро и тихо, на человеческом языке.— Рядом с вами остались кзины?

— Да, один,— так же быстро ответил Джейсон.

— Он близко?

— Совсем рядом.

— Когда я крикну: «Давайте!», вы оба должны плюнуть ему в ухо.

— Он окончательно свихнулся, Джей! — с ужасом прошептала Анна-Мари.

— Делай, что он говорит! — резко велел Джейсон.

Он знал, что Несс не свихнулся, и еще он знал, что чудо, на которое он рассчитывал, все-таки произошло.

Только бы их сторож не понимал человеческого языка!

— Давайте! — взвизгнул Несс.

Плевок Джейсона пришелся кзину между ушей. Анна-Мари попала точно в ухо. Кзин взревел и кинулся на людей. Казалось, он сейчас прикончит пленников, но вместо этого только набросил им на головы силовую сеть. Пусть Хафт-капитан разбирается с этими наглецами, когда вернется, а он... Чудовищный взрыв пронес кзина через всю рубку и впечатал в стену под самым потолком.

— Я боюсь за него,— сказала Анна-Мари.

Джейсон оторвал взгляд от пульта управления «Солнечного Луча».

— Я боюсь за него, Джей! Даже в самые худшие минуты его депрессивной стадии я не видела его *таким*.

— На Джинксе его вылечат. Там остались кукольники, среди них, говорят, есть опытные психологи и врачи.

— Но до Джинкса еще целая неделя. А он совсем не выходит из каюты. Я пыталась с ним поговорить, но...— Анна-Мари потерла культю отнятой кибердоктором руки.

Джейсон с трудом мог выносить этот жест. Снова и снова ему приходилось напоминать себе, что на Джинксе Анне-Мари в два счета отрастят новую руку. А вот Несс... Да, с кукольником все было гораздо сложнее.

— Я думаю, нам лучше оставить его в покое,— нехотя отозвался он.— Несс сидит в каюте, потому что не хочет нас видеть.

— Как?! Что ты такое говоришь, Джей!

— Я в этом уверен. Как бы тебе объяснить...— Он помедлил, подбирая слова.— Помнишь, как Несс лягнул кзина?

— Конечно. Это было великолепно!

— С твоей точки зрения — да, но не с его. Несс подобрал оружие, которое я оставил в скалах, и взорвал корабль кзинов вместе со всем экипажем. Мы с тобой уцелели только потому, что нас с головой накрыли силовой сетью, но ты помнишь, во что превратились кзины в шлюзовом отсеке и на что был похож тот тип, который сторожил нас?

— Да, это было ужасное зрелище, но... Что Нессу еще оставалось делать? Мы оба живы только благодаря ему, он умница, он просто герой...

— Черт возьми, Анна, по меркам кукольников он не умница и не герой, а отъявленный преступник! Пойми, у кукольников добродетелью считается трусость. Несс нарушил все известные ему моральные законы своего народа. Он дрался и убивал, вместо того чтобы убегать и прятаться, и... Никогда еще не чувствовал себя таким безумным изгоем, каким чувствует себя сейчас.

— Ты хочешь сказать, что ему стыдно?!

— Да, но это еще не все. Его поразило, как повели себя мы, когда он отключил спасшую нас силовую сеть. Ты помнишь, что тогда было? Несс стоял и смотрел на останки кзина. Пришлось несколько раз встряхнуть его, прежде чем он обратил на тебя внимание. И что же он выясняет? Что мы не только не приходим в ужас от этой кровавой картины...

— Неправда, я была в ужасе!

— ...но и называем его отважным героем. Раньше он относился к нам, как к чудаковатым кукольни-

кам — ведь и мы относились к нему, как к человеку-чудаку,— но теперь он считает нас такими же преступниками, как он сам. Несс стыдится своего чудовищного «преступления», а то, что мы не осудили его поступок, заставило его перенести свой стыд на нас. Поэтому он не хочет нас видеть.

— Сколько еще лететь до Джинкса? — после долгого молчания спросила Анна-Мари.

— Неделю.

— А побыстрее никак нельзя?

— Нет.

— Бедный Несс!

НЕЙТРОННАЯ ЗВЕЗДА*

«Буцефал» вынырнул из гиперпространства за миллион миль до нейтронной звезды. Потребовалась минута на определение координат корабля и еще столько же, чтобы вычислить погрешность, о которой говорила Соня Ласкин перед смертью. Звезда размерами с нашу Луну находилась слева по курсу, и я развернул корабль прямо на нее.

Теперь нейтронная звезда была прямо перед «Буцефалом», но я ее не видел, да и не рассчитывал на это: всего одиннадцать миль в диаметре, да к тому же холодная. Ядерный синтез прекратился на ней как минимум миллиард лет назад, и осталась единственная примета — масса.

Автопилот самостоятельно выводил меня на гиперболическую орбиту, во время движения по которой я должен был оказаться на расстоянии мили от поверхности звезды. Сутки туда, сутки обратно... И в течение сорока восьми часов что-то неведомое постарается меня уничтожить, как уже убило Соню и Питера Ласкин.

На корабле погибших супругов был установлен точно такой же автопилот. Наверняка не его ошибка погу-

---

* Neutron Star © 1966 Galaxy Publishing Corporation.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

била этих двоих — фирме «Дженерал Продактс» вполне можно доверять...

Впрочем, можно и не доверять — и еще раз проверить программу...

Черт меня дернул ввязаться в эту историю!

После десяти минут маневрирования двигатель отключился. Все! Теперь я привязан к орбите и знаю, что будет, если я попытаюсь с нее сойти...

А ведь все начиналось до отвращения безобидно: я всего-навсего пошел в универсам за покупками. Посреди магазина на постаменте стояла модель внутрисистемной яхты новой модели «Синклер 2603», и я невольно залюбовался последним детищем фирмы «Скайдрайверс». Компактная, изящная, обтекаемой формы, совершенно не похожая на предыдущие модели... И очень красивая — куда более совершенной красотой, чем многие девушки, с которыми я встречался в течение последних лет.

Я был так поглощен созерцанием яхты, что не сразу обратил внимание на необычную тишину, внезапно наступившую в универсаме. Все посетители уставились на что-то, судя по их лицам, из ряда вон выходящее. В универсаме находились не только люди; несколько инопланетян-гуманоидов, очевидно, пришли сюда за сувенирами, но выражение лиц инопланетян было сейчас точно таким же, как у людей.

Трудно за это осуждать: кукольник на самом деле представляет собой экстраординарное зрелище. Вообразите безголового кентавра на трех ногах, с двумя маленькими, одноглазыми головами на тонких, гибких шеях. Мозг у кукольника располагается на верху туловища, там, откуда растут его руки-шеи.

Забавные существа не носят одежды, и на этом тоже не было ничего, кроме бурой шерсти; она топорщилась над хребтом густой гривой, которая защищала мозг.

Я слышал, что форма их гривы соответствует положению в обществе, но вряд ли сумел бы отличить кукольника-докера от кукольника-ювелира или, скажем, от кукольника-президента крупной фирмы вроде «Дженерал Продактс».

Вместе с другими зеваками я наблюдал, как кукольник шествует по магазину,— не потому, что раньше никогда не видел этих существ, а потому, что мне нравится смотреть, как они ходят, грациозно переступая тонкими ногами с крошечными копытцами.

Однако этот кукольник направлялся прямо ко мне! Перестав цокать копытами по гладкому полу в двух шагах от меня, он высоко вскинул обе головы и уверенно сообщил:

— Вы — Беовульф Шеффер, в прошлом старший пилот компании «Накамура Лайнз».

Нельзя сказать, чтобы меня поразил текст этого сообщения (я и без кукольника знал, кто я такой), но голос! Он выговаривал слова красивым контральто, без малейшего акцента, пользуясь ртом своей левой головы.

Кстати, рот кукольников — не только совершеннейший орган речи, но и исключительно чувствительный орган осязания. Язык — острый и раздвоенный, а на краях толстых губ имеются небольшие выросты, похожие на пальцы.

Кукольник с явным нетерпением ждал моего ответа, и мне не захотелось его разочаровывать.

— Верно, я — Беовульф Шеффер,— прокашлявшись, признался я.

По сравнению с музыкальным голосом кукольника собственный баритон больше всего напоминал хрип умирающего от удушья.

Обе питоньи головы внимательно изучали меня... Нельзя сказать, чтобы ощущение относилось к числу приятных, зато следующие слова кукольника мгновенно примирили с этим бесцеремонным разглядыванием.

— Вас интересует высокооплачиваемая работа?

— Очень интересует,— не стал отпираться я.

Разговор начинал принимать занимательный оборот!

— Меня зовут Лорес, на своей планете я занимаю положение, которое по вашим меркам соответствует статусу президента дочерней компании «Дженерал Продактс»,— без многословных вступлений певуче сообщил кукольник.— Пойдемте со мной, поговорим о делах в другом месте!

Ничуть не интересуясь, есть ли у меня время, чтобы последовать за ним, Лорес направился в телепортационную кабину, а я покорно потащился следом.

Посетители провожали нас такими взглядами, что больше всего я хотел заполучить гермошлем с затененным стеклом, причем немедленно! Не очень-то приятно, когда тебя тащит на невидимом поводке двухголовое чудовище; но мне почему-то казалось, что кукольник догадывается о моих чувствах — догадывается и проверяет, насколько сильно я нуждаюсь в деньгах.

А я в них отчаянно нуждался! Прошло восемь месяцев с тех пор, как закрылась наша компания, и без того полгода задерживавшая жалованье сотрудникам. Но даже эти полгода я продолжал жить на широкую ногу, рассчитывая, что когда выплатят причитающиеся деньги, их с лихвой хватит оплатить все долги. Денег я так и не получил; компания «Накамура Лайнз» лопнула, а у целого ряда руководителей ее многочисленных офисов на Джинксе и Гудвилле появился странный обычай — прыгать из окон без воздухоплавательных поясов...

Однако у меня нервы были покрепче, чем у кабинетных писак. Я решил пойти ва-банк и тратил попрежнему много. Стоило уменьшить расходы, кредиторы сразу начали бы меня проверять!

В телепортационной кабине кукольник прервал мои невеселые раздумья, уверенно набрав языком код из

тринадцати цифр,— пальцами я бы сделал это гораздо медленнее.

Секунда неприятных ощущений, потом дверь кабины открылась.

— Мы находимся на крыше здания «Дженерал Продактс»,— соблаговолил пояснить кукольник.

Он произносил слова с начальственной небрежностью, но его глубокое контральто будоражило мое воображение, и я мысленно одернул себя: все-таки рядом со мной двухголовый инопланетянин, а не хорошенькая женщина!

— Сейчас вы осмотрите корабль, а я тем временем расскажу, что от вас потребуется.

«Потребуется! Ха, можно подумать, что я уже получил аванс! Нельзя ли повежливее, мой сладкоголосый двухголовый друг?»

Но цифра счета в банке, катастрофически приблизившаяся к нулю, встала перед моим мысленным взором и заставила придержать эти реплики при себе. Пришлось ограничиться лишь коротким, неопределенным «Гм!», прежде чем шагнуть на крышу.

Хотя сезон ветров еще не начался, я ступил на нее очень осторожно — то была сила привычки. Крыша находилась почти вровень с землей: так строят все дома на нашей планете, вращающейся вокруг Проциона. Летом и зимой, когда ось вращения проходит через центр орбиты, здесь дуют ветры в полторы тысячи миль в час! Это единственная достопримечательность нашей планеты, привлекающая сюда туристов, и глупо было бы преграждать ураганам дорогу, строя на их пути небоскребы.

Серый квадрат бетонной крыши находился посреди бескрайней пустыни, а на песке рядом с крышей я увидел корабль.

Стандартное изделие «Дженерал Продактс», модель номер два: цилиндр в триста футов длиной и двадцать футов диаметром, с заостренными донцами и пере-

тяжкой у хвостового конца — почему-то он лежал на боку, со свернутыми шасси.

Вы никогда не задумывались о том, что в наши дни космические суда стали очень похожими друга на друга? Так, разумеется, легче и безопаснее, но в результате они полностью потеряли индивидуальность. Мы, пилоты, пытаемся компенсировать это, давая им имена, но даже такие оригинальные названия, как «Попугай моей тетушки», «Гроб господень» или «Тридцать три удачи», не могут вернуть кораблям былую неповторимость тех времен, когда монополию на производство еще не захватил гигант «Дженерал Продактс».

Президент дочерней компании этого гиганта уверенно направился к носу корабля, а мне захотелось сначала подойти к хвосту и взглянуть на шасси «двойки». Да, первое впечатление оказалось верным: шасси было сильно погнуто. Что там погнуто — зверски искорежено! Неведомая сила смяла металл, словно разогретый воск, и прижала к корпусу изнутри.

— Как это получилось? — полюбопытствовал я.

— Мы не знаем, но очень хотим выяснить,— напевно ответил кукольник.

— То есть?

— Вы слышали о нейтронной звезде ВУ8-1?

Я ненадолго задумался.

— А, вы имеете в виду Сюрприз? Это первая и пока единственная нейтронная звезда, обнаруженная учеными. Два года тому назад кто-то вычислил ее координаты по смещению соседних звезд.

— Ее обнаружил Институт Знаний планеты Джинкс. Через посредника мы узнали, что Институт хочет исследовать эту звезду, но ограничен в средствах... Тогда мы предложили свои услуги, оговорив право пользоваться всеми данными, которые будут собраны во время экспедиции к ВУ8-1.

— Что ж, вполне справедливо!

Я не стал интересоваться, почему Лорес не организовал собственную экспедицию: как большинство разумных вегетарианцев, кукольники считали деликатность высшей добродетелью сознательного существа... А этот пожиратель травы, помнится, намекал насчет высокооплачиваемой работы? Так что в моих интересах было пока обуздать свое любопытство и помалкивать.

— Лететь к ВУ8-1 вызвались двое людей — Питер и Соня Ласкин,— продолжал кукольник.— Они рассчитывали пройти на расстоянии мили от поверхности звезды по гиперболической орбите. Вначале все шло, как и было запланировано, но потом...

— Потом?..— повторил я, позволив себе проявить вполне понятную заинтересованность.

— В какой-то момент полета нечто, проникшее в корабль из космоса, раздавило шасси и, по-видимому, убило пилотов,— немедленно удовлетворил мое любопытство Лорес.

— Нечто? Другими словами, у вас нет ни малейших предположений о том, что это такое могло быть?

— Может быть, вы просто посмотрите на результаты? Пойдемте.— И кукольник засеменил к носу судна.

Да, что касается результатов!.. Я длинно присвистнул при виде чудовищно деформированной обшивки носовой части.

Однако — об этом говорил весь мой опыт — сквозь корпус корабля, построенного «Дженерал Продактс», не может проникнуть *нечто*. Для любых частиц вещества, будь то метеор или элементарная частица, судно совершенно непроницаемо; сквозь него может пройти только свет и никакое другое электромагнитное излучение... Компания заявляет об этом во всех своих рекламных проспектах, и данные официальных экспертиз это полностью подтверждают. Сам я за свою солидную летную практику ни разу не слышал, чтобы какое-то материальное явление повредило корабль «Дженерал Продактс».

Но если вдруг выяснится, что *нечто* все же способно разрушить сверхпрочную обшивку, тогда предприятие кукольника, без сомнения, очень и очень пострадает!

Положим, я как пилот приму это к сведению, положим, мне до боли в сердце жаль моего нового двухголового приятеля... Все-таки, при чем здесь я?

Эскалатор повез нас в носовую часть. И, очутившись в рубке, я опять не удержался от свиста. Перегрузочные кресла были прижаты к носовой панели управления, как две смятые салфетки. На пульте, похоже, станцевал румбу крупный и очень темпераментный слон. И все вокруг: кресла, стены, иллюминаторы, приборы — густо покрывали ржаво-коричневые пятна, будто кто-то с силой швырял о стены бумажные пакеты с краской.

— Это кровь,— настолько же глупо, насколько справедливо констатировал я.

— Правильно,— безо всякой иронии певуче подтвердил кукольник.— Кровь. Жидкость, циркулирующая в человеческом организме.

Путь до нижней точки орбиты должен был занять двадцать четыре часа.

Первые двенадцать часов я провел в комнате отдыха: сначала пытаясь читать, потом тупо рассматривая обступавшие корабль звезды. За это время мне несколько раз удалось наблюдать явление, о котором упоминала Соня Ласкин в своем последнем сообщении. Когда невидимая ВУ8-1 оказывалась между мной и другой звездой, из-за своей значительной массы она отклоняла свет, смещая соседние звезды в сторону, если же какая-то звезда оказывалась позади нейтронной звезды, то свет отклонялся во все стороны, и в результате вокруг Сюрприза вспыхивало тонкое кольцо-гало, которое исчезало, едва я успевал его заметить.

Эх, где те счастливые деньки, когда я почти ничего не знал о нейтронных звездах!

Во время полета я так основательно подковался на сей предмет, что смог бы теперь читать лекции на эту тему в любом из университетов... А пока за неимением реальной аудитории обращался к воображаемой.

— Материя, с которой мы с вами сталкиваемся в жизни, друзья,— сообщал я незримым слушателям, меряя шагами комнату отдыха,— имеет нормальное строение, то есть в ядрах ее атомов находятся протоны и нейтроны, а вокруг вращаются электроны в определенных энергетических состояниях. Но в центре любой звезды материя пребывает в другом состоянии. Масса звезды разрушает электронные оболочки. Материя вырождается: гравитация прижимает ядра друг к другу, а более или менее непрерывный электронный «газ», окружающий их, не дает им слиться. При определенных обстоятельствах материя может перейти и в третье состояние. В какое именно? — вопросил я, строго глядя на услужливо представленного моим воображением нерадивого студента. И тут же просветил застывшего в растерянности беднягу: — Давление электронной массы не сможет удерживать электроны между ядрами, электроны сольются с протонами, образуя нейтроны, ослепительная вспышка — и звезда из сдавленного куска вырожденной материи превратится в сплошную нейтронную массу! Та небольшая часть материи, которая остается в нормальном или вырожденном состоянии, уносится потоком освобожденной энергии. В течение двух недель после вспышки, остывая от пяти миллиардов до пятисот миллионов градусов по Кельвину, звезда испускает рентгеновские лучи. После этого она представляет собой светящееся тело диаметром от десяти до двадцати миль, то есть практически невидимый объект...

Я упал на диван и задрал ноги на спинку. Столь крупный специалист по нейтронным звездам может

позволить себе любые экстравагантные манеры, поэтому моя аудитория по-прежнему внимала мне в восхищенном молчании. Воображаемые студенты, без сомнения, слушали бы меня с той же почтительностью, даже повисни я вниз головой на потолке.

— Поэтому нет ничего удивительного в том, что до ВУ8-1 люди не обнаруживали нейтронных звезд,— продолжал я разглагольствовать перед сборищем невежд,— как и нет ничего странного в том, что Институт Знаний планеты Джинкс потратил на организацию экспедиции к ВУ8-1 столько времени и сил. До обнаружения Сюрприза нейтронные звезды существовали только теоретически. Изучение данного небесного тела может вывести науку на новый уровень — раскрыть истинный механизм гравитации!

Я вскочил с дивана, засунул руки в карманы и обратился уже к самому себе:

— Но, честно говоря, *меня* куда больше всей этой ерунды интересует совсем другое, а именно: удастся ли мне, Беовульфу Шефферу, убраться от Сюрприза подобру-поздорову?! Или неведомое *нечто* размажет меня по стенам так же, как несчастных супругов?!

— Когда космические спасатели обнаружили корабль, на нем работали только радар и видеокамеры, поэтому удалось узнать не слишком много,— сообщил мне Лорес после осмотра искореженного судна.— Мы наняли лучших экспертов, но они так и не смогли узнать, что послужило причиной гибели обоих пилотов!

Мой новый приятель пригласил меня в бар, находившийся в здании «Дженерал Продактс»,— обычное место тусовок здешних кукольников. Я согласился, заранее объявив себя трезвенником: всякое двуногое существо содрогается при мысли о том, что его коктейль будет приготовлен с помощью рта барменом-кукольником.

— Понимаю ваше беспокойство,— отозвался я на минорную трель президента дочерней компании «Дженерал Продактс».— Конечно, ваше предприятие сильно пострадает, если выяснится, что некая сила способна проникнуть в корабль и размазать пилота по стене...

Честно говоря, даже если его компания прогорит, мой собеседник, благодаря своему чудному голосу, сможет очень недурно зарабатывать в службе «Секс по визофону» — разумеется, с отключенным экраном! По вполне понятным причинам я отказался от мысли утешить кукольника подобным соображением и произнес нечто совсем другое:

— Сочувствую... Но при чем здесь я?

— Мы хотим повторить эксперимент Сони и Питера Ласкин. Вам следует выяснить...

— Мне?! Вы хотите сказать, что собираетесь нанять меня с тем, чтобы я отправился к нейтронной звезде?!

— Да. Вы должны отправиться туда и выяснить, какая сила способна проникнуть сквозь оболочку нашего корабля. Разумеется, мы предоставим вам все...

— Не пойдет.

— Мы готовы заплатить миллион.

Я быстро преодолел искушение.

— Нет.

— Вам дадут возможность построить собственный корабль на основе модели номер два «Дженерал Продактс»,— голос Лореса зазвучал так сладко, словно он обещал мне райское блаженство в своих объятиях,— вы внесете в него все модификации, которые сочтете нуж...

— Благодарю,— оборвал я призывную песнь на полуслове.— Но я хочу еще пожить.

Музыкальное контральто кукольника впервые выдало неблагозвучный диссонанс.

— Уж не в долговой ли тюрьме? Если «Дженерал Продактс» обнародует ваши счета...

— Эй, эй, погодите!

— Ваш долг, мистер Шеффер, составляет порядка пятисот тысяч. Мы рассчитаемся со всеми вашими кредиторами до того, как вы отправитесь в полет,— это будет нечто вроде аванса. Если же вы вернетесь...

Я восхитился его честностью, ведь он мог бы сказать «когда вы вернетесь»!

— ...Если вы вернетесь, мы выплатим вам остальное. Кстати, вам придется давать интервью информационным агентствам, а это тоже стоит немалых денег. Итак, ваш ответ?

Я облизнул пересохшие губы, сознавая себя припертым к стене. Я мог облизывать губы сколько угодно, но от этого мой счет в банке не сделался бы солидней и мое безвыходное положение не перестало бы быть столь безвыходным. Оставалось одно: сдаться, но... с честью.

— Вы сказали, что я смогу построить собственный корабль?

— Конечно.— У кукольника хватило великодушия, чтобы откровенно не праздновать победу, и опытный соблазнитель (а может, соблазнительница — не знаю, как у них там с полами!) продолжил: — Это ведь не просто исследовательская экспедиция. Мы хотим, чтобы вы благополучно вернулись.

— Честно говоря, мне тоже этого хочется,— с неподдельным чувством признался я.

Судно было готово в рекордно короткий срок. Корпус и жизненное пространство аналогичны кораблю-неудачнику, но на этом сходство заканчивалось. На «Буцефале» — так я назвал свою космическую лошадку — приборы наблюдения почти отсутствовали, зато был установлен мощный термоядерный двигатель, как на военных крейсерах. Я настоял, чтобы «Буцефал» оснастили лазерной пушкой, и кукольник безропотно подчинился этому наглому требованию. Он хо-

тел, чтобы я чувствовал себя в безопасности, спокойно занимаясь выяснением причины гибели моих предшественников.

О да, я был спокоен! Спокоен, как смертник, готовящийся взойти на эшафот. Правда, смертник точно знает, что его ждет, я же не имел об этом ни малейшего представления. И мне ничуть не стало лучше после многократного прослушивания записи последнего сообщения.

Их корабль вынырнул из гиперпространства на расстоянии миллиона миль от нейтронной звезды. Продвинуться к ней ближе они не могли из-за гравитационного эффекта. Питер отправился проверять приборы, а Соня связалась с Институтом Знаний.

«Мы еще не видим звезду без приборов, но знаем, где она. Каждый раз, когда Сюрприз оказывается между нами и другой звездой, вспыхивает гало. Подождите немного, Питер настраивает телескоп...»

На этом связь оборвалась — мешала масса звезды. Данное обстоятельство было в порядке вещей, поэтому никто не объявил тревогу. И вполне вероятно, что тот же гравитационный эффект не позволил скрыться в гиперпространстве от того, кто на них напал...

У меня не было даже мимолетных идей о том, кто бы это мог быть, зато результаты его нападения то и дело вставали перед моим мысленным взором — ржавые пятна на стенах рубки корабля. Жидкость, циркулирующая в человеческом организме, как бесстрастно констатировал кукольник. Легко ему выражаться с таким академическим педантизмом, но жидкость, циркулирующая в *моем* организме, была мне исключительно дорога! И меня вовсе не радовала мысль, что она будет разбрызгана по стенам рубки «Буцефала».

— Не нужно закрашивать стены,— попросил я Лореса, когда «Буцефал» был почти готов.

К тому времени (впрочем, как и по сей день) я уже знал, но так и не научился выговаривать тридцати-

сложное имя президента дочерней фирмы «Дженерал Продактс». Мое имя кукольник выговаривал без особого труда, но я сильно подозревал, что про себя он называет меня просто «человеком». Так же, как Соню и Питера Ласкин. Так же, как всех остальных людей. Человеком больше, человеком меньше...

Забавно, что создания, чья осторожность так легко переходит в трусость, занимают ведущее место по производству космических кораблей! Впрочем, кукольники куда охотнее строят корабли, чем летают на них: они слишком высоко ценят свою жизнь и слишком низко — жизнь прочих разумных существ, чтобы не прибегать то и дело к услугам пилотов иных цивилизаций.

— Нельзя отправляться в путешествие с прозрачными стенами,— все-таки проявил обо мне заботу кукольник.— Вы сойдете с ума.

— Я работаю пилотом вот уже двадцать лет,— мой небрежно-самоуверенный тон мог обмануть кого угодно.— Вид открытого космоса, сводящий новичков с ума, вызывает у меня лишь легкое любопытство. И я хочу знать, что происходит вокруг!

Накануне отлета я засел в баре «Дженерал Продактс». Бармен-кукольник смешивал коктейли ртом, но это мне уже было безразлично! К тому же у бармена-кукольника коктейли получались ничуть не хуже, чем у бармена-человека, и как раз такой крепости, какая требовалась...

«Заправка перед отлетом в тартарары» — так у нас, пилотов, называется дегустация крепких напитков перед рейсом, особо многообещающим в смысле неприятностей. И в каком бы виде пилот ни покинул бар после подобной дегустации, я еще ни разу не видел, чтобы наутро он не занял место в рубке трезвым, как стеклышко. Правда, никто, кроме меня, еще не надирался перед отлетом в баре кукольников...

А вдруг я стану зачинателем новой традиции? Как Сидней Маклистер, который ввел шикарную моду: последний предвылетный коктейль выливать не себе в рот, а своему соседу за шиворот.

«Нет, пожалуй, здешние коктейли все-таки чересчур крепки»,— подумал я, увидев, как напротив меня бесцеремонно усаживается пожилой человек с двумя головами.

Я потряс своей собственной башкой, и головы моего визави нехотя слились в одну... Правда, от этого тип ничуть не стал симпатичнее, а на фоне музыкальной болтовни тусующихся в баре кукольников его голос неприятно резанул мой слух:

— Добрый вечер, мистер Шеффер.

— Рад, если для вас он добрый. С кем имею честь?..

В ответ он показал мне голубой диск — удостоверение сотрудника Службы Безопасности Земли. Я долго и внимательно разглядывал диск — не потому, что хотел проверить, настоящее удостоверение или поддельное, а для того, чтобы получше сфокусировать зрение.

— Меня зовут Зигмунд Аусфаллер,— важно представился чиновник.

«Сочувствую»,— хотел было ответить я, но подумал, что парню с именем Беовульф нет смысла высказывать это человеку по имени Зигмунд.

— Я хочу поговорить с вами о поручении, которое вы взялись выполнить для «Дженерал Продактс».

Я молча кивнул, вновь припадая к стакану с бодрящей влагой коктейля «Взрыв сверхновой».

— Как и положено, мы получили запись вашего устного соглашения, и я хотел бы прояснить ряд непонятных для меня моментов. Мистер Шеффер, неужели вы идете на такой риск всего за пятьсот тысяч?

— За миллион.

«Сверхновая» взорвалась в моем желудке, эхом отозвавшись в голове, и я взглянул на чиновника более благодушно.

— Хорошо, за миллион,— проскрипел Зигмунд Аусфаллер.— Но вы ведь получите только половину, потому что другая половина уйдет на уплату долгов.

— Может, сразу скажете, что вас беспокоит?

В бокале еще оставалось достаточно жидкости, и меня в тот момент не беспокоило решительно ничего. Даже то, что вместо одной головы у моего собеседника теперь росло четыре.

— Сейчас скажу. Ваш корабль, выполненный «Дженерал Продактс» по спецзаказу, отлично вооружен и очень быстроходен. Он вполне может сойти за боевой — а в качестве такового его несложно будет продать...

— Он мне не принадлежит.— Я снова отхлебнул из бокала.

— А может быть, вы решили стать пиратом? — подозрительно осведомился Зигмунд Аусфаллер.— Или задумали сдать ваш корабль в аренду милитаристам с Ти-Джама?

Стать пиратом мне не пришло бы в голову даже после недельной беспробудной пьянки, а вот Ти-Джам — неплохая мысль! За такую мысль, пожалуй, стоило выпить еще бокальчик... И, заказав для разнообразия «Страстную марсианку», я осушил бокал за моего вдохновителя из Службы Безопасности Земли.

— Вот что я хочу вам сказать, мистер Шеффер! — продолжал скрежетать Аусфаллер.— Большинство цивилизаций старается предупреждать возможные преступления, и наша с вами — не исключение. Поскольку до сих пор еще ни один пилот не получал в свое единоличное владение столь хорошо вооруженный и такой быстроходный корабль, как ваш «Буцефал»... Да, никогда не понимал привычки пилотов давать своим кораблям в придачу к регистрационным номерам всякие дурацкие имена!

— «Буцефал» — и впрямь странноватое имя,— задумчиво согласился я.— Может, мне переименовать свой корабль в «Зигмунда Аусфаллера»?

Чиновник, пару раз моргнув, быстро овладел собой.

— ...Постольку мой долг — помешать вам наделать глупостей! — вернулся он к прерванной фразе.— Исходя из предположения, что сговор между вами и представителями цивилизации кукольников вряд ли возможен, я попросил у президента «Дженерал Продактс» разрешения установить в «Зиг»... э-э, то есть в «Буцефале», бомбу с дистанционным управлением. Такое разрешение было мне дано.

— Простите? — тупо переспросил я.

— Внутри вашего корабля теперь находится бомба,— громко и очень четко проговорил чиновник.— И если в течение недели от вас не будет поступать сообщений, я ее взорву. В радиусе недельного гиперпространственного полета отсюда находятся несколько миров, но все они либо являются колониями Земли, либо поддерживают с нами дипломатическую связь — а стало быть, обязаны выдавать бежавших преступников. Вы не сможете высадиться ни на одной из этих планет, если решитесь продать корабль посредникам с Ти-Джама, а также скрыться, потому что через неделю от вашего корабля останутся лишь куски металла, а от вас — мельчайшие частицы протоплазмы... Мне продолжать?

— Незачем.

Трудно сказать, кого я сейчас ненавидел больше — президента дочерней компании «Дженерал Продактс» или этого человека.

— Можете проверить меня на детекторе лжи,— сотрудник Службы Безопасности решил на всякий случай внести полную ясность. А может быть, вздумал напоследок поиздеваться надо мной в отместку за «Зигмунда Аусфаллера»? — Если вы увидите, что я лгал, можете дать мне по физиономии, и я принесу вам извинения.

— Не стоит.— Я был уже абсолютно трезв.— Давайте обойдемся без детектора лжи... И без мордобития... Впрочем, как и без извинений.

— Простите?

Я молча встал и вылил за шиворот Зигмунду Аусфаллеру «Страстную марсианку».

Просмотр четырех фильмов, отснятых камерами слежения на корабле, не дал никаких результатов. Если бы их судно натолкнулось на газовое облако, супругов Ласкин могло бы убить силой толчка — в перигелии они двигались со скоростью всего лишь вдвое меньшей, чем скорость света. Но при этом возникло бы трение, а не было никакого намека на то, что корпус корабля разогрелся. Если же на них напало какое-то живое существо, то оно оказалось невидимым для радара и для огромного диапазона световых частот...

Неведомый монстр проникает в корабль сквозь обшивку прямо из открытого космоса и, плотоядно урча, разрывает пилотов на клочки... Чушь, какая чушь, годная только для третьесортных триллеров!

Да, в окрестности ВУ8-1 действуют мощнейшие магнитные силы, но корабли «Дженерал Продактс» непроницаемы для них. Непроницаемы они и для теплоты, кроме той, которую несет с собой свет, доступный восприятию инопланетных клиентов кукольника. У меня много претензий к изделиям «Дженерал Продактс», но все они относятся к их внешнему виду, что же касается безопасности и надежности... Уж лучше быть пилотом самого утлого старья производства «Дженерал Продактс», чем вверить свою жизнь изящной ракете земной фирмы «Скайдрайверс», которую я видел в универсаме. Я не меньший патриот, чем любой из моих сограждан, но если бы мне предложили лететь на подобной ракете к нейтронной звезде, я предпочел бы тюрьму.

А может быть, зря я не выбрал это заведение? Но там я остался бы до конца своих дней — после близкого знакомства со «Страстной марсианкой» Зигмунд Аусфаллер наверняка позаботился бы об этом.

Ну уж нет! Лучше рискнуть и продолжать свой путь к ВУ8-1 и к тому, что меня возле нее поджидает...

Мне вдруг вспомнилось далекое лето, которое я, десятилетний сопляк, провел вместе с братом на горячей планете Джинкс. Несколько дней мы не могли выйти из гостиницы, потому что снаружи все раскалилось чуть ли не добела, улицы заливал жесткий бело-голубой солнечный свет. И тогда мы придумали себе забаву: набирали воду в воздушные шарики и бросали их с третьего этажа на тротуар. Получались премилые кляксы, которые тут же высыхали. Потом мы стали добавлять в воду мамину тушь для ресниц, и на тротуаре появились кляксы, похожие на зловещее Черное Нечто из комиксов про пилота Спайка...

Соня Ласкин находилась в кресле, когда оно сорвалось со своего места. Кровь на стенах говорит о том, что Питер полетел вдогонку и разбился, как лопается шарик с водой, брошенный с большой высоты.

Так что же за Черное Нечто проникло сквозь корпус их корабля?!

До перигелия осталось каких-то десять часов, я решил осмотреть «Буцефал». Все на корабле было в полном порядке — все, кроме меня... Больше и больше я начинал чувствовать себя кукольником, шарахающимся от собственной тени. Или шариком, наполненным красной краской, которую в любой момент неведомое Нечто может с чудовищной силой швырнуть о стену.

Когда до перигелия осталось только два часа, я включил гироскоп. Корабль неторопливо развернулся. Со всех сторон сияли бело-голубые звезды, а Черное Нечто пока никак не давало о себе знать. Спустя мгновение «Буцефал» вернулся в вертикальное положение: его ось теперь проходила через нейтронную звезду, но он встал к ней кормой. Я снова включил гироскоп; на этот раз корабль двигался крайне неохотно (я просто слышал, как «Буцефал» сердито ржет и недовольно взбрыкивает), а с полпути вернулся в вертикальное положение.

Похоже, он настаивал, чтобы его ось проходила через нейтронную звезду! Мне это нравилось все меньше и меньше: мало того, что в любой момент на меня может обрушиться неведомый космический монстр, так еще и собственный корабль решил взбунтоваться!

Я повторил маневр, снова почувствовал сопротивление «Буцефала»... Но на этот раз к его сопротивлению прибавилось что-то еще.

Что-то давило на меня!

О, пресвятой Николай, покровитель всех путешественников!!! Кажется, началось!!!

Я недолго пребывал в нерешительности; высвободился из привязных ремней и полетел в носовое отделение корабля. Давление было слабое — не больше одной десятой. Я не падал, а словно тонул в меду. Вернувшись в кресло, пристегнул ремни и, повиснув на них лицом вниз, осчастливил диктофон сообщением о том, что происходит. Я очень старался, чтобы мой голос звучал бесстрастно и четко, но, боюсь, это плохо мне удавалось. Страх приближающейся смерти скручивал мои кишки в скользкий холодный жгут — совсем как в далеком детстве, когда в темноте спальни ко мне вдруг начинало подкрадываться Черное Нечто... Тогда я тоже не видел его, зато отчетливо слышал его мягкие шаги и зловещее хриплое дыхание!

Но сейчас я не мог включить свет и убедиться в надуманности моих страхов; увы, теперь мой ужас имел под собой вполне реальную основу! Предчувствие говорило мне, что Черное Нечто, впервые заявив о себе, не успокоится, пока не поступит со мной так же, как с супругами Ласкин.

— Если давление увеличится, сообщу.— Я закончил короткое сообщение, подумав при этом: «Сообщу, если успею».

Неужели это странное, едва заметное давление убило Питера и Соню?! А если да, то что же это все-таки за ... и как мне с ней бороться?!

Звезды вокруг нейтронной звезды горели злобным, ослепительным светом. Я повис на ремнях лицом вниз и попытался собраться с мыслями, чувствуя, как давление неуклонно усиливается. Некая дьявольская сила упорно пыталась сорвать меня с кресла и бросить на стену рубки... И самым бредовым было то, что злобное Черное Нечто давило только на меня, не воздействуя на корабль!

Какая ерунда — что может пробраться ко мне сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс»? Брось, старина, ты ведь уже давным-давно перестал интересоваться комиксами!

Понадобилось еще какое-то время, чтобы сообразить, что Черное Нечто не ополчилось лично против меня, а просто толкает мой корабль, отклоняя его от курса. Мой вздох облегчения должны были услышать на всех обитаемых планетах в неделе пути от Сюрприза.

Итак, одна часть проблемы была решена. Я по-прежнему не знал, с чем (или с кем) имею дело, зато знал, как с ней бороться: если подобная чертовщина будет продолжаться, я просто уравновешу неизвестную силу, включив двигатель.

Тем временем «Буцефал» продолжал отталкиваться от Сюрприза, теперь это было ясно. Но почему упорно молчит двигатель корабля? Ведь если корабль отклоняется от курса, автопилот должен сразу же выровнять его. И акселерометр работает нормально, он был в полном порядке, когда я его проверял...

А может быть, Черное Нечто воздействует и на акселерометр? Опять-таки невозможно: ничто не может проникнуть сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс»!

Но к тому времени я уже ни в чем не был уверен: трудно испытывать подобное чувство, когда все возрастающее давление пытается выжать твои глаза из глазниц! И кто знает, как долго это будет продолжаться?!

Все, с меня хватит! Лучше уж кончить дни в долговой тюрьме, чем уподобиться кляксе на тротуаре!

— Давление возросло настолько, что представляет опасность для жизни,— прохрипел я в диктофон.— Попытаюсь изменить курс.

Конечно, если я поверну корабль прочь от звезды и включу двигатель, мое собственное ускорение прибавится к силе Черного Нечто, и в результате возникнет перегрузка, которую трудно будет вытерпеть. Но если я окажусь на расстоянии мили от ВУ8-1, то непременно закончу, как Соня Ласкин! Она, должно быть, как и я сейчас, висела в кресле вниз лицом и ждала, пока автопилот выровняет корабль, а сама не включала двигатель, хотя ремни все больше врезались ей в тело, а в голове гудело от прилившей крови, как гудит сейчас у меня. Потом ремни лопнули, и она рухнула на переборку, переломав себе кости, а Черное Нечто сорвало опустевшее кресло и швырнуло его на Соню.

Нет, пусть я лучше разобьюсь о звезду, но включу двигатель!

И я его включил. Я увеличивал мощность до тех пор, пока не оказался в состоянии, близком к невесомости. То было поистине блаженное состояние! Я медленно приходил в себя, чувствуя, как кровь, скопившаяся в конечностях, возвращается туда, где ей положено находиться. Жидкость, циркулирующая в человеческом организме, снова делала это вполне исправно.

На гравиметре значилось: одна и две десятых.

«Лживый робот!» — подумал я.

Мимо меня проплыла зажигалка, выпавшая у меня из кармана,— верный талисман еще со времен курсантской службы. Я машинально протянул руку, чтобы ее схватить, как вдруг она полетела быстрее; набирая скорость, проскочила через дверь в комнату отдыха и исчезла в центральном коридоре.

Я уже успел о ней забыть, как вдруг услышал тяжелое бб-бух! — зажигалка с силой врезалась в стену.

С ума можно сойти! Сам я находился почти в невесомости, а зажигалка грохнулась, будто упала с крыши небоскреба.

Ладно, прибавим-ка еще резвости моему «Буцефалу»! Правда, если я вздумаю продолжать в том же духе, то вполне могу столкнуться с невидимой нейтронной звездой на скорости, составляющей половину скорости света...

Когда изолгавшийся гравиметр показал одну и четыре десятых, я вынул из кармана калькулятор и имел счастье наблюдать за тем, как он по примеру моей зажигалки нырнул в центральный коридор. Весть о конце его путешествия услышал бы даже глухой альдебаранец: корабль загудел, как гонг.

Я поделился с диктофоном парой фраз о приключениях зажигалки и калькулятора, а затем принялся вводить в автопилот новую программу. Черное Нечто по-прежнему оставалось для меня загадкой, зато я понял, как оно себя ведет.

Звезды вокруг того места, где находилась нейтронная звезда, превратились в штрихи свирепо-голубого цвета. Мне казалось, что я уже вижу Сюрприз — маленький тускло-красный диск, хотя, может быть, то было просто игрой издерганного воображения. Через двадцать минут я обогну эту нейтронную заразу — и тогда стану нарасхват во всех институтах не только как теортетик, но и как единственный в мире практик-специалист по нейтронным звездам! Освободившись из ремней, я выплыл из кресла... И вдруг как будто невидимые цепкие щупальца ухватили меня за ноги, а в мои руки, казалось, впихнули десятифунтовую гирю. Я могучим усилием воли удержался от истерического вопля, напомнив себе, что вскоре автопилот должен уменьшить тягу до нуля и что к этому моменту я должен попасть в центр корабля — в главный коридор.

«Кто запаниковал — тот труп» — гласит одно из пилотских правил, я сам столько раз вдалбливал это

в головы новичкам компании «Никамура Лайнз»! К тому же теперь мне было ясно, к чему стремится Черное Нечто,— оно пыталось разорвать корабль пополам — и меня заодно с кораблем.

Я вдруг почувствовал, что мои руки и ноги свободны, оттолкнулся от кресла и приземлился на задней стене кабины, а потом, не тратя времени зря, переполз в комнату отдыха.

Да, чем ближе становился перигелий, тем больше свирепела неведомая злобная сила, а уравновешивающая ее тяга двигателя ослабевала. Черное Нечто яростно стремилось разорвать корабль на куски, но над центром корабля оно было не властно. Вот на чем зиждились все мои надежды! Зажигалка и калькулятор вели себя так, как будто по мере их продвижения к корме тяготение увеличивалось с каждым дюймом, но в центральном коридоре мой враг, похоже, на какое-то время оставлял их в покое — до тех пор, пока они не попадали в кормовой отсек... Значит, единственный шанс остаться в живых — во что бы то ни стало удержаться в центральном коридоре, пока двигатели не уведут корабль от кошмарной звезды!

Пятнадцать футов отделяли меня от спасительного коридорного проема, и я должен был преодолеть это расстояние при непрерывно изменяющемся тяготении. Тяга двигателя ослабевала, зона невесомости перемещалась по кораблю, как волна. Меня швыряло и било о стены, несколько раз мне казалось, что я уже разделил судьбу Сони Ласкин, но все-таки, избитый до полусмерти, полуослепший, но еще живой, наконец скользнул в узкий коридор...

И почувствовал, как меня тянет назад, туда, где вовсю свирепствует мой невидимый враг! Тогда я раскинул руки и уперся ладонями в стены. Человек, ведомый инстинктом самосохранения, способен проделывать невероятные трюки, какие он потом не повторит и за миллион... Я рывками продвигался по коридору,

ломая ногти о твердый пластик стен, выворачивая руки в суставах, стремясь оставить рубку как минимум в двадцати футах позади себя. Но именно в этот миг, цепляясь за стены чуть ли не зубами, отплевываясь от крови, капающей с разбитых губ, вдруг с ослепительной ясностью понял, что представляет собой Черное Нечто, убийца Питера и Сони!

Диктофон был для меня сейчас так же недосягаем, как земное Солнце, поэтому, если я все-таки останусь в живых, я выскажу президенту «Дженерал Продактс» все свои соображения с глазу на глаз. А у меня было, что ему сказать! Потому что теперь я знал все — даже, как погиб Питер Ласкин. Он, подобно мне, догадался, в чем дело, и попытался спастись в центральном коридоре, но соскользнул обратно в рубку, как и я сейчас... Но я удержусь, обязательно удержусь!

Из рубки донесся визг разрываемого металла: Черное Нечто крушило все, до чего могло дотянуться, но центральный коридор оставался вне досягаемости кошмарного монстра!

Поэтому я *должен* здесь удержаться, кзин меня сожри!!!

После невероятного акробатического трюка я уперся в одну стену ногами, в другую — спиной... И действительно удержался. Удержался, хотя жидкость, циркулирующая в человеческом организме, все обильнее текла у меня по лицу.

Я находился в больнице для обследования. Лицо и руки покраснели и покрылись волдырями, все тело болело, словно его долго и сладострастно топтали ногами.

Мне нужны были покой и нежная забота — в особенности покой, но едва я проснулся после освежающего двадцатичасового сна, как сиделка сообщила, что ко мне пришли. По выражению ее лица я понял, *кто* мой посетитель.

— Так что же проникло сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс»? — такими словами президент компании выразил озабоченность по поводу состояния моего здоровья.

— Гравитация,— одним-единственным словом ответил я.

— Не разыгрывайте меня, Беовульф Шеффер! — кукольник перенес вес тела на непарную заднюю ногу.— Это очень серьезный вопрос!

— Вопрос вот в чем: у вашей планеты есть луна?

— Это государственная тайна,— быстро ответил кукольник.

Уф! Нет, я отнюдь не ксенофоб, один из моих лучших друзей — четырехкрылый разумный богомол с Ти-Джама, но подобную сверхосторожность очень многие цивилизации сочли бы трусостью.

Кукольники, снабжающие половину разумных рас космическими кораблями, так тщательно скрывают координаты своей планеты, что до сих пор никому не известно, где она находится. Любая мельчайшая подробность окружена толстенной оболочкой секретности, по непроницаемости равной обшивке кораблей «Дженерал Продактс».

— Вы собираетесь мне все-таки объяснить, что убило супругов Ласкин возле нейтронной?

Президент нетерпеливо заперебирал копытами, и я решил его больше не мучить.

— Прилив,— лаконично объяснил я.

— Что такое прилив? — Вид у кукольника стал еще более озадаченным.

«Ничего себе!» — подумал я. Президент дочерней компании «Дженерал Продактс» явно не блистал эрудицией. Но я недаром начал подумывать о карьере лектора после того, как завершу карьеру пилота.

— Луна, спутник Земли, имеет диаметр почти две тысячи миль и вращается вокруг своей оси,— глядя в белоснежный потолок комнаты, проговорил я.— К тому

же она вращается вокруг Земли, что вызывает в морях приливы и отливы. Возьмем две горы, одну в точке, ближайшей к Земле, а другую — в наиболее удаленной точке. Я ясно выражаюсь?

— Конечно.

— Тогда вы понимаете, что, предоставленные сами себе, эти горы разлетятся в разные стороны. Они ведь перемещаются по двум разным орбитам, обратите внимание: по концентрическим орбитам, расстояние между которыми две тысячи миль. Тем не менее, обе горы вынуждены двигаться с одной и той же угловой скоростью.

— Но внешняя должна двигаться быстрее.

— Вот именно. Поэтому существует сила, стремящаяся разорвать Луну на части. Этому препятствует тяготение, но придвиньте Луну еще ближе к Земле — и наши горы разойдутся в разные стороны.

— Понятно. Значит, прилив пытался разорвать на части корабль. Он был настолько силен, что оторвал перегрузочные кресла на том корабле...

— И раздавил пилотов. Еще бы: нос корабля находился тогда на расстоянии семи миль от центра звезды, а корма была на триста футов дальше, они что было сил стремились двигаться по разным орбитам. Мои голова и ноги вели себя точно так же, когда я был недалеко от звезды.

— Теперь мне все ясно! — Облегчение кукольника было столь велико, что он даже задал мне полный участия вопрос: — Вы линяете?

— Что-что?

— Ну... Я заметил, что вы теряете наружный покров.

— Ах, это! — Я перестал обеспокоенно ощупывать голову в поисках внезапно появившейся лысины. Впрочем, после всего, что я пережил, правомочно было бы ожидать появления не лысины, а седины.— Нет, просто я обгорел в свете звезд. Ничего страшного.

Головы кукольника переглянулись. Человек на его месте, наверное, пожал бы плечами.

— Остаток вашего вознаграждения помещен в банк Гудвилла. Но некто Зигмунд Аусфаллер, ваш соотечественник, заморозил счет до тех пор, пока не будет исчислена сумма налогов.

— Еще бы!

— Если вы согласитесь выступить перед прессой и рассказать, что произошло на корабле Института, мы заплатим вам еще десять тысяч. Мы заплатим наличными, и вы сразу сможете ими распоряжаться. Это очень важно. Уже расходятся слухи, что корабли нашей фирмы далеко не столь надежны, какими все считали их до сих пор...

— Зовите репортеров,— без колебаний согласился я.— Мне есть, что им порассказать!

И прервал цоканье копыт направившегося к дверям кукольника задумчивой репликой:

— Могу рассказать им, например, что в мире кукольников нет луны. Это будет даже поинтереснее, чем мои приключения у нейтронной!

— Что такое?!

Цоканье копыт резко смолкло, шеи кукольника изогнулись, как две змеи, головы настороженно уставились на меня.

— Если бы у вас была луна, вы знали бы, что такое прилив,— с милой улыбкой сообщил я, очень стараясь сравняться в напевности голоса с моим собеседником.— Представляете, какая это будет сенсация — наконец-то выяснилось кое-что конкретное насчет загадочной планеты кукольников! Огромные заголовки в прессе, сообщения в «Последних новостях»...

— Как насчет...— торопливо перебил меня кукольник.

— Миллиона? Что ж, я подумаю. Кажется, вам удалось привить мне вкус к легкому изящному шантажу!

МИР-КОЛЬЦО

1. ЛУИС ВУ...

Луис Ву материализовался в одной из трансферных кабин в центре Бейрута, когда город уже покрыла ночная мгла. Он приветственно махал рукой и, улыбаясь, демонстрировал идеально ровные зубы. Однако спустя мгновение улыбка исчезла, а лицо стало напоминать сморщенную резиновую маску. Теперь Луис Ву — с его косичкой цвета искусственного снега и желтой кожей на лице и бритой голове — выглядел на все свои...

Какое-то время он наблюдал сквозь прозрачное стекло за кипевшей вокруг жизнью. В соседних кабинах неведомо откуда появлялись люди, толпы пешеходов брели по выключенным на ночь тротуарам... Часы начали бить одиннадцать.

Расправив плечи под ярко-голубым халатом, украшенным золотым трехмерным драконом, Ву сделал первый шаг в ожидающий его мир. В Реште, несмотря на раннее утро, наверняка еще длилось веселье. Здесь, в Бейруте, на открытой веранде одного из ресторанов, он решил продолжить праздник и угостить посетителей ракией. Потом, спев за компанию по-арабски и на интерлингве, Луис Ву около полуночи перенесся в Будапешт. Интересно, заметили ли его отсутствие? Вероятно, все решат, что виновник торжества уединился с какой-

---

* Ringworld © 1970 Larry Niven.— *Перев. с англ. Е. Монаховой.*

нибудь красоткой. На самом деле он преследовал лишь одну цель — убежать от грядущего дня. Разве двадцати четырех часов хватит, чтобы отметить двухсотый день рождения?

В Будапеште Луис Ву танцевал, пил вино и... исчез перед полуночью. Его ждал Мюнхен: прогуливаясь по ярко освещенным движущимся тротуарам и добавляя темп своих шагов к их скорости, он неожиданно подумал о том, что в любом месте на Земле есть тротуары, и все они движутся со скоростью десять миль в час. Все люди, мимо которых он ехал, выглядели одинаково — полное отсутствие индивидуальности как во внешности, так и в одежде. Не американцы, не немцы, не египтяне — просто люди. Кто сегодня говорит по-немецки, английски, французски или испански? Все пользуются интерлингвой. За прошедшие века точно так же перемешались между собой города, их названия стали всего лишь отзвуками далекого прошлого. Огромный, вытянувшийся вдоль побережья *город*... Где кончается Сан-Франциско и начинается Сан-Диего — многие ли знают об этом? Почти никто.

Такие пессимистические мысли мало подходили для двухсотого дня рождения. Неужели пришло время в очередной раз покинуть Землю? Один, на маленьком корабле — и пусть кожа, глаза и волосы обретут естественный цвет, а борода растет, как ей вздумается...

— Глупости,— сказал сам себе Луис Ву,— я вернулся совсем недавно. Двадцать лет назад.

Между тем в Мюнхене его уже настигала полночь. В одной из трансферных кабин он, вложив в прорезь считывающего устройства свою кредитную карту, набрал код Севильи...

В глаза ударил слепящий свет, и Луис Ву невольно зажмурился. Откуда в Севилье в это время солнце? Вероятно, ошибся, набирая код — что ж, придется попробовать еще раз.

Не выходя из кабины, он скользнул рассеянным взглядом по сторонам: стандартный гостиничный номер, вот только... его постоялец может кого угодно привести в состояние шока.

В центре комнаты замерло на трех ногах, заканчивавшихся изящными копытцами, существо с двумя головами и с таким же количеством глаз — по одному на каждой голове. Кожа была светлой и, судя по всему, необычно нежной. Вдоль позвоночника до бедра задней ноги росла густая длинная грива.

С глубины в сто восемьдесят лет всплыло воспоминание — слышал, читал, рассказывали ему про этих существ, исчезнувших задолго до рождения Луиса? Кукольник, точнее, кукольник Пирсона. Да, насколько известно, его разум вполне сравним с человеческим.

— Чему обязан? — спросил Луис.

— Не бойся. Ты можешь уйти, если захочешь,— ответил чужак голосом, принадлежавшим одновременно Клеопатре, Прекрасной Елене, Мерилин Монро и Лорелее Хантц.

Нет в мире логики! Чтобы так говорило двухголовое существо непонятного пола...

— В колледже нам показывали голограммы таких, как ты. Вы ведь исчезли...

— Когда кукольники покинули Освоенный Космос, меня с ними не было,— ответил чужак.— Я остался, ибо нужен моим соплеменникам здесь.

— Так ты прятался? А где, черт побери, мы находимся?

— Это тебя не касается. Ты Луис Ву MMGPLH?

— Откуда тебе известен мой код? Ты следил за мной?

— Да. Мы в состоянии контролировать сеть трансферных кабин вашего мира.

Что ж, подобное вполне возможно. Правда, потребуется целое состояние на взятки, но это не проблема. Вот только...

— А зачем?

— Долго объяснять...

— Ты выпустишь меня отсюда?

Кукольник на секунду задумался.

— Полагаю, что придется. Но сначала убедись, что я не безоружен и смогу тебя остановить, если ты нападешь на меня.

Луис Ву пожал плечами.

— А зачем?

Кукольник не ответил.

— Ах, да, теперь я вспомнил — вся ваша этика основана на трусости.

— Не совсем точно, но... так, пожалуй, проще.

Вообще-то могло быть и хуже. У каждой разумной расы свои чудачества. И все-таки легче договориться с кукольником, чем, например, с генетически параноидальным триноком, или кзином с его неудержимыми рефлексами хищника. А чего стоят эти, черт... грогсы — один вид их хватательных органов сразу вызывает более чем неприличные ассоциации.

— Я останусь здесь, если хочешь,— Луис Ву многозначительно посмотрел на своего собеседника.

— Нет. Наше общение предполагает более тесный контакт.— Под гладкой кожей кукольника нервно перекатились мышцы.

Дверь кабины открылась, и кукольник мгновенно отступил на несколько шагов.

Луис опустился в кресло, стараясь всем своим видом показать полное безразличие к ситуации. Кресло было такое же, как и везде,— подстраивающееся под фигуру; в воздухе чувствовался слабый, почти приятный запах — что-то среднее между аптекой и отделом магазина, где торгуют специями.

Чужак присел на подогнутую заднюю ногу.

— Потребуется долгое объяснение. Что ты знаешь о нас?

— Только то, что рассказывали в колледже. С тех пор прошло много лет... У вас была настоящая торго-

вая империя, правда? То, что мы называем «Освоенным Космосом», составляло только малую ее часть. А потом вы исчезли. Почему?

— Разве об этом уже забыли? Мы бежали от взрыва ядра Галактики — в направлении Магеллановых Облаков!

— Да, я знаю.— Память услужливо подсказала Луису, что цепная реакция Новых была открыта именно кукольниками.— Их свет доберется сюда не раньше, чем через двадцать тысяч лет.

— Разве вы не видите опасности? Идущее со светом излучение превратит эту часть Галактики в пустыню!

— Двадцать тысяч лет — слишком большой срок.

— Гибель и через двадцать тысяч лет останется гибелью. Но... взгляни вот сюда.— Кукольник взял лежащий на столе предмет, и Луис, который на протяжении всего разговора гадал, где у кукольника руки, увидел, что вместо них он весьма ловко использует губы. Большие, словно резиновые, они на несколько дюймов выступали за плоские зубы.

Голограмма — небольшой голубовато-белый диск из неизвестного материала — напоминала изображение солнца класса С0, К9 или К8, перечеркнутое ровной черной полосой.

— Что это такое? — Луис пристально посмотрел на собеседника.

— Можешь оставить ее себе, если хочешь. Кстати, теперь я могу открыть причину, по которой затащил тебя сюда. Предлагаю создать небольшой исследовательский отряд, состоящий из четырех участников, включая тебя и меня.

— И что мы будем исследовать?

— Этого я пока сказать не могу.

— Как ты это себе представляешь? Нужно быть идиотом, чтобы решиться на то, о чем не имеешь ни малейшего представления.

— Всего наилучшего по случаю двухсотого дня рождения,— последовало неожиданное поздравление.

— Спасибо,— ответил несколько удивленный Луис.

— Почему ты покинул гостей?

— Это не твое дело.

— Мое... прошу прощения. Итак — почему ты ушел со своего приема?

Луис Ву пожал плечами.

— Просто подумал, что двадцать четыре часа — маловато, чтобы как следует отметить двухсотый день рождения. Вот я и решил продлить его, убегая от полуночи. Вряд ли ты в состоянии это понять.

— Ты остался доволен праздником?

— Доволен? Пожалуй, нет... Хотя задумано было неплохо.

На прием явились и те, кого Луис не видел самое малое сто лет, и те, с кем он встречался ежедневно. Некоторые из них когда-то, очень давно, были его смертельными врагами. Получили приглашения его прежние увлечения — женщины, которых он никак не мог вспомнить. Оставалось только удивляться, сколько раз за эти годы у него менялся вкус. Как и следовало ожидать, одно представление гостей заняло несколько часов.

— Мне стало смертельно скучно: «...Луис, расскажи нам о своем последнем путешествии! Почему ты до сих пор одинок, дружище? Как хорошо, что ты пригласил тринокского посла. Мы так долго тебя не видели, Луис!» Воспоминания, обиды, романы, старые шутки — все одновременно в одном большом доме... Разве это можно выдержать!

— Да это похоже на тебя, Луис Ву. Примерно через каждые сорок лет тебе надоедает общество людей. Тогда ты покидаешь их и отправляешься в путешествие. Один, на маленьком корабле — и это продолжается до тех пор, пока не возникает потребность в чьем-нибудь обществе. На каждой из планет освоенного людьми

космоса ты прожил достаточно долго... Сегодня ты ушел со своего приема. Снова мучает беспокойство?

— Это мое личное дело, не так ли?

— Да. А мое дело — вербовка. Ты подходишь для моего исследовательского отряда. Способен на риск, но сначала все детально рассчитываешь. Не боишься оставаться один на один с собой. Поскольку ты всегда заботился о своем теле, в физическом смысле тебе не больше двадцати лет. И наконец — это, пожалуй, самое главное — ты любишь общество *иных*.

— Точно,— кивнул Луис. Знавал он нескольких ксенофобов — полные идиоты! — Жизнь была бы скучна, если бы вокруг были одни люди.

— Но ты не хочешь принимать решение втемную. Луис, разве мало того, что я, кукольник, буду с тобой? Всего, что может вызвать твой страх, я буду опасаться с удвоенной силой и гораздо раньше... Разумная осторожность моей расы вошла в поговорку.

Луис многозначительно молчал. Честно говоря, приманка уже была им проглочена.

— Не хочешь говорить, что собираешься исследовать — наконец прервал он затянувшуюся паузу.— Ладно. Но можно, по крайней мере, узнать, где это находится?

— В двухстах световых годах отсюда, в направлении Малого Магелланова Облака.

— Путешествие займет два года.

— Отнюдь. Есть корабль, который преодолевает световой год за минуту с четвертью.

Луис не успел проконтролировать выражение лица — его рот невольно приоткрылся. Минута и пятнадцать секунд?

— Здесь нет ничего удивительного. Разве тогда мы могли бы послать в ядро Галактики разведчика, который сообщил о цепной реакции? Если миссия успешно завершится, я отдам корабль экипажу — вместе с чертежами, которые позволят построить много таких ко-

раблей. Этот корабль будет твоим... вознаграждением — назови как хочешь. Ты увидишь его. Тогда же ты узнаешь о цели нашей экспедиции.

— Я готов,— сказал Луис Ву.

— Хорошо.— Кукольник встал.— Я уже говорил о членах нашего отряда. Сейчас нам следует навестить третьего участника,— и он направился в трансферную кабину.

Луис спрятал таинственную голограмму в карман и последовал за ним. Код, который набрал кукольник с помощью губ, определить не удалось — так это быстро было сделано.

Они оказались в полумраке роскошного ресторана. Луис узнал одно из модных заведений в Нью-Йорке — черно-золотой декор и совершенно неэкономичная, если говорить об использовании площади, расстановка столиков.

Появление кукольника было встречено недоверчивым шепотом. Метрдотель, с безучастностью робота, проводил их к свободному столику и распорядился принести для кукольника большую прямоугольную подушку.

— Тебя здесь ждали,— скорее констатировал, чем спросил Луис Ву.

— Да, я заказал столик заранее. Они хорошо умеют обслуживать таких, как мы.

Только теперь Луис заметил, что кукольник был не единственным представителем чужой расы: за соседним столиком расположились четверо кзинов, а в другом конце зала сидел кдалтино. Ничего удивительного, если принять во внимание близость здания Объединенных Наций. Луис решил отдать должное мексиканской кухне и текиле. Появившаяся перед ним тарелка с аппетитной лепешкой явно поспособствовала улучшению настроения.

— Хорошая мысль,— сказал он.— Умираю от голода.

— Мы здесь не для того, чтобы есть. Нам нужно найти третьего члена экипажа.

— Здесь? В ресторане?

Кукольник почему-то повысил голос, отвечая, но то, что услышал Луис, вовсе не было ответом.

— Ты еще не видел моего кзина? Его зовут Кхула-Ррит. Очень забавная домашняя зверушка.

Луис едва не захлебнулся текилой. За столиком позади каждая из четырех гор оранжевого меха была огромным живым кзином. Теперь они обнажили свои острые, как стилеты, зубы. У кзина подобная гримаса означала отнюдь не смех: фамилию Ррит носили члены семьи Патриарха Кзинов.

«Впрочем,— подумал Луис, которому удалось наконец справиться с несчастной текилой,— съеденным можно быть только один раз».

Ближайший к ним кзин поднялся. Густой оранжевый мех — только вокруг глаз были черные пятна — покрывал существо, которое больше всего напоминало бы толстого кота, если бы не восьмифутовый рост. Черные кисти рук, словно кзин был в перчатках, заканчивались мощными когтями. Пятьсот фунтов разумной хищной плоти нависли над кукольником и спросили:

— Скажи, почему ты решил, что можно оскорбить Патриарха Кзинов и жить дальше?

Кукольник ответил сразу, и в голосе его не было заметно ни малейшей дрожи.

— Это именно я на Бете Лиры пнул кзина по имени Хафт-капитан в живот. Мне нужен храбрый кзин.

— Продолжай,— сказал черноглазый кзин. Несмотря на строение рта, его интерлингва была безупречна, и в голосе начисто отсутствовала ярость, которая, несомненно, владела им. Сторонний наблюдатель наверняка решил бы, что два приятеля разговаривают, на-

пример, о погоде. Однако на блюде посреди стола, который занимали кзины, дымился внушительный кусок сырого мяса, лишь слегка подогретого перед подачей.

— Мы с этим человеком,— кукольник качнул головами в сторону Луиса,— будем изучать место, которое не снилось еще ни одному кзину. Хочешь составить нам компанию?

Кзин смотрел куда-то поверх голов своих собеседников.

— Говорят, что кукольники — травоядные и скорее бегут от схватки, чем принимают ее.

— Сможешь судить об этом сам. Твоей платой, если останешься в живых, будут чертежи нового космического корабля плюс сам корабль. Такова цена риска.

Кукольник делал все, чтобы еще больше осложнить положение. Кзину не говорят о риске. Он ничего не боится, просто не замечает опасности.

Однако кзин сказал:

— Согласен.

Трое его соотечественников что-то фыркнули ему в спину, и кзин, обернувшись, фыркнул в ответ. Речь кзинов звучит так, словно дерется стая котов; сейчас оживленная дискуссия четверых больше всего походила на кошачью войну с использованием ядерного оружия. В ресторане немедленно включили глушители, но все равно спор был слышен.

Луис заказал очередную порцию текилы. Судя по тому, что он знал о кзинах, эти четверо прошли специальную психологическую подготовку, поскольку кукольник все еще оставался в живых.

Наконец спор окончился, и кзины повернулись к кукольнику и Луису. Кзин с черными пятнами вокруг глаз спросил:

— Как тебя зовут?

— Здесь я ношу человеческое имя Несс,— ответил кукольник.— На самом же деле меня зовут...— и тут из обоих ртов полилась нежная мелодия.

— Хорошо, Несс. Знай же, что мы вчетвером представляем кзинов на Земле. Это Харш, это Фтансс, а тот, с желтыми кольцами,— Хррот. Я, как их помощник и кзин низкого рода, не имею имени. Меня называют *Говорящий с Животными* — по роду моих занятий.

Луис постарался изобразить безразличие. Кзин невозмутимо продолжал:

— Проблема заключается в том, что мы нужны здесь. Сложные переговоры... впрочем, вас это не касается. Решено, что без меня здесь вполне обойдутся. Если этот твой корабль действительно окажется стоящей штуковиной, я присоединюсь к вам. Если же нет — докажу свою храбрость другим способом.

— Хорошо.— Кукольник встал со своей подушки. Луис не шевельнулся, только спросил:

— А как называют тебя другие кзины?

— На Языке Героев это звучит так...— Кзин что-то проскрипел на очень низких нотах.

— Тогда почему ты не представился так? Хотел нас оскорбить?

— Да,— ответил Говорящий с Животными.— Я был зол на вас.

Луис привык к людскому двуличию, он предполагал, что кзин солжет. Тогда следовало бы сделать вид, что он верит, и можно было бы рассчитывать на соответствующее вежливое поведение кзина... Луис поколебался долю секунды:

— А чего в такой ситуации требует обычай?

— Мы должны помериться силами в рукопашной, как только ты вызовешь меня на поединок, или же один из нас должен извиниться.

Луис решительно поднялся со стула. Судя по всему, речь шла о самоубийстве, но тем не менее он отлично понимал: иначе просто нельзя.

— Я вызываю тебя,— сказал он.— Клыки против зубов, когти против ногтей, поскольку для нас двоих нет места во Вселенной.

— Прошу прощения от имени моего товарища Говорящего с Животными,— сказал вдруг, не поднимая головы, кзин по имени Хррот.

— Что? — поперхнулся Луис.

— В ситуации, когда нужно извиняться или воевать, моя роль заключается в том, чтобы извиниться,— пояснил Хррот.— Сегодня кзинов в восемь раз меньше, чем тогда, когда мы впервые столкнулись с людьми. Наши колонии стали вашими колониями, наши невольники освободились и овладевают человеческими технологиями, а заодно и человеческой этикой.

Луис сел.

Похоже, есть шанс отметить двести первый день рождения.

— Я бы не смог этим заниматься,— сказал он.

— Конечно, нет, раз ты осмелился вызвать кзина на поединок. Но наш Патриарх считает, что я не гожусь ни для чего другого. Не слишком умен, слаб здоровьем, к тому же меня подводит координация движений. Как еще я мог бы заслужить себе имя?

Луис хлебнул текилы, моля в душе, чтобы кто-нибудь сменил тему разговора. Вежливый кзин смущал его.

— Давайте продолжим ужин,— заявил Говорящий с Животными.— Или наша миссия начинается прямо сейчас?

— Вовсе́ нет,— ответил Несс.— У нас еще не до конца набран экипаж. Меня известят, если мои агенты локализуют четвертого.

Прежде чем вернуться к своему столику, кзин счел нужным заметить:

— Луис Ву, твой вызов был слишком длинным. Вполне хватило бы обычного вопля ярости. Попросту вопишь и скачешь.

— Вопишь и скачешь,— повторил Луис.— Здорово.

2. ...И ЕГО ПЕСТРАЯ КОМАНДА

Луис Ву знавал людей, которые, когда пользовались трансферной кабиной, закрывали глаза, чтобы побороть головокружение. По его мнению, это была сущая чепуха. Он тщательно набрал код.

— Смотрите! Луис уже вернулся!

У кабины собралась целая толпа, мешая открыть дверь.

— А, чтоб вас! Неужели никто не ушел домой? — Он широко распахнул объятия, намереваясь сгрести по крайней мере семь или восемь человек разом.— Дайте пройти, недоумки. Я жду еще гостей.

— Чудесно! Замечательно! — крикнул кто-то прямо ему в ухо.

Приблизившись к накрытому столу, Луис поднял бокал и улыбнулся присутствующим. Улыбка предназначалась и паре серебристых глаз, которые были от него в каком-нибудь дюйме. Благодаря общей толкотне и суматохе двадцатилетняя красавица Тила Браун оказалась лицом к лицу с Луисом. Ее голубую кожу покрывала сеть тонких серебряных ниточек, прическа пылала ярко-оранжевым огнем. Луис уже успел перекинуться с ней парой фраз. Речь девушки представляла собой некий набор банальностей, штампов и энтузиазма, но... Тила была очень красива!

— Как тебе удалось пригласить сюда тринока?

— Только не говори, что и он еще здесь!

— О нет. Кончился воздух, и он вынужден был отправиться домой.

— Глупая ложь.— Луис пожал плечами.— У него имелся запас на несколько недель. Если это тебя действительно интересует, то тринок был когда-то моим гостем и пленником одновременно. Его корабль со всем экипажем погиб, и пришлось доставить его на Марграв — там условия для него более привычные.

Девушка увидела что-то за спиной Луиса, и ее глаза, в которых читалось неподдельное изумление и восхищение, расширились еще больше.

Из трансферной кабины вышел Несс.

Именно на такую реакцию Луис и рассчитывал. Внезапно установившуюся тишину нарушал только перестук кукольниковых копыт. Тем временем испытание на прочность психики гостей продолжалось: вслед за кукольником трансферную кабину покинул Говорящий с Животными.

Люди как по команде отшатнулись от кабины. По толпе прошел тихий ропот, донеслись отдельные фразы: «Ничего с тобой не случилось. Я их тоже вижу... Отрезвляющие таблетки? Сейчас, где-то они у меня были... Луис! Простите, а как оно называется?»

— Иди за мной,— обратился Луис к кукольнику, полагая, что кзину отдельного приглашения не требуется.— Прошу прощения! Прошу прощения! — Он стал пробираться сквозь толпу и в ответ на возбужденные и удивленные вопросы только таинственно улыбался.

Луис тщательно закрыл двери и включил защиту от подслушивания.

— Порядок. Кто хочет выпить?

— Подогрей немного бурбона, я охотно выпью,— сказал кзин.— Если не сможешь, я все равно выпью — какой есть.

— Несс?

— Какого-нибудь овощного сока будет вполне достаточно. Как насчет теплого морковного?

— Брр! — Луиса передернуло от отвращения, но он передал заказ в бар.

Несс присел на подогнутую заднюю ногу, а кзин опустился в надувное кресло, которое под его тяжестью чуть не лопнуло. Один из самых давних врагов человека выглядел грозно и одновременно забавно, балансируя на слишком маленьком для него сиденье.

Войны между людьми и кзинами в недавнем прошлом были многочисленны и страшны. Но вот уже двести пятьдесят лет сохранялся мир: кзинам просто было нечем и некем вести боевые действия. В свою очередь, люди также не атаковали населенные кзинами планеты, чего ни один из их обитателей понять не мог. Кзины с их прямолинейностью и грубостью не могли вникнуть в психологию людей.

— Расскажи мне еще раз,— Луис обращался к Нессу,— о врожденной осторожности кукольников. Твое сегодняшнее поведение в ресторане не очень-то с этим вяжется.

— Может, это было нечестно с моей стороны, но я не сообщил тебе, что соотечественники считают меня безумцем.

— Великолепно,— процедил Луис и глотнул из бокала. Он заказал водку с соком и льдом.— Как это я раньше не догадался: ты ведь действительно безумец, если хочешь взять с собой кзина. Итак, чокнутый кукольник, кзин и я. Четвертый из нашей команды должен, наверное, быть психиатром.

— Нет, Луис. Ни один из кандидатов не является психиатром.

— А почему бы и нет?

— Я действовал не вслепую.— Несс говорил одной парой губ, а другой потягивал из бокала сок.— Цель нашей экспедиции — принести выгоду моей расе, значит, возглавлять ее должен наш представитель. Достаточно безумный, чтобы отправиться в неизвестность, и одновременно — нормальный настолько, чтобы воспользоваться своим разумом и выжить. Именно я отвечаю этим условиям. У нас были важные причины на то, чтобы включить в команду кзина. Говорящий с Животными, мы уже давно следим за вашим видом и знали о вас еще до того, как вы в первый раз атаковали людей...

— Ваше счастье, что вы тогда не попались нам под руку,— проворчал кзин.

— Вне всякого сомнения. Начались исследования по поводу вашего безопасного и безболезненного уничтожения...

— Я тебе шеи узлом завяжу!

— Ничего подобного ты не сделаешь.

Кзин поднялся.

— Он прав,— сказал Луис.— Успокойся, Говорящий. Убив кукольника, ты не заработаешь себе громкой славы.— Кзин снова сел. Кресло и на этот раз не лопнуло.

— Мы отказались от этой идеи,— продолжал Несс.— Войн с людьми оказалось достаточно для ограничения экспансии кзинов, вы становились все менее опасными. На протяжении нескольких столетий вы шесть раз штурмовали населенные людьми планеты. Шесть раз вы были побеждены, каждый раз теряя по две трети мужского населения. Но в военных действиях не участвовали ваши самки, и вид достаточно быстро восстанавливался. Вы просто шаг за шагом теряли огромную империю, чье создание заняло несколько тысяч лет. В конце концов стало очевидно, что вы развиваетесь в нужном направлении.

— Развиваемся?

Несс фыркнул что-то на Языке Героев. Луис даже подскочил от удивления: неужели гортани кукольника могут издавать подобные звуки?

— Да, ты сказал именно так,— согласился Говорящий с Животными.— Не знаю только, как я должен это понимать.

— Эволюция зависит от выживания наиболее приспособленных. Такими среди вас оказались те, кому удавалось избежать столкновений с людьми. Результаты очевидны. Уже почти двести ваших лет между вами и людьми царит мир.

— Эта война не имела бы смысла! Мы не смогли бы ее выиграть!

— Однако это не удержало ваших предков.

Говорящий с Животными глотнул горячего бурбона. Его хвост, голый и розовый, как у крысы, нервно колотил по полу.

— Все ныне здравствующие кзины являются потомками тех, кто сумел избежать участия в войне,— продолжал кукольник.— Я допускаю даже такую мысль, что в настоящее время кзины обладают достаточно большим запасом разумности, выдержки и хороших манер, чтобы мирно сосуществовать с другими расами.

— И потому ты ставишь на кон свою жизнь и рискуешь отправиться в путешествие в обществе кзина.

— Именно,— подтвердил Несс и неожиданно затрясся всем телом.— Но есть и другие причины. Если я буду вести себя мужественно, а путешествие принесет пользу моим соплеменникам, мне дадут разрешение иметь потомство.

— Трудно поставить это в ряд других причин.— Луис пожал плечами.

— Есть еще одно обстоятельство, которое не следует игнорировать. Мы столкнемся с чуждым нам окружением, полным неизвестных опасностей. Кто защитит меня? Кто подходит для этого лучше кзина?

— Защищать кукольника?

— Это звучит странно?

— Еще как! — Говорящий с Животными всем своим видом выражал недоумение.— Будем считать это шуткой — так мне подсказывает мое чувство юмора. Ну, а он? Луис Ву?

— Сотрудничество с людьми для нас оказалось очень выгодным, поэтому вполне понятно, что мы решили включить в состав экспедиции по крайней мере одного человека. Луис Ву с его беззаботным и сумасшедшим образом жизни — особь, обладающая огромным потенциалом выживания.

— Именно — беззаботный и сумасшедший. Он вызвал меня на поединок.

— Если бы не вмешательство Хррота, ты принял бы этот вызов?

— Чтобы сразу же отправиться домой за провоцирование серьезного дипломатического инцидента? Но дело ведь не в этом, правда?

— Может, именно в этом. Луис жив, а ты убедился, что не можешь запугать его. Надеюсь, тебе понятно, что из этого следует?

Луис хранил вежливое молчание: если кукольник хочет представить его хладнокровным игроком-интеллектуалом, он ничего не имеет против.

— Ты объяснил свои мотивы,— сказал Говорящий с Животными.— Теперь поговорим о моих. Что ты можешь предложить мне за участие в экспедиции?

И они погрузились в обсуждение деталей.

Созданный кукольниками двигатель типа Квантум-II представлял огромную ценность — космический корабль мог преодолевать световой год за минуту и пятнадцать секунд, тогда как обычно на это уходило три дня.

— Экспериментальная модель,— буркнул кзин.— А как ее испытывали?

— Корабль совершил путешествие до ядра Галактики и обратно. Нам он уже не нужен, зато вам может пригодиться. Экипаж получит его вместе со всеми необходимыми документами. Несомненно, путь для его усовершенствования открыт.

— За такое я наверняка получил бы имя,— заметил кзин.— Собственное имя. Я должен посмотреть этот корабль в деле.

— Ты можешь сам полететь на нем.

— За такой корабль сам Патриарх дал бы мне имя, в этом я уверен. Интересно, какое? Может...— Кзин очень громко фыркнул.

Кукольник ответил ему на том же языке.

Луис нетерпеливо передернул плечами. Он не мог принять участие в разговоре на Языке Героев и уже хотел оставить собеседников одних, но вспомнил о та-

инственной голограмме. Он вынул ее из кармана и бросил кзину через всю комнату.

Говорящий с Животными ловко поймал диск, осторожно взяв двумя пальцами, принялся рассматривать его против света.

— Похоже на звезду, окруженную каким-то кольцом,— сказал он после продолжительной паузы.— А что это на самом деле?

— Это связано с целью нашего путешествия,— ответил кукольник.— Ничего больше я пока сказать не могу.

— Какой скрытный! Когда мы отправимся?

— Думаю, это вопрос нескольких дней. Мои агенты непрерывно ищут четвертого члена экипажа.

— Значит, нам остается только ждать. Луис, можем мы присоединиться к твоим гостям?

Луис встал и потянулся.

— Разумеется. Пусть немного подрожат. Говорящий, прежде чем мы туда пойдем, я хочу кое-что предложить. Не принимай это за попытку оскорбить тебя. Но...

Гости разделились на несколько групп: одни смотрели стереовизор, другие играли в бридж и покер, третьи отдали предпочтение сексу — парами или группами, четвертые вели неторопливые разговоры, а пятые пали жертвами обильного питья и закусок. Довольно много этих «пятых» лежало на газоне, под рассветными лучами солнца. Неподалеку от них расположились Несс, Говорящий с Животными, Луис Ву, Тила Браун и работающий на максимальной скорости самодвижущийся бар.

Сам газон был ухожен в лучших британских традициях: его засеивали и подстригали по крайней мере пятьсот лет кряду. Трава, зеленая и блестящая,— никому и в голову не пришло бы исследовать ее гены в поисках сомнительных соединений. У подножия склона разместился теннисный корт, по нему взад-вперед

бегали маленькие фигурки, энергично размахивая ракетками.

— Спорт — это великолепно,— лениво заметил Луис Ву — он вытянулся на траве, положив голову на колени Тилы.— Я мог бы наблюдать за ними хоть целый день.

Смех красавицы приятной дрожью отозвался в позвоночнике Луиса.

— Ты напоминаешь мне девушку, которую я когда-то знал,— сказал он.— Ты слышала о Пауле Черенков?

— Это художница? Из Бостона?

— Да. Теперь она уже отошла от дел.

— Это моя прапрапрабабка. Я несколько раз была у нее в мастерской.

— Когда-то из-за нее мое сердце бесилось.

— Обещаю, что с моей стороны тебе ничего подобного не грозит, конечно, если ты объяснишь, что это значит.

Луис задумался. Выражение было его собственным, придуманным для того, чтобы описывать неописуемое состояние души. Он нечасто использовал его, и люди, как правило, понимали, что он имеет в виду.

Половину гостей Луиса составляли женщины, большинство из них — его бывшие жены или любовницы. В начале приема он уединился по очереди с тремя, которые когда-то были для него очень важны, а он для них. С тремя или четырьмя? Двести лет оставили на нем слишком много шрамов. А теперь его голова лежала на коленях у женщины, до боли похожей на Паулу Черенков.

— Мы были знакомы много лет, довольно часто встречались, а потом однажды вечером начали о чем-то говорить, и я вдруг понял, что влюблен. Я думал — Паула тоже меня любит. Я спросил ее, не хочет ли она выйти за меня замуж. Она отказалась — тогда ее занимала карьера. «На такие вещи у меня просто нет вре-

мени». И все же мы решили вместе поехать в Амазонский Парк — устроить что-то вроде медового месяца. Следующую неделю можно было назвать настоящими качелями настроений. Я купил билеты и забронировал номер в отеле. Ты когда-нибудь любила человека, точно зная, что недостойна его?

— Нет.

— Я был тогда молод. Два дня я убеждал себя, что все-таки достоин Паулы Черенков. Наконец, мне это удалось, а она вдруг объявила, что не поедет. Не помню уже почему. Во всяком случае, причина была с ее точки зрения вполне весомой. Мы еще несколько раз обедали вместе. Ничего не происходило. Я старался не быть навязчивым, и думаю, вряд ли она догадывалась, чего мне это стоило. А потом... Паула сказала, что не любит меня и мы должны остаться друзьями. Нет, она не была жестокой.

— А как же с этим бешенством?

Луис посмотрел на Тилу Браун. Зеркальный взгляд сказал ему, что она ничего не поняла.

Ему часто приходилось иметь дело с представителями иных цивилизаций. Интуитивно, а может быть, благодаря большому опыту он чувствовал, когда то или иное понятие было им недоступно-чужим. Здесь он имел дело с такой же непреодолимой пропастью. Какая же бездна отделяла Луиса Ву от двадцатилетней девушки! Неужели он действительно постарел? А если так оно и есть, остался ли он еще человеком?

Тила все смотрела на него, ожидая, когда ее наконец просветят.

Луис грязно выругался и вскочил на ноги.

Несс разглагольствовал об этике. Он на мгновение прервался — в буквальном смысле на мгновение, так как тут же заговорил другой головой,— к восторгу слушателей, чтобы ответить на вопрос Луиса. Нет, о ре-

зультатах поисков четвертого члена экипажа не было никаких донесений.

Говорящий с Животными, окруженный толпой, разлегся на траве, как оранжевая гора. Две женщины осторожно чесали ему за ушами. Особые уши — их можно развернуть как зонтики или плотно прижать к голове. Сейчас они стояли торчком, и Луис отчетливо видел вытатуированный на каждом из них рисунок.

— Вот видишь! — воскликнул Луис.— Разве не здорово?

— Великолепно,— ответил кзин, не меняя позы.

Луис мысленно рассмеялся. Грозная бестия кзин, правда? Но кто испугается кзина, которого чешут за ушами? И гости Луиса, и сам кзин чувствовали себя сейчас гораздо свободнее. Любая живая тварь размером больше полевой мыши любит, когда ей чешут за ушами.

— Они все время меняются,— сонно пробормотал кзин.— Подошел какой-то мужчина, сказал женщине, которая меня чесала, что он тоже это любит, и они тут же удалились. Должно быть, это очень интересно — принадлежать к виду с двумя разумными полами.

— Порой это бывает даже слишком интересно.

— В самом деле?

Девушка, чесавшая кзина за левым ухом,— ее кожа цветом напоминала черную бездну космоса, а волосы развевались, как хвост кометы,— оторвалась от своего занятия.

— Тила, теперь твоя очередь,— весело сказала она.— Я хочу есть.

Тила послушно села к большой оранжевой голове.

— Тила Браун, познакомься — это Говорящий с Животными. Чтобы вы с ним...

Рядом вдруг зазвучала странная музыка.

— ...жили долго и счастливо. Какого черта? А-а, это ты, Несс. Что-то случилось?

Кукольник бесцеремонно втиснулся между Луисом и девушкой:

— Ты Тила Джендрова Браун, идентификационный код IKLUGGTYN?

Девушка скорее удивилась, чем испугалась.

— Да, меня зовут именно так, а свой код я просто не помню. А в чем дело?

— Уже неделю мы прочесываем всю Землю, ищем тебя, а я встречаю тебя на вечеринке совершенно случайно! Мои агенты не получат награду.

— Нет, только не это...— тихо простонал Луис.

— Я вовсе не пряталась ни от тебя, ни от кого другого. В чем, собственно, дело?

— Подожди! — Луис встал между кукольником и девушкой.— Несс, Тила не годится. Выбери кого-нибудь другого.

— Но, Луис...

— Минуточку,— вставил кзин.— Позволь кукольнику самому выбирать членов экипажа.

— Но ты посмотри на нее!

— А ты посмотри на себя. Неполные два метра роста, худой даже для человека. Ты-то сам на что годишься! Правда, Несс?

— В чем, собственно, дело? — повторила Тила, повышая голос.

— Луис, пройдем в твой кабинет,— сказал кукольник.— Тила Браун, у нас есть к тебе предложение. Ты не обязана принимать его, не обязана даже выслушивать... но уверяю, оно покажется тебе интересным.

Спор продолжался уже в кабинете Луиса.

— Она отвечает всем моим требованиям,— упирался Несс,— и потому мы должны взять ее с собой.

— Ни за что не поверю в ее уникальность, она что — единственная на Земле?

— Нет, Луис, конечно же, нет. Просто мы не в состоянии добраться до остальных.

— И все-таки — для чего это я вам нужна? — Девушка потеряла всякую надежду услышать вразумительный ответ.

Кукольник начал ей объяснять. Тут же выяснилось, что Тила Браун совершенно равнодушна к астрономии, никогда не была даже на Луне и не испытывала никакого желания пересечь границы Освоенного Космоса. Двигатель типа Квантум-II нисколько ее не заинтересовал. Заметив на ее лице выражение беспокойства и смущения, в разговор вмешался Луис.

— Несс, а почему ты решил, что Тила должна участвовать в путешествии?

— Мои агенты искали потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни.

— Сдаюсь. Ты действительно безумен.

— Вовсе нет. Именно такое поручение я получил от Идеально Укрытого — он наш идеолог и вождь. Его разумность не подлежит сомнению. Вы позволите мне объяснить?

— Контролировать рождаемость уже давно не составляло никакой проблемы. Достаточно поместить под кожу — чаще всего на предплечье — небольшой кристалл, который растворялся в течение года, и все это время женщина не могла забеременеть. Трудно поверить, что когда-то для этой цели использовали гораздо менее элегантные и надежные методы.

Несс помолчал мгновение, а затем продолжил:

— Около середины двадцать первого столетия население Земли стабилизировалось на уровне восемнадцати миллиардов. Специальный Комитет, созданный по решению Организации Объединенных Наций, принял и провел в жизнь законы, касающиеся контроля за рождаемостью, и более пятисот лет законы эти оставались неизменными: двое детей в семье — если Совет не решит иначе. От постановления Комитета зависело, кто и сколько раз мог стать родителем.

— Невероятно,— буркнул кзин.— Если бы Патриарх захотел ввести такой закон у кзинов...

— Но люди — не кзины. Пятьсот лет закон действовал, и никто не протестовал против него, пока около двухсот лет назад не пошли сплетни о махинациях Комитета. Скандал, который тогда разразился, привел к изменению закона.

Теперь каждый человек мог иметь только одного ребенка. Право на второго и всех последующих автоматически давалось в том случае, если родитель обладал необычайно высоким уровнем интеллекта, доказанными парапсихическими способностями или если он был телепатом, а также происходил из семьи долгожителей.

Право на очередного ребенка можно было купить. За миллион. Почему бы и нет? Умение зарабатывать деньги — весьма ценное качество, определяющее способность данной особи к выживанию. Кроме того, это в зародыше ликвидировало любые попытки перепродажи.

— А лотерея?

— Сейчас скажу и об этом. Каждый год Комитет суммировал количество смертей и эмигрантов, с одной стороны, и количество рождений и иммигрантов, с другой, затем, отнимая один результат от другого, получал тем самым количество свободных рождений, которые становились предметом и главным призом Лотереи Жизни.

Принять в ней участие мог каждый. При удачном раскладе можно было получить право на десять или даже на двадцать детей — конечно, если это можно назвать удачей. Из участия в Лотерее не исключали даже сидящих в тюрьме преступников.

— Кстати, один из моих четверых детей,— Луис улыбнулся,— появился на свет благодаря Лотерее.

— Это очень странно и сложно,— заметил кзин.— Когда наша популяция становится слишком велика...

— ...Вы атакуете ближайшую планету.

— Вовсе нет, Луис. Мы сражаемся между собой. Чем больше вокруг народу, тем легче кого-то оскорбить или быть оскорбленным самому. Проблема решается сама собой. Мы никогда даже близко не подходили к такой перенаселенности, как на вашей планете!

— Кажется, я начинаю понимать,— задумчиво протянула Тила Браун.— Меня выиграли в Лотерею.— Она нервно рассмеялась.— Если бы не это, меня бы не было на свете.

— Все твои предки до шестого колена рождались благодаря выигрышам в Лотерею.

— Правда? А я и не знала!

— В этом нет ни малейшего сомнения,— заверил ее Несс.

— Я не получил ответа на свой вопрос,— напомнил Луис.— Какое это имеет отношение к экспедиции?

— Мои руководители решили, что люди размножаются для того, чтобы наследовать счастье.

— Что?

Тила Браун заинтересованно подалась вперед. Несомненно, она впервые видела перед собой безумного кукольника.

— Подумай о Лотерее, Луис. Подумай об эволюции. Семьсот лет люди размножаются по простому арифметическому закону. А потом закон меняется — и уже двести лет от десяти до тринадцати процентов людей рождается на основании разрешения, полученного по Лотерее. Удача, случай решает, кто выживет и произведет потомство. А Тила Браун — наследница шести поколений счастливчиков...

3. ТИЛА БРАУН

Еще немного — и Тила, казалось, умрет от хохота.

— Успокойся,— сказал Луис Ву.— Можно унаследовать густые брови, но не удачу!

— А как насчет способностей к телепатии?

— Это не одно и то же. Телепатия — это реальная психическая сила. Центр ее расположен в правом полушарии мозга, и точно известно, как он работает. Правда, у большинства людей он еще не действует.

— Когда-то и телепатию считали чем-то сверхъестественным. А теперь ты утверждаешь подобное относительно удачи.

— Удача — это удача.— Положение было действительно смешным, Тила воспринимала его правильно. Однако Луис знал такое, о чем она вовсе не подозревала: кукольник говорил правду.— Все — вопрос случая. Изменяется какой-то микроскопический фактор и — бах! — ты выходишь из игры, как когда-то динозавры. Или десять раз подряд выбрасываешь шестерку и...

— Есть люди, которые могут воздействовать на это.

— Согласен, неудачный пример. Речь идет о...

— Именно,— прогудел кзин. При желании он мог голосом потрясать стены.— Дело в том, что мы согласимся на любого, кого выберет кукольник. Это твой корабль, Несс. Так где же четвертый член экипажа?

— Здесь, в этой комнате!

— Какого...— Тила вскочила. Серебряная сеть сверкала на ее голубой коже, огненные волосы развевались в струе воздуха из кондиционера.— Все это просто смешно. Я никуда не полечу. Зачем мне вообще куда-то лететь?

— Выбери кого-нибудь другого, Несс. Наверняка у тебя имеется множество подходящих кандидатов.

— Отнюдь не множество, Луис. В списке несколько тысяч фамилий, большинство с точными адресами или кодами. Предки каждого из них, по крайней мере пять поколений подряд, рождаются благодаря выигрышам в Лотерею.

— В чем же дело?

Несс, постукивая копытами, принялся мерить шагами комнату.

— Многих дисквалифицировали последующие неудачи, а из остальных нам ни до одного не удалось добраться. Когда мы им звоним, их нет дома. Когда звоним второй раз, компьютер неправильно соединяет. Были уже жалобы, а это очень неприятно.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

— Ты даже не сказал мне, куда вы летите,— пожаловалась Тила.

— Еще слишком рано. Зато ты можешь... можешь взглянуть на голограмму, она у Луиса. Это единственная информация, которую я пока могу вам дать.

Луис вручил ей диск. Тила долго смотрела на него, и голубой цвет ее лица постепенно сменился красным.

Когда она заговорила, то выплевывала каждое слово, словно косточки от вишен.

— Это самая сумасшедшая история, которую я слышала. Ты хочешь, чтобы мы с Луисом полетели куда-то за пределы Освоенного Космоса в обществе кзина и кукольника, получив вместо информации о цели путешествия только голограмму? Это... это же смешно!

— Надо понимать, ты отказываешься? — Постукивание копыт стихло, обе головы повернулись в сторону девушки.

Брови ее взлетели вверх.

— Мне нужен четкий ответ. В любой момент мои агенты могут локализовать другого кандидата.

— Именно,— кивнула Тила Браун.— Я отказываюсь.

— В таком случае, согласно вашим законам, ты должна хранить в тайне все, что здесь услышала. Ты получишь гонорар, как консультант.

— А кому я могла бы сказать? — Девушка подарила Нессу одну из своих презрительно-ослепительных улыбок.— Кто бы мне поверил? Луис, неужели ты хочешь отправиться в это неслыханное...

— Да.— Луис уже думал о других делах, и среди прочего — как поделикатнее выставить ее из кабине-

та.— Но, разумеется, не сейчас. Прием продолжается. Кстати, ты не могла бы кое-что сделать для меня? Переключи воспроизведение с четвертой волны на пятую. И скажи тем, кто будет интересоваться моей особой, что я через минуту приду.

Когда дверь закрылась, Луис со вздохом облегчения произнес:

— Уф-ф-ф! Несс, для твоего же собственного блага... Позволь *мне* оценивать, годится ли выбранный человек, чтобы лететь в Неизвестное.

— Ты знаешь, какие качества меня интересуют,— ответил Несс.— А также и то, что нам не из кого выбирать.

— Ты сам говорил о нескольких тысячах...

— Я уже давал объяснения по поводу этих кандидатов. И все-таки... почему Тила не годится для наших целей?

— Она... слишком молода.

— Хороший ответ.

— Ладно, не будем об этом дискутировать. Я знаю людей, у которых найдутся и гораздо более серьезные недостатки. Кроме того, ты сам видел, что она не ксенофил.

— Но и не ксенофоб. Она не боится никого из нас.

— В ней нет искры. Она... в ней нет...

— В ней нет беспокойства,— подсказал Несс.— Она счастлива там, где находится. Это действительно минус. Она ничего не хочет. Впрочем, откуда мы можем знать? Мы же не спросили ее.

— Ладно, ищи дальше,— буркнул Луис, закрывая за собой дверь кабинета.

Луис медленно просыпался. Он помнил, что вошел в спальню и, запрограммировав клипсу разбудить его через час, прикрепил ее к мочке уха. Сейчас Луис пощупал ухо — там не было будильника. Он резко сел на постели.

— Я сняла ее,— сказала Тила Браун.— Тебе нужен был сон покрепче.

— О боже, сколько времени?

— Пять минут шестого.

— Хороший же из меня хозяин. Как там прием?

— Осталось двадцать человек. Не беспокойся, они в курсе, где ты. Все решили, что вздремнуть — это хорошая мысль.

— Ну, ладно.— Луис скатился с кровати.— Спасибо. Может, почтим своим присутствием самых выносливых?

— Сначала я хотела бы с тобой поговорить.

Он снова сел. Сонливость медленно проходила.

— О чем?

— Ты действительно собираешься в это безумное путешествие?

— Действительно.

— Я не понимаю почему.

— Я в десять раз старше тебя. Мне не нужно зарабатывать на жизнь и не хватает терпения, чтобы стать ученым. Когда-то я немного писал, но оказалось, что это слишком тяжкий труд, я не был готов к этому. Что мне еще остается? Развлекаться.

Она покачала головой, и по стенам заплясали огненные тени.

— Это вовсе не похоже на забаву.

Луис пожал плечами:

— Мой главный враг — скука. Она погубила многих моих друзей, но я ей не дамся. Когда мне скучно, я рискую.

— А не лучше ли сначала узнать, в чем заключается этот риск?

— Я получу много денег.

— Они тебе не нужны.

— Зато человечеству нужно то, что предлагают кукольники. Ты же сама слышала о корабле с необыкновенным двигателем. Этот корабль может преодолеть

световой год быстрее, чем за три дня. Ровно в четыреста раз быстрее!

— А зачем летать так быстро?

Луису не хотелось читать лекцию о взрыве в ядре Галактики.

— Вернемся к гостям.

— Нет! Подожди.

Какие у нее длинные ладони, тонкие пальцы! Кажется, что они светятся, когда она прикасается к своим огненным волосам.

— Не... не знаю, как это сказать. Луис, сейчас в твоей жизни есть кто-то, кого ты любишь?

Вот это вопрос!

— Пожалуй... нет.

— Я действительно похожа на Паулу Черенков?

В полумраке спальни ее волосы светились собственным светом, словно яркие оранжевые языки пламени, а тело было только тенью, обозначенной кое-где случайным отблеском. Все недостающие детали хранились в памяти Луиса: нежный овал лица, длинные, стройные ноги, округлые тяжелые груди. Впервые он увидел ее четыре дня назад, она висела на плече Тедрона Догени, который прилетел на Землю лишь затем, чтобы поздравить Луиса.

— Я думал, что ты — это она,— сказал он.— Паула живет теперь на Уимедите, где, кстати, я и познакомился с Догени. Только подойдя поближе, я заметил разницу. У тебя ноги лучше, но у Паулы походка грациознее. Ее лицо было... пожалуй, холоднее.

За дверью фейерверком звуков взорвалась музыка, дикая, простая, но какая-то неполная — без разноцветных огней, составляющих с ней единое целое. Тила беспокойно шевельнулась.

— Ну что, идем?

— Идем.

— Останешься со мной, пока мы не отправимся?

Огненные языки волос, качнувшись, сказали «да».

Кукольник появился два дня спустя.

Луис и Тила сидели на газоне, поглощенные игрой в шахматы. Тила сражалась отчаянно-азартно, и каждый ее ход невозможно было предсказать.

Она как раз лишилась коня, когда к ним подъехал робот, постаравшийся привлечь их внимание громким писком. Луис взглянул на его экран и увидел двух одноглазых питонов.

— Давайте его сюда.

Тила грациозно поднялась с травы.

— Вы, наверное, будете говорить о каких-нибудь секретах.

— Возможно. Что намереваешься делать?

— Я давно не читала.— Бросив через плечо лукавый взгляд, кокетливо улыбнулась.— Эй! Не трогай доску!

В дверях они разминулись с кукольником: девушка махнула ему рукой, а Несс отпрыгнул футов на шесть в сторону.

— Прошу прощения,— сказал он голосом, способным свести с ума любого мужчину.— Ты меня напугала.

Тила удивленно подняла брови и исчезла в доме, не сказав ни слова.

Кукольник присел возле Луиса, подогнув под себя все три ноги. Один его глаз смотрел на Луиса, тогда как другая голова нервно оглядывалась по сторонам.

— Эта женщина не шпионит за нами?

— Разумеется.— Луис изобразил удивление.— Ты же знаешь, что на открытом пространстве нет защиты от следящих лучей.

— Луис, пойдем в твой кабинет.

— Еще чего! — Луису вовсе не хотелось покидать газон.— Прекрати вертеть головой! Ведешь себя, как будто кто-то тебя напугал до смерти.

— Я боюсь... почти всегда боюсь. Сколько метеоритов падает в год на Землю?

— Понятия не имею.

— Мы находимся опасно близко от пояса астероидов. Впрочем, это не имеет значения, поскольку мы до сих пор не смогли найти четвертого участника нашей экспедиции.

— Это плохо.— Луис задумался. Поведение кукольника озадачивало его. Если бы Несс был человеком... Но он был кукольником.— Надеюсь, ты не сдаешься?

— Нет, несмотря на неудачи. Последние дни мы ищем некоего Нормана Хейвуда, KJMMCWT, великолепного кандидата.

— И?..

— Он абсолютно здоров, ему двадцать четыре и одна треть земного года, его предки шесть поколений подряд рождались благодаря выигрышам в Лотерею. Самое главное, что он любит путешествовать. Три дня мои агенты шли за ним по пятам, тогда как Норман Хейвуд ездил на лыжах в Швейцарии, занимался серфингом на Цейлоне, делал покупки в Нью-Йорке, навещал друзей в Скалистых Горах и Гималаях. Вчера вечером мой агент настиг его в тот момент, когда Норман садился в корабль, летящий на Джинкс. Корабль улетел прежде, чем агент переборол естественный страх перед творениями вашей техники.

— Понимаю. У меня тоже бывают дни, когда ничего не получается. А почему бы не отправить ему сообщение?

— Луис, эта экспедиция секретная.

— Ах, да...

Сидящая на змеиной шее голова непрерывно вращалась в поисках тайных и явных опасностей.

— В конце концов нам должно повезти.— Вторая голова умоляюще смотрела своим единственным глазом.— Тысячи потенциальных кандидатов не могут бесконечно прятаться от нас. Верно, Луис? Ведь они даже не знают, что мы их ищем!

— Ну, разумеется, ты кого-нибудь найдешь.

— Луис, как лететь в неизвестность с тремя чужаками и в экспериментальном корабле, предназначенном только для одного пилота? Ведь это же безумие!

— Несс, о чем ты? Ведь эта экспедиция — твоя идея.

— Вовсе нет. Я получил приказ от Тех-Которые-Правят, удаленных от меня на двести световых лет.

— Ты знаешь, куда и зачем мы летим. Что сейчас изменилось? Ведь еще недавно ты был достаточно отважен, чтобы публично оскорбить четырех кзинов. Эй, спокойно, спокойно!

Кукольник спрятал обе головы между передними ногами.

— Ну же.— Луис погладил кукольника по обоим затылкам. Его кожа оказалась мягкой, как бархат, и очень приятной на ощупь.

— Вылезай, говорю. Ничего с тобой не случится. Я в состоянии обеспечить безопасность своим гостям.

— Это было безумие! Безумие! — заныл кукольник откуда-то из-под своего живота.— Неужели я действительно оскорбил четырех кзинов?

— Давай, давай! Ничего тебе не грозит!

Плоская голова выскользнула из укрытия и тревожно огляделась.

— Четырех кзинов? А не трех?

— Действительно, я ошибся. Их было только три.

— Прости меня.— Появилась и вторая голова.— Период паники миновал. Я в депрессивной фазе цикла.

— Ты можешь с этим как-то справляться? — Воображение быстро подсказало Луису невеселые последствия, если в критический момент окажется, что кукольник находится не в той фазе.

— Я могу ждать, пока это не пройдет. Могу спрятаться, если это возможно. Могу постараться, чтобы это не влияло на мою оценку ситуации.

— Бедный Несс. Ты уверен, что не узнал ничего нового?

— А разве того, что я знаю, не достаточно, чтобы испугать любое разумное существо? — Кукольник неуверенно поднялся на ноги.— Откуда взялась Тила Браун? Я думал, ее уже давно нет здесь.

— Она останется со мной, пока ты комплектуешь экипаж.

— Зачем?

Луис и сам задумывался над этим, он не имел обыкновения подбирать себе женщин, похожих друг на друга. Разумеется, спальни предназначаются для двоих, а не для одного... но ведь на приеме были и другие девушки. Правда, не такие красивые, как Тила. Неужели старый мудрый Луис попался? В этих неглубоких серебряных глазах было что-то большее, чем просто красота.

— Чтобы заниматься любовью,— сказал Луис Ву. Разумеется, чужак не в состоянии понять подобные, исключительно человеческие проблемы. Только сейчас Луис заметил, что тело кукольника все еще сотрясается от дрожи.— Пойдем в кабинет,— добавил он.— Он под землей, и можно не бояться метеоритов.

Когда кукольник наконец ушел, Луис отправился искать Тилу. И действительно, она оказалась в библиотеке.

— Привет,— улыбнулась она.— Как чувствует себя наш двухголовый друг?

— Испуган до потери сознания. А я страшно устал. Нелегко давать советы кукольнику Пирсона.

Тила явно повеселела.

— Расскажи мне о сексуальной жизни кукольников! — попросила она.

— Я знаю только, что у Несса нет разрешения на потомство, и это здорово мучает его. Ничего больше узнать не удалось. Ты разочарована?

— В таком случае, о чем вы разговаривали?

Луис махнул рукой:

— Триста лет страха — столько времени Несс находится в нашей части Космоса. Он почти не помнит планету кукольников. Мне кажется, за эти триста лет он ни на секунду не переставал бояться.

Луис тяжело опустился в массирующее кресло. Попытки понять совершенно чужие проблемы утомили его, все резервы воображения были исчерпаны.

— А что делала ты? О чем читаешь?

— О взрыве в ядре Галактики.— Тила указала на экран.

На нем виднелись звезды, мириады звезд, сгруппированных в облака, полосы и туманности. Их было так много, что нигде не было видно черноты космоса. Именно так выглядело ядро Галактики диаметром в пять тысяч световых лет, шаровое скопление звезд на самой оси галактического водоворота. Только одно живое существо добралось туда двести лет назад на борту экспериментального корабля кукольников. В самом центре экрана располагалось ослепительно белое пятно, на нем можно было различить области тени и блеска, но даже эти тени выглядели во много раз ярче, чем самые яркие из окружающих их звезд.

— Как это случилось?

— Звезды находятся слишком близко друг к другу,— ответил Луис.— В среднем в половине светового года. Чем ближе к центру, тем плотнее они расположены. Нагреваются друг от друга, а разогретые — ярче светят и быстрее стареют. Десять тысяч лет назад все звезды ядра оказались на грани превращения в Новые, и одна из них взорвалась. Выделилось огромное количество тепла, окружающие звезды все это поглотили, и некоторые из них взорвались. Скажем, три. Выделившееся тепло разогрело следующие, и началась цепная реакция, которую уже ничто не могло остановить. Это белое пятно — Сверхновая. Если хочешь, можно ознакомиться с описывающей все это математикой.

— Нет, спасибо... Теперь уже, наверное, все кончилось?

— Да. Свет в центре экрана очень стар, хотя не добрался до этой части Галактики. Цепная реакция должна была закончиться около десяти тысяч лет назад.

— Так в чем же дело?

— В радиоактивном излучении.

Расслабляющий массаж постепенно начинал действовать. Луис втиснулся поглубже в бесформенную глыбу кресла: — Реакция началась более десяти тысяч лет назад, а это значит, что излучение дойдет до нас примерно через двадцать тысяч лет. Верно?

— Ох...

— Через двадцать тысяч лет нам придется эвакуировать население каждой планеты, о которой ты когда-нибудь слышала.

— Двадцать тысяч лет — это прорва времени. Если бы мы начали уже сейчас, то наверняка справились бы.

— Ты не хочешь думать. При скорости в один световой год за три дня первые наши корабли добрались бы до Магеллановых Облаков не раньше, чем через шестьсот лет. Кукольники хорошо придумали. Они отправили разведчика к ядру Галактики, устроив вокруг этого большой шум — им требовались средства на дальнейшие исследования. Разведчик прислал снимки вроде того, который ты видела. Прежде, чем он успел вернуться, кукольники уже смылись. Мы будем ждать и ждать, а когда наконец решим действовать — окажемся перед трудной проблемой: транспортировать через всю Галактику много триллионов существ. Нам понадобятся самые большие и самые быстрые корабли, какие только есть в Галактике, причем понадобятся в огромном количестве.

— Ладно, я лечу с вами.

— Что? — Луис не верил своим ушам.

— Я лечу с вами,— повторила Тила Браун.

— Ты с ума сошла.

— Но ведь *ты* летишь, правда?

Луис стиснул зубы, чтобы сдержать гнев. Мысленно сосчитав до десяти, он заговорил снова.

— Действительно, лечу. Но у меня есть причины, которых нет у тебя. Кроме того, я лучше знаю, как выжить, ибо занимаюсь этим дольше тебя.

— Ты забыл — я из поколения счастливчиков.

Луис презрительно фыркнул.

— У меня тоже есть причины. Может, и не такие, как твои, но тоже достаточно важные! — Она повысила голос, в нем отчетливо послышались нотки еле сдерживаемой ярости.

— Да, конечно... причины!

Тила постучала пальцем по белому пятну на экране.

— А *это*? Чем не причина?

— Мы получим корабль кукольников независимо от того, полетишь ты или нет. Помнишь, что говорил Несс? У него есть тысячи таких, как ты.

— Но я одна из них!

— Да, действительно. И что с того? — Луис просто кипел от негодования.

— Почему ты так заботишься обо мне? Разве я просила опекать меня?

— Извини. У меня нет никакого права запрещать тебе что-либо. Ты уже взрослый человек.

— Спасибо, что заметил. Я хочу присоединиться к вашему экипажу,— официальным тоном заявила Тила.

Она действительно была уже взрослой. Ее ни к чему нельзя было принудить... Но можно попытаться уговорить!

— Ты вот над чем подумай,— Луис пристально смотрел ей в глаза.— Несс делает все, чтобы сохранить экспедицию в тайне. Зачем? Что ему скрывать?

— Это уже его дело, правда? Может, там, куда мы летим, есть что-то ценное? Что-то, что можно захватить?

— Ведь это за двести световых лет отсюда, и *только мы* можем туда добраться.

— В таком случае, речь может идти о самом корабле.

Что ни говори, а глупой Тилу назвать было нельзя.

— Возьми наш экипаж,— не сдавался Луис.— Двое людей, кукольник и кзин. Ни одного профессионального ученого или астронавта.

— Я знаю, к чему ты клонишь, Луис, можешь не терять времени. Я лечу с вами и очень сомневаюсь, что тебе удастся удержать меня.

— Ты должна, по крайней мере, знать, во что суешься,— я имею в виду более чем странную команду.

— Это проблема Несса.

— Боюсь, что и наша. Кукольник получает распоряжения непосредственно от Тех-Которые-Правят. Похоже, он только несколько часов назад понял, что именно означают эти распоряжения. Он испуган. Эти... эти жрецы выживания играют на четырех досках одновременно, не говоря уже о самой цели путешествия.

В глазах Тилы появился интерес, и Луис с удвоенной энергией продолжал:

— Во-первых, Несс. Если он достаточно безумен, чтобы высадиться на неизвестной планете, то хватит ли ему здравого смысла, чтобы выжить? Те-Которые-Правят должны это знать. Добравшись до Магеллановых Облаков, они начнут восстанавливать свою торговую империю, и ее основой будут именно такие безумные кукольники.

Во-вторых, наш пушистый друг. Как посол своего вида на чужой планете, он должен быть самым уравновешенным кзином, каких вообще можно встретить. Настолько ли, чтобы жить вместе с нами двумя? Может, он убьет нас ради жизненного пространства и свежего мяса?

В-третьих, ты и твое якобы везение. Именно его нужно исследовать — получится безупречный эксперимент. В-четвертых, я... Знаешь, что я думаю?

Да, Луис стал гораздо красноречивее с тех пор, как сто тридцать лет назад проиграл на выборах в Генеральные Секретари ООН. Он не собирался ни к чему принуждать Тилу, но очень, очень хотел убедить ее.

— Я думаю, что кукольников нисколько не интересует та планета, на которую мы якобы летим. Зачем она им, раз они покидают Галактику? Это будет просто тест. Прежде, чем мы погибнем, кукольники узнают о нас много интересных вещей.

— Да... это, пожалуй, не планета,— задумчиво протянула Тила.

— ..! — взорвался Луис.

— По-моему, это космический корабль.

— О чем ты?

— Большой, в форме кольца, с силовым полем, чтобы захватывать атомы водорода. Водород сгорает, создавая движущую силу. Кольцо все время вращается, и на его поверхности создается центробежная сила.

— Гмм...— буркнул Луис, вспомнив о странной голограмме. Пожалуй, он слишком мало думал на эту тему.— Возможно. Но почему им интересуются Те-Которые-Правят?

— На этом корабле тоже могут быть беглецы. Существа, живущие возле ядра Галактики, узнали о взрыве гораздо раньше. Они могли даже предвидеть его тысячи лет назад, когда реакция только начиналась.

— Может, и так... Послушай, тебе ловко удалось сменить тему. Я уже сказал, во что, по моему мнению, играют кукольники. И все же я лечу, ибо это меня забавляет. А почему *тебе* кажется, что ты тоже хочешь лететь? Только не говори, будто тебя трогает то, что должно произойти через двадцать тысяч лет. Итак?..

— Черт возьми, если ты можешь быть героем, то и я тоже! Кроме того, ты ошибаешься в том, что касается Несса. Он наверняка отказался бы, если бы речь шла о самоубийственной миссии. Кстати, зачем кукольникам какие-то данные о нас или о кзинах? С какой

целью им нас тестировать? Ведь они покидают нашу Галактику и уже никогда не будут иметь с нами дела.

Нет, Тила решительно была умна. Но...

— Ты ошибаешься. У кукольников есть очень серьезные причины, чтобы знать о нас как можно больше.

Взгляд Тилы ободрил его, и он продолжал:

— Мы слишком мало знаем об их миграции. Они движутся со скоростью, на долю процента меньшей скорости света. Кукольники боятся гиперпространства. Теперь дальше: летя с такой скоростью, они доберутся до Магеллановых Облаков через восемьдесят пять тысяч лет. И кого они там застанут? — Он широко улыбнулся.— Конечно, нас. Наверняка людей и кзинов. Может, еще кдалтино и перинов. Они знают, что мы будем тянуть до последней минуты, знают, что мы используем корабли, летящие быстрее света. Когда они доберутся до Облаков, то будут иметь дело с нами... или с тем, кто нас уничтожит... Да-да, у них есть причины детально изучать нас.

— О'кей.

— Ты не передумала?

Тила отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Это мое дело.

Девушка была совершенно спокойна и уверена в своей правоте. Будь ей девятнадцать лет, он поговорил бы с ее родителями. Но Тиле Браун исполнилось двадцать, и официально она считалась взрослой.

Неожиданно она взяла его руки в свои и мягко, с улыбкой, попросила:

— Возьми меня с собой, Луис. Я действительно приношу удачу. Если бы Несс не выбрал именно меня, ты спал бы один. Ничего в этом хорошего нет, сам знаешь.

Да, Луис, ты загнан в угол.

— Ну, хорошо,— вздохнул он.

Одинокие ночи были бы воистину ужасны.

4. ГОВОРЯЩИЙ С ЖИВОТНЫМИ

— Я присоединяюсь к экспедиции,— сказала Тила экрану видеофона.

Одна из голов кукольника протяжно засвистела ноту «ми».

— Что-что?

— Прошу прощения,— пробормотал Несс.— Завтра в восемь ноль-ноль на Австралийском Стартовом Поле. Личные вещи — до двадцати пяти земных килограммов. Луис — то же самое. А-а-а...

Обе головы старались перекричать друг друга.

— Ты болен? — обеспокоенно поинтересовался Луис.

— Нет. Просто я увидел свою смерть... До свидания. Встретимся на Стартовом Поле.

Экран потемнел.

— Видишь, какова награда за то, что можешь так здорово убеждать?

— Что же делать, если я настолько красноречив,— проворчал Луис.— Старался изо всех сил. И никаких претензий, если погибнешь ужасной смертью.

В ту ночь, когда Луис уже погружался в бездонную пропасть сна, он услышал:

— Я люблю тебя. Я лечу с тобой, потому что люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю,— механически пробормотал он в ответ, и только тогда до него дошло, что она сказала.

— Что? Ты летишь за двести световых лет потому, что не хочешь со мной расстаться?

— Угу...

— Спальня, мягкий свет!

Готовясь к космическому путешествию, они избавились от искусственных красителей, и теперь кожа Луиса была желто-коричневого цвета. Карие, уже не раскосые, глаза, черная косичка, седая короткая щетина

покрывала затылок — так теперь выглядел Луис Ву. Тила тоже заметно изменилась. Ее кожа приобрела бледный оттенок, а на овальном лице обращали на себя внимание большие карие глаза и маленький, серьезный рот; волосы, черные и мягкие, она завязала хвостом.

— Ведь ты никогда не была даже на Луне.

Она кивнула.

— А я вовсе не самый лучший любовник в мире. Ты сама это сказала.

Еще один утвердительный кивок. Тила Браун не признавала недомолвок. За эти два дня и две ночи она ни разу не солгала, не сказала полуправды, не попыталась уйти от ответа на какой-нибудь вопрос. Луис был гораздо сдержаннее в высказываниях, и она, казалось, принимала эту сдержанность, хотя сама была совершенно открыта. И задавала дьявольские вопросы.

— Так почему именно я? — допытывался Луис.

— Понятия не имею,— призналась она.— Может, так на меня действует твоя харизма? Ты же герой.

Разве он виноват в том, что был единственным ныне здравствующим из тех, кто впервые столкнулся с чужой цивилизацией?

Луис попытался еще раз:

— Знаешь, так получилось, что я знаком с лучшим любовником на Земле. Это его хобби. Он мой друг и пишет об этом книги. Кстати, у него докторская степень по физиологии и психологии.

— Перестань.— Тила зажала уши руками.— Перестань.

— Я просто не хочу, чтобы ты погибла. Ты слишком молода.

На ее лице появилось удивление, и он понял, что снова употребил слова интерлингвы в контексте, который лишал их всякого смысла. «Бешенство сердца»? «Погибла»? Луис вздохнул.

— Подумай еще вот о чем, прежде чем отправиться в страну мечты. В кабине будет довольно тесно.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем там заниматься любовью? Какого... Луис, меня не волнует, будут на нас смотреть или нет. Ведь это чужаки.

— А меня волнует.

Снова этот удивленный взгляд.

— А если бы они были людьми? Ты тоже переживал бы?

— Да. Исключая лишь то обстоятельство, что мы были бы очень хорошо с ними знакомы. Я излишне старомоден?

— Немного.

— Помнишь того приятеля, о котором я говорил? Лучшего любовника? Так вот, его... м-м... знакомая научила меня тому, чему научилась от него.

— Ты пробуешь сменить тему.

— Действительно. Сдаюсь.

— Подумай еще об одном. Твой знакомый кукольник мог бы пожелать себе в качестве компаньонов представителей четырех, а не трех видов. Вместо меня ты с тем же успехом мог бы держать в объятиях самку тринока.

— Ужасная перспектива. Но вернемся к делу: целое состоит из трех фаз. Начнем с «позы всадника»...

— А что это за поза?

— Сейчас покажу!

Утром Луис был счастлив, что они летят вместе. Когда сомнения вернулись, было уже слишком поздно. Впрочем, уже давно было слишком поздно.

Внешние торговали информацией. Они хорошо за нее платили и дорого продавали. Во всех банках заселенного людьми космоса Внешние имели неограниченный кредит.

Скорее всего, их раса возникла на небольшом холодном спутнике какого-нибудь газового гиганта. Если какую-нибудь планетарную систему населяли потен-

циальные клиенты, если в ней находилась подходящая планета или спутник, Внешние основывали там огромный торгово-развлекательный центр. Пятьсот лет назад они начали обустраивать Нереиду — ледяную равнину, освещенную лишь ярким светом звезд. Солнце казалось отсюда жирной точкой и давало примерно столько же света, как Луна в полнолуние.

— Пожалуй, именно здесь у них что-то вроде центральной базы.— Луис одной рукой указывал вниз, на невысокий лабиринт, а другой держал рулевой рычаг транспортника.

— Интересно, зачем им это? — спросил Говорящий.— Для обороны?

— Внешние живут за счет термоэлектрической энергии,— объяснил Луис.— Благодаря этим стенам они имеют множество мест, в которых свет четко граничит с тенью, разница температур порождает ток.

За время десятичасового полета Несс почти успокоился и перестал изучать корабль, засовывая то одну, то другую голову в различные углы. Прекратилась и издаваемая им странная музыка, тоскливая, как завывания компьютера, страдающего от отсутствия полноценного секса.

Кукольник настоял, чтобы за пульт управления сел Луис: его доверие к землянину было так велико, что он даже не застегнул ремней. Луиса заинтересовал его скафандр с утолщением на горбе, прикрывающем мозг. Системы, регенерирующие воздух и продукты, были неправдоподобно малы.

Говорящий явился на борт с небольшим багажом, который, как выяснилось, в основном состоял из микроволновой плиты для разогревания мяса и огромного куска самого мяса, явно неземного происхождения. Большую часть пути кзин просто проспал, подложив под голову свой скафандр-пузырь

Теперь все стояли за спиной Луиса, глядя на пейзаж, расстилавшийся под ними.

— Я сяду у корабля Внешних,— уточнил Луис.

— Нет. Дальше на восток. «Счастливый Случай» спрятан там.

— Почему? Вы боитесь, что Внешние будут за вами шпионить?

— Нет. Им могла бы повредить температура плазменных двигателей.

— А почему «Счастливый Случай»?

— Так назвал его Беовульф Шеффер, единственный, кто летал на нем. Я имею в виду путешествие к центру Галактики. Разве «Счастливый Случай» не имеет ничего общего с азартом?

— Имеет. Наверное, этот Шеффер не ожидал, что ему удастся вернуться. Пожалуй, будет лучше, если я скажу тебе сразу: я никогда не пилотировал корабли с плазменными двигателями.

Головы кукольника недолго посовещались друг с другом, и одна из них заявила:

— Придется научиться.

— Минутку,— вставил Говорящий.— Я уже летал на корабле с плазменными двигателями. Значит, я и поведу «Счастливый Случай».

— Это невозможно. Кресло пилота, все указатели и приборы управления приспособлены для человека.

Из горла кзина вырвалось зловещее рычание.

— Здесь, Луис, прямо перед нами.

«Счастливый Случай» совсем не походил на космический корабль, скорее, на огромный примитивный спутник.

— А где будем сидеть мы? — поинтересовался Луис.— Верхом?

— Кабина расположена внизу.

Луис осторожно посадил корабль на темный лед, после чего подвел его под огромный шар.

Для экипажа были выделены два маленьких помещения: в нижнем с трудом размещались противопе-

регрузочное кресло, детектор массы и пульт управления, похожий на подкову. Верхнее было такое же тесное. Кзин недовольно проговорил:

— Полагаю, Луис будет путешествовать в нижней кабине, а мы — в верхней?

— Да. Нам удалось втиснуть туда три койки. Каждая снабжена статическим полем. Теснота не имеет значения, мы будем путешествовать со включенным полем.

Кзин только фыркнул в ответ.

Луис подождал, пока корабль продвинется еще на несколько дюймов, и выключил маневровые двигатели.

— У меня к тебе дело,— сказал он Нессу.— Мы с Тилой вдвоем получаем столько же, сколько один Говорящий с Животными.

— Ты хочешь дополнительной оплаты? Я обдумаю твое предложение.

— Я хочу того,— ответил Луис,— что вам уже никогда не понадобится.

Особой надежды на удачу в переговорах не было, но попробовать стоило.

— Я хочу знать координаты планеты кукольников.

Головы Несса закачались на змеиных шеях, после чего, повернувшись, уставились друг на друга.

— Зачем тебе это? — кукольник наконец прервал долгую паузу.

— Когда-то положение вашей планеты было самым ценным секретом во всем Освоенном Космосе. Вы сами отдали бы состояние, чтобы заткнуть рот тому, кто бы его узнал. Искатели счастья проверяли одну за другой все звезды типа G и K.

— А если наша планета находится вне Освоенного Космоса?

— Гмм...— буркнул Луис.— Именно такую теорию выдвинул мой учитель истории.

— Прежде, чем мы отправимся в путешествие,— медленно сказал Несс,— ты узнаешь координаты пла-

неты кукольников. Думаю, эта информация будет для тебя скорее удивительной, чем полезной.

Головы кукольника еще раз переглянулись.

— Обрати внимание на четыре конические...

— Да-да.— Луис еще раньше заметил четыре конических отверстия, видневшихся недалеко от кабины.— Это дюзы двигателей?

— Верно. Ты убедишься, что корабль ведет себя так, как будто снабжен классическим двигателем, с той лишь разницей, что на нем нет искусственного тяготения. Просто не хватило места для машин. Что же касается самого двигателя Квантум-два, то также хочу обратить твое внимание на...

— У меня меч,— сказал вдруг Говорящий с Животными.— Сидите спокойно.

Луис не сразу понял, что происходит. Он повернулся, стараясь не делать резких движений.

Кзин стоял у противоположной стены, держа в ладони с выпущенными на всю длину когтями что-то похожее на слишком большую рукоять рулевого рычага. В трех метрах от рукояти, точно на уровне глаз кзина, висел в воздухе маленький, светящийся красным, шарик. Провод, соединявший его с рукоятью, был слишком тонок, чтобы его можно было заметить, но Луис не сомневался, что он там есть. Поддерживаемый полем Славера, он мог с легкостью разрезать почти любой металл, в том числе и тот, из которого была сделана спинка кресла Луиса.

Кзин стоял так, что вся кабина была у него на виду. На полу лежал тот самый кусок мяса с углублением внутри.

— Я бы, конечно, предпочел более гуманное оружие,— сказал Говорящий,— но другого у меня с собой нет. Луис, убери руки с приборов и положи на подлокотники.

Луис повиновался. У него мелькнула было мысль, не попробовать ли фокус со сменой тяготения, но кзин

разрезал бы его пополам, прежде чем он успел бы дотянуться до переключателя.

— А теперь, если будете вести себя спокойно, я поделюсь с вами своими планами.

— Скажи сначала, зачем тебе это,— обратился к нему Луис.

Он пытался как можно быстрее оценить свои шансы. Красный шарик показывал кзину, где находится конец невидимого острия. Если бы удалось схватить этот конец и не потерять при этом пальцев... Нет, ничего не выйдет. Шарик слишком мал.

— Я собираюсь захватить «Счастливый Случай»,— сказал Говорящий с Животными. Черные пятна вокруг глаз делали его похожим на бандита из старого комикса.— Используя его как образец, мы построим множество таких кораблей и получим в будущей войне подавляющее превосходство над людьми. Полагаю, это ясно?

— Надеюсь, ты не испугался нашей экспедиции? — Луис постарался вложить в свой вопрос как можно больше сарказма.

— Нет.— Кзин остался глух к изыскам интонации.— Сейчас вы все разденетесь: я хочу быть уверен, что вы безоружны. Потом кукольник наденет свой скафандр, и мы вместе пройдем на «Счастливый Случай». Вы останетесь здесь, но без одежды, без скафандров и с испорченным кораблем. Несомненно, Внешние заинтересуются, почему вы не возвращаетесь на Землю, и появятся прежде, чем у вас кончится кислород. Все поняли?

Луис Ву максимально расслабился, но следил за каждым движением кзина и готов был использовать малейшую его ошибку... Краем глаза он посмотрел на Тилу Браун и окаменел.

Тила готовилась к прыжку.

Кзину было достаточно одного движения руки, чтобы перерезать ее пополам.

Нужно было действовать. И быстро.

— Только без глупостей, Луис. Медленно встань и иди к стене. Ты первый сними-и-и-и-и-и...

Луис замер в недоумении. Говорящий запрокинул свою оранжевую голову и стонал, точнее, почти пищал душераздирающе высоким голосом. Он широко раскинул руки, будто хотел обнять всю Вселенную. Невидимое острие меча рассекло резервуар с водой, и она вытекала обильной струей, но кзин ничего не слышал и не видел.

— Заберите у него оружие,— приказал Несс.

Луис очнулся. Он осторожно подошел, готовый отскочить, если острие повернется в его сторону. Кзин слегка шевелил им, словно дирижировал невидимым оркестром. Луис вынул меч из ослабевшей ладони, коснулся нужного места, и красный шарик исчез в рукояти.

— Не убирай эту штуку,— сказал Несс. Он осторожно сжал челюсти на плече кзина и подвел того к койке. Говорящий не сопротивлялся. Он перестал стонать, а только смотрел куда-то перед собой, и все его большое, поросшее шерстью лицо излучало необыкновенный покой.

— Что случилось? Что ты с ним сделал?

Кзин начал потихоньку урчать.

— Смотрите,— сказал Несс и осторожно отодвинулся от койки одурманенного кзина. Все это время шеи его были напряжены, лица обращены к Говорящему.

Глаза кзина прояснились. Он быстро окинул взглядом Луиса, Тилу и Несса, что-то проскрежетал на Языке Героев, после чего сел и сказал, уже на интерлингве:

— Это было очень приятно. Жаль, что...

Он замолчал, а потом обратился уже к одному кукольнику:

— Никогда больше этого не делай.

— Я выбрал тебя, как одного из самых развитых и способных кзинов,— сказал Несс.— И не ошибся.

Только у такого, как ты, тасп может вызывать опасения.

— Ох! — вздохнула Тила.

— Тасп? — спросил Луис.— А что это такое?

Кукольник продолжал, пристально глядя на кзина:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я буду пользоваться им всегда, когда ты меня к этому принудишь. Если ты будешь слишком часто использовать насилие или запугивать меня каким-либо другим способом, то очень быстро попадешь в зависимость от него. Поскольку он хирургически вживлен в мое тело, тебе придется убить меня, чтобы до него добраться. Но это нисколько не уменьшит твоей зависимости.

— Очень хитро.— Кзин покрутил головой, словно проверяя ее наличие.— Необычная тактика. Больше я не причиню тебе неприятностей.

— Какого?!. Кто-нибудь объяснит в конце концов, что такое тасп?

Казалось, невежество Луиса всех удивило.

— Тасп возбуждает центры наслаждения в мозгу,— Тила улыбнулась.

— На расстоянии?

— Конечно. Это так, будто у тебя в мозгу электрод и кто-то пропускает через него ток. Правда, с таспом не нужно такой возни.

— Ты уже пробовала его? Я знаю, что это не мое дело, но....

Тилу явно развеселила его деликатность.

— Да, я знаю, что это такое. Будто... Нет, я не смогу описать. Тасп не применяют к самому себе, а только к тем, кто этого не ожидает. Именно в этом и заключается вся... прелесть. Полиция постоянно ловит тасперов в парках.

— Ваши таспы действуют максимум секунду,— вставил Несс.— Мой работает дольше.

Видимо, действие и в самом деле было мощным, если произвело такое впечатление на Говорящего.

Луису вдруг пришла в голову идея.

— Что ж, это великолепно. Кто, кроме кукольника, может использовать оружие, которое доставляет врагу наслаждение?

— И кто, кроме гордого и высокоразвитого существа, может его бояться? — Говорящий окинул всех высокомерным взглядом.— Кукольник прав: я больше не рискну. Могу и в самом деле стать его невольником. Я, кзин!..

— Перейдем на борт «Счастливого Случая».— Несс поспешил прервать дискуссию.— Мы и так потеряли слишком много времени.

Луис первым ступил на борт корабля, тяготение в нем предполагалось нормальным, но... избежать падения не удалось.

— Хорошенькое дело,— бормотал он, карабкаясь в кабину.— Могли бы по крайней мере... Ой...

Кабина была проста, даже примитивна, с большим количеством острых углов и граней, отлично подходящих для разбивания локтей и коленей. Все какое-то неуклюжее, приборы размещены не так... Кабина была еще и мала — чуть-чуть, и не хватило бы места для пилота. Пульт управления, детектор массы, кухонька, кресло-кровать пилота и еще ровно столько места, чтобы один человек встал за креслом, согнувшись в три погибели.

Теперь — очередь за остальными членами экипажа.

Луис вооружился мечом кзина. Говорящий медленно прошел мимо него, направляясь к верхнему помещению. Раньше там было что-то вроде комнаты развлечений для пилота, но теперь оттуда убрали спортивные тренажеры, а на их место поставили три койки. На одну из них и забрался Говорящий с Животными.

Луис неотступно следовал за ним, держа меч наготове. Опустив крышку над койкой кзина, он повернул

рычаг. Койка превратилась в огромное блестящее яйцо. Время внутри него остановилось до тех пор, пока действует статическое поле. Если бы корабль столкнулся с зарядом антиматерии, все, даже корпус «Дженерал Продактс» превратилось бы в ионизированное облако — все, за исключением этого зеркального яйца.

Луис перевел дух. Все происходящее напоминало какой-то магический, ритуальный танец, но у кзина действительно была причина завладеть кораблем. Таси ничего не изменил. Нужно было позаботиться, чтобы Говорящему не представилось другого случая.

Луис вернулся в кабину пилота.

— Поднимайтесь на борт,— позвал он Несса и Тилу.

Через сто часов Луис Ву был уже за пределами Солнечной системы.

5. РОЗЕТТА

Математика гиперпространства полна всевозможных аномалий; одна из них появляется вокруг каждой достаточно большой массы в эйнштейновской Вселенной. За пределами аномалий корабли могут двигаться со сверхсветовой скоростью, но если стартуют в их пределах — исчезают бесследно. «Счастливый Случай» удалился на восемь световых часов от Солнца и вышел за пределы аномалии.

Луис Ву сражался с невесомостью. Мышцы были напряжены, диафрагма давила на желудок с такой силой, что, казалось, он с минуты на минуту вывернется наизнанку. Все это, к счастью, должно было скоро пройти. Кроме того, ему ужасно хотелось летать...

Он летал уже много раз, например, в лишенном тяготения Внешнем Отеле — огромном, прозрачном шаре, что кружился на окололунной орбите. Здесь же нельзя было даже махнуть рукой, не рискуя повредить что-нибудь весьма важное.

Вот уже пять дней он работал, ел и спал, не покидая своего кресла-кровати. Будущее рисовалось ему во все более темных тонах.

«Двадцать семь, триста двенадцать, тысяча»,— такие координаты сообщил Несс, прежде чем Луис закрыл крышку его койки. Координаты, описывающие нынешнее положение миграционного флота кукольников. Только теперь Луис понял, что указанная точка находилась вдали от пути к Магеллановым Облакам. Кукольник солгал.

Однако она находилась более чем в двухстах световых годах отсюда вдоль оси Галактики. Может, кукольники решили бежать кратчайшей дорогой, чтобы потом, уже за плоскостью Галактики, направиться к Облакам? Так меньше опасности столкнуться с «космическим мусором»: облаками пыли, скоплениями водорода, остатками комет.

Впрочем, это не имело особого значения. Словно пианист перед началом концерта, Луис занес пальцы над пультом управления, опустил их и... «Счастливый Случай» исчез.

Взгляд Луиса был прикован к детектору массы — прозрачному шару, что висел над таблицей указателей. Несмотря на тесноту, он был больше, чем обычно. Голубые линии, веером расходившиеся из его центра, заметно перемещались. Это было необычно и тревожно. Во время полета с обычным гиперпространственным двигателем линии стояли неподвижно целыми часами. На всякий случай палец Луиса лег на кнопку аварийного выключения.

Миниатюрная кухонька угостила его порцией странного на вкус кофе и холодной закуской, которая рассыпалась у него в руке, продемонстрировав чередование слоев мяса, сыра, хлеба и каких-то таинственных листьев. Кухню нужно было отправить на свалку добрых сто лет назад. Тем временем линии на детекторе массы стали толще, быстрее поползли к верхнему по-

люсу шара и исчезли. Снизу всплыла одна, очень толстая черта, с размытыми границами.

— Слишком быстро! — раздраженно фыркнул Луис.— Слишком быстро, черт побери! На нормальном корабле хватило бы одной проверки детектора каждые шесть часов, здесь же не успеваешь даже моргнуть.

В иллюминаторе появился незнакомый красный гигант.

— ..! Я уже за пределами Освоенного Космоса! — он повернул корабль, чтобы рассмотреть чужие созвездия, и захохотал, радостно потирая руки: — Это мое, все мое!

Снова появилась красная звезда, Луис слишком приблизился к ней, и теперь приходилось огибать ее.

Все это происходило на девяностой минуте полета; на сто восьмидесятой он вышел из гиперпространства. Убедившись, что находится в открытом Космосе, заблокировал рули и наконец позволил себе потянуться.

— Ух-х! Глаза у меня, как вареные луковицы.

Луис отстегнул ремни и повис, разминая левую ладонь: три часа она сжимала рычаг торможения и совершенно окаменела.

Под потолком располагались тренажеры для изометрических упражнений. Вскоре ему удалось разработать мышцы, но усталость не прошла.

Разбудить Тилу? Хорошая мысль. Сейчас было бы приятно с ней *поболтать*. Но пока он чувствовал себя трупом, сто лет пролежавшим в неудобной позе. Пожалуй, его общество не доставит ей удовольствия. Эх...

Не следовало пускать ее на борт «Счастливого Случая», и вовсе не из-за себя самого. Он был очень доволен, что девушка осталась с ним на эти два дня получилось так, словно к истории Луиса Ву и Паулы Черенков дописали счастливый конец. Однако Тила была пустовата. И дело даже не в ее молодости. Среди друзей Луиса встречались люди (и не только люди!) разного

возраста, и некоторые из них — молодые, моложе Тилы — были действительно глубокими личностями. А эта... не могла сочувствовать, отождествить себя с чужой болью.

Зато она могла остро почувствовать чужое наслаждение, ответить на него, стать его причиной. Великолепная любовница — красивая, свежая, чувственная, открытая... Однако ни одно из этих качеств не пригодилось бы в путешествии.

Жизнь Тилы была счастливой и бесцветной. Она никогда не переживала настоящую стрессовую ситуацию, ее никогда всерьез не обижали. Перед лицом настоящей опасности Тила наверняка впадет в панику.

— Но я выбрал ее в любовницы! — сказал сам себе Луис.— Чертов Несс!

Если бы Тила хоть раз в жизни имела дело с какой-нибудь грозной ситуацией, Несс отбросил бы ее кандидатуру: удачливых людей подобное минует. Значит, ее придется защищать, пренебрегая для этого своей безопасностью.

Но что может им грозить? Кукольники были хорошими торговцами — они никогда не переплачивали. «Счастливый Случай» — бесценная награда, и Луис интуитивно чувствовал, что у него еще будет возможность заслужить ее.

Он вернулся в кресло, поспал часок, после чего повернул корабль и еще раз нырнул в гиперпространство.

Спустя пять с половиной часов Луис снова затормозил. Сообщенные кукольником координаты указывали на небольшой участок видимого космоса — куб с гранью в половину светового года. Именно здесь должен был находиться огромный флот кукольников. Если верить приборам, сейчас в этом секторе находились Луис Ву и «Счастливый Случай».

Поиски флота не имели ни малейшего смысла. Луис не знал даже, как выглядят корабли. Вместо этого он

пошел и разбудил Несса. Кукольник, ухватившись зубами за гимнастический поручень, заглянул через плечо Луиса.

— Я должен найти несколько навигационных звезд. Дай-ка на центр тот зелено-белый гигант...

В кабине пилота стало вдруг тесно. Луис почти лежал на пульте, защищая приборы от копыт кукольника, которыми тот беззаботно размахивал.

— Анализ спектра... Ага... Теперь ту двойную, голубовато-желтую...

— Что мы, собственно, ищем? Плазменные струи? Нет, скорее вы воспользовались бы...

— Включи телескоп. Поймешь, когда увидишь.

Множество чужих звезд. Луис постепенно увеличивал кратность изображения, пока наконец...

— Пять точек, сгруппированных в правильный пятиугольник, верно?

— Это и есть наша цель.

— Сейчас, я только проверю расстояние. ..! Что-то не так, Несс. Они слишком далеко.

Кукольник не отозвался.

— Впрочем, это все равно не могут быть корабли, даже если сломался дальномер. Ведь ваш флот движется почти со скоростью света. Это было бы видно.

Пять тусклых пятен, обозначающих вершины равностороннего пятиугольника лежали в одной пятой светового года. Принимая во внимание увеличение, их размер соответствовал большим планетам. На экране телескопа одна из них казалась более тусклой, чем остальные.

Розетта Кемплерера. Очень странно.

Берутся три или больше предмета с одинаковой массой, помещаются в вершинах равностороннего многоугольника и разгоняются до одинаковой угловой скорости относительно центра их общей массы. При этом фигура находится в состоянии идеального равновесия. Орбиты отдельных ее составляющих могут иметь фор-

му эллипса или круга, в центре фигуры может находиться какое-нибудь тело, но не обязательно. Но было почти невозможно, чтобы сразу пять объектов случайно образовали розетту Кемплерера.

— Странно,— пробормотал Луис.— Необычно. Никто еще не видел такой розетты...— Он вдруг замолчал.

Что же тогда освещало эти объекты?

— Нет,— медленно сказал Луис Ву.— Я никогда в это не поверю. Ты что, считаешь меня идиотом?

— Во что ты так не хочешь поверить?

— Ты отлично знаешь!

— Ну, раз ты так считаешь... Это и есть цель нашего путешествия, Луис. Приблизимся к ней, и нам навстречу вышлют корабль.

У обещанного корабля был корпус ДП № 3 шокирующе оранжевого цвета, без иллюминаторов. Не было у него и никаких видимых двигателей. Повинуясь Нессу, Луис даже не коснулся рулей, позволяя другому кораблю выполнять все маневры. Вскоре он оказался возле «Счастливого Случая» с выдвинутой стыковочной трубой.

Похоже было, что пересадка окажется на таким уж простым делом. На «Счастливом случае» было слишком мало места, чтобы весь экипаж мог одновременно подняться с коек. Кроме того, Говорящему предоставлялся последний шанс, если он еще хотел завладеть кораблем. Пожалуй, следует принять кое-какие меры...

Луис наблюдал, как Несс проходит по стыковочной трубе. Кукольник нес скафандр кзина и шел на ощупь, с закрытыми глазами.

— Я чувствую себя не очень хорошо, помоги мне.— Тила жалобно смотрела на него из-под поднявшейся крышки ее койки.— Мы уже на месте?

По дороге к шлюзу Луис вкратце обрисовал ей ситуацию. Она слушала внимательно, но ему показа-

лось, что больше всего ее заботит, как совладать с бунтующим желудком. Она казалась очень несчастной.

— На том корабле будет тяготение,— утешил он и указал на пятистороннюю розетту: ее уже было отлично видно невооруженным глазом.

Удивленная Тила резко повернулась к нему, внезапное движение нарушило ее чувство равновесия, и, прежде чем за ней закрылась дверь шлюза, Луис успел заметить, как моментально позеленело лицо девушки.

Когда поднялась крышка последней койки, Луис предупредил:

— Не дергайся. Я вооружен.

Кзин выглядел невозмутимым.

— Добрались?

— Да. Плазменный двигатель отключен, и быстро ты его не исправишь. Мы на прицеле у лазерной пушки.

— А если бы я удрал в гиперпространство? Впрочем, нет, ошибка. Мы наверняка в пределах аномалии.

— Мы в пределах *пяти* аномалий.

— Пяти? В самом деле? Но насчет пушки ты соврал. Стыдись, Луис...

В шлюзе кзин замер, пораженный видом пяти светящихся точек. Зрелище действительно было великолепное.

Спустя мгновение «Счастливый Случай» окружили пять планет, а мгновением позже планеты исчезли. Они не удалились, не потемнели, просто исчезли. Отраженный ими свет перешел в инфракрасную область.

На корабле кукольников экипаж отсутствовал. Зато, к удивлению Луиса, была гравитация. Однако не земная, да и воздух был не совсем земным. Пахло нельзя сказать, чтобы неприятно, скорее — странно. Луис отчетливо ощущал озон, какие-то углеводороды, запах целой толпы кукольников и еще несколько дюжин других, которые даже не надеялся определить.

Внутри каюты изогнутая стена плавно переходила в потолок и пол, койки и консоль с напитками казались как бы слегка расплывшимися. По всей видимости, в мире кукольников все острое или твердое, обо что можно удариться и покалечиться, было вне закона.

Несс, вытянувшись, лежал на своей койке и казался вполне довольным жизнью.

— Не хочет говорить! — шутливо пожаловалась Тила.

— По-моему, это очевидно,— ответил кукольник.— Итак, мне придется начинать сначала. Вас, конечно, удивили...

— ...Летающие планеты,— закончил за него Говорящий.

— ...И розетта Кемплерера,— присоединился к нему Луис.

Едва слышный шум свидетельствовал о том, что корабль начал движение. Одновременно с Говорящим они заняли места на койках. Тила вручила Луису ярко-красный напиток в прозрачном тюбике.

— Сколько у нас времени? — спросил он кукольника.

— Приземление через час. Тогда вы и узнаете конечную цель нашего путешествия.

— Должно хватить. А теперь просвети нас: почему летающие планеты? Наверное, это довольно опасно — двигаться по Вселенной на планетах?

— Это самый безопасный способ! — Серьезный тон кукольника не оставлял никаких сомнений.— Гораздо безопаснее, чем, к примеру, путешествовать на этом корабле. А он, в свою очередь, гораздо безопаснее большинства ваших машин. Впрочем, у нас большой опыт в передвижении планет.

— Опыт? Что ты имеешь в виду?

— Чтобы объяснить это, мне придется рассказать вам о тепле... и о контроле над рождаемостью. Есть

только два способа, чтобы избежать появления потомства. Первый — это серьезная хирургическая операция, второй — полное сексуальное воздержание.

— Это... это... ужасно! — прошептала потрясенная Тила.

— Скорее — неудобно. Что касается операции, то еще совсем недавно нельзя было устранить ее последствия; сегодня проблема решена, но все же отваживаются на операцию немногие.

Луис протяжно свистнул.

— Я думаю... Значит, основой вашей системы контроля является сила воли?

— Да. Сексуальное воздержание вызывает неприятное побочное действие как у нас, так и у других видов. Результат очевиден: чрезмерное размножение. Полмиллиона лет назад нас было полмиллиарда. В системе счисления кзинов это будет...

— Я достаточно хорошо знаю математику,— прервал его кзин.— То, что ты говоришь, не имеет никакой связи с необычностью вашего флота.— Кзин не возмущался, просто констатировал факт. Потянувшись к консоли, он снял с нее сосуд с двумя ручками, емкостью не менее половины галлона.

— Уверяю тебя, имеет. Побочным продуктом цивилизации, состоящей из полумиллиарда особей, является громадное выделение тепла.

— Вы были цивилизованы в таком далеком прошлом?

— Конечно. Разве примитивная культура смогла бы прокормить такую огромную популяцию? Мы были вынуждены переделать две планеты нашей системы так, чтобы на них можно было производить продукты. Среди прочих мер, кстати, пришлось передвинуть их поближе к солнцу. Понимаете?

— Так вы начали приобретать опыт в передвижении планет. Полагаю, вы пользовались беспилотными кораблями...

— Конечно. Продовольствие перестало быть проблемой, а пространства нам всегда хватало. Уже тогда мы воздвигали очень высокие здания. Лучше всего мы чувствуем себя в большой группе.

— Кажется, это называется «стадный инстинкт». Скажи, именно поэтому корабль пахнет, как стадо кукольников?

— Да. Мы чувствуем себя в безопасности, если ощущаем присутствие других. Единственной проблемой осталось тепло.

— Тепло?

— Тепло — неизбежный побочный продукт цивилизации.

— Не понимаю,— сказал кзин.

Луис, который понимал это отлично, воздержался от комментариев. Земля была заселена гораздо плотнее, чем планета Кзин.

— Вот тебе пример. На Земле нет достаточного количества естественной свежей воды для восемнадцати миллиардов жителей. Воду нужно создавать, но при этом выделяется тепло. На наших планетах, заселенных гораздо плотнее, мы не можем прервать этого процесса ни на секунду.

Другой пример. Средства транспорта всегда были мощными источниками тепла. Грузовой корабль, летящий с одной из наших планет, при входе в атмосферу производит огромное количество тепла, и еще больше — когда стартует.

— Но охлаждающие системы...

— Большинство охлаждающих систем просто перемещает тепло с одного места в другое, при этом добавляя к нему собственное.

— Гм... Начинаю понимать. Чем больше кукольников, тем больше образуется тепла.

— Значит, ты понимаешь, что тепло, составляющее побочный продукт нашей цивилизации, постепенно делало наш мир непригодным для жизни?

— А почему вы не перебрались на другую планету? — спросил Говорящий с Животными.

— Кто станет подвергать свою жизнь тысячам опасностей Космоса? Только кто-нибудь вроде меня. Так что же, посылать на новые миры безумцев?

— Вы могли бы посылать корабли с замороженными эмбрионами. Пилотами были бы как раз эти «безумцы».

— У меня всегда возникают сложности, когда приходится объяснять вопросы, связанные с полом. Наша биология исключает такой метод, но мы, несомненно, придумали бы что-нибудь подобное... Вот только зачем? Наша численность не изменилась бы, и мы продолжали бы умирать от собственного тепла!

— Жаль, что мы не можем выглянуть наружу,— ни с того ни с сего сказала Тила.

Кукольник, удивленный, замолчал.

— Ты уверена? — прервал он наконец затянувшуюся паузу.— Ты не испугалась бы?

— Пугаться? На корабле кукольников?

— Прошу.— Он что-то мелодично свистнул, и корабль исчез.

Они видели друг друга, койки, на которых лежали, и консоль с напитками, но вокруг была только пустота Космоса. И пять планет, горящих белым огнем в черных волосах Тилы. Все они были одинаковой величины — примерно в два раза больше видимой с Земли Луны — и образовывали правильный пятиугольник. Четыре из них были окружены, как нитками, маленькими, сверкающими огнями искусственных солнц, дающих желто-белый свет. Эти четыре были совершенно одинаковы и по яркости, и по внешнему виду: слегка туманные, голубые шары. Зато пятая... Вокруг пятой планеты не было никаких огней. Она светилась собственным светом, а континенты разделялись темнотой — почти такой же глубокой, как мрак Космоса.

— В жизни не видела ничего прекраснее,— сказала Тила таким голосом, будто с трудом сдерживала слезы. Луис, видевший в жизни гораздо больше ее, вынужден был согласиться.

— Невероятно,— пробормотал кзин.— Никак не могу в это поверить. Вы забрали с собой свои планеты.

— Кукольники не доверяют космическим кораблям,— пояснил Луис. Одна мысль не давала ему покоя: он мог бы этого не увидеть, если бы кукольник выбрал кого-нибудь другого. Он умер бы, так и не увидев розетты кукольников...

— Но как?..

— Я уже объяснял.— Обе головы Несса укоризненно закачались.— Нам удалось избавиться от всех побочных продуктов цивилизации, за исключением тепла. У нас был один выход — отодвинуть планету от солнца...

— Разве это не было опасно?

— И даже очень. В тот год множество кукольников сошло с ума, и потому он памятен. Мы купили у Внешних специальный инерционный привод. Можете себе представить, какую они затребовали цену — мы выплачиваем им до сих пор. Сначала мы передвинули две сельскохозяйственные планеты, провели эксперименты с другими, незаселенными планетами. В конце концов нам удалось передвинуть и нашу. За следующие тысячелетия наша численность достигла миллиарда. Недостаток солнечного света вынуждал освещать улицы и днем, отчего эмиссия тепла только увеличилась. Через некоторое время мы пришли к выводу, что солнце — скорее помеха, чем благо, и отодвинулись от него на расстояние одной десятой светового года, используя его только в качестве якоря. Нам требовались новые сельскохозяйственные планеты, и было неразумно бродить по космосу наугад. Если бы не это, мы вообще отказались бы от солнца.

— Понятно,— сказал Луис Ву.— Теперь я знаю, почему никому так и не удалось найти планету кукольников.

— И поэтому тоже.

— Мы обыскали все желтые карлики в Освоенном Космосе и множество — за его пределами. Минутку, Несс! Кто-то ведь должен был наткнуться на сельскохозяйственные планеты, собранные в розетту Кемплерера.

— Вы искали не там.

— Как так? Ведь вашей родной звездой, вне всяких сомнений, был желтый карлик!

— Действительно, мы пришли из района желтого карлика, очень похожего на Процион. Как ты знаешь, примерно через полмиллиона лет Процион превратится в красного гиганта.

— Это случилось с вашей звездой?

— Да. Сразу после того как мы управились с перемещением нашей планеты, началась экспансия солнца. В это время твои предки еще разбивали друг другу головы берцовыми костями антилоп. Когда вы начали задумываться, где находится наша планета, то искали на орбитах вокруг не тех солнц. Мы перетащили подходящие планеты из ближайших систем, увеличив число сельскохозяйственных планет до четырех и собрав их в розетту Кемплерера. Было очень важно в момент отправления сдвинуть их одновременно и дать каждой достаточное количество ультрафиолета. Теперь вы понимаете, что когда подошло время покинуть Галактику, мы были к этому готовы.

Розетта все увеличивалась. Теперь планета кукольников сверкала под ногами. Звезды, мерцающие в черных океанах, оказались архипелагами неисчислимых островов. Континенты пылали искусственным светом.

Когда-то давно Луис Ву стоял на вершине Маунт Лукиткет. Великая Река, текущая у подножия горы,

кончалась самым грандиозным в Освоенном Космосе водопадом. Бесформенная белизна бездонной пропасти совершенно ошеломила его, и Луис, наполовину загипнотизированный, поклялся жить вечно. А как иначе можно увидеть все то, что стоит повидать?

Теперь он повторил эту клятву. Планета кукольников была совсем близко.

— Мы проиграли,— сказал кзин. Его розовый голый хвост нервно двигался из стороны в сторону, но лицо и голос не выражали никаких чувств.— Ваша трусость заслужила нашего презрения, и это презрение ослепило нас. Вы очень опасны. Если бы вы сочли нас врагами, то уничтожили бы нас. Вы располагаете страшной силой, и мы ничего не смогли бы сделать.

— Думаю, это невозможно — чтобы кзин боялся обычного травоядного.— Несс сказал это безо всякой насмешки, но Говорящий взорвался:

— Какое мыслящее существо не испугается такой мощи!

— Ты беспокоишь меня. Страх идет вместе с ненавистью. Скорее следовало бы ожидать, что кзин атакует то, чего боится.

Дискуссия принимала опасный оборот. «Счастливый Случай» был в самом начале своего пути, но уже в сотнях световых лет от Освоенного Космоса. Они зависели от благорасположения кукольников. Если те решат, что чужаки представляют для них реальную угрозу...

Нужно было менять тему. И быстро. Луис открыл рот...

— Эй! — Тила напомнила о себе.— Вы все время говорите о розетте Кемплерера. А что это, собственно, такое?

Кзин и кукольник принялись объяснять ей, а Луис с удивлением подумал, что еще совсем недавно считал Тилу не слишком интеллигентным созданием и неглубокой личностью.

6. ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

— Теперь я действительно знаю, где находится планета кукольников,— сказал Луис Ву.— Большое спасибо, Несс. Ты выполнил свое обещание...

— Я же предупреждал, что это удивит тебя, но пользы не принесет.

— Хорошая шутка,— вставил Говорящий.— Не ожидал, что у тебя есть чувство юмора.

Они снижались над небольшим островом вытянутой формы. Это понятно — вряд ли им можно доверять настолько, чтобы пустить на континент.

— Мы не шутим,— ответил Несс.— У кукольников нет чувства юмора.

— Странно. Я всегда считал, что чувство юмора — одна из составляющих разумности.

— Нет. Юмор связан с ослаблением защитных реакций.

— И все же...

— Ни одно разумное существо не ослабляет своих защитных механизмов.

Корабль опускался все ниже, и пятна света начали обретать определенные формы: окна в зданиях, светильники на больших, похожих на парки, площадях. В последний момент перед приземлением мелькнули здания, тянущиеся вверх на целые мили, потом город поглотил их корабль. Они были в парке, полном разноцветных незнакомых растений.

Никто не шевельнулся.

Из всех форм жизни, которые населяли Освоенный Космос, кукольники производили впечатление самых беззащитных. Слишком трусливые, слишком маленькие и странные, чтобы кто-либо мог их бояться. Забавные существа — вот, пожалуй, и все.

И вдруг Несс перестал быть только маленьким смешным кукольником, он стал представителем расы, гораздо более могущественной, чем кто-либо мог пред-

ставить. Безумный кукольник сидел неподвижно, разглядывая своих подчиненных, ибо все прочие ощущали себя именно так. В этот момент он вовсе не был смешон. Его раса умела двигать планеты. Пять планет одновременно.

Внезапно Тила захохотала.

— Я подумала,— объяснила она, когда успокоилась,— что единственным способом сделать так, чтобы кукольников не было так много,— отказаться от секса вообще. Правда, Несс?

— Да.

Давясь от нового приступа смеха, она с трудом произнесла:

— Тогда ничего удивительного, что у вас нет чувства юмора.

Воздух был насыщен запахом кукольников. Планета пахла миллиардом кукольников и должна была пахнуть так до последнего своего дня.

Они шли через парк — слишком симметричный, слишком правильный и упорядоченный — следом за таинственным голубым огоньком.

Несс танцевал: его маленькие, острые копытца, казалось, вообще не касаются мягкого тротуара. Кзин двигался пружинистым, неслышным кошачьим шагом, размеренно ударяя оранжевым хвостом. Тила шла почти так же тихо. Ее движения всегда производили впечатление неловких, но это было далеко не так. Она не спотыкалась и ни за что не цеплялась.

Самым неловким из всей четверки оказался Луис Ву.

Хотя, почему, собственно, он должен был оказаться ловким? Обычная старая обезьяна, которую эволюция и не думала приспосабливать для вертикального хождения по земле. Миллионы лет его предки ходили на четвереньках и при первом удобном случае забирались на деревья. А когда леса исчезли, оставив предков Луиса голодных и без защиты, пришлось отказаться

от вегетарианской диеты. Дела пошли лучше только тогда, когда они нашли применение берцовой кости антилопы, разбив с ее помощью не один череп.

Двое представителей человеческой расы и двое чужаков шли через город кукольников. Чужаков? *Все* они были здесь чужими, в том числе безумный Несс с растрепанной гривой и головами, беспокойно оглядывающимися по сторонам. Кзин тоже чувствовал себя не слишком свободно. Его глаза, окруженные черными ободками, непрерывно прочесывали незнакомую растительность в поисках затаившихся тварей с отравленными жалами или острыми, как бритва, зубами. Это работали инстинкты. Кукольники никогда не допустили бы, чтобы по их паркам бродили такие опасные создания.

Наконец они добрались до блестящего купола, похожего на жемчужину, до половины закопанную в землю. Путеводный огонек разделился на два.

— Я должен вас покинуть.

Луис заметил, что кукольник смертельно испуган.

— Я иду на встречу с Теми-Которые-Правят.— Несс произносил слова быстро и тихо.— Скажи мне, Говорящий: если бы я не вернулся, стал бы ты меня искать, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное в ресторане?

— А разве есть опасность, что ты не вернешься?

— Да. Тем-Которые-Правят может не понравиться то, что я им скажу. Как ты будешь искать меня?

— Здесь? На чужой планете, населенной могучими существами, сомневающимися в мирных намерениях кзинов? — Мощный хвост ударил по земле.— Никак. Но я тут же откажусь от участия в экспедиции.

— Этого вполне достаточно.— И Несс, дрожа всем телом, отправился за своим огоньком.

— Чего он так боится? — Тила пожала плечами.— Ведь он сделал то, что ему велели. Какие могут быть к нему претензии?

— Я думаю, он что-то затевает,— сказал Луис.— Наверняка нечто эксцентрическое.

Голубой огонек двинулся снова, и следом за ним они вошли в матовый купол...

Купол исчез. Двое людей и кзин наблюдали, как сквозь чащу великолепных растений к ним приближается кукольник. Или купол был изнутри настолько прозрачен, или то, что они видели, было проекцией?

Незнакомый кукольник остановился в том месте, где должна была проходить граница жемчужного купола. Его серебристая грива была заплетена в искусные косички, а голос оказался таким же, как у Несса — вибрирующе-чувственное контральто.

— Простите, что не приветствую вас лично. Можете называть меня Хирон.

Значит, все-таки проекция. Луис и Тила что-то буркнули в ответ, Говорящий оскалил зубы.

— Присутствие того, кого вы зовете Нессом, необходимо сейчас в другом месте. Он упомянул о впечатлении, которое произвели на вас наши инженерные способности.

Луис слегка поморщился, а кукольник продолжал:

— Это может оказаться весьма полезно. Вы лучше поймете нашу реакцию на творение, многократно превосходящее все, что удалось достичь нам.

Половина купола погасла.

К сожалению, это была половина, противоположная той, на которой находилось изображение кукольника, и, чтобы смотреть одновременно в обе стороны, одной головы было мало. На темной стороне купола вспыхнули многочисленные звезды, среди них сиял небольшой ярко-белый диск. Он был окружен кольцом. Луис Ву разглядывал увеличенную голограмму, точную копию той, что была у него в кармане.

Сам диск весьма походил на Солнце, как оно выглядит с орбиты Юпитера. Кольцо было большого ди-

аметра, но узкое, немногим шире, чем находящийся в центре яркий источник света. Его ближняя часть была черной и имела острые края, зато дальняя напоминала растянутую в космосе бледно-голубую ленту.

Луис, правда, потихоньку привыкал к чудесам, но еще не настолько спятил, чтобы провозглашать какие-нибудь идиотские теории. Вместо этого он сказал:

— Это похоже на звезду, окруженную кольцом. А на самом деле?

— Это и есть звезда, окруженная кольцом. Кольцо искусственного происхождения.

Тила хлопнула в ладоши и радостно рассмеялась. Через некоторое время она справилась с собой, только глаза сверкали, как два огонька. Луис отлично понимал ее, он и сам испытал такую же радость. Окруженное кольцом солнце стало его личной игрушкой, совершенно новой штучкой в старой доброй Вселенной.

(Берется пятьдесят футов светло-голубой ленты шириной в дюйм — такой обвязывают подарки под елкой. В центре пустого стола ставится горящая свеча, после чего ее окружают поставленной на ребро лентой так, чтобы ее внутренняя сторона отражала свет пламени.)

Хвост кзина размеренно колотил по полу.

(Только это была не свеча, а самое настоящее большое солнце!)

— Вы уже знаете, что двести четыре земных года мы летим на север Галактики, точно вдоль ее оси. По вашей системе времени это будет...

— Знаю, двести семнадцать лет,— прервал его кзин.

— Верно. Все это время мы, разумеется, наблюдали за расстилающимся перед нами космосом в поисках возможных опасностей. Нам давно было известно, что звезда EC-1752 окружена необычно плотным кольцом материи, и подозревали, что оно состоит из камня или замерзших газов. Нас только удивляла его необыкновенная правильность.

Примерно девяносто дней назад флот наших планет занял положение, из которого было четко видно, что это кольцо имеет совершенно ровные острые края. Дальнейшее изучение позволило со всей определенностью установить, что состоит оно не из газов и не из остатков астероидов: это монолитная конструкция огромной прочности. Вполне естественно, что мы испугались.

— На основании чего вы оценили его прочность? — спросил Говорящий.

— Анализ спектра и другие точные измерения позволили нам установить разницу относительных скоростей. Кольцо вращается вокруг своего солнца со скоростью семьсот семьдесят миль в секунду, благодаря чему создает силу, противодействующую притяжению звезды, а также дополнительное ускорение порядка девять целых, девяносто четыре сотых метра в секунду. Очевидно, что конструкция, выдерживающая такие огромные напряжения, невероятно прочна!

— Сила тяжести...— задумчиво протянул Луис.— Она должна быть там немного меньше, чем на Земле. На внутренней поверхности кто-то живет. Да-а-а...— Он замолчал, чувствуя, как его волосы поднимаются дыбом.

Воцарилась тишина, в которой слышался только свист рассекающего воздух хвоста кзина.

Не первый раз люди встречали лучших, чем они. Но до сих пор им везло...

Неожиданно Луис встал и подошел к проекции. Это ничего не дало: кольцо удалялось от него, пока Луис не коснулся гладкой стены. Тем не менее он сумел разглядеть одну деталь, на которую прежде не обратил внимания: голубая лента была равномерно усеяна прямоугольными пятнами тени.

— Нельзя ли увидеть лучшее изображение?

— Мы можем его увеличить.

Звезда двинулась прямо на Луиса, прошла где-то справа и исчезла.

Теперь он видел только освещенную внутреннюю поверхность кольца. Несмотря на нечеткость картины, можно было догадаться: светлые, почти белые пятна — это облака, темно-голубые — суша, а светло-голубые — океаны. И тени: широкая полоса голубизны, узкая тень, широкая полоса голубизны... и все сначала.

— Эти тени берутся ниоткуда,— буркнул он.— Что-то на орбите?

— Верно. Двадцать объектов в форме прямоугольников. Мы еще не выяснили их назначение.

— И не выясните. Вы слишком долго обходились без своего солнца. Благодаря этим прямоугольникам на кольце происходит смена дня и ночи. Иначе там всегда был бы полдень.

— Сам видишь, почему нам необходима ваша помощь. Вы на все смотрите с другой точки зрения.

— Угу. А насколько велико кольцо? Вы детально изучили его? Посылали какие-нибудь зонды?

— Мы изучили его настолько детально, насколько это было возможно без уменьшения нашей скорости и привлечения к себе внимания. Конечно, мы не посылали никаких зондов. Ими пришлось бы управлять на гиперволнах, а это выдало бы наше положение.

— Но ведь обнаружение источника гиперпространственной волны даже теоретически невозможно!

— У тех, кто построил кольцо, могут быть и не такие возможности.

— Гмм...

— Мы изучали кольцо с помощью всех доступных нам инструментов.— Картина начала изменяться, расцвечиваясь разными красками.— У нас есть снимки, а также голограммы во всех диапазонах электромагнитных волн. Если это тебя интересует...

— На них видно не так уж много.

— Действительно. Слишком велико искажение света гравитационными полями, а кроме того, солнечный ветер и облака пыли...

— Значит, в сумме вам удалось увидеть очень мало.

— Я бы так не сказал. И еще кое-что: кольцо задерживает почти сорок процентов нейтрино.

Луис протяжно свистнул.

Это действительно было КОЕ-ЧТО.

Обычная материя, даже чудовищно сжатая в ядре звезды, не в состоянии задержать ни одного нейтрино. Слой свинца толщиной в несколько световых лет задержал бы, пожалуй, одно. Любой предмет, находящийся в статическом поле Славера, отражал все нейтрино. Точно так же действовали и корпуса «Дженерал Продактс». Однако ничто не задерживало сорок процентов нейтрино, пропуская остальные шестьдесят.

— Это необычно,— признал Луис.— Насколько велико это кольцо? Сколько оно весит?

— В граммах его масса составляет два на десять в тридцатой степени, радиус в милях — ноль целых, девяносто пять сотых на десять в восьмой степени, а ширина — неполные десять в шестой степени.

Луис не очень хорошо представлял абстрактные величины, поэтому решил перевести их в более понятные для себя числа. Его сравнение с поставленной на ребро цветной лентой оказалось совершенно верным. Диаметр кольца составлял более девяноста миллионов миль, длина — шестьсот миллионов, а ширина от края до края — неполный миллион миль.

— Не так уж и много. Такая огромная штука должна, пожалуй, иметь массу крупного солнца.

— Это то же самое, что заставить миллиарды существ жить на тверди не толще алюминиевой фольги,— вступил в дискуссию кзин.

— Все не совсем так, как вы говорите,— ответил кукольник.— Если бы конструкция кольца была сделана из того же металла, из которого собраны корпуса наших кораблей, оно имело бы толщину в пятьдесят футов.

Тила, глядя в потолок, быстро зашевелила губами.

— Точно,— сказала она наконец.— Только... зачем все это? Для чего и кому это нужно?

— Для пространства.

— Пространства?

— Для жизненного пространства,— с нажимом повторил Луис.— Только ради этого и ни для чего другого. Шестьсот миллиардов квадратных миль — это в три миллиона раз больше Земли. Это примерно то же, что сделать карты трех миллионов планет в масштабе один к одному и соединить их края. Три миллиона планет, до которых можно дойти пешком! Это должно исключить проблему перенаселенности. А у хозяев кольца она действительно была! Такие вещи не делают от скуки или ради развлечения.

— Кстати,— вставил кзин.— Хирон, вы обыскали ближайшие системы? Там нет колец?

— Да, но...

— ...Не нашли ни одного. Так я и думал. Если бы у них был гиперпространственный двигатель, они заселили бы другие системы. Зачем тогда сооружать кольцо? Именно поэтому оно существует в единственном экземпляре.

— Верно.

— Что ж, это уже лучше. Значит, по крайней мере в одном мы имеем над ними преимущество.— Кзин вскочил со своего места.— Мы должны изучить поверхность кольца.

— Посадка — это большой риск...

— Ерунда. Должны же мы опробовать корабль, который вы для нас приготовили. Его посадочные системы достаточно универсальны? Когда мы сможем отправиться?

Из обоих гортаней Хирона вырвался удивленный диссонирующий свист.

— Да ты просто безумец! Подумай, какой мощью должны обладать те, на чье творение ты смотришь!

Рядом с ними даже моя раса выглядела бы, как сборище варваров!

— Или трусов.

— Как хочешь. Осмотрите ваш корабль, когда вернется тот, кого вы называете Несс. Но до этого вам предстоит узнать еще много вещей.

— Ты испытываешь мое терпение,— сказал кзин, но все же вернулся на место.

«Ну ты и лгун,— подумал Луис.— Прекрасно сыгранная роль, я горжусь тобою».

Он чувствовал неприятную тяжесть в желудке. Голубая лента висела между звездами, а человек в очередной раз встретил лучших, чем он сам.

Первыми были кзины.

Когда люди впервые использовали в своих кораблях термоядерный двигатель, военный флот кзинов уже давно пользовался поляризаторами гравитации. Поэтому их корабли были гораздо быстрее и маневреннее. Военные действия замедлялись сопротивлением людей и непреодолимым барьером скорости света. Они длились десятилетиями, однако рано или поздно кзины выиграли бы эту войну, если бы на маленькой земной колонии Уимейдит не приземлился корабль Внешних. Губернатор купил у них, разумеется, в кредит, чертежи гиперпространственного двигателя. После этого у кзинов не осталось никаких шансов.

Человечеству отчаянно везло. Трижды встречало оно расы с превосходящим технологическим развитием. Кзины уничтожили бы людей, если бы не гиперпространственный двигатель Внешних. В свою очередь Внешние не хотели ничего, кроме информации и места для баз, да и то покупали, а не захватывали. Впрочем, Внешние слишком плохо переносили тепло и тяготение, чтобы вести войну. Кукольники же, могучие сверх всякой меры, были слишком трусливы.

Кто же сделал Кольцо? Может быть, раса... воинов?

Спустя несколько месяцев Луис понял, что это был переломный момент в его жизни. Даже в цифровом выражении Кольцо было достаточно пугающим. Приблизиться же к нему и совершить посадку... Луис заметил, насколько испугали кзина летающие планеты кукольников. Ложь Говорящего была настоящим подвигом. Неужели он, Луис, мог теперь показать себя трусом? Бросив взгляд на Тилу, он мысленно выругался. Ее лицо выражало только восторг и удивление. Ее энтузиазм был столь же искренен, сколь лжива отвага кзина.

Над внутренней поверхностью кольца была атмосфера. Анализ спектра показал, что ее плотность и состав близки к земной: там могли дышать и человек, и кзин, и кукольник. Откуда она взялась и как удерживалась, оставалось тайной. Нужно было просто полететь и проверить.

Вокруг звезды типа С2 не было ничего, кроме Кольца,— никаких планет, астероидов или комет.

— Хорошо подчистили,— заметил Луис.— Не хотели, чтобы Кольцу что-то угрожало.

— Конечно,— согласился кукольник.— Если бы что-то столкнулось с Кольцом, это произошло бы на скорости минимум семьсот семьдесят миль в секунду. Какой бы ни была твердость и прочность материала, всегда есть опасность повреждения внутренней, населенной стороны.

— Пожалуй, нам понадобятся термические скафандры,— сказал Говорящий с Животными.

— Нет,— ответил Хирон.— Температура на внутренней поверхности вполне терпима.

— Откуда ты это знаешь?

— Инфракрасное излучение...

— Я произвожу впечатление невежды?

— Вовсе нет. Мы уже какое-то время изучаем Кольцо, а ты узнал о нем всего несколько минут назад. На

основании инфракрасного излучения можно предположить, что температура внутренней стороны составляет около двухсот девяноста градусов по абсолютной шкале. Для Луиса и Тилы это оптимум, для тебя же на десять градусов больше.

— Вы не знаете ничего о форме поверхности?

— К сожалению, нет. Разрешающая способность наших приборов слишком мала.

— Как по-вашему, они из этой системы? — вставила Тила.

— Мы полагаем, что да, поскольку у них нет гиперпространственного двигателя,— ответил Хирон.— Но, конечно, они могли перевести свою планету в другую систему, используя ту же технику, что и мы.

— Скорее всего так они и сделали,— сказал кзин,— ведь иначе при строительстве Кольца им пришлось бы уничтожить всю свою систему. Думаю, их родную систему можно найти неподалеку, точно так же освобожденную от планет, как и эта. Сначала они, конечно, заселили все подходящие планеты и только потом решились на такой отчаянный шаг.

— Отчаянный? — повторила Тила.

— Закончив строительство Кольца, они просто перевели на него все населенные планеты.

— А может, и нет,— заметил Луис.— Для перевозки людей хватило бы больших кораблей.

— Почему отчаянный? — не унималась Тила.

Все посмотрели на нее.

— Я думала, они построили его потому... потому...— она заколебалась.— Потому, что хотели.

— Ради развлечения? Ради красивых пейзажей? Подумай, сколько для этого требуется энергии и материалов. И одновременно на них постоянно давила проблема перенаселенности. Когда, наконец, единственным решением стало Кольцо, они наверняка не могли себе этого позволить. И все-таки построили, потому что крайне нуждались в нем.

Тила задумчиво хмыкнула.

— Возвращается Несс,— объявил Хирон и исчез в кустах.

7. ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ

— Да, учтивым его не назовешь — заметила Тила.

— Он явно не хотел встречаться с Нессом. Кукольники считают его безумным.

— Они все изрядно повернутые.

— Ну, они так не думают. Это вовсе не значит, что ты не права. Все еще хочешь лететь?

Тила ответила ему таким же взглядом, каким одарила во время попыток объяснить, что такое «бешенство сердца».

— Значит, хочешь,— печально констатировал Луис.

— Конечно. Да и кто бы не хотел? Почему только кукольники так боятся?

— Они трусы,— сказал кзин.— Но зачем тогда им узнавать о Кольце что-то новое? Его строители наверняка не знают гиперпространственного двигателя и, следовательно, не представляют для кукольников опасности. Какую роль во всем этом должны сыграть мы, не понимаю...

— Ничего удивительного.

— Это оскорбление?

— Что? Нет, конечно, нет. Я только хотел сказать, что это у нас проблема с перенаселенностью, а не у вас. Откуда же вам это понимать?

— Пожалуй, верно. Тогда объясни, если можешь.

Луис огляделся по сторонам в поисках Несса.

— Несс объяснил бы это лучше меня. Ну что ж, делать нечего. Представь себе миллиард кукольников, живущих на этой планете. Сможешь?

— Да, этот запах! При одной мысли о них у меня все начинает чесаться...

— А теперь представь их себе на Кольце. Что, уже лучше?

— Г-м... Имея в распоряжении столько места... Но это бессмысленно. Думаешь, кукольники планируют вооруженное нападение? Да и как им потом перебраться на Кольцо? Ты же знаешь, что они не доверяют космическим кораблям.

— Это действительно проблема. Кроме того, они же не сражаются. Но дело тут не в этом. Вопрос звучит так: опасно ли Кольцо?

— Р-р-р...

— Понимаешь? Может, они хотят построить свои собственные Кольца? А может, надеются, что там, в Магеллановых Облаках, найдут пустые Кольца, ждущие заселения? Это вовсе не обязательно, но вполне возможно, и прежде, чем решиться на что-то, они должны знать, до какой степени это безопасно.

— Вот и Несс.— Тила подошла к невидимой стене.— Он выглядит, словно пьяный. Интересно, кукольники пьют?

Несс не спешил, как обычно, а двигался шаг за шагом на кончиках своих копыт, с преувеличенной осторожностью огибая каждую преграду. Его головы вертелись во все стороны, окидывая местность испуганным взглядом. Он был всего в нескольких шагах от купола, когда что-то похожее на большую черную бабочку село ему на спину. Несс заорал, как перепуганная женщина, и сделал рекордный прыжок с места вверх. Упав, он прокатился несколько футов и замер, свернувшись в клубок.

Луис уже мчался к нему.

— Депрессивная фаза цикла! — крикнул он через плечо. Благодаря хорошей памяти и капле везения он попал на выход из купола с первого раза и через секунду был уже снаружи. Оказывается, эти роскошные растения пахли, как кукольники. (Если вся жизнь на планете основывалась на одних и тех же элементах, то

каким же образом Несс усваивал теплый морковный сок?) Луис миновал ярко-оранжевый куст и присел около кукольника.

— Это я, Луис,— сказал он.— Ты в безопасности.

Он вытянул руку и стал осторожно гладить спутанную гриву кукольника.

— Это было что-то опасное? То, что село на тебя?

— Нет.— Чарующее контральто звучало немного приглушенно, но все равно прекрасно.— Это был просто... опылитель цветов.

— Как прошла встреча с Теми-Которые-Правят?

Несс нервно вздрогнул.

— Я выиграл.

— Отлично. А что ты выиграл?

— Право на размножение и партнеров.

— И потому ты так боишься? — «Это не так уж невозможно. Несс вполне может быть чем-то вроде самца Черной Вдовы, для которого любовь равняется смертному приговору... или же нервного девственника, а возможно, и девственницы — кто его знает, какого он пола?»

К ним подошли Тила и кзин. Луис все это время гладил растрепанную гриву, но кукольник не шевелился.

— Те-Которые-Правят,— наконец заговорил он,— обещали дать мне право на потомство, конечно, если я вернусь из экспедиции. Но... Чтобы иметь потомство, нужно найти партнеров. А кто по собственной воле соединится с безумным кукольником? Мне пришлось блефовать. «Найдите мне партнера,— сказал я,— или я откажусь участвовать в экспедиции. А если откажусь я, то же самое сделает кзин». Это привело их в ярость.

— Представляю! Ты, наверное, был в соответствующем состоянии.

— Я специально довел себя до него и угрожал разрушить все их планы.

Они уступили. «Должен найтись доброволец,— заявил я,— который решится стать моим партнером».

— Отлично. Ты здорово их разыграл. И что, нашелся таковой?

— Те-Которые-Правят...

— Почему ты не скажешь просто «предводители» или «правители»? — прервала его Тила.

— Я стараюсь как можно точнее передать смысл наших терминов,— ответил кукольник.— Вообще-то это нужно переводить так: «Те-Которые-Правят-Сзади». Среди них избирается предводитель или Говорящий-За-Всех... В точном переводе его титул «Лучше-Всех-Спрятанный». Так вот, именно Лучше-Всех-Спрятанный согласился стать моим партнером. Он сказал, что не может требовать такой жертвы ни от кого другого.

Луис протяжно свистнул.

— Да... Ладно, успокойся, все уже позади.

Обе головы Несса дружно вздохнули.

— Только вот одна, ну, в общем, мелочь — местоимение,— продолжал Луис.— Теперь либо о тебе, либо о Лучше-Всех-Спрятанном я должен начать думать как о НЕЙ, а не о НЕМ.

— Это крайне неделикатно с твоей стороны, Луис. С представителем чужой расы не говорят о вопросах пола.— Одна питонья голова неодобрительно уставилась на Луиса.— Например, вы с Тилой не стали бы спариваться в моем присутствии, правда?

— Интересно, что однажды мы обсуждали эту тему...

— Я оскорблен,— заявил кукольник.

— Но чем же? — воскликнула Тила, и голова мгновенно нырнула в безопасное укрытие.— Ну, успокойся же! Ведь я тебе ничего не сделаю.

— Действительно?

— Конечно. Я считаю, что ты умница и прелесть.

Кукольник распрямился.

— Мне показалось или ты действительно назвала меня умницей и прелестью?

— Ага.— Она посмотрела вверх на оранжевое тело кзина и великодушно добавила: — И ты тоже.

— Я бы не хотел, чтобы ты обиделась,— сказал кзин,— но никогда больше так не говори. Никогда.

На лице Тилы появилось выражение искреннего удивления.

Парк окружала оранжевая изгородь высотой футов десять с безвольно свисающими зеленовато-синими щупальцами. Судя по их виду, когда-то изгородь была плотоядной.

Несс решительно направился к ней. Луис ожидал, что в изгороди вот-вот появится какой-то проход, поэтому буквально окаменел, заметив, что тот идет прямо на оранжевую стену. Стена расступилась, пропустив кукольника, и тут же сомкнулась снова. Остальные, не колеблясь, последовали за ним. Мгновение назад небо над их головой было светло-голубым, но стоило им оказаться по другую сторону, оно стало черно-белым. На черном фоне вечной ночи сверкали подсвеченные огнями города белые облака.

Итак, перед ними — город.

На первый взгляд единственным, что отличало его от земных городов, были здания. Они оказались больше, однообразнее и почти доставали до неба. Казалось, освещенные окна и балконы поднимаются вверх, чтобы где-то на страшной высоте закончиться линией того, что было здесь горизонтом, а находилось почти в зените. Однако, как получалось, что город не занял кусочек неба над парком? Луис решил, что парк окружает целая система полей, искривляющих свет, однако спрашивать не стал — это было самое маленькое из чудес планеты кукольников.

— Наш корабль находится на другой стороне острова,— сказал Несс.— С помощью трансферных дисков мы можем добраться туда за минуту. Я покажу вам.

— Ты уже пришел в себя?

— Все в порядке, Тила. Как сказал Луис, худшее уже позади.— Кукольник слегка подпрыгивал в нескольких метрах от них.— Я буду заниматься любовью с Лучше-Всех-Спрятанным. Вот только вернусь с Кольца...

Тропа была мягкой и удобной. Она походила на бетонную, но пружинила под ногами, словно влажная земля. Наконец, они добрались до конца необычайно длинной стены и оказались на чем-то вроде перекрестка.

— Идем туда,— Несс указал прямо перед собой.— Только не становитесь на первый диск.

Посреди перекрестка находился большой голубой четырехугольник, на каждой из его сторон, прямо напротив выходов улиц, виднелся голубой диск. Несс обошел ближайший диск, пересек по диагонали четырехугольник, взошел на диск по другую сторону и исчез.

Мгновение никто не шевелился, потом Тила испустила дикий крик торжествующего вампира, вбежала на тот же диск и тоже исчезла.

Говорящий фыркнул что-то на Языке Героев и прыгнул. Ни один тигр не сумел бы прицелиться лучше. Луис остался один.

— Что за?.. У них открытые трансферные кабины.

Он последовал за своими спутниками и оказался в голубом квадрате на следующем перекрестке, между кукольником и кзином.

— Твоя партнерша вырвалась вперед,— пояснил Несс.— Надеюсь, она подождет нас.

Кукольник сошел с квадрата и через три шага оказался на другом диске. И снова исчез.

— Здорово придумано! — восхищенного восклицания Луиса никто не слышал, поскольку кзин последовал за Нессом.— Просто идешь — и все. Три шага и прыжок. И можно прыгать так далеко, как захочешь. Чудеса!

Это было так, будто на ногах семимильные сапоги: через каждые три шага пейзаж вокруг менялся. Круглые знаки на углах зданий оказались адресными кодами, и любой легко мог сориентироваться, где он находится. Вдоль улиц тянулись шеренги витрин, которые Луис был бы не прочь осмотреть. А может, это были вовсе не витрины, а что-то другое? Однако все остальные значительно опередили его, и он ускорил шаги, пытаясь их догнать.

Через некоторое время он оказался лицом к лицу со своими спутниками.

— Я боялся — ты ведь не знаешь, где свернуть,— сказал Несс и вскочил на диск слева.

— Подождите...— но кзин тоже исчез. Где, черт побери, Тила?

Наверняка где-то впереди. Луис сделал шаг влево...

Семимильные сапоги... Город проплывал мимо, словно во сне. Разноцветные трансферные диски действовали на разные расстояния. Одни дальние, на сто миль, в центре города, другие ближние, на каждом перекрестке. С перекрестка на перекресток, из города в город, с острова на остров, с континента на континент... Один шаг, и ты приземляешься в совершенно другом месте. Какими смешными выглядели в сравнении с этим движущиеся тротуары!

В воображении Луиса возник образ гигантского кукольника, высотой в несколько сотен миль, осторожно и грациозно перескакивающего с острова на остров. Даже очень осторожно, ибо, промахнувшись, он мог бы замочить свои копытца... Чудовищный кукольник рос и рос... Теперь он перескакивал уже с планеты на планету...

Наконец диски кончились. Луис стоял на берегу спокойного черного океана, а над горизонтом поднимались четыре огромные луны. На полпути к горизонту миллиардами огней сверкал очередной остров. Кукольник и кзин ждали его.

— Где Тила?

— Понятия не имею,— ответил Несс.

— ..! Где и как ее теперь искать?

— Это она должна нас найти. Беспокоиться не о чем. Когда...

— Она потерялась на чужой планете! Все может случиться!

— Только не здесь, Луис. Во Вселенной нет более безопасного места. Когда Тила доберется до берега острова, она убедится, что диски, которые должны перенести ее на следующий, не действуют. Тогда она пойдет вдоль берега, пока не попадет на нужный, который будет действовать!

— Ты думаешь, речь идет о заблудившемся компьютере? Это двадцатилетняя девушка!

Рядом с ними появилась Тила.

— Привет! Я немного заблудилась. Все в порядке?

Говорящий одарил его насмешливой ухмылкой. Луис, стараясь избежать вопросительно-любопытного взгляда Тилы, почувствовал, что краснеет.

Несс сказал только:

— Идите за мной.

И они пошли. У самого берега Луис заметил коричневый пятиугольник. Они взошли на него...

Теперь они стояли на ярко освещенной скале. Точнее, это был островок размером с частный космодром. Посередине поднималось высокое здание, а недалеко от него — одинокий корабль.

— Вот он,— торжественно объявил Несс.

Тила и Говорящий с Животными были явно разочарованы: уши кзина почти целиком исчезли в оранжевом мехе, а Тила обернулась и взглянула на остров, с которого они только что прибыли. Зато Луис широко улыбнулся, довольный зрелищем. Ему порядком надоели чудеса. Трансферные диски, огромный город, четыре планеты, висящие над горизонтом... все это подавляло. Зато корабль — нет. Это был корпус «Дже-

нерал Продактс» № 2, посаженный на треугольное крыло, из которого торчали знакомые дюзы двигателей. Наконец-то хоть что-то привычное.

Кзин позаботился о том, чтобы благое чувство привычности исчезло так же быстро, как и появилось.

— Если взглянуть на него с точки зрения кукольников, то это довольно странное сооружение. Разве ты не чувствовал бы себя безопаснее, если бы все агрегаты корабля находились под прикрытием корпуса?

— Нет. Этот корабль — нечто совершенно новое. Идемте, я вам покажу.

Замечание кзина было не лишено смысла.

«Дженерал Продактс», корпорация, целиком принадлежащая кукольникам, торговала самыми разными вещами, но главным товаром с незапамятных времен были корпуса космических кораблей. Имелись четыре разновидности: от шара размером с баскетбольный мяч до шара с диаметром больше тысячи футов. Корпус № 3 — цилиндр со скругленными торцами — отлично подходил для универсальных пассажирских кораблей. Именно такой был у «Счастливого Случая», который несколько часов назад доставил их на планету кукольников. № 2 напоминал узкую, заостренную на концах сигару, как правило, он был одноместным.

Корпуса «Дженерал Продактс» свободно пропускали видимый свет, но были непреодолимы для электромагнитной энергии любого другого вида, а также для всех видов материи. Корпорация ручалась за это своей репутацией, а репутация эта пережила уже сотни лет и миллионы кораблей. Корпус «Дженерал Продактс» сам по себе являлся крепчайшей гарантией безопасности. У корабля, стоящего перед ними, был корпус № 2, однако, насколько видел Луис, внутри находились только системы жизнеобеспечения и гиперпространственный двигатель. Остальное: малые и большие плазменные двигатели, навигационная аппаратура, излучатели тяги и тормозные двигатели — размещалось на

большом треугольном крыле. Итак, более половины систем, жизненно необходимых для корабля, располагались вне корпуса. Почему бы не использовать более крупный корпус и не разместить все внутри?

Кукольник подвел их к корме.

— Нам не хотелось нарушать целостность корпуса,— сказал он.

Сквозь прозрачную оболочку Луис заметил толстый пучок кабелей: они выходили наружу и расползались по всему крылу, выглядело все это достаточно сложно. Только потом он заметил двигатель, который мог втянуть всю эту путаницу внутрь, и люк, готовый в любую секунду закрыть отверстие.

— Корпус обычного корабля пришлось бы дырявить во многих местах,— продолжал кукольник.— А в этом — всего два отверстия: входной люк и тот, который вы видите. Через первый входят и выходят пассажиры, а через второй — информация. Оба могут быть в случае необходимости плотно закрыты. Наши инженеры покрыли внутреннюю поверхность корпуса слоем прозрачного проводника, и, когда закрыты оба выхода, создается единая проводящая поверхность.

— Статическое поле,— кивнул Луис.

— Вот именно. В случае опасности вся внутренность корпуса на несколько десятков секунд подвергается действию статического поля Славера, благодаря чему пассажирам не угрожает никакая опасность. Мы не настолько глупы, чтобы доверять устойчивости самого корпуса. Луч лазера, работающего в области видимого света, может без труда пройти сквозь оболочку, убивая пассажиров и не причиняя ни малейшего вреда самому кораблю. То же самое с антиматерией — один корпус тут не поможет.

— Я и понятия не имел об этом.

— Потому, что никто об этом особо не говорит.

Луис присоединился к кзину, который все это время осматривал направленные вниз трубы дюз:

— Зачем столько двигателей?

— Разве люди забыли Урок Кзинов? — фыркнул Говорящий с Животными.

— Гмм... Каждый кукольник, знакомый с историей людей и кзинов, должен об этом знать. Любой привод одновременно является средством уничтожения, с эффективностью, прямо пропорциональной его исправности,— ответил кукольник.

— Теперь понятно, где ты научился пилотировать корабль с плазменным двигателем.

— Полагаю, нет ничего странного, что я получил обычное военное образование,— пожал плечами кзин.

— На случай очередной войны с людьми.

— Может, показать, *чему* меня научили?

— Тебе наверняка представится подобная возможность,— прервал его Несс.— Наши инженеры приспособили систему управления к требованиям кзинов. Хочешь взглянуть?

— Пожалуй, да. Кроме того, мне нужны все данные о пробных полетах, записи приборов и так далее. Вы поставили стандартный гиперпространственный двигатель?

— Да. И никаких пробных полетов не было.

«Это вполне объяснимо,— подумал Луис, когда они подходили к люку. Кукольники построили корабль и поставили его здесь, чтобы мы прилетели и забрали его. Ни один не осмелился бы испытать его». Но куда опять подевалась Тила?

Он уже открыл рот, чтобы спросить об этом вслух, когда девушка возникла из ниоткуда. Она поднялась с ними на борт, но все поглядывала через плечо на сверкающий на горизонте город кукольников.

Луис ждал ее у шлюза, собираясь устроить нагоняй.

— Я так рада, что прилетела сюда! Этот город... он... чудесный! — Она схватила его руки и изо всех сил сжала их.

— Я тоже рад,— Луис крепко поцеловал ее, не о каких упреках не могло быть и речи. Обнявшись, они подошли к пульту управления. Вне всякого сомнения, Тилу Браун никто и никогда не обижал. Она просто не знала, что иногда можно и нужно бояться. Первая боль будет для нее шокирующим и непонятным переживанием. А может и просто уничтожить ее.

Луис Ву решил сделать все, чтобы такое никогда не произошло. Бог не опекает глупцов. Глупцов опекают еще большие глупцы.

Пульт управления явно предназначался для кзина. В ящичках находилось великое множество различных исследовательских инструментов, но среди них не было ничего такого, что напоминало бы оружие. Правда, многие вещи могли бы служить таковым. От внимания Луиса не ускользнули четыре воздушных скутера, столько же реактивных ранцев, приборы для анализа продуктов и проб воздуха, медицинские приборы, фильтры... Кто-то был абсолютно уверен, что этот корабль все-таки где-то приземлится.

А почему бы и нет? Существа, построившие Кольцо, и одновременно запертые как в тюрьме из-за отсутствия гиперпространственного двигателя, вполне могли пригласить к себе... в гости. Может, именно этого и ждали кукольники. Экипаж корабля состоял из представителей трех видов; точнее, четырех, если мужчину и женщину относить к разным видам, а именно так могли воспринимать это и кзин, и кукольник... Таким образом, строители Кольца могли с первой же минуты понять, что разные расы вполне могут мирно сосуществовать. Однако слишком уж много инструментов из снаряжения корабля можно было использовать как оружие.

Они стартовали на инерционном приводе, чтобы случайно не уничтожить островка, и спустя полчаса были

уже за пределами притяжения розетты кукольников. Только тогда Луис осознал, что, кроме Несса и переданного в купол изображения Хирона, им не встретился ни один кукольник.

После перехода в гиперпространство Луис провел более полутора часов, внимательно разглядывая содержимое ящиков. Лучше удивиться сейчас, чем потом, сказал он себе. Однако весь этот арсенал и прочее снаряжение вызвали у него сначала неудовольствие, а потом и дурные предчувствия. Слишком много оружия, и в то же время каждую вещь можно было использовать для чего-то другого. Легкие лазеры... Плазменные двигатели... Когда в первый день полета в гиперпространстве они перебирали имена для своего корабля, Луис предложил назвать его «Отчаянный Лгун». Тила и Говорящий по каким-то своим причинам поддержали его, а Несс по каким-то своим не воспротивился.

Они провели в гиперпространстве целую неделю. Преодолев расстояние в два с половиной световых года, оказались возле желтой звезды типа С2, окруженной голубым кольцом. Дурные предчувствия ни на секунду не покидали Луиса: несомненно, кто-то был уверен, что они все-таки высадятся на Кольцо.

8. КОЛЬЦО

Звезда сияла ослепительным белым светом, напоминая Солнце, если на него смотреть с орбиты Плутона. Однако у этой звезды было едва заметное гало — именно так выглядело Кольцо, наблюдаемое невооруженным глазом. Кзин начал тормозить, используя кроме главных двигателей вспомогательные, и «Лгун» мчался вперед, словно комета. Если бы вдруг исчезла искусственная гравитация, их просто раздавило бы, как тараканов. Однако она действовала отлично, имитируя небольшое тяготение, такое же, как на планете кукольников. Под ногами ощущалась едва заметная

дрожь, а до ушей доносилось низкое гудение. Воздух пахнул озоном и кукольниками.

Несс, который должен был бы корчиться от страха, представляя себе двухсоткратные перегрузки, спокойно сидел вместе со всеми за столом.

— Они наверняка не знают гиперпространственных волн,— рассуждал он.— Это гарантирует математика, на которую опирается их система. Кроме того, гиперпространственная волна является обобщением математики гиперпространственного двигателя, а они его тоже не знают.

— Но они могли открыть его случайно.

— Нет, Тила. Впрочем, мы можем что-нибудь послушать, поскольку все равно заняться нечем. Но...

— Только ждать! — Тила вскочила с места и выбежала из помещения.

В ответ на вопросительный взгляд кукольника Луис пожал плечами. Тила была в отвратительном настроении. Неделя, проведенная в гиперпространстве; всячески поспособствовала этому, а перспектива еще полутора дней полного бездействия поставила ее на грань нервного срыва.

Однако чего она хотела от Луиса? Разве он мог изменить ради нее законы физики?

— Мы должны ждать,— подтвердил со своего места за пультом Говорящий. Скорее всего, он не обратил внимания на тон, которым Тила произнесла это слово.— Никаких гиперволновых передач. Я гарантирую, что обитатели Кольца даже не пытаются связаться с нами. Во всяком случае, не таким способом.

Вопрос установления контакта вырос до ранга главной проблемы. А пока — их присутствие здесь больше всего походило на шпионаж. Однако до сих пор не было доказательств того, что их заметили.

— Я слушаю непрерывно,— сказал кзин.— Если они захотят связаться с нами с помощью, например, электромагнитных частот, я их наверняка услышу.

— Разумеется, речь идет только о том, что нам известно.

— Верно. Многие расы пользовались длиной волны холодного водорода.

— Как, скажем, кдатлино. Они очень ловко обнаружили нас.

— А мы очень ловко их завоевали.

Потом пришла «ночь», а за ней «день», во время которого Луис и Тила пришли к выводу, что не могут больше смотреть друг на друга. «Лгун» повернулся на 180 градусов. Звезда, цель их путешествия, величественно появлялась из-за кормы.

Все столпились за спиной Говорящего, внимательно наблюдая, как кзин включает экран телескопа. Он нашел голубую ленту внутренней поверхности Кольца, коснулся клавиши... и почти сразу разрешилась одна из мучивших их загадок.

— Там что-то на краю! — воскликнул Луис.— Выведи это на экран.

Кольцо становилось все больше, вдоль его края виднелась стена, тянувшаяся перпендикулярно поверхности, в сторону Солнца. Ее можно было назвать низкой, но только в сравнении с размерами Кольца.

— Если его ширина составляет миллион миль,— вслух считал Луис,— то стена должна быть, по крайней мере, в тысячу миль высотой. Что ж, теперь мы знаем, как там удерживается атмосфера.

— Неужели таким способом?

— А почему бы и нет? Центробежная сила создает тяготение. Немного воздуха наверняка уходит, но потерю можно восполнить. Тем более что для строительства стены они должны были овладеть какой-то невероятно дешевой технологией превращения материи.

— Интересно, как это выглядит изнутри.

Говорящий коснулся другой клавиши, и картина начала перемещаться. Увеличение было слишком мало, чтобы разглядеть детали — по экрану замелькали

всевозможные оттенки голубого и синего... Затем появился другой край. На этот раз перед ними была внутренняя сторона стены.

Несс сунул обе головы под лапы кзина и потребовал:

— Дай максимальное увеличение.

Изображение рванулось к ним.

— Горы! — воскликнула Тила.— Как здорово!

Стена оказалась неровной, как разрушающаяся под действием ветра и времени скала, а цветом напоминала Луну.

— Горы высотой в тысячу миль...

— Больше мы ничего не разглядим. Нужно приближаться.

— Сначала попробуем вступить в контакт,— заявил кукольник.— Как проходит торможение?

Кзин проверил данные компьютера.

— Мы сближаемся со звездой со скоростью около тридцати миль в секунду. Это достаточно медленно?

— Да. Начни передачу.

Радиоволны, ультрафиолетовое, инфракрасное, рентгеновское излучение — все нужно было проверить, весь спектр, начиная с температуры внешней поверхности Кольца и кончая теплом, излучаемым звездой. Из крыла «Лгуна» выдвинулись антенны и излучатели, и началась своеобразная бомбардировка внутренней поверхности Кольца.

— Наш компьютер рано или поздно справится с переводом любого сигнала,— сказал Несс.— Можно предположить, что их устройства по крайней мере настолько же хороши.

— А может твой дебильный компьютер перевести полное молчание? — язвительно поинтересовался Говорящий с Животными.

На этом обмен мнениями закончился. Голубая лента бесшумно неслась под кораблем.

Некоторое время в рубке царило глубокое молчание.

— Это наглость! — не выдержал кзин.— Оскорбление! Нас сознательно игнорируют! Провоцируют на атаку!

— Невозможно,— запротестовал Несс.— Если ты не в состоянии обнаружить радиоизлучение, значит, они не пользуются радио. То же самое касается лазеров.

— Не имеют радио, не имеют лазеров, не имеют гиперпространственных волн! Как же тогда они общаются? Телепатией? Гонцами? Зеркалами?

— Попугаи,— подсказал Луис.— Они специально разводят огромных попугаев. Птицы слишком велики, чтобы летать, поэтому сидят на вершинах гор и кричат друг другу.

Кзин повернулся и посмотрел Луису прямо в глаза.

— Четыре часа я пытаюсь установить какой-либо контакт. Четыре часа меня совершенно игнорируют — ни слова, ни сигнала. Мой мех растрепался и поблек, глаза слезятся, а микроволновая кухня подогревает все до одной и той же температуры, и я не знаю, как ее исправить.

— Неужели они растеряли все достижения своей цивилизации? — задумчиво произнес Несс.— Это было бы довольно глупо, принимая во внимание все остальное.

— Может, они просто вымерли,— в голосе кзина чувствовалось крайнее раздражение.— Это тоже было бы глупо. Но самая большая глупость — они не хотят с нами контактировать. Мы сядем и выясним, в чем тут дело.

— Садиться? Туда, где, возможно, произошла катастрофа, унесшая жизни обитателей этого мира? — в ужасе пропел кукольник.— Ты сошел с ума!

— А как еще можно что-нибудь узнать?

— Вот именно! — поддержала кзина Тила.— Не затем мы тащились в такую даль, чтобы теперь летать по кругу.

— Не согласен. Говорящий, продолжай попытки установить контакт.

— Я уже их закончил.

— Значит, начни сначала.

— Нет.

Было самое время, чтобы в разговор включился Луис Ву, прирожденный дипломат.

— Спокойно, наш пушистый друг. Несс, послушай — кзин прав. Обитателям Кольца нечего сказать нам. Иначе они сумели бы найти способ связаться с нами.

— Но что нам остается, кроме дальнейших попыток?

— Нужно заняться своими собственными делами. Дадим им еще время подумать.

Они продолжали полет с черепашьей скоростью. Говорящий направил нос «Лгуна» так, чтобы корабль прошел мимо края Кольца — это была уступка Нессу. Кукольник опасался, что гипотетические жители Кольца могли бы воспринять полет над его внутренней поверхностью как угрозу. Настоял он и на том, чтобы не пользоваться большими плазменными двигателями, поскольку они выглядели как опасное оружие.

Вскоре край Кольца вырос из тонкой линии в огромную черную стену высотой в тысячу миль, лишенную каких-либо деталей, хотя они все равно прошли бы мимо их внимания, размазанные огромной скоростью. В полутысяче миль от них, заслоняя собой четверть неба, чудовищная стена мчалась со скоростью 770 миль в секунду. Спереди и сзади она исчезала, истончаясь до бесконечности, чтобы где-то высоко превратиться в голубую ленту. Глядя на это творение неизвестных технологий, Луис попадал в другую вселенную. Вселенную идеально параллельных линий, прямых углов и других геометрических абстракций. Он, словно загипнотизированный, смотрел в точку, где стена истончалась так, что становилась практически не видна,

а пройдя ее — растекалась ошеломляющей голубизной.

Было это началом или концом? Исчезала ли черная стена в этом месте или же появлялась?

...Что-то мчалось прямо на «Лгуна» — именно из этой точки, из бесконечности. Из стены вырастала острая грань, очередная абстракция, а на ней — ряд черных отверстий, одно возле другого. Луис зажмурился и прикрыл лицо ладонями. Рядом кто-то тихо, испуганно застонал.

Вот-вот должна была прийти смерть, а когда она так и не пришла, он открыл глаза. Отверстия проплывали под ним; каждое из них имело в диаметре не менее пятидесяти миль. Несс лежал, свернувшись в плотный шар. Тила уперлась руками в прозрачную стену корабля и остолбенело таращилась, а Говорящий как ни в чем не бывало сидел за пультом. Вероятно, он единственный из них правильно оценил расстояние... А может, просто делал вид. Этот стон мог вырваться именно из его горла.

Несс развернулся, посмотрел на исчезающие вдали отверстия и сказал:

— Говорящий, уравняй скорость с Кольцом. Мы должны изучить это подробнее.

Центробежная сила — это всего лишь видимость, доказательство существования закона инерции. Реальностью является центростремительная сила, векторы которой складываются под прямым углом с вектором скорости данной массы. Масса же сопротивляется, стремясь двигаться по прямой линии. Именно из-за этой скорости и закона инерции Кольцо проявляло тенденцию к распаду, чему противостояла только его могучая конструкция. «Лгуну», чтобы зависнуть над выбранной точкой, требовалось достичь скорости почти 770 миль в секунду.

Вскоре так оно и случилось. Корабль неподвижно висел возле стены Кольца, а экипаж занялся наблюдением за космическим портом.

Сам порт находился в узкой щели, такой узкой, что при первом взгляде ее нелегко было заметить. Только когда кзин направил «Лгуна» вниз, оказалось, что в ней свободно разместились два огромных корабля. Это были цилиндры с несколько сплюснутыми носами — совершенно чужая конструкция, но можно было догадаться, что двигатели у них термоядерные. Один из них был частично демонтирован, и его внутренности выставлены под любопытные взгляды. В корпусе второго, нетронутого корабля отраженным светом звезд сверкали окна. Тысячи окон. Этот корабль был по-настоящему большим. И совершенно темным. Быть может, существам, которые им пользовались, не требовался свет, но Луису Ву показалось, что порт уже давно покинут.

— А зачем эти отверстия? — спросила Тила.

— Электромагнитные пушки,— машинально ответил Луис.— Для стартов.

— Нет,— отрезал Несс.

— Что?

— Скорее, для посадок. Я даже могу сказать, как это выглядело. Корабль выходил на орбиту прямо над стеной, скажем, в двадцати пяти милях от ее поверхности, после чего выключал двигатели. Линии электромагнитных волн, излучаемые вращающимися вместе с Кольцом пушками, вскоре сообщали ему скорость 770 миль в секунду. Только тогда корабль снижался и садился. Этот метод делает честь строителям Кольца — ведь опасность, которую несла с собой каждая посадка, была сведена до минимума.

— Но ведь пушки могли использовать и для стартов.

— Нет. Обрати внимание на конструкцию слева.

— О!..

«Конструкция» оказалась шлюзом, достаточно большим, чтобы в нем разместился любой из кораблей. Итак, ничего больше и не требовалось: каждая точка на внешней поверхности Кольца мчалась вперед со

скоростью 770 миль в секунду, поэтому для старта достаточно было просто вытолкнуть корабль в пространство, а там пилот мог сразу включать основные двигатели.

— Порт выглядит совершенно покинутым,— сказал кзин.

— А как с энергией?

— Приборы ничего не чувствуют. Никакой электромагнитной активности, никаких пятен тепла. Но, разумеется, могут действовать устройства, потребляющие так мало энергии, что наши приборы не способны их засечь.

— Выводы?

— Все устройства порта могут находиться в полной исправности. Мы можем проверить это, входя в сферу их действия и готовясь к посадке.

Несс мгновенно свернулся в клубок.

— Ничего не выйдет,— заметил Луис.— Все наверняка включается по какому-то строго определенному сигналу, которого мы не знаем. Или реагирует исключительно на корпус из металла. Если бы она не перехватила нас в нужный момент, мы могли бы врезаться в порт и устроить немалый переполох.

— Я уже пилотировал корабль в подобных условиях, во время боевых маневров.

— Когда это было?

— Может, слишком давно. Впрочем, не важно. Что ты предлагаешь?

— Заглянуть снизу,— невозмутимо произнес Луис.

Кукольник тут же выставил наружу обе головы.

Они висели над нижней стороной Кольца.

— Свет,— приказал Несс.

Мощные рефлекторы «Лгуна» светили на пятьсот миль, но даже если их свет доходил до цели, то уже не возвращался: они были сконструированы только для облегчения посадки.

— Ты все еще веришь в ваших инженеров, Несс?

— Я признаю, что они должны были предвидеть такую возможность.

— Придется сделать это за них. Я освещу Кольцо, если ты согласишься использовать для этого плазменные двигатели,— предложил кзин.

— Идет.

Говорящий включил четыре двигателя — два больших, направленных назад, и два поменьше, тормозных. Именно в них он открыл дюзы на всю ширину. Водород проскакивал слишком быстро и, вылетая в пустоту, сгорал еще не до конца, благодаря чему выхлоп, обычно горячий, как ядро Новой, имел теперь температуру желтого карлика. Два потока света озарили черную изнанку Кольца. Она не была гладкой: по всей поверхности виднелись впадины и возвышенности самых разных форм и размеров.

— Я думала, что будет идеально ровно,— сказала Тила.

— Держу пари,— отозвался Луис,— что там, где мы видим углубление, на внутренней стороне поднимается гора, а где возвышенность — море или океан.

Они медленно двигались над фантастическими выпуклостями и впадинами наружной поверхности Кольца, таинственными, но каким-то странным образом приятными для глаза. Зрелище чем-то напоминало поверхность Луны: поднимающиеся в безвоздушную пустоту вершины, острые, четкие границы между светом и тенью. Единственное различие состояло в том, что на Луне всегда можно заметить изрезанный, выгнутый дугою горизонт. Здесь горизонт не был ни изрезанным, ни выгнутым — он тянулся в невообразимой дали идеально прямой, едва заметной на фоне черноты космоса, полосой.

«Как выдерживает это Говорящий?» — неожиданно пришло в голову Луису. Час за часом у рулей корабля, рядом с таинственным колоссом... Он содрогнул-

ся. Постепенно до его сознания начали доходить истинные размеры, действительные масштабы Кольца. Это было не слишком приятное чувство. С трудом он оторвал взгляд от этого невиданного горизонта и устремил его на освещенную поверхность над ними.

— Все моря, похоже, одинаковых размеров,— заметил Несс.

— Я видела несколько маленьких,— Тила торопливо делилась наблюдениями.— А там... Кажется, это река. Да, наверняка. Зато я нигде не видела таких больших океанов.

Морей было много, если, конечно, все выпуклости были морями. Хотя их размеры, что бы ни говорил кукольник, довольно значительно отличались, размещены они были довольно регулярно, так что ни одна область не располагалась слишком далеко от воды. Кроме того...

— Они плоские. У всех морей совершенно плоское дно.

— Действительно,— согласился Несс.

— Значит, мы уже кое-что знаем. Все моря слишком мелкие, следовательно, обитатели Кольца живут на суше, как и мы.

— У всех морей очень сложная форма,— думала вслух Тила.— И развитая береговая линия. Знаешь, что это означает?

— Бухты. Уйма бухт, которыми можно пользоваться.

— Значит, обитатели Кольца, хоть и живут на суше, воды не боятся,— констатировал Несс.— Будь иначе, им не требовалось бы только бухт. Луис, они должны быть очень похожи на человека. Кзины не выносят даже вида воды, а мы очень боимся утонуть.

— Это, должно быть, приятно — создать себе мир, какой хочется,— заметила Тила.

— А твой тебе уже не нравится?

Далеко перед ними что-то появилось. Очень большая выпуклость... даже огромная: свет плазменного

огня не мог осветить ее границ. Если предыдущие были морями, то теперь путешественники видели перед собой океан — настоящего короля среди всех океанов Вселенной. Он тянулся без конца. Дно его уже не было плоским, скорее, напоминало топографическую карту Тихого океана с его многочисленными долинами, уступами и возвышенностями.

— Чтобы сохранить морскую флору и фауну, им требовался по крайней мере один настоящий океан,— Тила продолжала удивлять своей наблюдательностью и способностью к обобщениям.— Океан, может, не слишком глубокий, зато достаточно широкий, чтобы в нем поместилась вся Земля.

— Сейчас нужно провести необходимые замеры. Идеально ли кругло Кольцо? Достаточно малейшего отклонения, чтобы вся атмосфера улетучилась в космос,— предложили головы кукольника, тихо посовещавшись между собой.

— Но нам уже известно, что она не улетучивается. А о том, есть ли какие-нибудь отклонения, можно узнать, изучая размещение воды на внутренней поверхности.

— Ну ладно,— сдался Несс.— Но сначала долетим до другого края.

Тут и там виднелись метеоритные кратеры. Луис подумал, что строители Кольца недостаточно чисто прибрали свою Солнечную систему. Впрочем, нет, это невозможно — метеориты наверняка пришли из-за пределов системы, из межзвездного пространства. Один из кратеров, исключительно глубокий, как раз проплывал над ними, и на его дне Луис заметил что-то блестящее. Это наверняка была «основа» Кольца, сделанная из вещества настолько плотного, что оно задерживало 40% нейтрино. И, конечно, необычайно прочного. Над ним находился слой почвы, моря, города и, наконец, воздух. Далеко в стороне, глядя вдоль едва заметной кривизны Кольца, Луис заметил какое-то

углубление. Большое, можно сказать, огромное, если его удалось разглядеть даже в слабом свете звезд. Вероятно, туда тоже ударил метеорит, подумал Луис, не удостоив углубление особым вниманием. Его разум, еще не привыкший к масштабам Кольца, не мог оценить, каким большим был этот метеорит.

9. ЧЕРНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ

Из-за края Кольца вынырнуло ослепительно белое солнце. Кзин включил поляризацию кабины, и Луис смог рассмотреть диск звезды. Часть ее закрывал черный прямоугольник.

— Нужно быть очень внимательными,— предупредил Несс.— Если мы надолго задержимся над внутренней поверхностью Кольца, то наверняка будем атакованы.

— Атакованы — чем? Ведь у них нет даже порядочной передающей станции! — прохрипел в ответ Говорящий. После долгих часов за пультом управления он изрядно устал.

— Мы ничего не знаем о том, как они пересылают информацию. Может, используют телепатию, а может — вибрацию почвы или проводную связь. Так же мало нам известно об их вооружении. Если они решат, что наш корабль представляет собой огромную опасность, то наверняка используют против нас все, чем располагают.

Луис кивнул. Осторожность не принадлежала к основным чертам его характера, но сейчас кукольник был прав.

Малейшая авария привода — и мощная центробежная сила с огромной скоростью швырнет корабль на заселенные районы. В таком случае «Лгун» будет представлять собой не что иное, как метеорит, к тому же очень большой. Жители Кольца наверняка опасались

метеоритов: даже через одно отверстие в его конструкции вся атмосфера мгновенно утечет наружу.

Говорящий с Животными повернулся, и его лицо оказалось прямо против голов кукольника.

— Тогда говори, что делать.

— Сначала притормози до орбитальной скорости.

— А потом?

— Ускоряйся в направлении Солнца. Так мы успеем осмотреть внутреннюю часть Кольца. Наша цель — черные прямоугольники.

— Излишняя осторожность абсолютно не нужна и оскорбительна. Да и черные прямоугольники нас совершенно не интересуют.

Усталый и голодный, Луис не испытывал ни малейшего желания играть роль арбитра. Словесный поединок продолжался.

— Интересуют, и даже очень,— ответил Несс.— Их поверхность перехватывает больше солнечного света, чем само Кольцо. Не исключено, что это чрезвычайно эффективные термоэлектрические генераторы.

Кзин фыркнул что-то чудовищно оскорбительное на Языке Героев, однако на интерлингве его ответ оказался более чем спокойным:

— Не понимаю, какое нам дело до источников энергии, которыми располагает Кольцо? Зачем ломать голову, или головы — как в твоем случае, давай сядем, найдем какого-нибудь туземца и расспросим его об этом!

— Я не согласен на посадку.

— Ты сомневаешься в моих способностях пилота?

— А ты сомневаешься в моих полномочиях командира?

— Раз уж ты сам затронул этот вопрос...

— Не забывай, что у меня по-прежнему есть тасп. Я распоряжаюсь «Счастливым Случаем» и гиперпространственным приводом Квантум II, и я Лучше-Всех-Спрятанный на этом корабле. Помни, что...

— Хватит,— прервал его Луис.— Вы слишком рано начали ссориться. Почему бы не осмотреть прямоугольники в телескоп? Тогда вы вооружитесь фактами, которыми можно будет бросаться друг в друга и получать от этого столько удовольствия!

Головы Несса быстро переглянулись. Кзин выпускал и втягивал когти.

— А теперь поговорим о более приятных вещах,— продолжал Луис.— Я лично собираюсь часок вздремнуть. Советую и вам сделать то же самое.

— Но ведь мы будем пролетать над внутренней поверхностью Кольца! — удивленно воскликнула Тила.

— Потом поделишься впечатлениями.

Луиса разбудил голод — такой сильный, что кружилась голова. Он сделал себе громадный бутерброд и только потом направился в рубку.

— Ну как?

— Все уже кончилось,— холодно ответила Тила.— Космические чудовища, черти, драконы, причем одновременно. Говорящий дрался с ними голыми руками. Тебе это наверняка понравилось бы.

— А Несс?

Тот мгновенно наполнил рубку переливами своего чарующего голоса.

— Мы с Говорящим решили, что летим к черным прямоугольникам. Говорящий лег спать.

— Есть что-то новое?

— Немного. Сейчас покажу.

Кукольник умело управлялся на месте кзина. Зрелище на экране напоминало поверхность Земли с большой высоты: горы, реки, долины, озера, огромные пятна, которые могли быть пустынями.

— Пустыни?

— Похоже. Говорящий замерил температуру и влажность. Все указывает на то, что Кольцо — по крайней мере частично — вышло из-под контроля своих создателей. Зачем им могли понадобиться пустыни? По

другую сторону мы открыли еще один океан, такой же большой, как и первый. Изучение спектра позволило сделать вывод, что вода соленая.

Твое предложение воспользоваться телескопами оказалось весьма разумным,— продолжал Несс.— Хотя Говорящий и я — профессиональные дипломаты, ты, пожалуй, лучше нас обоих. Когда мы направили телескоп на прямоугольники, кзин тут же согласился лететь туда.

— И почему же?

— Мы заметили кое-что странное. Эти прямоугольники движутся со скоростью гораздо больше орбитальной.

Луис едва не подавился.

— Это не так уж невозможно,— ответил самому себе кукольник.— Они могут кружить вокруг солнца по эллиптической орбите, а не по круговой. Им вовсе не обязательно выдерживать постоянное расстояние.

Луис наконец проглотил кусок, застрявший в горле.

— Но это же безумие! Постоянно менялась бы продолжительность дня и ночи!

— Поначалу мы решили, что речь идет о разделении зимы и лета,— вставила Тила,— но это тоже не имело смысла.

— Конечно, нет. Прямоугольники совершают один оборот за неполный месяц. Кому нужен год, который длится три недели?

— Значит, ты понимаешь, в чем заключается проблема,— сказал Несс.— Это аномалия была слишком мала, чтобы заметить ее из нашей системы. В чем же дело? Может, вблизи звезды резко возрастает гравитация? Как бы то ни было, черные прямоугольники заслуживают того, чтобы заняться ими вплотную.

Кзин выбрался из своей каюты и заменил Несса у пульта. Вскоре после этого он вышел из рубки. Встретившись взглядом с налитыми яростью глазами Гово-

рящего, Кукольник, задрожав всем телом, начал отступать.

— Итак,— вздохнул Луис.— В чем дело на этот раз?

— Это травоядное...— начал Говорящий, но слова словно застряли у него в горле. Он откашлялся и начал еще раз.— Этот шизофреник вывел нас на траекторию, требующую минимального расхода топлива. Такими темпами мы доберемся до пояса прямоугольников через четыре месяца.

И кзин начал ругаться на Языке Героев.

— Ты сам выбрал эту траекторию,— слабо запротестовал Несс.

— Я хотел постепенно выйти из плоскости Кольца, чтобы присмотреться к его поверхности,— возбужденно ответил кзин.— Потом мы могли бы сразу двинуться к прямоугольникам и добрались бы до них за несколько часов вместо месяцев!

— Не кричи на меня, Говорящий. Если бы мы использовали полную тягу, наша траектория уперлась бы прямо в Кольцо. Я хотел избежать этого.

— Но ведь мы можем нацелиться на солнце,— заметила Тила.

Все повернулись к ней.

— Если жители Кольца боятся, что мы на них свалимся, они, конечно, не упускают нас из поля зрения,— спокойно объяснила она.— Когда расчетная трасса нашего полета будет направлена прямо на солнце, мы перестанем представлять для них опасность. Понимаете?

— Совсем не глупо,— буркнул кзин.

Кукольник сделал жест, заменявший у него пожатие плечами.

— Пилот — ты. Делай, как знаешь, но не забывай...

— Не бойся, я не собираюсь пролетать сквозь солнце. В подходящий момент я перейду на орбиту, параллельную прямоугольникам.

Сказав это, кзин отправился в рубку. Отступление в нужный момент было искусством, которым владели немногие кзины.

Некоторое время корабль летел параллельно Кольцу; кзин, послушный приказам кукольника, не включал основных двигателей. Затем он погасил орбитальную скорость, так что «Лгун» начал падать к солнцу, а потом повернул его носом в направлении полета и начал ускорение.

Внутренняя поверхность Кольца выглядела теперь как широкая голубая лента, испещренная многочисленными синими и белыми пятнами. Даже быстрого взгляда хватало, чтобы заметить, как быстро она удаляется.

Кзин снова вышел из рубки.

— Через четырнадцать часов мы выйдем на орбиту черных прямоугольников. Я хочу сказать тебе кое-что, Несс. Мы, воины Патриарха, с детства обучаемся терпению, но у вас, кукольников, терпение покойников.

— Мы поворачиваем,— Луис поднялся с места.

Нос корабля все больше отклонялся от выбранного курса. Несс отчаянно крикнул и прыгнул вперед. Он был еще в воздухе, когда «Лгун» осветился чудовищной вспышкой, как будто рядом зажгли огромную лампу. В последнее мгновение Луис успел судорожно ухватиться за спинку стула, Тила с невероятной точностью упала прямо на свою койку, а свернувшийся клубком кукольник ударился о стену. Долю секунды царила полная темнота, а потом все осветилось призрачным фиолетовым светом, который окружил весь корпус.

«Видимо, Говорящий вывел „Лгуна“ на курс, а потом включил автопилота,— подумал Луис.— Автопилот проверил курс, счел сияющую неподалеку звезду огромным метеоритом, угрожающим кораблю, и постарался сделать все, чтобы обогнуть его».

Гравитация вернулась к норме. Луис поднялся с пола. Судя по первым ощущениям, с ним ничего не случилось, так же как и с Тилой. Она стояла около стены, глядя наружу сквозь заслон из фиолетового света.

— Не действует половина приборов,— объявил кзин.

— Ничего удивительного,— сказала Тила.— Мы потеряли крыло.

— Что-о?

— Потеряли крыло.

Так оно и было. Вместе с крылом они лишились всех двигателей, приемопередающей аппаратуры и посадочного комплекса. Остался только гладкий корпус «Дженерал Продактс» и то, что в нем находилось.

— В нас стреляли,— сказал кзин.— И сейчас стреляют. Вероятно, из лазеров-Х. Корабль находится в состоянии войны, и я принимаю командование.

Несс не протестовал, поскольку неподвижно лежал у стены, свернувшись в клубок. Луис присел рядом с ним и начал осторожно ощупывать.

— ...! Я не знаток физиологии кукольников и понятия не имею, что с ним случилось.

— Он просто перепугался и пытается спрятаться в собственном животе. Привяжите его к койке.

Луис без особого удивления заметил, что с облегчением подчиняется приказам. Еще минуту назад он был в космическом корабле, теперь же этот корабль стал просто стеклянной иглой, безвольно падающей на Солнце.

Вместе с Тилой они уложили кукольника на койку и закрепили ремнями.

— Мы имеем дело с воинственной цивилизацией,— воодушевленно продолжал кзин.— Лазер-Х — оружие, безусловно, наступательное. Если бы не корпус, мы были бы уже мертвы.

— Кажется, включилось статическое поле,— заметил Луис.— Черт его знает, как долго оно действовало.

— Несколько секунд,— ответила Тила.— Фиолетовое сияние — это фосфоресцирующие остатки того, что было снаружи.

— Распыленные лучом лазера. Верно. Похоже, оно ослабевает.

Действительно, сияние померкло.

— К сожалению, оружие, которым мы располагаем, исключительно оборонительное. Да и как может быть иначе, ведь это корабль кукольников! — кзин всем своим видом выражал презрение, равно как к кукольникам, так и по отношению к врагам.— Даже плазменные двигатели размещались на крыле... Ничего, они еще узнают, что такое атаковать кзина!

— Ты хочешь как следует двинуть им?

Кзин не почувствовал сарказма.

— Конечно.

— Чем? — взорвался Луис.— Ты знаешь, что у нас осталось? Гиперпространственный привод и система жизнеобеспечения — вот и все! У нас нет даже вспомогательных двигателей! У тебя мания величия, если ты думаешь, что с ЭТИМ можно вести войну!

— Именно так думает противник! Он не знает, что...

— Какой противник?

— ...вызывая на поединок кзина...

— Это автоматика, болван! Живой противник открыл бы огонь сразу, едва мы оказались в пределах выстрела!

— Меня тоже удивила их странная тактика.

— Говорю тебе, это автоматика! Управляемые компьютером лазеры противометеоритной системы. Они запрограммированы так, чтобы уничтожать все, что могло бы ударить во внутреннюю поверхность Кольца. Когда они рассчитали, что наша траектория пересекается с его плоскостью — бах!

— Это... это возможно.— Кзин безучастно щелкал клавишами пульта, отключая питание от утраченных приборов.— Но я надеюсь, что ты ошибаешься.

— Разумеется. Есть на кого все свалить.

— Было бы лучше, если бы траектория нашего полета не пересекалась с плоскостью Кольца. Мы движемся с большой скоростью и вскоре выйдем за пределы системы и местной аномалии. Тогда можно будет включить гиперпространственный привод и догнать флот кукольников. Но сначала мы должны избежать столкновения с Кольцом.

Луис еще не заглядывал так далеко вперед.

— Зачем была эта спешка? — кисло спросил он.

— По крайней мере мы знаем, что не упадем на солнце. Если бы мы летели прямо на него, то не были бы обстреляны.

— Огонь продолжается,— доложила Тила.— Я вижу звезды, но сияние не проходит. Это значит, что мы на курсе, ведущем к поверхности Кольца, правда?

— Если лазеры управляются автоматически, то да.

— Мы погибнем, если упадем на Кольцо?

— Спроси у Несса — это его соотечественники построили корабль. Но сначала попробуй его развернуть.

Кзин раздраженно фыркнул. Только несколько огоньков на пульте свидетельствовали о том, что небольшая часть того, что когда-то было «Лгуном», еще функционирует.

Тила наклонилась над кукольником, который неподвижно лежал на койке, опутанный своей упряжью. Вопреки ожиданиям Луиса во время неожиданной атаки она не ударилась в панику и сейчас осторожно массировала основания шей Несса, как когда-то это делал Луис.

— Ты глупая, трусливая зверушка,— ласково бормотала она.— Ну, давай, выгляни, а то пропустишь самое интересное.

Двенадцать часов спустя Несс все так же был в глубокой кататонии.

— Я делаю все, чтобы его расслабить, а он сжимается еще сильнее! — пожаловалась Тила со слезами на глазах. Они пошли в кабину, чтобы поесть, но ей кусок не лез в горло.— Наверно, я делаю это плохо, Луис.

— Оставь его на время в покое. Когда будет необходимо, он наверняка очнется, хотя бы для того, чтобы спасаться. А пока пусть жмется к собственному животу.

Тила неуверенно двигалась по маленькой кабине. Она еще не успела привыкнуть к разнице между земной гравитацией и той, что царила на корабле. Открыв рот для какой-то фразы, она, казалось, передумала, но потом все-таки решилась:

— Ты боишься?

— Конечно.

— Так я и думала,— кивнула она и продолжала ходить. Потом продолжила допрос: — А почему Говорящий не боится?

С момента атаки кзин постоянно был чем-то занят: осматривал вооружение, старался приблизительно рассчитать их курс, время от времени отдавал короткие, ясные распоряжения.

— Я думаю, что он вне себя от ужаса. Помнишь, как он реагировал на розетту кукольников? Он смертельно испуган, но ни за что не позволит, чтобы Несс догадался об этом.

Тила покачала головой.

— Не понимаю, ничего не понимаю! Почему все боятся, а я — нет?

Любовь и жалость к девушке пронзили Луиса такой острой иглой, что он едва не застонал.

— Несс был в чем-то прав. До сих пор с тобой не случалось ничего плохого, правда? Тебе слишком везет. Мы боимся боли, но ты этого не понимаешь, ибо никогда ее не испытывала.

— Это безумие! Действительно, я никогда не ломала ноги или чего-то в этом роде, но это же не какая-то парапсихическая сила!

— Нет, счастье — не парапсихическая сила. Счастье — это статистика, а ты — математическая абстракция. Было бы странно, если бы среди сорока трех миллиардов людей Несс не нашел бы никого вроде тебя. Ты ведь знаешь, что он выделил группу людей, потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни. Якобы их были тысячи, но держу пари, что если бы среди этих тысяч он не нашел того, кого искал, то начал бы поиски в гораздо большей группе, среди тех, которые могли похвалиться меньшим количеством предков-счастливцев. Думаю, их были бы десятки миллионов.

— Но для чего?

— Ради *тебя*. Он изучил эти несколько тысяч и начал постепенный отсев. Этот ребенком сломал себе палец. А вот тот часто ввязывается в драки и всегда бывает бит. У той — неприятности с психикой. Этот был испытателем новых моделей космических кораблей и отдавил себе ноготь. Понимаешь? С тобой никогда не случалось ничего подобного. Независимо от того, сколько раз ты роняла кусок хлеба, он всегда падал маслом вверх.

— Значит, все зависит от теории вероятности...— задумчиво протянула Тила.— Но, Луис, что-то тут не так. Например, я не всегда выигрывала в рулетку.

— Но никогда и не проигрывала помногу.

— Ну... Нет.

— Это и имел в виду Несс. Отбрасывал одного за другим тех кандидатов, которым что-то не удавалось, наконец попал на тебя. Думает, что нашел исключение, в соответствии с которым можно установить новые принципы, а я утверждаю, что он просто добрался до самой дальней точки совершенно обычной кривой. Теория вероятности утверждает, что ты существуешь. Утверждает она и то, что когда ты в очередной раз бросишь вверх монету, то, как все прочие, будешь иметь равные шансы на выигрыш и проигрыш. У счастья нет памяти.

Тила села с громким вздохом.

— Что ж, я действительно оказалась невероятной счастливицей. Бедный Несс, он обманулся во мне.

— Это пойдет ему на пользу.

Уголки ее губ подозрительно задрожали.

— Мы можем это проверить прямо сейчас.

— Что?

— Принеси бутерброд с маслом. Побросаем.

Черный прямоугольник заслонял уже изрядный кусок неба и продолжал расти. Глаза Луиса были закрыты очками из необычайно сильно поляризующего материала, так как поляризации корпуса уже было недостаточно. Говорящий — он не выходил из рубки, управляя тем, что осталось от корабля,— тоже надел очки.

Луис видел удаленную на двадцать миллионов миль звезду как черный диск, окруженный ярко-оранжевой короной. Внутри корабля все сильно нагрелось, хотя климатизатор, натруженно гудя, работал в максимальном режиме.

Тила открыла дверь кабины, мгновенно захлопнула ее, и через минуту появилась с очками на глазах.

Черная пустота увеличивалась непрерывно. Прямоугольник имел ширину, по крайней мере равную диаметру звезды, то есть около миллиона миль. Длина его составляла, самое малое, два с половиной миллиона миль. Край его оказался между ними и солнцем — и воцарилась темнота. Сразу стало видно, что часть корабля, находившаяся за кабинами, раскалена добела — это климатизатор избавлялся от накопленного тепла. Внезапно его вой смолк, оставив после себя звон в ушах.

— Наконец-то...— вздохнула Тила.

В дверях рубки появился Говорящий с Животными.

— Жаль, что от телескопа остался только экран,— сказал он.— Он мог бы многое показать.

— Что, например? — крикнул Луис, забыв, что в корабле тихо.

— Например то, почему прямоугольники движутся со скоростью большей, чем орбитальная. Действительно ли это генераторы энергии? Что удерживает их в одинаковом положении? Если бы действовал телескоп, мы могли бы получить ответы на все вопросы, которые задал этот пожиратель листьев.

— Мы упадем на звезду.

— Разумеется, нет. Ведь я уже говорил. Полчаса мы будем лететь в тени этого прямоугольника, а потом пройдем между Солнцем и следующим прямоугольником. Если станет слишком жарко, можно будет выключить статическое поле.

Теперь прямоугольник представлял собой безграничное поле. Человеческий глаз был не в силах выделить из идеальной черноты никаких деталей.

Через некоторое время на них снова обрушился ливень солнечного света, и вскоре после этого завыл климатизатор.

Луис напряженно вглядывался в небо — наконец-то он разглядел следующий прямоугольник. Черная поверхность неумолимо приближалась, когда ударила молния.

Во всяком случае, именно так это выглядело. Вспыхнуло, как молния, без предупреждения, взрываясь страшным блеском, словно они вдруг оказались в самом сердце Сверхновой. Корабль задрожал... и свет погас.

Луис потянулся к внезапно ослепшим слезящимся глазам.

— Что это было? — воскликнула Тила.

Способность воспринимать окружающее медленно возвращалась. Когда, наконец, перед глазами исчезли разноцветные пятна, Луис обнаружил, что Тила смот-

рит прямо на него. Нет, на что-то прямо за его спиной. Он медленно повернулся.

Солнце превратилось в черный кружок, гораздо меньший, чем прежде, окруженный желто-белым сиянием. Рев климатизатора перешел в негромкое, но раздражающее пофыркивание. Снаружи что-то горело — черная извивающаяся тонкая нить, окруженная бледно-фиолетовым сиянием. Один ее конец, казалось, уходил в солнце, второй — исчезал где-то впереди, перед «Лгуном», слишком далеко, чтобы его можно было заметить.

— Кажется, мы обо что-то ударились,— спокойно произнес Несс. Можно было подумать, что все это время он контролировал ситуацию.— Говорящий, тебе придется выйти наружу. Надевай скафандр.

— Мы находимся в состоянии войны,— ответил кзин,— здесь командую я.

— Отлично. И что же ты собираешься делать?

Кзин был достаточно умен, чтобы ничего не ответить. Он как раз занимался скафандром — вероятно, тоже принял решение пойти на разведку.

Массивная фигура Говорящего поплыла к нити; та уже несколько остыла — цветной ореол потемнел и светился теперь темно-оранжевым. Когда через полчаса разведчик вернулся на борт «Лгуна», то был встречен многозначительным молчанием.

— Она действительно имеет толщину нити. Как видите, у меня только половина грейфера.

Кзин показал изувеченный инструмент — рукоять была словно обрезана, и металл на срезе блестел, как зеркало.

— Нить прошла сквозь него, как сквозь воздух. Я почти не почувствовал сопротивления.

— То же самое сделал бы твой меч,— задумчиво произнес Луис.

— Но меч сделан из провода, заключенного в поле Славера, и не может изгибаться. Эта же... нить извивается во все стороны.

— Значит, это что-то новое. *Оно* может резать, как меч кзина, небывало легкое, тонкое и крепкое. Остается неизменным при температуре, которая любой естественный материал давно превратила бы в плазму. Но откуда *оно* взялось?

— Пролетая между двумя прямоугольниками, мы обо что-то ударились. Затем обнаружили гигантской длины нить, разогретую до температуры звездных недр. Именно с ней мы и столкнулись, это ясно. Температура — результат столкновения. Вероятно, нить была протянута между двумя прямоугольниками.

— Но зачем?

— Можно только догадываться. Создатели Кольца разместили черные прямоугольники на околосолнечной орбите затем, чтобы на его внутренней поверхности получить цикл день-ночь. Прямоугольники должны находиться точно между Кольцом и звездой и не поворачиваться к нему ребром. Строители Кольца использовали нить для соединения прямоугольников в единую цепь и придали им скорость выше орбитальной, чтобы нить все время была натянута.

— Мы должны получить эту нить,— сказал Луис.— Трудно даже представить все области, где ее можно использовать.

— Я не мог принести ее на борт или хотя бы отрезать кусочек,— фыркнул Говорящий.

— Из-за столкновения наш курс мог серьезно измениться,— наконец решился высказаться кукольник.— Есть какой-нибудь способ проверить, столкнемся ли мы с Кольцом?

Никто не смог предложить такого способа.

— Мы могли бы его миновать, но значительная часть скорости потеряна. Возможно, мы навсегда останемся на эллиптической орбите вокруг этого солнца.—

Обе головы Несса закачались.— Тила, твое счастье обмануло нас.

Девушка пожала плечами.

— Я никому не навязывала себя в талисманы.

В тот вечер ужин — последний на борту корабля — напоминал какой-то ритуал. Тила Браун, одетая в просторный черно-оранжевый наряд, который наверняка весил не более нескольких граммов, была ошеломляюще красива. Кольцо за ее спиной росло буквально на глазах, и время от времени Тила поворачивалась, чтобы бросить на него любопытный взгляд. Ничего, кроме интереса и ожидания.

Ночью он любил ее со страстью, которая поначалу удивила ее, а потом...

— Так вот как действует на тебя страх! Нужно будет запомнить! — Она с улыбкой наблюдала за ним из-под полуопущенных век.

— Я все время думаю, что это, быть может, в последний раз.

— Ох, Луис! Мы же все-таки в корпусе «Дженерал Продактс»! Что может быть прочнее и тверже? Только...

Опять эта улыбка, лукавый взгляд...

— А если что-то случится и статическое поле подведет? Корпус, конечно, выдержит падение, но от нас останется только желе!

— Перестань паниковать! — Ладони девушки поползли вниз по его телу, и он нагнул ее голову вниз — вовсе не для того, чтобы испытать острейший приступ наслаждения, когда ее губы коснутся... Тина не должна видеть его лицо!

Когда она заснула, сама похожая на чудесный сон, Луис вышел из кабины. Он принял ванну, затем, потягивая из стакана холодный бурбон, отправился в рубку.

Ясная голубизна с белыми полосками, чистая синева, снова голубизна... Кольцо закрывало уже почти

все небо. Сначала подробности можно было разглядеть только на участках, покрытых тучами: бури, атмосферные фронты, осадки. Потом появились контуры морей. Поверхность Кольца примерно наполовину была покрыта водой.

Океаны, изогнутые линии рек, горные цепи...

Корабль мчался со скоростью около двухсот миль в секунду — этого вполне хватило, чтобы вынести их за пределы системы, если бы на пути не было Кольца...

Оно приближалось. Сбоку выползло навстречу какое-то море, мелькнуло и исчезло. Вспыхнула ослепительно-фиолетовая молния.

10. ПОВЕРХНОСТЬ КОЛЬЦА

— ...! — недовольно воскликнула Тила.— Я ничего не видела!

— Наблюдение за экстраординарными событиями всегда опасно, в большинстве случаев болезненно и часто кончается фатально,— спокойно отозвался кукольник.— Благодари статическое поле Славера или свою удачу.

До Луиса их диалог доносился как через некую вязкую среду. Внезапный переход от страшного падения к полной неподвижности уже сам по себе был бы достаточно ошеломляющим. Глаза пытались найти какой-нибудь горизонтальный или вертикальный ориентир, но расстилающийся вокруг пейзаж был достаточно странным: идеально гладкая, блестящая поверхность с изъеденными темно-коричневыми краями. Что-то еще можно было выяснить, только оказавшись снаружи.

Луис встал довольно неуверенно, поскольку его глаза и внутреннее ухо спорили о том, где именно находится низ. Только спокойно. Спешить некуда, опасность миновала.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть закрывающиеся за Тилой створки шлюза. Девушка была без скафандра.

— Тила, сумасшедшая, вернись!

Слишком поздно. Она уже не могла его слышать. Луис бросился к люку.

Анализаторы воздуха, размещенные на крыле «Лгуна», исчезли вместе с прочими внешними датчиками и приборами. Чтобы проверить пригодность атмосферы Кольца для дыхания, следовало выйти наружу в скафандре и воспользоваться переносным анализатором.

Правда, если Тилу обнаружат мертвой в шлюзе, никакие тесты уже не понадобятся.

Внешние створки открылись. Автоматически в шлюзе перестала действовать искусственная гравитация, и Тила полетела головой вниз. В последний момент ей удалось ухватиться за край внешнего люка. Она повернулась на 180 градусов и вместо того, чтобы упасть на голову, приземлилась на прямо противоположную часть тела.

Торопливо застегнув скафандр, он продолжал наблюдать за девушкой. Тила медленно встала на ноги, потирая ушибленное место. Она все еще дышала.

Луис вошел в шлюз. В последний момент он вспомнил, в каком необычном положении находится корабль, крепко ухватился за то, что еще недавно было порогом, а теперь оказалось верхней границей выходного люка, повис на руках и прыгнул.

Гладкая полупрозрачная поверхность оказалась невероятно скользкой. Луис, приземлившись на спину, пару раз попытался встать, после чего сдался. Он читал показания анализатора сидя.

— Луис, ты слышишь меня? — послышался в наушниках голос кзина.

— Ага.

— Воздух пригоден для дыхания?

— Да. Вот только немного разрежен. На Земле я бы сказал, что мы в миле над уровнем моря.

— Можно выйти?

— Конечно. Возьмите с собой веревку и привяжите ее к чему-нибудь в шлюзе, иначе мы не сможем вернуться. Осторожнее при спуске — здесь почти нет трения.

Скользкая поверхность не представляла для Тилы почти никаких хлопот. Девушка стояла неподвижно, сложив руки на груди и ожидая, когда Луис перестанет валять дурака и снимет шлем.

Не стесняясь в выражениях, он заявил ей о том, что спектральный анализ атмосферы, проведенный с расстояния в два световых года, ни в коем случае не дает представления об ее истинном составе. Не были забыты и трудно распознаваемые яды, соединения металлов, пыли, органические взвеси и микроорганизмы, которые даже в малых дозах могут отравить вроде бы пригодную для дыхания атмосферу и которые можно обнаружить только во взятой на месте пробе воздуха. Особых слов удостоились заслуживающая наказания неосторожность, невероятная глупость, а также безответственность тех, чьим единственным притязанием является роль морской свинки.

Говорящий спустился по веревке и сделал несколько осторожных шагов, словно танцор, изучающий натертый паркет. Несс воспользовался вместо рук обоими ртами, после чего замер в безопасной стойке на трех ногах. Если кто-то из них и заметил подавленность Тилы, то не подал виду.

Они находились в широкой, но неглубокой борозде с идеально гладким дном сероватого цвета. По обе стороны от корабля, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов, поднимались ее края, образованные грудами грязно-красной лавы. Луису казалось, что лава движется,

стекая неисчислимыми ручейками: наверняка она еще не успела остыть, разогретая падением «Лгуна» до чудовищной температуры. Борозда тянулась далеко, и конца ее не было видно.

Луис в очередной раз попробовал встать. Из всех четверых только у него были проблемы с сохранением равновесия. Очередная попытка увенчалась успехом; теперь он стоял, но не мог сделать ни одного шага.

Кзин вынул из кобуры бластер, прицелился в точку недалеко от своих ног и нажал на спуск. В ответ не раздалось ни единого щелчка растапливаемого или хотя бы лопающегося материала, не поднялась ни одна струйка дыма, на стеклянистой поверхности не осталось ни малейшего следа.

— Мы находимся в борозде, пропаханной при посадке корпусом «Лгуна»,— сделал вывод Говорящий с Животными.— Наше падение остановил слой материала, из которого сделана основная конструкция Кольца. Несс, что ты можешь нам о нем сказать?

— Это нечто совершенно новое,— ответил кукольник.— Похоже, оно вообще не проводит тепла, но это наверняка не разновидность корпуса «Дженерал Продактс» или статического поля Славера.

— При подъеме на эти стены нам потребуется какая-то защита,— заметил Луис. Что касается рассуждений о конструкции Кольца, то сейчас они мало его интересовали.— Подождите здесь, а я попытаюсь забраться наверх.

— Я помогу! — Тила подошла к нему, и они вместе направились в сторону пологого склона лавы.

— Спасибо,— Луис начал подъем и через минуту обнаружил, что Тила идет следом. Пускай — чем скорее она научится осторожности, тем лучше...

Они прошли ярдов двенадцать, и Тила все-таки не выдержала. Подскакивая так высоко, как только было возможно, она повернула назад и побежала вниз, а, добравшись до скользкой поверхности Кольца, поеха-

ла, как на лыжах. Уже у корабля она повернулась к Луису и бросила на него удивленный, яростный и одновременно испуганный взгляд.

«Могло быть и хуже,— подумал Луис.— Она могла упасть и сильно обжечься». Он продолжил подъем, глуша в себе неприятное чувство вины.

Стена лавы, оказавшаяся около сорока футов высоты, на вершине сменилась чистым, белым песком. Итак, они приземлились в пустыне. Оглядываясь по сторонам, Луис не заметил ни следа растительности или воды. Им повезло — с тем же успехом «Лгун» мог пропахать и целый город! Или даже несколько городов.

Борозда тянулась через белую пустыню на целые мили. Вдали виднелся ее конец, но сразу же за ним начиналась следующая. Очевидно, при посадке корабль несколько раз отскакивал от поверхности, оставляя за собой прерывистый след своего падения. Взгляд Луиса следовал за этой колеей все дальше и дальше... в бесконечность.

У Кольца не было горизонта. Земля и небо, казалось, смешивались между собой на таком расстоянии, что целые континенты превращались в точки, а цвета теряли свою интенсивность, приобретая голубой оттенок неба. Зрелище действовало почти гипнотически: когда он наконец решил отвести взгляд, на это понадобилось немалое усилие. Это было как туманные пропасти у подножия Маунт Лукиткет, увиденные им десятки лет назад в сотнях световых лет отсюда... Как незамутненные бездны космоса — привычное зрелище одинокого пилота... Необыкновенный горизонт Кольца мог поглотить душу человека быстрее, чем тот понял бы грозящую опасность.

— Мы пропахали приличную колею! — крикнул он вниз, в борозду.— Впрочем, нам повезло: похоже, вокруг нет ничего живого. Если посмотреть в другую сторону...— Он повернулся и замер.

— Луис?

— ...! Это самая большая гора, какую я видел в своей жизни!

— Луис!

— Гора! — рыкнул он.— Сами увидите! Видимо, им хотелось иметь одну гору, настолько большую, чтобы от нее не было никакой пользы. Потрясающее!

Действительно, она была великолепна. Основание почти идеального конуса тонуло в густом тумане, склоны были видны отчетливо благодаря разреженному воздуху, а вершина сверкала снежной белизной. Ее контур вырисовывался с невероятной отчетливостью. Неужели она торчала над атмосферой? Настоящая гора такой высоты тут же рухнула бы под своей тяжестью, но эта наверняка была лишь пустой внутри скорлупой, созданной из таинственного конструктивного материала Кольца.

— Мне определенно начинают нравиться те, кто это строил,— буркнул Луис себе под нос.

Не было ни малейшей логической причины, по которой в мире, сделанном «на заказ», должна быть такая гора. Но каждый мир должен иметь неприступную гору.

Едва только Луис спустился, его встретил единственный вопрос, в который наверняка объединились все остальные:

— Есть ли какие-нибудь следы цивилизации?

— Нет.

Они заставили его описать все, что он увидел, для начала определив направления: «по вращению» вдоль пропаханной «Лгуном» борозды было назад, «против вращения» было вперед, в направлении горы; левая и правая стороны отвечали рукам человека, стоящего лицом в направлении вращения.

— Ты заметил справа или слева какую-нибудь из стен?

— Нет, хотя не знаю почему. Они должны там быть.

— Это плохо.

— Но их нет. Там, наверху, можно видеть на тысячи миль.

— Это плохо,— повторил Несс. И снова: — Ты видел что-нибудь кроме пустыни и горы?

— Нет. Далеко слева маячило что-то голубое. Может, океан, а может, просто дымка.

— И никаких зданий?

— Никаких.

— Какие-нибудь коммуникационные трассы?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Если бы я что-то увидел, то сказал бы вам. Судя по тому, что я успел увидеть, все десять миллиардов жителей Кольца в прошлом месяце перебрались в настоящую сферу Дайсона.

— Луис, мы должны найти эту цивилизацию.

— Знаю.

Это было более чем очевидно. Рано или поздно им придется покинуть Кольцо — но как своими силами переместить корпус «Лгуна»? Дикари, даже самые многочисленные и дружески настроенные, не смогли бы им в этом помочь.

— Во всем этом есть один позитивный аспект,— сказал Луис.— Нам не нужно ремонтировать корабль. Если только нам удастся доставить «Лгуна» на край Кольца, скорость вращения выбросит нас за пределы аномалии звезды, и мы сможем сразу уйти в гиперпространство.

— Но сначала мы должны получить помощь.

— Или заставить помочь нам,— добавил Говорящий.

— Тогда чего вы все стоите и болтаете? — взорвалась Тила. До этой минуты она терпеливо ждала, не вступая в дискуссию.— Мы должны отсюда выбраться, правда? Тогда почему мы не достаем скутеры? Шевелитесь! Поговорить можно и потом.

— Я не уверен, что нужно покидать корабль,— сказал кукольник.

— Не уверен? Собираешься ждать, пока придет помощь? Кто, по-твоему, нами заинтересуется? Разве кто-нибудь ответил на наши сигналы? Луис говорит, что мы в самом центре пустыни. Сколько мы еще будем здесь сидеть?

Она до сих пор не понимала, что Нессу нужно какое-то время, чтобы собрать всю свою храбрость.

— Конечно, мы уйдем отсюда,— ответил кукольник.— Я просто выразил свои сомнения. Но сначала мы должны установить, куда идти. Иначе — как решить, что взять, а что оставить?

— Нам нужно добраться до ближайшего края!

— Тила права,— поддержал ее Луис.— Если тут вообще еще осталась цивилизация, то наверняка — возле края. Вот только мы не знаем, с какой стороны. Я должен был что-то увидеть, когда был наверху.

— Вовсе нет,— головы кукольника согласно кивнули друг другу.

— ...! Это я там был, а не ты! Взгляд не встречает никаких преград на тысячи миль!

— Ширина Кольца около миллиона миль.

— Ох уж эти размеры! — вздохнул Луис.— До меня никак не дойдет, что может существовать что-то настолько большое.

— Наверняка дойдет,— утешил его кукольник.

— Возможно. Наверное, у меня слишком маленькая голова — причем одна, чтобы в ней это поместилось. Издалека Кольцо напоминало узкую ленту...

Луис вздрогнул. Если боковая стена Кольца высотой в тысячу миль, то как далеко от нее они приземлились, если он вообще не смог ее разглядеть? Допустим, что в запыленном, влажном воздухе его взгляд проникал на тысячу миль. Если уже на высоте сорока миль атмосфера сменялась полным вакуумом... Это означало, что от ближайшего края их отделяло, по

крайней мере, двадцать пять тысяч миль. Если проделать такой путь на Земле, они вернулись бы в исходную точку. А ведь край мог быть дальше, гораздо дальше...

— Наши скутеры не смогут сдвинуть «Лгуна» с места,— рассуждал вслух Говорящий.— Впрочем, в случае атаки нам все равно пришлось бы его бросить. Лучше оставить его здесь: найти потом будет нетрудно.

— А разве кто-то предлагал его тащить?

— Хороший воин думает обо всем. Может дойти и до этого, если мы не получим помощи.

— Получим,— уверенно произнес кукольник.

— Я тоже так думаю,— поддержал его Луис.— На краю находятся космические порты. Даже если все Кольцо вернулось в каменный век, цивилизация начала бы возрождаться именно там.

— Это ни на чем не основанные домыслы,— упирался кзин.

— Возможно.

— И все же я согласен с тобой. Даже если здешняя цивилизация утеряла все свои секреты, в портах мы еще можем найти действующие машины. Действующие или хотя бы такие, которые можно исправить.

Вот только... к какому краю они ближе?

Следующие часы были заполнены тяжелой работой. Они вытряхивали содержимое ящиков, сортировали, опускали на веревках тяжелые предметы и расставляли их под корпусом. Резкая смена направления гравитации доставляла немало хлопот, но, к счастью, ни один из грузов не оказался слишком хрупким.

Луис все это время пытался поговорить с Тилой наедине. Наконец он подкараулил ее внутри корабля.

— Ты ведешь себя так, будто кто-то сорвал твою любимую орхидею. Давай обсудим кое-что.

Избегая его взгляда, она энергично покачала головой. До чего хороши ее губы, когда она дуется или плачет.

— Когда ты вышла наружу без скафандра, я устроил тебе порядочный разнос, а спустя пятнадцать минут ты попыталась почти босиком подняться по потоку горячей лавы.

— Ты хотел, чтобы я обожглась!

— Конечно. И не смотри так. Ты нам нужна, и мы не желаем твоей гибели. Я хочу, чтобы ты привыкла к осторожности. Не научилась этому раньше, значит, научишься сейчас. Надеюсь, этот ожог ты запомнишь.

— Но ты же знаешь, почему Несс взял меня. Я должна быть счастливым талисманом, а принесла неудачу.

— Согласен. Как талисман, ты оказалась никуда не годной. Эй, улыбнись! Ты нужна мне, чтобы по ночам заниматься со мной любовью — иначе придется насиловать Несса. Ты нужна нам, чтобы надрываться как ишак, пока мы греемся на солнышке, нужна ради твоих разумных замечаний.

На ее лице появилась вымученная улыбка, которая тут же исчезла. Тила расплакалась. Она всхлипывала, прижавшись к груди Луиса, крепко обняв его руками.

Не первый раз женщина плакала на груди Луиса Ву, но у Тилы на это было больше причин, чем у всех предыдущих вместе взятых.

Луис прижал ее к себе, осторожно гладя по затылку, и ждал, когда она успокоится.

— Откуда мне было знать, что это жжется! — пожаловалась она его скафандру.

— Вселенная в принципе и всегда враждебна.

— Но это было больно!

— Лава атаковала тебя, хотела причинить вред. Послушай! — сказал он умоляюще.— Ты должна научиться думать именно так. Как параноик. Как Несс.

— Я не смогу! Откуда мне знать, как он думает? Я его не понимаю! — Она подняла мокрое от слез лицо.— Тебя я тоже не понимаю.

Он провел ладонями по ее лопаткам и вниз, вдоль позвоночника.

— Послушай,— сказал он после паузы.— Если бы я сказал, что Вселенная ненавидит меня, ты решила бы, что я спятил, правда?

Она энергично закивала.

— Так вот, я говорю, что Вселенная действительно меня ненавидит. Она против меня. Двухсотлетний человек не представляет для нее никакой ценности. Какая сила формирует вид? Эволюция, верно? Это она снабдила Говорящего отличным зрением и непоколебимым чувством равновесия. Это она привила Нессу рефлекс бегства от малейшей опасности. Это она ликвидирует у пятидесяти- или шестидесятилетнего человека сексуальное влечение, после чего перестает им интересоваться. Эволюция не занимается организмами, слишком старыми, чтобы размножаться. Понимаешь?

— Понимаю. Ты слишком стар, чтобы размножаться,— повторила она, передразнивая его тон.

— Вот именно. Несколько столетий назад какие-то биологи немного покопались в генах каких-то растений и дали миру то, что в обиходе называют «закрепителем». Благодаря этому веществу мне двести лет, а я все еще здоров. Но это вовсе не потому, что Вселенная за что-то любит меня. Вселенная меня ненавидит и много раз пыталась убить.

— Потому что ты слишком стар, чтобы размножаться!

— Женщина, ведь это *ты* не имеешь понятия, как позаботиться о себе! Мы оказались в чужом мире и не знаем правил игры. Если ты и дальше будешь бегать босиком по горячей лаве, то в следующий раз это может кончиться гораздо хуже!

Когда она вымыла залитое слезами лицо, они общими усилиями вытащили последний, четвертый скутер.

Между двумя стенами застывшей лавы тянулась полоса стеклянистой основы Кольца, такой же гладкой, как отполированная столешница. Около переко-

шенного прозрачного цилиндра стояло множество всевозможных предметов и крутились четыре фигуры.

— Что с водой? — спросил Луис.— Я не видел никаких озер. Придется нам тащить с собой запас или нет?

— Это не обязательно.— Несс открыл люк в задней части своего скутера. Там были контейнер и система, конденсирующая воду из воздуха.

Скутеры были настоящим чудом функциональности и удобства. Они отличались только креслами пилотов, а в остальном выглядели одинаково: два четырехфутовых шара, соединенные конструкцией, поддерживающей кресло. Половина задней части предназначалась для багажа. Кроме того, там находились крепления дополнительных двигателей. Четыре телескопические ноги убирались во время полета.

Кресло кукольника напоминало маленькую лежанку с тремя отверстиями для ног. Во время полета Несс лежал неподвижно, трогая приборы управления своими двумя парами губ. Кресла Луиса и Тилы имели удобные подголовники, а приборы управления располагались от спинки на расстоянии вытянутой руки. Кресло кзина было достаточно большим, без подголовника; кроме того, по обе стороны от него размещались какие-то кобуры. Неужели для оружия?

— Мы должны взять с собой все, что в той или иной мере может служить оружием,— в очередной раз повторил Говорящий, беспокойно прохаживаясь между расставленным снаряжением.

— У нас нет ничего подобного,— ответил Несс.— Мы хотели показать, что явились с мирными намерениями, поэтому не взяли с собой оружия.

— А это, по-твоему, что? — спросил кзин, показывая большую коллекцию довольно грозно выглядевших предметов.

— Инструменты, только инструменты. Например; это,— он указал головой,— переносной лазер с регу-

лируемой интенсивностью луча. Конечно, нужно быть очень внимательным, чтобы не причинить кому-нибудь вреда, ибо в крайнем положении луч света весьма плотен и имеет большую мощность. Парализующие пистолеты должны служить решению вопросов среди нас. Заряд действует всего десять секунд, но нужно следить, чтобы случайно не сдвинуть вот этот предохранитель, ибо тогда...

— ...заряд действует больше часа. Это оружие джинксов, правда?

— Да, Луис. А это слегка модифицированные инструменты для копания. Там, куда попадает узкий луч генерируемого ими поля, заряды электронов меняют знак с отрицательного на положительный. Материя, внезапно лишенная связующих сил, мгновенно рассыпается в атомную пыль.

— Как оружие, не имеет никакой ценности,— пробормотал кзин.— Мы изучали — действует слишком медленно.

— Ну, разумеется. Просто безобидная игрушка. А вот это...— Предмет, который кукольник держал в губах, немного походил на какое-то двухствольное огнестрельное оружие, вот только имел характерную форму, которой отличались все вещи кукольников: как будто кто-то остановил в движении большую каплю ртути.— ...в действии похож на дезинтегратор Славера, правда, излучает два луча, второй из которых нейтрализует заряд протона. Нужно внимательно следить, чтобы не попасть во что-нибудь обоими лучами одновременно.

— Понимаю,— буркнул кзин.— Если оба луча попадут на какую-нибудь поверхность, возникнет разряд.

— Именно.

— Думаешь, этого хватит? Мы не знаем, с чем нам придется столкнуться.

— Все не так уж плохо,— вставил Луис.— Прежде всего это не планета. Если создатели Кольца опасались каких-то животных, то наверняка оставили их там,

откуда прибыли. Нам не грозит встреча с какими-нибудь тиграми или москитами.

— Разве что создатели Кольца любили тигров,— как ни в чем не бывало добавила Тила.

Ее замечание, хотя и сделанное мимоходом, не было лишено смысла. Что они знали о строителях, а значит, и жителях Кольца? Только то, что они пришли, вероятно, с планеты, частично покрытой водой, кружащейся вокруг солнца типа К9 или близкого к нему. Исходя из этого, они могли выглядеть как люди, кукольники, кзины, дельфины, касатки или киты; но скорее всего выглядели совершенно по-своему.

— Пожалуй, нам следует больше опасаться туземцев, чем их зверей,— сказал кзин.— Мы должны забрать все наше оружие. Предлагаю возложить командование на меня, вплоть до момента, когда мы сможем отсюда улететь.

— У меня есть тасп.

— Я помню, Несс. Можешь считать его своим решающим аргументом. Однако я бы советовал им не злоупотреблять. Вы только подумайте! — Кзин возвышался над ними, как настоящий гигант — двести пятьдесят килограммов клыков, когтей и оранжевого меха.— Мы же мыслящие существа, вот и задумайтесь над нашим положением. Нас коварно атаковали, наш корабль частично уничтожен. Впереди — долгое путешествие через совершенно незнакомые земли, жители которых располагали когда-то чудовищной мощью. Мы не знаем, обладают ли они ею сейчас или же самым изощренным оружием, которое им известно, является стрела с костяным наконечником. С тем же успехом они могут располагать конвекционным излучением и техникой трансмутаций, которой воспользовались для строительства этого... этого...— кзин огляделся по сторонам, взглянул на стеклянистое основание и темные стены лавы и, похоже, внутренне содрогнулся,— этого необычайного творения.

— У меня есть тасп,— повторил кукольник.— Это моя экспедиция.

— Ты доволен ее ходом? Не хочу тебя оскорбить, просто спрашиваю. Это я должен быть командиром. Из всех нас только меня обучали военному искусству.

— Давайте подождем еще немного? — предложила Тила.— Возможно, мы не встретим никого, с кем пришлось бы сражаться.

— Вот именно,— поддержал ее Луис. Ему вовсе не хотелось попасть под команду кзина.

— Ладно. Но мы должны взять оружие.

Они продолжили сборы. Среди снаряжения были также личные коммуникаторы: их носили на руке или, как в случае с кукольником, на затылке. Из-за больших размеров вряд ли их можно было назвать удобными.

— Зачем нам это? — спросил Луис, поскольку кукольник еще раньше показал им, как пользоваться интеркомами скутеров.

— Вообще-то они служат для установления контакта с автопилотом «Лгуна». С их помощью можно вызвать корабль куда угодно.

— Тогда для чего они могут нам пригодиться?..

— Для перевода, Луис. Если мы наткнемся на мыслящих существ, нам придется пользоваться компьютером «Лгуна» как переводчиком.

Они закончили погрузку. Вокруг корпуса корабля оставалось еще множество снаряжения, но им просто негде было его использовать. Среди прочего там были вакуумные скафандры, запасные части для приборов, которых они лишились вместе с крылом, оборудование, необходимое только при полете в глубоком космосе. Они забрали все, что могло оказаться полезным,— даже воздушные фильтры — правда, скорее, из-за малых размеров и веса.

Луис едва не падал от усталости. Забравшись на свой скутер, он огляделся по сторонам, размышляя о том, что мог забыть. При этом от его внимания не

ускользнуло то, что Тила со странным выражением лица смотрит вверх.

— ...! — неуверенно выругалась она.— Все еще полдень!

— Только не паникуй. Просто...

— Луис, я отлично знаю, что мы работали не менее шести часов! Как может все еще быть полдень?

— Не волнуйся. Ты же знаешь, что солнце здесь не заходит.

— Не заходит? — Приступ истерики прошел так же быстро, как и начался.

— Ну, конечно, не заходит. Мы должны к этому привыкнуть. Кстати, взгляни еще раз — видишь? Это край черного прямоугольника.

Висевшее в зените солнце начало вдруг гаснуть.

— Пора в дорогу,— поторопил их Говорящий.— Когда стемнеет, мы должны быть уже в воздухе.

11. НЕБЕСНАЯ ДУГА

В сгущающейся темноте четыре скутера одновременно поднялись в воздух.

Несс еще раньше проинструктировал, как включать дистанционное управление, и теперь все послушно повторяли маневры Луиса. Удобно расположившись в кресле, он уверенно вел машину, не упуская из вида своих спутников.

Тила окинула взглядом окрестности; потом ее глаза поднялись вверх и там, где обычно натыкались на границу, встретили бесконечность. Внезапно они округлились, а лицо вспыхнуло, как светящее сквозь тучи солнце.

— О, Луис!

— Какая огромная гора! — заметил кзин.

Несс ничего не сказал, его головы нервно поглядывали по сторонам.

Темнота опустилась очень быстро. Глубокая тень вдруг накрыла огромную гору, не оставив от нее даже следа. Солнце превратилось в тоненькую черту, граничащую с бездонной чернотой. А потом на темнеющем небе возникла огромная дуга... Она становилась все более отчетливой, а когда и землю и небо поглотила темнота, предстала во всей красе.

У основания дуга была очень широкой, но по мере подъема быстро сужалась и в зените превращалась в черту. Там же ее пересекала невидимая днем линия прямоугольников.

Звукопоглощающее поле не пропускало к Луису даже шума рассекаемого воздуха, поэтому он крайне удивился, когда окружавшая его тишина вдруг сменилась звуками музыки, словно разом запели все трубы органа. Ошеломленный, Луис не сразу понял, что, собственно, произошло. Только через некоторое время он ткнул пальцем кнопку интеркома, и обе головы кукольника исчезли с экрана, как привидение на рассвете. Чудовищная какофония, словно сжигали живьем весь соборный хор, стала гораздо тише, теперь она шла до него кружным путем, через интеркомы Тилы и кзина.

— Что с ним? — удивленно спросила Тила.

— Он вне себя от страха.

— Беру командование на себя,— заявил Говорящий.— Кукольник не в состоянии принимать решения. Объявляю, что с этой минуты экспедиция носит военный характер.

На мгновение Луис задумался над единственной альтернативой: он мог объявить то же самое. Однако ему вовсе не хотелось вступать в борьбу с Говорящим, да и, если говорить честно, кзин больше подходил для этой роли.

Скутеры шли на высоте полумили. Черноту земли тут и там покрывали еще более темные пятна, отчего она приобретала не столько вид, сколько характер

карты. Небо, подавляющее огромной дугой, сверкало многочисленными звездами.

Кольцо было творением назойливо искусственным, чем-то таким, что было *сделано*. Нельзя было даже на секунду забыть об этом: над головой поднималось совершенно определенное доказательство. Ничего странного, что Несс — трус и прирожденный реалист — не вынес этого. Может, он замечал красоту того, что видел, а может, и нет. Однако он наверняка отдавал себе отчет в том, что они оказались на огромной искусственной конструкции, во много раз больше всех планет, образующих огромную империю кукольников.

— Кажется, я вижу боковые стены,— сказал кзин.

Луис с трудом оторвал взгляд от небесной дуги, посмотрел по сторонам и почувствовал, как ледяные пальцы страха сдавливают ему горло.

Слева край боковой стены Кольца виделся едва заметной черточкой на темно-синем фоне. Луис даже не пытался оценить ее высоту, поскольку понятия не имел, где может находиться ее основание. Он видел только верхнюю грань, а когда слишком долго вглядывался в нее, она исчезала. Она располагалась там, где должен быть горизонт и с одинаковым успехом могла быть и гранью и основанием. Вторая стена, справа, выглядела почти так же. По всей вероятности, «Лгун» ударил в Кольцо недалеко от середины. Стены казались одинаково далекими, и это значило, что до каждой из них было около полумиллиона миль.

Луис с трудом откашлялся.

— Говорящий, что ты об этом думаешь?

— По-моему, та, что слева,— чуточку выше.

— Отлично,— Луис повернул влево. Остальные экипажи послушно повторили маневр.

Он включил интерком, чтобы проверить, как там Несс. Кукольник, судорожно охватив кресло всеми тремя ногами, спрятал обе головы под себя.

— Говорящий, ты уверен? — спросила Тила.

— Конечно,— ответил кзин.— Эта стена явно выше.

Луис мысленно усмехнулся. Его никогда не учили боевым навыкам, но он кое-что знал о войне — на Вундерланде неожиданно оказался в период ожесточенных боев. Одной из черт хорошего офицера было умение быстро принимать решение, и можно было только радоваться, если решение это, ко всему прочему, оказывалось еще и верными...

Когда скутеры достигли максимальной скорости, Луис расслабился и сел поудобнее. У него мелькнула мысль, что в этом кресле ему придется провести больше месяца, поэтому лучше привыкнуть к нему поскорее. Кстати — не помешало бы познакомиться со своей машиной.

Так, отсюда, из гофрированной трубки, подается вода. На подавателе пищи был нарисован темно-коричневый кирпичик. Луис заказал шесть таких кирпичиков, у каждого был свой вкус, довольно приятный. Похоже, что подобная еда ему не скоро надоест. Однако, если они не найдут растения и воду, чтобы пополнить запасы «сырья» для пищевого регенератора, подаватель перестанет угощать такими кирпичиками. Луис заказал седьмой и съел его целиком. Он старался не думать о расстоянии, отделявшем их от какой бы то ни было помощи. Земля была в двухстах световых годах. Даже корпус «Лгуна» исчез из вида через несколько минут после старта. Смогут ли они снова найти его?

Конечно, смогут, и без особых проблем. Рядом высилась самая большая гора из всех, что видели глаза человека... Трудно было предположить, что поверхность Кольца усеяна такими горами. Чтобы найти «Лгуна», достаточно оказаться рядом с горой, а потом отыскать борозду, тянущуюся на тысячи миль.

Тело Несса слегка вздрогнуло, потом одна за другой появились головы. Кукольник включил языком звук.

— Луис, мы можем поговорить только вдвоем?

Миниатюрные лица Тилы и кзина, казалось, дремали. Луис заблокировал их интеркомы.

— Говори.

— Что произошло?

— Ты ничего не слышал?

— Мои органы слуха находятся возле губ, а головы были спрятаны.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, не впаду ли я снова в кататонию. Я чувствую себя совсем потерянным.

— Я тоже. За последние три часа мы преодолели две тысячи двести миль. Дело шло бы лучше с трансферными кабинами или хотя бы дисками.

— Наши инженеры не в состоянии перенести сюда трансферные диски.— Головы кукольника повернулись друг к другу, разглядывая себя.

Луис уже несколько раз обращал внимание на этот жест, и сейчас у него мелькнула мысль, не эквивалентен ли он смеху. Неужели кукольник обзавелся чувством юмора?

— Мы направились влево,— продолжал Луис.— Говорящий решил, что до этой стены ближе. По-моему, с тем же успехом мы могли бросить монету. Но Говорящий — наш начальник: он взял на себя руководство, когда ты впал в кататонию.

— Это плохо. Его скутер находится за пределами действия моего таспа. Я должен...

— Подожди немного. Почему бы не позволить ему побыть начальником?

— Но... но...

— Подумай,— не сдавался Луис.— В случае чего ты всегда можешь воспользоваться таспом. Если же не сделать его начальником, он раз за разом будет пытаться силой заставить тебя согласиться на это. Кроме того, он действительно подходит для подобной роли.

— Пожалуй, это нам не повредит,— пропел после паузы кукольник.— Мое командование не увеличило бы наших шансов.

— В том-то и дело. Вызови Говорящего и скажи, что он Лучше-Всех-Спрятанный.

Луис подключился к интеркому кзина, чтобы не упустить ни слова, однако его ждало разочарование: кзин и кукольник обменялись несколькими фразами на шипяще-фыркающем Языке Героев, после чего кзин отключился.

— Я должен перед вами извиниться,— сказал Несс.— Моя глупость поставила всех нас перед серьезной опасностью.

— Не бери в головы,— утешил его Луис.— Ты просто в депрессивной фазе цикла.

— Я мыслящее существо и могу смотреть правде в глаза. Я совершил страшную ошибку в том, что касается Тилы Браун.

— В самом деле. Но это не твоя вина.

— Моя, Луис. Я должен был понять, почему мне так не везет в поисках других кандидатов.

— Ну?..

— Просто им слишком везло.

Луис беззвучно свистнул. Кукольник родил новую теорию.

— Им слишком везло, чтобы они могли впутаться в такую опасную историю, как это путешествие. Лотерея Жизни действительно привела к формированию новой наследственной черты — счастья. Однако счастье не стало моим уделом. Пытаясь связаться с потомками тех, кто выигрывал в Лотерею, я обнаружил Тилу Браун.

— Послушай...

— Другим удалось избежать этого, поскольку счастье сопутствовало им, а Тилу я нашел потому, что она не получила этого гена. Луис, мне действительно очень жаль.

— Иди-ка ты... спать, а?

— Я должен извиниться и перед Тилой.
— Нет. Это уже моя вина. Я мог ее удержать.
— Правда?
— Не знаю... Иди спать.
— Не могу.
— В таком случае веди, а я посплю.

Так они и сделали. Перед тем как заснуть, Луис еще успел удивиться, как гладко, без сотрясений летит его скутер. Кукольник был отличным пилотом.

Луис проснулся на рассвете.

Как ни странно, за свою долгую жизнь ему никогда не приходилось проводить всю ночь сидя, поэтому, когда он, зевнув, попытался потянуться, мышцы его затрещали так, будто вот-вот порвутся. Он громко охнул, протер заспанные глаза и осмотрелся.

Справа уже был ясный день. Слева же еще царила темнота, углублявшаяся с расстоянием, а место, где должен был находиться горизонт, казалось смесью ночи и хаоса, откуда поднималась вверх невероятная дуга Кольца.

Пустыня постепенно кончалась. Ее граница, резкая, как ножевая рана, изгибалась вправо и влево. Огромная гора все еще закрывала значительную часть неба. Ее склон пересекала висящая в воздухе пыльная полоса, будто след от катящего по пустыне колесного экипажа. Впереди сверкали реки и озера, разделенные коричневыми и зелеными кусками суши.

Скутеры мчались вперед, не нарушая строя, чем-то похожие на серебристых жуков. Луис двигался впереди; память подсказала ему, что справа от него должен находиться кзин, слева — кукольник, сзади — Тила.

— Ты уже проснулся, Луис?
— Добрый день, Несс. Ты ведешь до сих пор?
— Несколько часов назад управление взял на себя Говорящий с Животными. Может, ты заметил, что мы пролетели уже более семи тысяч миль.

Луис, всю жизнь пользовавшийся трансферными кабинами, совершенно потерял чувство расстояния.

— Оглянись,— сказал он.— Видишь этот след? Как, по-твоему, что это такое?

— Наверняка это осталось после нашего пролета через атмосферу. Он еще не успел рассеяться.

— Ага... А я думал, это какая-то пыльная буря. Что и говорить, мы неплохо падали! — Полоса была, по крайней мере, несколько тысяч миль в длину.

— Атмосферное давление увеличилось.

— Это важно?

— В незнакомой обстановке нужно обращать внимание на все. Неизвестно, какая деталь вдруг окажется важной. Например, эта гора, которой мы пользуемся как ориентиром — она наверняка более высока, чем нам кажется. Или эта серебряная точка перед нами.

— Какая точка? Где?

— Почти на линии горизонта, если бы он здесь был. Прямо перед нами.

С таким же успехом можно было искать что-либо на карте, рассматриваемой сбоку, однако Луису удалось его найти: яркий, зеркальный блик, а не отдельная точка.

— Отраженный солнечный свет. Что это может быть? Стеклянный город?

— Невозможно.

Луис рассмеялся.

— Это еще мягко сказано. И все-таки оно размером с целый город. Или это огромное поле, покрытое зеркалами. Может, это большой зеркальный телескоп?

— Если и так, то он давно бездействует.

— Откуда ты это знаешь?

— Мы же констатировали, что цивилизация Кольца в своем развитии вернулась в эпоху варварства. Будь иначе, они не позволили бы, чтобы такие огромные пространства превратились в пустыни.

Еще не так давно Луис согласился бы с этим аргументом, но теперь...

— Возможно, ты упрощаешь проблему. Кольцо больше, чем нам казалось. По-моему, здесь достаточно места и для высокоразвитой цивилизации, и для варваров, и для множества переходных стадий.

— Любая развивающаяся цивилизация стремится к завоеванию новых территорий.

— Верно, но...

Впрочем, они все равно скоро увидят, что это такое. Сверкающая точка была точно впереди по курсу.

Конструкторы скутера не предусмотрели, что его пассажир может захотеть кофе.

Луис глотал последние кусочки своего кирпичика, когда заметил на пульте два зеленых огонька. Некоторое время он подозрительно разглядывал их, потом вспомнил, что еще вчера вечером отключил интеркомы Тилы и кзина.

— Добрый день! — сказал кзин.— Ты видел рассвет, Луис? Это необычайно стимулирующее зрелище.

— Да, я видел. Привет, Тила.

Девушка не ответила.

Луис внимательно вгляделся в ее лицо, отчужденно-благостное, как в нирване.

— Несс, ты не пробовал на ней тасп?

— Нет. Зачем мне это делать?

— Как давно она в таком состоянии?

— В каком состоянии? — заинтересовался Говорящий.— Последнее время она не слишком разговорчива, если ты это имеешь в виду.

— Я имею в виду выражение ее лица!

Голова Тилы на маленьком экране невидящими глазами смотрела в бесконечность. Девушка была идеально счастлива.

— Она выглядит расслабленной,— заметил кзин.— Пожалуй, ей удобно. Более тонкие детали человеческой...

— Это не важно. Посади нас на землю, хорошо? Она вошла в транс Маунт Лукиткета.

— Не понимаю.

— Достаточно будет, если ты сядешь.

Они начали снижаться. Желудок Луиса ощутил себя неважно в свободном падении, которым угостил их кзин, но, к счастью, сила тяжести вскоре вернулась. Луис разглядывал лицо Тилы, оно ни на секунду не изменило выражения. Девушка была идеально спокойна, уголки ее губ слегка поднимались вверх.

Мозг Луиса работал на максимальных оборотах. Ему кое-что было известно о гипнозе. Если бы еще вспомнить...

— Попытаемся найти какую-нибудь долину,— обратился он к кзину.— Я хотел бы убрать с ее глаз этот чертов горизонт.

— Хорошо. Вы с Нессом переходите на ручное. Тилу посажу я.

Четырехугольный строй распался на три части. Говорящий повернул в направлении ручья, на который Луис уже обратил внимание. Луис с Нессом следовали за ним.

Теряя высоту, они пролетели над потоком. Говорящий повернул еще раз и летел теперь с минимальной скоростью вдоль течения, отыскивая какой-нибудь луг или участок берега, свободный от деревьев.

— Растения очень похожи на земные,— заметил Луис.

Кзин и кукольник согласились с ним. Они вновь повернули, следуя за руслом потока.

Поперек ручья, растягивая длинную сеть, стояли туземцы. Когда подлетела маленькая эскадра, все посмотрели вверх и довольно долго стояли неподвижно с открытыми ртами.

Луис, Говорящий и Несс отреагировали совершенно одинаково: свечой взмыли вверх. Туземцы мгновенно уменьшились до едва заметных точек, ручей

превратился в извилистую нитку. Буйный раскидистый лес поглотил все.

— Переключайтесь на автопилот,— распорядился кзин тоном, исключавшим возражения.— Садимся в другом месте.

«Он научился такому тону только потому, что жил среди людей,— подумал Луис.— Должность посла требует самых разных способностей».

Тила ничего не заметила.

— Итак? — спросил Луис.

— Это были люди,— отозвался кукольник.

— Ты тоже видел это? Я думал, что у меня галлюцинация. Откуда здесь взяться людям?

Никто даже не попытался ответить на этот вопрос.

12. КУЛАК БОГА

Они приземлились в небольшой долине, окруженной низкими холмами, поросшими лесом. Псевдогоризонт исчез за склонами, дуга на небе была не видна в сиянии солнца — короче, все это напоминало какую-нибудь из заселенных людьми планет. Правда, трава здесь не слишком напоминала таковую, но была зеленой и росла там, где должна расти трава. Растительность, как еще раньше заметил Луис, была решительно земного типа. Анализаторы, которыми были снабжены скутеры, констатировали, что даже на молекулярном уровне местные растения родственны земным.

Несс обошел поляну, собирая для анализа насекомых и пробы растений. Он был единственным, кто надел скафандр, и тому, кто решился его атаковать, пришлось бы сначала управиться с необычайно прочным материалом.

Тила неподвижно сидела в своем скутере, ее ладони легко лежали на ручках приборов, уголки губ слегка поднимались вверх. Она сидела расслабленно и в то же

время напряженно, будто позировала. Ее зеленые глаза смотрели сквозь Луиса и барьеры зеленых холмов в бесконечность абстрактного горизонта Кольца.

— Не понимаю,— сказал кзин.— Что с ней, собственно, случилось? Она не спит и в то же время не реагирует ни на что.

— Гипноз автострады,— объяснил Луис.— Она сама выйдет из него.

— Значит, опасности нет?

— Сейчас уже нет. Я боялся, что она может выпасть из скутера или начнет мудрить с управлением. На земле ей ничего не грозит.

— Но почему она не обращает на нас внимания?

Луис принялся объяснять.

Стоя на вершине Маунт Лукиткет, человек смотрит в бесконечность. Правда, высота горы всего сорок миль, но человеческий взгляд, теряясь в тумане, видит именно бесконечность. Влажный туман бел и бесформен, он тянется от склона до горизонта. Пустота хватает своими когтями разум человека и крепко держит его, а сам он неподвижно стоит на краю бесконечности, пока кто-нибудь не придет и не заберет его оттуда. Это называют «трансом Маунт Лукиткет».

А тот, кто полжизни проводит среди завораживающей черноты космоса и мерцающего блеска звезд... Человек может потерять там душу, и окружающие потом с удивлением обнаружат, что его тело совершало все необходимые действия, тогда как разум находился в местах, о которых ничего не помнит. Это называют «потерянным взглядом», и это очень опасно. Иногда душа не хочет возвращаться в тело.

— Все это попросту самогипноз,— закончил Луис. Он заглянул в широко открытые зеленые глаза, и девушка беспокойно задрожала.— Пожалуй, я мог бы вывести ее из этого состояния, но зачем рисковать? Пусть пока поспит. Она проснется сама.

— Я не понимаю, что такое гипноз,— кзин пристально смотрел на своего собеседника.— Знаю, что это такое, но не понимаю.

Луис кивнул.

— Ничего удивительного. Едва ли кзины поддаются гипнозу. Да и кукольники, по-моему, тоже,— добавил он, поскольку Несс, собрав образцы чужой жизни, присоединился к ним.

— Мы можем изучать то, чего не понимаем,— вступил в дискуссию кукольник.— Например, нам известно: в человеке есть нечто, позволяющее ему принимать решения извне. Какая-то его часть хочет, чтобы кто-то другой сказал ему, что нужно делать. Гипнозу поддаются верящие гипнотизеру люди с большой способностью к концентрации.

— Но что такое сам гипноз?

— Навязанное извне состояние мономании.

— А почему человек впадает в мономанию?

На это у Несса не нашлось ответа.

— Потому что верит гипнотизеру,— подсказал Луис.

Говорящий покачал головой и отвернулся.

— Такая вера в кого-то другого есть нечто ненормальное. Признаться, я тоже не понимаю, что такое гипноз,— сказал кукольник.— А ты, Луис?

— Не совсем.

— Это хорошо,— заметил Несс, и его головы посмотрели друг на друга.— Я не мог бы верить тому, кто понимает такое, что не имеет смысла.

— Ты узнал что-нибудь о здешних растениях?

— Они очень похожи на земные. Вот только некоторые из них гораздо больше адаптированы, чем можно было ожидать.

— Ты хочешь сказать, они стоят на следующей ступени эволюции?

— Возможно. А может, это потому, что более приспособленному растению легче найти место и необходимые для жизни составляющие, особенно в ограни-

ченной среде на искусственной планете, которой можно считать Кольцо. Самое же главное — растения и насекомые достаточно похожи на земные, чтобы представлять для нас опасность.

— Но не только, я полагаю?

— О, да. Некоторые растения съедобны даже для тебя. Правда, тебе еще придется самому проверить их — сначала на безвредность, а потом на вкус. Есть и очень много таких, которые можно переделать под привычные для нас в регенераторе пищи.

— Значит, мы не умрем с голоду.

— Этот единственный плюс не компенсирует различных неудобств и опасностей. Если бы наши инженеры догадались снабдить «Лгуна» звездным семенем!

— Чем?

— Это простое устройство, излучающее очень характерное электромагнитное поле. Мы могли бы вызвать помощь.

— Но, насколько мне известно, сигналы передвигаются очень медленно! Мы могли бы ждать годами!

— Независимо от того, как долго пришлось бы ждать, нам не нужно было бы покидать безопасного корабля.

— И ты бы это выдержал? — презрительно фыркнул Луис, глядя на кзина.

Взгляды их встретились.

Говорящий, сжавшись на земле в нескольких ярдах от него, смотрел ему прямо в глаза и улыбался — совсем как чеширский кот из «Алисы в Стране Чудес».

Какое-то время они изучали друг на друга, потом кзин с демонстративной развязностью встал, прыгнул, словно тигр, и исчез в зарослях.

Луис отвернулся. Он чувствовал, что произошло нечто важное, но что? И почему? Он пожал плечами.

Тила сидела в своем кресле в такой позе, словно все еще мчалась вперед. Луис вспомнил, что чувствовал он, когда подвергался гипнозу в лечебных целях. Все

это было только игрой между ним и гипнотизером, и в любой момент он, Луис Ву, мог встать и выйти. Правда, он ни разу не сделал этого.

В глазах Тилы вдруг вспыхнуло сознание. Она тряхнула головой и посмотрела в их сторону.

— Луис! Мы сели? Каким образом?

— Самым обычным.

— Помоги мне,— такое выражение лица бывает у ребенка, забравшегося на высокий забор и не знающего, как с него слезть.

Луис обнял ее за талию и высадил на землю. Прикосновение тела девушки вызвало дрожь: он почувствовал, как по телу разлилось приятное тепло, и оставил свои ладони там, где они были.

— Я помню, что мы летели на высоте более мили,— сказала Тила.

— Больше не смотри так долго на горизонт.

— Неужели я заснула за рулем? — засмеялась она, откидывая голову назад. Ее волосы рассыпались великолепным черным каскадом.— А вы испугались? Прости, Луис. Где Говорящий?

— Погнался за каким-то кроликом. Кстати, почему бы и нам не размяться, раз уж представился случай?

— Хорошая мысль.

Луис открыл багажник своего скутера и вытащил одеяло.

— Вы меня поражаете,— головы Несса попытались изобразить это чувство.— Ни одна другая разумная раса не спаривается так часто. Ладно уж, идите. Только внимательно осмотрите место, где собираетесь развлечься. Вокруг полно чужих форм жизни.

— А ты знаешь,— спросил Луис,— что «нагой» значило когда-то то же самое, что «беззащитный»?

Ему действительно казалось, что, снимая одежду, он лишается какой-то магической защиты. Кольцо обладало функционирующей биосферой, наверняка пол-

ной всевозможных насекомых, бактерий и зубастых созданий, питающихся свежим мясом.

— Нет.— Стоя нагишом на одеяле, Тила протянула руки к висящему над головой солнцу.— Как хорошо! Ты знаешь, я впервые вижу тебя нагого днем.

— Взаимно. Признаться, ты выглядишь неплохо. Смотри, я тебе кое-что покажу,— он поднял руку к своей безволосой груди.— ...! Шрамы исчезают, и потом...— он провел ладонью по коже, но не почувствовал ни малейшего рубца.— Это было на Джуммиджи. Акула содрала с меня целую полосу кожи шириной дюйма в четыре, от плеча до пупка. Если бы она повторила атаку сразу же, то перекусила бы меня пополам. К счастью, она решила сначала проглотить первый, небольшой кусок, и он оказался для нее смертельным ядом: она тут же сдохла в страшных судорогах. А теперь от шрама не осталось и следа.

— Бедный Луис. Но у меня тоже нигде нет никаких шрамов.

— Это потому, что ты — статистическая аномалия, к тому же всего лишь двадцати лет от роду.

— Ох!

— Мм... Ты такая гладенькая...

— Еще какие-то воспоминания?

— Однажды я плохо справился с шахтерским лазером...— он повел ее руку...

Луис лег навзничь, а Тила уселась на него верхом. Какое-то время они глядели друг другу в глаза, потом Луис сделал первое движение.

Женщина, когда на нее смотришь сквозь густеющий туман приближающегося оргазма, излучает какое-то ангельское сияние...

Что-то размером с кролика выскочило из-за деревьев, промчалось по груди Луиса и исчезло на другой стороне поляны. Секундой позже из кустов появился Говорящий, крикнул: «Извините!» — и помчался за добычей.

Когда все вновь собрались у скутеров, мех вокруг губ Говорящего был забрызган свежей кровью.

— Впервые в жизни,— сказал он с нескрываемым удовлетворением,— я добывал пропитание только с помощью клыков и когтей.

Впрочем, он последовал совету Несса и проглотил тройную дозу противоаллергического средства.

— Пожалуй, самое время поговорить о туземцах,— предложил Несс.

— О туземцах? — удивленно переспросила Тила.

Луис объяснил ей, в чем дело.

— Но почему мы удрали? Что они могли нам сделать? Это действительно были люди?

Луис ответил только на последний вопрос, поскольку он и ему не давал покоя:

— Понятия не имею. Откуда здесь взяться людям?

— Нет никаких сомнений,— прервал его кзин.— Я верю своей интуиции, Луис. Может, они отличаются от тебя и Тилы, но это, несомненно, люди.

— С чего это вдруг такая уверенность?

— Я почувствовал их запах, как только мы выключили звукопоглощающие барьеры. Где-то далеко отсюда их целая масса. Поверь моему чутью, Луис.

Что ж, в конце концов, это было чутье охотника-хищника.

— Параллельная эволюция,— неуверенно предположил он.

— Вздор,— головы Несса выразили редкостное согласие.

— Верно. Форма и строение человеческого тела были очень удобны для наделенного разумом Создателя инструментов, но не более чем любые другие.

— Мы только теряем время,— не выдержал Говорящий.— Проблема заключается не в том, откуда здесь взялись люди, а в том, как установить первый контакт. Тем более что для нас любой контакт будет первым.

Кзин был прав. Эскадра скутеров наверняка двигалась быстрее, чем известие о ее прибытии. Разве что туземцы располагали чем-то вроде семафоров...

— Мы должны как можно больше узнать о поведении и жизни людей на этом уровне развития. Луис? Тила?

— У меня есть некоторое понятие об антропологии,— ответил Луис.

— Значит, говорить будешь ты. Будем надеяться, что автопилот справится с переводом. Попробуем установить контакт с первой же группой, на которую наткнемся.

Они едва поднялись в воздух, как густой лес уже сменился квадратами возделанных полей. А сразу после этого Тила заметила город. Он немного напоминал прежние земные города и состоял в основном из огромного количества малоэтажных, стоящих рядами зданий. Над этой плотной массой поднимались единичные стройные башни, соединенные эстакадами коммуникационных трасс — на Земле в подобный период пользовались геликоптерами.

— Может, уже здесь мы найдем то, что ищем? — с надеждой в голосе спросил кзин.

— Держу пари, что он совершенно пуст,— произнес Луис.

Предположение оказалось верным. Они убедились в этом сразу, как только оказались над городом.

В дни своего расцвета он был невообразимо прекрасен из-за одной его особенности, не свойственной никакому другому городу во Вселенной. Значительная часть зданий не стояла на земле, а висела в воздухе, соединяясь с почвой и соседними зданиями паутиной рам и стволов лифтов. «Воздушные замки», свободные от ограничений, налагаемых силой тяготения, ошеломляли разнообразием форм и размеров.

Теперь же под скутерами разворачивалась картина разрушения: вся территория города была покрыта ку-

чами битого кирпича, лопнувших бетонных плит и искореженных стальных конструкций.

Это дало Луису пищу для размышлений. Люди не строили подобных замков — для этого они были слишком осторожны.

— Вероятно, они упали все одновременно,— заметил Несс.— Нигде не видно ни следа ремонта. Несомненно, это была авария центральной энергетической станции. Говорящий, кзины так же строят свои города?

— Мы не любим высоты. Так могли бы строить люди, но они слишком ценят свою жизнь.

— Закрепитель! — воскликнул Луис.— Это наверняка из-за него. Они просто никогда не изобретали ничего вроде нашего закрепителя.

— Да, возможно. Они жили недолго, поэтому не очень-то заботились об этой жизни,— рассуждал вслух кукольник.— Звучит достаточно зловеще. Раз они не ценили свои жизни, значит, не будут волноваться из-за наших.

— Ты слишком рано начал беспокоиться.

— Скоро мы в этом убедимся. Говорящий, видишь то высокое здание? Светло-кремовое, с выбитыми стеклами?

Они пролетели над ним всего минуту назад. Луис, исполнявший обязанности пилота эскадры, широким виражом повернул к этому месту.

— Я был не прав. Видишь, Говорящий? Дым.

Здание примерно в двадцать этажей с круглыми черными окнами украшал богатый орнамент. Большинство окон у самой земли были чем-то закрыты, а из немногих отверстий поднимался дым. Эту своеобразную башню когда-то окружали одно- и двухэтажные домики, которые теперь почти все были раздавлены огромным катящимся цилиндром, упавшим с неба; однако, не успев добраться до башни, он сам превратился в груду развалин.

Башня была выстроена на краю города, и сразу же за ней начинались квадраты возделанных полей. Когда скутеры пошли на посадку, путешественники заметили многочисленные фигуры, бегущие к городу.

Здания, которые сверху казались почти нетронутыми, вблизи оказались руинами. Авария энергетической системы и связанная с ней катастрофа произошли много поколений назад. Разрушение завершили вандализм, дожди и коррозия, а также все, благодаря чему земные археологи могли так много узнать о прошлом своей планеты.

Жители не отстроили своего города заново и не решились покинуть его — они просто жили в руинах, на растущей от поколения к поколению груде мусора и отбросов. То ли они были слишком ленивы, то ли слишком заняты, чтобы привести все в порядок.

Первоначальный вход в башню уже давно оказался под слоем мусора. Когда эскадра скутеров приземлилась на утоптанном слое отбросов, десятидюймовым ковром покрывающим бывшую стоянку для наземных экипажей, из окна первого этажа с достоинством вышли пять гуманоидов. Окно было двойным, и над проемом, а также по обеим его сторонам висело множество черепов, очень похожих на человеческие. Луис так и не понял системы, по которой их там размещали.

Пятеро туземцев направились к скутерам. Подойдя, они явно заколебались, не зная, кто из прибывших самый главный. Они очень походили на людей, но не до конца, и, безусловно, не принадлежали ни к одной из выделенных антропологами рас.

Каждый был на добрых шесть дюймов ниже Луиса. Кожа у них была очень светлой, а в сравнении с желтокоричневой кожей Луиса или светло-розовой Тилы казалась мертвенно-бледной. У всех были короткие туловища и очень длинные ноги, пальцы на руках были чрезвычайно длинны и тонки. В те времена, когда люди выполняли операции вручную, они могли бы быть от-

личными хирургами. Однако еще необычнее были их прически и бороды, они были старательно расчесаны, но наверняка ни одну из них никто и никогда не подстригал. Из-под густых волос виднелись только глаза.

— Какие волосатые! — шепнула Тила.

— Оставайтесь на скутерах,— негромко приказал Говорящий с Животными.— Подождите, пока они подойдут, и только тогда спускайтесь. У всех есть коммуникаторы?

Луис спрятал свой в левой ладони. Коммуникаторы были связаны с автопилотом «Лгуна» и должны были действовать, несмотря на разделяющее их расстояние. В свою очередь, автопилот должен был справиться с любым новым языком.

Однако как все будет на самом деле, им еще предстояло выяснить. Если бы не эти черепа...

На площади вскоре собралась большая толпа. Обычно над такой толпой висит гул разговоров, шепот, здесь же царила полная тишина.

Возможно, присутствие стольких зрителей заставило пятерку сановников действовать. Они наконец выбрали Луиса Ву.

Вблизи туземцы вовсе не оказались такими уж одинаковыми. Прежде всего они различались по росту. Все были худыми, но если один напоминал скелет, то у другого было даже что-то вроде мышц. Четверо были одеты в бесформенные серо-бурые одежды, пятый носил наряд того же покроя, только бледно-оранжевого цвета.

Заговорил самый худой с татуировкой в виде птицы на правой ладони. Четверо его товарищей хранили надменное молчание, молчала и окружавшая их широким кольцом толпа. Луису казалось, что эта необычная тишина свалится ему на голову каким-нибудь материальным грузом. Автопилот анализировал чужую речь.

— Мы называем эту гору Кулаком Бога,— туземец указал направление, откуда они прибыли.— Почему?

А почему бы и нет? — он явно имел в виду огромную гору, которую они увидели из борозды, пропаханной «Лгуном».

Автопилот отлично справлялся с переводом. Постепенно в мозгу Луиса создавался образ малой деревушки, обретающейся в руинах когда-то могучего города...

— Правда, Зигнамукликлик уже не так великолепен, как когда-то, но если начинает течь крыша, всегда можно спуститься этажом ниже и переждать непогоду. Зачем нам мучиться, строя новые дома, если старые все равно лучше?

Туземцы видели перед собой двух удивительных чужаков и двух чем-то похожих на них особей, только без бород и необычно высоких. Все четверо прибыли на бескрылых металлических птицах, все четверо сами лопотали какую-то ерунду, но с помощью маленьких, округлых предметов говорили вполне разумно... Ничего странного, что туземцы приняли их за строителей Кольца. Луис решил не протестовать: объяснения могут затянуться.

— В этой башне расположена резиденция наших властей. Разве могли бы мы построить здание, более прекрасное, чем то, которые вы видите? Мы отгородили верхние помещения, так что стало легче удержать тепло в тех помещениях, которыми мы пользуемся. Когда-то мы защищали башню, сбрасывая сверху щебень и камень. Я помню, что нашей главной проблемой был страх высоты. И все же мы тоскуем о тех великолепных днях, когда в нашем городе жили тысячи тысяч людей, а дома и дворцы поднимались в воздух. Мы надеемся, что ты вернешь эти дни. Говорят, что в те времена этому миру придали его нынешнюю форму. Может, ты ответишь, так ли это было?

— Это было так,— подтвердил Луис.

— И эти великолепные дни вернутся?

Луис постарался отделаться парой общих фраз и почувствовал, что разочаровал своего собеседника.

Разглядеть выражение заросшего лица было делом совершенно безнадежным, а жесты бородача были частью совершенно чужой, незнакомой культуры. Из-под пепельных волос смотрели карие глаза, но по ним, вопреки всеобщему мнению, многого не прочтешь.

Он говорил певучим, мелодичным голосом, как будто читал стихи. Автопилот переводил слова Луиса таким же напевом, хотя тот обращался к нему совершенно нормальным тоном. Луис слышал, как коммуникатор Несса тихонько посвистывает на языке кукольников, а у Говорящего — фыркает на Языке Героев.

Луис перешел к вопросам. Туземец отвечал, почему-то называя его «инженером».

— Нет, мы не жаждем крови. Черепа? Их полно во всем Зигнамукликлике. Они лежат здесь со времени падения города, и мы используем их для украшения.

Оратор торжественно поднял руку, показывая сделанную на ней татуировку. Толпа что-то закричала в ответ на жест, но автопилот не перевел этого слова. Луис явно что-то упустил из виду и отлично понимал это.

— Покажи нам чудо, инженер,— потребовал худой бородач.— Мы не сомневаемся в твоей мощи, но ты можешь уже никогда здесь не появиться. Мы хотим увидеть что-нибудь такое, о чем можно будет рассказывать нашим детям.

Луис задумался. Их уже видели летящими, подобно птицам, значит, этот номер отпадал. А как насчет манны небесной из съедобных кирпичиков? Но даже рожденные на Земле люди отличались друг от друга, если говорить о терпимости к разного рода пище. Разница между вкусным блюдом и вызывающими отвращение отбросами чаще всего была продиктована традицией, а не каким-то чувством вкуса. Некоторые ели саранчу с медом, другие — копченых змей; что для одного было отличным сыром, для другого имело ценность кислого молока. Лучше не рисковать. В таком случае, может, искровой лазер?

Когда Луис полез в багажник своего скутера, край черного прямоугольника коснулся солнечного диска. Отлично. В наступающей темноте демонстрация должна произвести еще большее впечатление.

Он установил небольшую мощность и широкий угол рассеивания, после чего выбрал цель — маленькую резную фигурку, выступающую за край крыши башни. Луис передвинул регулятор, и фигурка осветилась белым светом. Луч сузился до тонкой зеленой линии, и на животе статуэтки появился огненный пупок.

Луис ждал восторженных возгласов.

— Ты сражаешься светом,— сказал мужчина с татуировкой на руке.— Это запрещено.

— ...! — снова крикнула толпа.

— Мы не знали об этом и просим простить нас.

— Не знали? Как это не знали? Разве не вы построили Арку в знак Союза с Человеком?

— Какую Арку?

Хотя лицо туземца было скрыто под густой бородой, его удивление было видно совершенно ясно.

— Арку над Миром!

Только теперь Луис понял, в чем дело, и рассмеялся.

В ответ бородач размахнулся и неловко ударил его прямо в нос.

Удар оказался слабым, поскольку туземец был невысокого роста и не отличался силой. Слабым, но болезненным.

Луис не привык к боли. Большинство людей его времени не знали боли большей, чем от прищемленного пальца, а воспоминание о ней хранилось в нижних слоях подсознания как нечто такое, чего здоровый разум не мог вынести. Все виды спортивной борьбы, вроде каратэ, дзюдо или бокса, были давно запрещены.

Луис Ву вскрикнул и выпустил лазер.

Толпа бросилась на них. Двести казалось бы спокойных людей превратились в тысячу разъяренных

демонов. Худой предводитель схватил Луиса своими костлявыми руками, и тот сумел освободиться одним паническим рывком. В следующую секунду Луис уже сидел в скутере, и тут наконец включился его разум.

Органы управления остальных скутеров подчинялись его машине. Если бы он стартовал, они тоже взлетели бы, независимо от того, где в данный момент находились их пассажиры. Луис огляделся по сторонам.

Тила была уже в воздухе, наблюдая сверху за схваткой. Наверняка ей даже в голову не пришло помочь остальным. Кзин превратился в безумную, всеуничтожающую молнию. Он уже повалил полдюжины противников, а в тот момент, когда Луис на него взглянул, разбил рукояткой своего бластера череп седьмого. Заросшие волосами туземцы неуверенно топтались на безопасном расстоянии.

Длинные тонкие пальцы пытались вытащить Луиса из кресла и были уже близки к успеху, хотя он упирался руками и ногами. Наконец ему пришло в голову, что нужно включить звукопоглощающий барьер — силовое поле.

Когда невидимая сила отшвырнула нападающих от скутера, послышались испуганные крики. Однако один туземец по-прежнему сидел у Луиса на спине. Пришлось скинуть его, выключить на секунду поле и тут же снова включить его. Затем он огляделся в поисках Несса.

Кукольник пытался добраться до своего экипажа, и туземцы расступались в стороны, явно испуганные его необычным видом. Только один встал у него на пути, вооруженный длинным металлическим прутом.

Несс увернулся от удара, оказавшись спиной к опасности и к своему скутеру.

Кукольник погибнет, если подчинится закодированному в генах стремлению бежать. Разве что Говорящий или Луис вовремя успеют ему помочь.

Луис уже открыл рот, чтобы окликнуть кзина, когда Несс поднял одну из ног.

Луис закрыл рот.

Кукольник направился к скутеру, и больше никто не пытался его остановить. Копыто его задней ноги было в крови.

Группа поклонников воинских талантов кзина все еще держалась за пределами досягаемости его могучих рук. Говорящий презрительно сплюнул им под ноги,— жест, перенятый у людей,— и сел в свой скутер.

Мгновение спустя все были уже в воздухе. Луис стартовал последним. Еще издали он увидел, что хочет сделать Говорящий с Животными, и изо всех сил закричал:

— Подожди! Не надо!

Кзин уже вытащил «модифицированный инструмент для копания».

— Почему? — спросил он, однако на спуск не нажал.

— Не надо! Это будет убийство! Что они могут сделать нам сейчас? Забросать камнями?

— Они могут использовать твой лазер.

— А вот и нет. Есть же запрещение.

— Так сказал тот худой. Ты ему веришь?

— Да.

Кзин отложил оружие, и Луис облегченно вздохнул: честно говоря, он ожидал, что Говорящий сравняет город с землей.

Откуда взялось это запрещение? Может, была какая-то война? Или безумец с лазерным оружием. Жаль, что не у кого спросить.

— У тебя кровь идет из носа.

К тому же этот нос чертовски болел. Луис передал управление кзину, а сам занялся своими ранами. Под ними, в постепенно исчезающем из виду Зигнамукликлике, кружилась разъяренная, жаждущая мести толпа.

13. ЗВЕЗДНЫЕ СЕМЕНА

— Они должны были упасть на колени,— жаловался Луис.— Кроме того, автопилот представил меня как «инженера», а нужно было — «бог».

— Бог?

— Из строителей Кольца сделали богов. Мне следовало сразу обратить внимание на их молчание. ...! Они вели себя так, словно слушали старую, давно знакомую проповедь. Вот только я давал неправильные ответы.

— Значит, религия. Очень странно. Но, пожалуй, ты не должен был смеяться,— сказал интерком голосом Тилы.— Никто не смеется в соборе, даже туристы.

Они летели в гаснущем свете солнца; кольцо всходило в небе пятнистой голубой дугой. Сквозь звукопоглощающее поле пробился резкий, нарастающий вой, мгновение он сверлил им уши, потом стих — звуковой барьер был преодолен.

Зигнамукликлик исчез позади. Городу не удастся отомстить демонам: вероятно, он их больше никогда не увидит.

— Мне было смешно, мне и сейчас смешно. Они забыли, что живут на Кольце, и считают это аркой.

— Это действительно выглядит как арка,— отозвалась Тила.

— Ты права, я не должен был смеяться. Но нам все равно повезло: мы оставляем позади свои ошибки и не чувствуем на себе их последствий. Нужно только суметь подняться в воздух в любую минуту.

— И все же последствия некоторых наших ошибок останутся с нами. И надолго,— вставил кзин.

— Забавно, что это говоришь именно ты,— Луис осторожно потрогал нос, который сейчас больше напоминал торчащий на лице кусок бесчувственного дерева. Он успеет зажить, прежде чем кончится действие лекарства.

— Несс? — сказал он после небольшой паузы.

— Да, Луис?

— Мне кое-что пришло в голову. Ты говорил, что тебя считают безумцем, потому что ты отважен, верно?

— О, Луис, твой такт и твоя деликатность...

— Я говорю серьезно. Кукольник инстинктивно бежит от опасности, верно?

— Да.

— В том-то и дело, что нет. Кукольник инстинктивно отворачивается от опасности, чтобы ввести в действие свою заднюю ногу. Смертельно опасное оружие, Несс.

У Луиса до сих пор пред глазами стоял этот эпизод, как кукольник плавно поворачивается и со страшной силой ударяет твердым, как сталь, копытом. Головы его при этом раздвинулись максимально широко, чтобы точнее определить расстояние до цели. Итак, Несс пинком выбил у несчастного сердце из груди.

— Я не мог бежать, потому что тогда удалился бы от скутера.

— Но тогда ты вовсе не думал об этом. Ты действовал инстинктивно. Автоматически повернулся спиной к противнику и пнул. Нормальный кукольник поворачивается не для того, чтобы бежать, а чтобы сражаться. Вовсе ты не безумен, Несс.

— Ты ошибаешься, Луис. Большинство кукольников бегут от опасности.

— Но...

— А норма всегда определяется большинством.

— Стадное существо! — Луис сдался и поднял взгляд, чтобы увидеть последние лучи заходящего в зените солнца.

«Последствия некоторых ошибок останутся с нами...»

Что имел в виду Говорящий с Животными?

Над их головами появилось кольцо черных прямоугольников. Тот, который заслонил солнце, был окру-

жен ярким ореолом. Параболическая дуга Кольца пересекала звездное небо.

После бегства из Зигнамукликлика маленькой флотилией управлял Несс, затем он передал обязанности пилота Говорящему, и тот пилотировал всю ночь. Наконец, над их головами из-за края гигантского прямоугольника показалось слабое зарево — приближался рассвет.

К этому времени Луис нашел способ представить себе истинные размеры Кольца. Для этого следовало представить себе карту Земли в проекции Меркатора — то есть нормальную стенную карту, какими пользовались когда-то в школах — но чтобы экватор на этой карте был изображен в масштабе один к одному. Сорок таких карт, уложенных одна за другой, пересекли бы поперек голубую ленту Кольца. Поверхность карты была бы гораздо больше поверхности Земли, но если бы положить ее где-нибудь на Кольце, взглянуть в другую сторону, а потом попытаться найти — этот фокус мог бы не удаться.

Разбуженное воображение устремилось дальше безо всяких преград. Например, одинаковые океаны Кольца: каждый из них был больше самой крупной из населенных человеком планет. Если бросить в один из них Землю, она спокойно будет в нем плавать.

«Действительно, не следовало смеяться»,— еще раз мысленно попенял себе Луис. Прошло много времени, прежде чем ему удалось постигнуть величие всего этого... сооружения. Несс понял это раньше. В ту ночь, когда они впервые увидели Арку Неба, кукольник кричал от ужаса и пытался спрятаться под собственным животом.

Что за... Впрочем, не важно. По крайней мере, сейчас, когда все ошибки остаются позади со скоростью двух тысяч миль в час.

Говорящий с Животными вышел на связь, передал управление Луису и заснул.

Линия, отделяющая день от ночи, называется терминатором. Земной терминатор отлично наблюдается с Луны и с орбиты, но на самой Земле увидеть его невозможно. Резкие прямые линии, отделяющие на дуге Кольца день от ночи, были именно терминаторами. Одна из таких линий мчалась навстречу флотилии скутеров. Протянувшись от земли до неба, от одного невидимого края до другого, она приближалась, как материализованная судьба, как стена, слишком большая, чтобы обойти или перескочить ее.

Луис смотрел на уходящую влево ночь, приближающийся справа день и движущуюся через бескрайнюю равнину линию терминатора. Странный, необычный рассвет, демонстрируемый специально для Луиса Ву — туриста.

Далеко позади над размытой серостью сверкнула белая вершина.

— Кулак Бога,— вслух произнес Луис, смакуя грозное название.

Что за великолепное название для горы! Особенно, если принять во внимание, что это самая большая гора во Вселенной.

Луис Ву-человек испытывал сильную боль: если мышцы и суставы не начнут быстро приспосабливаться, он вскоре окостенеет в сидячем положении, тогда ничто не сможет поднять его с места. Еще хуже было то, что кирпичики, которые он получал в качестве еды, постепенно приобретали вкус... кирпичей. Да, кстати, он до сих пор почти не ощущал свой нос и... вот оно, самое плохое — не обнаружил кофейного кранника.

Однако Луис Ву-турист чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Возьмем, к примеру, рефлекс бегства у кукольников. Никто даже не подозревал, что в принципе это рефлекс борьбы. Никто, кроме Луиса Ву.

А звездные семена? Какое поэтическое название! Простое устройство, созданное тысячи лет назад, так

сказал Несс. И ни один кукольник никогда даже не заикнулся о нем. По крайней мере, до вчерашнего дня. Но ведь кукольники были такими неромантичными. Знали ли они, почему корабли Внешних летят в направлении сигналов, посылаемых звездными семенами? Наслаждались ли этим знанием или просто сочли его ничего не стоящим и давно о нем забыли?

Несс выключил свой интерком и, скорее всего, спал. Луис вызвал его: когда кукольник проснется, он увидит на своем пульте зеленый мерцающий огонек.

Знали ли кукольники?

Настоящие звездные семена — это существа, буквально кишевшие вблизи ядра Галактики. Они питались рассеянным в вакууме водородом и передвигались с помощью фотонных парусов. Сезонные миграции вели их обычно от ядра Галактики на самый ее край, где они откладывали яйца, а затем обратно. Что касается новорожденных, то они должны были сами найти дорогу домой, летя вместе с фотонным парусом к теплому, изобилующему водородом ядру.

Примерно в середине первой войны между людьми и кзинами одно из семян случайно свернуло со своего курса, сметенное в сторону резким порывом фотонного ветра. Летящий следом за ним корабль Внешних оказался возле Проциона и оставался там ровно столько времени, чтобы продать губернатору Уимедита планы гиперпространственного двигателя.

С тем же успехом он мог появиться на одной из планет кзинов. Не в это ли самое время кукольники изучали расу, к которой относился Говорящий?

— ...! У меня слишком разыгралось воображение.

Но ведь изучали же? Сам Несс говорил об этом. Кукольники внимательно наблюдали за кзинами, решая, нельзя ли их как-то безболезненно ликвидировать.

Война сняла эту проблему. Корабль Внешних приземлился на Уимедите, а когда люди уже заполучили

гиперпространственный двигатель, кзины перестали угрожать им и кукольникам.

— Они не решились бы,— испуганно прошептал Луис.— Если бы Говорящий...— даже думать об этом было страшно,— этот их дьявольский селективный эксперимент! Они использовали нас! Использовали нас!

— Совершенно верно,— произнес Говорящий с Животными.

На мгновение Луису показалось, что он спит, потом над пультом управления он увидел маленькую прозрачную головку кзина — он забыл выключить интерком.

— ...! Ты слышал?

— Случайно. Просто я не выключил интерком.

— Ох! — Луис вспомнил оскал кзина, сжавшегося на лугу на расстоянии, невозможном для подслушивания, когда Несс закончил описывать действие искусственных звездных семян. Уши кзина были ушами хищника, а его улыбка — рефлексом, обнажающим клыки для схватки.

— Ты говорил что-то о селективном эксперименте,— сказал кзин.

— Я просто...

— Кукольники стравили наши расы, чтобы ограничить экспансию кзинов. Уже тогда они располагали искусственными звездными семенами и воспользовались одним из них, чтобы направить корабль Внешних в населенный людьми район космоса и обеспечить вашу победу. Ты назвал это селективным экспериментом.

— Слушай, это только цепь домыслов и предположений. Успокойся и...

— Однако и ты, и я сумели ее заметить.

— Э-э-э...

— Я думал, не спросить ли Несса прямо сейчас... или лучше тогда, когда нам удастся покинуть Кольцо. Однако теперь, когда ты знаешь все, у меня нет выбора.

— Но...— начал Луис, однако не кончил. Не было смысла... Говорящий включил сирену, означавшую

опасность. Выдерживать этот вой долгое время было совершенно невозможно. Над пультом управления появилась миниатюрная головка Несса.

— Что случилось?

— Вы помогали в войне нашим врагам?! — рявкнул кзин.— Ваши действия равнозначны объявлению войны Патриарху Кзина!

Тила включилась с небольшим опозданием, поэтому услышала только последнюю фразу. Луис энергично затряс головой: *не вмешивайся!*

Головы кукольника удивленно закачались.

— О чем ты говоришь? — Голос его как всегда звучал невозможно чувственно.

— Первая Война с Людьми. Звездные семена. Гиперпространственный двигатель Внешних.

Головы исчезли, словно их сдул ураганный порыв ветра, и один из скутеров резко ушел в сторону.

Пока ничего особенного не происходит. Остальные два скутера были так далеко, что походили на серебристых мушек. Если бы дело дошло до схватки на земле, могло быть хуже. Но что могло случиться здесь, в воздухе? Скутер кукольника наверняка был быстрее экипажа кзина: Несс не мог не побеспокоиться о возможности сбежать.

Вот только кукольник вовсе не удирал. Описывая большую дугу, он приближался к Говорящему с Животными.

— Я не хочу тебя убивать,— сказал кзин.— Если ты намерен атаковать в воздухе, не забывай, что радиус действия твоего таспа может оказаться меньше радиуса действия этого модифицированного устройства для копания.

Луис похолодел. Сосредоточившись на своих ощущениях, он едва заметил маленькую серебряную точку, что отделилась от скутера Говорящего и полетела вниз.

— Я не собираюсь тебя убивать,— уже спокойнее повторил кзин.— Мне просто нужны ответы на не-

сколько вопросов. Мы знаем, что вы умеете управлять звездными семенами.

— Да,— подтвердил Несс.

Его скутер с огромной скоростью убегал вперед, но кзин не покинул своего места в строю. Полное спокойствие кукольника и кзина было только иллюзией — Луис не видел выражения их лиц, а они не могли передавать своих чувств интонациями.

— Мне нужен ответ, Несс.

— Твои домыслы верны,— сказал кукольник.— Наблюдения над хищными дикими кзинами, привели нас к выводу, что в вас таятся большие возможности, которые мы могли бы использовать с выгодой для себя. Поэтому мы предприняли некоторые шаги, чтобы довести вас до такого состояния развития, когда бы вы могли мирно сосуществовать с другими разумными существами. Мы использовали методы косвенные, и потому весьма безопасные.

— Несс, мне это вовсе не нравится.

— Мне тоже,— добавил Луис.

От его внимания не ускользнуло то, что оба чужака все время разговаривали на интерлингве. Если бы они использовали Язык Героев, содержание разговора осталось бы между ними, однако они предпочли включить в спор людей — и сделали совершенно верно, поскольку это было делом и Луиса Ву.

— Вы использовали нас,— сказал он.— Использовали нас точно так же, как и кзинов.

— Луис, отстань от него! — вмешалась Тила.— Если бы не кукольники, мы все были бы невольниками кзинов! Их удержали от уничтожения нашей цивилизации!

— У нас ТОЖЕ была цивилизация,— заметил кзин со своей убийственной улыбкой.

Одноглазая голова кукольника напоминала изрядно поблекшего, но готового к атаке питона; вторая, скорее всего, управляла скутером.

— Кукольники использовали нас,— процедил Луис.— Использовали как инструмент для коррекции развития кзинов.

— И им это удалось!

Звук, вырвавшийся из горла кзина, мог бы испугать самого смелого тигра; теперь уже никто не спутал бы его гримасы с улыбкой.

— Им это удалось,— повторила Тила.— Теперь вы живете в мире и можете сотрудничать с...

— Замолчи, человек!

— ...с другими разумными существами,— великодушно закончила она.— Вы не атаковали ни одной...

Кзин вытащил «слегка модифицированное» устройство для копания и подержал его перед интеркомом. Тила мгновенно умолкла.

— Это могли быть и мы,— буркнул Луис. Прочие посмотрели на него с интересом.— Если бы кукольники захотели для каких-то своих целей разводить людей...— он вдруг замолчал.— О, боже!

Кукольник молчал.

Тила беспокойно зашевелилась под устремленным на нее взглядом Луиса.

— В чем дело, Луис? Луис!

— Прошу прощения. Мне тут кое-что пришло в голову... Несс, отзовись. Расскажи нам о Лотерее Жизни.

— Луис, ты сошел с ума?

— Ррр...— буркнул Говорящий.— Я сам должен был это понять. Ну, так как, Несс?

— Слушаю,— сказал кукольник.

Его скутер был уже только серебристой точкой, уменьшающейся с каждой минутой. Луис отрешенно рассматривал изображение кукольника на интеркоме. Прозрачная забавная одноглазая головка не могла принадлежать грозному существу.

— Вы вмешались в демографические проблемы Земли.

— Да.

— Зачем?

— Мы любим людей, доверяем им, поддерживаем с ними выгодные торговые отношения. Помогая им, мы действуем в собственных интересах, ибо они наверняка раньше нас доберутся до Магеллановых Облаков.

— Любите нас? Очень мило. И что с того?

— Мы хотели немного улучшить вас генетически. Но что мы могли поправить? Наверняка не разум. Ведь не на нем основывается ваша сила — так же, как и не на прозорливости, долговечности и доблести.

— И тогда вы решили одарить нас счастьем,— Луис рассмеялся.

Глаза Тилы округлились от ужаса, она хотела что-то сказать, но смогла издать только нечленораздельный звук.

— Разумеется,— сказал Несс.— Не смейся, Луис. В вашей истории полно счастливых случаев, предотвращенных катастроф, после которых от вас не осталось бы даже следа. Даже о взрыве в ядре Галактики вы узнали совершенно случайно. Луис, почему ты все еще смеешься?

Луис смеялся, поскольку все это время смотрел на Тилу. Она покраснела до самых ушей. Ее глаза в панике бегали по сторонам, как будто ища место, где можно спрятаться. Не очень-то приятно узнать, что ты — лишь частица широкомасштабного генетического эксперимента.

— Мы изменили господствующие на Земле законы. Все вышло неожиданно просто и легко. Наше исчезновение из Освоенного Космоса вызвало крах на биржах. Одних мы перекупили, других запугали, чтобы потом вскрыть степень их продажности и перетянуть на нашу сторону. Вся операция была невообразимо дорога, но зато совершенно безопасна. Все кончилось просто: была организована Лотерея Жизни. Мы надеялись получить постепенно растущую популяцию счастливцев.

— Чудовище! — выкрикнула Тила.— Чудовище!

Говорящий спрятал оружие.

— Тебя не очень-то задело, что кукольники управляли развитием моей расы,— сказал он.— Хотели вывести кроткого кзина и пользовались обычными, известными биологам-экспериментаторам методами: ликвидировали неудачные особи и разводили удачных. Ты не видела в этом ничего плохого, твердя, что это совершалось ради блага людей. Чем теперь вызвано твое возмущение?

Тила разрыдалась от бессильной ярости и выключила связь.

— Кроткий кзин,— повторил Говорящий с Животными.— Вы хотели вывести кроткого кзина. Вернись к нам, Несс, если думаешь, что вам это удалось.

Кукольник не ответил. Его скутер исчез где-то вдали.

— Не хочешь присоединяться к нашей маленькой флотилии? Как же я буду защищать тебя от таящихся повсюду опасностей? Хотя... пожалуй, ты прав. Твои опасения не лишены оснований.— Кзин лениво вытянул перед собой мощные ладони, вооруженные когтями.— Ваши попытки вывести людей, которым всегда везло бы, тоже кончились ничем.

— Неправда,— запротестовал Несс.— Такие имеются. Это те, с которыми мне не удалось связаться. Им слишком везло.

Лицо кзина исчезло.

— Луис, Говорящий отключился,— сказал кукольник.— Если мне будет нужно что-то передать ему, я сделаю это через тебя.

— Конечно,— рявкнул Луис и тоже выключил интерком. Почти сразу же на пульте управления загорелся одинокий зеленый огонек. Кукольнику не терпелось с кем-нибудь поговорить.

После полудня они пролетели над морем размером со Средиземное. Луис снизился, чтобы лучше рассмот-

реть его; остальные два скутера повторили маневр. Значит, он по-прежнему управлял эскадрой — вот только никто не хотел с ним говорить.

Вдоль берега тянулся огромный город, от которого остались одни руины. За исключением портовой части, город почти не отличался от Зигнамукликлика. Луис не стал садиться: наверняка они не узнали бы здесь ничего нового.

Вскоре после этого суша начала подниматься, давление упало, и Луис время от времени чувствовал как бы фырканье в ушах. Зелень лесов и полей уступила место коричневым карликовым кустам, потом пустой тундре, голым скалам и наконец....

Под действием ветров и дождей на хребте, тянувшемся миль на пятьсот, не осталось ни кусочка почвы или скал, и грозно блестел конструктивный материал Кольца. Наверняка его строители не допустили бы такого...

Далеко впереди перед скутерами ярко сверкало таинственное пятно размером с Австралию. Неужели снова огромная территория, с которой исчезла почва, высохшая и развеянная ветрами из-за отсутствия воды? Гибель Зигнамукликлика и аварии энергетических систем должны были произойти в конечную фазу упадка. Сколько времени это могло продолжаться? Десять тысяч лет? А может, дольше?

Когда солнце неподвижно висит над головой, время течет совсем по-другому, утро и полдень ничем не отличаются друг от друга.

Когда они в последний раз разговаривали друг с другом? Прошло уже, наверное, несколько часов с той минуты, когда Луис вызвал Тилу, а сразу после этого — кзина. Оба игнорировали зеленые лампочки, мигавшие на пультах, так же как Луис не обращал внимания на ту, что горела у него.

— Хватит,— решил он наконец и включил интерком.

В уши ему ударила волна музыки. Только через минуту кукольник заметил, что связь восстановлена.

— Нужно сделать все, чтобы без кровопролития добиться прежней консолидации экспедиции,— сказал Несс.— У тебя есть какая-нибудь идея?

— Да. Однако не очень-то приятно начинать разговор с середины.

— Прошу прощения, Луис. Спасибо, что отозвался. Как ты себя чувствуешь?

— Одиноко и глупо. Это все из-за тебя. Никто не хочет со мной говорить.

— Я могу помочь?

— Возможно. Ты имел отношение к Лотерее Жизни?

— Лично руководил этим проектом.

— Худший из возможных вариантов. Чтоб ты стал первой жертвой контроля над рождаемостью! Нет никаких шансов на то, что Тила когда-нибудь заговорит со мной.

— Не следовало смеяться над ней! Если ты знал, что это ее обидит, зачем поднимать столь щекотливую тему? И все же... У тебя есть идея, как снова соединить нашу экспедицию?

— Да,— ответил Луис и выключил интерком. Пусть кукольник познает сладкий вкус неуверенности!

14. ИНТЕРЛЮДИЯ С СОЛНЕЧНИКАМИ

Луис пилотировал всю ночь и еще довольно долго после восхода солнца. Впрочем, он не знал, сколько прошло часов. Неподвижно стоящее в зените солнце творило всевозможные чудеса со временем, сокращая его или растягивая.

Если же говорить о настроении, то Луис Ву почти забыл о том, что рядом с ним летят другие скутеры. Этот бесконечный полет над бескрайней, все время меняющейся поверхностью суши и моря немногим отличался от одиноких скитаний в небольшом кораблик-

ке по неизвестным просторам Космоса. Луис Ву был один на один со Вселенной, а Вселенная на время забросила все свои дела, занимаясь только Луисом Ву. Важнейший и одновременно единственный вопрос звучал так: доволен ли Луис Ву?

Неожиданно над пультом управления появилось лицо, покрытое оранжевым мехом.

— Ты, наверное, устал,— сказал кзин.— Передашь управление мне?

— Я предпочел бы сесть. У меня все тело затекло.

— Ну, так садись. Ты же управляешь.

— Я не хотел бы никому навязывать своего общества,— только после произнесенной фразы до него дошло, что он действительно так думает.

— Полагаешь, Тила будет тебя избегать? Может, ты и прав. Она не говорит даже со мной, хотя наши ситуации мало чем отличаются друг от друга.

— Ты принял это слишком близко. Эй, подожди! Не выключайся!

— Я хочу быть один, Луис. Это травоядное покрыло меня страшным позором.

— Но это было так давно! Не выключайся, сжалься над старым человеком. Ты следил за пейзажем?

— Да.

— Заметил эти голые пространства?

— Да. Местами эрозия дошла до самой конструкции. Видимо, система управления воздушными массами вышла из строя очень давно. Такие разрушения не происходят за день, даже на Кольце.

— Верно.

— Луис, как могло ничего не остаться от цивилизации, обладавшей такой мощью?

— Понятия не имею и более чем уверен, что мы никогда этого не узнаем.

— Нужно собрать больше информации о туземцах,— сказал кзин.— Те, которых мы встретили, ничем не помогут нам. Нужно искать других.

Именно этого Луис и ждал.

— У меня есть одна мысль. Мы сможем контактировать с туземцами так часто, как нам это будет нужно.

— Итак?..

— Сначала я предпочел бы сесть.

— Тогда садись.

Поперек траектории их полета высился горный барьер. Знакомое зрелище! Безумные ветры сдули тонкий слой почвы, оставив отполированную поверхность конструкции Кольца.

Луис повел маленькую флотилию вниз, направляясь к округлым холмам предгорий, а точнее — к месту, где из гор вытекал серебряный поток, почти тут же исчезающий в бесконечной чаще леса.

— Что ты делаешь? — неожиданно спросила Тила.

— Сажусь. Я очень устал. Однако не выключайся, я хотел бы извиниться перед тобой.

Тила прервала связь.

— Эта идея осенила меня после разговора о богах,— начал Луис.

К сожалению, единственным его слушателем был Говорящий с Животными. Тила, выбравшись из своего скутера, бросила на Луиса уничтожающий взгляд и скрылась в лесу.

Говорящий кивнул головой, его уши дрожали, будто китайские опахала, которые держат нервные руки.

— Пока мы находимся в воздухе, нам ничего не грозит,— продолжал Луис.— Честно говоря, при необходимости мы могли бы добраться до края без посадок или садясь только там, где эрозия обнажила конструкцию Кольца. Так мы наверняка не встретили бы ни одной живой души, но и ничего бы не узнали. Кроме того, нам не удастся выбраться отсюда без помощи местных жителей, ведь все указывает на то, что придет-

ся как-то перетащить «Лгуна» почти на четыреста тысяч миль.

— Ближе к делу, Луис. Я хотел бы размять кости.

— Когда мы доберемся до края, нам нужно знать о туземцах гораздо больше, чем мы знаем сейчас.

— Несомненно.

— Тогда почему бы нам не изображать богов?

Говорящий уставился на Луиса.

— Это нужно понимать буквально?

— Да. Мы будем играть роль строителей Кольца. У нас нет такой мощи, как у них, но туземцам наши возможности все равно покажутся неограниченными. Согласен стать богом?

— Спасибо.

— Тила и я — твои прислужники... кукольник будет пойманным демоном.

Из мягких подушечек на ладонях кзина выглянули острые когти.

— Но Несса нет с нами. Он никогда не вернется.

— В том-то и дело. В...

— Вопрос не подлежит обсуждению, Луис.

— Очень жаль. Он нам нужен для этого спектакля.

— Тогда придется от него отказаться.

Действительно ли когти выглядывали помимо воли их хозяина? Но, так или иначе, их все еще было видно. Если бы они говорили через интерком, Говорящий давно бы уже прервал связь. Именно поэтому Луис и предпочел личное общение.

— Послушай, ведь неплохо придумано. Из тебя получился бы великолепный бог — с точки зрения человека, производишь очень сильное впечатление...

— А зачем нам нужен Несс?

— Для раздачи кар и милостей. Ты, как бог, разрываешь на куски усомнившихся и пожираешь их на глазах толпы: это кара. Тех же, кто тебе угоден, награждаешь с помощью таспа кукольника.

— А нельзя ли обойтись без него?

— Можно ли представить себе награду божественнее? Удар чистого наслаждения, направленный прямо в мозг, без каких-либо побочных эффектов. Тасп наверняка лучше, чем секс!

— Мне это не нравится. Правда, туземцы всего лишь люди, но я не хотел бы подчинять их себе. Уж лучше просто убить их. Впрочем, тасп кукольника действует только на кзинов, а не на людей.

— Думаю, ты ошибаешься.

— Луис, мы же оба знаем, что тасп сконструировали так, чтобы он оказывал влияние на мозг кзинов, я сам почувствовал это на себе. В одном ты прав: это, действительно, почти религиозный экстаз, точнее — дьявольский.

— Но откуда тебе известно, что тасп не воспринимается людьми? Я знаю Несса. Либо этот тасп действует и на тебя и на нас, либо у него есть еще один. Здесь не было бы ни меня, ни Тилы, если бы кукольник не имел для нас какого-нибудь крючка.

— Это только предположение.

— Позовем и спросим его?

— Нет.

— Почему?

— Не вижу в этом необходимости.

— Да, я забыл, что ты не любопытен... Обезьянье любопытство — черта, неизвестная большинству разумных рас.

— Ты хотел пробудить мое любопытство, да? Понимаю. Собираешься заставить меня действовать согласно своим ожиданиям. Ничего не выйдет. Пусть кукольник летит дальше.— И прежде чем Луис успел что-либо ответить, кзин повернулся и прыгнул в зеленые заросли. Это закончило дискуссию еще успешнее, чем выключение интеркома.

Весь мир ополчился против Тилы Браун, и она тихонько всхлипывала, проливая слезы над своей судь-

бой. Для этого ей удалось найти действительно красивое местечко.

Листва над ее головой образовывала плотный зонтик и не пропускала прямые лучи солнца, однако ближе к земле она становилась реже, и там можно было ходить безо всяких трудностей. Высокие отвесные скалы окружали глубокое хрустально-чистое озерко, чья вода лишь в одном месте была вспучена падающей колонной водопада.

Тила купалась в озерке. Шум водопада заглушил бы ее отчаянные рыдания, но благодаря амфитеатру скал усиливались даже самые слабые звуки. Казалось, что сама Природа плачет вместе с ней.

Разумеется, Тила, выброшенная после аварии в чужой мир, не ушла бы никуда без своего набора первой помощи — небольшой плоской коробочки, в которой находился непрерывно действующий передатчик. Его сигнал и привел Луиса к одежде Тилы, сложенной на своеобразной полке из гранита, что была почти вровень с водой.

Девушка сидела на чем-то возле самого водопада, только плечи торчали над водой. Голова ее поникла, и черные волосы густой завесой закрывали лицо. Не было смысла ждать, пока она сама придет к нему. Луис снял одежду, положил ее на гранитную полку и прыгнул в воду. В ту же секунду он понял, как здорово ошибся.

Во время своих путешествий ему не слишком часто встречались планеты, похожие на Землю, а те, на которые попадал, были, по крайней мере, так же освоены и цивилизованы, как сама Земля. Конечно, Луис Ву не принадлежал к числу глупцов и, если бы подумал, какую температуру может иметь вода...

Но он не подумал.

Когда ему наконец удалось вынырнуть, он фыркал от холода и отчаянно хватал воздух. А потом это начало ему нравиться. Луис знал, как нужно вести себя в воде, хотя учился он этому не в полярных широтах. Он

ритмично шевелил руками и ногами, держась на поверхности и чувствуя, как водопад омывает его тело бодрящими потоками.

Тила не могла его не заметить, и он поплыл к ней. Девушка не отодвинулась, только наклонила голову и вновь спряталась от мира за сплошной завесой волос. Он коснулся плеча Тилы и указал на берег.

Они поспешили скорее облачиться в скафандры.

— Прости, что я смеялся над тобой,— сказал Луис.

Она кивнула головой, принимая к сведению факт извинения, но в этом жесте не было прощения.

— Пойми, это действительно было смешно. Кукольники, повсеместно считаемые самыми большими трусами Галактики, разводят людей и кзинов, как две породы скота! Они превосходно понимали рискованность своих поступков.— Луис знал, что говорит слишком много, но испытывал непреодолимое желание объяснить свое поведение.— И смотри, до чего они дошли. Кроткий, рассудительный кзин — это вовсе не глупая мысль. Я знаю кое-что о войнах с кзинами: они были по-настоящему жестокими. Предки Говорящего сравняли бы Зигнамукликлик с землей, но сам он этого не сделал. Но разведение людей, с целью получения популяции счастливчиков...

— По-твоему, они ошиблись в моем случае?

— Какого...! Ты думаешь, я хочу тебя обидеть? Мне все это кажется забавным, не более того.

— И думаешь, что я тоже должна веселиться?

— Нет. Это был бы перебор.

Она нуждалась в утешении и покое, а не в мести. Луис мягко гладил ее по спине, и Тила немного расслабилась.

— Мне хочется, чтобы все мы снова были вместе,— Луис сразу почувствовал, как напряглись ее мышцы.— Тебе не нравится эта идея?

— Нет.

— Несс?

— Я его ненавижу. Ненавижу! Он разводил нас, как... как скотов! — она вдруг успокоилась.— Но Говорящий застрелит его сразу, как только он появится, значит, не о чем говорить.

— А если бы мне удалось убедить Говорящего, чтобы он позволил кукольнику присоединиться к нам?

— Интересно, как бы ты это сделал?

— И все-таки?

— Но зачем?

— «Счастливый Случай» по-прежнему принадлежит Нессу. Такой корабль — единственный шанс для человечества добраться до Магеллановых Облаков быстрее, чем за несколько сотен лет. Если мы покинем Кольцо без Несса, нам не видать корабля.

— Это отвратительно, Луис.

— Подожди. Ты сама говорила, что если бы не то, что кукольники сделали с кзинами, мы были бы сегодня невольниками Говорящего. И это правда. Но если бы кукольники не вмешались в наши земные дела, ты вообще бы не родилась!

Она замерла. Ее чувства всегда отражались на лице, но сейчас оно было закрыто волосами. Луис не сдавался.

— То, что сделали кукольники, случилось очень давно. Неужели ты не можешь простить и забыть?

— Нет! — Она рванула застежку на скафандре и бросилась снова в ледяную воду. Луис после секундного колебания последовал за ней. Когда он вынырнул, Тила сидела на прежнем месте у подножия водопада. При этом она соблазнительно улыбалась. Как может настроение меняться так быстро?

Луис подплыл к ней.

Они стояли друг перед другом на коленях на узкой подводной скале. Любовь оказалась чудесной смесью холода и тепла. Вода оставалась по-прежнему холодной, но страстные объятия, прикосновения крепких грудей, пальцы, ловко и нежно скользившие по позво-

ночнику, бедрам,— все это дарило ни с чем не сравнимое тепло.

Возвращаясь к скутерам, они молчали. Наконец Тила не выдержала.

— Ну, ладно... Если тебе удастся убедить кзина, можешь вызывать Несса.

— Спасибо,— поблагодарил он, не скрывая удивления.

— Это только из-за «Счастливого Случая»,— пояснила она.— Впрочем, у тебя все равно ничего не получится.

Говорящему с Животными удалось и как следует поесть, и заняться традиционными физическими упражнениями, то есть приседаниями. Было у него время и на менее традиционные упражнения — лазанье по деревьям. Когда он вернулся к своему скутеру, мех на его лице был идеально чист.

Отдых был окончен, скутеры опять взмыли в небо. Луис включил интерком и вернулся к разговору о Нессе.

— Послушай, ведь это было так давно!

— Чувство достоинства не слабеет со временем, но ты, конечно, не можешь об этом знать. Больше того, на нас до сих пор сказываются последствия их эксперимента. Почему Несс решил выбрать для этого путешествия именно кзина?

— Он уже объяснил это.

— А зачем ему Тила Браун? Он получил от Лучше-Всех-Спрятанного задание проверить, унаследовала ли она этот «счастливый» ген. Он хотел также убедиться, что кзины стали более кроткими. И выбрал именно меня, поскольку посол на планете, жители которой известны своей дерзостью, должен обладать именно той кротостью, которая его интересовала.

— Я тоже думал об этом,— признался Луис.— Может, Нессу поручили упомянуть о звездных семенах именно для того, чтобы проверить реакцию кзина?

— Это не имеет значения. Я утверждаю, что не стал более кротким.

— Тебе не надоело без конца повторять это слово?

— Почему ты так защищаешь кукольника, Луис? Зачем он тебе нужен?

«Хороший вопрос,— подумал Луис.— Нессу полезно немного поволноваться».

Скутеры набрали высоту, следуя за рельефом местности.

— Меня интересует его точка зрения,— сказал Луис.— Мы находимся в чужом, необычном месте, и чтобы понять, что здесь вообще происходит, нужно как можно больше различных мнений.

Тила согласно кивнула: хороший ответ! Луис подмигнул ей. Говорящий наверняка не заметил обмена этими знаками, свойственными только людям.

— А мне не нужен кукольник, чтобы объяснить то, что происходит вокруг. Мои глаза, мой нос и мои уши вполне меня устраивают.

— Возможно. Но тебе нужен «Счастливый Случай». Он всем нам нужен.

— Это — всего лишь выгода, а честь главнее выгоды.

— ...! Но ведь «Счастливый Случай» нужен всем людям и кзинам.

— Даже если прибыль принадлежит не только тебе, ее нельзя ставить выше чести.

— Моей чести ничто не грозит.

— Не уверен,— сказал кзин и выключил интерком.

— Очень полезная вещь этот выключатель,— язвительно заметила Тила.— Я так и знала, что он отключится.

— Я тоже. Трудно же его убедить!

За горами расстилалось бескрайнее море туч. Скутеры летели над матово-серой поверхностью, а над ними на светло-голубом небе чуть вырисовывалась дуга Кольца. Горы остались позади, а вместе с ними — окру-

женное лесом озерко с водопадом. Больше они его никогда не увидят.

Внизу, на клубящемся ковре туч, было хорошо видно, как вслед за ними движется ударная волна. Впереди только одна деталь нарушала бесконечно-серое спокойствие. Луис решил, что это либо гора, либо огромная, невероятно удаленная от них воздушная аномалия. Это «что-то» было размером с булавочную головку, если держать ее в вытянутой руке.

— Луис, справа перед нами просвет среди туч,— предупредил кзин.

— Я вижу.

— Он очень светлый, как будто солнечный свет отражается от земли.

Действительно, края просвета сияли ярким блеском.

— Гмм... Может, мы снова летим над обнаженной конструкцией Кольца? Если так, то это самая большая плешь.

— Хотелось бы взглянуть на это поближе.

— Хорошо,— согласился Луис.

Серебристая точка резко повернула и помчалась вперед и вправо, по направлению вращения Кольца. При скорости, в два раза превосходящей скорость звука, Говорящий едва успел кинуть взгляд на открытый участок.

Перед Луисом встала непростая проблема: на что, собственно, смотреть?

На серебряную точку или на маленькую оранжевую головку над пультом управления? Если первое было реальным, то второе — более четким. Из обоих источников можно было получить информацию, правда, несколько различную.

Кончилось тем, что Луис попытался смотреть и на то, и на другое.

Серебряное пятнышко влетело в просвет... и в интеркоме раздался испуганный рык кзина. Скутер Го-

ворящего засветился интенсивными вспышками, похожими по цвету на его оранжевое лицо. Он отчаянно зажмурил глаза, широко открыл рот и кричал, кричал...

Затем образ обрел прежнюю четкость — скутер кзина вновь оказался над слоем туч. Говорящий закрывал лицо руками, а мех, когда-то оранжевый, был опален до самой кожи.

Внизу, на серо-бурой поверхности виднелся яркий круг, словно следом за скутером перемещался сноп света от огромного прожектора.

— Говорящий! — крикнула Тила.— Ты видишь?

Кзин открыл лицо. Единственным местом, где мех остался нетронутым, были широкие круги вокруг глаз. Кзин открыл глаза, закрыл, снова открыл.

— Я ослеп.

— Говорящий, переключи управление на мой скутер! Нам нужно где-то укрыться.

— Сделано,— отозвался кзин через минуту. По его голосу было ясно, что он испытывает страшную боль.— О каком укрытии ты говоришь?

— В горах.

— Нет, так мы потеряем слишком много времени. Я знаю, что меня атаковало. Если я прав, то мы в безопасности до тех пор, пока находимся над тучами.

— Да?

— Ты сам убедился в этом.

— Тебя нужно полечить.

— Верно, но сначала найдем безопасное место, где можно приземлиться. Опускайся там, где облака погуще.

Они летели над бесконечной равниной, поросшей редкими растениями, расположенными на равных расстояниях друг от друга. У каждого из них на стебле был один цветок, и каждый цветок поворачивался следом за Луисом Ву. Необычайно молчаливая и внимательная публика.

Луис приземлился возле одного из растений и вылез из скутера. Цветок был величиной с человеческое лицо, с наружной стороны он имел целую массу жилистых выпуклостей, похожих на сухожилия или мышцы, а внутренняя поверхность была гладкая и полированная — словно слегка вогнутое зеркало. В центре был короткий столбик с зеленым наростом на конце.

Все цветы смотрели прямо на Луиса, купая его в своем блеске. Он знал, что они пытаются его убить и беспокойно взглянул вверх: к счастью, тучи были на своем месте.

— Ты был прав,— сказал он в свой коммуникатор.— Это солнечники Славера. Если бы не тучи, мы были бы мертвы в тот момент, когда оказались над этой низменностью.

— Не думаю. Местность здесь ровная, солнечники не могут как следует сконцентрировать свои лучи, но все равно светят убийственно.

— Луис, нужно быстрее садиться! — забеспокоилась Тила.— Говорящий ранен и страдает.

— Это правда, Луис.

— Значит, придется рискнуть. Ладно, вылезайте. Будем надеяться, что ветер не разгонит тучи.

С минуту Луис прохаживался между цветами. Все было так, как он и предполагал: в королевстве солнечников не было никого, кроме них. Ничто не росло, ничто не летало, ничто не рылось в испепеленной почве. На самих солнечниках не было паразитов и болезней: если один из них заболевал, остальные тут же его сжигали.

Зеркальный цветок был оружием страшной силы. Его основной задачей была концентрация солнечных лучей на том самом нарасте в центре, где шел процесс фотосинтеза. Однако он мог концентрировать эти лучи и на животном или насекомом, мгновенно сжигая их. Все живое было врагом растения, существующего благодаря фотосинтезу, и потому все живое превращалось в удобрения для солнечников.

«Но откуда они взялись здесь? Солнечники не могут сосуществовать с какой-либо другой формой жизни — для этого они слишком мощны. Следовательно, они происходили не с родной планеты строителей Кольца».

Мифические Инженеры наверняка посещали разные планеты. Возможно, они добрались до Серебряноглазой, которая была сейчас уже в пределах Освоенного Космоса. И, возможно, решили, что солнечники весьма красивы... Но они должны были отгородить их. Высокая изгородь и пояс обнаженной конструкции Кольца — это бы их удержало.

Только вот не удержало. Трудно сказать, насколько большую площадь они сейчас занимают: должно быть, именно то «серебряное пятно», которое они заметили вместе с Нессом.

Луис содрогнулся. Насколько хватало глаз, единственными живыми существами были солнечники. Кто знает, не покроют ли они когда-нибудь все Кольцо. Впрочем, на это им понадобится много времени. Кольцо огромно.

Достаточно огромно, чтобы на нем разместились самые разные вещи.

15. ЗАМОК ИЗ СНОВИДЕНИЙ

— Луис! — вывел его из задумчивости голос Говорящего с Животными.— Сделай укрытие для нас — у меня в скутере есть инструмент. Тила, займись моими ожогами.

— Укрытие?

— Да. Мы должны закопаться, как звери, и дождаться ночи.

— Ну, конечно.

Луис энергично тряхнул головой. Об этом должен был подумать он сам, а не тяжело обожженный кзин.

Малейшая дыра в тучах, и им конец. Солнечникам хватит секунды солнечного света. А вот ночью...

Осматривая скутер Говорящего, Луис старательно отводил взгляд от кзина. Почти все тело Говорящего покрывала обугленная шерсть. Местами виднелось живое красное мясо. А еще этот запах паленой шерсти!

Наконец Луис нашел «слегка усовершенствованный» дезинтегратор Славера — двуствольное ружье с овальным прикладом. Рядом лежал лазер, вид которого вызвал кислую улыбку. Хорошо, что кзин не приказал им воспользоваться. Луис в горячке наверняка послушался бы, и тогда...

Он надел респиратор и направил ствол на землю под углом в тридцать градусов. Время не слишком торопило, поэтому он нажал только один спусковой крючок.

Отверстие росло быстро, хотя Луис не мог видеть, насколько, потому что оказался в центре густого облака пыли.

Наконец он выключил дезинтегратор. Зияющая в земле яма выглядела достаточно большой, чтобы поместить всех троих и скутеры. «Так быстро! Интересно, сколько бы это заняло времени, если воспользоваться обоими крючками?» Но в данный момент Луис не стремился к развлечениям.

Луис обернулся: кзин был теперь красно-фиолетового цвета, мех сохранился лишь на седалище и вокруг глаз.

— Готово,— сказала Тила.

— Я снова вижу, Луис. И... Это военные лекарства, они гораздо сильнее, чем обычные,— забормотал Говорящий с Животными.— Откуда это у него? Ведь кукольники не имеют дела с военным снаряжением,— в голосе кзина слышался гнев, вероятно, он подозревал какой-то подвох. И возможно, был прав.

— Я соединюсь с Нессом,— Луис осторожно обогнул Тилу и кзина. Девушка старательно покрывала

его белой пеной из какого-то баллончика. Неприятный запах исчез.

— Я знаю, где ты, Несс.

— Отлично. И где же?

— Исчезнув из виду, ты описал дугу и оказался за нашими спинами. Тила и Говорящий ничего об этом не знают.

— Но, надеюсь, они не думают, что кукольник будет прокладывать им дорогу?

— Полагаю, лучше, чтобы они думали именно так.

— Они согласятся, чтобы я снова присоединился к вам?

— Не сейчас. Может, попозже. Послушай, что произошло...— и Луис рассказал кукольнику о поле солнечников. Он со всеми подробностями описывал ожоги кзина, когда плоская голова кукольника исчезла из поля зрения камеры интеркома.

Луис подождал некоторое время, после чего выключил интерком. Несс наверняка скоро очнется от кататонии. Для него слишком важна его собственная жизнь.

До конца дня оставалось десять часов, и все это время они просидели в яме. Кзин по большей части спал. Они помогли ему спуститься в укрытие и дали снотворное. Белая пена, покрывавшая его тело, загустела, и теперь кзин напоминал мягкую резиновую подушку.

— Единственный в мире резиновый кзин,— сказала Тила.

Луис пытался уснуть, но едва он закрывал глаза, как ему тотчас начинало сниться, будто среди солнечного дня на него наползает черная тень огромного прямоугольника. Проснувшись в очередной раз в холодном поту, он принялся будить своих товарищей — уже стемнело, и можно было двигаться дальше.

Они летели ниже облаков: нужно было все время следить за солнечниками. Если бы к рассвету цветы еще находились под ними, пришлось бы быстро приземляться и готовить себе новое укрытие.

Время от времени Луис опускался еще ниже, чтобы как следует разглядеть местность.

Час спустя солнечники начали редеть, потом появилась широкая полоса, на которой цветы только что взошли среди головешек недавно сожженных деревьев. А потом они исчезли совсем, и Луис наконец-то смог поспать. Спал он так крепко, словно кто-то подсыпал в его пищу наркотики, а когда проснулся, была еще ночь. Он огляделся по сторонам и немного вправо по курсу заметил мерцающий огонек.

Еще не придя в себя после глубокого сна, Луис подумал, что это, наверное, светлячок, сидящий на невидимой поверхности звукопоглощающего барьера, или что-нибудь в этом роде. Он протер глаза.

Тогда он вызвал Говорящего.

Огонек рос на глазах. На фоне погруженной в темноту поверхности Кольца он казался ярким, как луч солнечного света. Наверняка это были не солнечники. Ночью их не видно.

«Может быть, дом,— подумал Луис.— Только откуда такая иллюминация?» Кроме того, если бы это был только дом, он бы мелькнул перед ними и исчез. При такой скорости пересечение Северной Америки заняло бы у них два с половиной часа.

Огонек, теперь уже точно справа, медленно перемещался назад.

Говорящий по-прежнему не отвечал.

Луис усмехнулся и покинул строй. Флотилия, ведомая теперь кзином, состояла уже только из двух скутеров. Луис повернул в сторону экипажа Говорящего.

Оказавшись совсем рядом с ним, Луис посветил прожектором, затем осторожно ввел свой скутер между кзином и таинственным огоньком и снова посветил.

— Да, Луис,— сказал голос кзина.— Я вижу какой-то свет справа и сзади.

— Взглянем на него?

— Охотно,— и кзин вошел в широкий вираж.

Они кружили в темноте, словно любопытные маленькие рыбки, трогающие носами тонущую бутылку. Таинственный огонек оказался замком десятиэтажной высоты, висевшим в тысяче футов над землей и освещенным, как пульт управления какой-нибудь древней ракеты.

За огромным панорамным окном, которое одновременно было стеной, частью пола и потолка, находилось помещение размером с концертный зал. В центре приподнятый участок пола окружал лабиринт столов и стульев. Пятидесятифутовое пространство между полом и потолком было совершенно пустым, если не считать абстрактной скульптуры из проволоки.

Под замком лежал город. Темный, без единого огонька. Говорящий промчался над ним, как охотящийся ястреб. Вернулся он с сообщением, что город весьма похож на Зигнамукликлик.

— Нужно осмотреть его днем,— сказал он.— Думаю, что этот замок весьма важен. Он мог простоять, не изменяясь с момента упадка цивилизации.

— У него должен быть собственный источник энергии,— думал вслух Луис.— Интересно, почему? В Зигнамукликлике мы не видели ничего подобного.

Тила направила свой скутер прямо под летающее здание. Глаза ее расширились от восхищения.

— Луис, Говорящий! — позвала она.— Смотрите!

Они не задумываясь полетели за ней. Когда Луис приблизился к ее скутеру, то почти физически ощутил тяжесть, висящую над головой.

Вся нижняя сторона замка была покрыта окнами и состояла из стыкующихся между собой под самыми разными углами стен, выступов, углов.

Не могло быть и речи о посадке этой мощной конструкции. Кто ее построил? И почему именно таким способом сплел между собой бетон и сталь? Как это не рассыпалось на части?

Желудок Луиса предостерегающе сжался, но он стиснул зубы и вместе с Тилой медленно пролетел под зданием, превосходящим своей массой большой пассажирский лайнер.

Тила обнаружила удивительную вещь: большой, ярко освещенный бассейн. Его прозрачное дно и стены граничили только с открытым воздухом, за исключением одной, которая соединялась с чем-то вроде бара, а может, салона... Трудно было что-то утверждать, глядя сквозь две искажающие свет стены. Бассейн был сухим, а на дне его лежал огромный скелет, слегка напоминающий скелет бандерснатча.

— Они держали в домах довольно больших зверей,— заметил Луис.

— Это бандерснатч джинксов? — спросила Тила.— Мой дядя много охотился и сделал комнату трофеев внутри скелета бандерснатча.

— Они встречаются на многих планетах. Некоторые даже их едят. Я бы вовсе не удивился, если бы оказалось, что они населяют всю Галактику. Не знаю только, почему их привезли СЮДА?

— В качестве украшения,— просто сказала Тила.

— Ты шутишь.— Бандерснатч напоминал гибрид Моби Дика с гусеничным бульдозером.

Но... почему бы и нет? Строители Кольца наверняка посетили много планет, чтобы выбрать формы жизни, которые хотели бы видеть на своем детище.

Впрочем, не важно. Лучше всего направиться прямо к краю Кольца — и никаких исследований, никаких открытий! Тем более что они уже преодолели расстояние, равное шести или семи земным экваторам. Как много здесь оказалась необычного!

Чужие формы жизни. (Пока неопасные.)

Солнечники. (Обожженный ими кзин.)

Летающие города. (Обрушенные какой-то ужасной силой.)

Бандерснатчи. (Разумные и опасные. Наверняка здесь были такие же. Бандерснатчи везде одинаковы.)

А смерть? Смерть тоже везде одинакова.

Они еще раз облетели замок, отыскивая вход. Да, окон было много — четырехугольники, восьмиугольники, круги, эллипсы и просто большие бесформенные плоскости — но все они были закрыты. Имелся и док для летающих экипажей с чем-то вроде разводного моста, на который можно было сесть, но мост, как это обычно бывает с разводными мостами, был поднят.

Спиральная лестница в несколько сотен футов свешивалась вниз, как оборванная пружина кровати, заканчиваясь в воздухе. Какая-то могучая сила оборвала ее, оставив скрученные стальные балки и выщербленный бетонный край.

— Я разобью какое-нибудь окно! — воскликнула разозленная Тила.

— Стой! — крикнул Луис, уверенный, что она так и сделает.— Говорящий, давай сюда дезинтегратор! Нам нужно войти внутрь.

Вспышка была ослепительной. Луис сжал веки, пытаясь сдержать слезы и прогнать боль. Одновременно со светом ударил оглушительный даже сквозь звукопоглощающий барьер раскат грома. В тишине, наступившей после этого, Луис почувствовал, как на его затылке, плечах и верхней стороне ладоней оседают мелкие, едкие частицы. На всякий случай он все еще не открывал глаз.

— Совсем неплохо действует. Это нам еще пригодится.

— Всего наилучшего, дружок. Только не целься из этого в папочку, а то папочка может рассердиться.

— Не вижу поводов для шуток.

Наконец, глаза Луиса снова обрели способность видеть. Он сам и его скутер были покрыты слоем стеклянной пыли. Силовое поле задержало разлетевшиеся частицы, чтобы потом позволить им постепенно упасть и остаться на всех хотя бы слегка горизонтальных плоскостях.

Тем временем Тила уже входила в огромное помещение; они последовали за ней.

Луис просыпался постепенно, испытывая почти уже забытое чувство комфорта от чудесной мягкой поверхности. Повернувшись навзничь, он открыл глаза.

Он лежал в постели, а твердый предмет, упиравшийся ему в ребра, оказался ступней Тилы.

Все верно. Ночью они нашли эту кровать, огромную, как аэродром, в необъятной спальне, занимающей то, что в любом здании, стоящем на земле, можно было бы назвать подвалом.

Прежде чем попасть туда, они повидали множество чудес.

Замок действительно оказался замком, а не просто стилизованным отелем. Банкетный зал с пятидесятифутовым окном уже сам по себе был чем-то необычайным. Расставленные в нем столы окружали центральный, округлый подиум, на котором возвышалось одинокое, богато украшенное кресло. Вскоре Тиле удалось найти способ, позволявший подниматься вместе с креслом в воздух, и привести в действие устройство, усиливающее голос того, кто его занимал, почти до ураганного рева. Кресло могло еще и вращаться — при этом его движения повторяла и висевшая над ним скульптура. Сделанная из проволоки великолепная абстракция — пока Тила не поставила ее под определенным углом. Тогда оказалось, что она изображает голову совершенно лысого мужчины.

Был ли он туземцем, членом общества, в обычаях которого было бритье лиц и голов? А может, пред-

ставителем иной расы, живущей на противоположной стороне Кольца? Ничто не указывало на то, что они когда-нибудь узнают это.

Одно было ясно — правильное симпатичное лицо принадлежало человеку, причем человеку, привыкшему приказывать. Бремя ответственности покрыло его многочисленными морщинами и отягчила глаза отвисшими веками. Художнику каким-то необычным способом удалось передать эти детали в почти невесомой скульптуре.

Вероятно, замок был резиденцией правительства. Все указывало на это — трон, банкетный зал, необычные окна и, наконец, сам замок, снабженный независимым источником энергии. Но для Луиса решающим аргументом было лицо.

Этажи соединялись дивно украшенными лестничными маршами, однако лестницы не двигались, поэтому небольшая экспедиция отправилась вниз, чтобы не утомлять себя подъемом. В самом низу они нашли спальню.

Бесконечные дни и ночи, проведенные в креслах скутеров, поспешная любовь, когда они позволяли себе роскошь приземлиться,— все это привело к тому, что вид кровати подействовал на Луиса и Тилу почти гипнотически. Они остались в спальне, а кзин пошел дальше один.

Трудно было сказать, много ли еще интересного удалось ему обнаружить.

Луис приподнялся на локте. В онемевшую руку медленно возвращалась жизнь, но он старался пока не шевелить ею. В антигравитационной кровати это совершенно невозможно, подумал он. Впрочем, хорошо, что есть хотя бы такая...

За одной из стеклянных стен спальни находился уже знакомый им высохший бассейн; белый скелет огромного бандерснатча смотрел на Луиса пустыми черными глазницами.

Через такую же прозрачную стену по другую сторону спальни был виден город, раскинувшийся в тысяче футов под ними.

Луис прополз по кровати и упал на пол, устланный мягким ковром, цвет которого почему-то напомнил ему бороды туземцев.

Добравшись до окна, Луис выглянул наружу.

Что-то нарушало остроту видения, будто слабое мерцание стереовизионного изображения. Он не осознал этого до конца, и все же это раздражало.

Под белым невыразительным небом город переливался всеми оттенками серого. Большинство зданий были достаточно высоки, но несколько из них затмевали своими размерами все остальные: их крыши поднимались выше основания летающего замка. Когда-то это было не единственное летающее здание — тут и там виднелись руины конструкций, весивших тысячи тонн. Однако этот нереальный, как будто перенесенный из сна замок имел свой собственный источник энергии. И в нем была спальня, достаточно большая, чтобы устроить в ней приличную оргию, с окном, через которое хозяин мог видеть своих подданных, как маленьких мошек, каковыми они и были в действительности.

Что-то едва заметное мелькнуло по ту сторону стекла.

Нить. Она зацепилась за торчащий карниз, но все еще падала с неба.

Вероятно, она падала все время, пока он смотрел на город, вызывая то самое слабое мерцание. Понятия не имея, что бы это могло быть, Луис просто отметил необычное явление как очередную загадку. Он лежал нагишом на мохнатом ковре и разглядывал бесконечно падающую нить. Как оценить ее длину? А как сосчитать хлопья снега в бушующей метели?

И в этот момент Луис понял, что это такое.

— Рад снова видеть тебя,— сказал он, чувствуя, что внутри у него все холодеет.

Это была нить, соединяющая черные прямоугольники. Та, которую они порвали.

В поисках завтрака Луис прошел пять этажей. Разумеется, он не надеялся, что кухня будет работать. Он хотел попасть в банкетный зал, но случайно оказался в кухне. Ее размеры поражали. Требовалась целая армия поваров, поварят, лакеев и мойщиков посуды, чтобы приготовить обед, подать его в банкетный зал, убрать посуду, вымыть ее, высушить...

Он нашел корзины для овощей, а в них — пыль и какие-то почерневшие, засохшие остатки. Морозильная камера, где когда-то висели туши мяса, сейчас была пустой и теплой. Но большой холодильник работал, и возможно, часть продуктов, стоявших на его полках, все еще годилась в пищу, но Луис предпочел не рисковать.

Однако воды нигде не было — краны оказались сухими.

Кроме холодильника, он не заметил ни единой машины или устройств более сложного, чем автомат у дверей. В кухне не было ни регуляторов, ни термометров, ничего похожего на жаровни и духовки. С потолка свисали связки высохших клубней, похожих на луковицы,— приправы? Может, их использовали целиком?

Он уже хотел выйти, но напоследок еще раз окинул взглядом все помещение, и это позволило ему сделать некое открытие. Вполне возможно, что это помещение не предназначалось для кухни. Одна из стен была совершенно гладкой, покрашенной более свежей, чем остальные, краской, на полу можно было заметить следы от кресел или диванов.

Когда-то здесь мог быть роскошный проекционный зал. Потом аппаратура испортилась, и не было уже никого, кто знал бы, как ее исправить. То же самое случилось с автоматической кухней, тогда зал переделали в обычную кухню, обслуживаемую людьми. На-

верняка их становилось все больше и больше, по мере того, как портились сложные автоматические устройства.

Луис вышел.

Наконец, ему удалось попасть в банкетный зал, к единственному источнику пищи — скутеру. Там он и съел завтрак, состоявший из обычного кирпичика.

Он уже заканчивал, когда в зал вошел Говорящий с Животными. Он уже не был «резиновым кзином». За ночь белая пена закончила свое лечебное действие и отвалилась, обнажив здоровую розовую кожу, конечно, если считать, что кожа здорового кзина должна быть именно розовой. Только местами виднелись серые утолщения свежих шрамов и фиолетовая сетка жил.

Кзин, должно быть, умирал от голода. Он молча направился к своему скутеру, проглотил три кирпичика и только тогда обратился к Луису.

— Иди за мной. Я нашел комнату карт.

16. КОМНАТА КАРТ

О важности этого помещения говорило уже то, что оно располагалось на самом верху замка. Луис тяжело дышал, утомленный подъемом,— кзин не бежал, но шел гораздо быстрее, чем ходит обычный человек.

Когда Луис поднялся на последнюю ступеньку, Говорящий как раз открывал большую дверь. В глаза сразу бросилась горизонтальная чернильно-черная лента шириной около восьми дюймов, находившаяся в трех футах от пола. Машинально он поднял взгляд в поисках такой же, только светло-голубого цвета с прямоугольными черными тенями, и нашел ее.

Стоя в дверях, Луис осмотрелся по сторонам. Модель Кольца занимала почти все помещение диаметром около ста двадцати футов. Внутри нее находился

большой прямоугольный экран, установленный на вращающейся оси. В данный момент он был повернут к двери обратной стороной.

Вдоль стен стояли десять вращающихся шаров одинакового голубовато-зеленовато-белого цвета, характерного для планет земного типа, отличавшихся друг от друга размерами и скоростью вращения. Под каждым из шаров находилась карта его поверхности в конической проекции.

— Я провел здесь всю ночь,— пояснил кзин.— Мне нужно многое показать тебе. Иди сюда.

Луис хотел уже проползти на четвереньках под миниатюрным Кольцом, но в последний момент остановился, осененный неожиданной мыслью. Тот человек с гордым лицом, чье изображение украшало банкетный зал, наверняка не сделал бы этого, даже если бы находился в этом святом месте совершенно один. Луис двинулся прямо на Кольцо и прошел сквозь него, не чувствуя ни малейшего сопротивления: это была только проекция.

Он занял место рядом с кзином.

Прямоугольный экран окружали управляющие механизмы. Все ручки — большие, массивные — были сделаны из серебра в виде голов животных. Слишком красиво, подумал Луис. Экран действовал, на нем было изображение района черных прямоугольников. Дежа вю!

— Если не ошибаюсь...— кзин коснулся одной из ручек, и изображение метнулось им навстречу так быстро, что рука Луиса рефлекторно потянулась к несуществующей рукояти управления кораблем.— Я хочу показать тебе край Кольца. Ррр... чуть в сторону...— он коснулся другой ручки, и изображение переместилось. Перед ними был край огромной конструкции.

Интересно, где располагались телескопы, благодаря которым они могли наблюдать за этим зрелищем? Неужели на черных прямоугольниках?

Они смотрели сверху вниз на стены тысячемильной высоты. Изображение все время увеличивалось, не теряя при этом четкости. Сразу за горами открывалась черная пропасть Космоса.

Луис заметил линию серебряных точек, тянущуюся вдоль исполинского хребта.

— Линейный ускоритель.

— Точно,— сказал Говорящий с Животными.— При отсутствии трансферных кабин это единственный способ перемещаться на такие расстояния. Наверняка именно на этом основывалась их система коммуникаций.

— Но он на высоте в тысячу миль. Лифты?

— Да. Шахты вдоль всего края. Например, вон там.

Тем временем линия точек увеличилась до размеров маленьких колец, размещенных через равные промежутки и наверняка невидимых снизу, поскольку их заслоняли колоссальные вершины. У одного из них можно было заметить тоненькую ниточку шахты лифта, исчезавшую в раскинувшемся ниже вершины слое облаков.

— Очевидно, они были нужны только для старта, приземления и сообщения направления,— предположил кзин.— Происходило это, видимо, так: экипажу придается скорость свободного падения, затем он выбрасывается с относительной скоростью семьсот семьдесят миль в секунду, после чего тормозит у очередного кольца.

— Таким способом дальние путешествия могли длиться дней десять, не считая разгона и торможения.

— И что с того? Чтобы добраться до Серебряноглазой — самой удаленной от Земли планеты — тебе нужно шестьдесят дней, а пересечение всего Освоенного Космоса заняло бы в четыре раза больше времени.

— Действительно. А здесь места больше, чем во всем Освоенном Космосе. Они построили это для того,

чтобы иметь как можно больше пространства. Ты заметил какие-нибудь следы активности? Они еще пользуются ускорителем?

— Это не имеет значения. Смотри внимательно.

Изображение дрогнуло, резко двинулось, потом начало увеличиваться. Была ночь. Темные облака плыли над погруженной в темноту землей, а потом...

— Огни! Огни города...— Честно говоря, такого Луис не ожидал.— Значит, не все погибло, и мы сможем получить помощь.

— Я бы не очень надеялся на это. Их будет нелегко найти, а кроме того...

— Что это? О, какого...!

Замок, явно ИХ замок, величественно плывущий над морем огней: окна, реклама, мчащиеся во все стороны разноцветные вспышки летающих машин... Странные, великолепные здания...

— Это же записи; старые записи! А я-то подумал, что это прямая передача,— всего лишь несколько успокоительных секунд казалось, что их поиски увенчались успехом. Освещенные города, кипящие жизнью... старые картинки.

— Прошлой ночью я понял это только тогда, когда мне не удалось найти борозды, пропаханной «Лгуном». А ведь она длиной в несколько тысяч миль. Я должен был найти ее здесь.

Луис молча потрепал Говорящего по голому розовому плечу. При всем желании он не смог бы достать ни на сантиметр выше.

— Когда мне удалось локализовать наш замок, остальное уже не составило труда. Смотри.— Пейзаж начал двигаться с огромной скоростью, не позволяя разглядеть какие-либо детали. Когда он остановился, на экране был огромный черный океан. Увеличение немного уменьшилось.

— Видишь? На нашем пути находится залив одного из океанов. А сам океан гораздо больше, чем самые

крупные на Кзине или Земле. Один его залив сравним с ними по размерам.

— Снова задержка! Мы не сможем над ним пролететь?

— Может, и сможем. Но и там нас ждет преграда не меньше этой,— он снова потянулся к ручке.

— Подожди. Я хотел бы рассмотреть эти острова.

— Зачем? Думаешь, мы могли бы остановиться там для пополнения запасов?

— Нет... Ты заметил, что они собраны в маленькие архипелаги? Вот здесь...— Палец Луиса обвел на экране небольшое кольцо.— А теперь взгляни на эти карты.

— Не понимаю.

— Ну... эти острова в заливе, и эта карта позади на стене. В конической проекции контуры континентов немного искажены, но... видишь? Десять планет, десять архипелагов. Наверняка масштаб не один к одному, но держу пари, что этот остров не меньше Австралии. Судя по карте, в действительности этот континент был не больше Евразии..

— Что за чудовищная шутка! Луис, это типично для человеческого чувства юмора?

— Нет, нет! Сентиментальность. Воспоминания. Вот только...

— Да?

— Я не подумал об этом, а ведь это очевидно. Первое поколение покинуло свои родные планеты, но хотело иметь что-нибудь, напоминающее о них. Спустя три поколения это было уже просто смешно.

Воцарилась тишина.

— Прошлой ночью я долго разглядывал ближайший космический порт,— прервав молчание, кзин сменил тему.

Они стояли в центре миниатюрного Кольца, заглядывая сквозь прямоугольное окно в далекое прошлое.

А прошлое это было действительно великолепным. Говорящий увеличил на экране изображение косми-

ческого порта — своеобразного выступа, торчащего с наружной стороны конструкции.

— Пассажиры просто входят в стену Кольца, как будто просачиваются через нее,— пояснил кзин.

— Ага,— буркнул Луис без особого энтузиазма. Он вдруг почувствовал сильную усталость.

— Я видел старт. Они вовсе не пользуются ускорителем, просто выталкивают корабль в Космос. Точно так, как догадался пожиратель листьев. Помнишь тот закрытый люк? Луис, ты слышишь меня?

Луис очнулся.

— Прошу прощения. Я думал о том, что наш путь увеличится, по крайней мере, на семьсот тысяч миль.

— Может, нам удастся воспользоваться этим ускорителем на вершине боковой стены?

— Сомневаюсь. Скорее всего, он давно не действует. Впрочем, даже если бы он работал или нам удалось бы его починить, все равно рядом нет ни одной шахты лифта.

— Это правда,— согласился кзин.— Я искал, но ничего не нашел.

На экране тем временем маленькие буксирные корабли подтащили к выходным шлюзам корабля длинные прозрачные туннели, которые вскоре заполнились выходящими пассажирами.

— Может, изменить направление полета?

— Нельзя. Порт по-прежнему остается нашим основным шансом.

— Правда?

— ...! Кольцо огромно, но это только колония, а на всех колониях центрами цивилизации становятся космические порты

— Поскольку именно туда прибывают корабли с родной планеты. Но ведь строители Кольца либо уничтожили свою, либо покинули ее.

— Но корабли могут прибывать,— настаивал Луис.— Хотя бы с каких-нибудь дальних, забытых

планет. Или из прошлого. При таких небольших скоростях наверняка должны возникать расхождения в субъективном времени.

— Ты надеешься найти там космонавтов из прошлого, учащих своих потомков тому, что те уже успели забыть,— буркнул кзин.— Может, ты и прав. Вот только я уже слишком устал, а до порта еще очень далеко. Что еще ты хочешь увидеть?

— Какое расстояние отделяет нас сейчас от «Лгуна»? — неожиданно спросил Луис.

— Я уже сказал тебе, что не смог найти место нашего падения. Но зато я знаю, сколько нам еще осталось преодолеть: от замка до края около двухсот тысяч миль.

— Это много... А гора? Ты должен был найти гору.

— Нет.

— Ту большую, Кулак Бога. Мы разбились как раз на ее склоне.

— Я ее не нашел.

— Это мне не нравится. Говорящий, могли мы каким-то чудом сойти с намеченного курса? Ты должен был найти ее, двигаясь от замка в сторону противоположного края.

— Но не нашел,— подвел итог кзин.— Хочешь еще что-нибудь увидеть? Правда, встречаются пустые места. Либо кадры полностью пришли в негодность, либо имеются какие-то тайные области.

— Чтобы это проверить, нам нужно попасть туда.

Внезапно Говорящий с Животными развернул уши, как два оранжевых зонтика, повернулся к двери и, припав к полу, прыгнул. Луис удивленно заморгал. Что случилось? А потом услышал и он...

Принимая во внимание их возраст, машины в замке действовали удивительно тихо. Из-за двойных дверей доносилось приглушенное шуршание.

Луис вытащил бластер из кобуры и осторожно открыл дверь. Вместе с Говорящим стал смотреть на поднимающуюся к ним Тилу Браун.

— Они едут только вверх,— сообщила ему девушка.— Вниз не хотят. А между пятым и шестым этажом вообще не действуют.

Луис выждал некоторое время, затем задал очевидный вопрос:

— Как ты включила их?

— Нужно взяться за столбик балюстрады и толкнуть его вперед. Они работают, только когда ты этого хочешь. Это гораздо безопаснее. У меня получилось совершенно случайно...

— Я думаю. Утром я поднялся пешком на десятый этаж. А ты?

— Ни на один. Я как раз шла на завтрак, споткнулась на первой ступеньке, схватилась за столбик и...

— Достаточно.

Тила сделала обиженное лицо.

— Я не виновата, что ты...

— Прошу прощения. Ты уже позавтракала?

— Нет. Я наблюдала за людьми. Вы знаете, что под этим замком находится что-то вроде рынка или главной площади?

Уши кзина стали торчком.

— Правда? И там кто-то есть?

— Да. С утра они собираются со всех сторон. Сейчас их уже несколько сотен.— Лицо ее расплылось в улыбке.— И все поют.

Во всех коридорах замка были обширные ниши с удобными диванами и столами. Луис облюбовал одну — с большим окном и столом, поверхность которого украшали вырезанные тарелки для супов, мисочки для салатов, бокалы для напитков.

Десятки или даже сотни лет интенсивного использования оставили на твердой белой поверхности достаточно отчетливые следы.

— Вероятно, они не пользовались посудой,— вслух подумал Луис.— Клали пищу в эти углубления, а по-

том мыли весь стол. Это не слишком гигиенично, но... Они не забрали с собой ни мух, ни москитов, ни волков. Так зачем им было забирать бактерии? Для пищеварения,— ответил он самому себе.— Они необходимы для пищеварения. Хватило бы, чтобы мутировала одна-единственная, и тогда... Тогда ни один организм не сумел бы защититься. Может, именно таким образом погибла цивилизация Кольца?

Тила и Говорящий не обращали на него никакого внимания, их больше интересовало то, что происходило за окном. Луис присоединился к ним.

— Они по-прежнему там,— сказала Тила.

На них смотрели примерно тысяча человек, правда, уже хранивших молчание.

— Они не могут знать, что мы здесь,— сказал Луис.

— Может, они поклоняются самому зданию? — предположил кзин.— Какой-нибудь их праздник?

— Или что-то случилось ночью,— вставила Тила.— Что-то необычное. Например, наше прибытие, если кто-то сумел его заметить. Или ...— Она указала пальцем.

— Как долго оно падает? — поинтересовался кзин

— По крайней мере, с утра. Совсем, как дождь или снег. Это нить, соединяющая черные прямоугольники. Но почему она падает именно здесь?

Луис подумал о шести миллионах миль, отделяющих друг от друга черные прямоугольники... о черной нити именно такой длины, разорванной «Лгуном» и падающей вместе с ним к поверхности Кольца... Ничего странного, что в конце концов они с ней встретились.

Однако сейчас у него не было настроения говорить.

— Случайность,— буркнул он.

— Так или иначе, она, видимо, начала падать прошлой ночью, и сейчас ее все больше. Что касается замка, то туземцы наверняка и раньше считали его святым местом, хотя бы потому, что он все еще летает.

— Подумайте,— кзин явно выражал нетерпение.— Если бы именно сегодня появились мифические Инженеры, это восприняли бы как логическое следствие необыкновенных событий. Луис, может, попробуем?

Луис хотел ответить, но не мог. Стиснув зубы, он изо всех сил пытался сохранить неизменным выражение лица. Может, это ему и удалось бы, но кзин продолжал говорить Тиле:

— Луис считает, что в контактах с туземцами мы должны играть роль строителей Кольца. Я — скорее бог, чем строитель, грозный бог войны, который...

Тила расхохоталась, Луис не выдержал и последовал ее примеру.

Высотой в восемь футов — необычайно широкий в плечах и бедрах, кзин мог испугать кого угодно. Пожалуй, наименее импонирующим элементом его внешности был голый крысиный хвост. Сейчас вся его кожа была того же самого цвета — розовой с толстыми гусеницами подживающих шрамов. Уши на его лишенной шерсти голове торчали, как два зонтика. Сохранившийся оранжевый мех на глазах ассоциировался с маской грабителя, а ниже спины — с носимой для удобства большой волосатой подушкой.

То, что насмехаться над кзином было так же опасно, как и расхаживать по канату, делало ситуацию еще более забавной. Луис, согнувшись пополам, держался за живот и беззвучно хохотал, не в силах вздохнуть. Он на ощупь пятился назад, надеясь наткнуться на стул.

Нечеловечески большая ладонь сжала его плечо и подняла вверх. Слезящиеся от смеха глаза Луиса впервые в жизни оказались на одном уровне с глазами кзина.

— Луис, ты должен объяснить свое поведение,— услышал он.

Сверхъестественным усилием воли ему удалось на мгновение взять себя в руки.

— Г... г... гро... грозный бог вой... войны...— выдавил он, после чего снова залился смехом. Тила издавала слабые, писклявые звуки.

Кзин поставил его на пол и спокойно ждал.

— В тебе сейчас слишком мало величия, чтобы играть роль бога,— объяснил Луис спустя несколько минут.— Без меха ничего не выйдет.

— Может, они зауважают меня, если я разорву нескольких на куски?

— Тогда они будут поклоняться тебе издалека и из укрытий, а это нам ничего не даст. Нет, нужно подождать, пока у тебя вырастет новый мех. И даже тогда нам пригодился бы тасп Несса.

— Кукольник недосягаем.

— Но...

— Я сказал, что он недосягаем. Каким образом мы установим контакт с туземцами?

— Тебе придется остаться здесь. За это время осмотри еще раз комнату карт. Тила и я...— Луис посмотрел на нее, как будто увидел впервые в жизни.— Тила, ведь ты еще не была в комнате карт!

— А что это такое?

— В таком случае, ты останешься с Говорящим. Я полечу один. Вы будете слышать меня через коммуникаторы и в случае чего придете на помощь. Говорящий, отдай мне свой лазер.

Кзин пробормотал что-то себе под нос, но спорить не стал. У него еще оставался «незначительно усовершенствованный» дезинтегратор Славера.

На высоте тысяча футов над головами толпы он услышал, как тишина уступает место удивленному ропоту. Они увидели его — блестящую точку, которая отделилась от одного из окон и начала падать к ним.

Ропот стал немного тише — Луис все время хорошо слышал его. А потом они начали петь.

Это была церковная музыка — медленная, величественная. Одинокий мужчина размахивал руками с возвышения посредине, но никто не обращал на него внимания. Все смотрели на Луиса Ву. А он впитывал в себя чужие звуки, находя удовольствие в неровном ритме, в постоянных рефренах и... едва не присоединился к хору. «Не самая удачная мысль»,— буркнул Луис себе под нос и пошел на посадку.

Возвышение в центральной части площади играло когда-то роль цоколя. Сверху Луис заметил два следа длиной по четыре фута — все, что осталось от статуи, стоявшей здесь когда-то. Сейчас на возвышении находилось что-то вроде треугольного алтаря; размахивающий руками человек стоял спиной к небрежно собранной конструкции.

Что-то розовое блеснуло над бурыми одеждами... Видимо, он носил какой-то головной убор, может, из розового шелка.

Луис решил приземлиться на самом цоколе и уже почти касался его поверхности, когда дирижер повернулся к нему лицом. В результате Луис едва не разбил свой скутер.

Это розовое, мелькнувшее у него перед глазами, оказалось голым лысым черепом. Единственная в зарослей и кудлатой толпе лысая голова.

Вытянув перед собой руки, мужчина держал последний звук... после чего сделал знак, и пение стихло, еще мгновение доносясь из отдаленных частей площади. В полной тишине мужчина повернулся к Луису.

Он был ростом с Луиса, то есть слишком высок для туземца. Кожа лица и головы была светлой, почти белой, как у альбиноса с Уимедита; свежая щетина добавляла к этой бледности отчетливую серую тень. В его голосе, когда он заговорил, прозвучала нота укоризны.

— Наконец-то вы прибыли,— перевел автопилот «Лгуна».

— Мы не знали, что вы нас ждете,— совершенно искренне ответил Луис.

Он не чувствовал себя готовым самостоятельно разыграть бога. За свою долгую жизнь Луис уже много раз успел убедиться, что придумать правдоподобную историю, связав друг с другом небылицы, дьявольски сложно.

— У тебя волосы на голове,— сказал жрец.— Можно подумать, о Инженер, что твоя кровь не совсем чиста!

Так вот как обстоят дела! Все Инженеры должны быть совершенно лысы, поэтому-то жрец и подражал им, скобля свою нежную кожу тупой бритвой. А может, Инженеры пользовались депиляторами или какими-то другими несложными средствами, ведомые исключительно модой или чувством эстетики?

— Моя кровь тебя не касается,— Луис сразу отмел эту тему.— Мы направляемся к краю мира. Что ты можешь сказать о нашем пути?

Лицо жреца выразило серо-белое удивление.

— Ты требуешь от меня информации? Ты, Инженер?

— Я не Инженер,— Луис все время держал руку на выключателе силового поля.

Однако жрец удивился еще больше — если это было возможно.

— Тогда почему у тебя почти нет волос? Как ты летаешь? Может, ты выкрал секреты на Небе? Чего ты хочешь от нас? Ты прибыл, чтобы забрать мою паству?

Самым важным казался последний вопрос.

— Мы направляемся к краю. Нам нужна только информация.

— Вы можете найти ее на Небе.

— Не шути так,— посоветовал Луис.

— Но ведь ты прибыл с Неба! Я видел своими глазами.

— А, ты имеешь в виду замок! Мы обыскали его, но нашли немногое. Скажи-ка, у Инженеров действительно не было волос?

— Иногда я подозреваю, что они просто брились, как и я. Но твоя кожа кажется естественно безволосой.

— Я пользуюсь депилятором,— Луис посмотрел по сторонам, на море волосатых лиц, полных обожания.— А что думают они?

— Они видят, что мы разговариваем как равный с равным на языке Инженеров. Я хотел бы, чтобы так продолжалось и дальше, если ты не против,— поведение жреца из почти враждебного стало, пожалуй, дружеским.

— Благодаря этому ты укрепишь свое положение? Кстати, они нас понимают?

— Одно слово из десяти.

Автопилот оказался хорошим переводчиком. Интересно, говорит ли жрец на том самом языке, который он услышал в Зигнамукликлике? Если бы Луис знал это, а вдобавок — чем и насколько отличаются эти языки, то мог хотя бы приближенно определить, когда начался упадок цивилизации Кольца.

— Почему этот замок называется Небом? — спросил он.— Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Легенды говорят о Зриллире,— ответил жрец,— и о том, как он правил землями, лежащими под Небом. На этом цоколе стоял когда-то памятник ему. Земля давала Небу деликатесы, которые я могу перечислить, поскольку их названия сохранились до сих пор в ритуальных текстах, но их самих ты уже не попробуешь. Нужно ли...

— Нет, спасибо. И что дальше?

В голосе жреца появилась напевность. Наверняка он уже много раз слышал эту историю и столь же часто ее рассказывал.

— Небо возникло тогда, когда Инженеры создали весь мир и Арку Неба. Тот, кто правит в Небе, правит

землей от края до края. Зриллир правил много поколений, швыряя в минуты гнева огненные стрелы. Но однажды пошел слух, что он уже не может их швырять. Народ перестал его слушать, перестал давать продукты, разбил памятник. Когда прислужники Зриллира стали бросать сверху камни, люди только смеялись и прятались.

И вот пришел день, когда народ решил подняться на Небо. Однако Зриллир уничтожил движущиеся лестницы, а его прислужники и он сам покинули Небо на летающих машинах.

Потом стали жалеть, что Зриллира больше нет. Небо было вечно затянуто тучами, всходы уничтожал непрерывно падавший дождь. Мы молились о возвращении Зриллира...

— Как по-твоему, сколько в этом рассказе правды?

— Я считал, что неправда — все, пока не увидел тебя, прибывшего с Неба на летающей машине. Я очень испугался, о Инженер. Быть может, Зриллир решил вернуться и послал вперед своего внебрачного сына, чтобы тот убрал с дороги фальшивых жрецов...

— Я мог побрить себе голову. Это что-то изменило бы?

— Нет. Впрочем, не важно. У тебя были какие-то вопросы?

— Что ты можешь сказать об упадке цивилизации Кольца?

— А что случилось с цивилизацией?

Луис тяжело вздохнул и отвернулся, чтобы взглянуть на алтарь.

Сделанный из темного дерева, он занимал центральную часть могучего цоколя. На прямоугольной поверхности со слегка загнутыми вверх краями были вырезаны горы, реки и большое озеро. На эти приподнятые края опиралась золотая параболическая арка. Золото местами вытерлось, но шарик, висящий на тонкой нити, был отполирован до блеска.

— Разве цивилизация в опасности? Так много случилось: солнечная проволока, твое прибытие... Это действительно солнечная проволока? Может, солнце тоже собирается упасть на нас?

— Не думаю. Ты говоришь о той проволоке, что падает с утра?

— Да. Наша религия учит, что солнце привязано к Арке необычайно прочной проволокой. Одна девочка пробовала ее поднять и лишилась пальцев.

Луис кивнул.

— Ничего на вас не упадет,— сказал он. «Даже черные прямоугольники,— добавил он мысленно.— Даже если перерезать все нити, и тогда они не столкнутся с Кольцом, а просто удалятся от солнца, остановившись на орбите, соответствующей их скорости. Строители Кольца наверняка сделали так, чтобы эта орбита оказалась внутри их драгоценной конструкции». А может, ты что-то знаешь о транспортной системе на краю? — спросил он без особой надежды и тут же почувствовал — что-то не так. Это было как тихий сигнал, знак приближающейся катастрофы — вот только что?

— Ты не мог бы повторить? — попросил жрец.

Луис выполнил его просьбу.

— Эта вещь, которая говорит за тебя, в первый раз сказала... что-то другое. Что-то о запрещенном...

— Забавно,— буркнул Луис. На этот раз он тоже услышал. Коммуникатор заговорил на совершенно чужом языке, причем гораздо громче, чем раньше.

— Ты пользуешься запрещенной частотой, нарушая... дальше я не помню. Лучше нам закончить разговор. Ты разбудил что-то старое и злое...— жрец замолчал, вслушиваясь в слова, идущие из коммуникатора, который снова заговорил на местном языке.

— ...нарушая параграф двенадцатый, касающийся...

То, что сказал после этого жрец, не было переведено.

Коммуникатор вдруг разогрелся докрасна, и Луис мгновенно отшвырнул его в сторону. Маленький огненно-белый диск упал на землю, не причинив никому вреда. Только тогда Луис почувствовал боль, и глаза его наполнились слезами. С трудом он заметил, что жрец величественно кивнул ему головой. Он ответил тем же жестом, потом — поскольку все время разговора сидел в кресле скутера — слегка коснулся кнопки на пульте и взмыл вверх.

Оказавшись один, он сморщился от боли и произнес слово, которое впервые услышал на Вундерланде из уст человека, только что уронившего кристалл Стейбена тысячелетнего возраста.

17. ГЛАЗ ЦИКЛОНА

Скутеры летели чуть ниже серо-стального клубящегося слоя облаков. Луис установил на пульте постоянную высоту. Делал он это очень осторожно, поскольку его правая ладонь, покрытая толстым слоем целебной мази, по чувствительности была близка к куску дерева. Некоторое время он разглядывал ее, думая, насколько хуже могло все кончиться, если бы...

Над пультом появилась голова Говорящего.

— Луис, разве мы не поднимемся над облаками?

— Мы можем что-нибудь проглядеть. Оттуда ничего не видно.

— Но у нас есть карты.

— А на них обозначены поля солнечников?

— Ты прав,— согласился кзин и выключил свой интерком.

Пока Луис беседовал с бритым жрецом, Говорящий и Тила не теряли времени в комнате карт. Они сделали карту трассы их полета, нанеся на нее города, когда-то кипевшие жизнью, которые видели на большом экране.

Значит, кому-то (или чему-то) не понравилось, что они пользуются запрещенной частотой. Кем запрещенной? Когда? Почему? Почему об этом было сказано только теперь? Луис подозревал, что речь могла идти о какой-либо машине вроде лазерного охотника, сбившего «Лгуна». Возможно, она действовала с перерывами.

Коммуникатор кзина тоже разогрелся докрасна в его ладони. Пройдет несколько дней, прежде чем он сможет снова владеть ею, даже при использовании лучших лекарств из «военного» ассортимента.

Сейчас, когда у них были карты, они летели уже не вслепую. Если цивилизация могла где-то возродиться, то наиболее вероятным местом были крупные метрополии. Зная, где их искать, они внимательно изучали бы их с воздуха, выискивая огни или клубы дыма.

На пульте управления вспыхнул еще один огонек: Несс хотел поговорить.

Луис включил интерком и увидел спутанную гриву кукольника и его покрытый нежной кожей хребет, поднимавшийся и опускавшийся в ровном ритме дыхания.

На мгновение ему показалось, что кукольник еще не вышел из кататонии или же снова впал в нее, но в этот момент показалась треугольная одноглазая голова.

— Привет, Луис! — пропел Несс.— Что нового?

— Мы нашли летающее здание,— ответил Луис,— с комнатой карт,— и он начал рассказывать кукольнику о замке, названном Небом, о комнате карт, о жреце... Отвечая на очередной вопрос, он подумал, что пора бы задать и свой.

— Кстати, твой коммуникатор действует?

— Нет, Луис. Он разогрелся до белого цвета.

— Понятно. Другие тоже не действуют. Мы с Говорящим сожгли ладони, а у Тилы — дыра в багажнике. Знаешь что? Нам нужно изучить местный язык.

— Разумеется.

— Жаль, что этот жрец не знал ничего об упадке древней цивилизации Кольца. У меня была одна идея...— и он познакомил кукольника со своей теорией мутировавших пищеварительных бактерий.

— Это вполне возможно,— сказал Несс.— Если они утратили навыки превращения элементов, им уже никогда не подняться.

— Это почему?

— Посмотри по сторонам, Луис. Что ты видишь?

Луис осмотрелся. Он видел приближающийся грозовой фронт, холмы, долины, далекий город...

— Сядь в любом месте и начни копать. Что ты найдешь?

— Почву,— Луис пожал плечами.— И что с того?

— А глубже?

— Тоже почву. Скалы. Конструкцию...— и в ту же секунду пейзаж резко переменился. Грозовые тучи, горы, города — один справа, другой сзади, таинственный блеск за несуществующим горизонтом, который мог оказаться морем или очередным полем солнечников — все вдруг стало искусственным. Разница между ЭТИМ и настоящей планетой была так же велика, как между резиновой маской и человеческим лицом.

— Если бы ты начал копать на какой-нибудь настоящей планете,— продолжал кукольник,— то рано или поздно наткнулся бы, допустим, на руду какого-нибудь металла. Здесь, прокопав сорок футов земли, уткнешься в основание Кольца. И это все. Пробиться сквозь него нельзя, а по ту сторону ты нашел бы только пустоту. Если цивилизация, которая построила Кольцо, хочет на нем жить и развиваться, ей необходима дешевая технология превращения элементов. Если она ее утратит — что ей останется? На Кольце нет никаких минеральных ресурсов. Ищи хоть миллион лет — ничего не найдешь. Цивилизация должна исчезнуть. Навсегда.

— Когда ты пришел к такому выводу? — спросил Луис.

— Достаточно давно. Это ведь не относилось к тому, что непосредственно влияло на нашу безопасность.

— Значит, ты просто молчал. Ясно.— Сколько же времени Луис ломал над этим голову!

Он посмотрел вперед, заметив краем глаза, что голова кукольника исчезла с пульта управления. Гроза была все ближе. Звукопоглощающие барьеры наверняка справятся с ней, но...

Лучше ее обогнуть, поднявшись повыше. Луис потянул на себя рычаг, и скутеры начали подниматься к непроницаемому слою серых облаков, которые висели над ними с той минуты, как они добрались до замка, называемого Небом.

Луис лениво думал. Овладение местным языком займет у них какое-то время. Изучение нового языка после каждого приземления просто невозможно, а в данный момент именно этот вопрос вырастал до ранга важнейшей проблемы. Как давно обитатели Кольца живут в дикости? Как давно в едином языке начали возникать наречия и диалекты? Как сильно отличаются они от праязыка?

Раскинувшийся вокруг пейзаж потемнел, потом совсем исчез — они вошли в облака. Щупальца серого липкого тумана гладили невидимую оболочку, окружавшую скутер Луиса. Наконец, они оказались над серым покровом.

С уходящего в бесконечность горизонта смотрел на Луиса Ву огромный небесный глаз. Если бы у Бога была голова размером с Луну, то глаз был бы именно такого размера.

Осознание того, что он видит, заняло у Луиса несколько секунд. Следующие несколько секунд его разум категорически отказывался принять это. Невероятное зрелище поблекло, как плохо освещенная голограмма.

Сквозь слабый звон в ушах донесся чей-то крик.

«Может, я уже умер? — подумал он.— Может, это Несс? Но ведь кукольник прервал связь...»

Это была Тила. Тила, которая еще никогда в жизни ничего не пугалась. Сейчас она закрыла лицо руками, прячась от этого чудовищного голубого взгляда.

Глаз был прямо перед ними. Казалось, он притягивает их с какой-то невероятной силой.

«Может, я умер, и это Творец, который должен меня судить?»

Пришло время, когда Луис Ву должен был решить, в какого Творца он верит, если верит вообще.

Глаз был голубовато-белым: белая бровь и темный зрачок. Белый благодаря облакам, голубой — благодаря расстоянию.

«Это не может быть правдой,— мысленно повторял Луис.— Вселенная велика, но некоторые вещи попросту невозможны».

— Луис!

Луис вновь обрел голос.

— Это ты, Говорящий? Что ты видишь?

Кзин на мгновение замолчал, а когда заговорил снова, его голос оказался удивительно бесцветным.

— Прямо перед нами я вижу огромный человеческий глаз.

— Человеческий?

— Ты тоже его видишь?

Одно это слово, которого Луис никогда бы не произнес, меняло все.

Человеческий. Человеческий глаз. Если бы это была галлюцинация или какое-то сверхъестественное явление, кзин должен был бы видеть глаз кзина или вообще ничего.

«Значит, это что-то реальное,— сказал себе Луис.— Действительно существующее».

Луис потянул рычаг вправо. Скутеры послушно свернули в сторону.

— Ты сходишь с курса,— тут же предупредил Говорящий с Животными.— Вернись или передай управление мне.

— Надеюсь, ты не собираешься пролететь сквозь ЭТО?

— Оно слишком велико, чтобы его огибать.

— Говорящий, не больше чем кратер Платона. Через час мы вновь ляжем на курс. Зачем же рисковать?

— Если боишься, лети один. Ты тоже, Тила. Встретимся на той стороне.

— Но почему? — хрипло спросил Луис.— Ты считаешь, что это... этот случайный узор облаков заключает в себе вызов твоему мужеству?

— Почему? Луис, здесь дело не в моих способностях к размножению, а в моей смелости.

Скутеры продолжали мчаться вперед со скоростью тысячи миль в час.

— Причем здесь твоя смелость? Ты должен мне рассказать...

— Нет, не должен. Если хотите, можете обогнуть Глаз.

— А как нам потом найти тебя?

— Луис, ты слышал когда-нибудь о ереси Кдапта-проповедника?

— Нет.

— В мрачный период, наступивший после Четвертого Перемирия с людьми, Кдапт-проповедник провозгласил новую религию. Он был разорван в поединке самим Патриархом, но его религия тайно существует до сих пор. Кдапт-проповедник считал, что Бог создал человека по своему образу и подобию.

— Человека? Но... ведь Кдапт был кзином?

— Да. Вы всегда выигрывали, Луис. В течение трехсот лет вы выиграли четыре войны. Последователи Кдапта во время служб носили маски, изображающие человеческие лица. Они надеялись обмануть Творца и победить в войне.

— Значит, когда ты увидел глаз, смотрящий на нас из-за горизонта...

— Именно.

— Понятно.

— Мне кажется, моя теория гораздо правдоподобнее твоей. *Случайный узор облаков*! Ну, знаешь, Луис!..

Мозг Луиса медленно начинал работать.

— Вычеркни слово «случайный». Может, строители Кольца поместили это здесь сознательно, например, для украшения или вроде какого-то указателя?

— И на что, по-твоему, это должно указывать?

— Не знаю. На что-нибудь большое. Луна-парк или кабинет Главного Окулиста. Принимая во внимание технику и пространство, которыми они располагали, это может быть что угодно.

— Например, тюрьма для любителей подглядывать! — неожиданно пришла на помощь Тила.— Университет для частных детективов! Я боялась почти так же, как и ты, Говорящий,— сказала она уже нормальным тоном.— Думала, это... Сама не знаю, что я думала. Но я не оставлю тебя. Мы пролетим сквозь *это* вместе.

— Отлично, Тила.

— Если в этот момент он мигнет, мы погибнем.

— Норму обычно устанавливает большинство,— усмехнулся Луис.— Я вызову Несса.

— Конечно, ...! Ведь он уже пролетел либо через это, либо вокруг него.

Луис рассмеялся громче, чем обычно. Он здорово трусил.

— Не думаешь ли ты, что Несс прокладывает нам дорогу?

— Что?

— Ведь это же кукольник. Он описал огромную дугу, зашел к нам в тыл, после чего наверняка переключил управление на скутер Говорящего. И кзин его наверняка не схватит; и со всеми опасностями, кото-

рые могли бы его ждать, сначала должны будем справиться мы!

— Меня удивляет твое умение думать, как трус,— сказал кзин.

— Не следует недооценивать этого. Мы находимся на чужой территории, и неизвестно, кто в конечном итоге будет прав.

— Хорошо. Поговори с родственной душой. Что касается меня, то я лечу прямо в Глаз. Я должен знать, что за ним или в нем.

Луис вызвал кукольника.

Кукольник снова спал.

— Несс,— позвал Луис.— Несс! — повторил он громче.

Кожа на хребте кукольника нервно задрожала, появилась удивленная питонья голова.

— Я уже думал, что придется включать сирену.

— Что-то случилось? — к первой голове присоединилась вторая, и обе беспокойно огляделись по сторонам.

Луис был не в состоянии смотреть в немигающий голубой глаз. Он отвернулся.

— Еще нет, но случится. Мои безумные приятели решили совершить самоубийство. Я не уверен, можно ли им это разрешить.

— Объясни, пожалуйста.

— Взгляни прямо перед собой и скажи, видишь ли ты скопление облаков в форме человеческого глаза?

— Вижу.

— Ты знаешь, что это может быть?

— Скорее всего, циклон. Надеюсь, ты догадываешься, что на Кольце не может быть спиральных ветров?

— Что?

— Спиральные ветры возникают благодаря действию силы Кориолиса и разницам в скорости перемещения воздушных масс на разных высотах. Каждая

планета является вращающимся сфероидом. Когда две массы воздуха движутся к месту, где возникла относительная пустота, молекулярные силы как бы натаскивают их друг на друга, и возникает явление вихря.

— Несс, я ЗНАЮ, как возникают циклоны.

— Значит, ты должен знать, что на Кольце все воздушные массы движутся с идеально равными скоростями. Никаких вихрей.

— Ну, а ветер? Так не возникнет даже легчайшего дуновения. Не будет никакого движения воздушных масс.

— Неправда. Теплый воздух будет подниматься вверх, а холодный — опускаться вниз. Но такие явления не могут стать причиной того, что мы видим перед собой.

— Верно.

— Что собирается сделать Говорящий?

— Пролететь через самую ... середину. И Тила тоже.

Кукольник засвистел настолько чисто, насколько чист бывает свет рубинового лазера.

— Это может быть опасно. Силовые поля скутеров защитят их от любого обычного ветра, но этот ветер не обычный...

— Я думаю, не искусственно ли он создан.

— Да... Инженеры могли придумать какой-нибудь способ вызвать циркуляцию ветра. Но такая система остановилась бы, когда прекратилась подача энергии. Не понимаю... Ага! Ясно, Луис.

— Что такое?

— Представь себе место, находящееся где-то в центре бури, в котором воздух просто исчезает, оставляя после себя пустоту. Все остальное уже очевидно. Воздушные массы движутся к этому месту спереди и сзади, если глядеть в направлении вращения Кольца...

— И с боков тоже.

— Это не важно,— отмахнулся от его замечания кукольник.— Воздух, движущийся против «течения», будет немного легче, а по «течению» — тяжелее.

Луис мобилизовал все свое воображение, но напрасно.

— Почему?

— Воздух, вращающийся вместе с Кольцом, движется чуть быстрее, из-за чего подвергается действию минимальной центробежной силы. Он просто тяжелее и опускается вниз. Это нижнее веко глаза. Верхнее образует воздух, движущийся против «течения». Разумеется, здесь тоже возникает явление вихря, но ось его горизонтальна, тогда как на любой другой планете она была бы вертикальной.

— Здесь это, собственно, побочный эффект.

— Побочный и одновременно единственный. Явление, которое ты видишь перед собой, может оставаться неизменным хоть тысячу лет.

— Может, и так,— сейчас Глаз казался не таким ужасающим. Кукольник прав, это было нечто вроде циклона: «Веки» были облаками, освещенными солнцем, а «зрачок» — его центром.

— Единственная проблема — то таинственное место, где исчезает воздух. Почему это происходит?

— Может, там работает какая-нибудь помпа?

— Сомневаюсь, Луис. Будь это так, циркуляции воздуха в этом районе были бы старательно запланированы.

— Значит?

— Ты обратил внимание на места, в которых конструктивный материал Кольца вышел из-под слоя земли и скал? Наверняка такая странная эрозия не была запланирована сознательно. Ты заметил, что подобные места мы встречаем все чаще. Действие Глаза нарушило распределение воздушных масс на многие тысячи миль, на площади большей, чем поверхность моей или твоей планеты.

Теперь уже Луис протяжно свистнул.

— Понимаю! В центре этого циклона — отверстие, пробитое метеоритом.

— Именно. Понимаешь, какое это имеет значение? Конструктивный материал Кольца все-таки можно уничтожить.

— Для нас он вечен, принимая во внимание то, чем мы располагаем.

— Согласен. Но, так или иначе, нужно проверить наше предположение.

Недавняя паника казалась Луису полузабытым сном. Аналитический холод вывода кукольника успокаивающе подействовал на него. Луис Ву отважно взглянул в огромный глаз.

— В этой частичной пустоте должен быть просто чистый и спокойный воздух. Мы все пролетим сквозь глаз циклона.

Когда они были уже возле зрачка, небо над ними потемнело. Неужели приближалась ночь? Установить это было трудно — мешал плотный слой облаков.

От края до края Глаз был, по крайней мере, ста миль длиной, а его высота составляла около сорока миль. Сейчас его контуры казались скорее голубыми, чем белыми. Зрачок представлял собой туннель, образованный клубящимися ветрами. И все равно целое выглядело как гигантский глаз.

Они летели прямо в глаз Бога. Зрелище было захватывающее и... почти карикатурное. Луис готов был одновременно смеяться и кричать от ужаса. Или повернуть. Вполне хватило бы и одного разведчика, чтобы проверить, действительно ли в основании Кольца есть отверстие. Луис мог бы обогнуть Глаз по кругу и...

Они влетели в черный коридор, освещенный непрерывно вспыхивающими молниями. Воздух вокруг них был идеально спокоен, тогда как за пределами зрачка клубились облака, вспененные, словно волны. Они двигались быстрее самого мощного циклона.

— Пожиратель листьев был прав,— рявкнул Говорящий.— Это просто буря.

— Самое забавное, что он единственный не впал в панику, увидев это! — крикнул в ответ Луис.— Видимо, кукольники не суеверны.

— Я вижу что-то! Вон, впереди! — крикнула Тила.

Дыра. Луис оскалил зубы в нервной усмешке и осторожно положил руки на рычаги управления. Над дырой могло сильно болтать.

Сейчас он был явно менее напряжен и взволнован Что могло грозить ему в месте, которого не боялся даже кукольник?

Облака и молнии окружали их все более тесными кольцами. Они притормозили и зависли над отверстием, уравновесив силу всасывания тягой двигателей. Приглушенный барьером рев циклона обручем сдавливал головы.

Это было так, словно они заглядывали в трубу. Разумеется, в ней исчезал воздух, но просто ли его выкачивало или, может, высасывало и отбрасывало в притаившуюся по ту сторону тонкой ленты Кольца пустоту?

Луис не заметил, когда Тила направила свой скутер вниз. Она была слишком далеко от него, мерцающий призрачный свет был слишком необычен, а он смотрел прямо в черное отверстие трубы. Правда, он заметил исчезающую в ней серебристую искорку, но не придал этому никакого значения. Только потом до него донесся сдавленно-испуганный крик Тилы.

— Что случилось? — крикнул в ответ Луис.

— ...поймал меня!

Он снова посмотрел вниз.

В заполняющей отверстие трубы пустоте царило полное спокойствие, яростно вихрились только ее края. Их освещало странное зарево, основанное не на электрических разрядах, а на катодных эффектах, возникающих благодаря разнице потенциалов в почти полной пустоте. На самом дне что-то мерцало... будто искра. Это мог быть скутер, если нашелся кто-нибудь

настолько глупый, чтобы нырнуть в ревущий Мальстрем только затем, чтобы взглянуть вблизи на дыру, за которой могла быть только пустота.

Луис почувствовал какую-то невероятную слабость. Ничего уже нельзя было сделать. Ничего. Он отвернулся.

Над пультом управления он увидел лицо Тилы. Широко открытые глаза вглядывались во что-то ужасное. Из носа текла кровь.

Ужас медленно исчезал с лица девушки, оставляя после себя трупно-бледное спокойствие. В любой момент она могла потерять сознание. Глаза Тилы смотрели прямо на Луиса Ву. «Сделай что-нибудь,— молили они.— Сделай что-нибудь!» Ее голова безвольно опустилась на пульт управления.

Луис чувствовал во рту вкус крови, он даже не заметил, что почти откусил себе нижнюю губу. Он взглянул вниз. Труба напоминала увеличенный до чудовищных размеров водоворот, образующийся в ванне, когда выпускают воду. Серебряная искорка, которая наверняка была скутером Тилы, внезапно свернула в сторону и с огромной силой врезалась в боковую стену трубы.

Спустя несколько секунд далеко перед ними, уже за пределами Глаза, появился инверсионный след. Луис ни на секунду не сомневался, что это скутер Тилы.

— Что случилось? — это был кзин.

Луис только покачал головой. Изображение над пультом управления показывало только опущенную голову Тилы. Она была без сознания в скутере, мчавшемся вслепую с двойной скоростью звука. Что-то нужно было делать. Но что?

— Она должна была умереть, Луис. Неужели Несс привел в действие какое-то скрытое управляющее устройство?

— Нет. Я бы хотел, чтобы было так, но... Нет.

— А я считаю, что именно это и случилось,— заявил Говорящий с Животными.

— Ты же видел, что произошло! Она потеряла сознание, ударилась головой о пульт управления, и ее скутер рванулся в сторону, как будто за ним гналась тысяча чертей. Просто она разблокировала своим лбом рули, а ее тело толкнуло рычаг в нужную сторону.

— Ерунда.

— Ага...— Луис мечтал только о том, чтобы уснуть и перестать думать.

— Задумайся над вероятностью, Луис,— кзин только теперь до конца все понял, и челюсть его от удивления отвисла. Только после долгой паузы он сумел выдавить: — Нет, это невозможно.

— Ага...— повторил Луис.

— Она не была бы здесь с нами. Нессу никогда не удалось бы ее найти. Она осталась бы на Земле.

Ударила очередная молния, освещая длинный крутящийся туннель. Тонкая прямая линия указывала след скутера Тилы, а сам скутер уже исчез вдали.

— И прежде всего мы никогда не попали бы в катастрофу!

— Именно над этим я сейчас и думаю.

— Может, лучше подумать, как спасти ей жизнь?

Луис кивнул головой. Без лишней спешки он нажал кнопку вызова Несса — кзин никогда бы этого не сделал.

Кукольник ответил почти сразу, как будто все время ждал сигнала. Луис с удивлением заметил, что кзин не выключил свой интерком. Он коротко рассказал Нессу, что произошло.

— Похоже, мы оба были не правы в отношении Тилы,— констатировал кукольник.

— Вот именно.

— Она летит на форсаже, а его невозможно включить ударом головы. Собственно, его вообще невозможно включить случайно.

— А как это делается? — спросил Луис. Когда кукольник показал ему, он буркнул: — Она могла сунуть туда палец просто из любопытства.

— В самом деле?

— Что мы теперь можем предпринять? — вмешался Говорящий.

— Дайте мне знать, когда она придет в себя,— сказал Несс.— Я покажу ей, как уменьшить скорость, и она вернется к нам.

— А пока?

— Пока мы можем только ждать. Существует опасность перегрузки двигателя, однако, пока она летит, скутер сам будет огибать препятствия и наверняка нигде не разобьется. Единственное, чего следует опасаться — это аноксии, но я уверен, что ей ничего не грозит.

— Почему? Ведь аноксия может привести к повреждению мозга.

— Для этого Тила слишком удачлива,— ответил кукольник.

18. НЕПРИЯТНОСТИ ТИЛЫ БРАУН

Была глубокая ночь, когда они наконец оказались по другую сторону Глаза. Они не видели ни одной звезды, но сквозь немногочисленные просветы в облаках время от времени до них доходил голубой отблеск Арки Неба.

— Я передумал,— сказал Говорящий с Животными.— Если хочешь, Несс, можешь к нам вернуться.

— Хочу.

— Нам нужен твой взгляд на события. Однако знай: я никогда не забуду, что твоя раса сделала с моей.

— Я вовсе не собираюсь вмешиваться в твою память.

Луис едва обратил внимание на эту победу практичности над гордостью, разума над ксенофобией. Он смотрел по сторонам, выискивая инверсионный след, оставленный скутером Тилы, но не мог его найти.

Тила по-прежнему была без сознания. Один раз ее голова слегка шевельнулась, но Луису, несмотря на

многочисленные попытки, не удалось добиться ничего большего.

— Неужели мы ошибались относительно ее? — вопрошал Несс.— Не пойму только почему? Однако если ее счастье не имеет никакой силы, то как объяснить включение форсажа?

Кзин не выдержал.

— В таком случае, почему тогда была выбрана именно она? Почему «Лгун» потерпел катастрофу? Ответь-ка!

— Успокойтесь,— попробовал остановить их Луис, но они не обратили на него внимания.

— Вероятно, ее удача действует не всегда,— сказал Несс.

— Если бы она подвела хоть раз, она была бы мертва.

— Если бы она была мертва или ранена, я не взял бы ее в путешествие.

— Нужно оставить немного места и случайности. Не забывай, Говорящий, что теория вероятности признает существование случая.

— Но не колдовства. Никогда не поверю в наследственное счастье.

— Придется,— просто сказал Луис, и на этот раз его услышали.— Я должен был понять это гораздо раньше. Не потому, что ее обходили все беды. Я имею в виду разные мелочи, некоторые свойства ее личности. Ей действительно везет, Говорящий, можешь поверить.

— Вздор!

— С ней никогда не случалось ничего плохого. Никогда.

— Откуда такая уверенность?

— Тила знала все о наслаждении, но ничего о боли. Помнишь, сразу после катастрофы: пыталась босиком пройти по дымящейся лаве!

— Просто она не слишком умна, Луис.

— ..., совсем наоборот! Просто она не знает, что такое боль! Когда она обожгла себе подошвы, то сбежала вниз по поверхности в тысячу раз более скользкой, чем лед, и не упала! Впрочем, эти подробности ни к чему. Достаточно увидеть, как она ходит. Такое впечатление, что может упасть в любую минуту. Но не падает, не разбивает себе локтей, ничего не роняет и не разливает. Она никогда этого не делала, просто не знала, что это возможно, понимаешь? Ей вовсе не нужно быть ловкой и аккуратной.

— У созданий, отличных от людей, то, о чем ты говоришь, вовсе не было бы таким очевидным,— в голосе кзина чувствовалось явное сомнение.— Я верю тебе на слово, Луис. Но как мне поверить в наследственное счастье?

— Если бы ее счастье было постоянным,— вставил Несс,— она прежде всего никогда не пробовала бы ходить по горячей лаве. Однако время от времени это счастье берет нас под свои крылья. Утешающе звучит, правда? Мы бы уже давно были мертвы, если бы именно над полем солнечников не было плотного слоя облаков.

— Вот именно,— подтвердил Луис.

И все же...Облака расступились настолько, чтобы солнечники могли ощутимо поразить кзина. В замке Тила ехала по движущимся лестницам, тогда как Луису пришлось идти пешком. Его ладонь, как и ладонь кзина, украшала повязка, а Тила отделалась дырой в багажнике скутера.

— Однако ее счастье лучше защищает ее самое, чем нас,— подытожил он.

— Это очевидно. Ты чем-то озабочен, Луис?

— Может, и да...

Объяснить ей, что такое боль, было также трудно, как объяснить слепому, что такое цвет. Бешенство сердца? Тила никогда не переживала страданий любви. Мужчина, которого она хотела, приходил в ее жизнь и был с ней, пока не надоедал, а потом уходил.

И именно такую женщину Луис полюбил. Странно...

— Она тоже меня любила,— буркнул Луис.— Я ведь не в ее вкусе. А если она меня не любила, то...

— Луис, ты говоришь со мной?

— Нет, Несс, я говорю сам с собой...

Почему все-таки она решила присоединиться к Луису Ву и его пестрой команде? Загадка все более усложнялась. Неужели ее счастье велело влюбиться в неподходящего мужчину, принять участие в утомительной и опасной экспедиции, где ей в любую секунду грозила смерть? Это не имело никакого смысла.

Он заметил какое-то движение над пультом управления. Тила пришла в себя и подняла голову. Девушка смотрела, ничего не понимая... и глаза ее наполнились ужасом.

— Спокойно,— мягко сказал Луис.— Только спокойно. Расслабься. Все в порядке.

— Но...— произнесла она каким-то чужим, высоким голосом.

— Мы уже вышли из смерча. Он далеко позади. Оглянись.

Тина повернула голову, и довольно долго Луис видел лишь спутанные черные волосы. Когда она вновь взглянула на него, лицо ее было почти спокойным.

— Несс, скажи ей.

— Более получаса ты летишь с четырехкратной скоростью звука,— заговорил кукольник своим нежным голосом.— Тебе необходимо затормозить. Вложи указательный палец в отверстие, обозначенное зеленым цветом...

Она выполнила распоряжение.

— Теперь ты должна вернуться к нам. Ты удалилась по огромной дуге, а поскольку у тебя нет нужных приборов, придется все время следовать моим указаниям. Для начала поверни в направлении, обратном вращению Кольца.

— Это куда?

— Поворачивай влево до тех пор, пока не увидишь перед собой основание Арки.

— Я не вижу его. Нужно подняться над облаками?

Казалось, она вполне пришла в себя, но все еще здорово боялась. Луис никогда в жизни не видел настолько перепуганного человека.

Луис глубоко задумался, и тут его кто-то позвал.

— Да?

— Ты не злишься?

— Злюсь? — задумчиво повторил он. Собственно, ее поступок следовало назвать безумством и чудовищной глупостью. Он попытался вызвать в себе гнев, как пытаются вызвать старую забытую зубную боль. Бесполезно. Поведение Тилы Браун нельзя было оценивать с позиций здравого смысла.

— Пожалуй, нет. А, собственно, что ты там увидела?

— Я могла погибнуть,— сказала Тила с нарастающим гневом.— Не качай головой, Луис, я могла погибнуть! А тебя это ничуть не волнует!

— А тебя?

Она откинула голову, будто он дал ей пощечину. Он еще заметил движение ладони, затем она исчезла. Однако спустя секунду появилась снова.

— Там была дыра! — с яростью фыркнула она.— Дыра и туман.

— Большая?

— Откуда мне знать? — она снова исчезла.

Верно. Как она могла оценить ее размеры, не имея ничего для сравнения?

«Рискует жизнью,— подумал Луис,— а потом злится на меня за то, что я не злюсь на нее. Может, она просто пыталась привлечь к себе внимание? И как давно она это делает? Если бы на ее месте оказался кто-нибудь другой, он давно бы уже был мертв».

— Но не она,— сказал он в полный голос.— Не она...

«Боюсь ли я за Тилу Браун? А может, я просто спятил?»

Такой старый человек, как Луис Ву, часто видел, как происходят невозможные вещи, и граница между фантазией и действительностью могла стереться или даже полностью исчезнуть.

Нет! Если Тила Браун избегает верной смерти только потому, что ударяется головой о пульт управления, это нечто большее, чем случайность. Почему же тогда произошла катастрофа со «Лгуном»?

Между Луисом и скутером кзина появился новый объект. Поверх пульта управления на Луиса смотрели две треугольные полупрозрачные головы.

— Сейчас я чувствую себя в безопасности. Через полчаса, когда к нам присоединится Тила, это чувство станет еще сильнее.

— Почему?

— Счастье Тилы Браун защищает и нас, Луис.

— Не думаю.

Кзин молча прислушивался к разговору. Только Тилы не было на связи.

— Меня беспокоит твое нахальство,— сказал Луис.— Разведение людей и кзинов свидетельствует о дьявольском нахальстве. Ты слышал когда-нибудь о Дьяволе?

— Я читал о нем в книгах.

— Сноб. Но твоя глупость еще больше нахальства. Ты беззаботно признаешь очевидным, что хорошее для тебя хорошо и для Тилы. Почему?

— Ну...— Несс помолчал.— Это, пожалуй, естественно. Если мы закрыты в одной кабине, то удар метеорита так же опасен для нее, как и для меня.

— Верно. Однако допустим, что вы пролетаете над местом, где Тила хочет приземлиться, а ты — нет. Если именно в этот момент произойдет авария двигателя, это будет выгодно только для Тилы.

— Что за ерунда! Зачем Тиле приземляться на Кольце? Она ведь даже не знала о его существовании, пока я ей об этом не сказал!

— Ей просто везет. Такое счастье трудно назвать случайным, правда, Несс? Раз она должна была прибыть сюда, не зная о его существовании, то, значит, и прибыла. Это все звенья одной цепи — что ты ее все-таки нашел и тебе не удалось связаться ни с одним другим кандидатом. Помнишь эти постоянные ошибочные соединения? А затем мы разбились. Помнишь, как ты ругался с Говорящим, кто должен руководить экспедицией?

— Но ПОЧЕМУ?

— Понятия не имею.

— Тебя беспокоит этот вопрос, Луис? Меня — очень. Что на Кольце могло оказаться для нее привлекательным? Ведь здесь... здесь опасно. Странные бури, поля солнечников, непредсказуемые туземцы — все это составляет угрозу для наших жизней.

— Ха! — триумфально воскликнул Луис.— Верно. Это часть ответа. Просто для Тилы не существует опасности, понимаешь? Прежде, чем мы начнем действовать, нужно принять это к сведению.

Кукольник несколько раз открыл и закрыл свои одинаковые рты.

— Это слегка усложняет ситуацию, правда? — Луис расхохотался.— Но это только часть ответа. Если мы примем, что...

Вдруг кукольник пронзительно закричал.

Луис никак не предполагал, что это так подействует на Несса. Кукольник кричал еще какое-то время, а потом спрятал обе головы под живот. Интерком показывал теперь только густую спутанную гриву. Рядом с ней появилось лицо Тилы.

— Вы говорили обо мне,— сказала она почти бесстрастно.— Я пыталась что-нибудь понять из вашей беседы, но не смогла. Что с ним случилось?

— Это все мой болтливый язык. Я испугал его. Не знаю, как мы теперь тебя найдем.

— Ты не можешь сказать мне, где я нахожусь?

— Локатор есть только на скутере кукольника. Вероятно, по той же причине, по которой он позаботился о том, чтобы мы не могли включить форсаж.

— Мне тоже так кажется.

— Он хотел быть уверенным, что ему удастся удрать от разъяренного кзина. Впрочем, не важно. Как много ты поняла?

— Немного. Вы спрашивали друг друга, почему я хотела сюда прилететь. Так вот, я не хотела, Луис. Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя.

Луис кивнул головой. Ясно. Если Тила прибыла сюда, у нее должен быть какой-то мотив. В этом не было ничего странного. Она любила его потому, что так ей велело ее счастье. А ему на мгновение показалось, что она любит его ради него самого...

— Я пролетаю над городом,— сказала вдруг Тила.— Вижу несколько огней. Когда-то здесь жила масса людей. Город наверняка есть на карте Говорящего.

— Стоит рассмотреть его повнимательнее?

— Я же говорю, что здесь ОГНИ. Может...— изображение и звук внезапно исчезли, словно их отрезали ножом.

Довольно долго Луис вглядывался в пустоту над пультом.

— Несс? — неуверенно выдавил он.

Тишина.

Он включил сирену.

Танцующие на длинных шеях головы кукольника напоминали семейство змей, бегущих из горящего зоопарка. В других обстоятельствах это могло показаться смешным: шеи, изогнутые в два вопросительных знака!

— Что случилось, Луис?

Появилось и лицо кзина. Всем своим видом он выражал полную готовность, ожидая информации и объяснений.

— Что-то произошло с Тилой.

— Это хорошо,— сказал кукольник и спрятал головы под живот.

Луис выключил сирену, подождал немного, после чего включил ее снова.

Кукольник среагировал так же, как и в первый раз. Теперь Луис заговорил первым.

— Если мы не проверим, что с ней случилось, я тебя убью.

— У меня есть тасп,— ответил Несс,— который действует и на людей, и на кзинов.

— Думаешь, это меня удержит?

— Да, Луис, я думаю именно так.

— На что спорим? — медленно произнес Луис.

Кукольник на секунду задумался.

— Попытка спасения Тилы наверняка будет безопаснее такого пари. Я забыл, что она твоя самка,— одна из его голов взглянула на приборы.— Она исчезла с локатора, и я не знаю, где она сейчас.

— Значит ли это, что ее скутер поврежден?

— Да. Передатчик размещен возле двигателя. Вероятно, она оказалась в пределах действия какого-то автомата, вроде того, который уничтожил наши коммуникаторы.

— Гммм... Не знаешь, где она была, когда прервала контакт?

— Я знаю направление, но не расстояние. Мы можем только догадываться о нем на основании не очень точных расчетов.

Они повернули в направлении, которое указал кукольник.

Спустя два часа никаких огней по-прежнему не было видно, и Луис начал подумывать, не потерял ли он след.

В трех с половиной тысячах миль от Глаза должен был находиться порт, а за ним — залив размером с Атлантический океан. Тила наверняка не улетела дальше него. Порт был их последним шансом...

Неожиданно на склоне горы появились огни.

— Стоп! — прошептал Луис, сам не зная почему, но кзин уже успел остановить их в воздухе. Они зависли, разглядывая окрестности.

Город, повсюду город. Внизу, в голубом зареве Арки Неба, они видели дома с круглыми окнами, отделенные друг от друга переулками, слишком узкими, чтобы их можно было назвать улицами. Впереди дома поднимались все выше и выше, пока не вырастали на несколько десятков этажей. Некоторые все еще висели в воздухе.

— Здесь строили иначе,— прошептал Луис.— Не так, как в Зигнамукликлике. Разные стили...

— Небоскребы,— сказал Говорящий с Животными.— Зачем, когда имеешь в своем распоряжении столько места?

— Чтобы доказать, что можешь. Хотя нет, это бессмысленно. После постройки Кольца им ничего не нужно было доказывать.

— Может, эти высокие дома строили уже позднее, в период упадка цивилизации?

Огней было много: ослепительно-белые ряды окон, дюжина огромных башен, освещенных от подножия до крыши. Все они находились в пределах того, что некогда считалось центром города, поскольку именно там располагались все шесть летающих зданий.

И было еще кое-что: ярко-оранжевое светящееся пятно вдали от центра.

Они сидели вокруг карты кзина на третьем этаже одного из домов, похожих на ульи.

Говорящий, заботясь о безопасности, настоял, чтобы ввести скутеры внутрь. Свет шел от фар его машины, направленных на изогнутую стену.

Стол рассыпался в прах, едва Луис коснулся его. Пол покрывал толстый слой пыли. Украшавшая некогда стену картина превратилась в кучку разноцветного порошка на полу. Луису казалось, что возраст города каменной тяжестью ложится ему на плечи.

— Когда делались записи, которые мы нашли в замке, это был один из крупнейших городов Кольца,— кзин провел кривым когтем по карте.— Поначалу город строился в виде полукольца, опирающегося на берег моря.

— Жаль, что у нас нет его плана,— заметил Луис.

Говорящий сложил карту.

— Такая огромная метрополия наверняка скрывает множество тайн. Мы должны быть очень осторожны. Если цивилизации Кольца суждено возродиться когда-нибудь, то именно здесь нужно искать тайники с утраченными технологиями.

— А как быть с металлами и другим сырьем? — спросил Несс.— Эта цивилизация уже никогда не достигнет былых высот. Здесь нет руды, нет жидкого топлива. Единственными доступными материалами остаются дерево и кость.

— Но мы же видели огни...

— Разбросанные безо всякого порядка. Просто они светят там, где еще действуют источники энергии. Впрочем, может, вы и правы. Если здесь живут те, кто начал снова создавать сложные инструменты, необходимо с ними связаться. Но ставить условия будем мы.

— С чего ты взял, что они еще не запеленговали наши интеркомы?

— С того, что они действуют в закрытом контуре.

Луис слушал этот разговор одним ухом. В его голове бродили беспокойные мысли. «Может, она ранена... Лежит где-то, ожидая помощи».

Все указывало на то, что Тила наткнулась на какое-то старое устройство или оружие, которое вывело из строя передатчик и двигатель. А может, и еще кое-что...

Тогда почему он не мог заставить себя действовать быстро? Луис Ву, как бесчувственный компьютер, взвешивает все «за» и «против», в то время как его женщине грозит опасность... Его женщине... Но здесь было и кое-что другое.

Как глупо со стороны Несса было считать, что человек, на чьей стороне счастье, будет думать точно так, как другие люди!

— Можно предположить, что счастье Тилы Браун покинуло ее на время,— говорил тем временем кукольник.— Из этого следует, что с ней ничего не случилось.

— Что? — удивился Луис. Это было так, словно Несс подслушал его мысли.

— Авария скутера должна была бы повлечь ее смерть. Если она выжила, то была спасена сразу же, как только ее счастье вернулось к ней.

— Это смешно! Не думаешь ли ты, что психическая сила подчиняется каким-то законам!

— Логика неумолима, Луис. Я утверждаю, что Тиле не грозит никакая реальная опасность. Если она жива, то может подождать. А мы подождем до утра, чтобы осмотреть местность.

— А что потом? Как мы ее найдем?

— Не останется иного выхода, как ждать какого-нибудь сигнала.

— Они пользуются светом,— вставил Говорящий.

— Верно. И что с того?

— Возможно, фары ее скутера еще действуют. Если так, она наверняка оставит их включенными. Ты же утверждаешь, что она умна.

— Так оно и есть!

— И не может представить себе опасности. Она захочет, чтобы ее нашли, и ей даже в голову не придет мысль, что ее может найти кто-нибудь другой. Если фары не действуют, есть еще лазер.

— Хочешь сказать, что мы не сможем найти ее днем? Ты прав,— кивнул Луис.

— Прежде всего нам нужно осмотреть город при свете дня,— повторил Несс.— Если мы найдем каких-нибудь жителей, прекрасно. Если нет, то завтра вечером начнем поиски Тилы.

— Ты хочешь позволить ей лежать где-то тридцать часов! Ты, хладнокровный ...! Оранжевое пятно... Возможно, там находится она! В горящем здании!

— Верно! — Говорящий вскочил с места.— Скорее туда!

— Я Лучше-Всех-Спрятанный здесь. Повторяю, что ценность Тилы Браун не оправдывает риска ночного полета над чужим городом.

Кзин уже сидел в своем скутере.

— Мы находимся на потенциально враждебной территории, поэтому я беру командование на себя. Мы отправляемся на поиски пропавшего члена экспедиции.

Кзин стартовал, осторожно проведя скутер через овальное окно. Снаружи ждал безымянный город.

Остальные скутеры стояли на первом этаже. Луис спускался по лестнице как мог быстро и в то же время осторожно, поскольку многие ступени рассыпались при малейшем давлении.

Несс посмотрел вниз.

— Я остаюсь здесь, Луис. Считаю это бунтом.

Луис не ответил. Его скутер поднялся вверх и присоединился к экипажу кзина.

Ночь была холодной. Свет Арки Неба разукрасил город синими тенями.

Два скутера помчались в направлении ярко-оранжевого пятна, в сторону от освещенного центра города.

Дома, сплошные дома... нигде даже маленького парка или сквера. Зачем строить так тесно, когда вокруг много свободного места? Даже на перенаселенной Зем-

ле люди не любили толкать друг друга локтями и предпочитали простор.

— Летим невысоко,— донесся голос кзина.— Если окажется, что это, например, уличное освещение, возвратимся к Нессу. Однако нельзя исключать, что Тила была сбита.

— Хорошо,— сказал Луис, однако подумал: «Смотрите, какой он осторожный перед лицом чисто гипотетического противника!» Известный своей отвагой кзин в сравнении с бравадой Тилы казался трусливым, как кукольник.

Где она сейчас? Раненая, мертвая или только испуганная?

Искать цивилизованных жителей Кольца они начали еще до вынужденной посадки «Лгуна». Неужели сейчас их ждет удача? Пожалуй, только эта возможность удерживала Несса от того, чтобы предоставить Тилу самой себе.

Угрозы Луиса ничего не значили, и кукольник прекрасно понимал это.

Если эти цивилизованные жители Кольца окажутся их врагами... Что ж, это вполне возможно.

Скутер начал слегка забирать влево, и Луис поправил курс.

— Луис...— неуверенно сказал Говорящий.— Похоже, здесь какие-то помехи...— потом резким, привыкшим отдавать приказы голосом он крикнул:

— Возвращайся! Немедленно возвращайся!

Казалось, голос кзина ввинчивался прямо в мозг. Луис мгновенно выполнил приказ, но скутер по-прежнему летел вперед. Луис всем телом налег на рычаг управления. Безрезультатно.

— Что-то схватило нас! — воскликнул Луис, и в ту же секунду его обуял ужас. Великий и всезнающий Повелитель марионеток двигал ими по известному только ему сценарию, и Луис Ву знал его имя: СЧАСТЬЕ ТИЛЫ БРАУН.

19. В ЛОВУШКЕ

Практичный и трезво мыслящий кзин включил сирену. Она выла и выла; Луис уже начал думать, что кукольник вообще не отзовется. Как не вспомнить историю о мальчике, который крикнул «Волк!» на один раз больше, чем требовалось...

Однако в ту же секунду в интеркоме ожил взволнованный голос Несса:

— Слушаю! Что случилось?

Ну, разумеется, ему же нужно было сначала спуститься вниз!

— На нас напали,— сказал кзин с удивительным спокойствием.— Контроль над скутерами утрачен. Сейчас мы летим неизвестно куда. Что ты предлагаешь?

Невозможно было угадать, о чем думает кукольник. Его губы непрерывно двигались, но из этого было трудно сделать какой-нибудь вывод. Сможет ли он помочь? А может, снова впадет в панику?

— Поверните интеркомы так, чтобы я мог видеть, куда вы летите. Вы ранены?

— Нет,— ответил Луис.— Но мы ничего не можем сделать. Даже выскочить. Летим слишком высоко и слишком быстро. Направление — прямо на центр города.

— Куда?

— На ту группу ярко освещенных зданий. Помнишь?

— Да.— Кукольник задумался.— Какой-то сильный сигнал заглушает вас. Говорящий, сообщи мне показания приборов.

Пока кзин передавал цифры, их подтянуло совсем близко к освещенной части города.

— Пролетаем над оранжевыми огнями,— прервал кзина Луис.

— Это действительно уличное освещение?

— И да, и нет. Свет идет из всех дверных проемов. Он какой-то странный. Думаю, когда-то это действительно было освещением.

— Я тоже так думаю,— заметил кзин.

— Мне не хотелось бы тебя подгонять, Несс, но мы все ближе. Похоже, нас ведут к самому большому зданию в центре.

— Я его вижу. Двойной конус с освещенной верхней половиной.

— Точно.

— Попробую вас вырвать. Луис, переключи управление на меня.

Распоряжение кукольника было немедленно выполнено. Скутер под ним рванулся, словно огромная ступня пнула его в самый нос, двигатель взревел в агонии и стих. Перед Луисом и за его спиной надулись амортизационные баллоны, сдавливая его, как пара заботливо сложенных ладоней. Луис едва мог двинуть головой.

Он падал.

— Я падаю,— сообщил он.

Его ладонь, прижатая к пульту управления пневматической оболочкой, по-прежнему касалась выключателя управления. Он подождал немного, надеясь, что скутер все же подчинится приказу кукольника. Однако дома внизу приближались слишком быстро, и Луис снова включил управление. Никаких перемен. Падение продолжалось.

— Говорящий, не включай управление,— сказал он со спокойствием, удивившим его самого.— Это бесполезно.

Поскольку они видели его лицо, Луис старался выглядеть достойно, ожидая последней встречи с Кольцом.

Вдруг их резко затормозили. Скутер перевернулся вверх дном, и Луис Ву потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что находится в том же положении и не упал только благодаря сжимав-

шим его баллонам. Казалось, что через секунду его голова лопнет. А воображение услужливо подсунуло соответствующую картинку: озлобленный Повелитель марионеток пытается распутать веревочки, тогда как марионетка Луис Ву завис над сценой вверх тормашками.

Висящее в воздухе здание было низким, широким и богато украшенным. Когда скутеры приблизились к нему, в стене открылись широкие ворота и поглотили их.

Они медленно двигались по темному помещению, когда скутер кзина безо всякого предупреждения перевернулся вверх дном. Мгновенно выстрелили баллоны, спасая Говорящего от гибельного падения.

— Ваше положение указывает на то, что в воздухе вас держит электромагнитное поле,— говорил Несс.— Такое поле может поддерживать металлы, но не органику, поэтому...

Луис осторожно шевельнулся. Двери за ними захлопнулись слишком быстро, на дав возможности адаптироваться к темноте. Он не видел абсолютно ничего и понятия не имел, как высоко висит.

Потом до него донесся вопрос Несса.

— Можешь дотянуться туда рукой? — и ответ кзина: — Да, если протиснусь... Уррр! Ты был прав: обшивка горячая.

— В таком случае, двигатель сгорел. Скутеры больше никуда не годятся.

— Хорошо, что кресло не проводит тепла.

— Трудно удивляться тому, что Инженеры в совершенстве овладели электромагнитными полями. В конце концов, они не знали гиперпространственного двигателя, искусственной гравитации, поля Славера...

Луис изо всех сил старался что-нибудь увидеть. Он повернул голову, чувствуя, как жесткая обшивка бал-

лона царапает щеку. Впрочем, это не помогло — вокруг царила непроницаемая темнота. Дюйм за дюймом передвигая ладонь, он наконец почувствовал под пальцами выключатель главных фар. Луис почти не надеялся, что они еще действуют, но все-таки на всякий случай нажал его.

Снопы белого света прорезали тьму, достав до изогнутой дальней стены. Вокруг на той же высоте висели другие экипажи, примерно дюжина. Одни были маленькие, немногим больше реактивного ранца, другие — размером со скутер, было даже что-то вроде грузовика с застекленной кабиной. Среди этого летающего хлама находился тоже перевернутый вверх дном скутер Говорящего. Из-под вздутых баллонов выглядывали голова и вытянутая рука кзина.

— Свет,— сказал Несс.— Отлично. Я как раз собирался предложить вам попробовать. Вы понимаете, что это значит? Все электрические и электромагнитные цепи ваших скутеров перегорели в момент атаки. Повторная атака на Говорящего, а может, и на тебя произошла, когда вы оказались внутри здания...

— Которое, вероятно, просто тюрьма,— простонал Луис.

Говорить было все труднее. Однако не следует позволять, чтобы за него все делали другие, даже если это «все» заключалось только в предположениях.

— А если это действительно тюрьма,— продолжал он,— откуда нам знать, нет ли здесь хитроумного устройства, поставленного на случай, если кто-то из пленников окажется здесь вместе со своим оружием? Как мы, например.

— Наверняка есть что-нибудь такое,— сказал кукольник.— Однако свет твоих фар доказывает, что оно не действует. Это должен быть автомат, иначе вас охранял бы какой-нибудь стражник. Я думаю, Говорящий может спокойно воспользоваться дезинтегратором Славера.

— Отлично,— выразил свое мнение Луис.— Вот только я смотрю по сторонам и...

Он и Говорящий с Животными плавали вверх ногами в воздушном Саргассовом море. У одного из трех архаичных реактивных ранцев по-прежнему был хозяин — скелет был небольшой, но наверняка принадлежал человеку. На белых костях не осталось ни клочка кожи, только цветные остатки одежды, сделанной из какого-то необычайно прочного материала.

Два других ранца были пусты, но не растворились же кости в воздухе...

Луис отклонил голову назад... еще немного...

Пол напоминал огромную воронку, вокруг стен которой находились камеры. На дно, усеянное белеющими костями, вела спиральная лестница.

Ничего удивительного, что владелец ранца не решился расстегнуть ремни. Правда, другие, захваченные так же, как и он,— предпочли короткий полет к смерти медленному умиранию от голода и жажды.

— Я не представляю, для чего здесь можно использовать дезинтегратор,— сказал Луис.

— Я тоже думаю над этим...

— Если сделать дыру в стене, это ничего не даст. То же самое с потолком, до которого мы, впрочем, и не дотянемся. Если же повредить генератор электромагнитного поля, нас будет ждать падение с высоты футов девяносто. Однако, если не делать ничего, скоро начнем умирать. Тогда единственной альтернативой будет падение.

— Да.

— Что значит твое «да»?

— Мне нужно больше данных. Мог бы кто-то из вас подробно описать то, что видит вокруг себя? Интерком показывает изображение только куска изогнутой стены.

Они говорили по очереди. Кзин включил фары своего скутера, и в тюрьме стало почти совсем светло. Однако, когда Луис замолчал, рассказав все, что мог,

он по-прежнему висел вниз головой над грозной пропастью.

Крик нарастал где-то глубоко в горле, пока еще скрытый под многими слоями спокойствия, но вскоре эти слои начнут один за другим лопаться, и крик будет подниматься все выше... Неужели Несс предоставит их самим себе?

Ответ на этот вопрос был почти очевиден. Все говорило за то, что он сделает именно так, и ничто не подтверждало обратного. Вот разве что кукольник до сих пор лелеял надежду найти здесь развитую цивилизацию.

— Вид экипажей и возраст скелетов свидетельствуют о том, что сюда очень долго никто не заглядывал,— предавался размышлениям кзин.— После ухода людей из города сюда еще попала пара машин, а затем уже некому было попадать. Потому устройства еще действуют — все это время ими просто не пользовались.

— Возможно,— сказал Несс.— Кто-то нас подслушивает.

Луис навострил уши, заметив, что Говорящий сделал это в буквальном смысле слова.

— Нужна необычайно тонкая техника, чтобы перехватить направленный сигнал в замкнутом контуре. Интересно, понимает ли подслушивающий, о чем мы говорим?

— Что ты знаешь о его положении?

— Я знаю только направление. Источник помех расположен недалеко от нас. Не исключено, что прямо над вами.

Луис попытался взглянуть вверх. Напрасно. Между ним и потолком были два надутых баллона и шасси скутера.

— Значит, мы все-таки нашли цивилизацию Кольца,— громко сказал он.

— Цивилизованное существо исправило бы устройство... там, в вашем помещении. Мне нужно подумать.

И кукольник запел Бетховена, а может, «Битлз» — во всяком случае, что-то классическое. Насколько Луис понял, вскоре начались его собственные вариации.

Когда Несс сказал: «Мне нужно подумать», он понимал это совершенно буквально. Музыка звучала, казалось, без конца. Луису хотелось пить. И есть. Он успел уже несколько раз потерять всякую надежду, когда кукольник наконец заговорил:

— Я предпочел бы воспользоваться дезинтегратором Славера, но что делать... Луис, это будет задание для тебя. Ты лучше кзина справишься с подъемом...

— С подъемом?

— Если будешь задавать вопросы, я замолчу. Возьми бластер и проткни его лучом баллон перед собой. Когда почувствуешь, что падаешь, ухватись покрепче за его поверхность и поднимись по ней на верх скутера. Потом...

— Ты сошел с ума, Несс!

— Дай мне закончить. Речь идет о выводе из строя всех автоматических устройств, которые могли бы среагировать на использование оружия. Вероятнее всего, их одно-два над или под дверями, другое где-то еще. Единственное, что можно сказать о нем,— оно наверняка ничем не отличается от первого.

— А если и отличается — не бери в голову. Может, объяснишь мне, как, по-твоему, я ухвачусь за оболочку взрывающегося баллона, чтобы... Нет, это невозможно.

— А как я могу добраться до вас, зная, что окажусь в пределах действия устройства, которое уничтожит мой скутер так же, как и ваши?

— Не знаю.

— Думаешь, что Говорящий сделает это за тебя?

— А разве коты не умеют лазить?

— Я происхожу от равнинных котов, Луис,— вставил кзин.— К тому же у меня еще не зажила ладонь, и я не могу взбираться быстро. Впрочем, все равно

предложение травоядного остается чистым безумием. Неужели ты не понимаешь, что он просто ищет повод нас бросить здесь?

Луис отлично понимал это. Похоже, на его лице отразилась по крайней мере часть страха, который он испытывал, потому что Несс поспешил успокоить их:

— Пока что я не покину вас. Подожду. Может, вы придумаете лучший план. А может, появится тот, кто подслушивает. Я подожду.

Висящий головой вниз между двумя баллонами Луис потерял чувство времени. Вокруг ничего не менялось, ничего не двигалось; единственное, что он слышал,— посвистывание кукольника в интеркоме.

Наконец, он начал считать удары своего сердца. Семьдесят два в минуту... примерно. Ровно через десять минут он сказал:

— Семьдесят два. Минута. Что я делаю?

— Ты что-то сказал, Луис?

— ...! Говорящий, с меня довольно. Лучше умереть, чем сойти с ума.— И он начал высвобождать руки.

— Луис, мы находимся в боевой обстановке. Я приказываю тебе сохранять спокойствие и ничего не делать!

— Мне очень жаль.— Рывок, отдых. Рывок, отдых. Еще немного...

— Предложение кукольника — это верная смерть.

— Возможно.— Наконец, бластер был у него в руках. Он направил его вперед — попутно, видимо, он уничтожит пульт управления, но это уже не имело особого значения.

Луис нажал на спуск. Продырявленный баллон начал медленно опадать, тот же, что находился за спиной, толкал его вперед, занимая освобождающееся пространство. Луис торопливо спрятал бластер за пояс и крепко ухватился за опадающую оболочку. Он почув-

ствовал, что выскальзывает из кресла... судорожно сжал пальцы... и спустя секунду уже висел на руках под скутером.

— Говорящий!

— Да, Луис. У меня дезинтегратор. Проткнуть второй баллон?

— Да!

Баллон не опадал, как первый, он просто превратился в облачко невесомой пыли. Кзин не пожалел заряда.

— ...! — буркнул Луис.— Хорошо еще, что ты прицелился.

Он начал подниматься. Проблемы начались, когда он добрался до самого скутера. Взобраться на него было не так-то просто, тем более что машина явно накренилась в его сторону. Прижавшись к скутеру как можно теснее, обняв конструкцию руками и ногами, Луис начал его раскачивать.

Говорящий с Животными издавал какие-то странные звуки.

Скутер заходил взад и вперед, все больше и больше раскачиваясь. Луис исходил из того, что большинство металлических частей расположены в нижней части. Будь это иначе, скутер переваливался бы с боку на бок, не занимая никакого стабильного положения. Тогда Несс, пожалуй, не предложил бы свой рискованный план...

Скутер раскачивался теперь, как яхта во время шторма. Луис чувствовал подступающую тошноту. Еще одно качание, и машина, сделав полный оборот, накренилась набок, еще раз, снова оборот, еще один... Луис, распластавшись, как жаба, открыл рот и — что? Вчерашний завтрак? Неважно. Его выворачивало, и прижимаясь лицом к гладкой металлической поверхности, он не сдвинулся при этом ни на дюйм.

Скутер еще немного покачивался, но уже принял нормальное положение.

Луис отважился взглянуть вверх — и увидел, что за ними следит женщина.

Она казалась совершенно лысой. Черты ее лица напомнили Луису проволочную скульптуру, висящую в банкетном зале Неба. Она была спокойна, как богиня или покойник. Почему он не может раствориться в воздухе или хотя бы спрятаться?

— Говорящий, за нами следят. Передай Нессу.

— Минутку, Луис, я должен прийти в себя. Я наблюдал за твоим подъемом. Этого не стоило делать.

— Хорошо. Она... Я думал, она совершенно лысая, но нет: у нее узкая прядь длинных волос, почти до плеч.

Он не сказал, что волосы эти густы и черны и падают ей на одно плечо, когда она наклоняет голову, с интересом разглядывая его. Не сказал он и того, что у нее прекрасно сформированная челюсть, а взгляд прошивает его, как маслину, брошенную в мартини.

— Думаю, она Инженер. Или принадлежит к этой расе, или воспитана в их традициях. Ты все понял?

— Да. Где ты научился так подниматься?

Луис громко рассмеялся, судорожно прижимаясь к останкам своего скутера. Это отняло у него последние силы.

— Признайся, что ты приверженец религии Кдапта-проповедника,— сказал он.

— Меня воспитали в этой вере, но науки не пошли мне на пользу.

— Ясно. Есть связь с Нессом?

— Да. Я включил сирену.

— Тогда передай ему: она футах в двадцати надо мной. Смотрит на меня, будто я змея. Я не говорю, что она мной интересуется, скорее, ее не интересует ничего, кроме меня. Она моргает, но ни на секунду не отводит взгляда. Сидит в чем-то вроде застекленной будки. То есть когда-то застекленной. Сейчас это просто огороженная платформа. Вероятно, оттуда и раньше разгля-

дывали узников. На ней... Не скажу, чтобы мне это нравилось. Что-то пузыристое... Внизу до колен, вверху до локтей. Впрочем, это неинтересно кзину и кукольнику. Материал наверняка искусственный. Или новый, или необычайно прочный и долговечный...— Луис замолчал, поскольку женщина что-то сказала.

Он ждал, и она повторила не слишком длинную фразу, потом грациозно встала и вышла.

— Она ушла. Вероятно, я ей надоел.

— Или вернулась к своим подслушивающим устройствам.

— Возможно.

— Несс предлагает поставить лазер на малую мощность и широкий радиус и воспользоваться им как прожектором, когда эта женщина вернется. Я не должен показывать дезинтегратор. Вероятно, женщина может убить нас одним движением пальца. Она не должна видеть у нас никакого оружия.

— Тогда как избавиться от этих автоматических датчиков?

Ответ кзина пришел с секундным опозданием.

— Мы не будем от них избавляться. Несс говорит, что мы попробуем кое-что другое. Он собирается сам сюда явиться.

Луис позволил своей голове свободно упасть на холодную металлическую поверхность. Облегчение, которое он почувствовал, было так велико, что он не мог ее поднять, пока снова не услышал кзина:

— Мы все трое окажемся в одной ловушке. Луис, как отговорить его от этого?

— Если бы он не был уверен, что это абсолютно безопасно, он никогда бы так не поступил.

— Но как это может быть безопасно?

— Не знаю. Дай мне отдохнуть.

Кукольник наверняка знает, что делает. Им не оставалось ничего, кроме как верить его трусости. Луис прижался щекой к гладкому металлу...

Его подсознание все время помнило, где он и в каком положении, поэтому при малейшем движении скутера он тут же открывал глаза, и сон более походил на какой-то невероятный кошмар. Когда вспыхнул свет, он сразу проснулся.

Свет лился через широкое горизонтальное отверстие, служившее здесь дверями. В слепящем свете внутрь величественно вплыл перевернутый вверх ногами скутер кукольника. Его хозяин висел головами вниз, удерживаясь в кресле больше специальными ремнями, чем баллонами.

Двери закрылись.

— Добро пожаловать,— процедил Говорящий.— Можешь повернуть меня вверх головой?

— Пока нет. Женщина появлялась во второй раз?

— Нет.

— Придет. Люди очень любопытны, Говорящий. Наверняка она никогда прежде не видела ни тебя, ни меня.

— И что с того? Мне уже надоело висеть! — простонал кзин.

Кукольник коснулся какой-то кнопки на пульте управления, и произошло чудо: машина стала в нормальное положение.

— Как? — только и сумел сказать Луис.

— Когда они захватили контроль над скутером, я выключил все, что можно было выключить. Даже если бы электромагнитное поле не схватило меня, я всегда успел бы в последнюю минуту включить двигатели. Сейчас все должно получиться. Когда женщина снова сюда придет, ведите себя по-дружески. Луис, можешь вступить с нею в сексуальную связь, если считаешь, что это нам чем-то поможет. Говорящий, имей в виду: Луис — наш господин, а мы — его слуги, так как женщина может страдать ксенофобией. Увидев, что кошмарные существа слушаются человека, она может стать более благосклонной.

Луис совершенно искренне расхохотался. Кошмарный полусон все же освежил его.

— Не думаю, чтобы она оказалась благосклонной, не говоря уже о чем-то большем. Ты ее не видел. Внешне она была холодна, как ледяные пещеры Плутона. По крайней мере, в отношении меня. Честно говоря, я нисколько не удивлен — ведь она видела, как я извергаю свой последний обед. Такое зрелище трудно назвать романтичным.

— Она будет счастлива каждый раз, как взглянет на нас,— сказал Несс,— и, находясь в другом месте, будет чувствовать, что ей чего-то не хватает. Если же она приблизится к кому-нибудь из нас, ее счастье возрастет...

— ...! — воскликнул Луис.— Ну, конечно!

— Понимаете? Это хорошо. Кстати, я понемногу учил местный язык, и, похоже, мое произношение и грамматика безукоризненны. Если бы еще знать, что значат слова, которыми я пользуюсь...

Говорящий перестал даже жаловаться. Какое-то время он ругал Луиса и Несса за то, что они не могут ему помочь, но потом затих.

Луис снова задремал, но, услышав сквозь сон какое-то звяканье, мгновенно проснулся.

Она сходила по лестнице, бренча колокольчиками, висящими на сандалиях. На этот раз на ней было длинное платье с большими, оттопыривающимися карманами. Прическа осталась неизменной, так же как и выражение спокойного достоинства на ее лице.

Она села на платформу, свесив ноги над пропастью, и взглянула на Луиса Ву. Несколько бесконечных минут они смотрели друг на друга, прямо в глаза. Потом она потянулась к одному из карманов, вынула что-то размером со сжатый кулак, а цветом похожее на апельсин, и бросила это в направлении Луиса, так,

чтобы оно пролетело в нескольких дюймах от его вытянутой руки. Точно такие же плоды он нашел несколько дней назад на одном кусте и загрузил их в контейнер пищевого регенератора, даже не проверив, какой у них вкус.

Плод оставил красное пятно на крыше одной из камер. В ту же секунду Луис едва не захлебнулся собственной слюной и почувствовал невероятную, животную жажду.

Женщина бросила ему следующий. На этот раз он пролетел ближе, так, что Луис мог бы его достать, но при этом перевернул бы скутер. И она отлично знала об этом.

Третий плод ударил его прямо в спину. Он плотнее прижался к скутеру, мрачно гадая, что еще его ждет.

И тут в поле ее зрения появился скутер кукольника. Девушка улыбнулась.

До сих пор Несс скрывался за мощными останками воздушного грузовика. Сейчас, снова перевернувшись вверх ногами, он подплыл к Луису, как будто принесенный случайным сквозняком.

— Можешь ее соблазнить? — шепотом спросил он.

Луис фыркнул от ярости, но вовремя понял, что кукольник не смеется, а совершенно серьезен.

— Нечего и пытаться,— ответил он.— Она думает, что я — какое-то животное.

— В таком случае можно попробовать иную тактику.

Луис прижался лбом к холодному металлу. Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо.

— Попробуй ты,— сказал он.— Меня она наверняка не сочтет равным себе, а с тобой, может, будет иначе. Она не будет сравнивать себя с тобой, ты слишком отличаешься от нее.

Скутер кукольника был уже в нескольких футах от него. Несс громко сказал что-то на том языке, на котором говорил лысый дирижер хора.

Девушка не ответила, но... Что ж, это трудно было назвать улыбкой, но все же уголки ее губ слегка поднялись вверх, а в глазах появилась искорка оживления.

Несс произнес новую фразу и на этот раз получил ответ. Ее голос был холоден и мелодичен, но это не удивило Луиса, поскольку он ожидал чего-то подобного.

А потом начался урок языка.

Для Луиса, неуверенно балансирующего над кошмарной пропастью, этот урок был просто скучным. Время от времени он выхватывал какое-то слово, разумеется, понятия не имея, что оно означает. Через некоторое время девушка бросила Нессу оранжевый плод — они уже установили, что он называется «трумб». Несс поймал его.

Внезапно его собеседница встала и вышла.

— Итак? — спросил Луис.

— Наверное, ей надоело,— ответил Несс.— Во всяком случае, она ничего не сказала.

— Я умираю от жажды. Нельзя ли попробовать этот «трумб»?

— «Трумб» означает только цвет его кожицы, Луис.

Кукольник направил свой экипаж к Луису и вручил ему плод. Самая вкусная вещь, которую он пробовал за последние двести лет!

— Вернется? — спросил он, почти покончив с плодом.

— Будем надеяться. Я работал таспом очень осторожно, на уровне подсознания. Ей будет не хватать этого. Зависимость с каждым разом будет все глубже. Луис, а может, направить ее чувства на тебя?

— Нечего и думать. Женщина считает меня туземцем, дикарем. Кстати, кто она?

— Не знаю. Она не пыталась это скрыть, просто не говорила на эту тему. Впрочем, я еще слишком плохо знаю язык. По крайней мере, пока.

20. МЯСО

Несс приземлился, чтобы осмотреть нижнюю часть помещения. Отрезанный от интеркома Луис попытался разглядеть, что там делает кукольник, но через некоторое время отказался от своих попыток.

Через какое-то время он услышал шаги. На этот раз без колокольчиков.

— Несс,— крикнул он, приложив ладонь ко рту.

Звук несколько раз отразился от стен, опустившись на дно воронки. Кукольник подскочил, одним прыжком занял место в своем скутере и стартовал — точнее, полетел вверх как мыльный пузырь. Видимо, он включал двигатель, чтобы противостоять действию поля, а теперь просто выключил его. Когда шаги остановились над ними, он уже как ни в чем не бывало плавал среди металлического лома.

— ...! — прошептал Луис.— Что она делает?

— Терпение. Не жди, что она попадет в полную зависимость с первого раза.

— Когда до твоих пустых безмозглых голов дойдет, что я не могу балансировать бесконечно!

— Но так нужно. Чем я могу тебе помочь?

— Воды...— Луис не был уверен, язык ли у него во рту или же двухъярдовый свернутый рулон фланели.

— Хочешь пить? Но как я могу подать тебе воду? Если ты повернешь голову, то потеряешь равновесие.

— Знаю, не нужно мне напоминать.— Это просто смешно — чтобы старый космический волк так сильно боялся высоты! — Что с Говорящим?

— Я беспокоюсь за него. Он уже давно без сознания.

— ...!

Пожалуй, у нее мания переодеваться, подумал Луис. На этот раз на ней было что-то волнистое в зеленых и оранжевых пятнах. Как и предыдущие наряды, этот тоже не позволял получить представление о формах ее тела.

Женщина присела на край наблюдательной платформы, с холодным вниманием разглядывая их. Луис, не шевелясь, ждал развития событий. Внезапно лицо ее смягчилось, глаза расширились, уголки губ поползли вверх.

Несс заговорил первым.

Она, казалось, задумалась, потом сказала что-то похожее на ответ. А затем вышла.

— Ну и что?

— Нужно ждать.

— Меня уже тошнит от ожидания!

Неожиданно скутер кукольника двинулся вперед и вверх, чтобы через секунду стукнуться о край наблюдательной платформы, совсем как пристающая к набережной лодка. Несс ловко выскочил на «берег».

Девушка вышла ему навстречу. То, что она держала в левой ладони, походило на оружие, но вторая рука коснулась одной из голов и, после мгновенного колебания, погладила. Несс издал возглас удовольствия и восторга. Она повернулась и, не оглядываясь, начала подниматься по лестнице. Вероятно, она считала, что Несс пойдет за ней покорно, как собака. Что он, собственно, и сделал.

«Хорошо,— подумал Луис.— Будь милым, будь вежливым, заслужи ее доверие».

Когда звуки их шагов стихли вдали, в тюремной камере стало тихо, как в опустевшей гробнице.

Скутер Говорящего висел в каких-нибудь тридцати футах от Луиса. Но приблизиться к нему не было никакой возможности. Из-под зеленых баллонов выглядывала забинтованная ладонь и оранжевое лицо с закрытыми глазами.

Возможно, кзин уже был мертв.

Он снова погрузился в дрему, когда вдруг почувствовал — что-то происходит. Скутер заколыхался...

Жизнь Луиса зависела от того, сумеет ли он сохранить равновесие. Мгновенное колебание вызвало у него панику, и он торопливо осмотрелся, двигая только глазами.

Неподвижные останки машин по-прежнему окружали его со всех сторон. Но вот какой-то экипаж закачался и вдруг полетел вниз. За ним последовали и остальные машины.

Скутер Луиса перевернулся в каком-то водовороте электромагнитного поля и тяжело ударился боком о твердую поверхность. Луис мгновенно ослабил хватку и откатился на несколько футов.

Попытка встать на ноги оказалась безуспешной — он был не в силах удерживать равновесие, а руки стали бесполезными крючьями, сведенными болью. Тяжело дыша, он лежал на боку, думая, что скутер Говорящего должен был при приземлении раздавить висящего под ним кзина.

Он лежал совсем недалеко, перевернувшись на бок, однако, чтобы доползти до него, Луису потребовалось немало времени. Кзин дышал, но был без сознания. Тяжесть скутера не сломала ему шею, вероятно, потому, что у Говорящего не было шеи. Луис с трудом вытащил из-за пояса бластер и проколол держащие кзина баллоны.

И что теперь? Он вдруг вспомнил, что умирает от жажды. Зато голова перестала кружиться. Луис встал и на негнущихся ногах отправился на поиски воды, ни о чем другом он просто не мог думать.

Оказалось, что воронка пола образована концентрическими кругами камер. Говорящий и Луис приземлились на четвертом круге, считая от центра. Два остальных скутера лежали ступенью ниже.

Луис с трудом спускался по лестнице, соединяющей соседние уровни. А вот и скутер Несса. При виде пульта управления он покачал головой. Надписи и вообще весь его вид были так таинственны, что никто

не рискнул бы украсть эту машину. Единственной объяснимой вещью была прозрачная гибкая трубка. Вода оказалась дистиллированной, теплой, с каким-то странным вкусом. Но прежде всего — она была чудесна!

Когда Луис утолил жажду, он попробовал кирпичик из питателя. Его вкус был СЛИШКОМ странным, и Луис на всякий случай решил его не есть. Он мог содержать составляющие, убийственные для человеческого организма.

Говорящему он принес воды в ботинке — первом резервуаре, который попался ему на глаза — и осторожно влил в полуоткрытый рот кзина. Говорящий проглотил ее и улыбнулся, не приходя в сознание. Луис отправился за следующей порцией, но прежде, чем он сумел добраться до скутера кукольника, его оставили силы: он и так держался чересчур долго. Луис свернулся в клубок на крыше какой-то камеры и закрыл глаза.

Безопасность. Наконец-то безопасность...

Он должен был сразу уснуть каменным сном, но что-то не давало ему покоя. Ноющие мышцы, синяки на ладонях и внутренней поверхности бедер, страх перед падением, который не покидал его даже сейчас... И что-то еще.

— ...,— пробормотал он, садясь и скрещивая ноги.

Говорящий?

Кзин спал, свернувшись клубком возле дезинтегратора Славера. Он дышал быстро и неглубоко. О чем это говорит? Несс должен знать это. А пока пусть спит.

— ...,— повторил Луис себе под нос.

Он был один, но это одиночество не имело ничего общего с радостным одиночеством Путешествия. На нем лежала ответственность за жизнь других. В то же время его жизнь зависела от того, удастся ли Нессу заморочить безумную женщину, которая их захватила. Ничего странного, что Луис не мог уснуть.

И все-таки...

Взгляд Луиса остановился на скутере.

Его скутер с продырявленными, опавшими баллонами. Рядом — скутер кзина и сам кзин. Ниже — скутер кукольника... и четвертый, без баллонов.

ЧЕТЫРЕ скутера.

В первый раз, горячечно ища воду, он не обратил на это внимания.

Скутер Тилы. Вероятно, до этого его не было видно за одним из крупных экипажей.

Без баллонов. Без баллонов...

Она должна была выпасть, когда скутер перевернулся вверх дном. Или же ее выбросило напором воздуха, когда перестал действовать барьер.

Как это сказал Несс? «Вероятно, ее удача помогает ей не всегда». А Говорящий: «Если бы ее счастье подвело хотя бы раз, она уже была бы мертва».

Она умерла. Наверняка умерла. «Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя».

— Тиле не повезло,— прошептал Луис.— Не повезло, что вообще встретила меня.

После этого он свернулся клубком и заснул.

Открыв глаза, Луис увидел над собой лицо Говорящего. Дикий, голодный взгляд...

— Ты ведь можешь есть пищу пожирателя листьев? Похоже, только у меня нет никаких источников питания.

ГОЛОДНЫЙ взгляд... У Луиса зашевелились волосы на затылке.

— Ты отлично знаешь, что есть,— сказал он так спокойно, как только мог.— Вопрос только в том, воспользуешься ли ты им.

— Конечно, нет. Если честь будет требовать, чтобы я умер с голоду, я так и сделаю.

— Это хорошо.— Луис повернулся на другой бок и сделал вид, что засыпает.

Через несколько часов он проснулся, уверенный, что на самом деле крепко спал. Видимо, его подсозна-

ние полностью доверяло кзину. Раз тот сказал, что умрет от голода, значит, действительно умрет.

Его мочевой пузырь, казалось, вот-вот лопнет, он чувствовал невыносимый смрад и боль перенапряженных мышц. Воронкообразный колодец помог разрешить первый вопрос, затем водой из скутера кукольника Луис смыл с комбинезона засохшую рвоту и заковылял к своему экипажу за аптечкой первой помощи.

Это не было просто коробкой с лекарствами. Аптечка могла сама приготовить некоторые лекарства и даже диагностировать болезни, но сейчас от нее осталась только почерневшая, никуда не годная упаковка.

Свет все больше меркнул.

В крышах камер были люки с прозрачными глазками. Луис лег на живот и заглянул в один из них: кровать, какое-то странное устройство... солнечный свет, льющийся через окно!

— Говорящий! — позвал Луис.

Воспользовавшись дезинтегратором, они через боковую стену проникли внутрь. Большое прямоугольное окно — совершенно неожиданный элемент обстановки камеры. Стекла были выбиты, осталось только несколько острых осколков. Может, оно было для того, чтобы узник мучился, вспоминая утраченную свободу?

Снаружи царил полумрак; словно занавес, приближалась линия терминатора. Перед ними открывался вид на порт: кубы, которые когда-то были складами, разваливающиеся доки, краны... Все почти насквозь проржавело.

Вправо и влево тянулся изогнутый берег. Кусочек пляжа, доки, снова пляж... Видимо, так и проектировали береговую линию: маленький пляж, как на Вайкики, потом сразу — бухта, отлично подходящая для устройства порта — и так далее, по очереди.

А дальше тянулся океан. Бескрайний, исчезающий за несуществующим горизонтом. Совсем, как если бы они смотрели через Атлантику.

Справа надвинулся черный занавес ночи. Вспыхнули еще действующие огни, освещая башни центра. Остальной город и порт скрыла темнота. Далеко слева еще светлел удаляющийся день.

Говорящий лежал на овальной постели.

Луис улыбнулся. Воинственный кзин выглядел самым невинным существом на свете. Сон лучше всего лечит раны, а они, должно быть, порядком измотали его. А может, он спал, чтобы не чувствовать голода?

Луис тихо вышел из камеры.

В царящей внутри тюрьмы темноте он отыскал скутер Несса. К этому времени он уже так оголодал, что проглотил кирпичик, не обращая внимания на его странный вкус. В темноте он чувствовал себя неуверенно, поэтому включил фары скутера кукольника, а потом сделал то же самое со всеми остальными машинами. Когда он закончил, огромное помещение было уже хорошо освещено, а тени стали совсем не страшными.

Что же задержало Несса?

В прежней, воздушной тюрьме было не так уж много возможностей для развлечений. Спать можно было только урывками, но Луис уже с избытком израсходовал свою порцию. Правда, можно было думать о том, где так долго пропадает Несс, но вскоре нашлось достойное объяснение: просто решил спасать свою шкуру.

Несс не был каким-то там простым чужаком. Кукольник Пирсона, с прошлым, состоящим в основном из более-менее удачных опытов в манипулировании людьми. Если бы возник шанс договориться с Инженером, он оставил бы на произвол судьбы и Луиса, и Говорящего с Животными. Не было бы никаких причин поступить иначе. Зато имелись, по крайней мере, две причины поступить именно так. Говорящий почти наверняка предпримет еще одну попытку завладеть «Счастливым случаем», чтобы не дать людям гиперпространственный двигатель. Во время этой попытки

кукольник может быть ранен, если не убит. Лучше разрешить эту проблему уже сейчас, оставив кзина на Кольце. А при случае — и Луиса вместе с ним.

Кроме того, оба они слишком много знали. Сейчас, когда Тила была мертва, только Луису и Говорящему были известны факты, касавшиеся вмешательства кукольников в развитие обеих рас. Звездные семена, Лотерея Жизни — если Несс получил приказ изучить реакцию своих спутников на эти откровения, то ему наверняка велели избавиться от друзей сразу после эксперимента.

Это были вовсе не новые мысли. Луис ожидал чего-нибудь подобного с момента, когда Несс признался в сознательном заманивании корабля Внешних в район Проциона. А сейчас... он мог только сидеть и ждать. Желая хоть чем-то занять себя, Луис установил луч своего лазера на минимальное рассеивание и максимальную мощность, и вскоре был внутри очередной камеры.

После первого же вдоха он почувствовал страшную вонь — здесь кто-то умер, причем уже после того, как перестала действовать вентиляция. Мертвец опирался на окно, сжимая в ладони черепок разбитого кувшина.

Следующая камера оказалась пустой, и Луис занял ее.

Потом он обошел колодец, чтобы добраться до камер по другую сторону здания. Из окна виднелся абсолютно неподвижный циклон, вглядывающийся в него. Принимая во внимание то, что их разделяли две с половиной тысячи миль, размеры его вызывали уважение. Огромное, совершенно спокойное око.

Слева поднималось длинное узкое здание, немного похожее формой на пассажирский космический корабль. Луис на секунду дал волю фантазии: представил, что перед ним действительно ловко укрытый корабль и достаточно только... Это было плохое развлечение, и оно быстро наскучило ему.

Спустя час он сидел на овальной кровати, смотря на спокойно разглядывающий его Глаз, когда рядом с ним в какой-то невообразимой дали заметил небольшой зеленовато-коричневый треугольник.

— Мммм...— задумчиво произнес он. Треугольник имел минимальные размеры, однако торчал из серо-белого хаоса бесконечного горизонта, а это означало, что там был еще день.

Луис отправился за биноклем.

Глядя в него, он увидел все детали так же отчетливо, как кратеры на Луне. Неправильный треугольник, зеленовато-коричневый у основания, грязно-белый у вершины...

Кулак Бога. Гораздо больший, чем он мог предполагать. Факт, что он видел его с такого расстояния, указывал на то, что значительная часть горы находилась вне атмосферы.

С момента вынужденной посадки на Кольце скутеры пролетели более ста пятидесяти тысяч миль. Кулак Бога должен был иметь по крайней мере тысячу миль высоты.

Луис протяжно свистнул и вновь приложил бинокль к глазам.

Он услышал раздававшиеся сверху звуки и высунул голову из камеры.

— Привет, Луис! — рявкнул Говорящий, махая ему окровавленной полусъеденной тушей чего-то, похожего размерами на крупную козу. Кзин откусил кусок размером с человеческую голову, потом еще один и еще. Его зубы были созданы, чтобы резать, а не жевать.

Говорящий указал Луису на оторванную заднюю ногу жертвы, еще с кожей и копытом.

— Это для тебя, Луис. Не слишком свежее, но это не имеет значения. Нужно торопиться. Пожиратель

листьев предпочел не смотреть, как мы едим, и наслаждается видом из моей камеры.

— Он очень удивится, если заглянет в мою,— сказал Луис.— Мы ошибались относительно Кулака Бога. В ней по крайней мере тысяча миль высоты. То, что у нее на вершине — это не снег, а...

— Луис, ешь!

Рот Луиса наполнился слюной.

— Надеюсь, это можно как-нибудь поджарить...

Говорящий содрал шкуру с окорока, после чего Луис положил мясо на ступеньку и поджарил рассеянным лучом лазера.

— Мясо и вправду несвежее,— сказал подозрительно смотревший на него кзин,— но разве следует сразу же жечь его?

— Что с Нессом? Он узник или хозяин?

— Я бы сказал — частично хозяин. Посмотри вверх.

Маленькая фигурка девушки сидела на краю наблюдательной платформы.

— Видишь? Она боится потерять его из виду.

Наконец, Луис решил, что мясо готово. Поедая его, он чувствовал на себе нетерпеливый взгляд кзина, следившего, как человек бесконечно долго жует каждый кусок. Самому же Луису казалось, что он ест, как хищный зверь.

Щадя чувства кукольника, они выбросили объедки через разбитое окно, после чего все собрались у его скутера.

— Она уже частично попала в зависимость,— сказал Несс. Он как-то странно дышал... может, от запахов сырого и горелого мяса.— Мне удалось многое узнать от нее.

— Ты знаешь, почему она нас схватила?

— Да. Я знаю и кое-что еще — она из команды космического корабля.

— Джекпот! — воскликнул Луис Ву.

21. ДЕВУШКА ИЗ-ЗА КРАЯ

Ее звали Халрлоприллалар Хотруфан, и на протяжении двухсот лет она входила в состав экипажа корабля «Пионер» — так после недолгого колебания перевел Несс его название.

«Пионер» обслуживал линию, включающую четыре солнечные системы: пять планет с кислородной атмосферой и Кольцо. Один полный рейс длился двадцать четыре года, причем «год» не имел ничего общего с Кольцом. Это была традиционная мера времени, принятая на одной из планет.

Перед возникновением Кольца два из посещаемых «Пионером» мира были очень густо населены, но сейчас на них никто не жил, так же, как и на остальных.

Халрлоприллалар участвовала в восьми рейсах.

— Понятия не имею, что она там вообще делала,— признался Несс.— Слишком глупа.

— Ты спросил, каково было соотношение полов?

— Из тридцати шести членов экипажа три женщины.

— Значит, можешь больше не гадать, чем она там занималась.

Двести лет путешествий... Вдруг, под конец восьмого рейса, Кольцо не ответило на вызов «Пионера». Ускоритель не действовал, не удалось заметить активности ни в одном из портов. Приземляться было опасно: управляемые роботами лазерные пушки разнесли бы их в пыль. Возвращаться на одну из покинутых планет — значит, основывать там колонию из тридцати трех мужчин и трех женщин.

— Началась паника,— продолжал Несс.— Вспыхнул бунт. Пилот сумел забаррикадироваться в рубке и посадить корабль в одном из портов. За то, что он подверг корабль и экипаж опасности, его убили, хотя мне кажется, это произошло из-за того, что он нарушил традицию и самовольно приземлился на дви-

гателях, а не в безопасной электромагнитной «ловушке».

Луис почувствовал на себе чей-то взгляд и посмотрел вверх.

Девушка все время следила за ними. Одна из голов Несса, левая, тоже ни на мгновение не спускала с нее пристального взгляда.

Значит, в ней и находился тасп. Именно поэтому Несс постоянно смотрел вверх. Девушка не хотела ни на секунду потерять его из виду, а он боялся отпустить ее за пределы действия своих чар.

— После убийства пилота они покинули корабль,— говорил тем временем Несс,— и только тогда поняли, какой вред он им нанес. ЧИЛТАНГ БРОНЕ была испорчена, а они оказались по другую сторону стены высотой в тысячу миль. Я не нашел никакого эквивалента для этого названия ни в интерлингве, ни в Языке Героев, знаю только, как это действует. Это имеет для нас огромное значение.

— Тогда рассказывай дальше,— поторопил его Луис.

Строители Кольца — такое впечатление, что они предвидели упадок цивилизации, словно следующие друг за другом периоды расцвета и варварства навсегда вписаны в прошлую и будущую историю человека... Так вот, они сделали все, чтобы сложная конструкция Кольца не могла быть повреждена. Потомки Инженеров могли забыть, как обслуживать воздушные шлюзы и электромагнитные пушки, как передвигать планеты и строить летающие экипажи. Цивилизация могла перестать существовать, Кольцо — нет. Например, лазерные орудия, служащие для защиты от метеоритов, были настолько надежны, что Халрлоприллалар...

— Называй ее Прилл, а? — предложил Луис.

— ...что Прилл и весь экипаж ни на секунду не могли представить, что они могут сломаться.

— Но что же с космическим портом? О какой надежности можно говорить, если бы какой-нибудь идиот открыл одновременно все двери шлюзов?

— Никаких шлюзов! Вместо них была именно ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Машина эта создавала поле, в котором конструктивный материал Кольца, а значит, и его основание, и боковые стены, пропускал все твердые тела, оказывая только слабое сопротивление. Когда ЧИЛТАНГ БРОНЕ действовала...

— Осмотический генератор,— подсказал Луис.

— Возможно. Мне кажется, «БРОНЕ» — какое-то непристойное определение. Когда генератор действовал, воздух постепенно уходил на ту сторону, а люди в скафандрах шли как бы против сильного, дующего с постоянной скоростью ветра. Более крупные объекты можно было перевозить тягачами.

— А контейнеры со сжатым воздухом для дыхания? — спросил кзин.

— Необходимый воздух они получали на месте, снаружи. Да! Кольцо располагало дешевой технологией превращения элементов, причем дешевой она была только в том случае, если использовалась в больших масштабах. Имелись и другие ограничения. Например, само устройство — оно было просто гигантским. В порту их было два, превращавших свинец в кислород и азот. Осмотические генераторы были весьма безопасными устройствами. В случае аварии шлюза им грозила потеря большого количества воздуха, мчащегося со скоростью урагана, если же выходила из строя ЧИЛТАНГ БРОНЕ, это значило только, что проход закрыт. В том числе и для вернувшихся космонавтов.

— И для нас,— добавил Говорящий.

— Не так быстро,— успокоил его Луис.— Похоже, что осмотический генератор — именно то, что нам нужно. Нам вообще не понадобится двигать «Лгуна» с места. Достаточно направить ЧИЛТАНГ БРОНЕ...—

он произнес это название так, словно оно начиналось с чиха,— корабль попросту провалится на другую сторону.

— И застрянет в противометеоритном заслоне,— закончил кзин, а через секунду добавил: — Но... Там мы могли бы использовать дезинтегратор.

— Вот именно. К сожалению, у нас нет доступа ни к одной ЧИЛТАНГ БРОНЕ.

— Но девушка же здесь! Значит, она как-то сюда проникла.

— Да...

— Имевшиеся среди экипажа специалисты по магнитогидродинамике были вынуждены практически изучить новую специальность, прежде чем приступить к ремонту ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Это заняло несколько лет. Во время работы произошел несчастный случай. Неточно направленный осмотический луч прошел через корпус «Пионера». Два члена экипажа погибли, вплавленные в металлические переборки, семнадцать других получили неизлечимые повреждения мозга. Остальным шестнадцати удалось пройти. Они забрали с собой семнадцать кретинов и саму ЧИЛТАНГ БРОНЕ, на случай, если новое Кольцо окажется менее благосклонным, чем было когда-то.

Они оказались в диком, примитивном мире, и спустя несколько лет часть из них решила вернуться на «Пионер». ЧИЛТАНГ БРОНЕ снова сломалась, замуровав четырех из них в наружной стене. Это был конец. Они уже знали, что нигде на Кольце не найдут нужных запасных частей.

— Кстати, один из членов экипажа рассказал ей о причинах гибели цивилизации. Вместе с одним из транспортов прибыла плесень, способная пожрать внутреннюю структуру действующего при комнатной температуре сверхпроводника, используемого почти во всех сколько-нибудь сложных приборах. Плесень действовала медленно. Она была молода, примитивна и,

по крайней мере, сначала легко уничтожалась. Однако с очередными транспортами на Кольцо прибывали все новые ее разновидности, пока наконец одна не оказалась достаточно сильна. Поскольку она действовала медленно, аварии на кораблях происходили через много времени после прибытия в порт, а ЧИЛТАНГ БРОНЕ отказывалась повиноваться после того, как плесень проносили сквозь внешнюю стену Кольца. Приемники энергетических потоков взрывались непонятно почему спустя много времени после разнесения ее по всей конструкций паромами, поддерживающими сообщение между портами.

— Приемники энергетических потоков?

— Энергия вырабатывалась на черных прямоугольниках термоэлектрическими цепями, а потом направлялась узким лучом на Кольцо. Похоже, это тоже было надежное и абсолютно безопасное устройство. Поток энергии автоматически прервался, когда вышли из строя приемники.

— Но ведь можно было создать новый сверхпроводник,— сказал кзин.— Нам известны две основные молекулярные структуры, каждая из которых имеет ряд разновидностей.

— Этих структур по крайней мере четыре,— поправил его Несс.— Ты прав, Кольцо должно было пережить Упадок Городов. Молодое, более гибкое общество, наверняка выжило бы. Однако, представь себе ситуацию, в которой они оказались. Значительная часть правивших погибла в останках падающих на землю зданий. Без энергии не могло быть и речи о проведении экспериментов, имеющих целью создание нового сверхпроводника. Собранные заблаговременно запасы энергии были либо конфискованы властями, либо служили небольшим анклавам цивилизации, жители которых надеялись, что кто-то другой одолеет возникшую проблему. Был отрезан доступ к космическим кораблям, поскольку не действовала ни одна

ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Те, кто мог бы что-то сделать, были не в состоянии добраться друг до друга. Компьютер, управляющий электромагнитным ускорителем, был просто грудой металлолома, а до самого ускорителя не доходил ни один эрг энергии.

— Королевство погибло, «потому что в кузнице не было гвоздя»,— буркнул Луис.

— Я знаю эту историю, но это не совсем то,— сказал кукольник.— Здесь, несмотря ни на что, можно было кое-что сделать. Собранной энергии вполне хватило бы для сжижения гелия. Ремонт приемников энергетических потоков не имел никакого смысла, но можно было запустить ЧИЛТАНГ БРОНЕ, используя в качестве сверхпроводника охлажденный гелием металл. Благодаря этому открылся бы доступ к портам, корабли полетели бы к черным прямоугольникам, чтобы возобновить поставки энергии, благодаря которым можно было снова сжижать гелий и, используя очередные сверхпроводники, привести в действие очередные приемники... Однако, чтобы начать, нужна была собранная энергия, а ее израсходовали на освещение улиц, поддержание в воздухе немногочисленных летающих зданий и для приготовления пищи. Вот так и погибла цивилизация Кольца.— Несс сделал паузу, а затем продолжил: — Нам повезло, что мы встретили Халрлоприллалар. Она избавила нас от совершенно ненужного путешествия. Нет смысла лететь к краю.

— Повезло...— повторил за кукольником Говорящий.— Действительно. Если нам повезло, то почему мне не весело? Мы утратили нашу цель, последнюю ничтожную возможность спасения. Наши экипажи ни на что не годятся, а один из членов экспедиции пропал.

— Она умерла,— глухо произнес Луис, а когда они удивленно посмотрели на него, жестом указал на скутер Тилы.— Сейчас мы можем рассчитывать только на свое собственное везение.

— Да. Ее счастье действовало спонтанно. Будь это иначе, она никогда не попала бы на борт «Лгуна», и мы никогда не разбились бы на Кольце.— Кукольник помолчал, потом добавил: — Мои соболезнования, Луис.

— Нам будет не хватать ее,— пробормотал кзин.

Луис кивнул головой. Он должен был чувствовать что-то большее, но то, что произошло в Глазе, значительно изменило его отношение к Тиле. С тех пор она казалась ему менее человечной, чем Несс или Говорящий с Животными. Она была мифом, а они — настоящими.

— Мы должны найти новую цель,— сказал Говорящий.— Нужен какой-то способ вытолкнуть «Лгуна» в космическое пространство. Признаться, у меня нет никаких идей.

— А у меня есть,— заявил Луис.

— Вот как? — удивленно спросил кзин.

— Это еще нужно обдумать. Я не уверен, имеет ли это вообще смысл и получится ли. Так или иначе, нам потребуется какой-нибудь экипаж.

— Сани? Большие сани, например, из целой стены какого-нибудь здания. Скутер кукольника смог бы их потянуть.

— Мы можем получить кое-что получше. Я уверен, что сумею убедить Халрлоприллалар показать мне машины, что поддерживают это здание. Почему бы не использовать его как средство передвижения?

— Попробуй,— кивнул Луис.

— А ты?

— Мне нужно время.

Внутренность здания почти целиком заполняли машины. Часть их поддерживала здание в воздухе, часть приводила в движение вентиляторы, холодильники и водяные конденсаторы. Отдельный блок управлял генераторами электромагнитного поля, которое втащило их в ловушку. Несс работал, Луис и Прилл стояли

рядом, старательно делая вид, что не обращают друг на друга внимания.

Говорящий по-прежнему находился в тюрьме — Прилл решительно отказалась выпускать его на свободу.

— Она тебя боится,— сказал кзину Несс.— Конечно, я мог бы это исправить, велев ей поднять вверх скутер, в котором сидел бы ты, и подвести его к платформе.

— А она на полпути выключила бы поле. Нет уж, спасибо.

Зато она не имела ничего против Луиса.

Он посматривал на нее, делая вид, что вообще ее не замечает. У нее был узкий, почти безгубый рот, маленький прямой нос и ни следа бровей. Ничего странного, что ее лицо не имело определенного выражения и походило на незаконченную маску бездушной куклы.

После двух часов непрерывной работы Несс наконец поднял одну из голов.

— Я не смогу переделать двигатель так, чтобы он действовал по горизонтали, но мне удалось ликвидировать устройство, удерживающее нас на одном месте. Сейчас здание подвержено действию ветров.

Луис улыбнулся.

— Или буксирного троса. Мы привяжем канат к твоему скутеру, и ты потащишь нас за собой.

— В этом нет необходимости. Скутер снабжен двигателем, действующим без реактивной струи, поэтому может оставаться внутри.

— Ты уже все обдумал, верно? Но это огромная сила... Если бы ему удалось освободиться...

— Да...— процедил кукольник и сказал что-то Прилл на языке Инженеров, после чего обратился к Луису.— У них здесь есть запас ультратвердого пластика. Мы обложим им скутер, оставив снаружи только управление и пульт.

— Мне кажется, это лишнее.

— Луис, если скутер вырвется, мне будет плохо!

— Гммм... Возможно. В случае чего, ты сможешь приземлиться?

— Да.

— Что ж, беремся за дело.

Луис лежал на огромном ложе, широко открытыми глазами вглядываясь в занимающее весь потолок и часть стены выпуклое окно. Кровать пахла стариной и скрипела при малейшем движении.

Из-за края черного прямоугольника шел отчетливый свет. Рассвет был уже близко, но Арка Неба все еще сияла мягкой голубизной.

— Пожалуй, я спятил,— громко произнес Луис Ву.

Но был ли у них выбор?

Спальня, вероятно, входила в состав апартаментов губернатора. Сейчас здесь была рубка управления. Вместе с Нессом они поместили в одном из шкафов скутер кукольника, после чего облили его быстро твердеющим пластиком.

— Кулак Бога,— продолжал свой монолог Луис.— Тысяча миль высоты. Нет смысла строить такую гору, когда...— он не закончил.

Вдруг он сел на кровати, как будто его кольнула пружина.

— Нить из черных прямоугольников! — воскликнул он.

В комнату вошла какая-то тень. Луис неподвижно замер. Дверной проем был совершенно черным, но в этой черноте он заметил плавные движения и мягкие формы идущей в его сторону обнаженной женщины.

Галлюцинация? Дух Тилы Браун? Женщина оказалась рядом, прежде чем он успел что-либо решить. Сев перед ним на кровать, она вытянутой рукой коснулась его лица, потом погладила по щеке.

В темноте черты ее лица расплывались, но тело у нее было чудесное. Тоненькая, с мышцами профессиональной танцовщицы, с высокими, тяжелыми грудя-

ми. Если бы ее лицо было так же прекрасно, как ее фигура...

— Уйди,— мягко сказал Луис и взял ее за запястья, прерывая то, что мягкие ладони делали с его лицом. Это напоминало успокаивающий, расслабляющий массаж. Он встал, заставляя женщину сделать то же самое, и взял ее за плечи.

Что бы она сказала, если бы сейчас он повернул ее к себе спиной и шлепнул по заду?

Она погладила его по затылку самыми кончиками пальцев. Потом коснулась какого-то места на его груди, потом еще здесь... и здесь... И внезапно Луиса Ву охватило безумное, неудержимое желание. Он сжал руками податливые плечи.

Женщина стояла неподвижно, ожидая, пока он разденется, а затем коснулась еще здесь... и здесь... и каждый раз это было так, словно она дотрагивалась центра наслаждений в мозгу. Если бы Прилл теперь его оттолкнула, он применил бы силу. Он должен был обладать ею...

Какая-то часть его сознания все время отдавала себе отчет, что женщина может остудить его так же быстро, как и возбудила. Луис чувствовал себя молодым сатиром, хотя одновременно его не покидало неясное ощущение, что он безвольная марионетка.

Однако в тот момент это мало его волновало.

Женщина довела его до грани оргазма и держала на ней... держала... так что, когда наконец эта минута пришла, она была как удар бесконечно длящейся молнии.

Луис заснул прежде, чем она успела дойти до двери. Проснулся он с мыслью: «Почему Прилл это сделала?»

«Не будь таким аналитиком,— ответил он сам себе.— Она одинока, и у нее давно не было случая попробовать свое умение...»

Умение. Да, она разбиралась в анатомии лучше многих профессоров. И не только в анатомии...

Луис Ву мог узнать специалиста независимо от области, в которой тот специализировался. Эта женщина была специалистом высшего класса.

Нужно коснуться в определенной последовательности нервных окончаний, чтобы получить определенную реакцию... Такое знание может сделать из человека марионетку... скачущую на шнурочках счастья Тилы Брауя...

И тут он понял. Он так близко подошел к ответу, что когда наконец осознал его, даже не особенно удивился.

Несс и Халрлоприллалар появились в дверях холодильника, таща за собой закутанное в какие-то немыслимые одежды тело птицы, превосходящей размерами взрослого человека. Одежда была идеей Несса: так ему не нужно было касаться губами мертвой туши.

Луис заменил его, схватив птицу обеими руками. Он ответил на приветственный кивок женщины, после чего сообщил Нессу:

— Она приходила ко мне ночью.— Этого было мало, поскольку для Несса подобная фраза ничего не значила.— Ты ведь знаешь: то, что люди делают для размножения, порой делается только ради удовольствия?

— Знаю.

— Так вот, мы занимались именно этим. Она молодец и должна иметь по крайней мере тысячелетнюю практику. Неужели ей столько лет?

— Это вовсе не невозможно, Луис. Ее цивилизация знала средство гораздо более действенное, чем ваш «закрепитель». Одна полная доза эликсира равняется пятидесяти годам молодости.

— Может, знаешь, сколько доз она приняла?

— Нет, Луис. Но она дошла сюда пешком.

— Дошла... откуда?

— С края.

— ДВЕСТИ ТЫСЯЧ МИЛЬ?!

— Почти.

— Ты должен рассказать мне об этом. Что с ними случилось, когда они перебрались на эту сторону стены?

И кукольник принялся рассказывать эту историю. Она сводилась примерно к следующему.

Первая группа варваров, на которую они наткнулись, сочла их богами. Божественность позволила им разрешить одну проблему — несчастные, которым неправильно нацеленный осмотический луч повредил мозг, могли остаться под опекой жителей отдельных деревень. Как боги, они пользовались уважением и почетом, а поскольку были не вполне разумны, не могли использовать свою божественность для низких целей.

Оставшаяся живой и разумной часть экипажа «Пионера» разделилась на две группы: семеро двинулись в направлении вращения Кольца, а остальные, в том числе и Прилл,— в обратную сторону. Каждая группа собиралась идти вдоль края, ища следы цивилизации. Каждая поклялась прислать помощь, если возникнет такая необходимость.

Все принимали их за богов. Все, за исключением других уцелевших — они тоже объявили себя богами — и присоединялись к ним.

Однажды кочующий пантеон наткнулся на заселенный по окраинам город, в котором еще тлели искорки былой цивилизации. Здесь в обмен на неправдоподобное количество эликсира они получили большую исправную машину. Через некоторое время машина отказалась повиноваться. Они уже выбились из сил, а может, не видели смысла в дальнейшем путешествии. Исход закончился в одном из разрушенных, покинутых городов.

Но у Прилл была карта. Она убедила одного из мужчин сопровождать ее и отправилась в путь. Повсюду они изображали из себя богов. Через некоторое время Прилл надоело общество мужчины, и дальше она путешествовала в одиночестве, торгуя небольшими количествами эликсира. Где и этого оказывалось мало...

— Есть еще один способ, с помощью которого она подчиняла себе людей. Она пыталась мне объяснить, но...

— Я понимаю,— успокоил его Луис.— Это что-то вроде таспа.

Когда наконец она добралась до города, то была уже на грани безумия. Прилл поселилась в полицейском управлении, которое без особых повреждений приземлилось на одной из площадей, и после многочасовых проб ей удалось поднять здание в воздух. Несколько раз она едва не теряла контроль над сложной системой управления.

— Действовали еще генераторы электромагнитного поля, служащие для захвата экипажей, нарушающих правила движения,— закончил Несс.— Она включила их, надеясь таким образом найти кого-нибудь, кто подобно ей пережил Упадок Городов. Если он пользуется летающей машиной, значит, не является варваром.

— Тогда почему она закрывает всех в этой свалке?

— На всякий случай. Это знак того, что она приходит в себя.

Луис нахмурился. Туша птицы уже съехала вниз на одном из разбитых экипажей, и Говорящий занялся ею.

— Мы могли бы осветить это здание,— сказал Луис Ву.— И уменьшить его вес почти вполовину.

— Как?

— Достаточно отрезать всю нижнюю часть. Но сначала нужно вызволить оттуда Говорящего. Как думаешь, удастся тебе это?

— Попробую.

22. ИСКАТЕЛЬ

Поскольку Халрлоприллалар по-прежнему панически боялась Говорящего с Животными, Несс старался уменьшить ее страх, усиливая действие таспа, как только могучая оранжевая фигура появлялась в поле зрения девушки. Он утверждал, что со временем вид кзина станет для Прилл таким же приятным, как и его.

Именно поэтому на наблюдательной платформе, глядя в мрачную бездну тюремной камеры, находились теперь только Луис и Говорящий.

— Начинай,— сказал Луис.

Кзин нажал оба спуска.

Раздался раскат грома, повторенный многократным эхом, и на стене, под потолком, появилась ослепительно белая точка. Она двигалась по часовой стрелке, оставляя после себя кроваво-красный след.

— Режь по частям,— посоветовал Луис.— Если все это упадет разом, мы почувствуем себя, как блохи на спине у бешеной собаки.

Говорящий послушно изменил направление разреза. И все же, когда отпал первый кусок конструкции, здание закачалось, как пьяное. Луис отчаянно вцепился в уходящий из-под него пол. Сквозь вырезанный кусок виднелось солнце, город и люди.

Вниз он смог взглянуть только несколько минут спустя, когда перестали существовать еще несколько сегментов здания. Луис увидел деревянный алтарь, а на нем — блестящую модель в форме плоского прямоугольника, накрытого параболической дугой. Мгновением позже рядом рухнула часть отрезанной стены, погребая алтарь под развалинами. Люди разбежались гораздо раньше.

— Люди! — пожаловался Луис Нессу позднее.— В центре покинутого города, по крайней мере в дне пути от полей! Откуда они здесь взялись?

— Они воздают честь своей богине, Халрлоприллалар. Благодаря им у нее есть пища.

— А-а, жертвы и тому подобное...

— Именно. Почему это тебя беспокоит?

— Они могли погибнуть.

— Может, с некоторыми так и случилось.

— На мгновение мне показалось, что там, внизу, я вижу Тилу.

— Нонсенс, Луис. Можем ли мы проверить наши горизонтальные двигатели?

Скутер кукольника был почти полностью погружен в оболочку сверхтвердого пластика. Несс занял место у открытого пульта управления. Через панорамное окно открывался великолепный вид на весь город: порт, стройные башни центра, буйные джунгли, которые когда-то явно были парком. Все это было в нескольких тысячах футов под ними.

Луис прикрыл глаза...

Героический командир ощущал на себе взгляды всего экипажа. Поврежденные двигатели могут в любой момент взорваться, но нужно остановить военные корабли кзинов прежде, чем они ударят по земле, сея смерть и разрушение!

— Это не имеет смысла,— Луис Ву покачал головой.

— Почему? Напряжения материала не должны...

— Летающий замок! ...! Я только теперь понял, что это безумие! Тащиться домой в верхней половине небоскреба...

Здание закачалось, и Луис оперся о стену — заработал двигатель скутера.

Город все быстрее двигался за окном. Через некоторое время Несс выключил ускорение, которое и так не превышало каких-то тридцати сантиметров в секунду за секунду. Они летели со скоростью около ста миль в час и не чувствовали даже малейшей вибрации.

— Нам удалось хорошо закрепить скутер,— сказал Несс.— Как видите, пол горизонтален, а само здание не собирается опрокидываться.

— Все равно это бессмысленно.

— Ничего не бывает без смысла! Куда мы летим?

Луис не ответил.

— Куда мы летим, Луис? Ни у Говорящего, ни у меня нет никаких планов. Давай направление, Луис.

— Обратно.

— Отлично. Точно тем же курсом?

— Да, пока, не окажемся за Глазом. Там поверни на сорок пять градусов в направлении, обратном движению Кольца.

— Ты хочешь отыскать город с башней, которую называли Небо?

— Да. Получится?

— Нет проблем. Мы летели оттуда три часа, значит, должны вернуться за тридцать. А что потом?

— Похоже, пожиратель листьев с удовольствием повинуется твоим приказам,— заметил Говорящий.

В нескольких футах от них тихо урчал скутер кукольника. За окном непрерывно двигался пейзаж. Глаз равнодушно разглядывал их издалека, незаметно приближаясь с каждой минутой.

— Несс — сумасшедший,— Луис пожал плечами.— Надеюсь, что хотя бы ты остался в своем уме.

— Не сомневайся. Если у тебя есть какая-то цель, я охотно помогу, но если нам придется с кем-то сражаться, хотелось бы знать об этом заранее.

— Угу.

— Да, и... Я хотел бы знать что-либо, независимо от того, будем мы сражаться или нет.

— Хорошо сказано.

Говорящий ждал.

— Мы возвращаемся за нитью, соединяющей черные прямоугольники,— ответил наконец Луис.— За той, которую разорвал «Лгун». Она падала на город петля за петлей, без конца. Сейчас там, наверное, несколько сотен тысяч миль, больше, чем может нам потребоваться.

— А зачем она нам нужна, Луис?

— Сначала нужно ее получить. Думаю, если Прилл как следует попросит, а Несс воспользуется своим таспом, у нас не будет с этим особых проблем.

— А потом?

— Потом мы убедимся, действительно ли я спятил.

Летающее здание мчалось вперед, как мощный аэростат. Ни в одном космическом корабле они не могли бы иметь так много места. Точно так же не выдерживал сравнения ни один из кораблей, движущихся в пределах атмосферы: шесть палуб, по которым можно лазить. Зато других удобств не хватало. Запасы продуктов ограничивались мороженым мясом, овощами из холодильника и кирпичиками из скутера кукольника. По мнению Несса, его пища не содержала никаких питательных веществ, усваиваемых людьми или кзинами, поэтому каждый прием пищи Луисом выглядел одинаково: кусок мяса, поджаренного лучом лазера, и оранжевый плод.

Кроме того, у них не было воды.

И кофе!

Они убедили Прилл принести несколько бутылок местного алкоголя и в импровизированной рубке устроили крестины корабля. Кзин тактично удалился в дальний угол, а Прилл все время крутилась возле двери. Никто не хотел согласиться с Луисом — дать новому кораблю название «Невозможный», поэтому совершились четыре крещения, на разных языках.

Алкоголь был... ну, в лучшем случае, кислым. Говорящий не мог его проглотить, а Несс даже не пробовал. Зато Прилл одна опорожнила целую бутылку, после чего старательно спрятала остальные.

Церемония крещения превратилась в урок языка, во время которого Луис усвоил несколько основных понятий языка Инженеров. Говорящий делал успехи гораздо быстрее, и в этом не было ничего удивительного, по-

скольку и кзин, и кукольник уже знали несколько земных языков, а значит, были знакомы с бытующими в них способами формулирования и выражения мыслей.

Потом они сделали перерыв на обед. Несс ел в одиночестве, пользуясь пищевым регенератором своего скутера, чтобы не видеть, как Луис и Прилл поедают жареное, а Говорящий — сырое мясо.

После еды лекция продолжалась. Луису это постепенно надоедало. Другие уже настолько вошли в курс дела, что рядом с ними он чувствовал себя кретином.

— Но, Луис, должен же ты научиться! Мы движемся очень медленно, и нам не раз придется контактировать с туземцами, чтобы добывать продукты.

— Знаю, знаю. Но у меня никогда не было способностей к языкам.

Стемнело. Хотя они находились еще далеко от Глаза, небо уже полностью закрывали тучи. Раздраженный, Луис потребовал перерыва. Он устал и часто вообще не понимал, о чем идет речь. Остальные трое вышли, позволив ему лечь спать.

Примерно через десять часов они должны были достигнуть Глаза.

Он был уже на грани сна, когда вернулась Прилл. Луис почувствовал гладящие его ладони и потянулся к ней.

Она отступила на шаг.

— Ты вождь? — спросила она на своем языке, максимально упрощенном для понимания Луиса.

Он на минуту задумался.

— Да,— поскольку действительная ситуация была слишком сложна, чтобы он смог ее объяснить.

— Вели двухголовому отдать мне его машину.

— Его что?

— Его машину, которая делает мне счастье. Я хочу ее. Забери у него.

Луис рассмеялся.

— Ты хочешь меня? Тогда забери ее,— нетерпеливо повторила Прилл.

У кукольника было что-то, что она хотела иметь. Поскольку он не принадлежал к расе людей, Прилл не имела на него влияния. Единственный человек в ее ближайшем окружении, которого она могла заставить делать все, что хотела, был Луис Ву. Разве она не богиня?

Возможно, ее сбили с толку волосы Луиса. Вероятно, она считала его членом варварского низшего класса, ну, может, полу-Инженером, поскольку у него не было бороды, но не выше. Это означало, что он родился уже после Упадка Городов, а значит, не принимал эликсира и был действительно молод.

— Ты совершенно права,— сказал Луис на интерлингве.

Ее кулаки сжались от ярости, поскольку не нужно было особо прислушиваться, чтобы услышать насмешку в его голосе.

— В твоих руках любой тридцатилетний размяк бы, как воск. Но я немного старше.— И он снова рассмеялся.

— Машина. Где она? — Она наклонилась над ним. Голая кожа черепа слабо поблескивала, черные волосы падали на одно плечо. Луис почувствовал тепло ее дыхания. Он с трудом нашел подходящие слова.

— Под кожей, приклеено на кости. Голова.

Прилл яростно фыркнула: наверняка поняла, что тасп вживлен хирургически. Повернувшись, она молча вышла.

У Луиса мелькнула мысль: не пойти ли за ней? Он желал ее больше, чем сам осмеливался себе признаться. Однако женщина могла полностью овладеть им, а цели, к которым они стремились, вовсе не были одинаковы.

Свист ветра постепенно усиливался. Луис закрыл глаза — и попал в объятия достаточно яркого эротического сна, где действующими лицами были он и две

нагие женщины, которые сначала придавались утехам друг с другом, а потом, радостно крича, накинулись на него...

Вскоре он проснулся.

Прилл лежала сверху, неторопливо водя пальцами по коже его груди и живота. Потом она пару раз шевельнула бедрами, и Луис не смог удержаться, чтобы не ответить ей тем же. Она играла на нем, как на каком-то инструменте.

— Когда я кончу, ты будешь мой,— прошептала она.

Ее голос дрожал от наслаждения, но это не было наслаждение женщины, занимающейся любовью с мужчиной. Сладость неограниченной власти!

Прикосновение ее тела было тягучим, как сироп. Ей уже давно был известен один из самых старых секретов мира: в каждой женщине от рождения есть мощный тасп, и если она научится им пользоваться, для нее не будет ничего невозможного.

Внезапно в ней что-то изменилось. Этого нельзя было заметить по лицу, но Луис услышал мягкий стон наслаждения и почувствовал перемену в ее движениях, все более быстрых и стремительных, пока наконец они не слились в одновременном финале. Сдавленный далекий звук, похожий на гром, Луис отнес к продуктам своего воображения.

Женщина оставалась с ним всю ночь. Время от времени они просыпались, любили друг друга и снова засыпали. Если Прилл и ощущала какую-то неудовлетворенность, то не давала этого почувствовать, а заметить это сам он тоже не мог. Он знал только, что уже не был безвольным инструментом — теперь они играли дуэтом.

Что-то с ней случилось, и, кажется, Луис знал, что именно.

Утреннее небо было серым и облачным. Ветер свистел в изгибах старого здания, а дождь потоками заливал панорамное окно, затекая внутрь сквозь выбитые

стекла на других этажах. «Невозможный» был совсем близко от Глаза.

Луис оделся и вышел из рубки.

Внизу он увидел идущего куда-то Несса.

— Эй! — крикнул он.

— Да, Луис?

— Что ты сделал с Прилл?

— Ты должен быть мне благодарен, Луис. Она хотела подчинить тебя себе, заставить повиноваться. Я все слышал.

— Ты воспользовался таспом!

— Когда вы были заняты репродуктивной деятельностью, я дал на три секунды малую мощность. Сейчас она подчинена, а не ты.

— Ты чудовище! Эгоистичное чудовище!

— Не подходи, Луис.

— Прилл — человек, как и я, и тоже имеет право на свободу воли!

— А что с твоей волей?

— Не бойся, ей ничего не грозило. Прилл не сумела бы меня окрутить.

— Тебя еще что-то беспокоит? Луис, вы были не первой парой людей, за которыми велось наблюдение во время репродуктивной деятельности — мы ведь должны были знать о вас все... Повторяю, не подходи ближе.

— Ты не имел права! — Разумеется, Луис не собирался нападать на кукольника. Просто сделал шаг вперед со сжатыми от ярости кулаками...

...И почувствовал неописуемый экстаз.

Он отлично понимал, что Несс воспользовался своим таспом. Не задумываясь о возможных последствиях своих действий, он изо всех сил замахнулся ногой. Сил после только что испытанного оргазма имелось не так уж много, но их вполне хватило, чтобы пнуть Несса в гортань, прямо под левую челюсть.

Последствия этого поступка были удивительны. Несс что-то булькнул, отшатнулся и выключил тасп.

В ту же секунду на плечи Луиса Ву свалились все заботы и горести мира. Он повернулся и пошел, не глядя даже, куда идет. Ему хотелось плакать, но еще больше он хотел скрыть от кукольника выражение своего лица.

Луис шел наугад видя перед собой только царившую в его душе темноту, и случайно наткнулся на лестницу.

Он отлично понимал, что случилось с Прилл. Подопытное животное! К тому же осознающее, что с ним происходит! В ту ночь она предприняла последнюю, неудачную попытку вырваться из-под ужасающего очарования таспа. Теперь Луис сам почувствовал на себе то, с чем она боролась.

Он направился по лестнице вниз, а не вверх. Автоматически, не задумываясь, а может, его подсознание все-таки зарегистрировало тот глухой гром несколько часов назад.

«Я должен ее спасти,— стучало у него в висках.— Но как? Пока я не наблюдал никаких признаков депрессии... Но это не значило, что в любой момент она не выйдет через разбитое окно. А как мне спасти *себя*?» Где-то в глубине его души по-прежнему раздавался отчаянный крик и никак не хотел стихать.

Подчинение было не чем иным, как подпороговой памятью. Если дать ей большую дозу эликсира, эта память должна стереться...»

— ...! Она нужна нам. Прилл слишком много знает о машинах «Невозможного», и никто не может ее заменить.

Внимание Луиса привлек какой-то странный звук. Корабль, похожий по форме на небольшую стрелу с узкими поясами окон, поднимался в безумствующем ветре, схваченный путами электромагнитного поля, которое никто не выключил.

Луис внимательно присмотрелся, чтобы убедиться, что за передним стеклом действительно маячит чье-то лицо, потом помчался по лестнице вверх, окликая Прилл.

Он не знал подходящих слов, поэтому просто схватил ее за локоть и повел вниз. Увидев в чем дело, она кивнула и вернулась в машинное отделение.

Через минуту корабль оказался у края платформы. Первый пассажир выбрался на четвереньках, поскольку ветер дул как безумный. Это была Тила Браун. Луис даже не особенно удивился, и на лице девушки появилось выражение обиды. Второй пассажир выглядел так, словно только что сошел со страниц комиксов. Луис не выдержал и расхохотался.

Они пролетали мимо Глаза. Через открытую лестничную клетку ветер проникал на первый этаж и гулял по коридорам. Выше, сквозь выбитые окна, лил дождь.

Тила, ее спутник и экипаж «Невозможного» собрались в рубке или спальне Луиса. Спутник Тилы разговаривал в углу с Прилл, которая старалась при этом не спускать глаз с кзина и панорамного окна. Остальные слушали рассказ Тилы.

Она выжила только благодаря тому, что устройство, генерирующее силовое поле, имело небольшой запас энергии, позволяющей поддерживать его еще несколько десятков секунд. За это время скорость скутера упала до разрешенной в пределах города. Электромагнитное поле немедленно выпустило ее, оставив двигатель неповрежденным.

Но для Тилы этого было достаточно. Еще совсем недавно она едва не погибла в Глазе, и очередная атака произошла слишком быстро. Она направила скутер вниз, стараясь найти в темноте какое-нибудь место для посадки, и увидела что-то вроде улицы, ярко освещен-

ной оранжевым светом, идущим из овальных входных отверстий. Скутер приземлился достаточно жестко, но ей было уже все равно: важно, что она оказалась на земле.

Она едва успела вылезть из машины, как та сама поднялась в воздух. Тила полетела кувырком, а когда пришла в себя настолько, чтобы взглянуть вверх, скутера уже не было.

— Видимо, ты приземлилась там, где стоянка была запрещена,— сказал Луис.

— Мне было не важно, почему так произошло. Я чувствовала...— она не могла найти подходящих слов.— Я хотела сказать кому-нибудь, что потерялась, но никого не было. Тогда я села на одну из каменных лавок и начала плакать. Не знаю, как долго это продолжалось. Я боялась уходить оттуда, потому что знала — вы будете меня искать. А потом... пришел ОН,— она жестом указала на своего спутника.— Он очень удивился, когда увидел меня, и о чем-то спросил, но я не поняла. Тогда он попытался меня утешить. Я была счастлива, что кто-то есть рядом, хотя он ничем не мог мне помочь.

Луис кивнул. Тила доверилась бы кому угодно и ждала бы помощи и опеки от каждого, на кого бы ни наткнулась. И ничего бы ей не грозило.

Нужно признать, что ее опекун производил впечатление. Он был героем: хватало одного взгляда. Даже не нужно было наблюдать, как он сражается с драконами своим коротким мечом. К фигуре атлета и соответствующим чертам лица добавлялась галантность, которую он демонстрировал, беседуя с Прилл.

Он был чисто выбрит. Хотя нет, пожалуй, это было невозможным. Скорее, в его жилах текла кровь Инженеров. У него были длинные светло-пепельные волосы — кстати, не слишком чистые,— а вся его одежда состояла из короткой юбки, сделанной из шкуры какого-то животного.

— Он накормил меня,— продолжала Тила,— и опекал. Вчера на нас напали четверо мужчин, а он расправился с ними этим своим мечом! И выучил много слов интерлингвы!

— Правда?

— У него есть способности к языкам.

— Это уже удар ниже пояса.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Он уже стар, Луис. Когда-то давно он принял большую дозу чего-то вроде нашего закрепителя. Говорит, что получил ее от злого колдуна. Он так стар, что помнит, как его деды рассказывали об Упадке Городов. Знаешь, чем он занимается? — игриво улыбнулась она.— Совершает великое путешествие. Когда-то он дал обет дойти до основания Арки и с тех пор идет туда. Идет уже несколько сотен лет.

— До основания Арки?

Тила кивнула. Она все время улыбалась, явно развлекаясь своим рассказом. Но в глазах ее было нечто большее.

Луис уже видел любовь в глазах Тилы Браун, но никогда еще не замечал в них нежности.

— Похоже, ты гордишься им! Идиотка, разве ты не знаешь, что нет никакой Арки?

— Знаю, Луис.

— Тогда почему не скажешь ему?

— Не вздумай говорить ему об этом! Ведь он идет почти всю жизнь! Другим от этого тоже немалая польза: он многое умеет и учит тех, кого встречает на пути.

— Что он может знать? Он не производит впечатления особо разумного существа.

— Так оно и есть.— Судя по тону, каким это было сказано, данное обстоятельство не имело для нее никакого значения.— Но если бы я шла вместе с ним, то могла бы научить многих людей многим полезным вещам.

— Я предполагал, что подобное произойдет.

Все-таки Луису Ву было больно. Понимала ли это Тила? Она старательно отводила глаза в сторону.

— Мы сидели на этой улочке весь день, пока я не поняла, что вы будете искать мой скутер, а не меня. Он рассказал мне о Хал... Хал... о богине и летающей башне, которая притягивала все, что движется. Мы пошли туда и добрались до самого алтаря, разыскивая наши скутеры, но башня вдруг начала распадаться. Потом Искатель...

— Искатель?

— Так он себя называет.

— Ага.

— ...начал запускать двигатели в старых экипажах Он сказал, что когда они попадали в полицейское поле, водители выключали двигатели, чтобы их не уничтожили.

Луис, Говорящий и Несс переглянулись. Половина мнимых обломков могла быть еще на ходу!

— Мы нашли один, который действовал,— продолжала Тила,— и отправились за вами, но, вероятно, разминулись ночью. К счастью, мы превысили допустимую скорость, и поле захватило нас.

— Действительно. Ночью мне казалось, будто я что-то слышу, но я не был уверен.

Искатель закончил разговор с Прилл и теперь с легкой улыбкой рассматривал Говорящего. Кзин ответил ему таким же взглядом. Луису показалось, что эти двое прикидывают, что произошло бы, сойдись они в поединке.

Прилл выглянула в окно, а когда повернулась, на лице ее был ужас. Она задрожала, когда одновременно с сильным порывом раздался вой ветра.

Наверняка она не раз видела подобные явления, возникающие над небольшими кратерами от метеоритов, но эти кратеры молниеносно заделывали, и всегда это происходило где-то далеко, так далеко, что она узнавала об этом из передач стереовизии или чего-то в

этом роде. Тем не менее это всегда вызывало содрогание — ревущая, ураганная утечка воздуха в бездонную пустоту на той стороне.

Ветер снова усилился.

— Надеюсь, это здание достаточно прочно,— сказала Тила Браун.

Луис онемел от удивления: как она изменилась... Да! — она ведь побывала в Глазе.

— Мне нужна твоя помощь,— сказала Тила.— Я хочу быть с Искателем.

— Ага.

— Он тоже хочет быть со мной, но у него какое-то совершенно повернутое чувство достоинства. Я пробовала рассказать ему о тебе, а он ...перестал со мной спать. Считает, что я твоя собственность.

— Рабство?

— Мне кажется, только для женщин. Ты скажешь ему, что это не так?

Луис почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Пожалуй, будет проще, если я продам тебя ему. Конечно, если ты не возражаешь.

— Я хочу, Луис, путешествовать с ним по Кольцу. Я люблю его.

— Разумеется. Вы же созданы друг для друга и должны были встретиться.

Она неуверенно смотрела на него.

— Ты стараешься говорить саркастически?

— Еще месяц назад ты не отличила бы сарказма от транзистора. Нет, самое смешное здесь то, что я говорю это безо всякого сарказма. Несколько сотен миллиардов других пар не имеют никакого значения, поскольку не были частью проклятого эксперимента кукольников.

Воцарилась полная тишина. Все смотрели прямо на него. Даже Искатель взглянул в их сторону, желая знать, что привлекло внимание остальных.

Однако Луис видел только Тилу Браун.

— Мы разбились на Кольце,— мягко произнес он,— поскольку местные условия как будто специально созданы для тебя. Ты научилась вещам, которым не могла бы научиться ни на Земле, ни где-либо в Освоенном Космосе. Наверняка были и другие причины, например, этот их эликсир молодости или гигантское пространство, но важнейшей причиной твоего появления здесь было... обучение.

— Обучение? Чему?

— Боли. Страху. Неуверенности. Ты сейчас совершенно другая женщина, нежели в тот момент, когда оказалась здесь. До этого ты была... абстракцией. Тебе когда-нибудь прежде случалось ушибить палец?

— Не знаю... Наверное, нет.

— А обжечь ноги?

Тила взглянула на него. Все-таки она поняла!

— «Лгун» разбился для того, чтобы ты могла оказаться на поверхности Кольца. Потом мы проделали несколько сотен тысяч миль исключительно для того, чтобы ты могла встретить Искателя. Твой скутер доставил тебя к нему, а электромагнитное поле перехватило в единственно подходящий момент, поскольку он — именно тот человек, которого ты должна была полюбить.

Тила улыбнулась. Луис продолжал:

— Тебе требовалось время, чтобы получше узнать его, поэтому мы с Говорящим более двадцати часов висели головами вниз...

— Луис!

— ...над девяностофутовой пропастью. Но это еще не самое худшее.

— Это зависит от точки зрения,— буркнул кзин.

Луис проигнорировал его реплику.

— Ты влюбилась в меня, потому что благодаря этому нашла повод присоединиться к экспедиции. Сейчас ты меня уже не любишь, поскольку тебе это не нужно. Ты уже здесь. И я любил тебя по той же самой причине,

поскольку счастье Тилы Браун сделало из меня безвольную марионетку... Но настоящей марионеткой являешься ты. До конца жизни ты будешь танцевать на веревочках своего собственного счастья. Сомневаюсь, что когда-нибудь ты получишь свободу, и даже если это произойдет, ты не будешь знать, что с ней делать.

Тила с побледневшим лицом стояла неподвижно — еще совсем недавно она не умела так контролировать себя. Что же касается Искателя, то он скорчился под стеной, глядя то на одного, то на другого и водя пальцем по острию своего меча. Он не мог не заметить, что Тилу обижают, но по-прежнему считал, что девушка принадлежит Луису Ву.

Луис повернулся к кукольнику и не очень удивился, увидев, что Несс спрятал под себя обе головы и свернулся в плотный шар, прервав тем самым на неопределенное время свое существование во Вселенной.

Луис взял его за колено задней ноги и обнаружил, что может без особого усилия перевернуть кукольника на спину. Он весил не больше, чем сам Луис.

— Все это произошло из-за твоего чудовищного эгоизма,— сказал он.— Этот эгоизм поражает меня почти так же, как ошибки, которые ты совершил. Я не могу понять, как можно одновременно быть таким могучим, готовым на все и таким глупым. Понимаешь ли ты, что все постигшее нас — абсолютно ВСЕ! — является просто-напросто побочным эффектом счастья Тилы?

Теплый, мягкий шар сжался еще сильнее. Искатель восторженно разглядывал его.

— Можешь вернуться на планеты кукольников и сказать им, что эксперименты по разведению людей могут плохо кончиться. Несколько таких Тил, и ничего не останется от теории вероятности. Даже основные законы физики — это не что иное, как действующая на атомном уровне теория вероятности. Скажи им, что Вселенная — слишком опасная игрушка для таких осторожных существ. Скажи им это, когда мы вернемся

домой. А пока разворачивайся, и живее! Мне нужна нить, соединяющая черные прямоугольники, и ты должен ее найти. Мы уже почти за Глазом. Ну, чего ты ждешь?

Кукольник распрямился и встал на свои три ноги.

— Мне очень стыдно, Луис...— начал он.

— И ты смеешь говорить это СЕЙЧАС?

Кукольник замолчал, повернулся к окну и с интересом стал смотреть на Глаз.

23. ГАМБИТ БОГА

Туземцы, поклонявшиеся одной летающей башне-Небу, оказались вдруг обладателями двух.

Как и в первый раз, площадь с алтарем быстро заполнилась людьми. Луис попытался найти в толпе лысого жреца, но его нигде не было видно.

Несс тоскливо поглядывал на вздымающийся рядом с ним замок. Рубка «Невозможного» находилась на том же уровне, что и комната карт.

— В первый раз у меня не было случая осмотреть это место,— сказал он,— теперь же я не могу туда попасть.

— Мы можем сделать дезинтегратором дыру и спустить тебя на веревке,— предложил Говорящий с Животными.

— И все-таки я останусь здесь.

— Но ведь ты уже делал гораздо более опасные вещи.

— Да, стремясь к знаниям. Но теперь я знаю столько, сколько мне нужно. Если я и решусь на какой-нибудь риск, то только затем, чтобы вернуться с этим знанием к тем, кто меня послал. Луис, вот твоя нить.

Над частью города словно поднимался густой, вытянутый в длинную полосу дым: нити набралось уже очень много.

— Но как ее собрать?

Луис озадаченно покачал головой.

— Понятия не имею. Пожалуй, следует внимательнее осмотреть ее.

«Невозможный» замер в воздухе неподалеку от главной площади. Несс не выключал двигатели — здание своим весом раздавило бы наблюдательную площадку, служившую сейчас платформой.

— Нужно что-то придумать,— продолжал Луис.— Может, какие-нибудь рукавицы? Или катушка из конструктивного материала Кольца?

— Ничего подобного у нас нет,— ответил Говорящий с Животными.— Попробуем договориться с туземцами. Возможно, им известны какие-нибудь старые легенды, инструменты или реликвии. Кроме того, у них было три дня, чтобы освоиться с этим явлением.

— В таком случае мне следует спуститься с вами,— с явной неохотой произнес кукольник.— Говорящий, ты слишком слабо владеешь их языком. Придется оставить Прилл, чтобы она в случае необходимости могла быстро стартовать. Разве что... Луис, местный любовник Тилы может вести переговоры от нашего имени?

Луису почему-то было неприятно, что кукольник так говорит об Искателе.

— Даже Тила не считает его гением,— резко ответил он.— Пожалуй, не стоит доверять ему до такой степени.

— Согласен. Луис, нам действительно нужна эта нить?

— Не знаю. Если я не сошел с ума, то да. В противном случае...

— Понятно. Я пойду...

— Ты вовсе не обязан верить мне на...

— Я пойду.— По бархатной коже кукольника пробежала волна дрожи. Самым удивительным в его голосе было то, что он мог быть таким чувственным, чистым — и не выражать никаких чувств.— Я знаю, что

она нам понадобится. Случай привел к тому, что она упала на нашем пути, а все случаи имеют какую-то связь с Тилой Браун. Значит, она нам нужна.

Что ж, слова Несса подтвердили выводы, к которым пришел он сам.

Они спускались вниз по лестнице, ведущей на платформу: Луис — вооруженный лазером, Говорящий — дезинтегратором Славера. Мышцы кзина двигались с пружинистой, мягкой грацией, отчетливо проступая под слегка отросшим мехом. Искатель держал наготове короткий острый меч. Мышцы перекатывались под его кожей так же, как у кзина. Несс не взял с собой никакого оружия, потому что больше всего доверял таспу и своему инстинкту бегства. У Тилы тоже ничего не было в руках.

Луис почему-то вспомнил обстоятельства торговой сделки, проведенной утром. Используя Несса как переводчика, он предложил Искателю купить Тилу Браун. Тот серьезно кивнул головой и предложил капсулу эликсира молодости, примерно на пятьдесят лет жизни.

— Хорошо,— Луис посчитал, что это было выгодное предложение, хотя не собирался даже попробовать это средство. Действие, которое эликсир мог оказать на человека, сто семьдесят лет принимавшего земной закрепитель, вполне вероятно отличалось от того, что предполагали его создатели.

— Я не хотел его обидеть или допустить мысль, что ты продаешь Тилу за бесценок,— сказал ему позднее кукольник.— Поэтому я потребовал больше. Теперь он получил Тилу, а ты капсулку, ее содержимое можно будет подвергнуть на Земле детальному анализу. Кроме того, до тех пор пока мы не получим достаточного количества нити от черных прямоугольников, Искатель будет нашей охраной.

— И чем же он будет нас защищать? Этим перочинным ножом?

— Я хотел только, чтобы он хорошо относился к нам.

Сейчас, наблюдая за Тилой, которая не спускала глаз с Искателя — ведь он был ее мужчиной и подвергался опасности,— Луис задумался. Не этого ли хотел добиться Несс? В конце концов, Тила была старательно выведенным кукольником ходячим счастьем...

Скопление черной нити даже вблизи выглядело, как полупрозрачный дым. Сквозь него было видно разрушенный город: местами поднимались лучше сохранившиеся большие здания с фасадами, сделанными из материала, напоминающего стекло. На Земле или какой-нибудь населенной людьми планете в них могли бы размещаться универсальные магазины. Сама нить была настолько тонка, что ее можно было заметить на расстоянии не более дюйма. Луису пришло в голову сравнение с молекулярным волокном Синклера.

— — Не касайтесь ее,— предупредил Луис, вспомнив, что говорил жрец о девочке, которая хотела ее поднять.— Попробуй перерезать ее дезинтегратором,— обратился он к Говорящему с Животными.

В туче серого дыма появилась ослепительно сверкающая точка.

Возможно, это было принято за кощунство — СРАЖАЕТЕСЬ СВЕТОМ? — однако, вероятнее всего, туземцы еще раньше решили расправиться с чужаками. Послышались яростные крики, и из окружающих зданий появились одетые в лохмотья фигуры, вооруженные... Чем? Мечами и палками?

Бедняги, подумал Луис, настраивая лазер на большую мощность и малый радиус действия.

Световые мечи и переносные лазеры использовались почти на всех обитаемых планетах. Правда, Луис прошел обучение более ста лет назад, а война, к которой его готовили, так и не началась, но навыки были слишком простыми, чтобы их забыть.

Чем дольше действие луча, тем глубже разрез.

Луис водил стволом вправо и влево быстрыми, мягкими движениями. Нападающие отступали, хватаясь за кровоточащие животы, но их заросшие лица не выражали никакой боли.

В случае атаки превосходящих сил противника следует делать быстрые движения, рассекая плоть неглубоко, чтобы сдержать напор атакующих.

Луис чувствовал только лишь сожаление и отвращение. Несчастные фанатики, вооруженные только мечами и палками. У них не было ни малейших шансов...

Однако один из них дотянулся своим мечом до вооруженной дезинтегратором руки кзина. Говорящий выронил оружие. Его тут же схватил другой нападающий, но в ту же секунду расстался с жизнью, поскольку здоровая рука Говорящего буквально вырвала у него из спины позвоночник. Третий мужчина схватил дезинтегратор и бросился наутек. Он даже не пытался воспользоваться им, просто удирал. Луис не мог достать его лучом своего лазера, поскольку именно теперь до него начало доходить, что он сражается за свою жизнь.

Всегда целься в туловище.

До сих пор он еще никого не убил, но теперь, пользуясь перерывом в атаке, расправился с двумя ближайшими противниками.

Не допускай близкого контакта с неприятелем.

Говорящий убивал голыми руками: здоровой — раздирал, а раненой пользовался как палкой. Каким-то образом он сумел избежать удара мечом, схватив его владельца. Туземцы никак не могли решиться на массированную атаку: в их глазах кзин был не кем иным, как огромной оранжевой смертью с оскаленными зубами.

Искатель, с окровавленным мечом, прижимался спиной к стене. У его ног лежали три неподвижных тела. Рядом с ним Тила выглядела типичной героиней комиксов.

Несс, низко наклонив одну и высоко подняв другую голову, спешил к «Невозможному». Нижняя голова

внимательно посматривала по сторонам, верхняя служила для панорамного охвата ситуации.

До сих пор Луис не получил даже царапины. Он очищал район вокруг себя, по мере возможности помогая своим товарищам. Внезапно, как из-под земли, перед ним появился укутанный в зеленое одеяло человек с огромным молотом в руке. Размахивая своим грозным оружием, он двинулся на него. Луис провел лучом по его животу, но мужчина продолжал идти дальше.

Одежда того же цвета, что и луч твоего лазера, спасет твоего противника так же, как отражающие доспехи.

Хорошо, что он только один! Луис направил луч на волосатую шею.

Какой-то туземец стал на пути Несса. Он был очень храбр, раз решился атаковать такого чудовищного противника. Луис не мог хорошо прицелиться в него, да это и не потребовалось, потому что туземец тут же погиб от удара задней ноги кукольника. Несс помчался дальше, и тут...

Луис хорошо видел, как это произошло. Кукольник как раз повернул в узкий проход, когда его поднятая вверх голова внезапно отделилась от туловища и покатилась по земле. Несс застыл на месте.

Из перерезанной с хирургической точностью шеи пульсирующим фонтаном ударила красная кровь, по виду ничем не отличавшаяся от человеческой. Вторая голова издала пронзительный, жалобный крик. Туземцы загнали его в ловушку из нитей черных прямоугольников.

Луис прожил уже двести лет и не раз видел смерть своих друзей. Он продолжал сражаться, направляя луч лазера туда, куда падал его взгляд.

«Бедный Несс. Но сейчас может быть и моя очередь...».

Наконец туземцы отступили.

Тила, поднеся ко рту стиснутые кулаки, широко открытыми глазами смотрела на умирающего кукольн-

ника. Говорящий и Искатель отступали в направлении «Невозможного».

Луис подбежал к кукольнику. Тила протянула ему шейный платок, и он буквально вырвал тряпицу у нее из руки. Наклонившись, чтобы не коснуться натянутой между двумя стенами нити, он сильно ударил Несса в бок, повалил на землю и затянул платок вокруг кровоточащего обрубка. Кукольник с ужасом вглядывался в то место, где еще минуту назад находилась его вторая голова. Потом единственный его глаз закрылся, и Несс потерял сознание.

Луис затянул узел еще крепче, чтобы остановить кровотечение, а потом поднял кукольника на спину и тяжело побежал следом за Искателем. Туземцы следили за ними, но никто не пытался помешать.

Тила пришла в себя и двинулась следом за Луисом. Последним явился Говорящий с Животными. Он остановился у платформы, подождал, пока Тила исчезнет внутри «Невозможного», после чего повернулся и помчался в ту сторону, откуда они пришли.

Времени обдумать этот поступок не было, и Луис начал подниматься. Когда он добрался до рубки, ему показалось, что кукольник весит раз в пять больше, чем в начале подъема. Он положил Несса у залитого пластиком скутера, залез в машину, достал оттуда комплект первой помощи и приложил его к кровоточащей ране. Комплект этот, в отличие от того, который имел Луис, был соединен пучком проводов с пультом управления скутера. Несколько секунд спустя из пищевого регенератора выскочила длинная гибкая трубка и вонзилась в кожу на шее кукольника. Выглядело это довольно необычно. Луис содрогнулся... Внутривенное питание. Кукольник явно был еще жив.

«Невозможный» уже поднялся в воздух. Все были так огорошены случившимся, что даже не заметили

старта. Говорящий сидел на наблюдательной площадке, осторожно держа что-то в ладонях.

— Кукольник умер? — спросил он.

— Нет, но потерял много крови.— Луис тяжело опустился возле кзина. Он чувствовал крайнюю усталость.— Может ли кукольник впасть в шок?

— Откуда мне знать? Сам механизм шока еще недостаточно изучен. Нам потребовалось несколько столетий, чтобы понять, почему люди под пытками умирают так быстро.— Кзин явно думал о чем-то другом.

— Это тоже часть счастья Тилы Браун? — спросил он наконец.

— По-моему, да.

— Но почему? Что она может получить от беды, постигшей пожирателя листьев?

Луис не сразу ответил.

— Чтобы понять, ты должен взглянуть на это моими глазами. Когда я познакомился с ней, она была... словом, ее личность не была человеческой личностью.

— Это плохо?

— Да, поскольку она должна была стать человеком, если бы Несс не сделал из нее нечто другое. Он хотел создать бога по своему образу и подобию, а получил Тилу Браун. Она стала тем, чем хотел бы быть каждый кукольник. С ней не случится ничего плохого, разве только она сама этого не захочет. И вот она здесь. На Кольце Тила может пережить все, что сделает ее человеком. Сомневаюсь, что таких, как она, много. Они должны были тоже оказаться на борту «Лгуна». Хотя... Может быть и так, что их тысячи. Начнут твориться странные вещи, когда эти люди осознают свое могущество... Лучше убираться с их дороги.

— Что мы сделаем с головой пожирателя листьев? — спросил кзин.

— Она не могла никому сочувствовать,— продолжал Луис,— поэтому должна была увидеть, как ее товарища постигло несчастье. Не важно, что это могло

стоить жизни Нессу. Знаешь, чем я остановил кровь? Ее шейным платком. Она дала мне его, догадавшись о моих намерениях. Впервые перед лицом опасности она вела себя так, как должна.

— И все-таки я ничего не понимаю.

— Осознание собственных ограничений составляет часть процесса взросления. Тила не могла стать взрослой, пока не оказалась лицом к лицу с настоящей, физической опасностью.

— Наверное, это присуще только людям,— констатировал Говорящий, и Луис понял, что это утверждение равносильно признанию абсолютной невозможности понять людей.

— Я думаю сейчас, правильно ли мы сделали, остановив «Невозможного» выше замка, который туземцы называют Небом,— добавил кзин.— Возможно, они атаковали нас потому, что сочли это святотатством. Хотя, это все равно не имеет значения, раз все происходит так, как хочет счастье Тилы Браун...

Луис наконец понял, что это Говорящий так осторожно держит в ладонях.

— Ты возвращался за головой? Если да, то напрасно потерял время. Мы все равно не сможем ее сохранить.

— Нет, Луис.— И Говорящий показал, *что* он держит.— Не касайся этого — можешь потерять пальцы...

Это была как бы длинная рукоять, расширяющаяся на одном конце и сужающаяся на другом. Более узкий конец переходил в тонкую черную нить.

— Я знал, что туземцы могут как-то манипулировать ею, раз устроили засаду, и вернулся, чтобы увидеть, как они это делают. Видимо, это зацеп, соединяющий нить с черным прямоугольником. Нам повезло, что удалось его найти.

— Конечно! Теперь мы можем тащить ее за собой. Она не должна ни за что цепляться, иначе все разрежет!

— Куда мы летим, Луис?

— Обратно. К «Лгуну».

— Разумеется. Нужно спасать Несса. А потом?
— Посмотрим.

Он оставил Говорящего на платформе, а сам пошел наверх, за сверхтвердым пластиком. С его помощью они прикрепили конец нити к стене. Пластик затвердел, и кзин смог наконец покинуть свой пост на свежем воздухе.

Тилу, Искателя и Прилл они нашли в машинном отделении.

— Мы отправляемся в другую сторону,— заявила Тила.— Эта женщина говорит, что может приблизиться к летающему замку. Отчего бы не попробовать залезть туда через разбитое окно?

— И что дальше? Вы погибнете, если не сумеете справиться с ним.

— Искатель говорит, что знает какой-то способ.

Луис даже не пытался убеждать ее, предпочитая уйти с ее пути, как уступил бы дорогу атакующему бандерснатчу.

— Если будут какие-то сложности с запуском двигателей, просто нажимай первую попавшуюся кнопку,— посоветовал он.

— Запомню,— улыбнулась она и добавила серьезней.— Позаботьтесь о Нессе.

Когда через двадцать минут Искатель и Тила покидали «Невозможный», обошлись без прощаний. Луис, хотя и мог много сказать, не произнес ни слова. Зачем объяснять ей, какой мощью она обладает? Пусть учится сама методом проб и ошибок, а ее счастье позаботится о том, чтобы с Тилой не случилось ничего плохого.

В течение нескольких следующих часов тело кукольника остывало все больше, пока наконец не стало холодным, как труп. Огоньки на комплекте первой помощи таинственно мигали. Вероятно, все процессы, идущие в его теле, были замедлены до минимума.

«Невозможный» двинулся в путь, таща за собой то натягивавшуюся, то безвольно провисавшую нить. Десятки, а потом и сотни зданий превратились в развалины, словно рассеченные огромным ножом, а прикрепленный к стене зацеп даже не дрогнул.

Город не мог исчезнуть за горизонтом, поскольку того попросту не было. Они видели его еще несколько дней, все более уменьшавшийся, потом контуры стерлись расстоянием.

Прилл сидела рядом с Нессом. Она не могла ему помочь, но и не желала отходить от него.

— Мы должны что-то сделать для нее,— сказал Луис.— Прилл была подчинена таспу, а сейчас, когда его нет, убьет либо себя, либо Несса... либо меня!

— Надеюсь, ты не ждешь совета.

— Нет. Пожалуй... нет.

Желая помочь страдающему человеку, можно играть роль терпеливого, все понимающего слушателя. Луис попытался использовать этот метод, но, во-первых, слишком плохо знал язык, а, во-вторых, Прилл не хотела говорить.

Постепенно он овладевал языком, и постепенно Прилл начала говорить. Он пробовал рассказать ей о Тиле, о Нессе...

— Я действительно думала, что он бог,— сказала она.— Действительно. Почему? Ведь это не я построила Кольцо.

— Так тебе сказали.

— Но я чувствовала. Знала.

— Каждый хочет быть богом — иметь власть и ни за что не отвечать.

— Потом появился он, Двухголовый. У него была машина?

— У него был тасп.

— Тасп,— старательно повторила она.— Я знала. Тасп сделал его богом. Он потерял тасп и больше не является богом. Двухголовый умер?

Ответить было трудно.

— Для него глупо быть мертвым,— сказал Луис.

— Глупо дать отсечь себе голову.— Шутка. Она пыталась шутить.

Постепенно Прилл начинала интересоваться другими вещами: сексом, тянущимся за окнами пейзажем. Они наткнулись на поля солнечников, и не обращая внимания на неуклюжие попытки молодых растений сжечь их слабым блеском своих еще не развитых до конца цветов, выкопали небольшой росток и посадили его в горшке на крыше «Невозможного», после чего обогнули по широкой дуге территорию, занятую взрослыми растениями.

Когда у них кончились продукты, Прилл окончательно потеряла интерес к кукольнику, и Луис решил, что она вылечилась.

В ближайшей деревне Прилл и Говорящий разыграли гамбит бога. Луис беспокойно ждал, надеясь, что кзин сумеет удержать свои нервы в узде. Он хотел побрить себе голову и идти с ними, но его ценность, как помощника, была невелика — слишком плохо знал язык.

Посланцы вернулись с дарами — теперь у них была еда.

Дни объединялись в недели. Мех кзина обрел прежнее великолепие, и Говорящий снова походил на огромную оранжевую пантеру — истинного бога войны. Луис только посоветовал ему, чтобы он не распускал своих веерообразных ушей.

Впрочем, гамбит бога подразумевал и кое-какие обязанности. Однажды вечером кзин пришел к Луису с проблемой.

— У меня нет сложностей с изображением бога,— сказал он.— Но я хочу делать это хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— Они задают вопросы, Луис. Женщины задают вопросы Прилл, и она на них отвечает, а я обычно не

понимаю ни вопросов, ни ответов. Мужчины тоже должны спрашивать Прилл, потому что она человек, а я — нет. Однако они спрашивают именно меня. Меня! Почему от меня, чужака, они ждут решения их проблем?

— Ты бог,— Луис пожал плечами.— Бог войны, даже если он абсолютно реален, прежде всего остается символом. Символом мужественности.

— Мужественности? Смешно. Ведь у меня даже нет внешних половых органов. А у тебя, полагаю, есть.

— Зато ты большой и вызываешь страх. Это автоматически делает тебя символом мужественности, которая неразрывно связана с твоей божественностью.

— В таком случае нам нужна какая-то система связи, чтобы ты мог отвечать за меня на эти вопросы.

Прилл нашла комплект переносных интеркомов, питавшихся энергией, передаваемой из главного энергетического центра здания. Правда, не все они были исправны, но после небольшого ремонта два действовали безукоризненно.

— Ты хитрее, чем я думал,— сказал ей ночью Луис. Он недостаточно хорошо знал язык, чтобы сказать это более тактичным образом.— Хитрее, чем я ожидал от корабельной проститутки.

Прилл рассмеялась.

— Глупый ребенок! Ты сам говорил мне, что ваши корабли летают очень быстро, почти так же быстро, как наши.

— Гораздо быстрее. Быстрее света.

— Во время долгих путешествий, когда корабль летит с планеты на планету, скука становится невыносимой. Развлечения должны быть разными и легко доступными. Проститутка должна знать строение тела и души, должна уметь любить и разговаривать. Она должна знать, как действует корабль, чтобы не стать причиной несчастного случая. Она должна быть здорова и играть на каком-нибудь инструменте.

Луис смотрел на нее, широко открыв рот. Прилл мелодично засмеялась, после чего, коснулась его здесь... и здесь...

Интеркомы действовали отлично, несмотря на то, что их наушники были приспособлены для ушных раковин человека, а не кзина. Луис научился мыслить молниеносно и давал именно такие ответы, каких можно было ожидать от могучего бога войны. В этом ему помогало сознание, что даже в случае какой-то ошибки они могли перемещаться быстрее, чем разойдется весть о них.

Прошло уже несколько месяцев.

С некоторого времени район поднимался вверх, постепенно превращаясь в пустыню. Они уже отчетливо видели перед собой Кулак Бога, гора с каждым днем становилась все больше. Луис не сразу понял, что это означает.

Однажды он подошел к Прилл.

— Ты слышала когда-нибудь об индукционном токе? Если действовать непосредственно на мозг током небольшого напряжения, можно вызывать в нем чувства наслаждения или боли.

Он продолжал говорить, и речь его заняла не менее двадцати минут.

— Я знала, что у него есть машина,— наконец прервала его Прилл.— Зачем ты ее сейчас описываешь?

— Мы покидаем цивилизацию и больше не встретим никаких деревень. Ближайший источник пищи — на нашем корабле. Я хотел, чтобы ты все знала о таспе, прежде чем примешь решение.

— Какое решение?

— Может, ты хочешь сойти в ближайшем поселке? Или полетишь с нами к «Лгуну» и там примешь управление «Невозможным»?

— На «Лгуне» для меня есть место,— сказала она тоном, не терпящим возражений.

— Да, но...

— С меня достаточно варваров. Я хочу вернуться в настоящую цивилизацию.

— Могут возникнуть сложности с адаптацией. Например, там почти все носят волосы, такие как у меня.— За время путешествия у Луиса отросла густая шевелюра.— Тебе придется надеть парик.

Прилл скривила губы.

— Как-нибудь справлюсь.— Потом неожиданно рассмеялась.— А ты хотел возвращаться один, без меня? Этот большой, оранжевый, не заменит женщины.

— Единственный аргумент, который я всегда готов принять.

— Я помогу вам, Луис. Вы так мало знаете о сексе.

Луис сделал вид, что не понял ее последней фразы.

24. КУЛАК БОГА

Земля становилась все суше, а воздух — разреженнее. Кулак Бога, казалось, убегал от них. Кончились запасы плодов, да и мяса оставалось не так уж много. Они летели над пустынным склоном, непрерывно поднимающимся вверх, чья поверхность, по оценке Луиса, была больше поверхности Земли.

Ветер немолчно свистел в закоулках «Невозможного». Над ними на ночном небе резко и отчетливо сверкала голубизной Арка Неба, звезды светили ровным неизменным светом.

Говорящий глянул вверх через большое панорамное окно.

— Ты смог бы найти ядро Галактики? — спросил он Луиса.

— Зачем? Ведь мы и так знаем, где находимся.

— И все же попробуй.

Луис нашел несколько знакомых звезд и созвездий, к которым успел привыкнуть за долгие месяцы, проведенные под этим небом.

— Пожалуй, оно там. За Аркой.

— Именно. Ядро Галактики находится в плоскости Кольца.

— Я так и сказал.

— А материал, из которого сделано Кольцо, задерживает большую часть нейтрино. Скорее всего, он остановит и другие виды излучения.— Кзин явно пытался что-то ему втолковать.

— Ты прав! Кольцо защищено от последствий взрыва ядра! Когда ты это понял?

— Только что. Раньше я не был уверен, где находится ядро Галактики.

— Все же часть излучения пройдет, особенно вблизи края.

— Можешь не сомневаться — когда сюда придет ударная волна взрыва, счастье Тилы Браун поместит ее так далеко от края, как это будет возможно.

— Двадцать тысяч лет...— прошептал Луис. Как можно думать в таком масштабе?

— Болезнь и смерть не относятся к самым счастливым событиям, Луис. Принимая это во внимание, Тила должна жить вечно.

— Но... Ты прав. Так считает не она, а ее счастье. Великий, смотрящий на нас сверху вниз Повелитель марионеток.

Последние два месяца Несс провел в виде трупа, хранящегося при комнатной температуре, и все-таки не начал разлагаться. Огоньки на его комплекте первой помощи непрерывно мигали — единственный признак того, что кукольник еще был жив.

Луис разглядывал Несса, когда ему пришла в голову некая мысль.

— Кукольники...— задумчиво произнес он.

— Что? — удивленно посмотрел на него кзин.

— Я вот думаю: не потому ли их так назвали, что они старались манипулировать всеми, кого встречали.

Людей и кзинов они воспринимали именно как кукол, лишенных собственной воли.

— Но счастье Тилы Браун сделало такую же куклу из Несса.

— Каждый из нас когда-то играл роль бога.— Луис кивнул в сторону Прилл, которая прислушивалась к разговору, понимая из него лишь каждое третье слово.— Она, ты и я. Как ты себя чувствовал, Говорящий? Ты был добрым богом или злым?

— Не знаю. Я был богом для чужаков. Три недели назад я предотвратил войну. Помнишь, я доказал обеим сторонам, что и те и другие должны проиграть?

— Да. Только это была моя мысль...

— Разумеется.

— Тебе придется сыграть эту роль еще раз.

— Не понимаю...

— Кукольники разводили людей и кзинов для своих целей. Это привело к ситуации, в которой естественный отбор будет отдавать предпочтение мирно настроенным кзинам, верно?

— Да.

— Что бы случилось, узнай об этом Патриарх?

— Война,— коротко ответил Говорящий.— Немедленно стартовал бы мощный флот, чтобы после двухлетнего путешествия атаковать планеты кукольников. Возможно, к нам присоединились бы и люди. Кукольники оскорбили и нас, и вас.

— Ясно. А потом?

— Потом травоядные уничтожили бы нас до последнего котенка. Луис, я никогда и никому не скажу ни о звездных семенах, ни об экспериментах кукольников. Можно рассчитывать на то, что ты поступишь так же?

— Да.

— Ты имел в виду именно это, говоря, что мне придется еще раз сыграть роль бога, на этот раз на своей родной планете?

— Да. И еще одно: «Счастливый Случай». Ты по-прежнему хочешь его захватить?

— Возможно.

— Тебе не удастся. Но, допустим, что это тебе удалось. Что тогда?

— Тогда у кзинов будет гиперпространственный двигатель Квантум II.

— И?..

Прилл почувствовала, что внешне спокойный разговор касается необычайно важных вопросов, и встала, словно собираясь разнять их, если они внезапно сцепятся.

— Вскоре у нас был бы флот кораблей, способный преодолеть световой год за минуту и пятнадцать секунд. Мы покорили бы весь Освоенный Космос, подчинив себе все населяющие его расы.

— А потом?

— Нет никакого «потом», Луис. Здесь кончаются наши амбиции.

— Неправда. Вы не остановились бы на этом. Имея такой двигатель, вы распространились бы во всех направлениях, захватывая каждую планету, до которой сумели бы добраться. Вы захватили бы больше, чем можете удержать... и когда-нибудь в этом огромном пространстве, наткнулись бы на что-то действительно грозное: например, флот кукольников, второе Кольцо, бандерснатчей с руками или кдалтино на мощных военных крейсерах.

— Маловероятно.

— Ты же видел Кольцо. И планеты кукольников. Откуда ты знаешь, что это предел?

Кзин молчал.

— Не спеши,— сказал Луис.— Подумай. Впрочем, все равно ты не сможешь украсть «Счастливый Случай». Ты убил бы всех, включая и себя.

На следующий день «Невозможный» нашел отчетливую, тянувшуюся, казалось бы, в бесконечность,

борозду. Они повернули и двинулись вдоль нее, прямо на Кулак Бога.

Казалось, что гора выросла, совершенно не приближаясь к ним. Почти идеально конусообразная, она напоминала обычную гору с покрытой снегом вершиной, правда, огромную, словно в кошмарном сне. Сне, от которого невозможно было проснуться, потому что гора все росла и росла.

— Не понимаю,— Прилл была явно обеспокоена.— Я никогда такого не видела. Зачем это построили? Такие горы нужны только на краю, чтобы задерживать воздух.

— Так я и думал,— буркнул Луис и больше не сказал ни слова.

В тот же день они увидели маленькую стеклянную бутылку, брошенную там, где кончалась борозда.

«Лгун» лежал так, как они его оставили: почти вверх дном на гладкой, почти лишенной трения поверхности. Луис подавил в себе чувство облегчения — они были еще не дома.

Прилл остановила «Невозможного» так низко над «Лгуном», что они смогли перейти прямо на корабль. Луис без затруднений открыл внешние и внутренние люки шлюза, однако не сумел выровнять давление в кабине и снаружи. Прилл приземлилась на голову — Луис совершенно забыл ее предупредить. Пожалуй, впервые в жизни он видел настолько удивленного человека. Несколько минут царила тишина, потом ее прервал дикий крик Луиса.

— Кофе! Душ! — заорал он и помчался в каюту, которую занимал когда-то вместе с Тилой. Сразу после этого из нее донесся очередной крик: — Прилл!

И Прилл пришла.

Кофе ей не понравился. Только сумасшедший может вливать в себя эту горячую, горькую жидкость!

Когда Луис объяснил ей, как нужно пользоваться душем, в ее памяти проснулось воспоминание об этом когда-то бывшем, а потом надолго утраченном удобстве.

Больше всего ей понравились антигравитационные постели.

Говорящий праздновал возвращение домой по-своему, и скоро Луис стал побаиваться, что кзин лопнет от обжорства.

— Мясо! — рычал Говорящий в перерывах между огромными кусками.— Наконец-то свежее мясо!

— То, что ты ешь, сделано из...— попытался осторожно напомнить ему Луис.

— Знаю. Но вкус, как у свежего!

Несса уложили на койку автолекаря. Инженеры и техники кукольников наверняка спроектировали его так, чтобы он мог справиться даже с труднейшими случаями. Однако предвидели ли они обезглавливание?

Оказалось, что предвидели. В банке органов находились две запасные головы, а кроме того, столько различнейших органов, что из них можно было сложить нескольких целых кукольников. Вероятно, все эти части получили способом клонирования из клеток Несса — черты обеих голов казались удивительно знакомыми.

Луис вернулся на «Невозможный» и лазером отрезал прикрепленный к стене конец черной нити. На ней осталось еще немного пластика, твердого, как скала.

Он не рискнул просто так занести ее на борт корабля. Нить представляла собой слишком большую угрозу, а серая поверхность была слишком скользкой. Луис полз на четвереньках, таща за собой оклеенный пластиком зацеп.

Говорящий молча наблюдал за ним из дверей шлюза.

Луис поднялся наверх по веревочной лестнице, протиснулся мимо оранжевого тела кзина и направился

на корму корабля. В конце, в самой узкой ей части, было отверстие диаметром в фут, сквозь которое проходила связка кабелей, некогда соединявших рубку с крылом, приборами и двигателями. Сейчас, когда крыла не было, отверстие закрывала металлическая пломба. Луис вытолкнул ее и выбросил наружу конец нити. Потом он направился на нос, время от времени проверяя положение нити. Делал он это, отрезая кусочки от предложенной ему автокухней палки колбасы и окрашивая почти невидимую нить желтой отражающей краской.

Когда нить натянется, она наверняка разрежет часть переборок и некоторые элементы оборудования. Главное — не повредить систему жизнеобеспечения.

Луис вышел наружу, подождал, пока к нему присоединится Говорящий с Животными, после чего закрыл внешний люк шлюза.

— Именно для этого мы и вернулись? — спросил кзин.

— Сейчас я тебе объясню.

Луис осторожно прошел вдоль корпуса, поднял облепленный пластиком зацеп и потянул. Нить не дрогнула. Он потянул сильнее. То же самое. Дверь шлюза держала ее крепко.

— Я не могу испытать это по-другому,— сказал он.— Я не был уверен, что давление двери окажется достаточно сильным, не был уверен, что нить не разрежет самого корпуса. Да я и сейчас не уверен. Но, ты прав, мы вернулись именно для этого.

— А что будем делать сейчас?

— Откроем дверь шлюза.— Через минуту она была уже открыта.— А теперь занесем зацеп обратно на «Невозможный» и прикрепим к стене.

Нить тянулась за летающим зданием на тысячи миль, возможно, доходя до города, над которым парил замок, называемый Небом. Теперь она проходила также через корпус «Лгуна», а конец ее был прикреплен пластиком к стене «Невозможного».

— Пока все в порядке,— сказал Луис.— Теперь нам понадобится Прилл. ...! Я совсем забыл, что у нее нет скафандра!

— Скафандра?

— Мы летим на «Невозможном» на Кулак Бога, а ведь эта развалина не герметична. Нам придется ее здесь оставить.

— На Кулак Бога,— повторил Говорящий.— Луис, двигатель скутера слишком слаб, чтобы втащить туда «Лгуна». Он может сломаться.

— А я и не собираюсь его тащить. Хочу только провести через «Лгуна» черную нить.

— Это должно получиться,— сказал, подумав, Говорящий.— Если не хватит мощности, можно отрезать еще несколько этажей. Но... зачем ты это делаешь? Что ты надеешься найти на вершине!

— Я мог бы тебе сказать — это всего одно слово — но тогда ты, наверное, рассмеешься мне в лицо. Если окажется, что я не прав, клянусь, ты никогда не узнаешь, что я планировал.

«Невозможный» никоим образом нельзя было назвать космическим кораблем. Сила, поддерживающая его в воздухе, была электромагнитного происхождения и действовала, отталкивая его от поверхности Кольца. К счастью, поверхность эта постоянно поднималась вверх, поскольку гора Кулак Бога была полой внутри. Правда, летающее строение то и дело пыталось соскользнуть вниз. Двигатель скутера должен был не только удерживать его от этого, но и толкать вперед.

Нужно было чем-то помочь ему.

Еще перед началом подъема они забрались в свои скафандры. Луис уныло сосал из трубки питательное пюре, с тоской думая о бифштексе, поджаренном лучом лазера. Говорящий потягивал подогретую искусственную кровь, а о чем думал — неизвестно.

Им больше не нужна была кухня, поэтому они отрезали часть здания, в которой она размещалась. Точно

так же отрезали этажи, на которых стояла вентиляционная аппаратура и различное полицейское оборудование вместе с генераторами электромагнитного поля, которые когда-то пленили их. Отрезали большую часть перекрытий и стен, оставив только те, что были необходимы для нормальной жизни.

С каждым днем они приближались к зияющему на вершине горы кратеру, в котором свободно поместился бы любой астероид из тех, которые Луису приходилось видеть. Край кратера выглядел довольно необычно: можно было подумать, что конструктивный материал Кольца был вытолкнут изнутри...

Вверх тянулись огромные расщелины и скалы. Между двумя из них показался вдруг довольно широкий проход.

— Ты хочешь добраться до кратера? — спросил кзин.

— Да.

— Тогда нужно идти в этот проход. Выше нам не подняться.

Говорящий управлял «Невозможным», регулируя тягу двигателя скутера. Стремясь максимально облегчить здание, они обрезали даже механизмы, стабилизирующие его положение. Кзин демонстрировал чудеса ловкости, чтобы удержать неустойчивую конструкцию вертикально.

— Вызываю Прилл,— сказал Луис в интерком.— Вызываю Халрлоприллалар.— Ты слышишь меня?

— Слышу, Луис.

— Останься там, где находишься. Через двадцать минут мы будем на месте.

— Хорошо. Долго же это продолжалось!

Арка Неба горела над ними голубым огнем. С высоты тысячи миль над поверхностью Кольца они видели, как Арка соединяется со стенами края, постепенно переходя в равнину. Луис чувствовал себя так же, как сотни лет назад первые люди, поднявшиеся в

космос и увидевшие, что Земля и в самом деле круглая.

— Мы не могли об этом знать,— тихо сказал Луис, однако Говорящий услышал и взглянул на него. Луис не обратил внимания на странный взгляд кзина.— Это избавило бы нас от многих неприятностей... Мы могли бы вернуться сразу, как только нашли нить. Ведь мы могли бы втащить «Лгуна» нашими скутерами. Но тогда Тила не встретила бы Искателя.

— Снова счастье Тилы Браун?

— Разумеется.— Луис опомнился.— Я говорил вслух?

— Да.

— Мы должны были догадаться,— продолжал Луис. Кратер был уже очень близко, и он чувствовал непреодолимое желание говорить.— Инженеры никогда не построили бы здесь ТАКОЙ высокой горы. Если считать оба края, у них есть горные цепи длиной более миллиарда миль.

— Но Кулак Бога существует, Луис.

— В том-то и дело, что нет. Это только скорлупа. Посмотри вниз. Что ты видишь?

— Конструктивный материал Кольца.

— Увидев это впервые, мы решили, что это грязный лед. Грязный лед в вакууме! Но не важно. Помнишь, как ты искал на карте Кулак Бога и не мог ее найти? Знаешь почему?

Кзин молчал.

— Потому, что ее не было. Когда создавались те карты, горы просто не было. Прилл, ты там?

— Да. Где же мне еще быть?

— Хорошо. Закрой шлюз. Повторяю, закрой шлюз. Только смотри, чтобы нить не порезала тебя на кусочки.

— МЫ изобрели эту нить, Луис.— В интеркоме воцарилась тишина, прерываемая только треском помех.— Наружные и внутренние люки закрыты,— доложила, наконец, Прилл.

«Невозможный» проходил между двумя острыми вершинами.

— Луис, что ты, собственно, хочешь найти в этом кратере?

— Звезды.

— Не смейся надо мной. Имей в виду...

Они были уже в кратере. Кулак Бога действительно оказалась только пустой скорлупой.

Они падали. И кратер был полон звезд.

У Луиса Ву было отличное воображение, и он легко представил себе, что здесь когда-то произошло.

Он видел идеально чистую, прозрачную модель Кольца: никаких кораблей, паромов, спутников. Только солнце типа С2 и Кольцо.

Видел, как из межзвездного пространства прилетел астероид. Он летел очень быстро... пока не финишировал на внешней стороне Кольца. В представлении Луиса астероид был размером с Луну.

За долю секунды он превратился в ионизированную плазму. Метеоры меньших размеров, летящие с небольшими скоростями, после входа в атмосферу планеты горят, как сухое дерево, исчезая еще до того, как долетят до поверхности. Однако здесь не было атмосферы, и плазме, вдавленной чудовищным ударом во внешнюю сторону конструкции, некуда было деваться.

Она продолжала двигаться вперед, выдавливая перед собой материал Кольца, потом твердая поверхность лопнула, выпуская огненный шар на свободу.

Территория, превосходящая поверхность Земли, оказалась вдруг на десятки и сотни миль выше, чем была до сих пор. Нарушился детально разработанный механизм движения воздушных масс и расклад температур.

Тысячемильной высоты Кулак Бога...

— Кулак Бога? Ну, конечно! Для наблюдателей, находящихся на Кольце, это должно было выглядеть так, словно какой-то чудовищный огненный кулак од-

ним ударом пробил тонкую, как лист бумаги, конструкцию. Они должны были быть довольны, что материал, из которого построено Кольцо, оказался таким ковким. Через кратер мог бы уйти весь воздух, которым они дышали. К счастью, кратер находился на тысячемильной высоте... И был полон звезд.

Внезапно выключилась искусственная гравитация. Этого Луис не предвидел.

— Держись за что-нибудь! — крикнул он.— Если выпадем — погибнем!

— Конечно,— согласился с ним Говорящий, крепко хватаясь за металлические поручни. Луис тоже вцепился в них.

— Ну что, кто был прав? Звезды!

— Действительно. Но откуда ты знал?

Вернулась тяжесть. «Невозможный» повернулся набок.

— Держит! — радостно крикнул Луис, стоя на том, что еще минуту назад было стеной рубки.— Надеюсь, Прилл чем-нибудь пристегнулась. У нее будет не самая ровная дорога. На вершину Кулака Бога, потом через край кратера и....

Они посмотрели вниз, на внешнюю сторону Кольца — бесконечную, изрезанную поверхность. В центре ее было коническое углубление с блестящим дном. «Невозможный» закачался, как маятник, подвешенный на длинной нити; и кратер на мгновение осветился солнечным светом.

— ...и вниз. Когда и она, и мы вылетим в пространство со скоростью 770 миль в секунду, то сможем приблизиться к ней, пользуясь двигателем скутера. А откуда я знал? Да ведь я все время говорил об этом. Разве я не упоминал о пейзаже?

— Нет.

— Именно это подсказало разгадку. А также упадок цивилизации, насчитывающей всего полтора тысячелетия! А все потому, что два метеоритных кратера

совершенно изменили картину ветров. Знаешь ли ты, что вся трасса нашего путешествия пролегала от одного кратера к другому?

— Это малоубедительное рассуждение, Луис.

— Но оно оказалось верным.

— Да. И благодаря этому я еще увижу закат солнца,— тихо сказал кзин.

Луис удивленно взглянул на него.

— Ты?

— Да, иногда я люблю посмотреть на заходящее солнце. А теперь поговорим о «Счастливом Случае».

— Давай.

— Если бы я завладел «Счастливым Случаем», моя раса подчинила бы себе весь Освоенный Космос, пока не наткнулась бы на еще более могучую цивилизацию. Мы забыли бы обо всем, чему с таким трудом научились, если говорить о мирном сосуществовании с другими видами.

Тяготение не изменилось. «Лгун», подвешенный на конце нити длиной в десять тысяч миль, взбирался следом за ними по склону горы.

— Это могло бы оказаться не так легко, если бы счастье нескольких сотен Тил Браун посчитало необходимым защищать Землю от нас. Однако честь требует, чтобы я хотя бы попробовал.— Кзин говорил совершенно спокойно, но Луис видел, что его товарищ испытывает противоречивые чувства.— Смог бы я увести своих братьев с дороги славы, ведущей к войне? Мои боги прокляли бы меня за это.

— Лучше не быть богом, Говорящий. Это тяжело.

— К счастью, проблемы нет вообще. Привод кукольников потребуется нам, чтобы уйти от взрыва в ядре Галактики.

— Это правда.

— А если я лгу? — неожиданно спросил кзин.

— Против этого я бессилен. Мне не перехитрить существо твоего уровня разумности,— ответил Луис.

В кратере вновь на мгновение вспыхнуло солнце.

— Подумай, как мало мы все-таки увидели,— задумчиво произнес Луис.— Мы преодолели сто пятьдесят тысяч миль за пять дней, а потом проделали тот же путь за два месяца. Это только одна седьмая ширины Кольца. А Тила с Искателем хотят пройти его вдоль...

— Глупцы.

— Мы даже не увидели края. Они увидят его. Интересно, что еще прошло мимо нас? Их корабли могли достигнуть Земли. Может, они забрали оттуда китов и кашалотов еще до того, как мы их уничтожили? Мы даже не добрались до океана. А люди, которых они встретят на своем пути... А пространство... Ведь Кольцо так огромно...

— Мы не можем туда вернуться, Луис.

— Нет. Конечно, нет.

— По крайней мере, пока не побываем дома. И не получим нашей награды.

ЛАРРИ НИВЕН, СПЕЦИАЛИСТ ПО ЭТИКЕ

Одна из сложнейших задач для фантаста — описать общество, основанное на принципиально иных ценностях и живущее по другим моральным законам, чем современное. Для писателя, работающего в области, где живое и в то же время дисциплинированное воображение на вес золота, это настоящий вызов. Разумеется, не все готовы его принять. Авторы антиутопий предпочитают анализировать тупиковые, на их взгляд, направления развития уже сложившегося социума. «Космическая опера» и иные чисто приключенческие жанры тяготеют к романтическому средневековью, спроецированному в далекое будущее. «Звездные короли» Эдмонда Гамильтона или «Звездные войны» Джорджа Лукаса с их лордами, императорами и световыми мечами — классика жанра. Тем же, кто все-таки готов рискнуть, остается либо классическая утопия, либо космическая НФ. В первом случае действие переносится куда-нибудь в более-менее отдаленное будущее, где это принципиально иное общество уже построено, во втором — на более-менее отдаленную планету. В СССР, где общие контуры грядущего были определены официальной идеологической доктриной, события чаще всего разворачивались в предположительно светлом и безусловно коммунистическом завтра. При этом Стругацкие, Ларионова, Булычев и другие не скрывали, что прототипами их героев стали «лучшие из современников». Тем временем их западные коллеги отважно бороздили пучины космоса в поисках странных и причудливых инопланетных

цивилизаций. Стараясь при этом не утратить в своих поисках связь с метрополией. Так же, как наши соотечественники, старались не забираться в совсем уж дремучее и не представимое будущее.

Удаленность во времени и пространстве подчеркивает контраст между существующим и возможным, между достигнутым и достижимым. Когда этот зазор особенно широк, произведение приобретает величественные черты эпоса, но в то же время читателю становится все труднее отождествлять себя с героями книги. Первые приходящие на ум примеры — холодная философическая проза Ивана Ефремова и Олафа Степлдона. Там же, где пространственная или временная граница смазаны, где семена будущего вызревают в дне сегодняшнем, а освоенный Homo Sapiens космос смыкается с космосом Чужих, рождаются синтетические жанры. Именно тут, на границе возникают самые острые конфликты и самые неожиданные рецепты их разрешения. И, соответственно, рождаются тексты — как правило, наиболее увлекательные и оригинальные.

Проследить, как будет меняться социум по мере проникновения в повседневную жизнь новых фантастических открытий и технологий — такую цель ставил перед своими авторами Джон Вуд Кэмпбелл, редактор легендарного журнала *Astounding Science Fiction* и один из столпов Золотого века американской НФ. Ядерная энергия, телевидение, дешевый частный автотранспорт — все это повлияло на наши представления о добре и зле, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Чаши весов сдвинулись едва заметно, на какой-то микрон, но изменения накапливаются, и кто знает, не даст ли рано или поздно их сочетание кумулятивный эффект?

Примерно в том же направлении двигались и создатели самых грандиозных «историй будущего» в американской фантастике тридцатых-пятидесятых: Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов и присоединившийся к ним несколько позже Пол Андерсон. Антиутопия, космическая опера, фантастический детектив — все шло тут в дело. Но основой каркаса оставалось представление о социальных отношениях, гото-

вых причудливо измениться под влиянием НТР. Это было главным. По мере того как человечество в книгах этих писателей осваивало космос, сперва ближний, а потом все более дальний, менялась не только техника — менялись люди, менялись отношения между ними. На глазах у читателя история делает очередной виток, и на Земле возникает замкнутое общество «Стальных пещер», Венера становится новой колонией, подчиняющейся лишь логике Империи, а в дальнем космосе между дикими, не похожими друг на друга мирами курсируют, поддерживая связь, корабли «Полсоитехнической лиги»... Чем парадоксальнее общество, появляющееся на страницах романа, тем запутаннее получался кодекс правил, которыми приходится руководствоваться его гражданам. И в тем более пространные объяснения приходилось пускаться автору, чтобы создать максимально полную картину. Возможно, в этом одна из причин отказа писателей-фантастов от самого жанра подробной и детальной «истории будущего»? Или просто навалилось разочарование в предсказательной силе литературных прогнозов?..

Как бы там ни было, с наступлением шестидесятых и появлением на горизонте «новой волны» ситуация в англо-американской «жанровой» литературе несколько изменилась. Молодые энергичные фантасты не стали отказываться от социального моделирования, но громоздкие конструкции как ветром сдуло. Теперь писатели показывали общество изнутри, с точки зрения отдельно взятого человека. Сложнейшая система сдержек и противовесов между телепатами и антителепатами в «Убике» Филипа Дика, противоречивое мировоззрение марсиан, основанное на преклонении перед смертью в «Розе для Экклезиаста» Желязны, социология, завязанная на семантику в «Вавилоне-17» Дилени — все это мы видим мельком, фрагментарно, на бегу. Это только фон, смутный и расплывчатый задний план на старинной фотопластинке. То, что происходит в человеческой душе, для большинства авторов «новой волны» куда важнее происходящего в человеческом обществе. Разве что удастся связать микрокосм и макрокосм одной удачной метафорой, как, например, в «Без остановки» Брайана Олдисса...

Но, как показал опыт, описание «внутреннего космоса» со всеми его сверхновыми и черными дырами требует ничуть не меньшего мастерства и таланта, чем создание картинок из жизни чуждых цивилизаций. Оба занятия одинаково достойны — вопрос лишь в том, кому из авторов что интереснее и лучше удается. Так в середине шестидесятых в фантастику вошло новое поколение «этических инженеров», конструкторов миров и создателей принципиально новых обществ, живущих по иным законам. Джоана Расс, Урсула Ле Гуин, Джо Холдеман... Одним из них стал Лоуренс ван Котт Нивен *(Laurence van Cott Niven)*, родившийся в 1938 году в Калифорнии, закончивший университет в Канзасе и дебютировавший как писатель в 1964 году рассказом «Самое холодное место» (в журнале *If*) под именем Ларри Нивен.

Соблюдение научной достоверности и следование традициям «твердой» естественнонаучной фантастики стало своего рода фирменным знаком для молодого писателя. Читатель соскучился по хорошей НФ, и имя Нивена, автора скупого, но точного в деталях и не склонного к излишней рефлексии, достаточно скоро оказалось на слуху. Всего шесть лет понадобилось ему, чтобы создать произведение, в котором описывался один из самых грандиозных в мировой фантастике искусственных миров. Правда, за успех приходится платить до сих пор: по оценкам исследователей, с тех пор Ларри Нивену так и не удалось переплюнуть собственный роман «Мир-Кольцо» (*Ringworld*, 1970), получивший в 1971 году «золотой дубль» — «Хьюго» и «Небьюллу» разом.

Однако, думаю, не только величие этой картины — гигантского дайсоновского кольца, плывущего в космической пустоте,— привлекло симпатии и читателей, и писателей-профессионалов. Цикл «Освоенный Космос» *(The Known Space)*, к которому принадлежит этот роман, обладает и еще одним привлекательным свойством. Он дает впечатляющую панораму экзотических инопланетных цивилизаций, с которыми в этих повестях и рассказах сталкиваются земляне.

В отличие от своих сверстников, Ларри Нивен предпочел идти путем упрощения. Там, где его коллеги громоздили один закон на другой, одно табу на другое, он попытался разобрать завал, чтобы докопаться до самой сути вопроса. Изобретательность — дитя необходимости. Культуры, которые описывает автор, возникли под угрозой полной и окончательной гибели — как, собственно говоря, и текущая человеческая культура. Только угроза смерти, по Нивену, способна выковать новую систему этических норм — или внести необходимые коррективы в старую. Глобальная катастрофа (скажем, падение гигантского метеорита, как в написанном совместно с Джерри Пурнеллом «Молоте Люцифера» — *Lucifer's Hammer*, 1977) обнажает человеческие мотивации, очищает их от всего наносного, делает психику уцелевших пластичной и легко приспособляемой к изменившимся условиям. По крайней мере лучшие и самые гибкие из них выживут точно. Надо только уяснить, что мир изменился и старые заповеди («Не убий», «Не укради» и т. д.) тоже претерпели определенное изменение. Нет, они не перестали действовать — те, кто так решил, жестоко поплатится ближе к финалу,— но порядком трансформировались под влиянием внешних условий.

Этично все, что идет на благо выживанию вида, и точка. Скажем, в романе «Дар с Земли» (*A Gift From Earth*, 1968) только появление искусственных органов наносит сокрушительный удар по олигархам, приговаривающим подданных к смерти за малейшие прегрешения только для того, чтобы всегда иметь под рукой органы для пересадки. Правда, герои Нивена с равной готовностью жертвуют и окружающими, и собой, но... Как хотите, а есть в этом что-то от социал-дарвинизма.

В итоге мы возвращаемся к старой-старой, заезженной-заезженной проблеме этического релятивизма. Имеется ли во вселенной некий унифицированный набор правил, которые соблюдает всякое разумное существо, из каких бы химических элементов оно ни состояло и в какой бы среде ни обитало? Запреты, общие для всех, первоэлементы, на которые можно разложить любую, самую сложную морально-

этическую систему? И, в конечном итоге, можно ли свести смысл существования к животному: выживанию и размножению? Доступными ему способами Ларри Нивен пытается решить эту проблему в большинстве своих книг.

В цикле «Освоенный Космос», разделив целое на части, сделав представителей чужих рас носителями различных человеческих черт в гипертрофированном, почти карикатурном виде, писатель предлагает свой вариант объяснения, зачем природа наделила этими качествами представителей вида Homo Sapiens. Патологически трусливые травоядные кукольники, опасно агрессивные хищники-кзины и прочие расы, населяющие Освоенный Космос, стали такими только потому, что подобное поведение надежнее всего обеспечивало выживание вида на их родных планетах. В этих экологических нишах человек им не конкурент. Строго говоря, военное столкновение с цивилизацией кзинов должно было стать для Homo Sapiens фатальным, и только глупая случайность да воля автора спасли землян от полного разгрома. Кстати, в сольном «Защитнике» (*Protector*, 1967) и написанной вместе с Пурнеллом «Мошке в зенице Господней» (*The Mote in God's Eye*, 1974) Ларри Нивен более честен: при всей своей живучести человечество в этих романах не в состоянии конкурировать с инопланетянами, с которыми неосмотрительно вступило в контакт. Цивилизации, не способной уничтожить врага, придется умереть, проиграв неизбежную войну за ресурсы, и никакая высокая нравственность не поможет слабому...

Словно в утешение Нивен объявляет человека универсалом, способным худо-бедно устроиться в любых условиях. Недаром в «Мире-Кольце» именно землянин Луис Ву играет центральную, консолидирующую роль, объединяя и примиряя разношерстную команду. Автор достаточно профессионален, чтобы антропоцентризм, свойственный современной фантастике (особенно авантюрно-приключенческой, к которой относятся вещи, вошедшие в этот сборник), не бросался в глаза, гордость за свою расу — а в других произведениях и за свою страну, Соединенные Штаты Америки,— пронизывает все творчество писателя. Чужаки у Нивена не более

чем испорченные копии человека, гротесковые слепки. Впрочем, тот же самый грех свойственен практически всем авторам, пытавшимся сколь-либо полно описать психологию Чужих. Инопланетяне могут быть сильнее, умнее, изобретательнее — но человек все равно ЛУЧШЕ. Это совершенно алогично и противоречит собственной «соц-дарвинистской» концепции Ларри Нивена, но в то же время — очень почеловечески, очень понятно. Каждому хочется верить, что его близкие и друзья — самые милые люди на свете, а его Родина — самая могущественная, красивая и справедливая в мире держава. Очень хочется. Даже если головой понимаешь, что все это, мягко говоря, не вполне соответствует истине. И тогда остается одно: просто верить, вопреки собственным глазам, вопреки всему. Иначе и сам не заметишь, как исчезнут все ориентиры, а казавшееся непоколебимым скальное основание под ногами обратится в зыбучий песок.

В. Владимирский,
2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДЫ ОСВОЕННОГО КОСМОСА 5

Хронология Освоенного Космоса 7

Введение:
Моя вселенная — добро пожаловать в нее! 11

Самое холодное место 15
Штиль в аду 22
Дождусь 42
Глаз осьминога 51
Как умирают на Марсе 62
Человек-мозаика 95
В безвыходном положении 110
Шутки в сторону 135
Вуаль анархии 145
Воители 176
На окраине Системы 200
Когда наступает прилив 248
Безопасно при любой скорости 264
Брюхошлеп 268
В глубине души 306
Древнее оружие 332
Нейтронная звезда 361

МИР-КОЛЬЦО 389

В. Владимирский
Ларри Нивен, специалист по этике 712

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Нивен Ларри
Легенды Освоенного Космоса
Мир-Кольцо

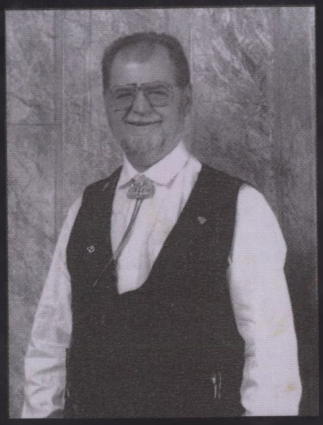
Ответственные редакторы А. Тишинин, И. Петрушкин
Редакторы П. Киракозов, Г. Корчагин
Художественные редакторы О. Адаскина, В. Андреева
Верстка: В. Сергеев
Компьютерный дизайн: П. Иващук
Технический редактор О. Панкрашина
Корректоры Е. Зверькова, Л. Быстрова, А. Ветлинская, Е. Пухтенок
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.



Ларри Нивен — писатель, в книгах которого достоверность «твердои НФ» органично сочетается с увлекательностью фантастики «приключенческои». Писатель, чеи цикл произведении об Освоенном Космосе пользовался — и продолжает пользоваться — огромным успехом у миллионов читателеи всего мира, центральное же — известнеишее — произведение этого цикла, роман «Мир-Кольцо», удостоено буквально ВСЕХ возможных премии фантастики.

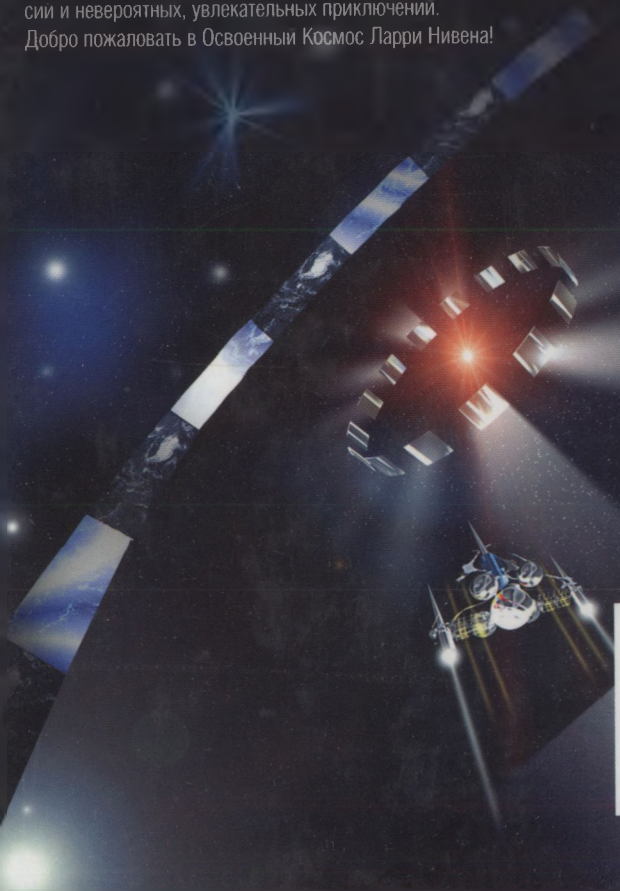
Это — Освоенныи Космос Ларри Нивена.

История далекого будущего, прописанная до мельчаиших деталей. История далеких планет, населенных миллиардами землян и представителеи самых невероятных инопланетных рас — кзинов и кукольников, кдатлино и триноков. Однако истинная «жемчужина» Освоенного Космоса — это Мир-Кольцо.

Самый уникальныи артефакт за всю историю мировои НФ — и, по словам Ларри Нивена, «самое удивительное произведение инженерного искусства со времен «Божественной комедии»Данте».

Искусственно созданный вокруг далекого солнца «обруч» — толщиной в десятки метров, шириной — в миллионы километров и диаметром — в миллиард. «Обруч», внутренняя сторона которого способна вместить триллионы обитателеи. «Обруч», которыи вновь и вновь становится «ареной» для воин, экспансии и невероятных, увлекательных приключении.

Добро пожаловать в Освоенныи Космос Ларри Нивена!



ISBN 5-17-009887-1

9 785170 098873